

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

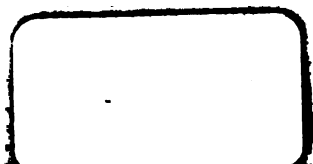
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СМУТНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
РУССКОЙ ИСТОРИИ
1603—1613 годы.

947
и 44

Ilovaiskii, D. I.

76.537/6.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

86126

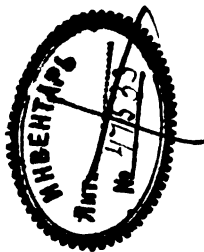
Соч. Д. Иловайского.

!

О К О Н Ч А Н И Е

И С Т О Р И И Р О С С И И

П Р И П Е Р В О Й Д И Н А С Т И И.

БИБЛИОТЕКА

МОСКОВСКАГО

ИСТОРИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанникова, Большой Чернышевскій пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.

1894.

DK III

I4

I.

ПОЛЬСКІЯ КОЗНИ И НАЧАЛО САМОЗВАНСТВА.

Три фамиліи, виновныя въ самозванческой интригѣ.—Руководящее участіе въ ней Льва Сапѣги.—Первый самозванецъ.—Григорій Отрепѣевъ.—Объявленіе названнаго Дмитрія Вишневецкими и комедія съ примѣтами.—Роль Мнишковь и самборское пребываніе Лжедмитрія.—Участіе нунція Рангони и Сигизмунда III.—Лжедмитрій въ Краковѣ.—Участіе іезуитовъ.—Покровители и противники обмана.—Мѣры Бориса Годунова и его суетвѣріе.—Ошибочное отождествленіе Лжедмитрія съ Отрепѣевымъ.—Участіе казачества.—Вербовка войска.—Походъ.—Первые успѣхи.—Петръ Басмановъ и неудачи Самозванца.—Его пораженіе у Добрыничей. Кромь и новый поворотъ дѣла.—Пребываніе въ Путивлѣ.

Адскій замыселъ противъ Московскаго государства — замыселъ, плодомъ котораго явилось самозванство — возникъ и осуществился въ средѣ враждебной намъ польской и ополченной западно-русской аристократіи. Три фамиліи были главными зачинщиками и организаторами этой гнусной польской интриги: коренные католики Мнишки, незадолго измѣнившіе православію Сапѣги и стоявшая уже на пути къ ополченію или окатоличенію семья Вишневецкихъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга желалъ внести смуту въ Московское государство, чтобы ею могла воспользоваться Рѣчь Посполитая; слѣдовательно дѣйствовалъ въ видахъ политическихъ. Юрій Мнишекъ, воевода Сендомірской, руководился по преимуществу личными интересами; этотъ старый интриганъ хотѣлъ поправить свое разстроенное состояніе и блистательнымъ образомъ построить одну изъ своихъ дочерей. А два брата Вишневецкихъ, Адамъ и Константинъ, повидимому вовлеклись въ интригу по свойству съ Мнишками. Адамъ еще держался православія, но отличался распущенными нравами; братъ же его Константинъ, женатый на Урсулѣ Мнишковнѣ, успѣлъ уже перейти въ католичество.

Идея самозванства вытекала почти сама собою изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда Московская Русь. Эта идея уже носилась въ воздухѣ со времени трагической смерти царевича Димитрія, которая безъ сомнѣнія продолжала служить въ народѣ предметомъ разнообразныхъ толковъ и пересудовъ. Отъ нихъ недалеко было и до появленія легенды о чудесномъ спасеніи, которому такъ склонна вѣрить всякая народная толпа, особенно недовольная настоящимъ, жаждущая переменъ, и прежде всего, конечно, переменъ правительственныхъ лицъ. Мы знаемъ, что Борису Годунову и по характеру своему, и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ не удалось ни приобрести народное расположеніе, ни примирить съ необычайнымъ возвышеніемъ своей фамиліи старыя боярскіе роды. Всякому постороннему наблюдателю была очевидна шаткость его положенія и непрочность новой династіи, еще неуспѣвшей пустить корней въ странѣ. Мысль выставить противъ Годуновыхъ хотя бы одну тѣнь прирожденнаго наслѣдника престолу должна была представиться очень соблазнительною; успѣхъ казался легко достижимымъ. Идея самозванства по всей вѣроятности не малое время носилась въ разныхъ головахъ и внутри Московскаго государства, и внѣ его предѣловъ, пока осуществилась на дѣлѣ. Гораздо удобнѣе могла она осуществиться, конечно, не внутри государства, а въ такой сосѣдней и непріязненной ему странѣ, какою была Рѣчь Посполитая съ ея своевольнымъ панствомъ и хищнымъ украинскимъ казачествомъ. Здѣсь уже и прежде практиковались опыты выставять самозванцевъ для сосѣдей, а именно для Молдо-Валахіи. Во второй половинѣ XVI вѣка не одинъ смѣльчакъ, назвавшій себя сыномъ или родственникомъ какаго-либо умершаго господара, добывалъ, хотя бы и на короткое время, господарскій престолъ съ помощью вольныхъ казацкихъ дружинъ. (Къ числу такихъ самозванцевъ принадлежали извѣстные Ивоня и названный его братъ Подкова). Праздная, бурная часть польско-русской шляхты и казацкая вольница представляли готовый матеріалъ для всякаго отчаяннаго предпріятія, въ случаѣ успѣха обѣщавшаго богатую добычу и громкую славу. Если для добыванія господарскаго престола какой-нибудь Молдавіи претенденты собирали здѣсь тысячи смѣльчаковъ, то сколько же можно было найти ихъ для такого заманчиваго предпріятія, какъ завоеваніе Московскаго царскаго престола!

Кто былъ первый самозванецъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, можетъ быть современемъ объяснится какою нибудь счастли-

вою находкою, а можетъ быть навсегда останется тайною для исторіи. Есть глухое извѣстіе, которое называетъ его побочнымъ сыномъ Стефана Баторія, — извѣстіе само по себѣ достойное вниманія; но мы не можемъ ни принять его, ни отвергнуть за недостаткомъ болѣе положительныхъ данныхъ. Можемъ только заключать, что, по разнымъ признакамъ, это былъ уроженецъ Западной Руси и притомъ шляхетскаго происхожденія. Въ какой религіи онъ былъ воспитанъ, трудно сказать: можетъ быть, въ православной; а возможно, что онъ принадлежалъ къ реформаци и даже къ столь распространенному тогда въ Литовской Руси арианству. Во всякомъ случаѣ на историческую сцену молодой самозванецъ выступилъ изъ среды бѣднаго шляхетства, которое наполняло дворы богатыхъ польскихъ и западнорусскихъ пановъ, нерѣдко переходя на службу отъ одного изъ нихъ къ другому. Это былъ хотя и легкомысленный, но несомнѣнно даровитый, предприимчивый и храбрый человекъ, съ сильно развитой фантазіей и склонностью къ романтическимъ приключеніямъ. Сдается намъ, что и самый толчокъ къ столь отчаянному предпріятію, самая мысль о самозванствѣ явилась у него не безъ связи съ романтическими отношеніями къ Маринѣ, дочери Сендомірскаго воеводы, у котораго нѣкоторое время онъ, повидимому, находился на службѣ. Возможно, что кокетливая, честолюбивая полька, руководимая старымъ интриганомъ отцомъ, вскруживъ голову бѣдному шляхтичу, сама внушила ему эту дерзкую мысль. Какъ бы то ни было, сіе столь обильное послѣдствіями, предпріятіе, по нашему крайнему разумнію, получило свое таинственное начало въ семьѣ Мнишковъ, и было ведено съ ихъ стороны весьма ловко. Очевидно они рассчитывали: въ случаѣ удачи воспользоваться всѣми ея выгодами, а въ случаѣ неудачи остаться по возможности въ сторонѣ. Самое объявленіе названнаго царевича должно было совершиться не въ ихъ домѣ, а въ другомъ, хотя и родственномъ, именно у Вишневецкихъ, притомъ не у католика Константина Вишневецкаго, женатаго на Урсулѣ, младшей сестрѣ Марины, и слѣдовательно слишкомъ близкаго къ семьѣ Мнишковъ, а у его православнаго двоюроднаго брата Адама. Урсуда конечно была въ этой интригѣ усерднымъ агентомъ своей старшей сестры, которая въ ожиданіи Московской короны успѣла уже сдѣлаться зрѣлою дѣвою.

Неизвѣстно, какимъ способомъ Мнишки сумѣли привлечь къ своей интригѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣгу; а; еще вѣроятнѣе, что онъ-то и былъ первымъ начинателемъ замысла и самихъ Мнишковъ натолкнулъ на это предпріятіе. Во всякомъ слу-

чаѣ его близкое участіе въ сей интригѣ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ сановникъ, вѣдавшій иноземныя сношенія, онъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ; имѣлъ случай наблюдать его и собственными глазами, такъ какъ былъ посломъ въ Москвѣ еще въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Радѣя интересамъ Рѣчи Посполитой и своей новой религіи, т. е. католичеству, онъ сдѣлался яркимъ врагомъ Московской Руси и хотѣлъ широко воспользоваться обстоятельствами для своихъ политическихъ видовъ. Можно смѣло предположить, что онъ не только поощрилъ интригу Мнишковь, но явился главнымъ ея двигателемъ, заставивъ втайнѣ дѣйствовать имѣвшіеся въ его распоряженіи государственныя средства. Въ ноябрѣ 1600 года, какъ извѣстно, Левъ Сапѣга вторично прибылъ въ Москву, въ качествѣ великаго посла отъ польско-литовскаго короля Сигизмунда III къ недавно воцарившемуся въ Москвѣ Борису Годуну, для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Но при семъ онъ выставилъ такія невозможныя требованія и держалъ себя такъ надменно, что вызвалъ большіе споры и пререканія съ московскими боярами. Долго, около девяти мѣсяцевъ, Годуновъ задерживалъ это посольство—какъ оказалось потомъ, задерживалъ на свою голову, — пока заключено было двадцатилѣтнее перемиріе. Несмотря на строгій присмотръ, которымъ окружено было посольство, Сапѣга сумѣлъ войти въ какія-то тайныя сношенія съ нѣкоторыми противными Годуну дьяками и боярами, вообще развѣдать и приготовить, что было нужно для дѣла самозванца. Мало того, есть полное основаніе полагать, что самъ этотъ будущій самозванецъ участвовалъ въ огромной польской свитѣ (заклучавшей въ себѣ до 900 человѣкъ), и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомиться съ Москвою, ея дворомъ, населеніемъ и разными порядками. Повидимому онъ продлилъ свое пребываніе здѣсь и послѣ отъѣзда посольства, бродилъ по Московской Руси въ товариществѣ съ нѣсколькими монахами, переодѣтый чернецомъ, и при помощи какихъ-то доброхотовъ благополучно перебрался назадъ за литовскій рубежъ, сквозъ пограничныя русскія заставы.

Въ числѣ помянутыхъ бродячихъ монаховъ, вмѣстѣ съ нимъ или отдѣльно отъ него ушедшихъ за литовскій рубежъ, находился и тотъ Григорій Отрепьевъ, котораго потомъ московское правительство объявило лицомъ тождественнымъ съ первымъ Лжедимитріемъ. Тождество сіе, по тщательному пересмотру вопроса, оказывается ложнымъ. Тѣмъ не менѣе бѣгство Отрепьева изъ Москвы и его прямое участіе въ дѣлѣ самозванца едва ли подлежатъ сомнѣнію; хотя и нѣтъ пока

возможности достаточно выяснить его истинную роль въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно только, что Юрій Отрепьевъ былъ родомъ изъ галицкихъ боярскихъ дѣтей, въ дѣтствѣ остался сиротою послѣ отца Богдана, оказался способнымъ при обученіи грамотѣ, въ юности появился въ Москвѣ, жилъ нѣкоторое время въ услуженіи у бояръ Романовыхъ и ихъ свойственника князя Черкаскаго. Затѣмъ онъ становится монахомъ, принявъ имя Григорія, и попадаетъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ постригся дѣдъ его Замятня; тамъ вскорѣ его посвятили въ дьяконы. Своею грамотностію и сочиненіемъ каноновъ чудотворцамъ Григорій обратилъ на себя вниманіе самого патріарха Іова, который взялъ его къ себѣ; потомъ даже бралъ его съ собою въ царскую думу, гдѣ онъ наблюдалъ придворные и правительственные порядки Московскаго государства (чѣмъ и могъ впоследствии быть полезенъ самозванцу). Но молодой Отрепьевъ любилъ выпить и былъ не въ мѣру болтливъ. Какія-то похвалы или неосторожныя рѣчи о смерти царевича Димитрія, о возможности того, что царевичъ спасся отъ убійцъ и скоро объявится, навлекли на него подозрѣніе. Донесли о томъ патріарху; послѣдній не далъ вѣры; тогда донесли самому царю Борису. Тотъ велѣлъ дьяку Смирному-Васильеву сослать нескромнаго монаха подъ начало въ Соловки за его яко бы занятія чернокнижествомъ. Но у Григорія нашлись заступники; дьякъ не спѣшилъ исполнить приказъ, а потомъ о немъ забылъ. Узнавъ о грозящей опасности, Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы выѣстъ съ двумя другими чернецами, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Послѣ разныхъ странствій и приключеній, бѣглецы перебрались за Литовскую границу, побывали въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ жили нѣкоторое время въ Острогѣ у извѣстнаго князя Константина-Василія Острожскаго. Отсюда Григорій отправился къ пану Гойскому въ его мѣстечко Гошу, которая тогда славилась своею аріанскою школою. А затѣмъ слѣдъ Григорія какъ бы пропадаетъ изъ глазъ исторіи. Вскорѣ въ Западной Руси объявился человѣкъ, назвавшій себя царевичемъ Димитріемъ.

Весьма возможно, что во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ какіе-то посредники привлекли Отрепьева къ задуманному предпріятію и свели его съ тѣмъ шляхтичемъ, который готовился принять на себя имя Димитрія. Можетъ быть, Отрепьевъ сдѣлался его руководителемъ въ странствованіяхъ и въ ознакомленіи съ Московскою Русью, а также однимъ изъ агентовъ для распространенія вѣсти о чудесномъ спасеніи царевича Димитрія. Но нѣкоторому извѣ-

стію, тотъ же Отрепьевъ изъ Литвы, и, конечно, не одинъ, ѣздили на Донъ, чтобы поднять казаковъ на помощь мнимому царевичу; а самъ этотъ мнимый царевичъ, повидимому, въ это время ѣздилъ на Запорожье съ тою же цѣлью. Наконецъ, имѣемъ довольно достовѣрное извѣстіе, что Григорій Отрепьевъ сопровождалъ Лжедмитрія при его походѣ въ Московское государство.

Темные слухи о какой-то интригѣ, переплетенной съ именемъ и судьбою царевича, рано дошли до Бориса и сильно его смутили. Едва ли не въ связи съ ними воздвигнуто было извѣстное гоненіе на семью Романовыхъ, а также ихъ родственниковъ и свойственниковъ Черкасскихъ, Репнинныхъ, Сицкихъ и др. Гоненіе это началось какъ разъ во время Сапѣгина посольства. Предлогомъ для того, какъ извѣстно, послужили мѣшки съ какими-то подозрительными кореньями, яко бы найденными въ кладовой одного изъ братьевъ Романовыхъ. Точно также впоследствии, когда гласно объявился названный Димитрій, Борисъ, узнавъ, что дьякъ Смирной-Васильевъ не исполнилъ его повелѣнія относительно Григорія Отрепьева, придумалъ для наказанія дьяка совсѣмъ иной предлогъ: царь велѣлъ провѣрить дворцовую казну; на Смирнова при этомъ сдѣлали большой начетъ, подвергли его правезу и забили до смерти.

И такъ 1600—1601 годы были эпохою первыхъ, неясныхъ слуховъ о самозванческой интригѣ. Та же эпоха отмѣчена несомнѣннымъ переломомъ въ поведеніи царя Бориса: онъ становится крайне подозрителенъ, поощряетъ шпіонство и доносы, ищетъ и преслѣдуетъ своихъ тайныхъ враговъ. Очевидно помянутые слухи подѣйствовали на него крайне раздражающимъ образомъ. Современные свидѣтельства говорятъ, что не рѣшаясь прибѣгать къ явнымъ казнямъ, онъ приказываетъ изводить подозрѣваемыхъ людей разными другими способами: ихъ морили голодомъ въ тюрьмахъ, забивали палками, спускали подъ ледъ и т. п. Борисъ сталъ недовѣрчиво относиться къ сосѣдямъ; особенно опасался Поляковъ и ожидалъ отсюда грозы; ибо съ западнаго рубежа уже приходили зловѣщіе слухи о близкомъ появленіи Димитрія. Эти опасенія и тревожные слухи сообщались окружающимъ, а отъ нихъ проникали и въ народъ. По Москвѣ стали ходить рассказы о разныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, предвѣщавшихъ ужасныя бѣды со стороны Польши. Страшный голодъ, угнетавшій въ то время населеніе, казался только началомъ великихъ бѣдствій, долженствовавшихъ разразиться надъ Русскою землею.

Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, объявился

приблизительно во второй половинѣ 1603 года. Объявился онъ въ числѣ слугъ богатаго западно-русскаго вельможи князя Адама Вишневецкаго, въ его мѣстечкѣ Брагинѣ, которое было расположено недалеко отъ Днѣпра, почти на самомъ пограничѣ съ Московскою Сѣверщиной. Названный Димитрій представлялъ изъ себя хотя молодого человѣка, но уже не первой молодости,—бывшаго по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ старше убитаго царевича. Небольшого роста, худощавый, но крѣпко сложенный, онъ отличался физическою силою и ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ; у него были рыжеватые волосы, сѣрые глаза, смуглое некрасивое лицо; за то онъ обладалъ звучнымъ голосомъ, даромъ слова и притомъ нелишенъ былъ нѣкотораго образованія. Вообще онъ былъ способенъ при случаѣ производить впечатлѣніе и убѣждать, увлекать за собой другихъ. Тѣ, которые выставили его, безъ сомнѣнія приняли въ расчетъ всѣ эти качества.

Объявленіе названнаго царевича произошло какъ бы случайно. По этому поводу существуютъ разные рассказы, болѣе или менѣе сомнительнаго свойства. Такъ, по одному извѣстію, молодецъ сказался опасно больнымъ и позвалъ для предсмертной исповѣди священника; а сему послѣднему за великую тайну сообщилъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, и просилъ послѣ его смерти прочесть скрытый подъ постелью свитокъ, который все разъяснитъ. Священникъ сообщилъ о семъ самому пану, т. е. князю Адаму; а тотъ поспѣшилъ конечно взять указанный свитокъ, и узналъ изъ него, что въ числѣ его слугъ скрывался никто иной какъ самъ московскій царевичъ Димитрій, яко бы чудеснымъ образомъ спасенный отъ гибели, которую готовилъ ему Борисъ Годуновъ. Обрадованный князь Адамъ тотчасъ началъ оказывать всевозможныя почести мнимобольному, который, разумѣется, не замедлил выздоровѣть. По другой баснѣ, открытіе произошло въ банѣ, гдѣ князь Адамъ, за что-то разсердясь на слугу, ударилъ его. Тотъ горько заплакалъ и сказалъ, что если бы князь зналъ, кто онъ такой, то иначе обращался бы съ нимъ. И затѣмъ по настоянію пана открылъ ему свое царственное происхожденіе. Само собой разумѣется, что объявленіе мнимаго царевича должно было произойти вслѣдствіе той или другой случайности, заранѣе условленной между Вишневецкимъ и другими главными дѣйствующими лицами. Рассказъ Лжедимитрія о его спасеніи и послѣдующей судьбѣ заключался въ немногихъ словахъ: какой-то приближенный человѣкъ или его докторъ, узнавъ о готовившейся царевичу гибели, подмѣнилъ его на ночь другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ вмѣсто него. За-

тѣмъ dobroхоты царевича скрыли его куда-то и воспитывали въ неизвестности; потомъ онъ подѣ видомъ чернеца странствовалъ по монастырямъ, пока не ушелъ въ Литву. Не говоря уже о небываломъ ночномъ убійствѣ, никакихъ точныхъ указаній на лица и обстоятельства, никакихъ достовѣрныхъ подробностей онъ не могъ представить; только показывалъ золотой крестъ, украшенный драгоценными камнями и будто бы данный ему крестнымъ отцомъ, покойнымъ княземъ Ив. Оед. Мстиславскимъ. И однако вся эта явно сочиненная, нелѣпая басня имѣла потомъ полный успѣхъ; ибо нашла весьма благопріятную для себя почву и какъ бы отвѣчала на потребность времени. Даже нѣкоторыя тѣлесныя отличія или примѣты самозванца и тѣ пошли въ дѣло; у него оказалась бородавка на щекѣ, родимое пятнышко на правомъ плечѣ и одна рука короче другой. Эти примѣты объявлены принадлежавшими маленькому царевичу Димитрію, и съ нихъ начато было удостовѣреніе въ его подлинности.

Распустивъ по окрестностямъ извѣстіе о новоявленномъ царевичѣ, Адамъ Вишневецкій спѣшилъ какъ бы подѣлиться своею радостью съ братомъ Константиномъ, и изъ Брагина самъ повезъ мнимаго Димитрія къ нему на Волинь, гдѣ были обширныя помѣстья Вишневецкихъ и самое гнѣздо фамиліи — замокъ Висневецъ, расположенный на берегахъ Горыни. Здѣсь устроена была слѣдующая комедія, съ помощью канцлера Льва Сапѣги. У сего послѣдняго находился въ услуженіи какой-то бѣглый москвитинъ, называвшій себя Юріемъ Петровскимъ. Онъ говорилъ о себѣ, будто бывалъ въ Угличѣ и видалъ маленькаго царевича. Вишневецкіе призвали его и показали ему названнаго Димитрія. Слуга какъ только осмотрѣлъ вышеуказанныя примѣты, такъ и воскликнулъ: „Да, это истинный царевичъ Димитрій!“ Константинъ Вишневецкій тоже не долго мѣшкалъ у себя съ новооткрытымъ царевичемъ, и повезъ его въ Червонную Русь къ своему тестю Юрію Мнишку, въ замокъ Самборъ. Этотъ деревянный замокъ былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, на верхнемъ теченіи Днѣстра, и служилъ средоточіемъ королевскихъ столовыхъ имѣній того края или такъ называемой „экономіи“. Мнишекъ, въ молодые годы вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ бывший любимцемъ и самымъ приближеннымъ человѣкомъ короля Сигизмунда II Августа, подѣ старость счумѣлъ втереться въ милость Сигизмунда III, получилъ отъ него воеводство Сендомірское, староство Львовское и управление Самборской экономіей.

Старый пѣтриганъ ловко разыгралъ радушнаго хозяина, удивлен-

наго и обрадованнаго прибытіемъ столь неожиданнаго. и высокаго гостя. Повторилась та же комедія съ примѣтами. Въ Самборѣ оказался слуга, при осадѣ Пскова попавшій въ московскій плѣнъ и будто бы во время своего плѣна выдавшій царевича Димитрія. Теперь онъ призналъ его въ неожиданномъ гостѣ. Потомъ стали пріѣзжать разные московскіе выходцы, бѣжавшіе въ Литву при Иванѣ IV или при Годуновѣ, и такъ какъ имъ не было никакого интереса отрицать басню, на которой настаивали въ Самборѣ, то они охотно подтверждали признаніе. (Напримѣръ, братья Хрипуновы). Названный Димитрій замѣшкался здѣсь на продолжительное время; что несомнѣнно выдаетъ значеніе Самборскаго воеводскаго двора какъ главнаго очага интриги. Мнишекъ сталъ приглашать окрестныхъ пановъ съ ихъ семьями и задавать пиры въ честь мнимаго царевича, стараясь какъ можно болѣе сдѣлать его извѣстнымъ, расположить въ его пользу польско-русскую шляхту и приготовить ея участіе въ его предпріятіи. Отъ многочисленныхъ гостей не скрывалось его настойчивое ухаживаніе за панной Мариной Мнишковой, которая играла конечно роль царицы Самборскихъ празднествъ и баловъ, питая сладкую надежду вскорѣ сдѣлаться царицею Московскою. По наружности своей Марина была подѣль статъ Лжедимитрію, ибо отнюдь не представляла изъ себя какой-либо выдающейся красавицы; небольшого роста, худенькая брюнетка или шатинка, съ довольно непривычными чертами лица, она привлекала вниманіе мужчинъ парю пригожихъ глазъ, живостью характера и истинно польскою кокетливостью.

Пока молодежь предавалась здѣсь танцамъ и веселью, а старшее поколѣніе уивалось венгерскимъ, шла дѣятельная работа по разнымъ тайнымъ сношеніямъ. Съ одной стороны вѣрные агенты ѣздили къ Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ поднимать ихъ на службу названному царевичу, обѣщая великія и щедрыя награды; а съ другой велись усердные переговоры съ Краковскимъ королевскимъ дворомъ.

Безъ прямого покровительства и содѣйствія короля трудно, почти невозможно было разсчитывать на успѣшный исходъ предпріятія. Кововоды его повели на Сигизмунда III приступы съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны дѣйствовали внушенія канцлера Сапѣги и нѣкоторыхъ единомышленныхъ съ нимъ сановниковъ, напримѣръ, вилenskaго епископа Венедикта Войны и краковскаго воеводы Николая Зебжидовскаго. Они представили королю тѣ выгоды, которыя могла получить Рѣчь Посполитая въ случаѣ удачи отъ человѣка, посаженнаго ею на престолъ Московскаго государства, а въ случаѣ неудачи отъ имѣвшей произойти тамъ смуты. Главнымъ образомъ конечно имѣлось въ виду от-

торженіе отъ Москвы областей Сѣверской и Смоленской, входившихъ когда-то въ составъ великаго княжества Литовскаго. Лично для Сигизмунда являлась надежда отвлечь Москву отъ союза съ его дядею Карломъ, захватившимъ Шведскій престолъ, и даже съ ея помощью воротить себѣ этотъ престолъ. Съ другой стороны начинатели дѣла постарались затронуть извѣстную католическую ревность Сигизмунда III и обратились къ помощи высшаго духовенства. У Мнишка и тутъ были сильныя связи; такъ кардиналъ-епископъ краковскій Бернардъ Мацѣйовскій приходился родственникомъ, и началъ охотно помогать ему въ семь дѣлъ. Еще важнѣе то, что Мнишку удалось пріобрѣсти усерднаго себѣ пособника въ лицѣ папскаго нунція Клавдія Рангони. Юрій Мнишекъ писалъ къ нему самъ, заставлялъ писать и Лжедмитрія. Рангони пока не отвѣчалъ послѣднему, но письма его сообщалъ въ Римъ при своихъ донесеніяхъ. Въ первыхъ сообщеніяхъ, отправленныхъ въ ноябрѣ 1603 года, нунцій приводитъ слышанную имъ отъ самого короля басню о чудесномъ спасеніи царевича, повидимому не настаивая на ея достовѣрности. Самъ папа Климентъ VIII отнесся къ ней въ началѣ недовѣрчиво, и написалъ на донесеніи нунція: „это въ родѣ воскресшаго короля Португальскаго“ (извѣстнаго Лжесекста). Тѣмъ не менѣе католичество и папство не могли конечно устоять противъ, указанной Мнишкомъ, столь соблазнительной перспективы, какъ распространеніе только-что введенной въ Западной Руси церковной уніи и на всю Восточную Русь посредствомъ будущаго самодержавнаго царя, выражающаго явную склонность немедленно перейти въ католицизмъ. По сему вопросу начались дѣятельные переговоры между Краковымъ и Самборомъ съ одной стороны и между Краковымъ и Римомъ съ другой, въ смыслѣ благопріятномъ для самозванца. Изъ роли наблюдателя Рангони скоро перешелъ къ роли усерднаго его сторонника.

При всей недалекости своей, Сигизмундъ III понималъ, что имѣть дѣло съ грубымъ обманомъ; однако уступилъ помянутымъ внушеніямъ и позволилъ вовлечь себя въ это гнусное дѣло. Свое участіе онъ началъ какъ бы съ соблюденіемъ нѣкоторой осторожности. Въ январѣ слѣдующаго 1604 года отъ Краковского двора посланъ былъ въ Самборъ для повѣрки личности Дмитрія какой-то ливонецъ, будто бы нѣкогда находившійся у него въ услуженіи въ Угличѣ. Произошла новая комедія взаимнаго признанія. Названный Дмитрій узналъ яко бы своего бывшего слугу; а сей послѣдній узналъ Дмитрія по его отличительнымъ знакамъ, особенно по его

неровной длины рукавъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, и этотъ лже-свидѣтель былъ подставленъ все тѣмъ же Львомъ Сапѣгой. Послѣ того, по приглашенію короля, въ мартѣ 1604 года, Лжедимитрій вмѣстѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ остановился въ домѣ Мнишка. Вкорѣ туда же пріѣхалъ самъ хозяинъ, и также усердно началъ задабривать вліятельныхъ лицъ, знакомя ихъ съ мнимымъ царевичемъ, стараясь ласкательствомъ и угощеніями привлечь ихъ на его сторону. 13-го марта Мнишекъ давалъ пиръ для сенаторовъ. На этомъ пирѣ Рангони впервые увидалъ Лжедимитрія. Въ его донесеніи Риму, по поводу перваго впечатлѣнія, уже замѣтно явное пристрастіе. „Димитрій— пишетъ онъ— молодой человѣкъ съ хорошою выдержкой, смуглымъ лицомъ и большимъ пятномъ на носу противъ праваго глаза; бѣлая продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ смѣлъ въ рѣчахъ, а въ его поступкахъ и манерахъ отражается по истинѣ что-то великое“.

Спустя два дня послѣ того, покровители Самозванца, съ папскимъ нунціемъ во главѣ, добились самаго важнаго: Лжедимитрій былъ принятъ королемъ на аудіенціи. На ней присутствовали только немногіе сановники, каковы вице-канцлеръ, надворный маршалъ, королевскій секретарь, виленскій епископъ Война и тотъ же нунцій Рангони. Сендомірскій воевода сопровождалъ своего будущаго зятя во дворецъ; но во время аудіенціи оставался въ передней комнатѣ. Король съ горделивою осанкою, имѣя шляпу на головѣ, стоялъ, опершись одною рукою на маленькій столикъ; а другую протянулъ вошедшему Лжедимитрію. Тотъ смиренно ее поцѣловалъ; а затѣмъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ о своихъ правахъ на московскій престолъ и своемъ спасеніи отъ козней Годунова. Оправясь отъ перваго смущенія, мнимый царевичъ началъ просить короля о помощи и даже напомнилъ ему, какъ онъ самъ родился узникомъ (во время заключенія его отца Іоанна, гонимаго своимъ братомъ королемъ шведскимъ Эрихомъ) и какъ много претерпѣлъ въ своемъ дѣтствѣ. Сигизмундъ далъ ему знакъ удалиться; послѣ чего нѣсколько времени совѣщался съ нунціемъ и вельможами. Мнимаго царевича позвали снова, и тутъ вице-канцлеръ Пстровонскій держалъ къ нему отвѣтную рѣчь такого содержанія: король соизволилъ объявить, что вѣрить словамъ просителя, признаетъ его истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, намѣренъ назначить ему денежное вспоможеніе и разрѣшаетъ ему искать совѣта и помощи у королевскихъ дворянъ. Лжедимитрій выслушалъ этотъ отвѣтъ въ почтительной позѣ, съ наклоненной головою и сложенными на груди

подствовавши въ польскомъ обществѣ), краснорѣчиво убѣждалъ его открыть всѣ свои тайные помыслы, если хочетъ получить Божью помощь въ своемъ трудномъ предпріятіи. Лжедимитрій смутился было при этихъ словахъ; но скоро овладѣлъ собою, и началъ увѣрять въ правотѣ своего дѣла; затѣмъ, упавъ на колѣни, сталъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Получивъ разрѣшеніе отъ нихъ по правиламъ католической церкви, онъ соединился съ Зебжидовскимъ, который ожидалъ его на хорахъ; принявъ снова видъ нищихъ, они воротились домой.

Спустя нѣсколько дней, т. е. на Святой недѣлѣ, 24-го апрѣля, Самозванецъ имѣлъ вторую аудіенцію у короля, прощальную; при чемъ получилъ отъ него разные подарки, какъ-то золотую цѣпь на шею съ медальоннымъ его портретомъ и куски шитой золотомъ и серебромъ парчи на платье. Кромѣ того, король назначилъ ему ежегодную пенсію или субсидію въ 4,000 злотыхъ, которую Мнишекъ долженъ былъ выплачивать изъ доходовъ Самборской экономіи—субсидія не особенно щедрая; но король извинялся тѣмъ, что пока не можетъ дать болѣе, а развѣ увеличить ее впослѣдствіи. Самозванецъ униженно благодарилъ за милости. Изъ королевскаго дворца, по заранѣе условленному плану, онъ отправился къ нунцію какъ бы для того, чтобы проститься съ нимъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы тайкомъ отъ своей русской свиты принять изъ его рукъ причастіе. Его вмѣстѣ съ Мнишкой провели въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ уже были приготовлены алтарь и всѣ принадлежности для исполненія католической мессы, которую нунцій и совершилъ торжественно; ему прислуживали два капелана; кромѣ нихъ былъ еще только патеръ Савицкій. Во время служенія Рангони причастилъ Лжедимитрія и совершилъ надъ нимъ обрядъ мѣропомазанія. По окончаніи мессы алтарь вынесли. Нунцій подарилъ новообращенному восковое позолоченное изображеніе Агнца и 25 венгерскихъ золотыхъ. Самозванецъ горячо благодарилъ его, выражалъ большую радость о своемъ обращеніи; обѣщалъ ввести унию на мѣсто „греческой схизмы“ въ своемъ государствѣ, и, упавъ на колѣни, хотѣлъ облобызать ноги нунція, какъ представителя его святѣйшества папы, не имѣя возможности облобызать ихъ у него самого. Рангони однако не допустилъ мнимаго царевича до такого униженія, а поспѣшилъ его поднять и заключить въ свои объятія. При семъ Самозванецъ вручилъ ему свое посланіе къ Клименту VIII, которое было имъ написано по-польски, а патеромъ Савицкимъ переведено на латинскій языкъ. Въ посланіи этомъ повторялись тѣ же выраженія радости о своемъ присоединеніи къ святой Римской церкви

и тѣ же обѣщанія ввести унію въ Московскомъ народѣ по достиженіи прародительскаго престола; для чего мнимый царевичъ умолялъ свѣтѣйшаго папу не лишать его своей поддержки и милости.

Въ наружномъ рвеніи къ католической церкви нашъ неопитъ, ищущій Московскаго престола, пошелъ еще дальше. Онъ выразилъ нунцію свое яко бы тяжкое недоумѣніе по слѣдующему поводу. По существующему въ Москвѣ обычаю, новый царь послѣ обряда коронаціи принимаетъ св. Причастіе изъ рукъ патріарха; какъ теперь ему поступить, т. е. принять ли таинство изъ рукъ схизматика? По такому важному вопросу Рангони отказался выразить собственное мнѣніе, а обѣщалъ донести о томъ въ Римъ. (Откуда впоследствии получился отвѣтъ отрицательный). За то онъ собственною властію разрѣшилъ ему по постамя кушать скоромное; такъ какъ постное оказывалось вреднымъ для его драгоцѣннаго здоровья. Далѣе, Самозванецъ просилъ назначить къ нему въ Москву священника изъ среды іезуитовъ, и нунцій озаботился сообщить о томъ ихъ польскому провинціалу. Вообще разставанье было трогательное: съ той и другой стороны выражены самыя теплыя чувства, пожеланія и надежды. Надобно отдать справедливость лицедѣйскому таланту молодого Лжедмитрія и дипломатическому искусству его руководителя стараго Мнишка: имъ удалось опутать, провести и заставить служить своимъ личнымъ цѣлямъ даже такихъ знаменитыхъ, искушенныхъ въ политической интригѣ дѣятелей, каковы Римская курія и Іезуитскій орденъ. Этихъ дѣятелей, очевидно, подкупали лицемерная преданность католичеству со стороны новообращеннаго искателя приключеній и его якобы искреннія обѣщанія ввести унію въ Московскомъ государствѣ; хотя въ подлинность его царскаго происхожденія тогда въ Краковѣ едва ли кто вѣрилъ, и многіе Поляки открыто называли его самозванцемъ; о чемъ упомянутый патеръ Савицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

Въ виду невыгодныхъ толковъ о новоявленномъ московскомъ царевичѣ, самъ Сигизмундъ III, какъ ни подстрекали его свѣтскіе и особенно духовные покровители Лжедмитрія, затруднялся выступить въ этомъ случаѣ открыто и рѣшительно. Онъ попытался заручиться согласіемъ наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, и разослалъ имъ письма, приглашая ихъ высказать свои мнѣнія о дѣлѣ царевича; при чемъ указывалъ на тѣ выгоды, которыя могла бы извлечь изъ него Рѣчь Посполитая. Но отвѣты, полученные имъ, большею частію оказались или уклончивые или прямо неблагопріятные: сенаторы не совѣтовали рисковать вмѣшательствомъ въ это дѣло, и ради какого-то сомнитель-

наго претендента нарушить недавно заключенное перемиріе съ Москвою, утвержденное торжественною присягою. Король по преимуществу старался склонить въ пользу предпріятія короннаго канцлера и гетмана Яна Замойскаго, и думалъ плѣнить его мыслию о будущемъ тѣсномъ союзѣ съ Московскимъ царемъ, о его помощи противъ Шведовъ и особенно противъ Турокъ, столь еще грозныхъ христіанскому міру; при чемъ внушалъ, что такое щекотливое дѣло не слѣдуетъ подвергать публичному обсужденію на сеймѣ. Но маститый государственный человѣкъ рѣшительно высказался и противъ подлинности Димитрія, и противъ нарушенія перемирія; онъ совѣтовалъ во всякомъ случаѣ отложить это дѣло до ближайшаго сейма, который имѣлъ открыться въ январѣ слѣдующаго 1605 года. Тщетно Юрій Мнишекъ нѣсколько разъ принимался писать Замоискому, убѣждая его оказать участіе московскому царевичу, въ подлинности котораго будто бы не слѣдуетъ сомнѣваться, и толковалъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ того для Рѣчи Посполитой. Руководимый Мнишкомъ, Лжедимитрій тоже обращался къ Замоискому съ униженною просьбою о помощи. Канцлеръ отвѣчалъ Мнишку уклончиво, а письма Самозванца оставилъ безъ отвѣта. Кромѣ Замойскаго, открытыми противниками дерзкаго предпріятія заявили себя извѣстный ревнитель православія, кіевскій воевода, престарѣлый Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ, краковскій каштелянъ. Къ противникамъ сего предпріятія, хотя и не столь рѣшительнымъ, принадлежали родственникъ Замойскаго, товарищъ его по гетманству, т. е. польный коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, воевода брацлавскій князь Збаражскій и нѣкоторые другіе. Но покровители превосходили ихъ числомъ, искусствомъ въ интригѣ и усердіемъ въ этомъ дѣлѣ. Напомнимъ, что кромѣ Мнишковъ и Вишневецкихъ, тутъ дѣйствовали нунцій Рангони, кардиналь-епископъ Мацѣйовскій, литовскій канцлеръ Сапѣга, виленскій каштелянъ Іеронимъ Ходкевичъ, виленскій епископъ Война и братъ его литовскій подканцлеръ, воевода краковскій Зебжидовскій, коронный подканцлеръ Пестроконскій и еще нѣкоторые менѣе важные сановники; притомъ они имѣли на своей сторонѣ короля.

Итакъ въ концѣ апрѣля 1604 года Лжедимитрій съ Мнишкомъ воротился въ Самборъ, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они занимались приготовленіями къ походу, т. е. вербовкою военныхъ людей, ихъ снаряженіемъ и организаціей, производившимися по преимуществу на средства Мнишковъ и Вишневецкихъ. Сборнымъ пунктомъ на вербованныхъ людей сдѣлался Львовъ, главный городъ Русскаго

воеводства; ибо Юрій Мнишекъ въ числѣ своихъ сановъ имѣлъ и львовское староство. Рядомъ съ этими приготовлениями, въ Самборскомъ замкѣ пошли опять празднества и угощеніе окрестной шляхты; при семъ хозяинъ уже не скрывалъ своихъ отношеній къ мнимо-высокому гостю какъ къ своему будущему зятю. А съ симъ послѣднимъ онъ заключилъ формальныя письменныя условія, на основаніи которыхъ соглашался жертвовать своимъ состояніемъ при добываніи ему Московскаго престола, а когда онъ сядетъ на этотъ престолъ, то выдать за него свою дочь Марину. До насъ дошли двѣ такихъ договорныхъ грамоты, въ которыхъ Самозванецъ именуетъ себя „Димитріемъ Ивановичемъ, Божією милостію царевичемъ Великой Россіи, Углицкимъ и пр.“. Одною изъ нихъ, данною въ маѣ 1604 года, онъ, по достиженіи престола, обязывается: 1) уплатить воеводѣ Сендомірскому миллионъ злотыхъ на покрытие его долговъ и на расходы по снаряженію панны Марины въ Москву; при чемъ доставить ей изъ московской царской казны драгоценности и столовое серебро; 2) прислать торжественное посольство польскому королю съ просьбою дать его согласіе на бракъ съ Мариной; 3) отдать ей въ полное владѣніе Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми ихъ уѣздами и населеніемъ; 4) предоставить ей полную свободу вѣроисповѣданія съ правомъ держать при себѣ латинскихъ священниковъ и строить латинскіе костелы въ своихъ владѣніяхъ; 5) ввести въ своемъ государствѣ римскую вѣру. Въ другой грамотѣ, данной въ іюнѣ, Самозванецъ идетъ еще далѣе по части раздробленія своего будущаго государства: онъ обязывается отдать своему тестю, Юрію Мнишку, часть Смоленской и Сѣверской земли; при чемъ упоминается о какой-то предшествующей грамотѣ, по которой остальная часть этихъ земель уступалась королю и польской Рѣчи Посполитой.

Эти документы ясно свидѣтельствуютъ, до какой степени простиралось легкомысліе и Самозванца, и его пособниковъ-руководителей, съ королемъ Сигизмундомъ во главѣ, — которые принялись дѣлить шкуру еще незатравленнаго медвѣдя. Очевидно, Лжедимитрій не стѣснялся ничѣмъ по части обязательствъ: онъ уже такъ далеко зашелъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи, что ничего не оставалось какъ общать направо и налѣво самыя неисполнимыя вещи, лишь бы не останавливаться и идти впередъ. (1).

Посмотримъ теперь, какъ эти событія отозвались въ Москвѣ.

Когда пришла сюда вѣсть, что въ Литвѣ уже открыто объявился царевичъ Димитрій, царь Борисъ, по выраженію лѣтописца, ужаснулся.

Онъ понялъ всю грозившую ему опасность и почувствовалъ, какъ заколебалась подъ нимъ почва. Едва ли эта вѣсть была для него неожиданностью; при своей крайней подозрительности и благодаря многочисленнымъ шпіонамъ, онъ могъ заранѣе къ ней приготовиться. Тѣмъ не менѣе она произвела страшное впечатлѣніе, и при всей изворотливости своей Борисъ не могъ придумать ни одной дѣйствительной мѣры для борьбы съ надвигавшейся грозой. Первымъ стараніемъ его было по возможности скрыть грозную вѣсть отъ народа и для того прекратить почти всякія сообщенія съ литовскимъ зарубежьемъ. Около того времени въ Смоленской области распространилось моровое повѣтріе, и по сему случаю учреждены были заставы по дорогамъ, ведущимъ изъ этой области въ Москву. Борисъ воспользовался тѣмъ же предлогомъ и велѣлъ умножить заставы такъ, чтобы изъ Литвы не переходило никакихъ вѣстей въ пограничныя области. Въ то же время онъ разослалъ многихъ лазутчиковъ провѣдывать о самозванцѣ. Слухи о немъ распространились уже за предѣлы Польши. Такъ императоръ Германскій, въ іюнѣ 1604 года, чрезъ особаго посланника извѣщалъ Бориса, какъ союзнаго себѣ государя, о появленіи въ Польшѣ Дмитрія и о той помощи, которую Поляки намѣрены ему оказать; вообще совѣтовалъ быть осторожнымъ. Борисъ принялъ посла съ обычною торжественностью, и велѣлъ благодарить императора за предупрежденіе; но прибавилъ, что Дмитрія давно нѣтъ на свѣтѣ, а это какой-то обманщикъ, съ помощью котораго Поляки думаютъ возмутить его государство, но котораго онъ можетъ уничтожить однимъ пальцемъ.

Разумѣется, такой отвѣтъ былъ только маскою равнодушія и презрѣнія. Въ дѣйствительности Борисъ сильно тревожился и совсѣмъ лишился покоя. Никакія запрещенія и наказанія не прекращали проникшихъ въ народъ толковъ о появленіи Дмитрія. Умножились только доносы и тайныя казни. Всякій, кто неосторожно говорилъ о Дмитріи, подвергался жестокимъ пыткамъ и обрекался на жалкую смерть со всѣмъ своимъ семействомъ и родными, если вѣрить извѣстію современника-иноземца. Отсюда народное недовольство и ропотъ противъ Бориса все болѣе возрастали и сгущали тучи, нависшія надъ его домомъ. Особенно усилилась его подозрительность въ отношеніи бояръ; онъ предполагалъ ихъ участіе въ приготовленіи самозванца, и прямо говорилъ, что это ихъ дѣло.

Вѣрный сынъ своего вѣка, Борисъ не былъ чуждъ грубому суетвѣрію. Въ Москвѣ при какой-то часовнѣ въ землянкѣ жила юродивая,

по имени Елена, которую народная молва надѣляла даромъ предсказанія. Борисъ тайкомъ и смиренно посѣтилъ ея пещеру, чтобы спросить о своей судьбѣ. Юродивая взяла обрубокъ дерева, призвала поповъ, велѣла служить панихиду надъ этимъ обруткомъ и кадить ему. Царь въ ужасѣ удалился. Черныя мысли и всякія сомнѣнія терзали его до того, что иногда онъ самъ готовъ былъ усумниться въ смерти царевича Димитрія. Чтобы успокоить себя съ этой стороны, онъ велѣлъ тайно привезти изъ дальняго монастыря въ Москву мать царевича инокиню Марю; ѣздилъ къ ней съ патріархомъ въ дѣвичій Воскресенскій монастырь; потомъ призвалъ ее къ себѣ, и, запершись въ спальнѣ, допрашивалъ ее, живъ ея сынъ или нѣтъ. Если вѣрить иноземному свидѣтельству, Марья замылась, и отвѣчала, что она не знаетъ. При этомъ допросѣ присутствовала супруга Бориса Марья Григорьевна, какъ истая дочь Малюты Скуратова отличавшаяся жестокосердіемъ и мстительностью, а потому имѣвшая вредное вліяніе на своего мужа. Отвѣтъ Марьи привелъ ее въ ярость; она схватила горящую свѣчу и съ ругательствами бросилась къ старицѣ, чтобы выжечь ей глаза; мужъ съ трудомъ ее удержалъ. Тогда возмущенная Марья будто бы сказала, что сынъ ея еще живъ. Борисъ велѣлъ отвезти ее въ другой монастырь и стеречь еще строже.

Трудно сказать, откуда произошло въ Москвѣ ложное мнѣніе о личности самозванца: было ли правительство само введено въ заблужденіе собственными неудачными лазутчиками, или оно дѣйствовало умышленно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Побѣгъ въ Литву чудовскаго монаха Григорія Отрепьева съ нѣсколькими товарищами и его тайное участіе въ дѣлѣ Самозванца повели къ тому, что въ Москвѣ Борисъ и его приближенные сего бѣглаго монаха начали отождествлять съ названнымъ Димитріемъ. Чтобы удостовѣриться въ томъ, царь послалъ въ Литву гонцомъ Смирного-Отрепьева, который приходился роднымъ дядею Григорію; но послалъ не отъ своего имени, а отъ имени боярѣ для переговоровъ съ важнѣйшими литовскими сановниками, въ особенности съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою и воеводою виленскимъ Христофоромъ Радивиломъ (въ Москвѣ еще не знали, что послѣдній уже умеръ). Въ грамотахъ, привезенныхъ Смирнымъ, говорилось только о нѣкоторыхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Исполнивъ официальное порученіе, гонецъ просилъ канцлера о свиданіи наединѣ; вѣроятно Московское правительство догадывалось о роли сего послѣдняго въ дѣлѣ самозванца и желало тѣмъ или другимъ способомъ склонить его на свою сторону. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ не

можетъ вести переговоры о пограничныхъ дѣлахъ безъ своихъ товарищей, т. е. другихъ королевскихъ комиссаровъ. Тогда Смирной вынужденъ былъ словесно объявить протестъ московскаго правительства противъ нарушенія перемирія помощью, которую польскій король оказывалъ человѣку, принявшему на себя имя Димитрія; называлъ Самозванца своимъ племянникомъ и для уличенія его требовалъ очной съ нимъ ставки, а, если онъ окажется истиннымъ сыномъ Ивана IV, то обѣщалъ присягнуть ему. Но подвергать подобному слѣдствию личность названнаго Димитрія было совсѣмъ не въ интересахъ его покровителей и руководителей. Напротивъ въ ихъ интересахъ было поддерживать заблужденіе московскихъ правителей и тѣмъ заставлять ихъ дѣлать ложные шаги. Возможно также, что покровители опасались какихъ-либо возней, напримѣръ, подосланныхъ убійцъ. Есть извѣстіе, что противъ ложнаго Димитрія совершено было нѣсколько неудавшихся покушеній; послѣ чего Поляки стали тщательно его оберегать. Какъ бы то ни было, Сапѣга отвѣтилъ, что на такое слѣдствіе нужно не только разрѣшеніе короля, но и согласіе сейма, до собранія котораго и надобно отложить дѣло. Смирной такъ и уѣхалъ, не выдавъ Самозванца.

Въ Москвѣ этотъ отказъ истолковали какъ подтвержденіе своей догадки, что самозванецъ есть Григорій Отрепьевъ и что его побоялись свести на очную ставку съ собственнымъ дядею. Сего послѣдняго Борисъ, вмѣсто обычной въ подобныхъ случаяхъ опалы, сталъ напротивъ держать въ чести, какъ средство уличить Самозванца. Здѣсь не оставили безъ вниманія отсрочку вопроса до ближайшаго сейма, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ слѣдующаго 1605 года, когда собрался этотъ вальный сеймъ въ Варшавѣ, явился посломъ отъ Бориса дворянинъ Постникъ Огаревъ и представилъ королю грамоту, въ которой, кромѣ разбора пограничныхъ дѣлъ, царь жаловался на помощь Самозванцу и прямо требовалъ или казни, или выдачи дьякона-разстриги, принявшаго на себя имя царевича Димитрія; причемъ излагалась исторія его бѣгства изъ Москвы.

На этомъ сеймѣ между прочими дѣлами обсуждалось и дѣло Самозванца; цѣлая партія сенаторовъ (съ Замойскимъ во главѣ) шумѣла противъ помощи, ему оказанной, и противъ нарушенія перемирія. Замойскій прямо смѣялся надъ разсказами о томъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой мальчикъ, вмѣсто царевича. „Помилуй Богъ!—говорилъ онъ,—это комедія Плавта или Теренція, что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣтъ кого убить, а потомъ не посмотретьъ, тотъ ли убить.

или кто другой. Если никто не смотрѣлъ, дѣйствительно ли убить и кто убить, то можно было подставить для этого козла или барана". Назначили цѣлую комиссію изъ сенаторовъ для переговоровъ съ Огаревымъ. Такъ какъ въ этой комиссіи участвовали коронный канцлеръ Янъ Замоискій, Янушъ Острожскій и князь Збаражскій, то Огаревъ могъ надѣяться на успѣхъ своего посольства. Но въ той же комиссіи, кромѣ епископа Войны и виленскаго каштеляна Ходкевича, участвовалъ и литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, который, конечно, не допустилъ до гибели дѣло рукъ своихъ. Въ концѣ концовъ Сапѣга, отъ имени короля, отвѣтилъ Огареву, что Рѣчь Посполитая не думала нарушать перемиріе; что не король, а частныя лица и особенно Запорожскіе казаки помогаютъ претенденту, и что сей послѣдній находится уже не въ польскихъ предѣлахъ, а въ московскихъ, гдѣ его пусть и ловить московское правительство.

Около того же времени, когда Самозванецъ уже вошелъ въ московскіе предѣлы, царь Борисъ рѣшился объявить всенародно объ Отрепьевѣ. По его желанію патріархъ разослалъ въ епархіи и монастыри грамоту, въ которой излагалась все та же исторія Гришки и его бѣгства изъ Чудова монастыря съ чернецами Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Литву, гдѣ его видѣли еще два московскихъ инока Пименъ и Венедиктъ, да третій посадскій человѣкъ Степанко Иконникъ, которые показали о томъ при допросѣ на освященномъ соборѣ. Въ Литвѣ—говорила грамота—Гришка уклонился въ ересь и „по сатанинскому ученію, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленію и по королевскому велѣнію учалъ называться княземъ Дмитріемъ“. Патріархъ извѣщалъ, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ предалъ разстригу Отрепьева вѣчному проклятію, и повелѣваетъ его впродъ вездѣ проклинать. Послали также соборныя грамоты къ литовскому и польскому духовенству, и особую князю Константину Острожскому, съ обличеніемъ Самозванца и увѣщаніемъ дѣйствовать противъ него. Но это были запоздалыя мѣры, принятія въ разгаръ ошеломляющихъ успѣховъ ложнаго Дмитрія. Прежде нежели появились патріаршія посланія, въ Сѣверской Украинѣ уже распространились подметныя грамоты отъ имени яко бы спасеннаго царевича, которыя призывали народъ отложиться отъ Годунова, незаконно похитившаго престолъ, и присягать своему законному государю. Крѣпкія заставы не помѣшали этимъ подметнымъ грамотамъ; ихъ проводили въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда въ большомъ количествѣ шелъ изъ Литвы въ Московское государство по причинѣ не-

урожаевъ въ послѣднемъ. Не помогло также и всенародное на Лобномъ мѣстѣ свидѣтельство князя Василя Шуйскаго о томъ, что истинный царевичъ Димитрій умеръ въ Угличѣ и что онъ самъ былъ при его погребеніи. Народные умы, при общемъ тогда недовольствѣ, недовѣрчиво относились ко всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ и свидѣтельствамъ и наоборотъ легко поддавались увѣреніямъ въ спасеніи царевича. Волненіе умовъ, какъ это бываетъ передъ грозными событіями, еще болѣе усиливалось разными странными явленіями, которыя принимались какъ предзнаменованія грядущихъ смутъ и бѣдствій. Такъ по ночамъ видѣли огненные столпы на небѣ, сталкивавшіеся другъ съ другомъ; иногда вдругъ показывались два, три солнца или двѣ, три луны; страшныя бури срывали верхи колоколенъ и городскихъ воротъ; слышался ужасный вой волковъ, которые большими стадами бродили по окрестностямъ Москвы; а въ самой столицѣ поймали нѣсколько чернобурыхъ лисицъ, забѣгавшихъ изъ лѣсовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело появленіе кометы весною 1604 года. Смущенный Борисъ обратился къ одному иноземцу-астрологу и, посредствомъ дьяка Аванасія Власьева, спрашивалъ его мнѣніе объ этомъ явленіи. Тотъ будто бы отвѣтилъ ему: „тебѣ грозитъ великая опасность“.

Первые кто откликнулись на призывъ Самозванца къ вооруженной помощи ему были Донскіе и Волжскіе казаки.

Около того времени, какъ нарочно, произошли у нихъ столкновенія съ Московскимъ правительствомъ. Выведенный изъ терпѣнія ихъ разбоями и нападеніями на торговые волжскіе караваны, Борисъ началъ принимать противъ нихъ строгія мѣры, и даже приходившихъ въ какой либо городъ по своимъ надобностямъ велѣлъ хватать и сажать въ тюрьмы. Въ свою очередь эти мѣры ожесточили казаковъ; они подняли явный бунтъ; между прочимъ напали на царскаго родственника окольничаго Степана Годунова, плившаго въ Астрахань, и разбили его конвой, такъ что самъ онъ съ трудомъ спасся бѣгствомъ.

Руководители Самозванца хорошо знали сіи обстоятельства, и посланные ими агенты нашли полное сочувствіе у казаковъ; какъ мы видѣли, есть извѣстіе, что въ числѣ этихъ агентовъ находился и Григорій Отрепьевъ; кромѣ того къ нимъ ѣздилъ шляхтичъ Свирскій. Казаки стали собираться въ походъ, а напередъ отправили для развѣдокъ нѣсколько человекъ съ двумя атаманами, Андреемъ Корѣлой и Михайломъ Нѣжекожей. Эти казацкіе уполномоченные застали Самозванца въ Краковѣ. Видя, что его признаютъ за истиннаго царя-

вича съ одной стороны король и нѣкоторые вельможи, а съ другой разные собравшіеся около него русскіе бѣглецы, они недолго думая послали объявить войску, чтобы не сомнѣвалось и шло на помощь названному Димитрію противъ ненавистнаго Бориса. Казаками въ этомъ случаѣ двигали конечно не столько убѣжденія въ подлинности царевича, сколько его обѣщанія щедрыхъ наградъ и надежда на богатую добычу при взятіи московскихъ городовъ. Въ то же время и съ такимъ же успѣхомъ агенты Самозванца или точнѣе его покровителей волновали казаковъ Запорожскихъ и подобными же обѣщаніями поджигали ихъ идти съ нимъ на Московское государство. (*).

Нельзя сказать, чтобы производившаяся во Львовѣ вербовка ратныхъ людей шла быстро и успѣшно. А между тѣмъ львовскіе обыватели и окрестные жители уже начали тяготиться пребываніемъ у нихъ буйной вольницы, которая обижала мирное населеніе, и послали жалобу о томъ королю. Сигизмундъ отправилъ коморника для принятія строгихъ мѣръ; но такъ какъ самъ онъ втайнѣ покровительствовалъ предпріятію Самозванца, то коморникъ счумѣлъ прибыть во Львовъ тогда, когда Лжедимитрій и Минишкѣ съ набраною вольницею уже выступили въ походъ. Это произошло въ половинѣ августа 1604 года. Спустя недѣли двѣ, отряды собрались въ червонорусскомъ мѣстечкѣ Глиняны, гдѣ имъ произведенъ былъ смотръ и дана окончательная организація. Тутъ насчитали всего 1100 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ. Всадники, по польскому обычаю устроены были въ хоругви (эскадроны), заключавшія въ себѣ по нѣскольку сотъ коней. Одна изъ пяти образовавшихся хоругвей находилась подъ личнымъ предводительствомъ Самозванца; другою начальствовалъ молодой Минишкѣ (сынъ Юрія), староста Саноцкій. А старый воевода Сендомирскій на рыцарскомъ кодѣ (офицерской сходкѣ) провозглашенъ гетманомъ, т. е. общимъ предводителемъ всего войска. Къ 1600 польско-русской шляхты и посполства присоединилось нѣкоторое количество московскихъ перебѣжчиковъ, а затѣмъ и передовой отрядъ Донскихъ казаковъ въ 2000 человекъ; такъ что всего войска набралось около 4000.

Казаки явились не съ пустыми руками: они привезли съ собою московскаго дворянина Петра Хрущева, который отправленъ былъ къ нимъ царемъ Борисомъ уговорить ихъ, чтобы не приставали къ названному царевичу, а служили-бы ему, Борису. Схватченный ими и заключенный въ оковы, Хрущовъ какъ только увидалъ Самозванца, такъ упалъ ему въ ноги, яко-бы узнавъ въ немъ истиннаго царевича Димитрія. Самозванецъ освободилъ его отъ оковъ и сталъ распраши-

вать о московских дѣлахъ. Хрущовъ рассказывалъ: что подметныя письма царевича производятъ большое смущеніе въ народѣ и даже между знатными людьми; что многіе готовы отстать отъ Бориса; что нѣкоторые уже претерпѣли казнь, ибо пили за здоровье царевича; что Борисъ часто бываетъ боленъ, а одну ногу волочить такъ какъ будто разбитъ параличемъ; что онъ самъ ускорилъ кончину своей сестры вдовствующей царицы Ирины, которая будто бы не хотѣла благословить на царство его сына, и т. п. Особенно любопытно было слѣдующее его сообщеніе. На пути изъ Москвы къ Дону Хрущовъ встрѣтился съ воеводами Петромъ Шереметевымъ и Михайломъ Салтыковымъ, которые были посланы съ войскомъ въ Ливны для обороны отъ набѣга Крымскихъ Татаръ. Приглашенный однимъ изъ воеводъ на обѣдъ, а другимъ на ужинъ, Хрущовъ сообщилъ имъ о своемъ порученіи къ Донскимъ казакамъ. Тогда Шереметевъ сказалъ, что теперь онъ догадывается объ истинѣ: подъ предлогомъ Татаръ, ихъ посылаютъ противъ царевича. „Но—будто бы прибавилъ онъ—трудно будетъ воевать противъ прирожденнаго государя“.

Изъ Глинянъ маленькое войско Самозванца двинулось по направленію къ Кіеву уже съ разными воинскими предосторожностями, раздѣленное на отряды. Въ срединѣ шли Самозванецъ и Юрій Мнишекъ съ нѣсколькими хоругвями, по лѣвой сторонѣ латные копейники или тяжелая гусарская конница, по правой менѣе тяжелая или такъ наз. „пятигорцы“ и легкая конница или казаки; сторожевые посты впереди и назади войска держали казаки. Подобныя предосторожности приняты были въ виду угрозъ краковскаго каштеляна князя Януша Острожскаго; онъ говорилъ, что не пропуститъ за границу государства толпу людей, вооружившихся самовольно и шедшихъ нарушить миръ съ сосѣдней державой. Янушъ очевидно дѣйствовалъ по соглашенію съ канцлеромъ Яномъ Замоискимъ, а также съ кіевскимъ воеводою, т. е. своимъ престарѣлымъ отцомъ княземъ Константиномъ. Такъ какъ въ ихъ распоряженіи находилось нѣсколько тысячъ хорошаго войска, то ополченіе Самозванца очень боялось нападенія, не спало по цѣлымъ ночамъ и держало на готовѣ коней. Юрій Мнишекъ въ это время усиленно разсылалъ гонцовъ съ просьбами и къ Замоискому, чтобы онъ удержалъ Острожскаго, и къ нунцію Рангони, чтобы тотъ повліялъ на Замоискаго. Просьбы его были услышаны. А главнымъ образомъ конечно подѣйствовали тайныя внушенія короля, Льва Сапѣги и другихъ покровителей Самозванца. Онъ безпрепятственно достигъ Днѣпра подъ Кіевомъ. Только всѣ лодки и паромы оказались угнанными по приказу князя Острож-

скаго, и это обстоятельство на нѣсколько дней задержало переправу, пока собраны были перевозочныя средства.

За Днѣпромъ войско Самозванца вскорѣ вступило въ благодатныя земли московской Сѣверской украины. Тутъ оно было усилено еще нѣсколькими тысячами казаковъ, Донскихъ и Украинскихъ, а также Сѣверскихъ перебѣжчиковъ. Первая московская крѣпость, лежавшая на пути, былъ г. Моравскъ (древній Моравійскъ) на берегу Десны, снабженный пушками и обороняемый нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Для Самозванца наступила критическая минута: многое зависѣло отъ первой встрѣчи, отъ перваго препятствія; окажутся ли справедливыми донесенія шпионовъ и клеветовъ о томъ, что украинское населеніе съ нетерпѣніемъ ждетъ его какъ своего законнаго государя?

Дѣйствительность превзошла ожиданія.

Подметныя грамоты и тайные агенты такъ подготовили благодарную почву, что едва подъ стѣнами Моравска появился передовой казацкій отрядъ съ требованіемъ сдачи какъ чернь, собравшись на сходку, рѣшила покориться. Она связала воеводу (Ладыгина и Безобразова), выдала ихъ и присягнула на вѣрность Димитрію. Самозванецъ съ торжествомъ вступилъ въ крѣпость. Отсюда онъ двинулся къ Чернигову. То былъ довольно большой и хорошо укрѣпленный городъ. Точно также подошелъ передовой двухтысячный отрядъ казаковъ и потребовалъ сдачи. Сначала ратные люди отвѣтили пушечными выстрѣлами и многихъ убили; но чернь и здѣсь возмутилась и отворила городскія ворота. Воевода князь Татевъ хотѣлъ было обороняться въ замкѣ; но когда казаки и чернь пошли на приступъ, стрѣльцы связали воеводу и сдались. Казаки воспользовались оказаннымъ, хотя и слабымъ сопротивленіемъ, и принялись грабить городъ, какъ-бы взятый ими съ бою. Тщетно жители послали жалобу Самозванцу, а сей послѣдній отрядилъ Поляковъ съ приказомъ оберегать гражданъ: пока они были, казаки какъ хищные коршуны успѣли все разграбить и опустошить. Разгнѣванный Самозванецъ велѣлъ возвратитъ жителямъ все пограбленное, грозя въ противномъ случаѣ ударить на казаковъ; но дѣло окончилось возвращеніемъ небольшой части добычи. Въ замкѣ однако нашлось казны на нѣсколько тысячъ рублей, которыя поступили въ раздѣлъ между польскими хоругвями. Былъ уже конецъ октябрю мѣсяца. Самозванецъ съ своимъ войскомъ отдыхалъ цѣлую недѣлю въ лагерѣ подъ Черниговымъ; а затѣмъ лѣснымъ краемъ двинулся къ слѣдующей подесненской крѣпости, Новгороду Сѣверскому.

Тутъ ждала его первая неудача.

Лжедмитрію помогали съ одной стороны шатость украинскаго Сѣверскаго населенія, еще некрѣпкаго Москвѣ и тянувшаго отчасти къ Западной Руси, а съ другой вялость или прямыя измѣны мѣстныхъ московскихъ воеводъ, нелюбившихъ царя Бориса. Сей послѣдній вздумалъ было перемѣнить нѣкоторыхъ начальниковъ, но слишкомъ поздно, когда врагъ уже вошелъ въ его землю. Такъ въ Черниговѣ онъ отправилъ боярина князя Никиту Трубецкого и окольничаго Петра Басманова. Они прибыли послѣ сдачи Чернигова, а потому засѣли въ Новгородъ Сѣверскомъ, и начали готовить его къ оборонѣ. Тутъ выдвинулся своей энергіей и знаніемъ военнаго дѣла второй воевода, Басмановъ, который сдѣлался дѣйствительнымъ начальникомъ. Этотъ Басмановъ былъ сынъ Ѳедора, когда-то любимца Ивана Грознаго, и братья воеводы, погибшаго въ битвѣ съ разбойникомъ Хлопкою. Онъ показъ, что могъ сдѣлать даже одинъ рѣшительный и храбрый человѣкъ, несмотря на окружавшія шатость и колебаніе. Басмановъ выжегъ посады, а жителей перевелъ въ замокъ, который имѣлъ болѣе 500 стрѣльцовъ гарнизона и вооруженъ былъ тяжелыми орудіями. Посланные впередъ для переговоровъ, Поляки и русскіе измѣнники пытались склонить ратныхъ людей къ сдачѣ яко-бы законному государю. Басмановъ, самъ стоя на стѣнѣ съ зажженнымъ фитилемъ подлѣ пушки, отвѣчалъ, что ихъ государь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ находится въ Москвѣ, а что пришедшій съ Поляками есть воръ и обманщикъ. Лжедмитрій велѣлъ копать траншеи и плести туры, за которыми поставилъ нѣсколько бывшихъ у него легкихъ полевыхъ орудій, и открылъ пальбу по городу. Въ то же время его польскіе гусары или латники сошли съ коней и двинулись на приступъ; но встрѣченные дружнымъ огнемъ изъ пушекъ и пищалей, отступили. Поляки вздумали сдѣлать ночной приступъ; они тихо подошли къ крѣпости, прикрываясь дощатыми забралами на каткахъ; за ними шло 300 человѣкъ съ приметомъ, т. е. соломой и хворостомъ, чтобы зажечь деревянные стѣны. Но Русскіе вовремя замѣтили опасность и усиленную пальбою изъ своихъ орудій вновь отбили непріятелей; послѣдніе отступили съ большимъ урономъ. Лжедмитрій пришелъ въ уныніе и началъ роптать на Поляковъ, говоря, что онъ имѣлъ лучшее мнѣніе объ ихъ мужествѣ. Задѣтое за живое этимъ упрекомъ, рыцарство кричало, чтобы онъ не порочилъ польской славы и что онъ увидить польскую доблесть, когда придется встрѣтить непріятеля въ открытомъ полѣ, да и крѣпость не устоитъ: пусть только сдѣлаетъ проломъ въ стѣнѣ.

Среди такихъ пререканій вдругъ начали приходить добрыя вѣсти въ лагерь Самозванца.

Его шпионы и клеветы, разосланные съ новыми увѣщательными грамотами, дѣйствовали успѣшно. Сѣверщина продолжала волноваться и явно переходить на его сторону. Почти все Посемье разомъ отложилось отъ Бориса. Сначала поддались Самозванцу жители Путивля, возмущенные вторымъ воеводою, княземъ Масальскимъ; а перваго воеводу, Салтыкова, привели связаннымъ въ лагерь подъ Новгородъ. Дня черезъ два явились съ покорностью изъ Рыльска, потомъ изъ Курска, Сѣвска и всей Комарицкой волости; поддались Кромы. Обыкновенно посланцы этихъ городовъ приводили съ собою связанныхъ воеводъ, которые затѣмъ большею частію вступали въ службу Самозванца. За ними покорились украинныя мѣста Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки, Ливны, Борисовъ и нѣкоторые другіе. Призванные изъ покоренныхъ городовъ, вооруженные отряды усилили войско Самозванца. Изъ Путивля привезли нѣсколько тяжелыхъ орудій, и стали ими громить Новгородъ Сѣверскій; послѣднему приходилось плохо; начались перебѣжки къ непріятелю. Басмановъ не унывалъ; онъ отстрѣливался, вступалъ въ переговоры, требовалъ двухнедѣльнаго срока для сдачи крѣпости; а самъ ждалъ выручки отъ царской рати. Эта рать давно уже стояла подъ Брянскомъ; но ничего не предпринимала. Она была небольшая, трехполковая; главный ея воевода князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій не рѣшался двинуться съ мѣста, и требовалъ подкрѣпленій.

А въ Москвѣ межъ тѣмъ занимались сочиненіемъ увѣщательныхъ грамотъ, проклинаніемъ Гришки Отрепьева, отправкою гонцовъ въ сосѣднія страны и т. п. Наконецъ, уже въ виду грозныхъ успѣховъ Самозванца, Борисъ принялся за рѣшительныя военныя мѣры. По областямъ разосланы указы о скорѣйшемъ сборѣ служилыхъ людей, подъ угрозой всякихъ наказаній и лишенія имѣній ослушникамъ. Съ каждыхъ 200 четвертей пахотной земли приказано было помѣщикамъ и вотчинникамъ выставлять ратника съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ. Та же мѣра распространена была на имущества патриарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и монастырей, т. е. всѣ они должны были выслать вооруженныхъ людей сообразно съ количествомъ своей земли. Но тутъ ясно сказалось, какъ упало ратное дѣло въ царствованіе миролюбиваго Бориса Годунова, особенно послѣ страшнаго голода и другихъ бѣдствій его времени. При всѣхъ стараніяхъ и угрозахъ, подъ Брянскомъ успѣли собрать только отъ 40 до 50 тысячъ войска, которое раздѣлили на пять полковъ. Назначенный главнымъ воеводою, князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій наконецъ

двинулъ это наскоро собранное, нестройное ополченіе на выручку Новгорода-Сѣверскаго. Къ Самозванцу межъ тѣмъ успѣло притти еще нѣсколько вновь сформированныхъ отрядовъ изъ Польши и Литвы, куда онъ отправилъ значительную царскую казну, какъ говорятъ везенную въ сѣверскіе города московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ и перехваченную имъ на дорогѣ. Когда царская рать приблизилась, Самозванецъ вывелъ свое войско изъ лагеря, и, отрядивъ часть казаковъ противъ Басманова, самъ смѣло выступилъ навстрѣчу Москвитянамъ, 21 декабря 1604 года. По нѣкоторому извѣстію, онъ произнесъ ободряющую, витіеватую рѣчь къ войску. Сначала битва была нерѣшительна; но рядомъ стремительныхъ атакъ нѣсколько гусарскихъ хоругвей сломили наше правое крыло, предводимое князьями Димитріемъ Шуйскимъ и Михаиломъ Кашинымъ; лѣвое крыло обрушилось на центръ и произвело замѣшательство. Тщетно Мстиславскій пытался удержать бѣгущихъ и возстановить порядокъ; израненный, онъ упалъ съ коня и едва былъ спасенъ отъ плѣна стрѣлечкою дружиною. Лжедмитрій, по неопытности своей, пропустилъ минуту, чтобы ударить всѣми силами. По этому побѣда его была нерѣшительная, хотя Поляки и хвастали что при малой своей потерѣ побили до 4000 Москвитянъ. Царская рать отошла къ Стародубу Сѣверскому и стала ожидать тамъ новыхъ подкрѣплений.

Вскорѣ послѣ битвы къ Самозванцу явились давно ожидаемые имъ Запорожцы, и въ большомъ числѣ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ лишился главной своей опоры: польско-литовскихъ дружинъ. Наступила зима; дружины эти терпѣли отъ стужи и всякихъ неудобствъ. Онъ съ ужасомъ увидѣли, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ; триумфальное шествіе вдругъ прекратилось; приходилось осаждать крѣпкіе города и давать отчаянныя битвы. А тутъ еще, вмѣсто богатой добычи, названный Димитрій не платилъ имъ и условеннаго жалованья. Последнее обстоятельство и послужило поводомъ къ разрыву. Рыцарство потребовало уплаты, иначе грозило уйти назадъ; Самозванецъ находился въ затрудненіи, имѣя для того слишкомъ мало денегъ. На бѣду хоругвь пана Фредра склонила его тайкомъ уплатить только ей одной: она не двинется, и другія роты, по ея примѣру, тоже останутся. Вышло наоборотъ: другія роты, узнавъ объ этой продѣлкѣ, взбунтовались. Самозванца бранили позорными словами, даже сорвали съ него соболью ферязь, которую Русскіе выкупили потомъ за 300 золотыхъ. Напрасно онъ ѣздилъ отъ одной хоругви къ другой, и умолялъ не оставлять его. Онъ ушли; только по

нѣскольکو челоувѣкъ отъ каждой остались. Вмѣстѣ съ хоругвями поѣхалъ обратно и нареченный ихъ гетманъ Юрій Мнишекъ. Послѣднія событія очевидно смутили его, и онъ началъ сомнѣваться въ успѣхѣхъ; притомъ военные труды и лишенія очень не по сердцу пришлись старому подагрику; онъ рѣшилъ вовремя убраться восвояси. Благовиднымъ предлогомъ къ тому послужило присланное отъ короля повелѣніе возвратиться всѣмъ Полякамъ въ отечество. Такое повелѣніе дано было вслѣдствіе посольства Постника Огарева для отклоненія отъ польскаго правительства обвиненія въ соучастіи съ Самозванцемъ, и конечно всѣ понимали, что это только формальность. Тѣмъ не менѣе Мнишекъ имъ воспользовался. Клевреты Лжедмитрія однако уговорили еще часть Поляковъ воротиться къ нему съ дороги; такъ что при немъ осталось ихъ до 1500 челоувѣкъ. Главная сила его войска теперь заключалась въ казакахъ, преимущественно Запорожцахъ. Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, послѣднихъ собралось около него до двѣнадцати тысячъ; изъ нихъ восемь конныхъ, остальные пѣшія; они привезли съ собою 12 исправныхъ пушекъ. Самозванецъ снялъ осаду Новгорода Сѣверскаго и отвелъ свое войско на отдыхъ въ Комарицкую волость, обильную хлѣбомъ, медомъ и всякими съѣстными припасами; самъ онъ засѣлъ въ ея главномъ пунктѣ, въ укрѣпленномъ Сѣвскѣ. Гетманомъ на мѣсто уѣхавшаго Мнишка былъ назначенъ Адамъ Дворжицкій.

Борись только стороною узналъ о неудачной битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и послалъ изъяснить воеводамъ свое неудовольствіе; Мстиславскому однако велѣлъ передать свое милостивое слово и отправилъ одного изъ придворныхъ врачей для лѣченія его ранъ. Съ новыми подкрѣпленіями къ нему царь прислалъ князя Василя Ивановича Шуйскаго, никогда неотличавшагося военными талантами; хотя Шуйскому велѣно быть вторымъ воеводою, но, за болѣзнію Мстиславскаго, ему на первыхъ порахъ пришлось играть роль главнаго начальника.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій, численность царской рати возросла приблизительно до 60 тысячъ. Отъ Стародуба воеводы двинулись къ Сѣвску. Лжедмитрій съ своей стороны выступилъ имъ на встрѣчу. У него было отъ 15 до 20 тысячъ. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ между передовыми отрядами, главная битва произошла приблизительно 20 января у деревни Добрыничи, недалеко отъ Сѣвска, на рѣкѣ Сѣвѣ. Самозванецъ раздѣлилъ свое войско на три части: самъ сталъ во главѣ гусарской и русской конницы; второй отдѣлъ составили 8000

конныхъ Запорожцевъ, а третій 4000 пѣшихъ казаковъ, которые съ орудіями поставлены въ резервъ. Сидя на каремъ аргамакѣ, Лжедимитрій обнажилъ палашъ и поскакалъ съ своимъ отрядомъ; стремительнымъ ударомъ онъ опрокинулъ одно крыло Москвитянъ; потомъ повернулъ на главную рать, на которую Запорожцы скакали съ другой стороны. Ядро этой рати составляли стрѣльцы, т. е. лучшая часть царскаго войска. Они выставили впереди себя сани съ сѣномъ, и, выждавъ приближеніе непріятельской конницы, изъ за этого подвижнаго укрѣпленія дали по ней дружный залпъ, который дымомъ своимъ покрылъ поле битвы. Громкій залпъ и густой дымъ привели нападающихъ въ замѣшательство; а Запорожцы дрогнули и обратились въ бѣгство. Оставшись безъ поддержки, Поляки тоже повернули назадъ коней. Москвитяне преслѣдовали разбитаго непріятеля; тутъ встрѣтила ихъ казацкая пѣхота съ орудіями: она почти вся погибла; но мужественнымъ сопротивленіемъ дала время Лжедимитрію спастись съ остатками своей дружины. Онъ ускакалъ въ Рыльскъ; а оттуда удалился въ Путивль. Съ отчаянія онъ даже хотѣлъ бѣжать въ Польшу; но, по русскимъ извѣстіямъ, Путивляне удержали его; ибо не ждали никакой пощады со стороны Бориса. Они имѣли передъ собою примѣръ Комарицкой волости, гдѣ послѣ Добрыничей царское войско, вмѣсто усерднаго преслѣдованія непріятеля, принялось вѣшать и казнить жителей за ихъ измѣну, насиловать женщинъ, жечь дворы и гумна: чѣмъ возбудило въ сѣверскомъ населеніи еще большую ненависть къ Борису. Затѣмъ оно двинулось къ Рыльску; но Самозванца здѣсь уже не было; а Рыльщане успѣли получить отъ него подкрѣпленіе и приготовиться къ оборонѣ. Царская рать, постоявъ недѣли двѣ подъ Рыльскомъ и ничего не сдѣлавъ, двинулась назадъ по ложному слуху о приближеніи сильнаго войска изъ Польши. Она снова расположилась въ Комарицкой волости и снова начала свирѣпствовать надъ ея жителями.

Съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Добрыничами, съ плѣнными Поляками и отбитыми знаменами отправленъ былъ молодой дворянинъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ (впослѣдствіи знаменитый смоленскій воевода). Годуновъ очень обрадовался. велѣлъ звонить въ колокола, пѣть благодарственные молебны, торжественно показывать народу плѣнныхъ и трофеи; Шеина наградилъ званіемъ окольничаго, воеводамъ послалъ въ награду золотые, а простымъ ратникамъ велѣлъ раздать 10,000 рублей. Особенно щедро одарилъ онъ двухъ предводителей наемной нѣмецкой дружины, Розена и Маржерета, отличившихся

въ той же битвѣ. Но вскорѣ пришло извѣстіе, что побѣдоносное войско упустило изъ своихъ рукъ Самозванца, и что послѣдній вновь усиливается. Царь очень огорчился, и послалъ воеводамъ строгій выговоръ. Бояре въ свою очередь оскорбились, и, по словамъ русской лѣтописи, „съ той поры многіе начали думать, какъ бы царя Бориса избыти“. А Годуновъ дѣлалъ одинъ промахъ за другимъ. Въ такую трудную пору, когда на театрѣ военныхъ дѣйствій нужнѣ всего были люди энергичные и рѣшительные, онъ вздумалъ особенно натрадитъ Басманова за его мужественное поведеніе; для чего вызвалъ его (и князя Трубецкого) въ Москву, устроилъ ему пышную встрѣчу, пожаловалъ саномъ боярина, хорошимъ помѣстьемъ, деньгами, дорогими сосудами; между прочимъ подарилъ ему золотое блюдо, наполненное червонцами. Мало того, если вѣрить иностранному свидѣтельству, когда дѣла снова приняли дурной оборотъ, онъ призвалъ къ себѣ Басманова, и, увѣщевая продолжать вѣрную службу, обѣщалъ за уничтоженіе Самозванца отдать ему руку своей дочери Ксеніи, а въ приданое за ней царства Казанское и Астраханское. Едва ли однако Басмановъ вполнѣ повѣрилъ сему; ибо тоже самое обѣщаніе дано было и князю Мстиславскому, когда Борисъ отправлялъ его противъ Лжедмитрія. Но, главное, осыпая Басманова милостями, царь держалъ его въ Москвѣ въ самое нужное время, и даже не пользовался его совѣтами, а продолжалъ слушать навѣты и внушенія своего родственника и самого довѣреннаго человѣка Семена Годунова, ненавистнаго народу исполнителя тайныхъ казней.

Межъ тѣмъ главные воеводы, Мстиславскій и Шуйскій, получивъ строгій выговоръ за бездѣйствіе, покинули Комарицкую волость и двинулись на соединеніе съ Оедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, который осаждалъ Кромъ. Тутъ въ московской рати явно обнаружились нелюбовь къ Борису и шатость умовъ, которыя мѣшали всякому рѣшительному успѣху. Ничтожный городокъ, обороняемый жителями и нѣсколькими стами Донскихъ казаковъ, около двухъ мѣсяцевъ сопротивлялся сравнительно огромному войску и отбивалъ всѣ его приступы. Современники удивлялись подвигамъ казачьяго атамана Корелы, и выставляли его какимъ то колдуномъ. Но его удачная оборона болѣе объясняется нерадѣніемъ осаждавшихъ воеводъ. Такъ четырехтысячное подкрѣпленіе, состоявшее изъ Донскихъ казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, сумѣло пробраться въ городъ мимо лагеря осаждающихъ. Измѣна уже гнѣздилась въ царской рати. Послѣдняя сдѣлала приступъ и сожгла деревянные стѣны Кромъ, такъ что городъ былъ почти

взять; осажденные удалились въ острогъ и тамъ продолжали отстрѣливаться. Но тутъ одинъ изъ воеводъ, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, не спросясь главныхъ начальниковъ, вдругъ велѣлъ отступить ратникамъ уже стоявшимъ на городскомъ валу. Такой измѣнническій поступокъ его Мстиславскій и Шуйскій оставили безнаказаннымъ. Послѣ того осажденные снова заняли валъ; казаки стали копать подъ нимъ землянки, въ которыхъ укрывались отъ огня осаждавшихъ; а по временамъ дѣлали удачныя вылазки. Воеводы не предпринимали болѣе ничего рѣшительнаго, ограничиваясь обложеніемъ и ожидая сдачи Кромлянъ отъ голода. Былъ великій постъ; наступило таяніе снѣговъ; время стояло сырое; въ царскомъ войскѣ, терпѣвшемъ лишения и всякія неудобства, открылись болѣзни; особенно свирѣпствовалъ поносъ. Эти бѣдствія еще болѣе способствовали его бездѣйствію и упадку духа. Борисъ прислалъ своихъ врачей съ лѣкарствами, благодаря которымъ болѣзни стали уменьшаться.

Затянувшаяся осада Кромъ дала Самозванцу возможность вполне оправиться отъ своего пораженія подъ Добрыничами и выжидать благоприятнаго момента.

Пребывая въ хорошо укрѣпленномъ Путивлѣ, онъ дѣятельно занимался наборомъ и устроеніемъ своего войска. Поляки послѣ пораженія снова хотѣли его покинуть и уже двинулись на родину; но нѣкоторые польскіе его клеветы отправились за ними и упростили ихъ большею частью воротиться. Изъ нихъ было опять сформировано нѣсколько хоругвей. Въ тоже время, по совѣту нѣкоторыхъ русскихъ измѣнниковъ, Лжедимитрій съ особымъ усердіемъ занимался разсылкою своихъ грамотъ или манифестовъ, въ которыхъ снова рассказывалъ басню о своемъ спасеніи въ Угличѣ и убѣждалъ народъ, особенно ратныхъ людей, служить ему какъ своему законному государю. Грамоты сіи не остались безъ послѣдствій: передавшіеся украинскіе города пребыли ему вѣрны, а нѣкоторые вновь перешли на его сторону, такъ что въ его рукахъ находилось до 18 городовъ. Изъ нихъ многіе ратные люди откликнулись на призывъ и собрались подъ его знаменами. Между прочими, изъ Цареборисова пришло 500 стрѣльцовъ въ своихъ красныхъ кафтанахъ. Прибыли также новыя дружины Донцовъ и Терскихъ казаковъ или собственныхъ Пятигорцевъ. Для вящаго убѣжденія русскихъ людей въ томъ, что Борисъ ложно называлъ его разстригою Гришкою Отрепьевымъ, Самозванецъ призвалъ въ Путивль настоящаго Григорія Отрепьева и показывалъ его народу.

Съ своей стороны Годуновъ продолжалъ бороться противъ Самоз-

ванца грамотами и тайными кознями. Такъ въ Путивлѣ явились три монаха, которые имѣли при себѣ увѣщательныя къ народу и духовенству письма отъ царя и патріарха. Царь требовалъ, чтобы Путивляне взяли обманщика живымъ или мертвымъ и отправили въ Москву, если хотятъ заслужить прощенье; а патріахъ предавалъ проклятію ослушниковъ и измѣнниковъ. Но монахи были схвачены, представлены Лжедмитрію и подвергнуты пыткамъ. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ мученій, и, если вѣрить иноземному свидѣтельству, открылъ, что въ сапогѣ его товарища спрятанъ страшный ядъ и что двое изъ русскихъ знатныхъ людей, окружавшихъ названнаго Дмитрія, уже вошли въ заговоръ о его отравленіи. Эти двое заговорщиковъ будто бы потомъ сами сознались въ своемъ умыслѣ и были выданы гражданамъ Путивля, которые, привязавъ ихъ къ столбу, разстрѣляли изъ луковъ и пищалей. Сознавшійся монахъ помилованъ, а товарищи его брошены въ тюрьму.

Въ Путивлѣ Лжедмитрій, при всѣхъ военныхъ заботахъ и занятіяхъ, имѣлъ много празднаго времени, которое онъ задумалъ употребить съ пользою. Когда онъ выступалъ въ походъ изъ Самбора, то просилъ іезуитскаго провинціала въ Польшѣ и Литвѣ дать ему двухъ патеровъ для совершенія церковныхъ требъ въ польскомъ отдѣлѣ его ополченія. Тотъ отрядилъ изъ ближней къ Самбору Ярославской коллегіи іезуитовъ Николая Чировскаго и Андрея Лавицкаго, которые во время похода ревностно отправляли католическое богослуженіе въ особой палаткѣ и исполняли разныя требы при войскахъ. И вотъ въ Путивлѣ весною 1605 года Лжедмитрій вдругъ призываетъ обоихъ патеровъ и, въ присутствіи трехъ русскихъ бояръ, высказываетъ свое горячее желаніе заняться съ ними школьнымъ ученіемъ. По его словамъ, наилучшее достоинство государя составляютъ двѣ вещи: знаніе военного искусства и основательное знакомство съ науками. Іезуиты возражали, указывая на неудобное время и на ожидавшія его трудности при изученіи основныхъ элементовъ древняго языка. Самозванецъ настанвалъ, и назначилъ слѣдующій день для начала. Патеры явились въ условленный часъ; при чемъ Лавицкій держалъ томъ Квинтильяна, который успѣлъ достать у какого-то польскаго воина. Самозванецъ взялъ книгу, и, повертѣвъ ее въ рукахъ, просилъ что нибудь прочесть, перевести и объяснить. Ему отвѣчали, что такъ вдругъ нельзя, а надобно сначала заняться предварительнымъ ученіемъ. Рѣшили, что Чировскій каждое утро будетъ преподавать ему одинъ часъ философію, а Лавицкій столько же времени будетъ учить

его послѣ обѣда реторикѣ. И Лжедмитрій цѣлыхъ три дня усердно предавался сямъ занятіямъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ Русскихъ и Поляковъ изъ своей свиты; при чемъ удивлялъ своихъ учителей острою памятью и быстрымъ пониманіемъ. Но затѣмъ, очевидно, у него не хватило терпѣнія. Подъ предлогомъ какихъ-то возникшихъ по сему поводу и невыгодныхъ для него толковъ, онъ отложилъ учебныя занятія до другого времени, и потомъ болѣе къ нимъ не возвращался. Въмѣсто сихъ занятій, онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ іезуитами о томъ, какъ, вопарясь въ Москвѣ, немедленно начнетъ заводить школы, коллегіи и академіи, въ которыхъ наставники конечно будутъ набираться по преимуществу изъ нихъ же, т. е. іезуитовъ. А между тѣмъ Самозванецъ пользовался ихъ услугами для сочиненія латинскихъ писемъ, которыя посылалъ нунцію Рангони и кардиналу-епископу Мацѣевскому. Примѣръ его однако не остался безъ подражателей: если вѣрить тѣмъ же патерамъ, нѣкоторые изъ Русскихъ приходили къ нимъ и просили научить ихъ читать и писать по-латыни; въ числѣ такихъ желающихъ учиться былъ и одинъ русскій священникъ ³⁾.

Вынужденное бездѣйствіе и выжидательная роль начали уже тяготить Самозванца и окружавшихъ его, какъ вдругъ въ Путивлѣ получено было извѣстіе о внезапной кончинѣ Бориса Годунова. Послѣ того событія пошли ускореннымъ ходомъ.

II.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I НА МОСКОВСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ.

Кончина Бориса Годунова.—Федоръ Борисовичъ.—Измѣна Басманова и войска.—Движеніе Самозванца къ Москвѣ.—Мятежъ московской черни.—Трагическая судьба Борисова семейства.—Вступленіе Лжедмитрія въ столицу и первыя его дѣйствія.—Неудачный заговоръ Шуйскаго.—Встрѣча мнимой матери.—Коронованіе Самозванца.—Его правительственная дѣятельность, военныя потѣхи, постройки и легкомысленное поведеніе.—Сношенія съ Римомъ и Польшею.—Обрученіе московскаго посла съ Мариною.—Поведеніе Мнишковь.—Ихъ прибытіе въ Москву.—Польскіе послы.—Торжественное вѣнчаніе съ Мариной и свадебныя пиры.—Предвѣстники грозы.—Народное раздраженіе противъ Поляковъ.—Вторичный заговоръ Шуйскаго.—Иезуиты.—Самоувѣренность и безопасность Самозванца.—Кровавая Московская заутреня.—Гибель Лжедмитрія.—Избіеніе Поляковъ.

Несмотря на свои нестарые годы, Борисъ уже страдалъ разными недугами; по нѣкоторымъ извѣстіямъ у него была сильная подагра, а по другимъ и водяная. Тяжелыя заботы и огорченія, испытанныя послѣ появленія Самозванца, окончательно подорвали его здоровье. Вопреки неограниченной власти и могуществу, онъ видѣлъ свое безсиліе справиться съ этимъ страшнымъ призракомъ, видѣлъ постоянныя крамолы, неохоту воеводъ сражаться за него и даже прямую измену. Недостойное поведеніе ихъ подъ Кромами и новое усиленіе Самозванца безъ сомнѣнія терзали его душу и не давали ему покою; хотя наружно онъ старался сохранять видъ бодрости и спокойствія. 13 апрѣля, послѣ торжественнаго приема иноземныхъ пословъ (датскихъ), Борисъ угощалъ ихъ въ Золотой палатѣ; но едва всталъ изъ за стола, какъ у него открылось сильнѣйшее кровотеченіе изъ носу, рта и ушей. Тщетно врачи пытались остановить кровь. Черезъ два часа онъ скончался, едва успѣвъ постричься въ инокъ съ именемъ Боголѣпа. Такая внезапная кончина естественно не осталась безъ

разныхъ толковъ и догадокъ; прошелъ слухъ, повторенный и нѣкоторыми иностранцами, будто Годуновъ принялъ яду—слухъ по всѣмъ признакамъ недостоверный.

Борисъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду, послѣ царствованія, продолжавшагося съ небольшимъ семь лѣтъ. Хотя самъ онъ, какъ говорятъ, будто-бы не умѣлъ ни читать, ни писать, тѣмъ не менѣе оказывалъ большое уваженіе къ образованію вообще и особенно заботился о книжномъ ученіи своего сына Θεодора. Для себя лично недостатокъ грамотности онъ восполнялъ своею опытностію, огромною памятію и другими умственными дарованіями. Но печальныя, смущавшія его, обстоятельства царствованія не позволили ему вполне развернуть свои выдающіяся правительственныя способности. А подозрительность и доступность злымъ навітамъ своей жены и родственника Семена Годунова сдѣлали изъ него тирана, и лишили его народнаго расположенія. Поэтому кончина его была встрѣчена въ Москвѣ съ явнымъ равнодушіемъ. На слѣдующій день его погребли въ Архангельскомъ соборѣ; а народъ начали приводить къ присягѣ на вѣрность новому царю, шестнадцатилѣтнему Θεодору Борисовичу, вмѣстѣ съ его матерью Марьей Григорьевной и сестрой Ксеніей Борисовной. Разослали гонцовъ по городамъ съ присяжными листами, по которымъ служилые люди, между прочимъ, давали клятву никого иного не хотѣть на государство Московское, ни Симеона Бекбулатовича, ни того вора, который называетъ себя княземъ Дмитріемъ Углицкимъ.

Новый государь Θεодоръ Борисовичъ вмѣстѣ съ цвѣтущей, красивой наружностію, по словамъ современниковъ, соединялъ и умъ, и доброе сердце, и значительныя книжныя свѣдѣнія; но, при крайней молодости и неопытности, ему не доставало главнаго: мужества и энергіи. Тщательно воспитывая сына, Борисъ совсѣмъ упустилъ изъ виду обстоятельства времени. Въ спокойную эпоху, при упроченномъ престолонаслѣдіи, изъ юнаго Θεодора могъ выдти хорошій правитель, подающій подданнымъ примѣръ добрыхъ семейныхъ нравовъ; но теперь болѣе всего требовались рѣшительность и воинская отвага. Вмѣсто того, чтобы сѣсть на коня, и, окруживъ себя опытными воеводами, явиться во главѣ царской рати, Θεодоръ Борисовичъ неподвижно оставался въ кремлевскихъ палатахъ, продолжая оказывать сыновнее повиновеніе своей матери. Марья Григорьевна и сдѣлалась собственно правительницею государства, не имѣя къ тому никакихъ способностей и пользуясь самою недоброю славою въ народѣ. Вмѣсто энергичныхъ мѣръ, новое правительство занималось исполненіемъ ста-

рыхъ обычаевъ; напимѣрь, раздавало щедрую милостыню на поминъ о царѣ Борисѣ и заставляло служить панихиды во всѣхъ монастыряхъ; а относительно борьбы со Лжедимитріемъ семья Годуновыхъ всю надежду свою возложила на одного человѣка: на Петра Басманова. Его наконецъ отправили начальствовать войскомъ, осаждавшимъ Кромъ, взявъ съ него клятву, что онъ будетъ служить Ѳеодору также вѣрно какъ служилъ его отцу. Однако и въ этомъ случаѣ поступили согласно старому обычаю: чтобы не нарушать мѣстническихъ счетовъ, Басмановъ назначенъ былъ собственно товарищемъ воеводы большого полку; а титулъ этого воеводы данъ князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому, человѣку знатному родомъ, но незначительному по способностямъ и характеру. Ѳ. И. Мстиславскій и оба брата Шуйскіе отозваны въ Москву, подъ предлогомъ занять первыя мѣста въ Боярской думѣ, чтобы помогать юному государю своими совѣтами.

Вмѣстѣ съ Басмановымъ и Катыревымъ-Ростовскимъ отправленъ былъ новгородскій митрополитъ Исидоръ, чтобы привести ратныхъ людей къ присягѣ. Отъ рати зависѣла теперь судьба царствующаго дома, и Годуновы съ безпокойствомъ ожидали отъ него вѣстей. Ратные люди безпрепятственно присягнули, хотя и съ неравнымъ состояніемъ духа: одни печалились о смерти Бориса, другіе ей радовались. Митрополитъ Исидоръ воротился въ Москву съ доброю вѣстію объ учиненной присягѣ. Но скоро пришли извѣстія другого рода.

Трудно сказать, что собственно побудило Басманова къ измѣнѣ. Вѣроятно все, на него подѣйствовало съ одной стороны та шаткость въ умахъ и тотъ духъ розни, которые онъ нашелъ въ войскѣ, а съ другой народное нерасположеніе къ Годуновымъ и правительственная ихъ неспособность, которую онъ близко видѣлъ въ Москвѣ; такимъ образомъ онъ могъ уже заранѣе считать ихъ дѣло проиграннымъ. Вѣроятно и личное его честолюбіе не надѣялось добиться первой роли въ государствѣ, имѣя передъ собою цѣлую лѣстницу мѣстническихъ счетовъ съ знатнѣйшими боярами и цѣлую толпу Годуновской родни. Къ тому же недалековидные правители, отозвавъ изъ войска честнаго Мстиславскаго и братьевъ Шуйскихъ, оставили при немъ самыхъ ненадежныхъ воеводъ, каковы два брата князя Голицыны, крайне нерасположенные къ Годуновымъ, и уже явно измѣнявшій имъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ. Эти воеводы своими внушеніями, вѣжета, повліяли на рѣшимость Басманова и вошли съ нимъ въ тайное соглашеніе или просто въ заговоръ, чтобы дѣйстви-

вать въ пользу Самозванца. Кромѣ сихъ главныхъ лицъ, въ войскѣ оказалось немало и второстепенныхъ начальниковъ, нескрывавшихъ своей ненависти къ Годуновской семьѣ и принявшихъ участіе въ заговорѣ. Среди сихъ послѣднихъ особенно выдавались братья Ляпуновы, стоявшіе во главѣ рязанскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но заговорщики пока скрывали свой замыселъ, потому что было много и приверженцевъ царствующаго дома; а въ числѣ воеводъ подъ Кромами находился одинъ изъ Годуновыхъ, Иванъ. Опасались они также четырехтысячнаго наемнаго отряда, состоявшаго изъ иноземцевъ, большею частію Нѣмцевъ, которые доселѣ вѣрно служили царю.

Получивъ радостныя вѣсти о смерти Бориса и колебаніи войска, Димитрій все еще не рѣшался лично выступить изъ Путивля; а отправилъ только передовой отрядъ изъ трехъ польскихъ хоругвей и трехтысячной русской дружины, подъ начальствомъ поляка Запорскаго, на помощь Кромамъ. Приблизясь къ городу, Запорскій, по нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, употребилъ обычную тогда хитрость: онъ послалъ одного московскаго переметчика съ письмомъ къ осажденнымъ; а въ этомъ письмѣ отъ имени названнаго Димитрія извѣщалъ о прибытіи къ нему 40,000 вспомогательнаго польскаго войска и скоромъ своемъ пришествіи. Посланный намѣренно попался въ плѣнъ и представилъ русскимъ воеводамъ означенное письмо, которое и произвело большое смущеніе; оно еще болѣе усилилось, когда въ лагерь прибѣжалъ сторожевой русскій отрядъ, разбитый Запорскимъ. Повидимому Басмановъ и его единомышленники воспользовались именно этими обстоятельствами, чтобы исполнить свой замыселъ. Они съленили на свою сторону начальника иноземцевъ лифляндца фонъ Розена. Онъ первый съ своею дружиною перешелъ изъ лагеря на другую сторону рѣки Крома, и выстроился тамъ въ боевой порядокъ. За нимъ двинулись тѣ полки, которые уже были подготовлены заговорщиками. Тогда Басмановъ, ставъ посреди моста, обратился къ остальному войску и призывалъ его идти на службу своему прирожденному государю Димитрію Ивановичу. Въ лагерьъ произошли чрезвычайное смятеніе и беспорядокъ: одни бѣжали за рѣку и присоединялись къ измѣнчившимъ полкамъ; другіе хотѣли оставаться вѣрными присягѣ; произошла страшная сумятица, сопровождавшаяся междоусобной сѣчей. При возникшей давкѣ на мосту сей послѣдній обрушился; отъ чего смятеніе еще увеличилось. Въ это время Корела съ своими казаками вышелъ изъ крѣпости и ударилъ на часть войска, вѣрную Годуновымъ. Она разсѣялась въ бѣгствѣ. Иванъ Годуновъ

и другіе упорствующіе воеводы были перевязаны. (Князь Василій Голицынъ самъ велѣлъ себя связать). Нѣкоторые воеводы, нехотѣвшіе измѣнять, въ томъ числѣ Катиревъ-Ростовскій и князь Телятевскій, съ небольшимъ числомъ ратныхъ людей успѣли отступити и ушли въ Москву.

Такъ окончилась трехмѣсячная жалкая осада Кромъ, и дѣло Самозванца окончательно восторжествовало.

Гонцы отъ Запорскаго извѣстили Лжедмитрія о счастливомъ для него событіи. А отъ царскаго войска прибыла къ нему депутація, имѣвшая во главѣ князя Ивана Голицына, „съ объявленіемъ подданства и послушанія“. Въ половинѣ мая онъ выступилъ изъ Путивля подъ Кромъ, встрѣчаемый по дорогѣ перешедшими на его сторону воеводами (Голицынъ, Салтыковъ, Васмановъ, Шереметевъ) и другими знатными людьми съ изъявленіями своей покорности. Объявляя имъ свои милости, онъ однако еще не совсѣмъ довѣрялъ русской рати, ожидавшей его подъ Кромами, и значительную часть служилыхъ людей на время распустилъ по домамъ; а съ остальными направился къ Москвѣ чрезъ Орелъ, Тулу и Серпуховъ. Попутные города уже не сопротивлялись, а встрѣчали его какъ своего государя. Однако онъ продолжалъ соблюдать осторожность, и на стоянкахъ обыкновенно располагался съ своими польскими отрядами въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ русскаго лагеря, окружая себя усиленной стражей. Въ то же время онъ усердно разсылалъ на сѣверъ и востокъ свои грамоты къ русскому народу съ извѣстіями о своемъ воцареніи и обѣщаніями разныхъ льготъ и милостей тѣмъ, которые окажутъ ему преданность, и угрожалъ своимъ гнѣвомъ непокорнымъ.

Въ столицѣ господствовала совершенная растерянность послѣ того, какъ пришла вѣсть объ измѣнѣ войска и явились изъ него бѣглецы. Думные бояре большею частію замыслили измѣну и вели себя двусмысленно; а Годуновы и ихъ клевреты пытались мѣрами строгости поддержать повиновеніе; такъ они перехватывали людей, пріѣзжавшихъ съ грамотами отъ Лжедмитрія, и подвергали ихъ истязаніямъ. Чернь сохраняла еще наружное спокойствіе; но купцы и вообще состоятельные граждане не довѣряли этому спокойствію, и заблаговременно старались припрятать деньги, дорогія вещи и товары въ подпольяхъ, по монастырямъ и въ другихъ безопасныхъ мѣстахъ, опасаясь всеобщаго грабежа въ случаѣ народнаго бунта. Правительство между прочимъ попыталось привести столицу въ оборонительное состояніе и приказало подвозить орудія къ городскимъ стѣнамъ и валамъ. Но эти воинствен-

ня приготовленія шли очень вяло, и возбуждали насмѣшки среди черни. Сія послѣдняя ожидала только внѣшняго толчка, чтобы выступить на сцену дѣйствія.

Такой толчокъ былъ данъ прибытіемъ двухъ дворянъ, Пушкина и Плещеева, которыхъ Лжедимитрій послалъ изъ Тулы съ своею грамотою. Эти посланцы избѣгли участи своихъ предшественниковъ; они явились не прямо въ столицу, а сначала въ подмосковную слободу Красное Село, обитаемую торговымъ и ремесленнымъ людемъ. Возмущенные ихъ рѣчами и грамотою, Красносельцы большою шумною толпою отправились съ ними къ Лобному мѣсту. Тщетно Годуновы высылали военныхъ людей, чтобы остановить и разсѣять толпу; по дорогѣ она росла какъ лавина и наконецъ запрудила Красную Площадь. Плещеевъ и Пушкинъ взшли на помость Лобнаго мѣста, и оттуда читали грамоту, обращенную къ московскимъ боярамъ, дворянамъ, приказнымъ и торговымъ людемъ. Въ этой грамотѣ ложный Димитрій, именуя себя великимъ государемъ и царскимъ величествомъ, напоминалъ присягу, данную Ивану IV и его чадамъ; затѣмъ повторялъ басню о своемъ спасеніи въ Угличѣ, говорилъ о захватѣ престола Борисомъ Годуновымъ, „не ставилъ въ вину“ служивымъ людемъ то, что они доселѣ стояли противъ своего прирожденнаго государя по невѣдѣнію „бояся казни“; теперь же приказывалъ имъ, „помня Бога и православную вѣру“, прислать къ нему съ челобитьемъ архіереевъ, бояръ, гостей и лучшихъ людей; за что обѣщалъ служивыхъ жаловать вотчинами, а гостямъ и торговымъ людемъ учинить облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ. Въ противномъ случаѣ грозилъ праведнымъ судомъ Божиимъ и своей царской опалой. Въ той же грамотѣ Самозванецъ говорилъ о многихъ ратяхъ, русскихъ, литовскихъ и татарскихъ, съ которыми шелъ къ Москвѣ, о томъ, что города московскіе и поволжскіе уже добились ему челоу; что Ногаи предлагали придти къ нему на помощь, но онъ отказался, „не хотя видѣти разореніе въ христіанствѣ“. Очевидно грамота была составлена людьми умѣлыми и опытными, такъ что затрогивала почти всѣ важнѣйшія струны народнаго чувства.

Когда окончилось чтеніе, въ народѣ поднялись крики и произошло величайшее смятеніе. Тщетнопришедшіе изъ дворца бояре пытались его успокоить; ихъ голоса терялись въ общемъ шумѣ. „Буди здравъ царь Димитрій Ивановичь!“ „Долой Годуновыхъ!“—кричали вожаки. Мятежъ разразился съ неудержимою силою. Толпа бросилась въ Кремль, отгнѣснила стрѣleckую стражу и ворвалась въ царскій дворець. Федора Борисо-

веча съ матерью и сестрою схватили, посадили на простую телѣгу и отвезли въ ихъ прежній боярскій домъ. Затѣмъ начался неистовый грабежъ въ домахъ Годуновыхъ, ихъ родственниковъ Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ и всѣхъ ихъ извѣстныхъ приверженцевъ; досталось при этомъ и многимъ другимъ зажиточнымъ людямъ; особенно пострадали придворные нѣмецкіе врачи. Рассказываютъ, что когда чернь хотѣла проникнуть въ царскіе погреба, изобильно снабженные разными винами и напитками, Богданъ Вѣльскій, одинъ изъ немногихъ опальныхъ бояръ возвращенныхъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ изъ ссылки, оставивъ толпу, сказавъ, что нечѣмъ будетъ угощать царя Димитрія Ивановича и его ближнихъ, и указавъ ей на погреба нѣмецкихъ докторовъ Бориса, бывшихъ его главными совѣтниками и наущниками. Чернь послушалась, и бросилась грабить дома ненавистныхъ ей докторовъ, такъ что эти разбогатѣвшіе люди въ одинъ мигъ лишились всего движимаго имущества, и сдѣлались почти нищими. Изъ разбитыхъ погребовъ выкатывали бочки съ виномъ, и работали около нихъ такъ усердно, что, по иностраннымъ извѣстіямъ, въ этотъ день отъ 50 до 100 человекъ ошались до смерти. Годуновы, ихъ родственники и свойственники взяты подъ стражу и отданы за приставы.

Въ слѣдующіе дни отъ московскихъ всякихъ чиновъ людей составлена была повинная грамота, приглашавшая названнаго Димитрія прибыть въ Москву и занять прародительскій престолъ.

Лжедимитрій однако замедлилъ свое пребываніе въ Тулѣ. Прежде вступленія въ столицу онъ хотѣлъ по возможности обезпечить за собой признаніе всѣмъ государствомъ; для чего продолжалъ разсылать по городамъ извѣстительныя грамоты о своемъ восшествіи на прародительскій престолъ, прилагая къ нимъ форму присяги, которую жители должны были ему приносить. Межъ тѣмъ въ Тулу на поклонъ новому царю пріѣхали изъ Москвы первостатейные бояре, въ томъ числѣ Мстиславскій и братья Шуйскіе; а съ Дона на службу къ нему пришла новая толпа казаковъ. Самозванецъ началъ вести себя какъ бы истинный государь, увѣренный въ своемъ неоспоримомъ правѣ: онъ принималъ казаковъ ласковѣе и допустилъ ихъ къ своей рукѣ прежде чѣмъ бояръ, за то, что первые гораздо ранѣе послѣднихъ признали его царевичемъ и оказали ему помощь.

Была и еще причина, почему Лжедимитрій медлилъ своимъ прибытіемъ въ столицу. Ѳеодоръ Борисовичъ, хотя сверженный съ престола и лишенный свободы, былъ еще живъ, и при случаѣ могъ послужить предметомъ движенія со стороны Годуновскихъ приверженцевъ.

А во главѣ духовенства стоялъ еще патріархъ Іовъ, заявившій себя столь ревностнымъ поборникомъ сверженной династіи. Поэтому въ Москву отправились изъ Тулы съ тайными приказаніями два князя, Василій Голицынъ и Рубецъ Мосальскій. По прибытіи ихъ прежде всего былъ насильно сведенъ съ патріаршаго престола Іовъ и отправленъ въ старинный Богородицкій монастырь. На его мѣсто назначенъ рязанскій архіепископъ Игнатій, родомъ Грекъ, который прежде другихъ архіереевъ призналъ Самозванца и явился къ нему на поклонъ. Годуновыхъ, ихъ родственниковъ и свойственниковъ изъ Москвы разослали въ заточеніе по разнымъ городамъ. Ненавистнаго народу Семена Годунова посадили въ Переяславскую тюрьму и тамъ его уморили. Въ заключеніе покончили съ юнымъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ и его матерью. Въ ихъ домъ явились нѣкіе Молчановъ и Шерефединовъ съ тремя дюжими стрѣльцами. Марью Григорьевну задушили безъ труда; но Ѳеодоръ Борисовичъ оказалъ отчаянное сопротивленіе, прежде чѣмъ его умертвили. Красавицу Ксенію сохранили въ живыхъ—для гнусной потѣхи Самозванца. Народу объявили, что бывшая царица Марья и ея сынъ сами лишили себя жизни посредствомъ отравы. Прахъ царя Бориса вынули изъ Архангельскаго собора, и погребли въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, что на Срѣтенѣ; подлѣ него положили тѣла жены и сына.

Спустя дней десять послѣ этой трагедіи, 20 іюня 1605 года совершилось торжественное вступленіе Лжедимитрія въ столицу. Стояла прекрасная лѣтняя погода. Шествіе открывали польскія хоругви; ихъ тщательно вычищенные латы и оружіе ярко блистали на солнцѣ; трубачи и барабанщики потрясали воздухъ звуками своихъ инструментовъ. За ними шли попарно русскіе стрѣльцы; ѣхали нарядныя царскія кареты, запряженныя шестерней, и вели лучшихъ царскихъ коней. Потомъ слѣдовали: конный отрядъ боярскихъ дѣтей въ праздничныхъ кафтанахъ, сопровождаемый громомъ бубновъ и набатовъ, и духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ съ хоругвями, образами и евангеліями, имѣя во главѣ нареченнаго патріарха Игнатія. Лжедимитрій ѣхалъ верхомъ на статномъ конѣ въ золотомъ кафтанѣ, окруженный боярами и окольничими. Шествіе замыкали отряды казаковъ, Татаръ и опять Поляковъ. Все московское и окрестное населеніе радостными кликами привѣтствовало того, кого оно въ простотѣ сердца считало истиннымъ сыномъ Ивана Грознаго и называло своимъ яснымъ солнышкомъ. Не только улицы и площади были полны народомъ; онъ тѣснился на кровляхъ домовъ и даже церквей. Самозванецъ привѣтливо кланялся

на обѣ стороны. Вступленіе его въ столицу однако не обошлось безъ нѣкоторыхъ случайностей. Такъ, когда онъ ѣхалъ по мосту, наведенному черезъ Москву-рѣку отъ Стрѣleckой Слободы въ Китай-городъ, вдругъ поднялся вихрь съ такою пылью, которая заслѣпляла глаза, и это явленіе нѣкоторыми было принято за дурное предзнаменованіе. Не понравилось многимъ истымъ Москвичамъ и то обстоятельство, что на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ духовенство встрѣтило новаго царя съ образами и церковнымъ пѣніемъ, польскіе трубачи и литаврички своими инструментами заглушали это пѣніе; а потомъ, когда онъ сошелъ съ коня и сталъ обходить кремлевскіе соборы, туда слѣдовали за нимъ пестрою безпорядочною толпою всякіе иноземцы его свиты, Поляки, Нѣмцы, Угры. Въ Архангельскомъ соборѣ, искусившійся въ лицемѣрін, Самозванецъ припалъ ко гробу своего мнимаго отца, и сказалъ нѣсколько трогательныхъ словъ, проливая слезы. Наконецъ онъ вступилъ въ царскій дворецъ. Мнимый его бывшій дядька Богданъ Бѣльскій вышелъ на Лобное мѣсто. Обратясь къ народу, онъ клялся, что это истинный сынъ Ивана Грознаго, и увѣщевалъ беречь его, любить, служить ему вѣрою и правдою. Весь этотъ день Москва дрожала отъ непрерывнаго звона своихъ многочисленныхъ колоколовъ. ⁽¹⁾

Такъ произошло воцареніе польско-литовскаго бродяги на Московскомъ престолѣ.

Первыя дѣйствія новаго царя въ Москвѣ, какъ и естественно, состояли въ раздачѣ наградъ и всякихъ милостей, преимущественно тѣмъ, которые пострадали при Годуновыхъ. Такъ мнимые его родственники Нагіе были возвращены изъ ссылки и пожалованы боярскимъ саномъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ, Голицынымъ, Салтыковымъ, Масальскимъ и нѣкоторыми воеводами, ранѣ другихъ передавшимися на его сторону. Людей менѣе знатныхъ онъ произвелъ въ окольничіе, въ томъ числѣ дьяковъ Василія Щелкалова и Аѳанасія Власьева. Извѣстный его агентъ Гаврило Пушкинъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ, а мнимый его дядька Богданъ Бѣльскій „великимъ“ оруженничимъ. Особое вниманіе оказано было знаменитой семьѣ Романовыхъ, столь сильно пострадавшей отъ Бориса. Изъ пяти братьевъ въ живыхъ оставались только двое: Иванъ Никитичъ и насильно постриженный Феодоръ, теперь инокъ Филаретъ. Ихъ вызвали изъ ссылки и воротили имъ конфискованныя имуществы; Ивана Никитича пожаловали саномъ боярина, а старца Филарета посвятили въ санъ Ростовскаго митрополита; бывшая его супруга, теперь инокиня Марѳа, съ сыномъ Михаиломъ поселилась въ костромскомъ Ипатьевскомъ мо-

настырь, который принадлежалъ къ епархіи Филарета. Тѣла Романовыхъ, умершихъ въ изгнаніи, перевезли въ Москву, и здѣсь похоронили. Возвратили изъ ссылки и престарѣлаго слѣпца Симеона Бекбулатовича, бывшаго когда-то титулярнымъ царемъ Московскимъ. Награды посыпались на многихъ чиновниковъ и въ особенности на войско: жалованье служилымъ людямъ было удвоено. Самозванецъ велѣлъ уплатить и всѣ частныя долги своего мнимаго отца Ивана IV. Если вѣрить одному польскому свидѣтельству, онъ истратилъ тогда изъ московской казны до семи съ половиною миліоновъ рублей—сумма потому времени громадная.

Всѣ въ Москвѣ, казалось, ликовали; знатные и незнатные спѣшили изъявлять свою преданность царю. Но посреди сего ликованія противъ него уже составлялся тайный заговоръ, руководимый княземъ Василюмъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Ему конечно болѣе чѣмъ кому другому была извѣстна смерть истиннаго Дмитрія, и теперь, когда Годуновы были свержены, а Мстиславскій отстранялся отъ всякихъ притязаній на престолъ, Шуйскій считалъ за собою ближайшее на него право, и, не медля ни минуты, началъ готовить почву для сверженія Лжедмитрія и своего возвышенія. По ночамъ онъ собиралъ у себя довѣренныхъ лицъ, преимущественно изъ московскаго торговаго сословія, убѣждалъ ихъ въ самозванствѣ новаго царя и поручалъ имъ эту истину распространять въ народѣ. Кто именно былъ Самозванецъ, вѣроятно онъ самъ не зналъ; а потому схватился за готовое уже мнѣніе о немъ какъ о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, который былъ преданъ проклятію высшимъ русскимъ духовенствомъ, и одно это обстоятельство должно было сильно дѣйствовать на умы народа при малѣйшемъ сомнѣніи въ истинности царевича. Впечатлѣніе должно было еще усилиться внушеніями, что воръ-разстрига передался Ляхамъ и намѣренъ „разорить христіанскую вѣру“, т. е. ввести латинство. Но затѣянное дѣло оказалось несвоевременнымъ и неискусно направленнымъ. Клевреты Шуйскаго, въ томъ числѣ московскій купецъ Федоръ Коневъ, дѣйствовали безъ надлежащей осторожности. и притомъ встрѣтили мало сочувствія: народная масса находилась еще подъ обаяніемъ рассказовъ о чудесномъ спасеніи и подвигахъ царевича и, послѣ нелюбимаго Годунова, предавалось радости видѣть на престолѣ прямого потомка своего исконнаго царскаго рода. Толки о самозванствѣ царя дошли до Басманова, который донесъ о нихъ Лжедмитрію; клеветы Шуйскаго были схвачены и подъ пыткой во всемъ признались. Схватили братьевъ Шуйскихъ и также

подвергли ихъ пристрастному допросу. Лжедмитрій отказался самъ произнести приговоръ, и отдалъ ихъ дѣло на судъ собору, составленному изъ духовенства, бояръ и людей всякихъ чиновъ. Соборъ, отчасти раболѣпствуя передъ новымъ царемъ, отчасти раздѣляя народное увлеченіе, приговорилъ Василя Шуйскаго къ смертной казни, а его братьевъ Дмитрія и Ивана къ ссылкѣ.

Въ концѣ іюня (слѣдовательно съ небольшимъ черезъ недѣлю послѣ описаннаго торжества) князя Василя Ивановича взвели на эшафотъ, окруженный густыми рядами стрѣльцовъ и казаковъ, около которыхъ тѣснились народныя толпы. Теперь Басмановъ, вмѣстѣ съ Салтыковымъ назначенный въ приставы при Шуйскомъ, развѣзжалъ на конѣ и читалъ народу грамоту съ изложеніемъ тяжкихъ винъ осужденнаго боярина. Послѣ неудачнаго заговора, Шуйскій рѣшился по крайней мѣрѣ мужественно сложить свою голову передъ народомъ.

„Братія,—воскликнулъ онъ—умираю за правду и за вѣру христіанскую!“ Палачъ уже взялся за топоръ, какъ вдругъ изъ Кремля прискакалъ всадникъ съ крикомъ: „стой!“ Самозванецъ даровалъ жизнь осужденному, и казнь замѣнилъ ссылкой. Басмановъ громко прославилъ милосердіе молодого государя, и довольный народъ разошелся съ пожеланіями ему здравія и долголѣтія. Кто подвигъ Самозванца на это прощеніе, въ точности неизвѣстно; но очевидно около него нашлись ходатаи за родовитаго боярина. А, главное, самъ Лжедмитрій, упоенный чрезвычайнымъ успѣхомъ и знаками народной преданности, еще находился въ какомъ то восторженномъ настроеніи, такъ что носился тогда съ особой теоріей царскаго милосердія. Когда приближенный его секретарь полякъ Янъ Бучинскій совѣтовалъ ему не шадить Шуйскихъ, то онъ отвѣчалъ, что далъ обѣтъ не проливать христіанской крови и что передъ нимъ два способа удержать царство: или быть мучителемъ, или всѣхъ миловать и жаловать, не шадя казни. Онъ выбралъ второй способъ. Шуйскихъ отправили въ ссылку, а имѣнія ихъ отобрали на государя. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Самозванецъ совершенно ихъ простилъ и возвратилъ ко двору.

Приближенные люди совѣтовали ему скорѣе совершить торжественное вѣнчаніе на царство, чтобы упрочить себя на престолѣ; ибо тогда онъ будетъ имѣть священное значеніе въ глазахъ народа. Но Самозванецъ не хотѣлъ приступить къ обряду прежде прибытія мнимой матери, присутствіе которой и признаніе его своимъ сыномъ должны были закрѣпить за нимъ царственное происхожденіе въ тѣхъ-же глазахъ. Старица Марѳа проживала въ убогой Выксинской пустыни (на Шекснѣ).

Казалось бы ея прибытіе должно было предшествовать возвращенію всѣхъ другихъ лицъ, сосланныхъ Годуновымъ, и самому вступленію Лжедимитрія въ столицу: однако со времени признанія его Москвою протекло около двухъ мѣсяцевъ до прїѣзда вдовствующей царицы. Приходилось посылать къ ней своихъ клеветовъ и вести тайные переговоры, чтобы вынудить ея согласіе на признаніе Лжедимитрія своимъ сыномъ. Очевидно, не вдругъ согласилась Марѳа на обманъ; потребовались и просьбы, и обѣщанія всякихъ благъ, и даже угрозы тайнымъ убійствомъ. Старица не устояла, и наконецъ дала свое согласіе. Тогда за нею отправлено было изъ Москвы торжественное посольство, во главѣ съ юнымъ Михаиломъ Скопинымъ Шуйскимъ, который только что былъ пожалованъ саномъ „великаго“ мечника. 18 іюня Самозванецъ, окруженный блестящимъ дворомъ, встрѣтилъ свою мнимую мать въ селѣ Тайнинскомъ. Ее ввели въ роскошно убранный шатеръ, гдѣ Лжедимитрій нѣсколько минутъ говорилъ съ нею наединѣ; при чемъ опять съ угрозами заклиналъ ее не обличать обмана. Выйдя изъ шатра, они нѣжно обнимались и цѣловались, въ виду многочисленной народной толпы; Самозванецъ посадилъ Марѳу въ карету, и пошелъ подлѣ нея съ открытою головою; потомъ сѣлъ на коня, поскакалъ впередъ и вновь встрѣтилъ ее уже при въѣздѣ въ Кремль. Онъ проводилъ ее въ женскій Вознесенскій монастырь, гдѣ для нея были приготовлены и украшены особыя комнаты. Послѣ того лжецарь посѣщалъ ее почти ежедневно и вообще показывалъ себя самымъ почтительнымъ сыномъ. Но, при всѣхъ наружныхъ знакахъ почтенія, Самозванецъ не особенно довѣрялъ Марѳѣ и окружилъ ее такъ, чтобы устранить всякія сношенія ея съ боярами: несчастная старица очутилась въ золотой клѣткѣ.

21 іюня происходило торжественное вѣнчаніе Самозванца на царство въ Успенскомъ соборѣ со всѣми обычными обрядами. Вѣнчаніе сіе совершалъ Игнатій, за нѣсколько дней до того также торжественно посвященный въ санъ патріарха. Когда послѣ обряда новый царь принималъ во дворцѣ поздравленія отъ всѣхъ придворныхъ чиновъ и наемныхъ польскихъ жолнеровъ, изъ толпы послѣднихъ выступилъ іезуитъ Чировскій; поцѣловавъ руку Лжедимитрія, онъ посреди глубокаго молчанія сказалъ ему отъ имени Поляковъ привѣтственную рѣчь на польскомъ языкѣ; что не мало удивило русскихъ бояръ. Но Самозванцу эта напыщенная рѣчь повидимому очень понравилась, и онъ самъ переводилъ боярамъ ея смыслъ. За поздравленіями слѣдовалъ роскошный пиръ ⁵⁾.

Почти годовое правленіе Лжедимитрія, какъ и слѣдовало ожидать, носить на себѣ печать явнаго вліянія его польскаго воспитанія и его легкомыслія. Такъ Боярскую думу онъ началъ преобразовывать по образцу польскаго Сената. Прежде высшее московское духовенство приглашалось царемъ въ думу только въ важныхъ случаяхъ; Лжедимитрій хотѣлъ присутствіе здѣсь патріарха и другихъ архіереевъ сдѣлать постояннымъ, назначая имъ мѣста по старшинству. Также по польскимъ образцамъ онъ учредилъ должности великаго конюшаго, великаго дворецкаго, даѣе великихъ оружничаго, мечника, подчапшаго, кравчаго, сокольничаго, секретаря и надворнаго подскарбія или казначея; въ послѣднія двѣ назначилъ Аванасія Власьева. Онъ охотно самъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ, гдѣ, по свидѣтельству иноземцевъ, любилъ блеснуть своимъ остроуміемъ, прекращая долгія пренія бояръ и быстро (хотя бы неосновательно) рѣшая запутанныя дѣла: при чемъ не упускалъ случая упрекнуть ихъ въ невѣжествѣ или указать на чужія земли, которыя имъ слѣдуетъ посѣщать, чтобы научиться тамъ уму-разуму. Вообще обхожденіе этого неблаговоспитаннаго выскочки съ русскими боярами, дьяками и чиновниками было очень неравное: то онъ дружился съ ними и обходился за панибрата, то ругалъ ихъ и даже билъ палкою въ минуты вспыльчивости. Ища народной любви, онъ велѣлъ объявить, что самъ будетъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, принимать челобитныя на дворцовомъ крыльцѣ; запретилъ въ приказахъ брать посулы; допустилъ гораздо болѣе свободы въ торговлѣ и промышленности равно для Русскихъ и иноземцевъ. Подобныя мѣры въ сущности являлись скороспѣлыми и мало обдуманными. Пристрастныя иноземныя свидѣтельства вообще хвалятъ его доступность и простоту въ обращеніи, его дѣятельность и подвижность; говорятъ, что, вмѣсто обычнаго на Руси спанья послѣ обѣда, онъ часто выходилъ изъ дворца одинъ или самъ другъ, посѣщалъ аптеки, лавки съ издѣліями изъ дорогихъ металловъ и т. п. Вѣроятно такъ запросто онъ разгуливалъ только въ началѣ; а потомъ, въ виду нѣкоторыхъ обнаруженныхъ заговоровъ и опасныхъ толковъ, онъ ѣздилъ по столицѣ, окруженный своими тѣлохранителями-иноземцами.

Чтобы показать довѣріе Москвитянамъ, Лжедимитрій на первыхъ порахъ началъ распускать вазачіе и наемныя отряды, въ томъ числѣ и польскій; но скоро спохватился, и сталъ формировать ихъ вновь. Между прочимъ онъ учредилъ трехсотенную иноземную гвардію, набранную преимущественно изъ Нѣмцевъ: первая сотня была конная

и состояла подъ командою француза Якова Маржерета, уже служившаго капитаномъ въ наемномъ нѣмецкомъ отрядѣ при Борисѣ Годуновѣ (автора любопытныхъ записокъ о Россіи); двѣ другія сотни представляли пѣшихъ алебардщиковъ; одною начальствовалъ датчанинъ Кнутсонъ, а другою шотландецъ Альбертъ Вандеманъ. Эти сотни получали богатое жалованье, одѣты были въ роскошные бархатные или парчевые плащи и цвѣтные суконные кафтаны нѣмецкаго покроя; вооруженіе ихъ было украшено серебромъ и позолотою. Они постоянно содержали внутренній дворцовый караулъ и сопровождали царя при его выѣздахъ. Кромѣ иноземцевъ, онъ держалъ постоянно въ сборѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ стрѣльцовъ для охраны своего дворца и своей особы.

Если Самозванецъ къ чему дѣйствительно обнаруживалъ влеченіе и усердіе, это къ военному дѣлу, въ которомъ онъ кое что понималъ. Приготовляясь начать войну противъ Турокъ и Татаръ, онъ велѣлъ отлить много новыхъ пушекъ и мортиръ, которыя отправлялъ въ Елецъ и вообще на южныя украины. А, главное, онъ обратилъ вниманіе на военныя упражненія или на обученіе войска; устраивалъ примѣрныя сраженія, примѣрную осаду и оборону крѣпостей. Съ сею цѣлью онъ велѣлъ построить подвижную крѣпостцу на колесахъ (родъ гуляй-города), которая предназначалась для дѣйствія противъ Татаръ. Она была снаружи раскрашена изображеніями слоновъ и разныхъ чудовищъ, способныхъ испугать татарскихъ всадниковъ и коней. На окнахъ былъ изображенъ входъ въ адъ, извергавшій пламя, а подъ ними видѣлись чертовы головы съ отверзтою пастью, въ которую вставлялись небольшія пушки или пинцали. Москвичи съ удивленіемъ смотрѣли на это сооруженіе и называли его „адамъ“. Зимой Лжедмитрій помѣстилъ его на льду Москвы-рѣки и посылалъ Поляковъ, однихъ защищать, а другихъ осаждать сію крѣпостцу. Однажды онъ соорудилъ укрѣпленіе изъ снѣгу и льда, и велѣлъ оборонять его Русскимъ, а Нѣмцамъ и Полякамъ брать приступомъ; вмѣсто оружія служили снѣжные комки. При семъ онъ не утерпѣлъ, самъ сталъ во главѣ иноземцевъ и взялъ съ бою укрѣпленіе; послѣ чего похвалялся, что онъ также завоюетъ у Турокъ Азовъ. Русскіе были оскорблены, и обвиняли иноземцевъ въ томъ, что они вмѣсто снѣгу зажали въ кулакъ куски желѣза. Вообще легкомысленный Самозванецъ слишкомъ усердно выказывалъ передъ народомъ свою ловкость и молодечество. Онъ любилъ скакать на бѣшеныхъ коняхъ, на охотѣ самъ гонялъ съ собаками за волкомъ или лисицею; а однажды на медвѣжьей

травлѣ хотѣлъ самолично выйти на медвѣдя съ рогатиной, и только по усиленнымъ просьбамъ вельможъ оставилъ свое намѣреніе. Подобные подвиги производили странное впечатлѣніе на народъ: съ одной стороны Русскіе, какъ любители всякой удали, хвалили молодого царя; а съ другой, привыкшіе къ торжественности и величію, которыми окружали себя ихъ государи, они считали такіе подвиги нѣкоторымъ униженіемъ царскаго достоинства.

Не довольствуясь кремлевскими царскими палатами, Самозванецъ затѣялъ подлѣ нихъ, еще ближе къ Москвѣ рѣкѣ, постройку новаго дворца, деревяннаго, состоявшаго собственно изъ двухъ отдѣльныхъ, но соединенныхъ между собою зданій: одно предназначалъ для себя, а другое для будущей царицы. Зданія сіи онъ украсилъ по своему польскому вкусу: стѣны были обиты дорогою парчею и рытымъ бархатомъ, всѣ гвозди, крюки и дверныя петли густо вызолочены, печи выложены зелеными изразцами, оконныя и дверныя занавѣсы сдѣланы изъ матерій, затканыхъ золотомъ, и т. п. У входа въ новый дворецъ, къ удивленію и соблазну подданныхъ, поставлено было большое мѣдное изваяніе мифологическаго пса или цербера съ тремя головами, которыя при помощи особаго механизма могли открывать свои пасти и бряцать зубами. Подъ этимъ дворцомъ были выведены разные потаенные ходы, на случай опасности. Вообще Самозванецъ, какъ забубенная польская голова, вмѣстѣ съ чрезвычайной расточительностью обнаружилъ ненасытную жажду роскоши и удовольствій. Онъ сыпалъ вокругъ себя наградами и подарками, а также постоянно накупалъ разныхъ драгоценныхъ сосудовъ, украшеній, шелковыхъ тваней и другихъ товаровъ у нѣмецкихъ, польскихъ и еврейскихъ торговцевъ, въ большомъ числѣ пріѣхавшихъ по его приглашенію въ Москву. Любя самъ одѣваться роскошно и часто мѣнять свои наряды, онъ требовалъ подобной роскоши отъ бояръ, дворянъ и даже простыхъ людей. Русскій современникъ съ ироніей замѣчаетъ: „невѣсть съ какой радости всѣ ходили по улицамъ веселые какъ женихи въ золотѣ, серебрѣ и чужестранной багряницѣ; а передъ его лицомъ служащіе ему украшались многоцѣннымъ каменіемъ и дорогимъ бисеромъ и нисколько онъ не хотѣлъ видѣть смиренно-ходящихъ“.

Самозванецъ жилъ широко и весело; во дворцѣ часто играли польскіе музыканты, шли пиры, попойки и оживленные танцы. Онъ самъ устроилъ нѣсколько русскихъ свадебъ, и пользовался ими какъ удобнымъ предлогомъ къ новымъ пирамъ и празднествамъ. Между прочимъ съ князя Ѳ. И. Мстиславскаго онъ не только снялъ годунов-

ское запрещеніе жениться, но и самъ выбралъ ему невѣсту изъ семьи своихъ мнимыхъ родственниковъ Нагихъ, и подарилъ ему домъ Бориса Годунова. Но въ чемъ особенно сказались крайняя распущенность и легкомысліе сего польскаго исчадія, такъ это въ необузданномъ любострастіи. Недовольствуясь злосчастною Ксеніей Борисовной, онъ постоянно требовалъ все новыхъ и новыхъ жертвъ своего разврата. Михаилъ Молчановъ, извѣстный негодяй и убійца Годуновыхъ, служилъ усердно ему на семъ поприщѣ: съ помощію своихъ агентовъ онъ разыскивалъ красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ покупалъ деньгами или бралъ силою, и тайными ходами приводилъ къ своему повелителю. Самые монастыри не были пощажены, и многіа молодые монахини попали въ число его жертвъ. Говорятъ, послѣ смерти Лжедмитрія оказалось до 30 женщинъ, которыя по его винѣ готовились сдѣлаться матерями. На ряду съ близкимъ его наперсникомъ княземъ Василіемъ Масальскимъ, Петръ Басмановъ, выступившій въ Новгородѣ Сѣверскомъ героемъ на историческое поприще, теперь игралъ роль главнаго соучастника въ сихъ оргіяхъ и низкаго угодника тому, кого онъ самъ признавалъ лжецаремъ. Одинъ Нѣмецъ, пользовавшійся его довѣріемъ, разъ въ присутствіи нѣмецкаго купца спросилъ мнѣніе Басманова о названномъ Димитріи. „Онъ жалуетъ васъ, Нѣмцевъ, болѣе чѣмъ всѣ прежніе государи—отвѣчалъ Басмановъ.—Молитесь о немъ: хотя онъ и не истинный царевичъ; но мы ему присягнули; да лучшаго царя намъ и не найти“.

Среди своего праздничнаго царствованія Самозванцу пришлось однако серьезно подумать о томъ, какъ расплатиться съ своими благодѣтелями, которые выдвинули его изъ темноты и ничтожества и возвели на такой высокій, міровой постъ, какимъ является Московскій престолъ. Отъ сражавшихся за него казаковъ и польскихъ жолнеровъ онъ могъ еще отдѣлаться денежными наградами, но и то не вполне. Многіе Поляки или ополяченные Западноруссы, получивъ эти награды, остались ими недовольны, ибо рассчитывали на гораздо большее; они не спѣшили возвращаться на родину, и большею частію проматывали полученное жалованье тутъ же въ Москвѣ, а потомъ вновь поступали на службу къ Лжедмитрію. Несравненно труднѣе было расквитаться съ главными его благодѣтелями, т. е. Мнишками, королемъ Сигизмундомъ и Римскою куріей. Общанія и обязательства, которыя онъ надавалъ имъ во время своей кандидатуры, по большей части оказались неисполнимыми въ дѣйствительности: какъ ни былъ легкомысленъ Лжедмитрій, но онъ хорошо сознавалъ всю невозмож-

ность приступить къ введенію уніи въ Московское государство или къ отдѣленію отъ него нѣсколькихъ областей, ради удовлетворенія папы и короля. Съ этой стороны хотя онъ значительно измѣнилъ тояъ; но пришлось еще хитрить, лицежрить и выигрывать время; только относительно Мнишковъ онъ остался вѣренъ своимъ обязательствамъ, хотя и далеко не въ полномъ ихъ размѣрѣ.

Съ польскими отрядами, какъ мы видѣли, въ Москву прибыли два іезуитскихъ патера, Лавицкій и Чировскій, тѣ самые, у которыхъ онъ еще недавно, во время своего путивльскаго сидѣнія, началъ было учиться философіи и реторикѣ. Ихъ тайная надежда на продолженіе такой же близости и на руководство имъ въ дѣлахъ религіозныхъ не оправдалась. Наиболе приближенными и довѣренными совѣтниками Самозванца сдѣлались не эти два патера, а два брата Бучинскихъ, Станиславъ и Янъ, его частные секретари, оба протестанты. Они то и сочиняли ему теперь латинскія посланія къ папѣ и другіе дипломатическіе документы. Посредствомъ ихъ онъ иногда сносился и съ самими патерами. Съ послѣдними, при удобномъ случаѣ, онъ любилъ возобновлять разговоры о невѣжествѣ Московскаго народа, о необходимости его просвѣтить; для чего намѣревался завести коллегіи и академіи, разумѣется, по польскому образцу; а іезуиты конечно рассчитывали на свое будущее руководство этими коллегіями и академіями, т. е. на воспитаніе московскаго юношества въ духѣ греко-римской уніи. Но Самозванецъ признавалъ нужнымъ пока не возбуждать разныхъ опасеній со стороны своихъ подданныхъ, а потому исполненіе названныхъ намѣреній откладывалъ въ долгій ящикъ. Межъ тѣмъ Римская курія отнюдь не желала довольствоваться ожиданіями, и по своему обыкновенію думала ковать желѣзо, пока горячо.

Мы имѣемъ рядъ писемъ новаго тогда папы Павла V какъ къ самому Лжедмитрію, такъ и къ другимъ прикосновеннымъ лицамъ. Папа то поздравляетъ Самозванца съ благополучнымъ окончаніемъ его предпріятія и восшествіемъ на тронъ предковъ, увѣщая при семъ неизмѣнно сохранить свое католическое исповѣданіе; то поручаетъ его вниманію нѣсколькихъ кармелитскихъ монаховъ, которые отправлялись въ Персію черезъ Московію; то воздаетъ хвалу Сигизмунду III за помощь, оказанную Дмитрію Московскому; то пишетъ кардиналу Маѣвскому или Юрію Мнишку, внушая имъ заботу о поддержаніи вѣрности Римской церкви въ новомъ московскомъ царѣ. Нунцій Рангони съ своей стороны тоже осыпаетъ Лжедмитрія письменными поздравленіями и пожеланіями; кромѣ того отправляетъ къ нему въ

августъ 1605 года своего капеллана аббата Пратисоли съ письмомъ и подарками, состоящими изъ разныхъ священныхъ предметовъ; таковы: распятіе, вновь отпечатанная латинская біблія, икона Реджійской Богоматери, четки съ медалью-индульгенціей, каковыя давались обыкновенно побѣдителю, и пр. Въ письмѣ своемъ нунцій намекаетъ на то, что недавнею побѣдою и блестящимъ успѣхомъ названный Димитрій обязанъ своему обращенію въ католичество и прямо напоминаетъ о его обѣщаніи ввести унію. Самозванецъ съ своей стороны на посланія святѣйшаго отца шлетъ почтительные и любезные отвѣты, подписываясь его „послушнѣйшимъ сыномъ“ (*Sanctitatis Vestrae obsequentissimus filius Demetrius etc.*). Въ то же время чрезъ своего секретаря Яна Бучинскаго, отправленнаго въ Краковъ по вопросу о бракѣ съ Мариною Мнишекъ, онъ проситъ нунція Рангони между прочимъ поддержать его настоянія о цесарскомъ титулѣ и союзѣ съ Римскимъ (т. е. Германскимъ) императоромъ. А въ декабрѣ 1605 года онъ отправляетъ въ Римъ уже прямо къ его святѣйшеству посломъ отъ себя патера Андрея Лавицкаго, который по дорогѣ долженъ былъ остановиться въ Краковѣ и передать особыя письма нунцію. Краковскіе іезуиты были немало удивлены, увидя своего товарища въ одѣяннѣ русскаго священника, съ бородою, длинными волосами и греческимъ крестомъ на груди: такъ іезуитскіе патеры преобразились въ Москвѣ, чтобы избѣгать народнаго вниманія и неудовольствія.

Лавицкій имѣлъ порученіе хлопотать у его святѣйшества о трехъ главныхъ статьяхъ: во-первыхъ, устроить при его посредствѣ союзъ или коалицію Московскаго царя съ Римскимъ императоромъ и Польскимъ королемъ для общей войны противъ Турокъ; во-вторыхъ, поддержать царя передъ польскимъ королемъ по вопросу о присвоеніи Димитріемъ императорскаго титула, и въ третьихъ, наконецъ, наградить нунція Рангони кардинальскимъ достоинствомъ. И въ Краковѣ, и въ Римѣ король, нунцій, папа, министры слушали съ умиленіемъ и заставляли повторять рассказы Лавицкаго о чудесныхъ приключеніяхъ и необыкновенномъ успѣхѣ Самозванца. Но особыхъ послѣдствій его посольство не имѣло. Папскіе отвѣты Іжедимитрію были написаны въ томъ же ласковомъ отеческомъ тонѣ, но содержали въ себѣ уклончивыя фразы относительно цесарскаго титула и заключенія союза съ Римскимъ императоромъ: онъ совѣтовалъ царю, не дожидаясь союзниковъ, первому напасть на Турокъ и побѣдить ихъ. Главный же припѣвъ всѣхъ этихъ писемъ состоялъ въ томъ, что „одна только есть вѣра католическая“ и главная обязанность царя это „про-

свѣтитъ свое царство“ и явиться вторымъ Константиномъ. При семъ папа совѣтуетъ не довѣряться еретикамъ, а слушать людей умныхъ и благочестивыхъ; особенно поручаетъ его довѣрію того же отца Лавицкаго, который конечно получилъ въ Римѣ нужныя по сему предмету наставленія. А просьба о кардинальскомъ достоинствѣ для нунція Рангони очевидно сочтена была за неумѣстное присвоеніе себѣ привилегій, которыми пользовались только самые могущественные католическіе государи, и потому пройдена полнымъ молчаніемъ.

Римская курія очень желала имѣть сношенія съ Москвою не чрезъ польскаго нунція, а непосредственно чрезъ особаго уполномоченнаго. Но она опасалась возбудить неудовольствіе при Краковскомъ дворѣ, который изъ политическихъ своихъ видовъ всегда противился непосредственнымъ связямъ Москвы съ Римомъ. Послѣ разныхъ колебаній и проектовъ на сей счетъ, рѣшено было наконецъ отправить въ Москву посломъ отъ папскаго престола Александра Рангони, который приходился племянникомъ нунцію Клавдію Рангони, слѣдовательно не могъ носить характеръ особаго, вполне независимаго отъ польской нунціатуры, уполномоченнаго. Александръ Рангони прибылъ въ Москву въ февралѣ 1606 года и былъ принятъ Лжедмитріемъ въ торжественной аудіенціи, при которой присутствовали не одни бояре, но также и патріархъ съ высшимъ духовенствомъ. Съ той и другой стороны были сказаны разныя учтивости. Послѣ сего приѣма Самозванецъ черезъ Бучинскаго извинялся передъ папскимъ посломъ въ томъ, что приѣмъ былъ сухой и чисто officialный, изъ опасенія возбудить неудовольствіе московскихъ бояръ, и увѣрялъ, что онъ питаетъ все тѣ же чувства глубокаго сыновняго уваженія къ святѣйшему отцу. Потомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы папа прислалъ ему опытныхъ свѣтскихъ лицъ, могущихъ занять мѣсто секретарей и совѣтниковъ въ дѣлахъ управленія, кромѣ того нѣсколько искусныхъ инженеровъ, военныхъ техникумовъ и инструкторовъ. Въ донесеніи своемъ Рангони совѣтуетъ исполнить сію просьбу; такъ какъ, по слухамъ, Бучинскій вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими единовѣрцами Поляками и московскими Англичанами старается сблизить Дмитрія съ протестантами и затѣваетъ снарядить посольство въ Англію для набора тамъ инженеровъ и разныхъ техникумовъ-еретиковъ. Сверхъ того Лжедмитрій просилъ папу способствовать его дипломатическимъ сношеніямъ не только съ Римскимъ императоромъ, но также съ королями Испанскимъ и Французскимъ. Вообще въ переговорахъ съ папскимъ посломъ онъ обнаружилъ нѣкоторое дипломатическое искусство;

такъ что Александръ Рангони вскорѣ уѣхалъ изъ Москвы довольный оказаннымъ ему вниманіемъ, снабженный любезными письмами и обѣщаніями, которыя способны были поддержать надежды и вожделѣнія Римской куріи, хотя не заключали никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ. Но вскорѣ эта курія стала замѣчать явное равнодушіе Самозванца къ религіознымъ вопросамъ и начала беспокоиться за успѣхъ своего дѣла въ Московіи. Особенно не могло ей понравиться пожертвованіе съ его стороны трехъ сотъ рублей (собоями) въ городъ Львовъ для окончанія соборнаго Успенскаго храма, въ февралѣ 1606 года; при чемъ обратившимся къ нему за помощью священникамъ и дьяконамъ сего храма онъ отвѣчалъ грамотою, въ которой заявлялъ себя „несумѣннымъ и непоколебимымъ въ истинной правѣ иѣрѣ Греческаго закону“.

Не менѣе щекотливыми okazaлись отношенія къ польскому королю, который очевидно считалъ Лжедимитрія своимъ посаженнымъ на Московскомъ престолѣ, почти своимъ вассаломъ и ожидалъ теперь исполненія его обязательствъ. Отъ Сигизмунда пріѣхалъ въ Москву посланникомъ староста велижскій Александръ Гонсѣвскій, который имѣлъ порученіе явно поздравить Самозванца съ восшествіемъ на престолъ, а тайно напомнить ему нѣкоторыя его обѣщанія, между прочимъ относительно союза противъ Карла Шведскаго и заключенія подъ стражу его племянника королевича Густава. При семъ, чтобы напугать Самозванца, посланникъ сообщилъ ходившій въ Польшѣ слухъ, будто Борисъ Годуновъ не умеръ, а спасся бѣгствомъ въ Англію. Но это дѣтское пуганье не произвело никакого дѣйствія. Съ своей стороны, чтобы показать полную независимость, сразу стать на равную ногу съ королемъ и предупредить излишнія притязанія, Лжедимитрій придрался къ старому и спорному вопросу о царскомъ титулѣ. Онъ выразилъ неудовольствіе на то, что королевская грамота называла его не царемъ, а только господаремъ и великимъ княземъ; мало того, изъявилъ притязаніе на императорскій титулъ и сталъ самъ себя величать „непобѣдимымъ цесаремъ“, слѣдовательно ставилъ Московскую корону на высшую ступень сравнительно съ Польскою. Но его нареченная невѣста Марина Мнишекъ еще находилась въ Польшѣ, и король могъ воспрепятствовать ея браку. Поэтому Самозванецъ пока не настаивалъ на своихъ притязаніяхъ и отпустилъ Гонсѣвскаго съ любезнымъ отвѣтомъ. Онъ также поручилъ Александру Рангони увѣрить короля въ своей къ нему преданности и признательности, но при этомъ просить, чтобы король не требовалъ отъ

него обѣщанной уступки областей до тѣхъ поръ, пока власть его прочно утвердится въ Московской землѣ. Посылая грамоту съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на Московскій престолъ Карлу герцогу Зюдерманландскому, захватившему Шведскую корону, Лжедимитрій въ той же грамотѣ увѣщевалъ Карла возвратить корону Сигизмунду какъ законному государю Швеціи. А другого претендента на сію корону, королевича Густава, человѣка гордаго и своенравнаго, изъ Углича перевелъ въ Ярославль и велѣлъ содержать тамъ какъ плѣнника ⁶⁾.

Отношенія польскія въ сіе время тѣсно связались съ дѣломъ женитьбы Самозванца на Маринѣ Мнишекъ; къ чему мы и обратимся.

Въ октябрѣ 1606 года (сентябрьскаго) Самозванецъ отправилъ посломъ въ Польшу „великаго секретаря“ и казначея Аванасія Власьева, который изъ русскихъ людей, на ряду съ Басмановымъ и Масальскимъ, былъ наиболѣе приближеннымъ къ нему совѣтникомъ и угодникомъ или „тайноглагольникомъ“, какъ называетъ его одинъ русскій лѣтописецъ. Власьевъ прибылъ въ Краковъ, окруженный блестящею, многочисленною свитою изъ военныхъ дворянъ; за нимъ слѣдовалъ большой обозъ со скарбомъ и дорогими подарками. Онъ остановился въ домѣ Мнишка, и вскорѣ имѣлъ торжественную аудіенцію у короля, на которой говорилъ о желаніи своего государя заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Турокъ. Только на второй аудіенціи онъ приступилъ къ главной цѣли своего посольства, т. е. изложилъ просьбу о королевскомъ дозволеніи вступить Московскому царю въ бракъ съ Мариною Мнишковною. Сигизмундъ III далъ свое согласіе.

12 ноября состоялось торжественное обрученіе Марины; при чемъ лицо Московскаго царя представлялъ его посолъ. На церемоніи присутствовалъ король съ сыномъ Владиславомъ и сестрою, носившею титулъ шведской королевны. Обрученіе совершалъ родственникъ невѣсты кардиналъ-епископъ Мацѣевскій. За церемоніей послѣдовали пиръ и танцы. Власьевъ во время обряда и пира обратилъ на себя общее вниманіе разными выходками наивности и раболѣпія. Наврѣмъ, на обычный вопросъ священнодѣйствовавшаго — „не обѣщали ли царь на комъ жениться прежде Марины?“ — онъ отвѣчалъ: „а почему я знаю; онъ мнѣ этого не говорилъ“. И, только послѣ настоятельныхъ требованій отвѣтить прямо, прибавилъ: „если бы обѣщали другой невѣстѣ, то не слалъ бы меня сюда“. Когда же нужно было соединить руки жениха и невѣсты, онъ, чтобы не прикоснуться голою рукою къ рукѣ своей будущей государыни, предварительно обер-

нулъ собственную платкомъ; обручальный перстень совсѣмъ не рѣшился надѣть себѣ на палецъ, а положилъ его въ карманъ. За столомъ, сидя подлѣ Марины, онъ не хотѣлъ дотронуться до кушанья, говоря, что „холопу негодится ѣсть съ государями“, какъ ни внушали ему, что онъ представляетъ лицо самого царя. Съ своей стороны посолъ остался очень не доволенъ тѣмъ, что при окончаніи бала Юрій Мнишекъ подвелъ свою дочь къ королю, вмѣстѣ съ нею упалъ предъ нимъ на колѣни и благодарилъ за его милости. Власевъ видѣлъ въ этомъ умаленіе царскаго достоинства, такъ какъ Марину теперь уже называли московскою царицею. За то привезенные имъ роскошные подарки царской невѣстѣ, ея отцу, брату и другимъ родственникамъ произвели на Поляковъ сильное впечатлѣніе: очевидно, Самозванецъ не жалѣлъ московской казны для удовлетворенія ихъ жадности и тщеславія. Тутъ были кони въ красивыхъ уборахъ, оправленныхъ самоцвѣтными камнями, драгоцѣнные мѣха, цѣлые пуды жемчугу, венеціанскіе бархаты, турецкіе атласы, персидскіе ковры, золотые часы съ флейтистами и трубачами, также золотые корабль, павлинъ и быкъ, служившій вмѣсто ларца, серебряный пеликанъ и пр.

Марина послѣ обрученія уѣхала въ Промникъ въ сопровожденіи своего отца и московскаго посла. Послѣдніе воротились оттуда въ Краковъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи самого короля, который, будучи вдовъ, вступилъ тогда во второй бракъ съ сестрой своей покойной супруги австрійской эрцгерцогиней Констанціей.

Въ январѣ пріѣхалъ въ Польшу другой посолъ отъ Самозванца, его частный секретарь Янъ Бучинскій, который привезъ большія суммы Мнишкамъ для уплаты ихъ долговъ. Онъ вручилъ 200,000 злотыхъ воеводѣ Сендомірскому и 50,000 его сыну, старостѣ Саноцкому, а Маринѣ новые подарки, состоявшіе изъ золотыхъ и брилліантовыхъ украшеній. Но присланныхъ суммъ далеко не достало на покрытіе долговъ. Вскорѣ Самозванецъ прислалъ еще 100,000 злотыхъ; но и этого оказалось мало. Нареченный его тестъ не стыдился вымогать деньги у посла Власева, и, за его поручительствомъ, набирать товары у московскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Польшѣ. Посредствомъ Бучинскаго Лжедимитрій убѣждалъ Мнишковъ испросить для Марины отъ папскаго нунція разрѣшеніе при обрядѣ ея будущаго коронованія въ Москвѣ принять св. причастіе изъ рукъ патріарха—безъ чего невозможно было бы исполнить и самый обрядъ,—а также посѣщать греко-русскую церковь, поститься въ среду вмѣсто субботы и ходить съ покрытою головою какъ это въ обычаѣ у русскихъ

замужнихъ женщинъ. Такія просьбы произвели непріятное впечатлѣніе; по сему поводу завязалась цѣлая переписка между Краковымъ и Римомъ, и послѣдній никакъ не соглашался на подобныя уступки. Но Самозванецъ мало тревожился симъ несогласіемъ. Онъ въ это время безпоясился и приходилъ въ нетерпѣніе отъ того, что его нареченная супруга съ своимъ отцомъ медлили и все откладывали свой пріѣздъ въ Москву и что она не отвѣчала на его страстные письма.

Какъ ни были обрадованы и польщены Мнишки успѣхомъ Самозванца и блескомъ царской короны на головѣ Марины, какъ ни были они тщеславны и предприимчивы, однако что-то мѣшало имъ спокойно довѣриться этой удачѣ и спѣшить въ такую полуварварскую страну, какою рисовалась ихъ воображенію Московія. Зная тайну самозванства, очевидно они выжидали, чтобы время показало, насколько проченъ этотъ почти сказочный успѣхъ, насколько названный Дмитрій твердо усѣлся на престолѣ. И тѣмъ болѣе сомнѣніе могло закрасться въ ихъ душу, что изъ Москвы стали приходять вѣсти и слухи для него неблагопріятныя; а въ Польшѣ общественное мнѣніе продолжало относиться къ нему неблагоклонно.

Первыми распространителями дурныхъ слуховъ были польскіе жолнеры, покинувшіе службу Лжедмитрія и воротившіеся въ Польшу. Эти ненасытные люди бранили его за неуплату имъ всего обѣщаннаго и заслуженнаго жалованья и вообще отзывались о немъ съ презрѣніемъ. Нѣкоторые русскіе выродки, признавшіе его на первыхъ порахъ истиннымъ царевичемъ, теперь за тайну сообщали своимъ польскимъ пріятелямъ, что въ Москвѣ уже провѣдали самозванство царя, и ему грозитъ бѣда. Но Поляки менѣе другихъ способны были хранить подобныя тайны, и онѣ скоро разглашались. Вельможи, которые и прежде противились предпріятію Самозванца, теперь стали громко бранить его за неблагодарность Польшѣ и притязаніе на необычные титулы. Они упрекали короля, зачѣмъ онъ помогъ сему проходивцу вмѣсто того, чтобы пожертвовать имъ и получить за него большія выгоды отъ Бориса Годунова. Есть свидѣтельство, что и сами московскіе бояре уже обращались въ это время къ королю съ подобными жалобами. Получивъ извѣстіе о совершившемся обреченіи Марины, Лжедмитрій послалъ гонцомъ дворянина Ивана Безобразова съ благодарственными грамотами къ королю и Мнишку и съ увѣдомленіемъ о снаряженіи большого московскаго посольства въ Польшу. Этотъ Безобразовъ оказался тайнымъ агентомъ князя Шуйскаго, по совѣту котораго онъ и былъ назначенъ гонцомъ. Испол-

нивъ официальное порученіе, Безобразовъ секретно довелъ до Сигизмунда, что бояре, особенно князья Шуйскіе и Голицыны, сѣтуютъ на короля, который далъ имъ въ цари человѣка неблагороднаго, легкомысленнаго и распутнаго; поэтому они хотятъ свергнуть его съ престола, а на его мѣсто желали бы посадить королевича Владислава. Это послѣднее желаніе было хитро придумано: оно долженствовало польстить королю и связать его по отношенію къ названнымъ боярамъ. Съ его стороны пока послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ при посредствѣ канцлера Сапѣги, который теперь уже могъ предвкушать плоды своей политической интриги, при видѣ смуты, наступавшей въ Московскомъ государствѣ. Говорятъ еще, будто около того же времени сама царица-старица Марѳа, при посредствѣ одного ливонскаго плѣнника, поручила какому-то Шведу довести до свѣдѣнія Сигизмунда, что она невольнo признала обманщика своимъ сыномъ, что Самозванецъ хотѣлъ останки ея истиннаго сына выбросить изъ Углицкой церкви какъ подложныя и только по ея усильнымъ просьбамъ оставилъ его въ покоѣ. Неизвѣстно, давала ли Марѳа дѣйствительно подобное порученіе къ Сигизмунду или—что вѣроятнѣе—оно явилось интригою тѣхъ же бояръ; но что она спасла тѣло царевича Димитрія отъ поруганія—это подтверждается и другимъ свидѣтельствомъ.

Замѣчательно въ отношеніи польскаго ставленника на Москвѣ нерѣшительное и непослѣдовательное поведеніе какъ польско-литовскаго короля, такъ и самой польско-литовской аристократіи. Когда пріѣхалъ Власевъ и просилъ Сигизмунда о разрѣшеніи на бракъ Марины съ названнымъ Димитріемъ, говорятъ, король совѣтовалъ не сдѣлать симъ бракомъ и намекнулъ, что царь Московскій могъ бы найти себѣ невѣсту болѣе знатную; при чемъ имѣлъ въ виду собственную сестру королевну шведскую. Однако, зная тайну самозванства, онъ не настаивалъ на своемъ желаніи и легко согласился на бракъ Марины. Еще любопытнѣе, что въ то время, какъ извѣстная боярская группа уже доносила изъ Москвы о близкомъ сверженіи Лжедимитрія и выдвигала кандидатуру на Московскій престолъ королевича Владислава, въ самой Польшѣ вдругъ возникъ вопросъ о кандидатурѣ сего Лжедимитрія на Польсколитовскій престолъ. Партія пановъ, недовольная Сигизмундомъ III, особенно возставала противъ его намѣренія вступить во вторичный бракъ съ австрійскою принцессою, сестрою его покойной супруги. Во-первыхъ, бракъ со свояченицей считался несогласнымъ съ уставами церкви (хотя въ этомъ отношеніи уже имѣлся примѣръ Сигизмунда II); а во вторыхъ, столь тѣсныя связи съ Габсбургскою

династіей были противны національному чувству многихъ Поляковъ, которые не безъ основанія опасались возраставшаго нѣмецкаго вліянія. Когда же, несмотря на значительную оппозицію, Сигизмундъ III настоялъ на своемъ, и женился на эрцгерцогинѣ Констанціи, ропотъ усилился. Нѣкоторые вожаки оппозиціи тогда вошли въ тайныя сношенія съ Лжедимитріемъ и предлагали ему польскую корону; они мечтали такимъ способомъ осуществить давнюю мысль о соединеніи Польско-литовскаго государства съ Московскимъ. Самозванецъ съ свойственнымъ ему легкомысліемъ поощрялъ подобный замыселъ. Къ довершенію возникшей отсюда путаницы, сношенія сіи не остались тайною для короля, и канцлеръ Левъ Сапѣга говорилъ противъ нихъ въ сенатѣ.

Сендомірскій воевода конечно зналъ объ этихъ переговорахъ, и ему могла уже мерещиться польская корона на головѣ его дочери. Но онъ зналъ и обратную сторону медали, т. е. до него доходили и всѣ дурныя вѣсти о Лжедимитріи. Очевидно сомнѣнія закрадывались въ его душу, и у него постоянно возникалъ вопросъ, прочесть ли его нареченный зять на Московскомъ престолѣ; поэтому онъ и дочь его не спѣшили своимъ отъѣздомъ. Отвѣчая на просьбы Самозванца, Минишекъ приводилъ разные предлоги для замедленія; напримѣръ, ссылаясь на свое нездоровье, а въ особенности жаловался на недостатокъ денегъ. Въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ онъ говоритъ также о дурныхъ слухахъ, распространяемыхъ недоброжелателями на счетъ его зятя, и между прочимъ просить его отдалить отъ себя „извѣстную царевну Борисову дочь“. Просьба сія была вскорѣ исполнена. Ксенію Борисовну постригли въ монахини подъ именемъ Ольги и отправили въ дальній монастырь. Участь ея была самая жалкая: послѣ смерти Лжедимитрія въ теченіе Смутаго времени ее переводили изъ одного монастыря въ другой, и она подвергалась самымъ грубымъ оскорбленіямъ.

Тщетно Самозванецъ хлопоталъ о томъ, чтобы совершить бракосочетаніе съ Мариной въ мясоѣдъ между Святками и масленицей; почему гонимыя его часто скакали изъ Москвы въ Самборъ и обратно. Тщетно его посолъ Власевъ торопилъ Минишовъ, для чего неоднократно писалъ имъ и самъ пріѣзжалъ въ Самборъ. Пропустивъ зимній путь, Минишки должны были пережить весенній разливъ водъ. Выведенный изъ терпѣнія, Лжедимитрій въ началѣ марта сухо увѣдомлялъ, что если воевода и его дочь будутъ долѣе медлить, то они едва ли застанутъ его въ Москвѣ, ибо послѣ Пасхи онъ намѣренъ

отправиться въ лагерь къ войску, собиравшемуся на южной украинѣ, и тамъ пробудеть цѣлое лѣто. Недѣли двѣ спустя, онъ узналъ, что тестъ и неvěста наконецъ выѣхали въ путь, слѣдовательно еще до полученія его послѣдняго письма. Обрадованный, онъ спѣшилъ извиниться въ этомъ письмѣ и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія, чтобы облегчить имъ дорогу. Разливъ водъ еще не прекратился, и дороги оказались весьма въ плохомъ состояніи. Путешествіе Мнишковь совершалось медленно, и тѣмъ болѣе, что ихъ сопровождала весьма многочисленная свита, всего до 2000 человекъ, съ огромнымъ обозомъ. Кроме дяди Марины старосты Красноставскаго и ея брата старосты Сапожскаго, съ ними ѣхали и другіе родственники, каковы Константинъ Вишневецкій, Стадницкій, Тарлы и пр. А каждый знатный панъ имѣлъ при себѣ, кроме слугъ, цѣлый вооруженный отрядъ изъ пѣхоты и всадниковъ. Въ обозѣ находилось еще нѣсколько армянскихъ купцовъ съ своими товарами. По Московской землѣ высокихъ путешественниковъ принимали вездѣ торжественно: священники и народъ выходили съ иконами и хлѣбомъ-солью; въ городахъ дарили имъ соболей; дѣти боярскіе и стрѣльцы выстраивались въ праздничномъ рядѣ. Изъ окрестныхъ мѣстъ сгоняли крестьянъ, чтобы строить или чинить мосты и гати. Время отъ времени встрѣчали ихъ бояре, присланные изъ Москвы съ новыми подарками, съ каретами, конями, палатками и т. п.

Путешественники проѣхали Смоленскъ и Вязьму. Въ послѣднемъ городѣ воевода Сендомірскій отдѣлился отъ дочери и съ частию своей свиты поѣхалъ впередъ. 24 апрѣля онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Басмановъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу за городъ, одѣтый въ шитое золотомъ гусарское платье, во главѣ отряда дворянъ и дѣтей боярскихъ. Воеводу помѣстили въ бывшемъ домѣ Бориса Годунова, недалеко отъ царскаго дворца. На другой день Самозванецъ принималъ своего тестя и его родственниковъ въ парадной аудіенціи, въ такъ наз. Золотой палатѣ, сидя на роскошно украшенномъ тронѣ, въ полномъ царскомъ облаченіи, въ присутствіи Боярской думы; при чемъ по правую сторону отъ него сидѣлъ патріархъ съ нѣсколькими архіереями. По сторонамъ трона стояли четыре рынды; великій мечникъ держалъ обнаженный мечъ. Воевода сказалъ привѣтственную рѣчь столь трогательную, что Самозванецъ, по словамъ одного польскаго свидѣтельства, „плакалъ какъ бобръ, поминутно утирая платкомъ свои глаза“. Великій секретарь Леонасій Власевъ держалъ за него отвѣтъ. Послѣ чего гости подходили и цѣлова-

ли у него руку. По окончаніи сей церемоніи отправились въ придворную церковь, гдѣ отслушали богослуженіе; а затѣмъ послѣдовало пиршество, устроенное уже въ новомъ деревянномъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни въ этомъ дворцѣ происходили ночные пиры и попойки, сопровождаемые польскою музыкой и танцами; при чемъ Самозванецъ являлся то одѣтый по московски, то въ богатомъ гусарскомъ нарядѣ. Тѣшилъ онъ своихъ гостей и звѣриной травлей; для чего въ одномъ подгородномъ селѣ собраны были разныя звѣря.

2 мая совершился наконецъ торжественный въѣздъ въ Москву нареченной царицы; понятно, что Лжедмитрій обставилъ его самымъ великолѣпнымъ образомъ. Марина ѣхала въ большой каретѣ, оправленной серебромъ, съ царскими гербами, запряженной 10—12 бѣлыми конями въ яблокахъ, на подобіе леопардовъ или тигровъ; каждого коня велъ особый конюхъ. По пути разставлены были шпалерами блестящія отряды изъ польскихъ ротъ, нѣмецкихъ алебардчиковъ, московскихъ дворянъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Самозванецъ лично разставлялъ войска и давалъ наставленія боярамъ, назначеннымъ къ встрѣчѣ; но самъ онъ смотрѣлъ на въѣздъ, скрываясь въ толпѣ. Любопытно, что при вступленіи нареченной царицы въ Москву, когда она ѣхала между Никитскими и Кремлевскими воротами, внезапно поднялся вихрь и заглушилъ звуки набатовъ, трубъ и литавръ, какъ это было при въѣздѣ Лжедмитрія; что многими сочтено было за дурное предзнаменованіе. Марину помѣстили пока въ Вознесенскомъ монастырѣ подлѣ мнимой царской матери, гдѣ приготовили для того богатоубранныя комнаты. Въ тотъ же день, но нѣсколько ранѣе, въѣхали во главѣ многочисленной вооруженной свиты польскіе послы Олесницкій, кастелянъ Малагоскій, и Гонсѣвскій, староста Велижскій, которые нагнали Марину уже подѣ Москвою: они имѣли своимъ официальнымъ назначеніемъ присутствовать отъ лица короля на торжествѣ царскаго бракосочетанія. Для такого большого количества наѣхавшихъ Поляковъ конечно требовалось найти соотвѣтствующее помѣщеніе, и многіе московскіе обыватели принуждены были уступить часть своихъ домовъ этимъ безпокойнымъ и притязательнымъ гостямъ. Поляки не довольствовались тѣмъ, что явились покрытые панцирями, вооруженные съ головы до ногъ, но еще привезли въ своихъ повозкахъ большіе запасы огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. При видѣ этихъ запасовъ, наиболѣе степенные Москвичи не особенно увеселялись постоянно гремѣвшею польскою музыкой, и сердца ихъ исполнены были тревожныхъ ожиданій.

препреканія; ибо Самозванецъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи: такъ какъ по московскому обычаю царь обѣдалъ одинъ за особымъ столомъ на возвышенномъ мѣстѣ, а теперь вмѣстѣ съ царицей. Къ посланцу пришелъ Аѳанасій Власевъ и сказалъ имъ, что онъ сидѣлъ за королевскимъ столомъ, потому что за тѣмъ же столомъ сидѣли послы папскій и цесарскій. „А нашъ цесарь — замѣтилъ Власевъ — выше всѣхъ христіанскихъ монарховъ; у него каждый пошлѣ папа“. Послѣ такой выходки послы наотрѣзъ отказались ѣхать на обѣдъ въ этотъ день. Они обратились съ жалобою къ воеводѣ Сендомірскому; тотъ взялся быть посредникомъ между ними и своимъ зятемъ. Переговоры велись еще цѣлые два дня. Наконецъ дѣло уладилось на томъ, что воскресенье 11 мая старшій посолъ Олесницкій получилъ за большимъ обѣдомъ особый столикъ пониже царскаго мѣста; а Гонсевскій сѣлъ на первомъ мѣстѣ за тѣмъ столомъ, гдѣ помѣщались польскіе гости. Во время пира гремѣла музыка, а послѣ него слѣдовали танцы. Самозванецъ являлся то въ русскомъ нарядѣ, то въ гусарскомъ; Марина одѣвалась большею частію въ польскій костюмъ. Веселые пиры съ танцами и маскарадами повторялись теперь почти ежедневно; а правительственныя заботы отложены были въ сторону. Оба, и Самозванецъ, и Марина, упоенные успѣхомъ и наслажденіями, находились въ какомъ то чадѣ. Тѣмъ ужаснѣе было пробужденіе этой легкомысленной четы. (1).

Само собой разумѣется, что ликованіе Московскаго народа, простоудшно повѣрившаго въ подлинность и чудесное спасеніе царевича, и надежды, возбужденныя новымъ царемъ, не могли длиться долгое время. Сомнѣніе и разочарованіе должны были наступить скоро; ибо трудно было скрыть общественный обманъ отъ столькихъ проницательныхъ или враждебныхъ глазъ. Главный толчекъ къ разоблаченію обмана естественно исходилъ изъ той боярской группы, которая могла, ради сверженія ненавистныхъ Годуновыхъ, признать Самозванца временно, но никакъ не помириться съ его царствованіемъ. Во главѣ этой партіи съ самаго начала явилась семья Шуйскихъ. Первая попытка ихъ, какъ мы видѣли, не удалась, и сами они едва спаслись. Однако начатыя ими тайныя внушенія продолжали бродить въ Русскомъ обществѣ и вызывать неблагопріятныя для Самозванца толки, которые въ свою очередь повели за собою нѣкоторые розыски и человѣческія жертвы. Хотя бояре и высшее духовенство, знакомясь ближе съ мнимымъ Дмитріемъ, едва ли продолжали считать его Гришкою Отрепьевымъ; но имъ не было никакого расчета опровер-

гать разъ пущенную въ народъ молву объ этомъ тождествѣ; напротивъ въ ихъ интересахъ было ее поддерживать и распространять. Слово „разстрига“ переходило изъ устъ въ уста и многихъ приводило въ негодованіе, а нѣкоторыхъ подвигало на обличеніе и самопожертвованіе. Самозванецъ съ свойственною ему непослѣдовательностію, забывъ о намѣреніи упрочить себя милостями и прощеніемъ, сталъ прибѣгать къ тюрьмѣ и казнямъ. Такъ погибли дворянинъ Петръ Тургеневъ и купецъ Ѳеодоръ Калачникъ, которымъ отрубили голову на площади. Когда вели ихъ на казнь, Калачникъ кричалъ народу: „приняли вы на себя образъ антихристовъ и поклонились его посланному; тогда уразумѣете, когда всѣ отъ него погибнете!“ Но большинство народа еще вѣрило въ названнаго Димитрія, и отвѣчало: „по дѣломъ вамъ!“ Толки о самозванствѣ царя и его неуваженіи къ вѣрѣ проникли и въ среду придворныхъ стрѣльцовъ; о чемъ въ январѣ 1606 года донесли Басманову, а тотъ Лжедимитрію. Сей послѣдній велѣлъ собраться стрѣльцамъ на внутреннемъ дворѣ безъ оружія; вышелъ къ нимъ, окруженный алебардчиками, и держалъ рѣчь, въ которой красно и бойко упрекалъ ихъ въ измѣнѣ и убѣждалъ въ своей подлинности. Смущенные стрѣльцы завопили, чтобы имъ указали измѣнниковъ. Имъ указали семь человѣкъ, заранѣе намѣченныхъ; товарищи тотчасъ бросились на нихъ какъ звѣри и голыми руками растерзали ихъ на части.

Однако толки о „разстригѣ“, его дружбѣ съ Поляками и намѣреніи искоренить православную вѣру не прекращались. Нѣкто дьякъ Тимофей Осиповъ, движимый ревностію къ вѣрѣ, рѣшился обличить лжецаря и приготовился къ мученичеству. Онъ нѣсколько дней постился и молился; потомъ, причастившись Св. Таинъ, пришелъ въ царскія палаты и предъ всѣми сказалъ Самозванцу: „Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Дмитрій, но грѣху рабъ!“ Раздраженный Самозванецъ велѣлъ его вывести и убить; но впечатлѣнія, произведеннаго симъ подвигомъ, онъ не могъ уничтожить. Престарѣлый и слѣпой Симеонъ Векбулатовичъ явился также ревнителемъ православія и увѣщевалъ людей крѣпко стоять за вѣру. Самозванецъ велѣлъ его отвезти въ Соловецкій монастырь и тамъ постричь въ монахи.

Легкомысленное поведеніе Лжедимитрія, его частое пренебреженіе къ русскимъ обычаямъ, распутство и явное предпочтеніе Поляковъ Русскимъ въ концѣ концовъ должны были вызвать общее неудовольствіе и усилить толки о его самозванствѣ. Трое братьевъ Шуйскихъ

сдва только были прощены и воротились въ Москву, какъ снова принялись устраивать обширный заговоръ, находя, что самъ Лжедимитрій значительно для того подготовилъ почву. Душою сего дѣла быть все тотъ же князь Василій Ивановичъ, старшій изъ братьевъ, который одновременно съумѣлъ вкрасться въ довѣріе Самозванца и попасть въ число самыхъ близкихъ къ нему бояръ и совѣтниковъ. Особенно усердную помощь нашелъ онъ въ духовенствѣ, которое, кромѣ религіозной ревности, было возбуждено еще слухами о намѣреніи лжецаря отобрать у него многія имущества для того, чтобы употребить ихъ на войну съ Турками и Татарами. Заговоръ уже достаточно созрѣлъ; но вожаки медлили исполненіемъ. Князь Шуйскій ждалъ прибытія Мнишковыхъ и царской свадьбы. Онъ предвидѣлъ, что вниманіе Самозванца будетъ отвлечено свадебными торжествами, а въ это время новоприбывшіе Поляки не преминутъ подлить масла въ огонь народной ненависти. Говорятъ также, что бояре-заговорщики, возмущенные расточительностію лжецаря и его безчисленными подарками Мнишкамъ, рассчитывали отнять назадъ большую часть сихъ драгоценностей, которую тѣ по всей вѣроятности привезутъ съ собою въ Москву. Всѣ эти расчеты почти вполнѣ оправдались. Едва польскіе гости водворились въ Москвѣ, какъ начались ихъ частыя столкновенія съ жителями. Буйные Поляки презрительно обходились съ туземцами и при случаѣ позволяли себѣ насилие надъ ихъ женами; причемъ не щадили и самихъ боярынь. Начались кровавыя драки. Та и другая сторона обращалась съ жалобами къ правителю. Нѣкоторые Поляки провѣдали кое-что о заговорѣ, и пытались предупреждать Самозванца; но тщетно. На основаніи предыдущихъ примѣровъ, онъ слишкомъ увѣрился въ своей прочности; а, главное, теперь ему было некогда думать и заботиться о чемъ-либо кромѣ забавъ и праздниковъ своего медоваго мѣсяца.

Извѣстна легенда о человѣкѣ, который за наслажденія земной жизни продалъ свою душу дьяволу, а потомъ, когда пришелъ часъ расплаты, пытался тѣмъ или другимъ способомъ отъ нея избавиться. Нѣчто подобное приходилось испытывать Самозванцу, отъ котораго расплаты требовали со всѣхъ сторонъ еще прежде, чѣмъ онъ успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи. Между прочимъ нелегко ему было изворачиваться передъ назойливыми притязаніями Іезуитскаго ордена и Римской куріи.

Въ свитѣ Мнишковыхъ прибылъ въ Москву, знакомый Лжедимитрію, патеръ Савицкій. еще недавній участникъ его обращенія въ католи-

ческую вѣру. Онъ имѣлъ порученіе отъ папы и нунція подѣйствовать на лжецаря, напомнить ему данныя обязательства и указать на его явныя отъ нихъ уклоненія. Но Савицкому пришлось ждать, пока тотъ удостоится его интимной аудіенціи. Это случилось за два дня до его гибели. Лжедмитрій принялъ іезуита наединѣ въ своей спальнѣ. Савицкій поцѣловалъ его руку, поздравилъ съ благополучнымъ вступленіемъ на престолъ, и вручилъ ему нѣкоторые подарки, присланные папою и генераломъ Іезуитскаго ордена, кромѣ того и папскую индульгенцію. Хозяинъ повелъ бесѣду, ходя съ гостемъ по комнатамъ. Послѣдній въкрадчивымъ тономъ началъ рѣчь о дѣлахъ религіи и напомнилъ объщанія. Уклоняясь отъ прямого отвѣта, Самозванецъ завелъ свой обычный разговоръ о школахъ и выразилъ намѣреніе основать въ Москвѣ іезуитскую коллегію, которая должна приготовить русскихъ учителей для будущихъ школъ. Потомъ онъ вдругъ переѣмнилъ разговоръ и сталъ распространяться о войскахъ, которое собралъ уже въ количествѣ 100.000 человекъ. Затѣмъ прибавилъ, что еще не рѣшилъ, противъ кого вести это войско, противъ невѣрныхъ или кого другого, и тутъ же началъ жаловаться на польскаго короля, который не признаетъ его титуловъ. Іезуитъ старался разсѣять его неудовольствіе, и, пользуясь минутою, просилъ даровать ему свободный доступъ къ царской особѣ во всякое время. Лжедмитрій охотно согласился, позвавъ тотчасъ своего секретаря Бучинскаго и отдалъ ему приказаніе всякій разъ докладывать о приходѣ патера. Обѣщая въ другой разъ поговорить обо всемъ подробнѣе, онъ отдѣлался отъ гостя подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно спѣшить къ своей матери. Это было первое и послѣднее свиданіе съ нимъ патера Савицкаго въ Москвѣ.

Неслыханная удача и чадъ удовольствій дотога ослѣпили Самозванца, что онъ упорно отказывался вѣрить въ существованіе какого то заговора, не смотря на предостереженія, обращенныя къ нему съ разныхъ сторонъ. Многіе изъ болѣе смѣтливыхъ Поляковъ, находившихся на царской службѣ, ясно замѣтили угрожающее отношеніе къ нимъ Русскихъ и понимали, что съ этой стороны что-то затѣвается. По ихъ просьбѣ царскій тестъ наканунѣ самой трагедіи пошелъ къ своему зятю и отъ имени товарищей умолялъ его принять мѣры противъ грозившей опасности. Но тотъ поручилъ своему секретарю увѣрить ихъ, что никакой опасности нѣтъ и что онъ даже велитъ строго наказывать распространителей тревожныхъ слуховъ. Проживавшіе въ Москвѣ Нѣмцы, которые болѣе дружили съ Поляками, чѣмъ съ Русскими и успѣли лучше узнать сихъ послѣднихъ, также предупреждали Поля-

ковъ; а одинъ изъ Нѣмцевъ, тоже наканунѣ рокового дня, пробрался къ лжецарю и подалъ ему записку, въ которой увѣдомлялъ, что на слѣдующій день назначено исполненіе злодѣйскаго умысла. Такимъ образомъ съ польскимъ проходимцемъ повторилось почти то же самое, что произошло съ знаменитымъ римскимъ Цезаремъ. Самозванецъ, прочитавъ записку, разорвалъ ее и бросилъ. Всѣ эти предостереженія по видимому его только раздражали, и онъ еще болѣе упорствовалъ въ своемъ ослѣпленіи.

Межъ тѣмъ заговорщики пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ и всякимъ промахомъ Самозванца, чтобы возбуждать народъ. Вѣнчаніе Марины дало особенно обильную пищу неблагопріятнымъ толкамъ. Русскіе вообще косо смотрѣли на иностранцевъ, посѣщавшихъ православное богослуженіе; а тутъ еще Поляки, присутствовавшіе на церковныхъ торжествахъ, вели себя крайне неосторожно; они громко болтали, смѣялись, становились задомъ къ алтарю, дремали прислонясь къ св. иконамъ или, скучая стояніемъ, садились прямо на полъ, водили съ собою въ церковь собакъ и т. п. Русскіе возмущались тѣмъ, что царь все это позволяетъ. Особенно смущалъ всѣхъ бракъ его съ католичкой или некрещеной Полькой; ибо по русскимъ народнымъ понятіямъ того времени иновѣрцы, хотя и христіане, переходя въ православіе, должны были вновь креститься. Поэтому слухи о томъ, что царь передался папизму и намѣренъ искоренить православную вѣру, получали какъ бы подтвержденіе въ глазахъ народа. Изъ среди освященнаго собора, руководимаго угодникомъ лжецаря патріархомъ Игнатіемъ, въ это время выдѣлились два мужа, митрополитъ казанскій Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосифъ, которые открыто порицали бракъ царя съ иновѣркою. Самозванецъ разгнѣвался, и собирався подвергнуть ихъ тяжкому наказанію, но не успѣлъ. А народъ сталъ смотрѣть на нихъ какъ на истинныхъ пастырей и достойныхъ поборниковъ православія. Главные заговорщики по ночамъ сходились въ домъ Василія Шуйскаго, тутъ совѣщались и получали должныя наставленія о томъ, какъ дѣйствовать въ народѣ. Мы сказали, что князь Василій Ивановичъ, ведя заговоръ въ широкихъ размѣрахъ, умѣлъ въ то же время вкрасѣ въ довѣренность Самозванца и слѣдаться однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ. А совѣты его и единомышленныхъ ему бояръ преимущественно клонились къ тому, чтобы усыпить всякое подозрѣніе со стороны лжецаря, истолковать всякое столкновеніе Русскихъ съ Поляками или хмѣльнымъ состояніемъ, или какимъ либо простымъ недоразумѣніемъ и увѣрить его, что Поляки

и Нѣмцы, доносившіе о признакахъ близкаго бунта, слишкомъ преувеличиваютъ и только понапрасну безпокоятъ государя, столь любимаго своимъ народомъ. Такія увѣренія очень льстили тщеславію Лжедмитрія и достигали своей цѣли. Послѣ князей Шуйскихъ и Голыцкихъ, наиболѣе виднымъ дѣятелемъ среди заговорщиковъ явился думный дворянинъ Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ, незадолго прощенный лжецаремъ. Во время великаго поста за столомъ у сего послѣдняго подали жареную телятину. Князь Василій Шуйскій почтительно напомнилъ, что Русскіе вообще не употребляютъ телятины, а тѣмъ болѣе постомъ. Когда Самозванецъ сталъ возражать, Татищевъ вмѣшался и противорѣчилъ такъ рѣзко, что тотъ выгналъ его изъ-за стола и велѣлъ сослать въ Вятку. Басмановъ выпросилъ ему прощеніе, которое онъ получилъ на праздникъ Пасхи. Это прощеніе однако не смягчило Татищева, который подобно Шуйскому сдѣлался теперь однимъ изъ ревностныхъ вожаковъ заговора. Есть извѣстіе, что бояре-участники въ заговорѣ постановили между собою слѣдующій уговоръ: по сверженіи Самозванца вести управленіе общимъ совѣтомъ и кого изъ нихъ выберутъ царемъ, тотъ никому не будетъ мстить за прежнія досады.

На вечеръ ближайшаго воскресенья, 18 марта, Марина, ни о чемъ не думавшая кромѣ удовольствій, назначила большой маскарадъ во дворцѣ и со своими фрейлинами была занята приготовленіемъ костюмовъ. А супругъ ея въ этотъ день предполагалъ устроить военную потѣху: въ полѣ за Срѣтенскими воротами онъ велѣлъ приготовить деревянный, укрѣпленный валомъ, городокъ, который намѣревался брать приступомъ. Нѣсколько пушекъ уже были отправлены изъ столицы на мѣсто будущей потѣхи. Этими приготовленіями заговорщики воспользовались какъ нельзя лучше для своихъ замысловъ. Въ народѣ пушенъ былъ слухъ, что Разстрига, подъ видомъ потѣхи, хочетъ заманить московскихъ бояръ въ западню, чтобы перебить ихъ, а потомъ уже безпрепятственно творить свою волю и вводить латинство въ Московскомъ государствѣ. Говорили далѣе, что двадцать главныхъ бояръ, начиная съ Мстиславскаго и Шуйскихъ, были расписаны между польскими начальниками: каждый изъ сихъ Поляковъ во время шумной потѣхи долженъ былъ убить назначеннаго ему боярина. А остальныхъ бояръ и лучшихъ московскихъ людей будто бы предполагалось перевязать и отправить плѣнниками къ Польскому королю. Какъ ни мало вѣроятенъ былъ подобный слухъ, однако онъ нашелъ себѣ вѣру и произвелъ большое волненіе въ умахъ. При

всемъ народномъ разочарованіи и разныхъ недоумѣніяхъ, вызванныхъ поведеніемъ лжецаря, еще многіе москвичи оставались ему преданы и недовѣрчиво относились къ толкамъ о его самозванствѣ. Поэтому заговорщики на послѣднемъ совѣщаніи положили въ рѣшительную минуту поднять народъ подъ разными предлогами: одни должны были кричать: „въ Кремль! Поляки хотятъ убить царя“! А другіе кричали бы: „Поляки избиваютъ бояръ“.

Какъ ни былъ безпеченъ Самозванецъ, однако все труднѣе и труднѣе становилось скрывать отъ него и его главныхъ наперсниковъ существованіе обширнаго заговора. Поэтому бояре рѣшили не откладывать далѣе его исполненія, и, подъ предлогомъ предупредить яко бы предстоящее ихъ избіеніе во время военной потѣхи, они назначили канунъ сего дня, т. е. субботу, раннее утро. Для обороны дворца, кромѣ нѣмецкихъ алебардщиковъ, имѣлось подъ рукою до 5000 Поляковъ и до 10.000 преданныхъ стрѣльцовъ. Въ виду этихъ силъ заговорщики съ своей стороны приняли разныя мѣры и военныя предосторожности. Въ пятницу московскія лавки, торгующія пороховъ и свинцомъ, отказывали Полякамъ въ продажѣ сихъ предметовъ подъ предлогомъ, что всѣ вышли. Позднимъ вечеромъ бояре ввели въ городъ осьмнадцать тысячъ ратныхъ людей, которые собраны были въ окрестностяхъ для похода на южную Украину и отправку которыхъ они намѣренно задерживали. Эта рать заняла ворота Бѣлаго города съ приказомъ никого не пропускать. Наконецъ тѣ бояре, которые въ сей вечеръ дежурили или пировали во дворцѣ, именемъ государя отпустили по домамъ большую часть алебардщиковъ, такъ что ихъ осталось на караулѣ только 30 челонѣкъ. Вооруженное ядро, на которое опирались заговорщики, составляли дворяне и дѣти боярскіе, московскіе и особенно новгородскіе; такъ какъ у Шуйскихъ продолжались ихъ старыя пріязненныя связи съ Великимъ Новгородомъ. Дворянамъ-участникамъ заговора обѣщаны были въ награду новыя помѣстья и доходныя мѣста.

Таковы были приготовленія къ Московской кровавой заутренѣ, и она безпрепятственно совершилась.

17 мая на разсвѣтѣ яснаго утра конная толпа бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ княземъ Василиемъ Шуйскимъ во главѣ, вѣвхала въ Кремль и прежде всего остановилась передъ Успенскимъ соборомъ, принося горячую молитву объ успѣхѣхъ начатаго предпріятія. Въ эту минуту раздался звонъ набатнаго колокола, сначала у пророка Иліи подлѣ Гостинныхъ рядовъ; за нимъ пошли звонить во многихъ

церквахъ и монастыряхъ, какъ кремлевскихъ, такъ и городскихъ. По улицамъ города скакали и бѣжали отряженные заговорщиками люди, призывая народъ. Одинъ кричалъ, что Кремль горить, другой звалъ на защиту православной вѣры, третій на защиту царя или бояръ, и все отъ Поляковъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ, вооруженный чѣмъ попало, самопаломъ, лукомъ, копьемъ, саблею, рогатиною или топоромъ, кто пѣшкомъ, кто на конѣ, а служилые люди въ доспѣхахъ и полномъ вооруженіи. Одна часть народа устремила въ Кремль; а другая стала обступать тѣ дома, которые были заняты Поляками, чтобы не дать имъ возможности собраться вмѣстѣ или поспѣшить также въ Кремль. Внезапно пробужденные, Поляки хватали оружіе и садились на коней; но чернь вездѣ преграждала имъ дорогу, ставя поперекъ улицъ рогатки; гдѣ не хватало рогатокъ, она вынимала бревна изъ мостовой и воздвигала баррикады. Такимъ образомъ ни одному польскому отряду не удалось пробиться въ Кремль на защиту лжецаря и его супруги.

Держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечъ, Василій Шуйскій отъ Успенскаго собора, не теряя времени, повелъ собравшуюся около него мятежную толпу прямо на дворецъ. „Помоги Господи и Пресвятая Богородица на злого еретика и поганую Литву! — восклицалъ онъ. — Отцы и братія, постраждете за православную вѣру!“

Во дворцѣ только что всѣ успокоились послѣ ночи, проведенной въ пиршествѣ и танцахъ. Самозванный царь, кажется, не успѣлъ еще заснуть, когда услышалъ звонъ набата. Онъ послалъ спросить, что это значитъ. „Пожаръ“ — отвѣчалъ кто то изъ бояръ или дворянъ, оставшихся во дворцѣ. Но когда шумъ и крики приближавшейся толпы сдѣлались слышны, наперсникъ Самозванца Басмановъ вышелъ посмотрѣть, и, увидаль, что весь дворъ наполнился вооруженными людьми, которые уже бѣжали по лѣстницамъ и ломились въ двери. На его вопросъ, что имъ нужно, послышались ругательства и крики: „выдай намъ плута и обманщика!“ Басмановъ, приказавъ алебарщикамъ никого не впускать, бросился назадъ и закричалъ Лжедмитрію: „Мятежъ! Требують твоей головы. Спасайся“. Въ это время кто то изъ заговорщиковъ проскочилъ сквозь стражу, и, увидя Самозванца, сказалъ ему: „Ну, безвременный царь, проспался ли ты? Что же не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?“ Басмановъ схватилъ со стѣны царскій палашъ и разрубилъ голову дерзкому. А Лжедмитрій выбѣжалъ въ сѣни, выхватилъ мечъ у одного нѣмца-тѣлохранителя, и, грозя имъ мятежникамъ, кричалъ: „Я вамъ не

Борись“. Однако выстрѣлы заставили его уйти назадъ. Басмановъ же появился на крыльцѣ и началъ уговаривать мятежниковъ. Тутъ Михайло Татищевъ, недавно прощенный по его ходатайству, обругалъ его скверными словами, и первый нанесъ ему ударъ ножомъ; другіе докончили. Тѣло его тотчасъ сбросили съ высокаго крыльца на показъ народу. Мятежники вырубили нѣсколько досокъ въ стѣнѣ и ворвались въ палаты. Оробѣвшіе алебардщики отступили во внутренніе покои, заперевъ за собою двери; но и сіи послѣдніе скоро пали подъ ударами топоровъ. Алебардщикамъ предложили пощаду подъ условіемъ выдать оружіе; они сдались, и тѣмъ сохранили свою жизнь.

Между тѣмъ Лжедимитрій послѣдшилъ въ покои Марины, чтобы предупредить ее объ опасности. Самъ онъ сталъ перебѣгать изъ комнаты въ комнату, спасаясь отъ искавшихъ его повсюду мятежниковъ. Въ попыткахъ онъ забылъ о потайномъ ходѣ въ подземелье или не попалъ въ него, и наконецъ выпрыгнулъ въ окно съ высоты нѣсколькихъ саженъ; при чемъ разбился и вывихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ встать.

Марина, полуодѣтая, въ испугѣ сбѣжала внизъ подъ своды; но не найдя тамъ безопаснаго мѣста, неузнанная, опять пробралась наверхъ, подвергаясь толчкамъ и ругательствамъ. Чернь, неистово грабившая дворецъ, стала ломать двери и въ ея покои. Около нея собрались польскія камерфрейлины, а ея камердинеръ Осмульскій съ саблею въ рукѣ отстаивалъ входъ, пока не палъ пораженный выстрѣлами. Его геройская оборона дала время подоспѣть боярамъ, которые избавили польскихъ дамъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и грабежа черни. Благодаря своему небольшому росту и худобѣ, Марина спряталась подъ юпку своей старой толстой гофмейстерины. На вопросъ бояръ, куда дѣвался царь, женщины отвѣчали незнаніемъ, а относительно царицы гофмейстерина сказала, что она успѣла уйти въ домъ своего отца воеводы. Бояре оставили въ покоѣ старуху; но молодыхъ Полекъ раздѣлили между собою и отослали въ свои дома (гдѣ—по словамъ одного иностранца—будто бы черезъ годъ онѣ сдѣлались матерями). Въ эту минуту пришло извѣстіе, что Самозванецъ найденъ, и бояре поспѣшили уйти.

Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ у Чертольскихъ (Пречистенскихъ) воротъ, услышали стоны Самозванца, находившагося въ безсознательномъ состояніи; подбѣжали къ нему, отлили его водою и положили по близости на каменный фундаментъ дворца. Придя въ себя, онъ взмолился о защитѣ; при чемъ обѣщалъ отдать имъ въ награду женъ

и помѣстья бояръ. Стрѣльцы рѣшились его оборонять, и, когда подошли мятежники, то встрѣтили ихъ выстрѣлами, такъ что нѣкоторыхъ положили на мѣстѣ. Толпа остановилась. Тутъ подошли бояре, и, видя упорство караула, закричали: „пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу; перебьемъ всѣхъ женъ и дѣтей этихъ негодяевъ, если они не хотятъ намъ выдать плута и обманщика!“ Стрѣльцы смутились и отошли въ сторону. Несчастнаго лжецаря схватили и внесли въ нижній этажъ дворца. Толпа принялась его бить и издѣваться надъ нимъ. „Говори, такой саконъ, кто ты родомъ и кто твой отецъ?“ Самованецъ отвѣчалъ: пусть спросятъ его мать или пусть выведутъ его на Лобное мѣсто и тамъ онъ все скажетъ народу. Очевидно онъ хватался за соломенку, и думалъ выиграть нѣсколько лишнихъ минутъ для своего спасенія. Но заговорщики, въ особенности Шуйскій, понимали всю опасность дальнѣйшаго замедленія; ибо народная масса, все еще неразбравшая въ чемъ дѣло и въ большинствѣ думавшая, что она возстала только противъ Поляковъ, легко могла поддасть испытанному обаянію его слова и стать на защиту лжецаря. Пришелъ князь Голицынъ и объявилъ, что царица-инокиня отрекается отъ него и называетъ своимъ сыномъ того, кто убитый лежитъ въ Угличѣ. Тогда изъ толпы вышли два боярскихъ сына, Иванъ Воейковъ и Григорій Валуевъ, съ ружьями. „Что еще толковать съ еретикомъ! Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!“ Съ этими словами Валуевъ и товарищъ его выстрѣлили Самованцу въ упоръ; другіе бросились колоть его ножами и рубить саблями. Надвигавшій со всѣхъ сторонъ, народъ во время предшествующей сцены не могъ за тѣсною толпою проникнуть внутрь дворца, и спрашивалъ, что такое говоритъ Дмитрій; ему отвѣчали, что тотъ винится въ своемъ самозванствѣ. Обезображенный его трупъ сбросили съ крыльца на трупъ Басманова со словами: „ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ!“ Потомъ ихъ обоихъ потащили на Красную площадь.

Проходя мимо Вознесенскаго монастыря, толпа остановилась и послала спросить царицу-инокиню Марю: точно ли убитый ея сынъ? Говорятъ, она отвѣтила: „объ этомъ надобно было спрашивать, пока онъ еще былъ живъ; а теперь онъ уже не мой“. По другому свидѣтельству, она прямо объявила, что это не ея сынъ. Вообще равнодушіемъ, которое въ это утро Марья обнаружила къ участи названнаго Дмитрія, она достаточно ясно подтвердила, что этотъ человѣкъ былъ ей совершенно чужой. По всей вѣроятности, своимъ поведеніемъ, неуваженіемъ къ церкви и дружбою съ Поляками онъ оконча-

тельно ей опротивѣлъ, и весьма возможно, что князь Шуйскій успѣлъ заручиться ея молчаливымъ согласіемъ на бунтъ.

Все утро какъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только находились Поляки, кипѣлъ бой и совершались дикія сцены убійства и грабежа при непрерывномъ звонѣ колоколовъ и неистовыхъ крикахъ толпы. Вездѣ Поляки, захваченные въ располхъ, гибли подъ ударами разъяренной черни и подвергались совершенному ограбленію. Одни изъ нихъ отчаянно защищались, другіе вступали въ переговоры и соглашались выдать оружіе подъ условіемъ пощады, но большею частію потомъ были вѣроломно умерщвляемы. Москвичи въ этотъ день дали полную волю своей злобѣ, накупившей противъ иноземцевъ, и уподобились кровожаднымъ звѣрямъ, согласно съ своей славянской природой, добродушной въ мирномъ житейскомъ быту и способной къ страшному ожесточенію въ минуту борьбы и расправы. Между прочимъ народная ярость обрушилась на несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ польскихъ музыкантовъ, которыхъ было избито нѣсколько десятковъ человѣкъ. Повидимому, музыка, сопровождавшая пиры и потѣхи Самозванца съ Поляками, сдѣлалась особенно ненавистна народу. Наибольшее количество Поляковъ погибло на Никитской улицѣ, гдѣ была размѣщена свита Марины. Тамъ же, гдѣ они успѣвали собраться въ значительныя группы или гдѣ были расположены отрядами, какъ люди хорошо вооруженные, искусные въ военномъ дѣлѣ и движимые отчаяніемъ, оборонялись успѣшно. Воевода Сендомірскій, занимавшій съ своею свитою домъ Годунова въ Кремлѣ по сосѣдству съ дворцомъ, заперъ у себя всѣ входы и приготовилъ своихъ слугъ къ оборонѣ; но его спасли сами бояре; они не замедлили приставить къ нему стрѣleckую стражу, которая обороняла его отъ нападенія черни. Сынъ воеводы староста Саноцкій, стоявшій въ другомъ домѣ, съ своею свитою храбро оборонялся отъ черни, пока не подоспѣли бояре и также не спасли его. Польскіе послы Олесницкій и Гонсѣвскій, занимавшіе съ цѣлымъ отрядомъ Посольскій дворъ, изготовились было къ отчаянной оборонѣ; но Московскій народъ уважилъ ихъ достоинство пословъ и оставилъ ихъ въ покоѣ; къ тому же для ихъ охраны было прислано 500 стрѣльцовъ. Многіе Поляки изъ сосѣднихъ мѣстностей успѣли пробраться къ нимъ на Посольскій дворъ и тѣмъ спаслись.

Особенно ожесточенный бой кипѣлъ на крайнѣ города около того дома, гдѣ стоялъ князь Константинъ Вишневецкій съ своими двумя сотнями жолнеровъ. Они мѣтко отстрѣливались отъ штурмующей

черни и многихъ изъ нея положили на мѣстѣ. Москвичи притащили пушку; но неискусный пушкарь навелъ ее такъ низко, что ядро попало въ собственную ихъ толпу и вырвало изъ нея цѣлую улицу. И тутъ бой прекратился только тогда, когда явился самъ князь Шуйскій и уговорилъ Виминецкаго сдаться, поклявшись въ его сохранности. Шуйскому помогали князь Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, Шереметевъ, князь Ромодановскій и нѣкоторые другіе бояре, которые, разъѣзжая по городу, старались вездѣ прекратить кровопролитіе и успокоить народъ. Послѣ полудня наконецъ имъ удалось это сдѣлать, и кровь перестала литься. Страшный шумъ и крики мало-по-малу смѣнились на улицахъ мертвою тишиною, и только валявшіеся повсюду трупы свидѣтельствовали о недавней отчаянной рѣзни. Трудно опредѣлить количество жертвъ, по причинѣ самихъ разнорѣчивыхъ показаній. Приблизительно число убитыхъ Поляковъ простиралось до 2000, да и Русскихъ пало по крайней мѣрѣ половина сего числа. Два дня лежали трупы; псы терзали ихъ; площадные лѣкаря вырѣзывали изъ нихъ жиръ. Наконецъ бояре велѣли убирать мертвыхъ; ихъ относили въ загородные убогіе дома, тамъ копали ямы и наскоро погребали. Въ числѣ убитыхъ Поляковъ оказались и другіе иноземцы. Между прочими погибли нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ и ювелировъ, которые, по приглашенію Самозванца, съ дорогими товарами прибыли въ Москву, въ надеждѣ на большую прибыль. Иные нѣмецкіе купцы успѣли спастись, но вслѣдствіе грабежа черни потеряли свои товары и понесли большіе убытки.

Народная масса, поклоняющаяся всякому, особенно чрезвычайному, успѣху, какъ извѣстно, съ переменною счастія быстро мѣняется свои чувства. Еще наканунѣ бояре опасались народной преданности Лжедмитрію; а теперь его обезображенный трупъ лежалъ на площади на небольшомъ столѣ (около него на землѣ распростертъ былъ трупъ Басманова), и неразумная чернь вволю издѣвалась надъ нимъ какъ надъ разстригою и еретикомъ. Одни положили ему на грудь грязную маску, говоря: „вотъ твой богъ!“ Найденныя во дворцѣ маски простолюдины сочли за изображеніе какихъ то боговъ. Другіе совали ему въ ротъ дудку со словами: „долго мы тебя тѣшили, теперь самъ насъ позабавъ“; третьи вонзали въ него свои ножи или сѣкли его плетми, приговаривая: „сгубилъ ты наше царство и разорилъ казну!“ Но нѣкоторые богобоязливые люди плакали, смотря на такое поруганіе. По прошествіи трехъ дней, когда весь народъ ясно могъ убѣдиться въ смерти Самозванца, его отвезли за Серпуховскія ворота и зарыли въ

убогомъ домѣ. (Басманова выпросили родственники и честно погребли у храма Николы Мокраго). Но въ народѣ появились слухи о какихъ-то знаменіяхъ надъ его могилою; а тутъ еще внезапный морозъ повредилъ полевые всходы. Суевѣрные люди объяснили такое явленіе тѣмъ, что убитый былъ чернокнижникъ и колдунъ. Извѣстно, что Гришка Отрепьевъ съ самаго начала былъ объявленъ чернокнижникомъ; чѣмъ и объяснялась его необыкновенная удача. А противъ колдуновъ главнымъ средствомъ считался огонь; поэтому, спустя нѣсколько дней, трупъ вынули изъ могилы и сожгли его (по нѣкоторымъ сказаніямъ въ той самой подвижной крѣпости, которая называлась «адамъ»); а прахъ развѣяли по полю. Нѣкоторые извѣстія прибавляютъ, что имъ зарядили пушку, и выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ. (8)

возбудили неблагопріятные для Шуйскаго толки въ народѣ и отчасти содѣйствовали непрочности его престола. Впрочемъ такая непрочность скорѣе объясняется другими трудными обстоятельствами времени, а также личными качествами. Напомнимъ, что избраніе Годунова Великою земскою думою не упрочило престолъ за его домомъ. Во всякомъ случаѣ, по словамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, бояре при Шуйскомъ болѣе имѣли власти, чѣмъ самъ царь.

1 іюня происходило торжественное царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ съ обычными обрядами. Его совершалъ митрополитъ новгородскій Исидоръ, за отсутствіемъ патріарха. Ставленникъ Самозванца Игнатій былъ низведенъ Василюмъ Ивановичемъ съ престола и заключенъ въ Чудовъ монастырь; а прежній патріархъ Іовъ хотя еще былъ живъ, но совсѣмъ ослѣпъ. Поэтому соборъ епископовъ 25 мая выбралъ новаго патріарха, именно казанскаго митрополита Гермогена, навлекшаго на себя немилость Самозванца и сосланнаго имъ въ свою епархію. Ко дню царскаго вѣнчанія нарѣченный патріархъ еще не успѣлъ прибыть въ Москву. Вопреки обычаю, это вѣнчаніе не сопровождалось щедрыми наградами и милостями. Шуйскій справедливо указывалъ на то, что безмѣрная расточительность ложнаго Дмитрія совершенно истощила царскую казну; тѣмъ не менѣе служилый классъ остался недоволенъ и обвинялъ новаго царя въ скупости и неблагодарности. Кромѣ того, Василій Ивановичъ сдѣлалъ слѣдующую важную ошибку: тѣхъ бояръ, дьяковъ и дворянъ, которые были извѣстны преданностію Самозванцу, онъ поспѣшилъ удалить изъ Москвы, отправивъ ихъ воеводами въ дальніе города, напримѣръ: князя Василя Масальскаго въ Корелу, Михаила Салтыкова въ Ивангородъ, Богдана Бѣльскаго въ Казань, Афанасія Власьева въ Уфу, князя Григорія Шаховскаго въ Путивль, Андрея Телятевскаго въ Черниговъ. Этою мѣрою онъ самъ способствовалъ будущему отпаденію отъ него многихъ областей. У нѣкоторыхъ дворянъ онъ даже отнялъ помѣстья и вотчины, чѣмъ явно нарушилъ помянутое обѣщаніе: никому не мстить за прежнія обиды.

Однако были приняты и нѣкоторыя вполне благоразумныя мѣры. Таковою въ особенности является перенесеніе мощей царевича Дмитрія Угличскаго.

Уже вмѣстѣ съ извѣстительными и присяжными грамотами новаго царя была разослана городамъ покаянная грамота отъ царицы инокини Марѣи. Тутъ она рассказывала, какъ Самозванецъ прельстилъ ее признать его своимъ сыномъ; а настоящій ея сынъ, убитый, ле-

жить въ Угличѣ. Когда же пошелъ слухъ о томъ, будто названный царь Димитрій спасся во время погрома 17 мая и убѣжалъ изъ Москвы, царь Василій поспѣшилъ торжественно перевезти въ столицу тѣло убіеннаго царевича. Для сего отправлены были въ Угличъ изъ духовенства ростовскій митрополитъ Филаретъ, астраханскій архіепископъ Θεодосій, архимандриты Сергій Спасскій и Авраамій Андроньевскій, а изъ бояръ князь Иванъ Мих. Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ и двое Нагихъ. Они отписали въ Москву, что нашли мощи благовѣрнаго царевича Димитрія въ цѣлости, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немного повредились; на немъ жемчужное ожерелье, кафтанъ, камчатная шитая золотомъ и серебромъ рубашка и тафтяной, также шитый золотомъ и серебромъ, убрусъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой горсть орѣховъ, которыми онъ тѣшился, когда его убили. 3 іюня привезли мощи въ Москву. Царь съ инокиней Марею, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и всѣмъ народомъ встрѣтили ихъ съ крестнымъ ходомъ и колокольнымъ звономъ у воротъ Бѣлаго города и проводили въ Архангельскій соборъ, гдѣ положили въ открытой рацѣ, въ придѣлѣ Ивана Предтечи. Тутъ въ соборѣ царица-инокиня передъ духовенствомъ и боярами повинилась царю въ томъ, что подъ угрозами мучительства и смерти такъ долго терпѣла обманъ Самозванца, и просила ей тотъ поневольный грѣхъ простить. Царь и весь освященный соборъ Марю простили, и молили Бога, чтобы Онъ ея душу отъ такого великаго грѣха освободилъ. О всемъ томъ составлена была особая грамота и разослана въ города; въ ней сообщалось также, что поставленные въ Архангельскомъ соборѣ мощи святого отрока-мученика проявили обычныя въ такомъ случаѣ чудеса, т. е. исцѣленіе больныхъ и разслабленныхъ. Новоявленному мученику сочинены были стихиры и каноны и установлены церковныя памяти. Сія нововодворенная въ Москвѣ святыня несомнѣнно подѣйствовала на умы и воображеніе столичныхъ жителей, и вообще не мало способствовала успѣху послѣдующей обороны Москвичей отъ второго Лжедимитрія.

Межъ тѣмъ правительство царя Васиція Ивановича озабочено было вопросомъ, что дѣлать съ Поляками, оставшимися въ живыхъ отъ погрома. Рѣшено было изъ нихъ до 700 человекъ, простыхъ и незнатныхъ, отпустить въ отечество; а знатныхъ людей съ частью ихъ свиты удержать въ Москвѣ въ качествѣ заложниковъ на случай отместки со стороны Польши. Точно также царь и бояре не соглашались отпустить королевскихъ пословъ, Олесницкаго и Гонсѣвскаго,

не смотря на ихъ настойчивыя просьбы. Пословъ со свитою оставили въ столицѣ; тогда какъ другихъ знатныхъ Поляковъ разослали по городамъ. Князя Вишневецкаго съ его людьми отправили въ Кострому, Стадницкихъ съ нѣкоторыми панами въ Ростовъ, а потомъ въ Вологду и Бѣлоозеро, пана Тарла съ иными въ Тверь, Казановскаго въ Устюгъ; а Юрія Мнишка съ дочерью Мариною, съ братомъ, сыномъ и со свитою, простиравшеюся до 375 человекъ, послали въ Ярославль подъ прикрытіемъ 300 стрѣльцовъ. Въ городахъ плѣнные Поляки строго охранялись стражею и жителями подъ надзоромъ приставовъ. Въ то же время Шуйскій отправилъ князя Волконскаго и дьяка Иванова къ Польскому королю съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ, съ жалобою на помощь, оказанную Рѣчью Посполитою Самозванцу вопреки договорамъ, и съ извиненіями въ томъ, что многіе Поляки, возбудивъ своимъ поведеніемъ противъ себя народъ, пали жертвою мятежа. Въ Москвѣ опасались конечно жестокой мести со стороны Польши. Но тамъ происходили тогда собственныя внутреннія смуты: начался извѣстный рокошъ или бунтъ краковского воеводы Зебжидовскаго и литовскаго магната Януша Радивила; этотъ рокошъ на время отвлекъ вниманіе короля отъ прямого виѣшательства въ московскія дѣла. Сигизмундъ ограничился пока выраженіемъ неудовольствія на избіеніе Поляковъ и задержаніе польскихъ пословъ, и съ своей стороны также задержалъ русское посольство (*).

Народное движеніе противъ Шуйскаго началось тамъ же, гдѣ оно разразилось и противъ Годунова, т. е. на Сѣверской украинѣ.

Уже спустя нѣсколько дней послѣ кровавой Московской заутрени, сталъ распространяться и волновать Москвичей слухъ, будто названный Димитрій вновь спасся отъ смерти и опять убѣжалъ въ Литву. Первымъ виновникомъ сего слуха считается извѣстный клеветъ Самозванца Михайлъ Молчановъ, который утромъ 17 мая съ двумя Поляками взялъ лучшихъ скакуновъ изъ царской конюшни и погналъ къ Литовской границѣ, распуская на пути слухъ о спасеніи Димитрія, а мѣстами принимая на себя его имя. Онъ укрылся въ Самборъ къ супругѣ Юрія Мнишка. Главнымъ зачинщикомъ новой смуты явился князь Григорій Шаховской, котораго царь Василій послалъ воеводою въ Путивль, повидимому не подозрѣвая въ немъ одного изъ тайныхъ своихъ враговъ и завистниковъ. Шаховской собралъ жителей Путивля и объявлялъ имъ, что Димитрій живъ и пока скрывается отъ убійцъ, посланныхъ Шуйскимъ. Если въ самой Москвѣ, видѣвшей трупъ уби-

таго Самозванца, слухъ о его спасеніи находилъ многихъ довѣрчивыхъ людей, то естественно, что въ областяхъ онъ принимался съ гораздо большимъ довѣріемъ, а въ особенности въ Сѣверщинѣ: она гордилась тѣмъ, что недавно поставила царя на Москвѣ, и сохраняла преданность Лжедмитрію, а потому крайне была недовольна извѣстіемъ о его убіеніи.

Путивляне первые отложились отъ Василія Шуйскаго и подняли знамя мятежа. Ихъ примѣру быстро послѣдовали другіе сѣверскіе города, т. е. Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Кромы. Подобно князю Шаховскому, весьма дѣятельное участіе въ этомъ мятежѣ принялъ князь Андрей Телятевскій, воевода Черниговскій. Мятежники однако потребовали, чтобы спасшійся Димитрій явился среди нихъ. Зачинщики находились въ затрудненіи. Шаховской звалъ Молчанова; но тотъ не рѣшился взять на себя эту роль, съ одной стороны опасаясь участи Самозванца, съ другой имѣя въ виду, что многимъ Москвичамъ онъ былъ очень хорошо извѣстенъ; слѣдовательно обманъ вышелъ бы слишкомъ явный. За то Молчановъ же, какъ говорятъ, нашелъ человѣка, который скоро сумѣлъ придать возстанію широкій и грозный характеръ. Это былъ Иванъ Болотниковъ.

Холопъ князя Телятевскаго, обладавшій отважнымъ духомъ и богатырскимъ сложеніемъ, Болотниковъ въ юности былъ взятъ въ плѣнъ Татарами, которые продали его Туркамъ; у послѣднихъ онъ въ оковахъ работалъ на галерахъ; потомъ какъ то освободился и попалъ въ Венецію. Оттуда онъ пробрался въ отечество и дорогою остановился въ Польшѣ, гдѣ узналъ о московскихъ событіяхъ послѣдняго времени. Услыхавъ, будто Димитрій спасся бѣгствомъ изъ Москвы и живетъ въ Самборѣ, Болотниковъ явился сюда, и, не зная въ лицо убитаго Самозванца, легко принялъ Молчанова за Димитрія и предложилъ ему свои услуги. Молчановъ, играя передъ нимъ роль Димитрія, взялъ съ него присягу въ вѣрной службѣ, назначилъ его своимъ главнымъ воеводою, далъ денегъ и отправилъ съ письмомъ въ Путивль къ князю Шаховскому. Послѣдній принялъ его съ почетомъ и ввѣрилъ ему начальство надъ мятежной ратью. Вскорѣ удачными дѣйствіями онъ оправдалъ довѣріе, и возстаніе пошло еще быстрее. Къ Сѣверской уже присоединилась южная или Тульская Украина съ городами Тула, Серпуховъ, Кашира, Вѣневъ; особенно важно было для мятежниковъ отложеніе отъ Шуйскаго города Ельца, гдѣ Самозванецъ успѣлъ собрать большіе военные запасы для задуманной имъ

войны съ Татарамъ и Турками. На Тульской украинѣ во главѣ мятежниковъ сталъ боярскій сынъ Истома Пашковъ. За нею, во имя мнимаго Дмитрія, поднялась Рязанская область, которая еще помнила о своей самобытности и соперничествѣ съ Москвою. Здѣсь предводителями мятежниковъ явились дворяне Сумбуловъ и братья Ляпуновы. За Рязанцами встала часть Поволожья. Тамъ особенно сильный мятежъ разразился въ Астрахани, гдѣ главою возстанія сдѣлался самъ воевода князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ; а дьякъ Аванасій Карповъ, пытавшійся усовестить мятежниковъ, былъ умерщвленъ съ нѣкоторыми лучшими людьми. Възмутилась Мордва, и, соединясь со скопищемъ русскихъ крестьянъ, осадила Нижній. Возмутились земли Вятская и Пермская.

Въ самой Москвѣ слухи о спасеніи Дмитрія вызывали сильное волненіе въ умахъ черни; въ то же время противъ Шуйскаго стала дѣйствовать крамола его соперниковъ, какъ прежде противъ Годунова и Лжедмитрія. Однажды на воротахъ нѣкоторыхъ бояръ, а также иностранцевъ появилась надпись, что царь отдаетъ народу на разграбленіе дома сихъ измѣнниковъ. Около нихъ стала собираться буйная толпа, которую съ трудомъ разогнали. Въ другой разъ кто то созвалъ чернь передъ дворцомъ подъ предлогомъ, что царь хочетъ говорить съ народомъ. Выходя изъ дворца къ обѣднѣ, Шуйскій увидалъ эту толпу, и, узнавъ въ чемъ дѣло, началъ плакать и укорять окружающихъ его бояръ въ томъ, что они строятъ противъ него ковы и хотятъ низвести его съ престола. Въ порывѣ негодованія, онъ даже снялъ съ себя царскую шапку и вмѣстѣ съ посохомъ отдалъ ее близъ стоявшимъ, восклицая: „если я негоденъ, выбирайте другого!“ Однако тотчасъ опомнился, и, взявъ обратно знаки власти, сказалъ съ горечью: „Мнѣ ужъ надоѣли эти козни. Если почитаете меня царемъ, то накажите виновныхъ“. Всѣ окружающіе стали увѣрять его въ своей преданности. Чернь опять разогнали; причѣмъ схватили пятерыхъ крикуновъ, которыхъ потомъ били кнутомъ на площади и сослали. Однако крамолы не прекратились; а волненіе умовъ еще усилилось при появленіи подметныхъ писемъ, которыя именемъ спасагося Дмитрія угрожали Москвитчамъ местью за ихъ измѣну своему государю. Бояре, посланные во главѣ царскихъ войскъ противъ мятежниковъ, дѣйствовали вяло, и показывали мало усердія сражаться за Шуйскаго. Это обстоятельство также способствовало первымъ успѣхамъ мятежниковъ, какъ и прежде при Годуновѣ. А именно, князя Трубецкой, Барятинскій и Воротынскій, отряженные еще въ началѣ возстанія и

ненаблюдавшіе никакой связи другъ съ другомъ, потерпѣли полную неудачу. Первый, осадившій Кромь, былъ разбитъ Болотниковымъ; а Воротинскій, стоявшій подъ Ельцомъ, услыхавъ объ отступленіи и разбѣяніи полковъ Трубецкаго, тоже отступилъ; его дворяне и дѣти боярскіе на пути также стали разбѣзжаться по домамъ. Эти неудачи царскихъ воеводъ собственно и ускорили упомянутое выше широкое распространеніе мятежа.

Болотниковъ усердно разсылалъ всюду грамоты, въ которыхъ именемъ царя Димитрія обѣщалъ холопамъ и крестьянамъ вольность и разрѣшалъ имъ грабежъ богатыхъ людей. Поэтому чернь вездѣ охотно къ нему приставала и толпы его быстро росли; а когда съ нимъ соединились отряды Пашкова и мятежныхъ Рязанцевъ, онъ очутился во главѣ многочисленной рати, которую смѣло повелъ прямо на Москву. Царскіе воеводы пытались загородить ему дорогу. Но только юный племянникъ Василя Михаилъ Скопинъ Шуйскій имѣлъ удачную стычку съ отрядомъ мятежниковъ на берегахъ Пахры; а въ главной битвѣ, у села Троицкаго, московское войско подъ начальствомъ князя Мстиславскаго потерпѣло рѣшительное поражение. Въ октябрѣ 1607 года Болотниковъ расположился станомъ и укрѣпился острогомъ въ селѣ Коломенскомъ, въ семи верстахъ отъ столицы, которую и началъ держать въ осадѣ. Московскія власти поспѣшили разставить на стѣнахъ тяжелыя орудія и сдѣлали всѣ приготовленія къ оборонѣ; составили списки всѣмъ молодымъ людямъ старше 16 лѣтъ и вооружили ихъ; послали просить помощи во всѣ города, а московское населеніе вновь привели къ присягѣ на вѣрность царю Василю. Часть войска расположилась внѣ стѣнъ подлѣ Данилова монастыря въ укрѣпленномъ обозѣ. Пытаясь возмутить жителей противъ Шуйскаго, Болотниковъ по своему обычаю обратился къ московской черни съ подметными листами, въ которыхъ приказывалъ холопамъ побивать своихъ бояръ, а ихъ имѣніе и женъ брать себѣ, гостей и торговыхъ людей грабить; призывалъ ихъ также въ свое ополченіе, обѣщая отличившихся награждать боярствомъ, воеводствомъ и другими высшими званіями. Но это наглое обращеніе къ самымъ низкимъ страстямъ и побужденіямъ сильно возбудило домовитую часть населенія; оно поняло, что отъ мятежниковъ, въ случаѣ ихъ успѣха, никакой пощады ожидать нельзя и потому рѣшило мужественно обороняться. Тѣ же подметные листы подорвали сочувствіе къ Болотникову у многихъ соединившихся съ нимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они съ омерзѣніемъ увидали себя въ товариществѣ съ ворами, раз-

бойниками, бѣглыми холопами и воровскими казаками, которые объявляли войну не Шуйскому только, но даже такимъ священнымъ началамъ какъ общественный порядокъ, семья и собственность. А между тѣмъ, хотя всѣ распоряженія шли отъ имени спасагося и будто бы законнаго государя, Дмитрій все еще не появлялся.

Первыми отложились отъ Болотникова Сумбуловъ и Ляпуновъ съ своими Рязанцами. Они ушли въ столицу и били челомъ о прощеніи Василю Ивановичу. Чтобы привлечь и другихъ мятежниковъ, царь принялъ ихъ ласково, а Ляпунова даже наградилъ званіемъ думнаго дворянина. Въ то же время нѣкоторые сѣверныя и западныя области, которыя остались вѣрными царю Василю, отозвались на его призывъ и прислали ему ратныхъ людей на помощь; между прочимъ пришли дружины стрѣльцовъ и даточныхъ людей изъ Холмогоръ съ Сѣверной Двины и изъ Смоленска. Тогда московскія власти ободрились, рѣшили выдти въ поле и всѣми силами сразиться съ непріателемъ. Чтобы укрѣпить духъ войска, по желанію царя, патриархъ Гермогенъ соборнѣ служилъ молебенъ у гробницы царевича Дмитрія, освятилъ воду и окропилъ ею ратныхъ людей; послѣ чего взяли покровъ съ гробницы и въ торжественной процессіи понесли его къ Калужскимъ воротамъ. Самъ царь сѣлъ на коня и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный воеводами, выѣхалъ въ поле. Войско дѣйствительно одушевилось и храбро вступило въ бой съ полчищами Болотникова у деревни Котловъ, 2 декабря. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, мятежники были разбиты; изъ главныхъ московскихъ воеводъ особенно отличился здѣсь царскій племянникъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. Побѣдѣ Москвитянъ много помогло то обстоятельство, что во время боя Истома Пашковъ со своимъ отрядомъ перешелъ на сторону Шуйскаго: присоединяясь къ мятежникамъ, онъ надѣялся играть первую роль и очень неохотно принужденъ былъ уступить ее Болотникову. Пашковъ и его товарищи съ клятвами начали увѣрять Москвичей, что никакого Дмитрія они не видали, что ихъ обманывали и что Дмитрій конечно убитъ. Это увѣреніе подѣйствовало, и многіе, сомнѣвавшіеся въ смерти Дмитрія, укрѣпились въ вѣрности Василю.

Болотниковъ заперся въ своемъ Коломенскомъ острогѣ; дѣльные три дня царскіе воеводы тщетно пытались разбить его пушечными снарядами и зажечь калеными ядрами. Какъ при осадѣ Кромъ, казаки и холопы укрывались отъ падавшихъ снарядовъ въ землянкахъ, а каленныя ядра тушили мокрыми кожами. Наконецъ воеводы устро-

или ядра съ какою то хитростію („съ нѣкою мудростію“) и зажгли острогъ. Тогда мятежники покинули его и побѣжали; при чемъ множество ихъ было отчасти избито, отчасти взято въ плѣнъ. Съ остатками своихъ полчищъ Болотниковъ удалился въ Калугу; а часть ихъ заперлась въ Вѣневъ и Тулѣ. Захваченные въ плѣнъ, мятежники наполнили собою всѣ московскія тюрьмы, такъ что не было болѣе мѣста, куда ихъ дѣвать. Царскіе воеводы двинулись вслѣдъ за уходившими толпами. Во время ихъ отступленія часть казаковъ засѣла въ деревнѣ Заборѣ (подъ Серпуховымъ), окружила себя тройнымъ рядомъ сaney, наполненныхъ снѣгомъ, политымъ водою, и отчаянно оборонялась за этимъ ледянымъ укрѣпленіемъ. Однако Скопинъ Шуйскій принудилъ ихъ наконецъ сдаться подъ условіемъ пощады. Добровольно сдавшихся Шуйскій велѣлъ щадить; а взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ предавали казни. Одинъ иноземецъ говоритъ, что на Москвѣ ихъ ежедневно топили сотнями. Это обстоятельство заставляло мятежниковъ оказывать самое отчаянное сопротивление; такъ-что многіе изъ нихъ предпочитали взорвать себя на воздухъ, а не сдаваться. Отсюда междоусобіе пріобрѣтало все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ.

Послѣ пораженія Болотникова нѣкоторыя отпавшія области начали возвращаться къ покорности царю Василю. По обычаю своему онъ спѣшилъ новыми церковными торжествами и напоминаніями о Самозванцѣ произвести впечатлѣніе на народъ и тѣмъ подкрѣпить свой колеблющійся престолъ. Во-первыхъ, онъ велѣлъ тѣла Бориса Годунова, его жены и сына вынуть изъ могилъ у Варсонофьевскаго монастыря, торжественно перенести въ Троицкую Лавру и тамъ похоронить съ царскимъ великолѣпіемъ. Во время погребальнаго шествія, за гробомъ своихъ родителей и брата ѣхала несчастная царевна-инокиня Ксенія въ закрытыхъ саняхъ, со слезами и обычными причитаніями. Во-вторыхъ, Василій Ивановичъ вызвалъ изъ Старицы въ Москву слѣпого престарѣлаго патріарха Іова. Въ Успенскомъ Соборѣ послѣ молебна подана была ему челобитная отъ торговыхъ людей и чернаго народа съ просьбою разрѣшить имъ клятвопреступленіе передъ Борисомъ и Ѳеодоромъ Годуновыми, которымъ они измѣнили ради Самозванца. На это челобитье отъ имени обоихъ патріарховъ, Іова и Гермогена, читана была грамота, въ которой снова повторялось сказаніе о убіеніи царевича Димитрія, воцареніи Годунова, пришествіи Лжедимитрія и его злодѣяніяхъ; а въ заключеніе патріархи прощали и разрѣшали народу грѣхъ его клятвопреступленія. Нельзя

сказать, чтобы подобныя торжества съ участіемъ архипастырей и всего освященнаго собора не дѣйствовали на умы набожныхъ Москвичей. Но они слишкомъ мало отражались въ областяхъ, гдѣ партія мятежниковъ или „воровъ“—какъ ихъ тогда называли московскія грамоты—въ это время снова усилилась. Осада Калуги, въ которой заперся Болотниковъ, затянулась. Чтобы избавиться отъ опаснаго врага, Василій Шуйскій былъ не прочь прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ, несогласной съ его царскимъ достоинствомъ. Онъ принялъ предложеніе лекаря-нѣмца Фидлера отравить предводителя воровскихъ шаекъ; взялъ съ него страшную клятву, далъ ему коня и 100 талеровъ, обѣщая щедрыя награды въ случаѣ успѣха. А Фидлеръ, прибывъ въ Калугу, все открылъ Болотникову.

Царскимъ войскомъ, осаждавшимъ этотъ городъ, начальствовалъ князь Мстиславскій, а въ товарищахъ у него былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. Видя безуспѣшное дѣйствіе пушекъ и мортиръ, воеводы придумали устроить приметь, которымъ надѣялись зажечь деревянныя городскія стѣны. Для сего они велѣли сложить цѣлый валъ изъ дровъ и хворосту; а затѣмъ, перебрасывая дрова впередъ, осаждающіе постепенно придвигали валъ къ стѣнамъ, при чемъ сами находились подъ его же прикрытіемъ. Но изъ царскаго войска были частые перебѣжчики, которые извѣщали обо всемъ Болотникова, и тотъ принялъ свои мѣры. Онъ сдѣлалъ подкопы, съ помощію ихъ взорвалъ ближайшую часть вала и зажегъ его; а такъ какъ въ это время вѣтеръ подулъ въ сторону осаждающихъ, то, пользуясь ихъ смятеніемъ отъ дыма и пламени, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и побилъ много людей. Однако осада продолжалась, и въ городѣ открылась сильная нужда въ сѣстныхъ припасахъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Болотниковъ послалъ въ Путивль къ князю Шаховскому съ новою просьбою о немедленной помощи. Шаховской уже не разъ подкрѣплялъ воровъ; теперь же, не имѣя болѣе готовой силы у себя подъ руками, нашелъ ее въ другомъ мѣстѣ: онъ отправилъ гонца звать такъ называемаго Лжепетра съ его казаками.

Еще въ царствованіе Лжедмитрія I, и по его примѣру, среди Терскихъ казаковъ появился самозванецъ, принявшій на себя имя небывалаго царевича Петра. Они сочинили басню о томъ, что у царя Ѳеодора Ивановича родился сынъ Петръ, котораго вѣрные бояре подмѣнили дочерью и тайно воспитали, опасаясь козней Бориса Годунова. По выбору товарищей, хотѣвшихъ подобно Донскимъ казакамъ воспользоваться смутою и поживиться на счетъ Московскаго госу-

дарства, эту роль Лжепетра принялъ на себя молодой казакъ Илейва, родомъ изъ Муромъ. Онъ послалъ грамоту о себѣ Лжедимитрію, котораго называлъ своимъ дядею. Тотъ отвѣчалъ ласково и приглашалъ его въ Москву, гдѣ конечно готовилъ ему западню. Лжепетръ съ большою толпою казаковъ поплылъ вверхъ по Волгѣ и уже былъ за Свияжскомъ, когда получилъ извѣстіе о гибели мнимаго дяди. Тогда казаки повернули назадъ, и дорогою занялись разбоемъ и грабежами. Потомъ они ушли на Донъ, гдѣ и зазимовали. Тутъ нашли ихъ посланцы Шаховскаго. Лжепетръ немедленно отправился въ Путивль во главѣ полчища, состоявшаго изъ казаковъ Терскихъ, Донскихъ и Волжскихъ; потомъ къ нему присоединились еще Запорожцы; такъ что у него оказалось войска болѣе 10.000 человекъ. По дорогѣ этотъ казацкій Самозванецъ взялъ и разграбилъ нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Цареборисовъ; при чемъ звѣрски замучилъ нѣкоторыхъ попавшихъ въ его руки воеводъ и дворянъ, напримѣръ Михаила Сабурова, князей Пріимкова Ростовскаго, Щербатова, Долгорукова и другихъ. А князя Андрея Бахтеярова, бывшаго прежде путивльскимъ воеводою, онъ не только убилъ, но и опозорилъ его боярскую честь, взявъ его дочь себѣ въ наложницы. Въ Путивлѣ онъ соединился съ княземъ Шаховскимъ, и отсюда они двинулись въ Тулу, а на помощь Болотникову отрядили часть войска подъ начальствомъ князя Телятескаго. Услыхавъ о томъ, Мстиславскій изъ подъ Калуги навстрѣчу Телятескому выслалъ князей Татевъ и Черкаскаго съ 17000 человекъ. На рѣчкѣ Пчельнѣ они сразились съ ворами, но пали въ битвѣ, а полки ихъ обратились въ бѣгство. Прибывъ подъ Калугу, бѣглецы эти распространили смятеніе въ царскомъ войскѣ. Болотниковъ воспользовался минутою, сдѣлавъ отчаянную вылазку и нанесъ пораженіе осаждавшей рати; часть ея перешла на сторону мятежниковъ. Только мужество Скопина Шуйскаго и Истома Пашкова спасло ее отъ совершеннаго разгрома; покинувъ тяжелыя орудія и съѣстные запасы, она отступила къ Боровску. Это происходило весною 1607 года.

Болотниковъ изъ Калуги двинулся къ Тулѣ; соединился съ Лжепетромъ и снова готовился идти на Москву. Въ виду такой опасности царь Василій обнаружилъ на сей разъ необычную ему рѣшимость и воинственную предприимчивость. Онъ объявилъ, что самъ выступаетъ противъ воровъ, и разослалъ всюду грамоты съ строгими приказами о сборѣ служилыхъ и даточныхъ людей. Монастырскія и церковныя вотчины также должны были выставить ратниковъ. Патріархъ при-

казалъ во всѣхъ храмахъ служить молебны объ успѣхѣхъ царскаго оружія, а Болотникова, Самозванца и ихъ сообщниковъ торжественно предавать проклятію. Изъ Москвы одушевленіе распространилось въ областяхъ; не мало также дѣйствовалъ страхъ за имущество и общественный порядокъ, угрожаемые разбойничьими полчищами. Царь Василій лично выступилъ въ походъ во главѣ почти стотысячнаго ополченія. Передовой полкъ его подъ начальствомъ князей Голицына и Лыкова недалеко отъ Коширы на рѣчкѣ Восмѣ встрѣтился съ передовымъ отрядомъ воровъ, предводителемъ котораго былъ Телятевскій, и разбилъ его на голову; въ этой битвѣ отличился Прокопій Лапуновъ съ своими Рязанцами. Царскія войска двинулись прямо на Тулу, и въ концѣ іюня обступили этотъ городъ, въ которомъ засѣли всѣ главные вожаки мятежниковъ, т. е. Болотниковъ, Лжепетръ, Шаховской и Телятевскій, имѣя 20,000 отборныхъ казаковъ и другихъ ратниковъ съ большимъ количествомъ военныхъ и сѣстныхъ запасовъ.

Руководимые и одушевляемые Болотниковымъ, осажденные оборонялись долго и упорно. Когда же обнаружился недостатокъ продовольствія, они порѣзали коней и всѣхъ животныхъ, ѣли кошекъ и всякую падаля, но не хотѣли и слышать о сдачѣ. Царская рать начинала уже терять надежду на взятіе города и стала падать духомъ. Открылись побѣги и отѣзды. Между прочими, служилые татарскіе князья Петръ и Александръ Урусовы со многими мурзами повинили царскій станъ и уѣхали въ Крымъ. Изъ Сѣверской украины приходили вѣсти, что тамъ собирается новая туча въ лицѣ второго Лжедмитрія, который готовился идти на выручку Тулы.

Вдругъ неожиданное обстоятельство помогло Василю.

Нѣкто муромскій боярскій сынъ Оома Суминъ Кровковъ посредствомъ разряднаго дьяка подалъ царю челобитную, въ которой просилъ дать ему посохи, обѣщая запрудить рѣку Уну и потопить городъ Тулу. Его предложеніе сначала вызвало насмѣшки, однако было принято. Онъ велѣлъ каждому ратнику принести по мѣшку или плетенкѣ съ землею; затѣмъ отобралъ людей знающихъ мельничное дѣло и началъ изъ земли, дерева, хворосту и соломы строить плотину, чтобы перегородить рѣку Уну ниже города, расположеннаго на ея низменныхъ берегахъ. По мѣрѣ изготовленія плотины, вода стала подниматься, проникла въ острогъ, а потомъ и въ городъ. Наконецъ самые дворы были затоплены, немногіе оставшіеся запасы продовольствія погибли и всѣ тайные подвозы прекратились. Въ Тулѣ настала

голодѣ. Тульскіе „сидѣльцы“ постепенно начали выходить и бить челомъ Василю о прощеніи. Наконецъ на самый праздникъ Покрова Богородицы, 1 октября, всѣ Туляне сдались, выговоривъ себѣ общее помилованіе, которое царь обѣщалъ имъ подѣ присягою. Иноземцы рассказываютъ, что Болотниковъ подѣхалъ къ царской ставкѣ, сошелъ съ коня, положилъ саблю себѣ на шею, и, ударивъ въ землю челомъ, сказалъ Василю: „Я исполнилъ свою клятву и вѣрно служилъ тому, кто называетъ себя Димитріемъ; но онъ меня выдалъ, и теперь я въ твоей власти. Если хочешь моей головы, вели ее отрубить; а если оставишь мнѣ жизнь, то я буду служить тебѣ также вѣрно“. Василій Ивановичъ повидимому не придавалъ значенія этимъ словамъ; да и трудно было тогда довѣрять подобнымъ людямъ; притомъ бояре и дворяне посмотрѣли бы очень косо на помилованіе челоуѣка, заявившаго себя ихъ злѣйшимъ врагомъ. Болотниковъ, Илейка Муромецъ, казачій атаманъ Нагиба и нѣсколько десятковъ взятыхъ съ ними Нѣмцевъ были подѣ стражею отправлены въ Москву. Здѣсь Илейку повѣсили. Болотникова послали въ Каргополь, и тамъ его утопили. А плѣнныхъ Нѣмцевъ (въ томъ числѣ помянутаго лекаря Фидлера) сослали въ Сибирь. Но князья Телятевскій и Шаховской какъ знатные люди были пощажены. Послѣдній—по лѣтописному выраженію „всей крови заводчикъ“—воспользовался тѣмъ, что передъ сдачею Тулы воры посадили его въ тюрьму за ложныя обѣщанія скорой помощи отъ Димитрія, и увѣрялъ Шуйскаго, будто пострадалъ за намѣреніе ему покориться. Царь сдѣлалъ видѣ, что повѣрилъ ему, и отправилъ его на Кубенское озеро въ Каменную Пустынь.

По городамъ немедленно были разосланы царскія грамоты съ извѣстіемъ о великой побѣдѣ надъ мятежниками и съ приказаніемъ читать эти грамоты въ соборномъ храмѣ, пѣть благодарственные молебны и производить трехдневный колокольный звонъ. Уже наступила глубокая осень. Покончивъ съ долгой и трудной осадой, Шуйскій распустилъ по домамъ большую часть утомленнаго войска и воротился въ Москву, куда вѣхалъ торжественно, при колокольномъ звонѣ, въ колесницѣ, обитой краснымъ сукномъ и запряженной четырьмя бѣлыми конями. Отсюда онъ ѣздилъ въ Троицесергіеву Лавру, чтобы принести, св. Угоднику благодарственную молитву за Тульскую побѣду и просить его заступленія противъ другихъ грозившихъ враговъ. Въ слѣдующій за тѣмъ мѣсяцъ, въ январѣ мѣсяцѣ, пятидесятилѣтній невзрачный и подслѣповатый царь Василій, по благословенію патріарха Гермогена, сочетался бракомъ съ княжною Марьей Петровной Буй-

носовой-Ростовской, съ которою былъ помолвленъ еще при Лжедмитріи 1: онъ надѣялся получить отъ нея наслѣдника престолу и такимъ образомъ упрочить свою династію (10).

Во время Тульской осады на сцену дѣйствія выступилъ наконецъ и второй Лжедмитрій, именемъ котораго дѣйствовали Шаховской, Болотниковъ и другіе вожаки возстанія Сѣверской и Южной украины противъ Василія Шуйскаго.

Второй Лжедмитрій объявился приблизительно въ томъ же краю, гдѣ и первый, только не по ту сторону московско-литовскаго рубежа, а по сю, т. е. въ московскихъ предѣлахъ, именно въ Стародубѣ Сѣверскомъ. Край сей въ то время признавалъ своимъ царемъ не Василія Шуйскаго, а мнимоспасшагося Лжедмитрія; слѣдовательно принявшему на себя его имя уже не было нужды объявляться за литовскимъ рубежомъ. Такъ какъ, проживавшій въ Самборѣ у жены Юрія Мнишка, Молчановъ самъ отказался взять на себя эту опасную роль или былъ найденъ для нея непригоднымъ, то пріятелямъ и родственникамъ сей фамиліи пришлось употребить довольно много времени, чтобы отыскать и приготовить другое лицо. Вопросъ о томъ, кто былъ второй Самозванецъ и кто его выдвинулъ, представляется еще болѣе темнымъ, чѣмъ вопросъ о первомъ Самозванцѣ. Но мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что и тутъ орудовала приблизительно та же польская интрига и почти тѣ же лица какъ и въ предыдущемъ случаѣ. По всей вѣроятности, за отсутствіемъ мужскихъ представителей фамиліи Мнишковъ и Константина Вишневецкаго, находившихся въ московскомъ плѣну, дѣйствовали тотъ же родственникъ и тотъ же пособникъ, которые участвовали въ созданіи перваго Самозванца, т. е. литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга и Адамъ Вишневецкій, двоюродный братъ Константина. Первый по прежнему интриговалъ съ вѣдома и тайнаго согласія короля, руководилъ дѣломъ черезъ другихъ, и, какъ увидимъ, косвенно обнаружилъ свое участіе тѣмъ, что вскорѣ выставилъ своего двоюроднаго брата Яна Сапѣгу на главномъ театрѣ дѣйствія; а второй, горѣвшій нетерпѣніемъ освободить брата и Мнишковъ или отомстить за нихъ, лично привелъ свою дружину на помощь Самозванцу.

Относительно личности второго Лжедмитрія историческіе источники приводятъ разныя показанія; но большинство ихъ сводится къ тому, что происхожденіемъ онъ былъ изъ Бѣлоруссіи и повидимому поповичъ. Зная польскій языкъ, онъ, въ противоположность первому

Лжедимитрію, хорошо зналъ и русскую грамоту, и весь церковный кругъ. А нѣкоторые извѣстія считаютъ его крещенымъ Евреемъ, который былъ знакомъ съ Талмудомъ и вообще съ еврейскою письменностію. Одно такое извѣстіе прибавляетъ, что его звали Богданкомъ, что онъ находился въ числѣ слугъ перваго Лжедимитрія и былъ имъ употребляемъ для сочиненія русскихъ писемъ; поэтому зналъ многія его тайны; а послѣ его гибели бѣжалъ обратно въ Литовскую Русь. Здѣсь онъ проживалъ нѣкоторое время въ Могилевѣ. Священники въ Западной Руси обыкновенно при своихъ церквахъ содержали маленькія школы для обученія дѣтей грамотѣ. Такую школу въ Могилевѣ имѣлъ протопопъ церкви св. Николая; онъ нанялъ Богданка учителемъ въ свою школу, и обращался съ нимъ по пріятельски. Но сластолюбивый наставникъ сталъ слишкомъ назойливо ухаживать за женою протопопа; за что былъ больно наказанъ и прогнанъ. Онъ исчезъ изъ Могилева, скитался по разнымъ мѣстамъ, сидѣлъ даже въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ шпіонствѣ, и потомъ—вдругъ объявился въ Стародубѣ. По всей вѣроятности, въ это именно время состоялось тайное соглашеніе его съ агентами Мнишковь, Вишневецкихъ и Сапѣговъ, т. е. тѣхъ польскихъ и западнорусскихъ пановъ, которые для своихъ цѣлей искали преемника или замѣстителя первому Лжедимитрію. По наружности новый Самозванецъ хотя и мало походилъ на своего предшественника, однако нѣсколько его напоминалъ; за то рѣзко отличался отъ него своею неотесанностію, дурными манерами и грубымъ языкомъ; впрочемъ не уступалъ ему склонностію къ распутству. Помянутые вельможи—покровители приставили къ нему менторомъ шляхтича Мѣховецкаго, который училъ его хорошимъ манерамъ и собиралъ для него военную дружину. Мѣховецкій отправилъ Самозванца съ нѣсколькими агентами впередъ въ Стародубъ; а самъ выжидалъ, какой оборотъ приметъ его дѣло въ Сѣверчинѣ. Стародубъ, можетъ быть, избрали потому, что первый Лжедимитрій, хорошо знакомый другимъ сѣверскимъ городамъ, повидимому не бывалъ въ Стародубѣ, и слѣдовательно жителей его легче было обмануть челоуѣку, принявшему то же имя.

Тутъ Самозванецъ сначала явился подъ видомъ московскаго боярина Нагою, дяди царя Димитрія; а товарищемъ при немъ находился подъячій Алексѣй Рукинъ. Они распространяли слухи, что Димитрій живъ и скоро придетъ въ Сѣверскую землю, въ сопровожденіи пана Мѣховецкаго и вооруженнаго отряда всадниковъ. Когда же Стародубцы, наскучивъ ожиданіемъ (и можетъ быть направленные ловкими аген-

тами), схватили ихъ обоихъ и подъ пыткой начали распрашивать Рукіна, сей послѣдній, какъ бы нестерпя пытки, указалъ на мнимаго Нагого, говоря, что это и есть настоящій Дмитрій. Стародубы очень обрадовались, съ торжествомъ отвели Самозванца въ крѣпость и окружили его почестями. Въ это время въ Стародубѣ же находился одинъ изъ донскихъ атамановъ, Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, впоследствии занявшій очень видное мѣсто между дѣятелями Смутной эпохи. Онъ былъ происхожденіемъ Западнорусскъ (изъ Тарнополя) и очевидно православный по вѣрѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ былъ уведень плѣнникомъ въ Орду, выросъ тамъ, и ушелъ оттуда къ Донскимъ казакамъ. Въ качествѣ одного изъ ихъ атамановъ онъ прибылъ на службу къ первому Лжедмитрію; а послѣ его смерти присталъ къ мятежнымъ шайкамъ, воевавшимъ противъ Шуйскаго. Во время Тульской осады Заруцкаго, какъ человѣка усерднаго и расторопнаго, Болотниковъ послалъ разыскать Дмитрія и поторопить его прибытіемъ на помощь. Когда второй Лжедмитрій объявился народу, этотъ Заруцкій--разумѣется, не случайно очутившійся въ Стародубѣ, а дѣйствовавшій по предварительному уговору--немедленно представился ему, подалъ письмо отъ Тульскихъ сидѣльцевъ и вообще призналъ его царемъ Дмитріемъ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ Мѣховецкій съ нѣсколькими на вербованными хоругвями польско-русской конницы. Собралось также нѣсколько тысячъ мятежныхъ Сѣверянъ; ибо почти вся Сѣверщина поспѣшила къ нему пристать. Такимъ образомъ Самозванецъ очутился во главѣ значительной военной силы. Онъ выступилъ въ походъ, и отправилъ подъ Тулу къ царю Василю посланца съ требованіемъ уступить ему несправедливо захваченный престолъ. Любопытно, что посланецъ сей, принадлежавшій къ сословію боярскихъ дѣтей, прибылъ въ царскій станъ и увѣрялъ всѣхъ въ истинности Дмитрія; подверженный жестокой огненной пыткѣ, онъ съ твердостью принялъ смерть.

Лжедмитрій II взялъ Карачевъ, занялъ Брянскъ и Козельскъ; но посланные противъ него отряды остановили его успѣхи. Очевидно, онъ далеко не обладалъ воинственнымъ пыломъ и удалю своего предшественника; притомъ Поляки, хорошо зная его самозванство, относились къ нему съ пренебреженіемъ, нерѣдко бунтовали и грозили его покинуть. Межъ тѣмъ Тула сдалась Василю. Послѣ нѣкоторыхъ движеній и переходовъ Самозванецъ удалился въ Орелъ, гдѣ сталъ ожидать подкрѣпленій изъ Польши и Литвы. И дѣйствительно, вскорѣ прибыли къ нему: Адамъ Вишневецкій съ 2000 конницы, паны

Тышкевичъ, Хмелевскій, Будило, Зборовскій, Веламовскій, Рудкій, Казановскій и многіе другіе. Около того времени въ Польшѣ окончился побѣдою короля рокошъ, поднятый Зебжидовскимъ и Радивиломъ; множество шляхтичей, принимавшихъ въ немъ участіе и теперь оставшихся безъ дѣла, скитались близъ московскихъ границъ; почему легко было набирать изъ нихъ военные отряды. Самый многочисленный отрядъ, въ 4000 человекъ, привелъ Самозванцу западнорусскій князь Романъ Рожинскій. Фамилія Рожинскихъ была связана дружбою съ фамиліей Вишневецкихъ, и князь Романъ сохранялъ еще православіе также какъ и князь Адамъ. Этотъ Романъ Рожинскій былъ человекъ храбрый, искусный въ военномъ дѣлѣ, но слишкомъ преданный крѣпкимъ напиткамъ. Онъ началъ съ того, что отнялъ предводительство польскими и западнорусскими дружинами у Мѣховецкаго, а потомъ во время какой то ссоры собственноручно его убилъ. Онъ заставилъ рыцарское коло выбрать себя гетманомъ и сдѣлался главнымъ руководителемъ Самозванца. Заруцкій отправился на Донъ и привелъ нѣсколько тысячъ казаковъ. Пришли и Запорожцы. Изъ казацкихъ начальниковъ вскорѣ выдвинулся западнорусскій шляхтичъ Лисовскій, который за участіе въ рокошѣ и другіе проступки былъ осужденъ на банницію, т. е. изгнаніе изъ отечества. (11).

Самозванство въ то время на Руси вошло въ какую-то моду; особенно пользовались имъ казаки, какъ поводомъ для своихъ грабительскихъ подвиговъ. Послѣ казни Лжепетра одинъ за другимъ появлялись новыя самозванныя царевичи, такъ что число ихъ дошло до десяти. Одни называли себя сыновьями Ѳеодора Ивановича, кто Ѳеодоромъ, кто Клементьемъ, Савеліемъ, Ерофѣемъ и пр.; въ Астрахани нѣкто назвался Лаврентіемъ, сыномъ царевича Ивана Ивановича; другой объявился тамъ же и выдавалъ себя за Августа, сына самого Ивана Грознаго отъ четвертой его супруги Анны Колтовской. Со ЛжеѲеодоромъ казаки пришли было на помощь къ Лжедимитрію II, когда тотъ стоялъ подъ Брянскомъ. Однако послѣдній не призналъ въ немъ своего племянника и приказалъ казнить. Также казнилъ онъ пришедшихъ послѣ самозванцевъ—Лаврентія и Августа. Тогда и другіе подобные самозванцы вскорѣ исчезли безслѣдно.

Когда у Лжедимитрія II собралось большое войско изъ польскихъ, казацкихъ и сѣверскихъ дружинъ, онъ весною 1608 года сталъ готовиться къ походу на Москву. Высланная противъ него рать находилась подъ начальствомъ неспособнаго царскаго брата Дмитрія Шуйскаго и тайнаго недоброжелателя Шуйскихъ князя Василія Голицына.

Подъ Болховымъ они потерпѣли поражение. Послѣ того, въ маѣ мѣсяцѣ, Самозванецъ поспѣшно двинулся къ столицѣ. По примѣру Болотникова, онъ старался привлечь на свою сторону въ особенности черный народъ; а потому въ своихъ грамотахъ разрѣшалъ крестьянамъ брать себѣ земли бояръ, присягнувшихъ Шуйскому, и даже силою жениться на ихъ дочеряхъ. Подобныя грамоты производили дѣйствіе въ украинныхъ областяхъ: крестьяне волновались, а дворяне и дѣти боярскіе покидали помѣстья и съ своими семьями уѣзжали въ Москву. Оставшіеся безъ служилыхъ людей, области эти легко переходили въ руки Самозванца, и ополченіе его умножалось приливомъ черни. Зато столица наполнилась служилыми людьми, которые изъ чувства самосохраненія рѣшились стоять за Шуйскаго. Впрочемъ, измѣнники встрѣчались даже въ средѣ боярскаго сословія. Такъ въ войскѣ, которое стояло на берегахъ рѣчки Незнани, на дорогѣ между Калугою и Москвою, подъ начальствомъ Михаила Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, трде князей, Катыревъ, Троекуровъ и Трубецкой, подговаривали ратниковъ къ измѣнѣ. Ихъ схватили и отправили въ Москву; но царь (согласно своей присягѣ при воцареніи) опять не рѣшился казнить знатныхъ людей, а разослалъ по тюрьмамъ; казни подверглись только нѣкоторые второстепенные начальники. Въ отношеніи же простыхъ людей Василій Шуйскій отнюдь не отличался милосердіемъ: современники рассказываютъ о постоянныхъ и многочисленныхъ казняхъ попадавшихъ въ его руки русскихъ ратниковъ, сражавшихся за Самозванца; ихъ безъ пощады вѣшали, а особенно много топили въ Москвѣ рѣкѣ. Весною послѣ половодья на лугахъ и поляхъ оставалась масса труповъ, изъѣденныхъ пучками и другими рыбами, покрытыхъ раками и червями. Они разлагались и заражали воздухъ.

Самозванецъ или собственно Рожинскій обошелъ войско Скопина Шуйскаго, съ Калужской дороги перешелъ на Волоколамскую и приблизился къ Москвѣ съ сѣверной стороны. Сначала онъ думалъ расположиться въ селѣ Тайнинскомъ, чтобы отрѣзать столицу отъ сѣверныхъ областей, остававшихся вѣрными царю Василію; но увидалъ самъ себя отрѣзаннымъ отъ южныхъ и западныхъ украинъ, откуда ожидалъ подвозовъ и подкрѣпленій. Поэтому, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій и мелкихъ стычекъ, Рожинскій подвинулся на западъ, и выбралъ мѣстомъ лагеря, лежащее въ 12 верстахъ отъ столицы, село Тушино, то есть уголъ, образуемый рѣкой Москвой и ея лѣвымъ притокомъ Сходнею. Самозванецъ велѣлъ свозить изъ окрестныхъ деревень лѣсъ и строить жилища, копать рвы и насыпать валы, такъ

что лагерь его скоро обратился въ укрѣпленное предмѣстье Москвы. У него было здѣсь семь или восемь тысячъ отборнаго польско-литовскаго войска, тысячъ десять казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, и нѣсколько десятковъ тысячъ всякаго русскаго сброда. Межъ тѣмъ, по царскому приказу, Скопинъ-Шуйскій съ своей трехполковою ратью пришелъ съ береговъ Незнани и расположился на Ходынскомъ полѣ, т. е. между Тушинымъ и Москвою; а самъ царь Василій съ дворовымъ полкомъ и стрѣльцами сталъ у него въ тылу на Ваганьковѣ, здѣсь окопался и разставилъ вокругъ нарядъ или орудія. Въ городѣ оставалось еще достаточное количество ратниковъ для обороны стѣнъ, снабженныхъ множествомъ пушекъ и пищадей. Вначалѣ перевѣсъ силъ очевидно былъ на сторонѣ Шуйскаго; но слабая ихъ сторона заключалась въ шатости умовъ и склонности къ измѣнамъ. Онъ не могъ вполнѣ на нихъ полагаться; а потому прибѣгъ къ переговорамъ.

Еще въ предыдущемъ 1607 году Сигизмундъ III отпавилъ въ Москву новое посольство, съ паномъ Витовскимъ и княземъ Друцкимъ-Соболинскимъ во главѣ. Они должны были поздравить Шуйскаго съ восшествіемъ на престолъ, а, главное, просить объ отпускѣ какъ прежнихъ пословъ, Оленицкаго и Гонсѣвскаго, такъ и всѣхъ Поляковъ, задержанныхъ послѣ убіенія Лжедимитрія, въ томъ числѣ Мнишковъ съ ихъ свитою. Сихъ послѣднихъ Василій еще до прихода второго Самозванца велѣлъ изъ Ярославля перевести снова въ Москву. По настоянію новыхъ пословъ, онъ дозволилъ имъ видѣться не только съ прежними послами, но и съ Мнишками. Бояре завязали переговоры о мирѣ; но обѣ стороны долго не могли сойтись въ условіяхъ. Приходъ Самозванца ихъ ускорилъ. Василій даже позволилъ Рожинскому сноситься съ польскимъ посольствомъ, надѣясь, что по заключеніи мира Поляки уйдутъ въ отечество. Но онъ еще мало зналъ польское вѣроломство. Люди, приходившіе отъ Рожинскаго къ посламъ, тщательно высматривали состояніе укрѣпленій какъ въ городѣ, такъ и въ Ходынскомъ станѣ, и начальникъ ихъ не замедлилъ воспользоваться полученными свѣдѣніями. Московская рать сначала соблюдала всѣ мѣры предосторожности; день и ночь бодрствовала неуспяная стража, доспѣхи и кони содержались наготовѣ. Но мало по малу бдительность ослабѣла, особенно вслѣдствіе толковъ о скоромъ заключеніи мира. Тогда Рожинскій однажды на зарѣ ударилъ на сонный Ходынский станъ, разгромилъ его, захватилъ обозъ и много пушекъ. Но стоявшій на Ваганьковѣ царь выслалъ своимъ на помощь ближнихъ людей, съ собственными дворовыми отрядами, и тѣ послѣ же-

стойкой битвы прогнали Ляховъ до рѣчки Химки. Такое вѣроломство однако не помѣшало заключенію договора, который состоялся на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: въ теченіи трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ соблюдается перемиріе, во время котораго будетъ приступлено къ утвержденію прочнаго мира; обѣ стороны остаются при томъ, чѣмъ владѣютъ; князю Рожинскому и его товарищамъ немедленно воротиться въ отечество; воеводу Сендомірскаго и всѣхъ задержанныхъ Поляковъ освободить; Маринѣ впредь не именовать себя Московскою царицею, и пр.

Василій воспользовался исполненіемъ договора, скрѣпленнаго обоюдною присягою; вмѣстѣ съ послами онъ отпустилъ Мнишковъ и другихъ пановъ, съ ихъ свитою, подъ прикрытіемъ отряда, которымъ начальствовалъ князь Владиміръ Долгорукій. Но Поляки нисколько не думали исполнять договоръ. Никто изъ нихъ не покинулъ Тушинскаго лагеря. Изъ него вышли 2000 конницы только для того, чтобы перехватить Мнишковъ на дорогѣ въ Литву. Этимъ отрядомъ начальствовали Александръ Зборовскій и Янъ Стадницкій.

Чтобы избѣжать городовъ, перешедшихъ на сторону Лжедимитрія II, Поляковъ повезли не прямо на Смоленскъ, а кружнымъ путемъ черезъ Угличъ и Тверь. Цѣлый мѣсяцъ ѣхали они по мѣстамъ пустыннымъ, болотистымъ или до того лѣсистымъ, что дорогу иногда приходилось прокладывать топоромъ; при чемъ путники терпѣли большой недостатокъ въ продовольствіи. Среди самихъ Поляковъ существовало разногласіе. Одни паны желали избѣжать встрѣчи съ тушинскими отрядами, чтобы поскорѣе воротиться на родину; они знали, что изъ Тушина разосланы были въ западные города грамоты съ приказаніемъ задержать отпущенныхъ изъ Москвы пановъ и литовскихъ пословъ и посадить ихъ подъ стражу. Другіе, наоборотъ, втайнѣ ожидали погоны и желали попасть въ руки Тушинцевъ. Во главѣ послѣднихъ стояли Мнишки и старшій изъ первыхъ пословъ, Олесницкій. Кончилось тѣмъ, что обѣ стороны заспорили между собою и раздѣлились. Гонѣвскій и вторые послы съ частію русскаго конвоя переправились черезъ Волгу и потомъ благополучно достигли Литовскаго рубежа; а Мнишки и Олесницкій нарочно замедлили свое движеніе, и направились прямо на Смоленскъ. Русскій конвой, въ виду многочисленной и вооруженной польской свиты, не рѣшился дѣйствовать силою, и также раздѣлился. Недалеко отъ крѣпости Бѣлой отрядъ Зборовскаго нагналъ вторую партію Поляковъ (повидимому имѣя отъ нея тайныя увѣдомленія); послѣ небольшой стычки русскій конвой разсѣлся;

Олесницкій и Мнишки со свитою попали въ руки Тушинцевъ. (Вторая половина августа 1608 года).

Въ это самое время изъ Литвы вступилъ въ предѣлы Московскаго государства, извѣстный своею воинскою отвагою, Янъ Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, родственникъ Литовскаго канцлера, по всей вѣроятности подвигнутый его же внушеніями. Онъ собралъ до 7000 ратниковъ и велъ ихъ на помощь Тушинскому вору (какъ прозвали его Русскіе) или царикъ (какъ называли его Поляки). Сей послѣдній прислалъ литовскому искателю приключеній обѣщаніе великихъ наградъ; только просилъ, чтобы онъ не позволялъ своимъ воинамъ грабить Московскую землю. Случайно Сапѣга стоялъ станомъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ Зборовскій захватилъ названную польскую партію. Узнавъ о томъ, Марина отдалась подъ покровительство Сапѣги; онъ взялъ ее подъ свою охрану, и всѣ вмѣстѣ направились къ Тушину. По дорогѣ въ мѣстахъ, передавшихся Самозванцу, Марину встрѣчали съ почестями, какъ свою царицу. Между Мнишками и Лжедимитріемъ II втайнѣ завязались дѣятельные переговоры.

Доселѣ, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ слуховъ, Марина еще могла мечтать о томъ, что можетъ быть ея мужу дѣйствительно удалось какъ нибудь спастись отъ смерти. Но теперь всякая надежда должна была исчезнуть. Возлюбленный супругъ не только не спѣшилъ къ ней на встрѣчу, но сталъ присылать разныхъ лицъ, которыя прямо требовали отъ нея, чтобы она публично признала его своимъ мужемъ: нашлись и словоохотливые Поляки, которые сообщили ей о немъ разныя неутѣшительныя подробности. Женское чувство заговорило въ честолюбивой Полькѣ, и она отвѣчала отказомъ. Сапѣга стоялъ около Тушина отдѣльнымъ лагеремъ, и тутъ цѣлую недѣлю тянулись переговоры съ Самозванцемъ. Рожинскій и самъ Сапѣга уговаривали Марину уступить необходимости. Наконецъ прибѣгли къ помощи стараго Мнишка. Царикъ обѣщалъ ему выполнить обязательства своего предшественника, т. е., кромѣ большой суммы денегъ, отдать ему Сѣверское княжество, когда утвердится на Московскомъ престолѣ. Старый интриганъ вновь продалъ свою дочь, и убѣдилъ ее согласиться. Ему помогъ іезуитъ, увѣривъ ее, что она должна жертвовать собою для блага Римской церкви. Послѣ того состоялась торжественная встрѣча въ виду всего войска. Марина преодолѣла свое отвращеніе къ Тушинскому вору, и бросилась ему въ объятія. Тотъ же іезуитъ тайно ихъ обвинялъ. При семъ Марина выговорила условіе, чтобы царикъ не пользовался супружескими правами, пока не завла-

дѣть Москвою; но это условіе потомъ не было соблюдено. Юрій Мишкевъ, проживъ нѣсколько времени въ Тушинскомъ лагерѣ, воротился въ Польшу. Впослѣдствіи, когда дѣло его новаго зятя не подвигалось впередъ, и Сигизмундъ III самъ задумалъ походъ въ Московскую землю, Мишкевъ, по требованію короля, прекратилъ даже переписку съ дочерью и повидимому оставилъ ее на произволъ судьбы; на что Марина горько жаловалась ему въ своихъ письмахъ.

Въ то время какъ Тушинскій воръ осаждалъ Москву, въ областяхъ кипѣла борьба между его сторонниками и населеніемъ, оставшимся вѣрнымъ царю Василию. На Рязанскую землю царикъ еще до прихода своего подъ Москву послалъ Лисовскаго съ толпою казаковъ и русскихъ воровъ. Тотъ засѣлъ въ Зарайскѣ. Главный вождь Рязанцевъ, Проконій Ляпуновъ незадолго до того былъ сильно раненъ въ ногу при осадѣ Пронска, который передался на сторону Самозванца. Поэтому въ товарищахъ съ рязанскимъ воеводою княземъ Ив. Андр. Хованскимъ на Лисовскаго вмѣсто Проконя пошелъ братъ его Захаръ; но сей послѣдній не владѣлъ его талантами, а отличался только буйнымъ нравомъ и пьянствомъ. Лисовскій воспользовался неустройствомъ рязанскаго ополченія и разбилъ его на голову. Послѣ того онъ напалъ на Коломну, взялъ ее приступомъ и разграбилъ. Отсюда онъ двинулся къ Москвѣ и соединился съ Тушинскимъ воровъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ до 30,000 человекъ разнаго сброда, и ведя взятаго имъ въ плѣнъ коломенскаго епископа Іосифа, котораго велѣлъ привязать къ пушкѣ. (Этотъ Іосифъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ не одобрялъ брака перваго Самозванца съ Мариной). Въ Москвѣ рѣшили помѣшкать соединенію Лисовскаго съ Тушиномъ, и навстрѣчу первому царь послалъ трехполкное войско подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Семеновича Куракина. Въ битвахъ Смутной эпохи этотъ Куракинъ, на ряду съ Михайломъ Скопиннымъ и многими другими боярами, выдается военными способностями. Онъ сошелся съ непріятелемъ на берегахъ Москвы у Медвѣжьяго брода, и поразилъ его, такъ что Лисовскій только съ остаткомъ своего полчища достигъ Тушинскаго лагеря. Епископъ Іосифъ былъ освобожденъ изъ плѣна и самая Коломна вновь занята царскимъ отрядомъ. Такимъ образомъ сообщеніе Москвы съ Рязанской украиной и главная часть этой украины остались въ рукахъ Шуйскаго.

Привытіе Яна Сапѣги значительно усиливало Тушинскаго вора. Теперь около него собралось тысячъ пятнадцать хорошо вооруженныхъ Поляковъ и Западноруссовъ; казаковъ было вдвое болѣе того;

Запорожцы массами двинулись тогда въ Московское государство какъ хищныя птицы, почувшія падалъ. Вмѣстѣ съ русскими измѣнниками количество всѣхъ отрядовъ, стоявшихъ подъ знаменами второго Лжедмитрія, заключало въ себѣ до 100,000 человекъ. Но не было одного общаго предводителя, не было единодушія. Скоро обнаружилось, что Рожинскій не могъ ужиться въ согласіи съ гордымъ Сапѣгою, который не хотѣлъ ему подчиниться и думалъ гетманствовать въ войскѣ парика. Чтобы избѣжать дальнѣйшаго соперничества, рѣшено было дать Сапѣгѣ отдѣльное начальство. Ему поручили взятіе Троице-сергіевой Лавры, которая служила главнымъ опорнымъ пунктомъ для поддержанія связи между Москвою и сѣверными Волжскими областями, для полученія оттуда подвозовъ и подкрѣпленій. Сама по себѣ она привлекала жадность Поляковъ накопленными въ ней богатствами, и они надѣялись захватить ихъ въ свои руки. Кромѣ того сія обитель важна была своимъ духовнымъ вліяніемъ на народъ, который питалъ къ ней особое уваженіе, и кого она признавала царемъ, того онъ считалъ болѣе законнымъ. Когда Сапѣга выступилъ изъ Тушина, царь Василій задумалъ повторить съ нимъ то же, что недавно удалось сдѣлать съ Лисовскимъ, и выслалъ противъ него также трехполкную рать, числомъ свыше 30.000 человекъ. Но главное начальство надъ нею онъ ввѣрилъ Ивану Шуйскому, одному изъ своихъ неспособныхъ братьевъ. Москвитяне ударили на непріятеля около села Рахманова, и въ началѣ одержали верхъ; Поляки дрогнули; самъ Сапѣга раненъ пулею въ лицо. Но тогда онъ съ нѣсколькими запасными хоругвями гусаръ и пятигорцевъ произвелъ отчаянную атаку, отъ которой Москвитяне въ свою очередь смѣшались, и затѣмъ обратились въ бѣгство. Большая часть ратниковъ послѣ этого пораженія разѣхалась по домамъ, и воеводы воротились въ столицу съ немногими людьми. А побѣдитель продолжалъ свое движеніе на Троицкую лавру.

Пораженіе подъ Рахмановымъ произвело большое смятеніе въ столицѣ. Многіе служилые люди, собранные изъ разныхъ областей, пришли въ уныніе и стали покидать Москву: частію они возвращались въ свои уѣзды, частію уходили въ Тушино. Василій Ивановичъ захотѣлъ устыдить малодушныхъ, и объявилъ, что самъ онъ намѣренъ сидѣть въ осадѣ, но что никого не удерживаетъ; кто хочетъ служить ему, пусть служитъ, а кто не хочетъ, пусть уходитъ. Духовенство принялось вновь (кажется, въ третій разъ) приводить Москвитей къ присягѣ на вѣрность царю Василю. Никто конечно не объ-

являлъ гарантію о своей измѣнѣ, и всѣ служилые люди давали присягу. Она однако не помѣшала многимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ вскорѣ потому уѣхать въ Тушино. Въ числѣ отъѣхавшихъ находилось и нѣсколько знатныхъ людей, каковы князя Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой, Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, Сицкій, Засѣкины и др. Въ Тушинѣ подобные измѣнники встрѣчали ласковый приѣмъ, получали жалованныя грамоты на помѣстья и вотчины, награждались саномъ боярина, окольничаго и т. п. Въ случаѣ же какого неудовольствія уѣхавшіе возвращались потомъ въ Москву съ видомъ раскаянія. Царь Василій, при своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не смѣлъ ихъ наказывать, а напротивъ долженъ былъ миловать и даже награждать. Поживъ въ Москвѣ, нѣкоторые потомъ уходили опять въ Тушино. Подобные „перелѣты“—какъ ихъ называли современники—иногда по нѣскольку разъ совершали свои переходы изъ одного лагеря въ другой и оставались безнаказанными. Въ Москвѣ даже многія семьи старались кого либо изъ родственниковъ своихъ посылать на службу въ Тушино, чтобы имѣть себѣ защитниковъ и ходатаевъ на случай торжества Тушинскаго вора. Лѣтописецъ говоритъ, что бывали иногда такіе случаи: люди сидятъ вмѣстѣ за одной трапезой въ царствующемъ градѣ; послѣ же трапезы одни ѣдутъ въ царскія палаты, а другіе скачутъ въ тушинскіе таборы. Такъ обыкновенно падаетъ общественная нравственность въ подобныхъ смутныя времена, когда никто не можетъ поручиться за завтрашній день.

Не малую роль играла въ этихъ измѣнахъ и корысть. Какъ знатные люди уходили въ Тушино и выпрашивали тамъ себѣ титулы и помѣстья, такъ многіе торговые люди тайкомъ уѣзжали туда же съ своими товарами, и, взявъ за нихъ хорошую цѣну, опять возвращались въ городъ. И вотъ, межъ тѣмъ какъ въ столицѣ во всемъ испытывали недостатокъ и нужду, въ Тушинѣ наоборотъ имѣли во всемъ изобиліе, щеголяли въ нарядныхъ одеждахъ и жили весело. Отряды фуражировъ рыскали по окрестнымъ областямъ, насильно забирали у жителей скотъ, живность, хлѣбъ, овесъ, сѣно и всякіе припасы, которые привозили въ Тушино. Поляки заставляли Русскихъ возить себѣ вино, пиво и медъ, и постоянно бражничали. Не было также недостатка въ женщинахъ; ибо вмѣстѣ съ припасами забирали по городамъ и селамъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Ляхи не только забирали женщинъ у простолюдиновъ, но нерѣдко отнимали ихъ у начальныхъ русскихъ людей, перешедшихъ на сторону Лжедмитрія, и потомъ возвращали только за большой выкупъ. Презрѣніе

ихъ къ русскимъ измѣнникамъ было столь велико, что они позволяли себѣ такія продѣлки: возьмутъ выкупъ, а плѣннику все таки не отдадутъ и требуютъ вторичнаго выкупа, или послѣ выдачи ея засылаютъ на пути засаду, и только что освобожденную плѣнницу опять отнимаютъ силою оружія. Бывали, по словамъ лѣтописца, и другіе случаи: жены и дѣвицы такъ свыкались съ своими насильниками, что не хотѣли разстаться съ ними, и, будучи выкуплены, сами къ нимъ убѣгали.

Лѣтописецъ — современникъ (Палицынъ) съ глубокимъ негодованіемъ говоритъ о поведеніи русскихъ измѣнниковъ. Они такъ усердствовали Ляхамъ и Литвѣ, что въ сраженіяхъ становились впереди и заслоняли ихъ своею грудью. Когда Ляхи брали въ плѣнъ какого либо добраго воина изъ царской рати, они оставляли его въ живыхъ и сохраняли; но если онъ попадалъ въ плѣнъ къ русскимъ измѣнникамъ, то послѣдніе бросались на него какъ дикіе звѣри и разносили по суставамъ, такъ что сами Поляки содрагались отъ ихъ звѣрства; а измѣнники называли таковыхъ „худяками“ и „жонками“ за ихъ мягкосердіе. На походахъ, когда встрѣчались непроходимыя лѣсистыя и болотистыя мѣста, Ляхи иногда становились въ тушикъ и не знали, какъ быть; но русскіе измѣнники спѣшили для нихъ наводить мосты и гати или прокладывать тропинки, и такимъ образомъ ихъ проводили. И вотъ какія нибудь двѣ три сотни Ляховъ или Литвы (т. е. Западно-руссковъ), которыхъ гораздо многочисленнѣйшіе русскіе измѣнники могли бы въ такихъ глухихъ мѣстахъ истребить всѣхъ до единаго, идутъ благополучно по одиночкѣ вдоль тропинокъ, находясь какъ бы подъ охраною русскихъ людей. А когда случится разграбить какое село или городъ, то всю лучшую добычу Поляки берутъ себѣ и даже забранное Русскими отнимаютъ у нихъ. И всякое насиліе, учиненное ими, измѣнники переносятъ благодушно. Съ тупымъ равнодушіемъ русскіе воры смотрѣли, какъ Ляхи и Западно-русссы, державшіеся или Латинской вѣры, или какой реформатской схизмы, грабили и оскверняли монастыри и святыя храмы, запирали въ нихъ скотъ, брали ризы на свои одежды, воздухъ и шитыя пелены употребляли вмѣсто попонъ или дарили ихъ на наряды своимъ блудницамъ; пили и ѣли изъ церковныхъ сосудовъ; иноковъ и священниковъ мучили всякими пытками, допрашивая, гдѣ спрятаны сокровища; а потомъ предавали ихъ смерти или заставляли исполнять на себя всякія черныя работы: молоть хлѣбъ, колоть дрова, носить воду, мыть грязные порты, ходить за конями, стеречь скотъ и т. п. Мало того, во время браж-

ничанья заставляли на свою потѣху такихъ „святолѣпныхъ“ мужей пѣть срамныя пѣсни и плясать; а непослушныхъ умерщвляли.

По части грабительства и опустошенія съ русскими ворами могли поспорить только казаки: чего не могли унести съ собою, то предавали уничтоженію; если это было жито какое, его или жгли, или сыпали въ воду, въ грязь, топтали конями; дома и утварь, если не жгли, то рубили на части, чтобы ни жить въ нихъ, ни пользоваться ими никто не могъ. А людей истребляли разными варварскими способами: свергали съ высокихъ городскихъ башенъ, бросали съ крутого берега въ рѣчную глубину, привязавъ камень на шею, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ, перебивали пополамъ голени; маленькихъ дѣтей бросали въ огонь передъ очами родителей, или разбивали о пороги и углы, или втыкали на копья и сабли. Красивыхъ женъ и дѣвицъ, а также скромныхъ инокинь насильно уводили въ свои станы; но многія изъ нихъ, чтобы не подвергнуться оскверненію, налагали на себя руки или бросались въ рѣку и топились. Особенно свирѣпствовали холопы: слѣдуя разрѣшенію Тушинскаго вора, они издѣвались надъ бывшими своими господами, и, связавъ ихъ, передъ ними насилывали ихъ женъ и сестеръ. Вообще современникъ-лѣтописецъ не пожалѣлъ самыхъ мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить бѣдственное состояніе Московской Руси въ Смутную эпоху.

Оба соперника, боровшіеся тогда за Московскій престолъ, оказывались гораздо ниже своего положенія: Тушинскій царикъ былъ игрушкою въ рукахъ Поляковъ; а царемъ Васиіемъ Шуйскимъ бояре „играли какъ дѣтищемъ“, по выраженію того же лѣтописца. Согласно съ обычаями времени и своимъ личнымъ характеромъ, Шуйскій то обращался къ заступничеству Церкви и св. угодниковъ, то прибѣгалъ къ грубому суевѣрію. Напримѣръ, если вѣрить иноземному свидѣтельству, онъ собиралъ колдуновъ; по ихъ совѣту приказывалъ вырѣзывать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женщинъ, а также убивать коней, чтобы достать ихъ сердце, и все это зарывать въ землю около того мѣста, гдѣ стояло царское войско, и будто бы оно оставалось невредимо, пока не выступало за черту. Въ то же время въ столицѣ распускались слухи о чудесныхъ видѣніяхъ, которыхъ удостоивался тотъ или другой благочестивый человѣкъ: ночью въ какомъ либо храмѣ видѣлся яркій свѣтъ или слышались поющіе голоса, или являлась сама Богородица, которая умоляла Христа пощадить стольный городъ и не предавать его въ руки враговъ, и Онъ обѣщалъ, если люди покаются. Вслѣдствіе чего налагался постъ

и шли молебны. Эти рассказы и молебствия несомненно действовали на воображение и чувство набожных Москвичей и многих укрепляли въ твердомъ стояніи противъ Тушинскаго вора. Самые перелеты иногда поддерживали ихъ твердость: изъ Тушинскаго лагеря они приносили полную увѣренность въ самозванствѣ этого вора и говорили, что онъ ничего общаго не имѣетъ съ первымъ названнымъ Дмитріемъ. Особенное впечатлѣніе произвело громогласное объявленіе о томъ князя Василя Масальскаго, который изъ Тушина съ раскаяніемъ воротился на службу царю Василю. А общее убѣжденіе въ самозванствѣ въ свою очередь еще болѣе укрепляло почитаніе мощей царевича Дмитрія и вселяло вѣру въ заступничество сего новаго угодника (12).

Когда началась осада столицы Тушинскимъ воромъ, многія области отпали отъ Шуйскаго, а оставшіяся вѣрными колебались. Повсюду замѣчалась шатость, вездѣ гнѣздилась измѣна. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ вспомнилъ, какъ шведскій король Карлъ IX неоднократно предлагалъ ему свою помощь для борьбы съ общимъ ихъ врагомъ, Польшею. Тогда, во время Болотникова, Московскій царь надѣялся собственными силами управиться съ мятежниками, и отклонилъ всѣ предложенія. Теперь обстоятельства значительно измѣнились къ худшему, и Шуйскій уже самъ обратился съ просьбою о помощи къ Шведскому правительству. Для переговоровъ со Шведами и для набора сѣверо-западнаго ополченія онъ еще въ началѣ Тушинской осады отправилъ въ Новгородъ и Псковъ своего племянника Михаила Скопина Шуйскаго съ дьякомъ Сыдавнымъ Зиновьевымъ и стольникомъ Семеномъ Головиннымъ, который приходился шуриномъ Скопину; ибо незадолго до того сей послѣдній вступилъ въ бракъ съ сестрою Семена, Александрю Васильевною Головиной.

Хотя Новгородцы, хранившіе традиціонную пріязнь къ роду Шуйскихъ, приняли Скопина ласково; однако ему пришлось преодолѣвать большія препятствія, чтобы выполнить свое порученіе. Въ Швецію онъ отправилъ своего шурина Головина и дьяка Сыдавнаго; а самъ остался для сбора ополченія. Въ Новгородѣ онъ успѣлъ собрать небольшую дружину; но Псковъ именно въ это время отложился. Тамъ все еще существовала старая вражда между большими и маленькими людьми. Вражда сія особенно оживилась при корыстолюбивомъ псковскомъ воеводѣ Петрѣ Никитичѣ Шереметевѣ, и обострилась въ слѣдующемъ поводу.

Василій Ивановичъ потребовалъ со Пскова 900 рублей денежнаго вспоможенія. Деньги эти были собраны съ гостей и меньшихъ людей по раскладѣ. Для доставки ихъ въ Москву гости прибрали пять вожakovъ противной имъ партіи, Ѳедора Умойся Грязью, Ерему Сыромятника и т. д.; а въ то же время отправили тайную грамоту, извѣщавшую, что меньшіе люди казны отъ себя не дали и что эти посланцы суть главные ихъ вожаки, которые царю добра не хотятъ. Вслѣдствіе такого доноса четверо изъ нихъ въ Москвѣ были осуждены на казнь; а пятый, Ерема Сыромятникъ, не былъ вписанъ въ грамоту по желанію Петра Шереметева, на котораго онъ много работалъ даромъ. Извѣстно, что Василій Шуйскій, весьма снисходительный къ знатымъ, простыхъ людей не щадилъ, и четверо осужденныхъ Псковичей уже были выведены на площадь для казни; но тутъ вступились за нихъ служившіе въ Москвѣ псковскіе стрѣльцы и упросили царя о помилованіи, ручаясь за нихъ своими головами. Вѣсть о семъ событіи произвела во Псковѣ сильное смятеніе; меньшіе люди поднялись на большихъ; по ихъ требованію воевода Шереметевъ засадилъ въ тюрьму семь человекъ гостей. Однако смятеніе все возрастало. Такъ какъ большіе люди оставались вѣрны Шуйскому, то меньшіе стали склоняться на сторону Тушинскаго самозванца. Когда многихъ взятыхъ въ плѣнъ Тушинцевъ разослали по городамъ, Новгородцы топили ихъ въ Волковѣ, а Псковичи наоборотъ кормили, поили и вообще жалѣли ихъ. Лукавый Самозванецъ съ плѣнными обращался иначе, чѣмъ Шуйскій; такъ попавшіе въ его руки стрѣльцы изъ Псковской области были имъ обласканы, приведены къ присягѣ и отпущены домой съ грамотой, которая убѣждала ихъ согражданъ покориться своему яко бы законному государю. Эта мѣра имѣла успѣхъ; а ей помогло еще то обстоятельство, что царскій воевода Петръ Шереметевъ и царскій дьякъ Иванъ Грамотинъ, отличавшіеся корыстолюбіемъ и неправосудіемъ, были очень нелюбимы во Псковѣ.

Сначала возмутились псковскіе пригороды. Подъ начальствомъ тушинскаго воеводы Ѳедора Плещеева они подступили къ самому Пскову. А тутъ еще изъ Новгорода пришло требованіе, чтобы Псковичи соединились съ Нѣмцами (Шведами) и вмѣстѣ съ ними шли на освобожденіе Москвы; тогда какъ во Псковѣ еще не угасла старинная ненависть къ Нѣмцамъ вообще. Псковскіе меньшіе люди наконецъ тоже возмутились; они отворили ворота Плещееву, посадили его у себя воеводою, присягнули Тушинскому вору и начали жестоко преслѣдовать большихъ людей.

Псковскій мятежъ отразился и въ Новгородѣ. Здѣсь также начались раздоры между лучшими людьми и простонародьемъ. Видя шатость въ умахъ, Скопинъ, по совѣту воеводы, извѣстнаго Михаила Игнатьевича Татищева, выступилъ изъ Новгорода въ пригороды: но и тамъ происходило то же волненіе. Прежде всего Скопинъ направился въ крѣпкій Ивангородъ; но дорогою получилъ извѣстіе, что послѣдній присягнулъ Самозванцу. Скопинъ пошелъ къ Орѣшку; но сидѣвшій тамъ воеводою извѣстный Мих. Глѣб. Салтыковъ не впустилъ его въ городъ. Скопинъ двинулся къ устью Невы, откуда хотѣлъ уже ѣхать въ Швецію; но къ нему прибыло посольство изъ Новгорода, состоящее изъ пятиконечныхъ старостъ, съ извѣстіемъ, что митрополиту Исидору удалось умиротворить гражданъ, и съ приглашеніемъ вернуться. Скопинъ поспѣшилъ опять въ Новгородъ. Вскорѣ изъ Швеціи прибылъ сюда королевскій секретарь Монсъ Мартенсонъ, и заключилъ съ нимъ предварительный договоръ о вступленіи въ царскую службу пятидесяти тысяча вспомогательнаго отряда съ платою по 100.000 ефимковъ (рейхсталеровъ) въ мѣсяцъ.

Тушинское лжеправительство встревожилось, когда получило извѣстіе о событіяхъ въ Новгородѣ. Рѣшено было отправить туда сильный отрядъ подъ начальствомъ полковника Кернозицкаго, съ цѣлью завладѣть этимъ важнымъ городомъ. Кернозицкій по дорогѣ захватить Тверь и Торжокъ. Скопинъ съ своей стороны вознамѣрился выслать отрядъ къ Бронницамъ на встрѣчу непріятеля. Татищевъ самъ вызвался его вести. Но онъ былъ нелюбимъ Новгородцами по той же причинѣ какъ и другіе московскіе воеводы, т. е. за притѣсненія и вымогательства. Нѣкоторые граждане донесли Скопину, что Татищевъ недаромъ вызывается идти на Кернозицкаго, что онъ задумалъ соединиться съ нимъ и стать на сторону Лжедимитрія. Скопинъ не хотѣлъ взять на себя рѣшеніе по такому важному обвиненію; онъ собралъ ратныхъ людей, и, въ присутствіи Татищева, объявилъ имъ о доносѣ. Тутъ недоброжелатели сего послѣдняго подстрекнули толпу, и она, бросившись на воеводу, тотчасъ его умертвила, безъ всякаго изслѣдованія дѣла. Такимъ образомъ вопросъ о доносѣ остался неразъясненнымъ, и юный вождь могъ упрекнуть себя въ неосмотрительномъ поступкѣ. Онъ велѣлъ съ честію похоронить воеводу въ Антоніевѣ монастырѣ, а имущество его продать съ публичнаго торгу. Такъ жалко погибъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей первой половины Смутнаго времени. Устрашенные его участіемъ и своеволіемъ толпы, нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе уѣхали изъ Новгорода и

передались Самозванцу. Высылка отряда разстроилась; Кернозицкій безпрепятственно подошелъ къ Новгороду и сталъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Но въ это время на помощь Новгородцамъ шли крестьяне изъ волостей. Въ Тихвинѣ они собрались подъ начальствомъ Горихвостова; изъ заонѣжскихъ погостовъ ихъ велъ Розановъ. Тихвинцы дошли до Грузина; тутъ нѣсколько ополченцевъ попали въ плѣнъ къ Полякамъ, и на ихъ разспросы сказали, что за ними идетъ большая рать. Смущенный такою вѣстью, Кернозицкій отступилъ отъ Новгорода и расположился въ Старой Русѣ; чѣмъ далъ Скопину возможность спокойно дожидаться прибытія шведской помощи.

Въ сѣверныхъ областяхъ Московскаго государства въ то время кипѣла дѣятельная борьба между двумя сторонами: царя Василя и Тушинскаго царика. Одни города продолжали держаться Шуйскаго, а другіе добровольно или насильно приставали къ Самозванцу. вмѣстѣ съ городомъ обыкновенно переходилъ къ нему и уѣздъ, т. е. сельское населеніе слѣдовало за городскимъ. Покореніемъ сѣвернаго Поволжья распоряжался не Рожинскій, занятый Московскою осадой, а другой тушинскій гетманъ, болѣе дѣятельный и предпримчивый Сапѣга, стоявшій подъ Тронцею, слѣдовательно ближе къ Поволжью. Онъ посылалъ туда отряды, составленные обыкновенно изъ небольшого числа Поляковъ и гораздо бѣльшаго количества казаковъ и русскихъ измѣнниковъ. Между ближайшими къ нему городами прежде другихъ сдался Суздаль. Здѣсь даже самъ архіепископъ Галактіонъ подалъ гражданамъ примѣръ измѣны—примѣръ тогда довольно частый среди игуменовъ и священниковъ, но очень рѣдкій среди высшаго русскаго духовенства. Потомъ сдался Владиміръ Залѣсскій, воевода котораго Иванъ Годуновъ измѣнилъ Шуйскому и также присягнулъ Самозванцу. Точно также безъ сопротивленія сдался отряду Поляковъ и казаковъ Переяславль Залѣсскій. Мало того, Переяславцы соединились съ симъ отрядомъ и вмѣстѣ пошли на Ростовъ. Не имѣя надежныхъ укрѣпленій, Ростовцы лучшіе люди рѣшили бѣжать въ Ярославль и приглашали къ тому же своего митрополита Филарета (Федора Никитича Романова). Но сей послѣдній увѣщевалъ ихъ остаться и мужественно стоять за свою вѣру и за своего государя, объявивъ имъ, что онъ не покинетъ храма Пречистой Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ. Многіе не послушали его и ушли въ Ярославль. Тогда Филаретъ созвалъ оставшихся гражданъ въ соборный храмъ, облекся въ святительскія одежды и велѣлъ священникамъ причастить народъ, а двери храма запечатать въ виду приближавшихся враговъ. Когда тѣ приспѣли, Филаретъ,

стоя у дверей, началъ увѣщевать Переяславцевъ, чтобы они отстали отъ Ляховъ и обратились къ своему законному государю. Но враги выломали двери и стали избивать народъ. Съ митрополита сорвали облаченіе, одѣли его въ худое платье, покрыли его голову татарской шапкой и отдали подъ стражу. Соборъ разграбили; при чемъ серебряную раку св. Леонтія Ляхи разрубили на части и раздѣлили между собою по жребію. Золотая риза съ его образа досталась потомъ Сапѣгѣ, который передалъ ее Маринѣ. Согласно съ помянутымъ выше русскимъ лѣтописцемъ, свои вѣры, т. е. Переяславцы, свирѣпствовали при избіеніи народа и разореніи города Ростова болѣе Ляховъ. Ростовцевъ погибло тогда до 2000 человекъ. Когда митрополита Филарета привезли въ Тушинскіе таборы, Самозванецъ принялъ его ласково какъ своего мнимаго родственника, и возвелъ въ патріаршее достоинство, чтобы имѣть собственнаго патріарха и противопоставить его Гермогену. Изъ Тушина потомъ разсылались грамоты отъ имени „нареченнаго“ патріарха Филарета, котораго держали однако подъ крѣпкою стражею. Въ своемъ трудномъ положеніи сей мужъ, по словамъ русскаго лѣтописца, „будучи разуменъ, не преклонялся ни на десно, ни на шее: но пребылъ твердъ въ правой вѣрѣ“. По извѣстію же иностранца-современника, онъ не противился оказаннымъ ему почестямъ, даже вынулъ изъ своего жезла драгоценный яхонтъ и подарилъ его Лжедимитрію.

Участь Ростова устрасила другіе поволжскіе города. Такъ хорошо укрѣпленный, многолюдный и богатый Ярославль сдался добровольно тушинскому отряду. Жители его какъ Русскіе, такъ англійскіе и нѣмецкіе гости, съ воеводою княземъ Барятинскимъ во главѣ, присягнули Лжедимитрію, выговоривъ себѣ условіе, что Поляки не тронутъ ни ихъ имуществъ, ни женъ и дочерей; собрали 30.000 рублей для отсылки въ Тушино, обязались снарядить туда же тысячу всадниковъ и доставить извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ. Поляки однако не соблюли договора, и, вошедши въ городъ, принялись грабить и обижать гражданъ. Затѣмъ Шуя, Кинешма, Кострома, Галичъ, Вологда, Муромъ, Молога, Угличъ, Кашинъ, Бѣлозерскъ и нѣкоторые другіе города большею частію сдались добровольно по однимъ увѣщательнымъ грамотамъ, а частію были покорены силою и подверглись разоренію: при чемъ особенно успѣшно дѣйствовалъ съ своими шайками полковникъ Лисовскій. Воеводы въ эти покоренные города обыкновенно назначались Сапѣгою. Между прочимъ онъ назначилъ двоихъ Плещеевыхъ: Федора въ Суздаль, а Матвѣя въ Ростовъ.

При сдачѣ сихъ городовъ освобождались заключенные тамъ плѣнные Поляки и Русскіе измѣнники. Въ это же время изъ Каменной Пустыни выпущенъ былъ извѣстный князь Григорій Шаховской, который и поспѣшилъ вновь поступить на службу къ Самозванцу. На сторону второго Лжедмитрія передались и нѣкоторые поволжскіе инородцы, именно Мордва и Горная Черемиса, а также ханъ касимовскій Уразъ-Магометъ. Не мало воеводъ и дворянъ явилось тогда во главѣ измѣны и перешло на сторону Самозванца; послѣ чего они унижались передъ нимъ и его гетманами, особенно передъ Сапѣгою, котораго просили ходатайствовать о пожалованіи ихъ вотчинами и помѣстьями, и просьбы ихъ иногда исполнялись. Тушинскій царикъ до того вошелъ въ свою роль, что началъ раздавать города и волости въ кормленіе литовскимъ панамъ и казацкимъ атаманамъ; напримѣръ, онъ далъ Заруцкому Тотму и Чаронду. Только немногіе города остались вѣрны своей присягѣ и отстояли себя силою оружія. Такъ Тушинцы двукратно пытались овладѣть городомъ Коломною, весьма важнымъ по своему положенію и значенію. Но, во время извѣщенный, царь Василій посылалъ туда помощь, которая успѣшно отбивала враговъ. При второмъ ихъ нападеніи сюда посланъ былъ прославившійся впослѣдствіи князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который нанесъ пораженіе Тушинцамъ за 30 верстъ отъ Коломны у села Высоцкаго.

Любопытно при семъ наблюдать поведеніе заводжскихъ городовъ, наиболѣе отдаленныхъ, куда однако достигали увѣщательныя грамоты Лжедмитрія о покорности. Напримѣръ, Устюгъ Великій и Сольвычегодскъ пересылались между собою и совѣтовались, какъ имъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Устюжане совѣтовали не торопиться изъясненіемъ покорности Тушинскому царю, а, благодаря своей отдаленности, подождать, чья сторона возьметъ; если же, чего не дай Боже, одолѣетъ Тушинскій, тогда можно будетъ послать къ нему съ повинною. Вычегодцы, имѣя семью Строгановыхъ во главѣ, послѣдовали сему совѣту. Такимъ образомъ на ряду съ двумя боровшимися сторонами явилась еще третья: нейтральная, явно сочувственная болѣе царю Василю, но робѣвшая передъ разбойничьимъ характеромъ стороны Лжедмитрія. Хотя большинство городовъ и покорилось сему послѣднему, однако власть его надъ ними лишена была прочности и готова была рушиться при всякомъ удобномъ случаѣ; ибо скоро дѣлалась тягостною и ненавистною. Причина тому заключалась въ безконечныхъ поборахъ, въ наглое поведеніе и грабительствъ какъ литовскихъ людей, такъ и русскихъ воровъ. Между тѣмъ какъ царь

ское правительство, отрѣзанное отъ сѣверныхъ областей таборами Тушинскимъ и Троицкимъ, могло посылать туда только увѣщательныя грамоты, напоминать о вѣрности православію и законному государю, просить о присылкѣ ратныхъ людей на помощь, изъ Тушина во всѣ подчиненныя мѣста пріѣзжали толпы разнаго рода сборщики, которыя привозили похвальныя грамоты покорившимся съ общаніемъ разныхъ милостей и льготъ, но въ то же время угнетали населеніе тяжелыми поборами денегъ и всякихъ припасовъ на содержаніе лжецаря и его войска. При этомъ случалось иногда, что сборщики, отправленные изъ Тушина, въ какомъ нибудь мѣстѣ сталкивались со сборщиками, посланными изъ подѣ Троицы отъ Сапѣги, и между ними происходили споры.

Итакъ къ зимѣ 1609 года за Василиємъ Шуйскимъ оставались еще наиболѣе значительные города Московскаго государства, каковы столица, Коломна, Переяславль Рязанскій, Казань, Нижній, Смоленскъ. Кромѣ сихъ городовъ чрезвычайно важнымъ опорнымъ пунктомъ законнаго правительства явилась знаменитая Троицкая Лавра: обложенная врагами, она представляла тогда отрадный оазисъ посреди областей, охваченныхъ измѣною и мятежомъ ⁽¹³⁾.

IV.

ТРОИЦКАЯ ОСАДА И СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Оборонительныя средства Лавры и начало осады. — Ночныя приступы. — Вылазки и уничтоженіе подкопа. — Недостатокъ топлива, тѣснота и болѣзни. — Дѣло Дѣвочкина. — Славныя защитники. — Послѣдніе приступы. — Шереметевъ и очищеніе средняго Поволожья. — Московскіе мятежники и патріархъ Гермогенъ. — Неудача Тушинцевъ. — Договоръ Скопина со Шведами. — Наемное войско. — Псковскіе мятежники. — Движеніе Скопина къ Москвѣ. — Бунтъ иноземцевъ. — Побѣда подъ Колязинымъ. — Скопинъ въ Александровской Слободѣ. — Освобожденіе Лавры. — Колебанія Сигизмунда III. — Его походъ и осада Смоленска. — Шенинъ и смоленская оборона. — Королевскіе послы въ Тушинъ и бѣгство Самозванца въ Калугу. — Договоръ русскихъ измѣнниковъ съ королемъ. — Бѣгство Марины. — Отступленіе Сапѣги и Рожинскаго. — Торжество Михаила Скопина. — Его завистники и безвременная кончина.

Сапѣга подошелъ къ Троицкой лаврѣ 23 сентября 1609 года. Все его сбродное войско, состоявшее изъ Поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, простиралось до 30.000 человекъ. Съ Сапѣгою пришли князь Константинъ Вишневецкій, братья Тышкевичи, панъ Казановскій и др. Изъ отдѣльныхъ начальниковъ этого скопища наиболѣе выдающимся явился Александръ Лисовскій, котораго полкъ составленъ былъ преимущественно изъ казаковъ. Непріятель возвѣстилъ свое пришествіе нѣсколькими пушечными выстрѣлами: а затѣмъ при звукахъ музыки обошелъ кругомъ монастыря, обозрѣвая окрестности и отыскивая удобныя мѣста для лагерей. Сапѣга съ главными силами расположился на западной сторонѣ, по Дмитровской дорогѣ; а Лисовскій съ своимъ полкомъ сталъ на юговосточной, у Терентьевской роши, между дорогами Московскою и Александровскою. Другія дороги, напримѣръ Переяславская и Углицкая, были преграждены особыми сторожевыми отрядами. Вожди не медля принялись укрѣплять оба лагеря острогомъ т.-е. рвомъ и валомъ съ бревенча-

тычъ частоколомъ и пушками; а въ острогѣ ставили теплыя избы, въ виду приближавшагося осенняго и зимняго времени.

Лавра, расположенная въ холмистой овражистой мѣстности на берегахъ рѣчки Кончуры, окружена довольно массивною каменною стѣною, имѣющею видъ неправильнаго четырехугольника, длиною немного болѣе версты. Высота стѣны, вмѣстѣ съ зубцами, простирается до четырехъ сажень, а толщина ея три сажени. Въ стѣнѣ устроены каморы и бойницы или амбразуры для выстрѣловъ въ два, мѣстами въ три яруса. По угламъ и по бокамъ возвышалось до 12 башенъ, однѣ глухія, другія съ воротами (Конюшенная, Красная, Водяная и пр.). Съ юга и запада къ стѣнамъ примыкали пруды, которые затрудняли подступы съ этой стороны. Монастырскія слободы и предмѣстья при появленіи непріятеля по обычаю были выжжены; внѣ стѣны сохранили только дворы Пивной и Конюшенный, укрѣпленные тыномъ и опиравшіеся на рѣчку Кончуру. Благодаря своимъ обширнымъ земельнымъ имуществамъ и многимъ селамъ, монастырь имѣлъ возможность заблаговременно приготовить большіе склады хлѣба и всякихъ запасовъ. Но расходовать ихъ приходилось съ великою бережливостію вслѣдствіе скопившагося населенія. Крестьяне выжженныхъ слободъ и другихъ окрестныхъ селеній вмѣстѣ съ женами и дѣтьми искали спасенія въ стѣнахъ монастыря; отчего произошла здѣсь великая тѣснота. Многіе крестьяне привезли свои хлѣбные запасы и пригнали скотъ, который еще болѣе увеличивалъ сію тѣсноту. Но собственно ратныхъ людей было не много: нѣсколько десятковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ и казаковъ составляли привычное къ оружію ядро гарнизона; а затѣмъ вооружены были монастырскіе слуги и крестьяне, способные къ бою. Всѣ монахи, нестарые и неувѣчные, также взялись за оружіе; между ними было не мало людей, прежде служившихъ въ войскѣхъ и слѣдовательно опытныхъ въ военномъ дѣлѣ (подобно Пересвѣту и Ослябѣ, монахамъ-витязямъ временъ св. основателя Лавры). Такимъ образомъ все число монастырскихъ ратниковъ приблизительно простиралось до 3000 человекъ. Ихъ раздѣлили на двѣ части: одна назначена для постоянной охраны стѣнъ и башенъ; а другая должна была производить вылазки и въ случаѣ нужды замѣнять убыль или подкрѣплять первую. Дворяне и опытные въ военномъ дѣлѣ иноки поставлены сотенными начальниками или головами надъ вооруженными слугами и крестьянами. Женщины исполняли разныя работы, а въ минуты крайней опасности помогали оборонять стѣны. Послѣд-

нія были снабжены пушками и пищалами, разставленными преимущественно въ нижнихъ или подошвенныхъ бойницахъ. Порохъ, свинецъ и разное оружіе тоже были припасены въ значительномъ количествѣ.

Гарнизонѣмъ начальствовали по обычаю двое воеводъ: первымъ или главнымъ былъ князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ, еще недавно въ качествѣ путивльскаго воеводы усердно служившій первому Лжедмитрію, котораго повидимому онъ считалъ истиннымъ царевичемъ; а вторымъ или его товарищемъ былъ дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Голохвастовъ. Воеводы эти не отличались ни взаимнымъ расположеніемъ, ни надежною преданностію царю Василию. Но святое мѣсто одушевляло защитниковъ общимъ религіознымъ рвеніемъ. Архимандритъ Іоасафъ своими увѣщаніями сумѣлъ еще усилить это рвеніе; въ началѣ осады онъ привелъ къ присягѣ всѣхъ ратныхъ людей, начиная съ воеводъ, и при гробѣ угодника Сергія заставилъ ихъ цѣловать крестъ на томъ, чтобы крѣпко, „безъ измѣны“, до послѣдней капли крови стоять противъ враговъ отечества и православной вѣры.

Любопытно, что въ стѣнахъ Лавры мы встрѣчаемъ также инокъ, въ числѣ которыхъ находились и двѣ представительницы прежнихъ царскихъ семей, а именно: старицу Марѳу, бывшую титулярную ливонскую королеву Марью Владиміровну, двоюродную племянницу Грознаго, и Ольгу (Ксенію) Борисовну Годунову. Эти знатныя монахини занимали въ монастырѣ особыя помѣщенія, окружены были прислужницами и пользовались болѣе обильнымъ содержаніемъ изъ царскихъ житницъ и погребовъ.

Обложивъ монастырь, Сапѣга сначала пытался подѣйствовать на его защитниковъ двумя грамотами: одна убѣждала воеводъ и служилыхъ людей, а другая архимандрита съ братіей покориться ихъ „прирожденному“ государю Димитрію Ивановичу; его именемъ обѣщали всякія милости, грозя въ противномъ случаѣ взять замокъ силою и предать смерти всѣхъ непокорныхъ. Грамоты привезъ въ монастырь боярскій сынъ Безсонъ Руготинъ. Воеводы и дворяне учинили совѣтъ съ архимандритомъ и братіей; послѣ чего написали общій отвѣтъ, заключавшій въ себѣ презрительный отказъ покориться „ложному царю и латынѣ иновѣрнымъ“.

Сапѣга началъ осадныя работы. Приготовили туры на колесахъ, т. е. подвижныя башенки, прикатали ихъ на заранѣ намѣченные пункты, вооружили мортирами и пушками, окопали рвами и окружили валомъ. Такимъ образомъ устроено было девять батарей. 3 ок-

тыбря изъ нихъ открыли огонь, стали метать бомбы и каменные ядра. Несмотря на продолжительную и частую пальбу, орудія непріятельскія, вслѣдствіе ихъ малаго калибра, причиняли немного вреда монастырскимъ укрѣпленіямъ. Снаряды большею частію не долетали до стѣнъ и падали въ пруды, ямы и другія пустыя мѣста; а которые попадали въ стѣны, производили лишь незначительное сотрясеніе и осыпаніе, хотя непріятели старались мѣтить въ одни и тѣ же пункты, чтобы учинить проломы. Пальба продолжалась около десяти дней. Сапѣга надѣялся, что она достаточно подготовила рѣшительный ударъ. 13 октября онъ устроилъ въ своихъ таборахъ большое пиршество, сопровождавшееся скачками и потѣшною стрѣльбою; а ночью повелъ свое полупьяное полчище на приступъ. Со всѣхъ сторонъ его ратники устремились къ монастырскимъ стѣнамъ съ лѣстницами, катя передъ собою тарасы или деревянные щиты на колесахъ. Но осажденные не дремали; стоя у бойницъ въ нижнихъ каморахъ или за зубцами стѣны, они встрѣтили нападающихъ дружною стрѣльбою изъ пушекъ и пицалей и побили ихъ значительное количество. Непріятель смутился и побѣжалъ назадъ, побросавъ лѣстницы и тарасы. Поутру гарнизонъ забралъ ихъ и разрубилъ на дрова. Спустя нѣсколько времени, Сапѣжинцы сдѣлали новую попытку ночного приступа; при чемъ предварительно, посредствомъ хвороста и соломы, зажгли Пивной дворъ съ его деревяннымъ острогомъ. Но этотъ пожаръ, вмѣсто помощи, оказалъ имъ вредъ. Пламя освѣтило окрестность, а вмѣстѣ съ нею и ряды нападающихъ. Осажденные открыли по нимъ сильный огонь изъ наряду, а съ башенъ бросали на нихъ начиненные порохомъ кувшины („козы со огнемъ спускающе“ — говоритъ лѣтописецъ осады); пожаръ Пивного двора успѣли погасить. Сапѣжинцы опять со стыдомъ отступили.

Эти отбитые приступы весьма ободрили осажденныхъ. Архимандритъ съ братіей совершилъ крестный ходъ по стѣнамъ и творилъ благодарственные молебны. Но вдругъ радость и надежда смѣнились уныніемъ. Воеводы сдѣлали удачную вылазку въ Мишутинскій оврагъ, гдѣ стояли заставою роты Брушевскаго и Сумы съ товарищами; разбили ихъ и взяли въ плѣнъ самого ротмистра Брушевскаго. Его подвергли пыткѣ, чтобы узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ непріятеля. Ротмистръ съ пытки показалъ слѣдующее: во-первыхъ, Сапѣга хвалится взять монастырь во что бы ни стало и разорить его до основанія, хотя бы для сего пришлось стоять подъ нимъ годъ и два, и три; а во-вторыхъ, ведутся подкопы подъ городовую стѣну и нѣкоторыя

башни, но гдѣ именно, того онѣ не знаетъ. Извѣстіе о подкопѣ смутило и самыхъ храбрыхъ, а другіе съ ужасомъ представляли себѣ моментъ, когда они взлетятъ на воздухъ. Воеводы приказали внѣ стѣнъ копать глубокой ровъ, а внутри рыть колодцы или такъ наз. „слухи“, чтобы найти и перенять подкопъ. Работы велись подъ руководствомъ искуснаго въ семъ дѣлѣ троицкаго служки Власа Борсакова. Но долго онѣ оставались безуспѣшны. На вылазкахъ осажденные брали въ плѣнъ литовскихъ людей и спрашивали подъ пытками; но никто изъ нихъ не указалъ мѣсто подкоповъ. Многіе стали готовиться къ смерти и спѣшили причаститься. Иноки старались ободрить унывшихъ людей надеждою на Божью помощь и на заступничество мѣстныхъ угодниковъ св. Сергія и св. Никона; появились обычные рассказы о видѣніяхъ и чудесахъ; самъ архимандритъ возвѣстилъ, что ему во время дремоты явился св. Сергій, приказалъ молиться и обѣщалъ спасеніе. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того на вылазкѣ взяли одного раненнаго дѣдиловскаго казака. Подъ пыткой онѣ сказалъ, что знаетъ, гдѣ всдутся подкопы; воеводы повели его по городской стѣнѣ, и онѣ указалъ мѣсто: послѣ чего умеръ, успѣвъ покаяться и причаститься св. Тайнъ. Противъ указаннаго мѣста тотчасъ стали возводить внутренній острогъ, т. е. деревянную стѣну со рвомъ, валомъ и съ пушками, чтобы приготовить новое укрѣпленіе, когда часть стѣны съ прилегающими башнями будетъ взорвана. Изъ непріятельскихъ таборовъ перебѣжалъ въ монастырь казакъ Ивашка Рязанецъ, и подтвердилъ предыдущія извѣстія о подкопахъ.

Межъ тѣмъ Сапѣга распорядился придвинуть туры или батареи ближе къ стѣнамъ и усилить бомбардированіе: снаряды стали падать уже среди обители, убивать людей и причинять нѣкоторыя поврежденія храмамъ; что вмѣстѣ съ ожиданіемъ взрыва подкоповъ усилило тревогу и уныніе между осажденными. Воеводы сдѣлали приготовленія къ большимъ вылазкамъ, а также приказали отыскать и разчистить тайникъ или скрытый подъ стѣною ходъ изъ Сушильной башни во внѣшній ровъ. 9 ноября еще до разсвѣта этимъ ходомъ вышелъ отрядъ ратныхъ людей и притаился во рву; изъ Пивного двора выступилъ и укрылся въ луковомъ огородѣ другой отрядъ; третій, состоявшій частью изъ конницы, двинулся изъ Конюшенныхъ воротъ; иноки-воины, распределенные по отрядамъ, ободряли ратниковъ и общали имъ, что на этотъ день военнымъ кликомъ должно служить: *свѣтой Сергій!* По троекратному удару въ осадный колоколъ, отряды дружно устремились на непріятельскія линіи. Но они встрѣтили храб-

рый отпоръ. Въ тотъ день осажденнымъ удалось взять нѣсколько орудій; но подкопа они не уничтожили. Такія же большія вылазки возобновлялись и слѣдующіе два дня. Только на третій день посчастливилось найти устье главнаго подкопа, который былъ уже наполненъ порохомъ, но не закрытъ съ наружной стороны. Два клементьевскихъ крестьянина, Шиловъ и Слата, вскочили въ него и подожгли порохъ. Подкопъ взорвало; при чемъ уничтожило всѣ работы, не причинивъ вреда монастырскимъ стѣнамъ. Храбрые крестьяне не успѣли вовремя уйти и погибли. Такимъ образомъ главная цѣль сихъ большихъ вылазокъ была достигнута. Осажденные теперь могли вздохнуть свободно. Кромѣ подкопа, часть непріятельскихъ батарей также была уничтожена, многія орудія и всякаго рода оружіе забрано въ монастырь, а туры и тарасы изрублены на дрова. Однако успѣхъ этотъ дорого имъ стоилъ: въ теченіе сихъ трехъ дней осажденные хотя избили порядочное количество непріятелей, но и сами потеряли около 350 убитыми и ранеными; въ числѣ павшихъ были храбрые головы или предводители отрядовъ Иванъ Внуковъ и Иванъ Есиповъ, а также служба Данило Селевинъ, начальствовавшій сотнею ратниковъ. Послѣдній добровольно искалъ смерти. За нѣсколько времени передъ тѣмъ его родной братъ Осипъ Селевинъ измѣнилъ, и „забывъ Господа-Бога“—какъ говоритъ лѣтописецъ—ушелъ въ литовскіе таборы. Данило по сему поводу подвергся укорамъ и насмѣшкамъ. Не желая терпѣть ихъ долѣе, онъ объявилъ, что хочетъ умереть за измѣну брата. Во время вылазки Данило вступилъ въ бой съ казаками атамана Чики; будучи весьма силенъ и ловко владѣя мечомъ, онъ изрубилъ много враговъ. Какой то литовскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ грудь; Данило срубилъ его своимъ мечомъ; но и самъ сталъ изнемогать отъ раны, такъ что его отнесли въ монастырь, гдѣ онъ передъ смертью принялъ иноческій образъ. На томъ же бою атаманъ Чика смертельно ранилъ въ голову Ивана Внукова изъ самопала; передъ кончиною Внуковъ и другіе смертельно раненные также постриглись въ инокіи.

Съ извѣстіемъ объ удачныхъ вылазкахъ воеводы послали въ Москву къ царю сына боярскаго Скоробогатова.

Наступало суровое зимнее время. Потерявъ часть народа и надежду на подкопъ, Сапѣга прекратилъ бомбардированіе, и осаду обратилъ въ obleganіe, рассчитывая взять мѣстность голодомъ, болѣзнями или измѣною. Укрѣпясь острогами въ своихъ таборахъ, построивъ избы и землянки, Сапѣжинцы не терпѣли и недостатка въ припасахъ, постоянно получая ихъ изъ сосѣднихъ областей, признавшихъ власть

Лжедмитрія. Число осаждавшихъ часто мѣнялось и падало иногда тысячъ до десяти, потому что Сапѣга долженъ былъ посылать отряды для борьбы съ царскими воеводами и для завоеванія городовъ или вѣрныхъ Шуйскому, или присягнувшихъ уже Самозванцу, но потомъ отпавшихъ. Самъ Лисовскій большую часть времени проводилъ въ этихъ предпріятіяхъ. Въ монастырѣ также число защитниковъ значительно уменьшилось. Однако вылазки ихъ не прекращались всю зиму; только онѣ производились небольшими партіями, имѣвшими назначеніе при случаѣ отбивать продовольствіе, провозимое въ таборы Сапѣги, или нарубить дровъ въ сосѣднихъ рощахъ. Съ той и другой стороны были перебѣжчики, которые сообщали о положеніи дѣла; такъ что каждая сторона знала, что дѣялось въ другой. Изъ монастыря однажды перебѣжали два боярскихъ сына, Переяславцы, которые научили непріятеля разрыть плотину пруда, лежавшаго у Водяной башни, спустить его въ рѣчку Кончуру и такимъ образомъ перенять воду у осажденныхъ. Но взятые затѣмъ плѣнники на пыткѣ указали на эту опасность. Тогда осажденные поспѣшили воду изъ сего пруда провести въ другой, выкопанный посреди монастыря. Но въ чемъ особенно они нуждались, такъ это въ топливѣ. Повидимому въ семъ отношеніи осадное и монастырское начальство сдѣлало промахъ, не заготовивъ достаточные склады дровъ, хотя окрестности Лавры покрыты были густыми лѣсами, а можетъ быть именно по этой причинѣ: чего много подъ руками, о томъ люди обыкновенно менѣе всего заботятся. Непріятель зналъ эту нужду осажденныхъ и сторожилъ ихъ попытки къ ея удовлетворенію; а потому поиски за дровами постоянно сопровождались потерей людей; такъ что каждую принесенную охапку дровъ или хворосту въ монастырѣ привыкли встрѣчать вопросомъ: кого оно стояла или чьею кровью куплена? Иногда поѣдаютъ лица, сваренной на подобномъ топливѣ, и говорятъ: „сегодня мы напिताлись кровью твоихъ то нашихъ братій, а завтра другіе напитаются нашею.“

Вообще положеніе осажденной Лавры въ это время было очень тяжелое. Съ наступленіемъ зимы всѣ, распозагавшіеся на открытомъ воздухѣ, должны были перебраться въ теплыя помѣщенія; отчего происходила крайняя тѣснота. Спертый, пропитанный миазмами воздухъ, недостатокъ воды, грязь и нечистоты, кишашія насѣкомыми, способствовали развитію разныхъ болѣзней, особенно цынги, сыпей и поносовъ. Открылась большая смертность: каждый день хоронили по нѣсколько десятковъ труповъ; съ утра и до ночи раздавались плачь и похоронное пѣніе. Болѣлъ и умиралъ болѣе всего крестьянскій

люди, какъ наиболѣе тѣсно, грязно помѣщенный и дурно питаемый. А изъ ратныхъ людей многіе въ это печальное время предавались разгулу, т. е. пьянству и разврату. Последнему способствовало, конечно, скопленіе крестьянскихъ женщинъ: при тѣснотѣ имъ некуда было укрыться; даже родильницы производили дѣтей у всѣхъ на глазахъ, по словамъ лѣтописца. Ратные люди, пользуясь своимъ значеніемъ, позволяли себѣ и другія излишества; такъ они не берегли съѣстные припасы: брали на свою долю лишніе хлѣбы и продавали ихъ другимъ; изъ-за чего входили въ препирательства съ монахами, которые старались расходовать припасы бережно и расчетливо, въ виду затянувшейся осады.

Нѣкоторые акты сообщаютъ намъ по сему поводу любопытныя подробности, относящіяся къ монастырскому хозяйству и къ содержанію осажденныхъ въ то время.

Стрѣльцы послали царю жалобную грамоту на старцевъ, которые ихъ плохо кормятъ: даютъ пушной хлѣбъ на шестнадцать человѣкъ, да еще вырѣзываютъ изъ него серединку, рыбу даютъ только два раза въ недѣлю, а раненымъ и больнымъ не даютъ ѣды и питья въ достатокъ. На эту жалобу монастырскіе соборные старцы отписали въ Москву, что то неправда; что въ хлѣбѣ къ ржаной мукѣ только немного примѣшивалось ячной и то безъ макины, а кормили досыта въ келарской; но такъ какъ стрѣльцы насильно брали хлѣбы и продавали, то передъ ними стали класть по четверти хлѣба на четверыхъ къ обѣду и столько же къ ужину; а что раненымъ и больнымъ ежедневно даютъ на человѣка изъ хлѣба мягкій хлѣбъ, изъ поварни щи и братскую кашу, а изъ келарской по звену рыбы; питье же имъ выдается изъ парскаго погреба, охраняемаго печатами. На братью монастырскую сначала шло три ѣствы, щи, каша и звено рыбы, а теперь только по двѣ ѣствы, безъ меду и безъ пива, такъ что я день Сергія Чудотворца праздновали только житнымъ квасомъ: оловяники и кувшины съ медомъ и квасомъ давали только воєводамъ, а по кельямъ отнюдь не носили.

Монастырскіе служки, отправлявшіе ратную службу, также жаловались царю на скудость содержанія и невнятную денежную жалованья. Старцы писали на это, что за истощеніемъ монастырской казны они собирали съ братіи по рублю или по полтиннѣ съ человѣка, еще занимали гдѣ можно, и роздали стрѣльцамъ по волтора рубля. Ярославцамъ и Галичанамъ по три рубля, троїцкимъ слугамъ по рублю, а крестьянамъ осаднымъ стѣннымъ по полтиннѣ. На требованіе слугъ, чтобы имъ давали ѣду одинаковую съ братіей, старцы от-

вѣчаютъ, что имъ предлагали ѣсть въ общей трапезѣ, но они просить себѣ ѣству по кельямъ; ибо что въ трапезѣ ставится на четверныхъ, то по кельямъ пойдетъ на одного; такъ какъ у иныхъ жены и дѣти, а у иныхъ жонки (возлюбленныя); хотя и семьямъ ихъ посылаются хлѣбъ и каша изъ поварни. Наконецъ по недостатку дровъ и солоду даже квась перестали варить, такъ что братія пьютъ воду, ѣсть сухари и хлѣбъ, а колачей давно уже не видятъ. Братія безустанно трудятся: одни работаютъ въ хлѣбнѣ, сѣютъ муку, мѣсятъ квашню, пекутъ хлѣбы, въ поварнѣ варятъ ѣству; а другіе день и ночь несутъ ратную службу наравнѣ съ осадными людьми. Запасовъ, особенно ржи, вообще оставалось немного, овса еще довольно, только негдѣ его молотъ, потому что мало жернововъ. Но, главное, великая нужда въ топливѣ; кровли, сѣни, чуланы—все это уже сожжено, теперь жгутъ житницы. Въ заключеніе старцы умоляютъ государя прислать на помощь ратныхъ людей, пороку, свинцу и стрѣлъ.

Это сообщеніе о состояніи монастыря относится уже къ лѣту 1609 года, т.-е. къ послѣднему періоду осады, когда запасы были на исходѣ, и монастырь съ трудомъ держался противъ непріятеля; хотя самое тяжелое, т.-е. зимнее, время уже прошло; осажденные снова могли свободно вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ, и потому смертность между ними значительно ослабѣла.

Ко всѣмъ упомянутымъ невзгодамъ осаднаго времени присоединились еще измѣны, внутреннія несогласія и рознь между самими начальниками. Въ этомъ отношеніи любопытно краткое письмо Ольги Борисовны Годуновой къ одной своей теткѣ въ концѣ марта 1609 года. Она пишетъ, что больна со всѣми старицами, и не чаетъ живота, съ часу на часъ ожидая себѣ смерти, потому что у нихъ въ осадѣ „шатость и измѣна великая“, а моровое повѣтріе такое, что всякій день хоронятъ по 20, по 30 и больше, а кто и живъ, такъ всѣ обезножили (отъ цынги пухли ноги). Но въ іюлѣ того же года служанка царевны—инокиня Соломонида пишетъ своей матери объ успѣшно отбитомъ большомъ приступѣ наканунѣ Петрова дня, и сообщаетъ, что моръ у нихъ унялся, но людей осталось менѣе трети. О себѣ самой служанка сообщаетъ, что по милости Ольги Борисовны не терпитъ никакой нужды и что царевна пожаловала рубль на похороны одного ихъ знакомаго (Дмитрія Кашпирова), а то было нечѣмъ схоронить.

Слова Ольги Борисовны о шатости и великой измѣнѣ на дѣлѣ оказались преувеличеніемъ. Но изъ нихъ мы видимъ, что среди осажденныхъ развились подозрительность и взаимное недовѣріе по при-

чинѣ дѣйствительныхъ случаевъ измѣны и передачи себя на сторону непріятеля. Выше сказано, что однимъ изъ первыхъ измѣнниковъ былъ монастырскій служка Оська Селевинъ. Впослѣдствіи въ тайныхъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ нимъ обвинили монастырскаго казначея Іосифа Дѣвочкина и старицу Марѳу Владиміровну, бывшую титулярную королеву Ливонскую. По доносу нѣкоторыхъ монаховъ, главный воевода Долгоруковъ велѣлъ схватить Дѣвочкина и подвергнуть пыткѣ; но какихъ признаній добились отъ него, въ точности неизвѣстно. Этотъ случай возбудилъ сильную распрю: часть соборныхъ старцевъ и самъ архимандритъ оскорблялись такимъ самоуправствомъ надъ ихъ казначеемъ и называли доносъ клеветою. Къ нимъ присталъ и второй воевода Голохвастовъ, вообще не ладившій съ Долгоруковымъ. А другая часть старцевъ приняла сторону сего послѣдняго и обвинителей. Эта сторона въ іюлѣ 1609 года послала въ Москву жалобу на то, что архимандритъ съ единомышленными старцами положили на нихъ ненависть и потому стали плохо кормить какъ ихъ, такъ и ратныхъ людей. А про старицу Марѳу Владиміровну писали, что она съ измѣнникомъ Оською Селевинымъ отправляла грамоты къ „вору“ (Іжедимитрію), называя его своимъ „братомъ“, къ Рожинскому и къ Сапѣгѣ, которыхъ будто бы благодарила за помощь; что своему соумышленнику Іосифу Дѣвочкину она ежедневно посылаетъ отъ собственнаго стола пироги, блины и меды, которые беретъ изъ царскихъ погребовъ; что ея люди ему прислуживаютъ, по ночамъ топятъ на него баню и пр. Про Голохвастова они писали, будто онъ замышляетъ отнять у Долгорукова крѣпостные ключи и уговаривалъ монастырскихъ слугъ и мужиковъ не выдавать ему на пытку казначея Дѣвочкина. Такое обвиненіе подтверждалъ и самъ Долгоруковъ въ своей отпискѣ знаменитому келарю Авраамію Палицыну съ просьбою довести о томъ до свѣдѣнія государя. Изъ его письма выходитъ, будто Голохвастовъ поднималъ противъ него чернь, которая уже собиралась толпою съ оружіемъ въ сѣвзжей избѣ, но что дворяне, дѣти боярскіе и вообще служилые люди остались ему вѣрны, и потому мятежъ не удался.

Дѣвочкинъ вскорѣ умеръ. Трудно сказать, насколько было правды въ тѣхъ обвиненіяхъ, которымъ онъ подвергся. Главный доносчикъ на него дьяконъ и голощикъ лѣваго клироса Гурій Шишкинъ хлопоталъ чрезъ своего покровителя келаря Палицына о томъ, чтобы самому получить мѣсто казначея, слѣдовательно дѣйствовалъ небезкорыстно. Авраамій Палицынъ, довольно подробно изложившій исторію Троицкой осады, жилъ тогда не въ Лаврѣ, а въ Москвѣ на Троиц-

комъ подворьѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ велъ разнообразныя дѣла своей обители, ходатайствуя о нихъ передъ высшими властями или отстаивая въ судахъ ея искъ. Онъ вполне повѣрилъ доносамъ Шишкина на Дѣвочкина и даже на Голохвастова, тѣмъ болѣе что эти доносы поддерживалъ самъ первый воевода Долгоруковъ. Но въ Москвѣ, несмотря на внушенія келаря, повидимому не придавали большого значенія троицкимъ доносамъ и пререканіямъ, и Голохвастовъ спокойно оставался на своемъ мѣстѣ до конца осады. Василій Ивановичъ Шуйскій, стѣсненный Тушинцами, даже не спѣшилъ исполнять просьбы Долгорукова и Палицына о скорѣйшей присылкѣ помощи ратными людьми и военными запасами. Оказывать эту помощь онъ предоставлялъ сѣверовосточнымъ областямъ и воеводамъ. Только благодаря убѣжденіямъ патріарха Гермогена, царь послалъ 60 казаковъ съ атаманомъ Сухова-Осташкова и 20 пудовъ пороку; да келарь Палицынъ присоединилъ къ нимъ 20 человекъ съ Троицкаго подворья. Въ половинѣ февраля 1609 года этотъ небольшой отрядъ успѣлъ пробраться сквозь непріятельскіе таборы и войти въ монастырь. Только четыре человека изъ нихъ были захвачены, и Лисовскій приказалъ ихъ казнить. За это Долгоруковъ велѣлъ въ виду непріятелей казнить 42 плѣнныхъ Литвиновъ (Западноруссовъ) и 19 казаковъ. Если вѣрить повѣствователю Троицкой осады, Поляки и казаки были такъ озлоблены сими казнями, что едва не убили самого Лисовскаго, и только Сашѣга его спасъ. Прибытіе такой незначительной помощи конечно не оказало замѣтнаго вліянія на ходъ обороны и не могло возмѣстить страшную убыль въ ратныхъ людяхъ.

Оборона Лавры продолжалась однако съ неослабною энергіей. Ибо надъ всѣми невзгодами и печалами защитниковъ высоко стояла ихъ вѣра въ помощь Божью и заступленіе св. Сергія; святость мѣста въ минуты крайней опасности возбуждала въ нихъ воинственное одушевленіе и горячее желаніе отстоять его отъ поруганія иноувѣрными врагами. Архимандритъ и старцы продолжали питать это одушевленіе усердными молитвами, убѣщеніями и легендами о чудесныхъ видѣніяхъ. Таковыя видѣнія объявлялъ иногда самъ архимандритъ Іоасафъ, а большею частію о нихъ повѣствовалъ инокъ-пономарь Иринархъ. То являлся ему св. Сергій и приказывалъ возвѣститъ братіи, чтобы не унывала, что скоро придетъ помощь отъ царя Василя; то ученикъ Сергія св. Никонъ предсталъ ему во снѣ и повелѣлъ, чтобы болящіе терли себя новымъ снѣгомъ, который выпадетъ въ эту ночь, и, по словамъ лѣтописца, тѣ, которые съ вѣрою исполняли сіе повелѣніе, получали облегченіе.

Укрѣпленные вѣроу, нѣкоторые защитники монастыря изъ простолудиновъ отличились поистинѣ богатырскими подвигами. О нихъ лѣтописецъ (Палицынъ) сообщаетъ намъ любопытныя подробности. Такъ между даточными людьми былъ одинъ крестьянинъ прозваніемъ Суета, великанъ ростомъ и силою, но неопытный въ военномъ дѣлѣ, нехрабрый и неумѣлый боецъ; что навлекало на него насмѣшки. Однажды во время большой вылазки онъ объявилъ: „сегодня или умру, или получу большую славу.“ И дѣйствительно, онъ принялся такъ рубить своимъ бердышомъ, что поразилъ многихъ враговъ, защищенныхъ бронею, и съ кучкою пѣшихъ товарищей отбилъ въ одномъ мѣстѣ цѣлый полкъ Лисовскаго. Въ томъ же бою отличились троицкіе служки Пименъ Теневъ и Михайло Пасловъ; первый ранилъ въ лицо изъ лука самого Лисовскаго, такъ что тотъ свалился съ коня; а второй убилъ пана Юрія Горскаго, избилъ многихъ Ляховъ, пытавшихся отнять его тѣло, и овладѣлъ имъ вмѣстѣ съ конемъ. Прославились еще своими подвигами московскій стрѣлецъ Нехорошко и кlementьевскій крестьянинъ Никифоръ Шиловъ. Но особенно „охрабрилъ“ (по выраженію лѣтописца) чудотворецъ Сергій троицкаго слугу Ананія Селевина, выѣзжавшаго въ поле на быстромъ конѣ. Поляки и Русскіе измѣнники такъ его боялись, что избѣгали близко встрѣтиться съ нимъ и старались убить его издали, т. е. застрѣлить; но тщетно. Тогда Поляки рѣшили обратить свои выстрѣлы на его коня; вслѣдствіе чего на разныхъ вылазкахъ конь его былъ раненъ шесть разъ, а отъ седьмой раны палъ. Ананія принужденъ былъ сражаться пѣшій. Тутъ его ранили изъ пищади въ большой палецъ ноги и раздробили всю плюсну. Нога его распухла, но онъ продолжалъ ратоборствовать. Его опять ранили въ ту же ногу, и разбили коѣно. Нога отекала до пояса, и Ананія оттого скончался.

По истеченіи зимы военныя дѣйствія оживились, такъ что весною и лѣтомъ 1609 года съ одной стороны возобновились приступы Поляковъ, съ другой усилились вылазки осажденныхъ. Вслѣдствіе приходившихъ съ сѣверозапада извѣстій объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Скопина Шуйскаго и союзнаго Шведскаго отряда, Сапѣга и Лисовскій уже въ концѣ зимы стали готовиться къ рѣшительнымъ приступамъ. Между прочимъ въ таборахъ Лисовскаго приготовили большіе подвижные щиты или тарасы, сдѣланные изъ двойныхъ бревенъ съ отверстиями для стрѣльбы; каждый щитъ утвердили на четырехъ саяхъ, которыя должны были тащить къ стѣнамъ на своихъ лошадяхъ мужики, собранные изъ окрестныхъ волостей. Кромѣ того Сапѣга тре-

бывалъ подкрѣпленій изъ Тушинскаго лагеря или изъ „большихъ таборовъ“, какъ называли его Русскіе. Но Лжедмитрій также туго оказывалъ помощь осаждавшимъ Троицкій монастырь, какъ и царь Василій осажденнымъ, отзываясь тѣмъ, что ему самому приходится плохо въ виду успѣховъ царскаго сѣверозападнаго ополченія.

Второй большой приступъ произведенъ былъ ночью на 28 мая. Непріатели скрытно подвезли къ стѣнамъ бревенчатые щиты на колесахъ и всякія „приступныя козни“ или „стѣнобитныя хитрости“; прпставили лѣстницы и полѣзли на стѣны, а ворота стали бить „проломными ступами“ или таранами. Но осажденные уже знали о предстоящемъ приступѣ и приготовились. Изъ нижнихъ или подошвенныхъ боевъ встрѣтили нападающихъ огнемъ пушекъ и пищалей, а сверху стѣны бросали на нихъ бревна и камни, обливали кипяткомъ съ каломъ, горящею смолою и сѣрою и засыпали имъ глаза толченою известью. Ратнымъ людямъ при семъ помогали и женщины. Архимандритъ съ освященнымъ соборомъ въ это время пѣлъ молебны въ соборномъ Троицкомъ храмѣ. Приступъ продолжался всю ночь. Когда разсвѣло, непріатель, видя большія понесенныя имъ потери, со стыдомъ отступилъ. Осажденные сдѣлали вылазку, перебили и взяли въ плѣнъ многихъ отсталыхъ. Тарасы, лѣстницы и ступы проломныя забрали въ монастырь и употребили ихъ на дрова, а плѣнныхъ Ляховъ и русскихъ воровъ приставили къ жерновамъ и заставили ихъ молоть зерно. Спустя ровно мѣсяцъ, 28 іюня Сапѣга возобновилъ отчаянный приступъ съ тѣми же приѣмами и съ такимъ же неуспѣхомъ. На сей разъ непріателю удалось было зажечь часть острога у Пивного двора; но осажденные вовремя его погасили. Пришлось опять отступать съ большою потерей. Осажденные снова сдѣлали вылазку и забрали къ себѣ всѣ „стѣнобитныя хитрости“. Такъ окончился и третій большой приступъ. Въ немъ участвовалъ съ своимъ полкомъ панъ Зборовскій, присланный сюда на помощь изъ Тушина. По разсказу русскаго лѣтописца осады, до приступа онъ укорялъ Сапѣгу и Лисовскаго за ихъ „бездѣльное стояніе“ подъ такимъ *лукош*комъ какъ Троицкая Лавра; а послѣ приступа тѣ въ свою очередь съ насмѣшкою спрашивали Зборовскаго: „почему же ты не одолѣлъ этого *лукошка*“?

Послѣ того осада еще продолжалась; но подобные приступы уже не повторялись; хотя число защитниковъ страшно уменьшилось. Если вѣрить лѣтописцу, въ монастырь оставалось не болѣе 200 человекъ годныхъ къ бою; болѣе 2000 ратныхъ людей уже пало или умерло

отъ болѣзней. Но и число осаждавшихъ тоже сильно уменьшилось, и не столько отъ руки троицкихъ защитниковъ, сколько отъ необходимости разсылать отряды въ разныя стороны для сбора продовольствія и для поддержанія покорности въ сосѣднихъ областяхъ (14).

Многіе города, прежде покорившіеся Лжедмитрію, теперь отложились отъ него, били и прогоняли Тушинцевъ и начали помогать царской сторонѣ. Причиною тому были невыносимые поборы и притѣсненія отъ Ляховъ и русскихъ воровъ, особенно безпошадные грабежи и разоренія отъ казаковъ. Толчкомъ къ этому движенію послужили извѣстія о приближеніи Скопина Шуйскаго, объ успѣсныхъ дѣйствіяхъ Ѳедора Шереметева, Алябьева и другихъ царскихъ воеводъ. Возстаніе поволжскихъ и сѣверныхъ городовъ противъ Лжедмитрія началось еще зимою, и усилилось весною 1609 года. Такъ постепенно отложились отъ него Галичъ, Кострома, Устюжна, Кинешма, Вологда, Бѣлоозеро. Бѣжецкій Верхъ, Кашинь, Ярославль, Шуя, Владиміръ Залѣсскій, Муромъ, Устюгъ и другіе. Нѣкоторые присягнувшіе Самозванцу воеводы пытались противустоять этому движенію, и подвергались народной казни. Такъ Костромичи жестоко истязали Дмитрія Масальскаго и потомъ его утопили. Во Владимірѣ народъ схватилъ своего воеводу Вельямина и отвелъ его въ соборную церковь, чтобы онъ исповѣдался (*помонился*, какъ сказано въ лѣтописи). Соборный протопопъ послѣ исповѣди вывелъ его изъ церкви, и сказалъ: „сей есть врагъ Московскому государству“. Граждане всѣмъ „міромъ“ осудили его на смерть и побили камнями. Отложившіеся отъ Самозванца города и волости большею частію должны были выдерживать ожесточенную борьбу съ его полчищами. Изъ Тушинскихъ и Троицкихъ таборовъ отправлялись отряды для ихъ новаго покоренія и наказанія. Одни города удачно отбивались или во время получали помощь кто отъ волостныхъ жителей, кто отъ сосѣднихъ городовъ и царскихъ воеводъ; а другіе снова попадали въ руки Тушинцевъ или Сапѣжинцевъ и подвергались конечному разоренію. Въ особенности пострадали отъ Лисовскаго вновь взятые имъ Галичъ, Кострома и Кинешма.

Очищенію средняго Поволжья отъ воровъ много содѣйствовала царскій воевода Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, двоюродный братъ Петра Никитича, погибшаго во Псковѣ жертвою мятежа.

Еще во время Болотникова, когда Астрахань отложилась отъ Василія Шуйскаго и припала сторону мятежниковъ, посланъ былъ туда

съ ратными людьми Шереметевъ. Но онъ не могъ взять Астрахань и укрѣпился на островѣ Балчикѣ (или Балдинскомѣ), гдѣ рать его терпѣла отъ болѣзней и недостатка съѣстныхъ припасовъ, и въ то же время отбивала нападенія измѣнившаго астраханскаго воеводы князя Хворостинина. Когда Тушинскій воръ осадилъ Москву и возмущилась большая часть Поволжья, Шереметевъ получилъ приказъ идти на помощь. Онъ покинулъ Балчикъ, двинулся вверхъ по Волгѣ и остановился въ Казани. Здѣсь онъ промедлилъ цѣлую зиму. Хотя самъ городъ Казань пребылъ вѣрнымъ Василю, но земли Казанская и Вятская находились въ очень смутномъ состояніи; ибо многіе недавно покоренные инородцы сего края, т.-е. Татары, Мордва, Черемисы и Чуваши, пользовались критическимъ положеніемъ государства, поднимали мятежи, провозглашали царемъ Лжедмитрія, и заодно съ русскими ворами нападали на немногіе русскіе города, разбѣянные въ томъ краю. Шереметевъ посылалъ въ разныя стороны ратныхъ головъ съ отрядами противъ мятежниковъ, ходилъ и самъ на нихъ; такъ онъ отнялъ у нихъ городъ Чебоксары и освободилъ отъ осады Свияжскъ. Только въ началѣ лѣта онъ съ 3500 ратныхъ людей прибылъ въ Нижній, который уже нѣсколько разъ успѣлъ выдержать осаду и отбить толпы Мордвы и Черемисъ. Во все Смутное время этотъ городъ оставался неизмѣнно вѣренъ законному государю и служилъ самымъ надежнымъ оплотомъ Московскаго государства въ сѣверовосточномъ краю. Еще до прихода Шереметева второй (по князѣ Рѣпиннѣ) нижегородскій воевода Алябьевъ отличился своими походами и поисками противъ городовъ и волостей, предавшихся Тушинскому царю. Съ прибытіемъ Шереметева очищеніе средняго Поволжья отъ воровъ пошло успѣшнѣе. Изъ Нижняго Шереметевъ двинулся къ Москвѣ рѣкой Окой на города Муромъ и Касимовъ. Ханъ касимовскій Уразъ-Магометъ явился ревностнымъ сторонникомъ Лжедмитрія, и доселѣ попытки царскихъ воеводъ къ его усмирению оканчивались пораженіями. Шереметевъ взялъ Касимовъ приступомъ. Тутъ прибыли къ нему изъ Москвы князь Семенъ Прозоровскій и Иванъ Чепчуговъ съ благодарственнымъ словомъ отъ царя за вѣрную службу, но выѣстъ и съ выговоромъ за то, что онъ идетъ слишкомъ мѣшкотно на помощь Москвѣ и Троицкой Лаврѣ.

Москва испытывала тогда двойное бѣдствіе: Тушинцы тѣснили ее извнѣ, а смуты угнетали внутри. Ближайшимъ поводомъ къ послѣднимъ служилъ недостатокъ продовольствія. Пока коломенская дорога не была совершенно закрыта, изъ Рязанской области продолжались

подвозы съѣстныхъ припасовъ. Но Лжедимитрій съ Рожинскимъ вновь попытались отнять этотъ путь, чтобы выморить Москву голодомъ. Зимой 1609 года изъ Тушинскихъ таборовъ отправленъ былъ полковникъ Млоцкій съ отрядомъ, который осадилъ Коломну и отрѣзалъ ее отъ Москвы. Между тѣмъ какъ Тушинцы плавали въ изобиліи, даже собаки не успѣвали пожирать внутренности животныхъ, въ столицѣ наступила страшная дороговизна. При такихъ обстоятельствахъ неудовольствіе противъ Шуйскаго въ народѣ конечно возросло. Противная ему партія думала воспользоваться тѣмъ для его сверженія. Но открыто выступили не знатные люди, а второстепенные, именно князь Романъ Гагаринъ, извѣстный рязанскій дворянинъ Григорій Сумбуловъ и Тимофей Грязной. 17 февраля, собравъ толпу буяновъ, они явились въ Кремль, пришли въ Боярскую Думу и звали бояръ на площадь. Но тѣ уклонились и разѣѣхались по домамъ. На площадь вышелъ только одинъ князь Василій Голицынъ, прежде ревностный соучастникъ въ заговорѣ противъ перваго Лжедимитрія, а теперь соперникъ Шуйскаго и претендентъ на престолъ. Мятежники отправились въ Успенскій соборъ и звали патріарха. Гермогенъ вышелъ на Лобное мѣсто, и спрашивалъ толпу, что ей нужно. Вожаки начали кричать: „царь побиваетъ и сажаетъ въ воду нашу братію дворянъ и дѣтей боярскихъ, а ихъ жонъ и дѣтей (истребляетъ) втайнѣ, и такихъ побитыхъ уже съ двѣ тысячи. Вотъ и теперь нашу братію поведи сажать въ воду“. Патріархъ потребовалъ, чтобы назвали ихъ имена; но заговорщики отвѣчали общими мѣстами. Гермогенъ упрекалъ ихъ во лжи и клеветѣ. (Однако мы знаемъ, что Шуйскій потопилъ много измѣнниковъ). Затѣмъ заговорщики начали громко читать грамоту, составленную русскими отщепенцами въ Тушинскомъ лагерѣ. Въ этой грамотѣ говорилось, что „князя Василя Шуйскаго выбрали на царство одной Москвой, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Шуйскій намъ нелюбъ; ради его льется кровь и земля неумирается, а потому на его мѣсто надо выбрать иного царя“.

На эту грамоту патріархъ Гермогенъ отвѣтилъ пространнымъ и сильнымъ словомъ.

„Доселѣ Москвѣ—говорилъ онъ—ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и некоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи возлюбленъ, избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями, и московскими бояры, и вами дворяны, и всякими людьми всѣхъ чиновъ и всѣми православными христіанами, да

и изъ всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ тѣ поры люди многіе и крестъ ему цѣловали вся земля, что ему государю добра хотѣти, а лиха и не мыслити; а вы, забывъ крестное цѣлованіе, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочетъ, да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не приставаемъ же“. Далѣе патріархъ укорялъ мятежниковъ въ клятвопреступленіи, въ измѣнѣ вѣрѣ и государству, и доказывалъ имъ, что, если кровь льется и земля не умирается, то дѣлается волею Божіею, а не царскимъ хотѣніемъ.

Слова архипастыря подѣйствовали на народъ. Притомъ большинство Московскихъ гражданъ ясно сознавало, что если выбирать между Тушинскимъ воромъ и царемъ Васи́ліемъ, то послѣдній все таки служилъ представителемъ законной власти и государственнаго порядка, тогда какъ съ понятіемъ о Тушинцахъ уже соединялось понятіе о грабежахъ и насиліяхъ съ одной стороны, о грубомъ обманѣ и самозванствѣ съ другой. Поэтому никто не присталъ къ толгѣ мятежниковъ. Тщетно съ Лобнаго мѣста она шумно потекла во дворецъ, думая напугать царя Васи́лія и принудить его къ отреченію. Около него успѣли собраться начальники ратныхъ людей. Царь мужественно встрѣтилъ толпу и сказалъ ей, что если его хотятъ убить, то онъ готовъ принять смерть, но что свести его съ престола безъ согласія бояръ и всей земли никто не можетъ. Смущенные вожаки бѣжали въ Тушино; съ ними уѣхало до 300 человекъ.

Неудача этого мятежа настолько ободрила Шуйскаго, что онъ поступилъ съ несвойственною ему рѣшительностію, когда донесли ему о заговорѣ, во главѣ котораго сталъ бояринъ Ив. Фед. Крюкъ-Колычовъ и на которомъ рѣшено было убить царя въ день Вербнаго Воскресенія (вѣроятно во время церковной процессіи). Колычовъ былъ подвергнутъ пыткамъ, никого не указалъ, и потому казненъ одинъ; нѣкоторые предполагаемые его сообщники заключены въ тюрьму. Однако ропотъ и волненіе въ Москвѣ не прекращались. Уваженіе къ царю настолько упало, что служилые и черные люди съ крикомъ и воплемъ приходили къ Шуйскому и спрашивали его: до какихъ поръ имъ сидѣть въ осадѣ? Хлѣбъ дорогой, промысловъ никакихъ нѣтъ и купить не на что. Царь вступилъ съ ними въ переговоры и просилъ сроку только до Николина весенняго дня, потому что на помощь къ нему идетъ съ одной стороны Скопинъ-Шуйскій съ Новгородскимъ ополченіемъ и Шведами, съ другой Шереметевъ съ Понизовою ратьею, а съ третьей союзникъ его Крымскій ханъ съ своей ордою.

О дороговизнѣ, существовавшей тогда въ Москвѣ даютъ понятіе слѣдующія показанія современниковъ: въ концѣ февраля четверть сырой ржи стояла одинъ рубль, а сухой 40 алтынъ, возъ сѣна три рубля и выше. А въ началѣ мая рожь поднялась до полутора и до двухъ рублей; гороху и крупы гречневой четверть стояла три рубля, овса отъ 40 алтынъ до рубля, „добрый“ возъ сѣна четыре рубля, корова яловица отъ 10 до 20 рублей, полоть ветчины два рубля. По недостатку топлива, на дрова разбирали дворы опасныхъ людей. Эти цѣны, какъ ни высоки онѣ для того времени, показываютъ, что все-таки торговля съѣстными припасами не прекращалась и что существовали еще значительные запасы. На дороговизну вліяла также жадность богатыхъ хлѣботорговцевъ, которые прятали свои запасы и пускали въ продажу только небольшое количество, выжидая еще большаго возвышенія цѣнъ. И дѣйствительно, четверть ржи дошла наконецъ до семи рублей. Тщетно царь убѣждалъ купцовъ не прятать хлѣба; купцы съ своей стороны увѣряли, что у нихъ запасы истощились. Тогда царь и патріархъ обратились къ келарю Троицкаго монастыря Авраамію Палицыну, и послѣдній (если вѣрить его собственному разсказу) помогъ дѣлу. У него на Троицкомъ подворьѣ при Богоявленскомъ монастырѣ оставались еще порядочные запасы ржи, и онъ вдругъ пустилъ ее въ продажу по два рубля. Купцы съ своей стороны принуждены были также понизить цѣну. Когда же прекратилась продажа монастырскаго хлѣба, рожь опять поднялась въ цѣнѣ. Царь снова обратился къ келарю; на возраженіе сего послѣдняго, что монастырскіе люди на подворьѣ сами могутъ остаться безъ пищи, Шуйскій обѣщалъ выдавать имъ изъ собственной казны на покупку хлѣба, если цѣна его даже удесятерится. Палицынъ послушался, и отпустилъ на рынокъ еще 200 мѣръ изъ монастырскихъ житницъ, чѣмъ снова понизилъ цѣну.

Около того же времени изъ Тушина прибѣжалъ въ Москву вышеупомянутый князь Гагаринъ. Онъ раскаялся въ своей измѣнѣ, и всенародно говорилъ, что въ Тушинѣ сидитъ истинный воръ и что все зло идетъ отъ Польскаго короля, который хочетъ искоренить православную вѣру. Его рѣчи, на ряду съ вѣстями о скоромъ приходѣ Скопина-Шуйскаго съ иноземною помощію, благотворно повліяли на умы и многихъ удержали отъ измѣны, т. е. отъ перѣзда въ Тушино. А что касается сношеній Москвы съ городами, то царь Василій дѣятельно поддерживалъ эти сношенія, несмотря на осаду. Онъ постоянно разсылалъ грамоты съ увѣщаніемъ отстать отъ

вора или крѣпко держаться законнаго правительства, помогать царскимъ воеводамъ людьми и обо всемъ съ ними совѣтоваться; извѣщалъ о каждомъ своемъ успѣхѣ и походѣ Скопина; расточалъ похвалы вѣрнымъ и обѣщалъ награды. Грамоты его проносились сквозъ непріятельскіе посты помощію разныхъ хитростей; напримѣръ, зимою они вклеивались въ лыжи посланцевъ.

Предводители Тушинцевъ ясно видѣли перемѣну обстоятельствъ въ пользу Василія; а потому, не дожидаясь прихода Скопина со Шведами, рѣшились на новую попытку овладѣть Москвою. Въ таборахъ Самозванца оставалось тогда мало войска; ибо значительная часть его стояла въ ближнихъ городахъ или занималась усмиреніемъ возставшихъ областей. Рожинскій стянулъ какіе можно было отряды и вывелъ изъ обозовъ свою пѣхоту и конницу. Но въ Москвѣ уже знали о его намѣреніи и приготавились. 5 іюня въ Духовъ день на берегахъ Ходынки Тушинцы встрѣтились съ Московскимъ ополченіемъ; польская конница ринулась на московскую; послѣдняя разступилась и открыла гуляй-городки, т. е. подвижныя укрѣпленія на колесахъ, вооруженныя пушками. Эти гуляй-городки открыли пальбу въ лицо Полякамъ, а московская конница ударила на нихъ съ боковъ. Тушинцы были разбиты; Москвитяне ихъ преслѣдовали, и только Зарупскій съ Донцами помѣшалъ царскому войску ворваться въ таборы. Спустя три недѣли, Рожинскій возобновлялъ попытку большого приступа, и Тушинцамъ удалось зажечь внѣшнюю или деревянную стѣну. Они уже опрокинули московскую конницу и потѣснили пѣхоту. Но на помощь послѣднимъ пришли мужественные воеводы, съ одной стороны князь Ив. Сем. Куракинъ, съ другой князя Андрей Вас. Голицынъ и Борисъ Мих. Лыковъ. Битва длилась цѣлый день, и, по замѣчанію лѣтописца, въ теченіе всей осады Москвичи не дрались съ такою храбростію какъ въ этотъ день. Тушинцы были вновь разбиты; многіе изъ нихъ во время битвы попали въ Москву-рѣку и потонули. Послѣ того попытки большихъ приступовъ прекратились. Осада еще продолжалась; но въ Москвѣ уже всѣ надѣялись на близкое отъ нея избавленіе. Вскорѣ удалось освободить и важный путь Коломенскій. Хотя Прокопій Ляпуновъ, очистившій отъ воровъ рязанскіе города, и былъ отбитъ Млоцкимъ отъ Коломны; но слухи о приближеніи съ одной стороны Шведовъ, съ другой Крымцевъ, съ третьей Шереметева заставили Млоцкаго 17 іюля покинуть блокаду Коломны и отступить къ Серпухову. Спустя недѣлю, Крымскій калга-султанъ дѣйствительно приблизился къ Коломнѣ въ качествѣ союзника царя

Василія; но потомъ онъ повернулъ домой, вѣроятно довольствуясь награбленною добычею и положомъ и нисколько не желая вступать въ битвы съ отрядами Лжедмитрія ⁽¹⁵⁾.

Зато слухи о побѣдоносномъ приближеніи Скопина-Шуйскаго оправдались.

Шведское правительство того времени не мало было озабочено успѣхами Поляковъ въ Московской землѣ: въ случаѣ ихъ окончательнаго торжества, оно должно было разсчитывать на дальнѣйшее совиѣстное дѣйствіе Польши и Москвы противъ Швеціи; а это обстоятельство грозило не только потерей занятой Шведами Эстоніи и части Ливоніи, но и лично Карлу IX потерей Шведскаго престола. Кромѣ того Карлъ сильно желалъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы расширить предѣлы своего королевства со стороны Московіи. Посему онъ очень охотно отозвался на просьбу Михаила Скопина-Шуйскаго о военной помощи. Онъ даже послалъ Новгородцамъ грамоту съ увѣдомленіемъ о скоромъ прибытіи сей помощи и съ увѣщаніемъ мужественно стоять противъ Польскихъ и Литовскихъ людей за Московское государство и свою „старую Греческую вѣру.“ Въ томъ же духѣ нѣкоторые пограничные шведскіе начальники писали въ московскіе сѣверные монастыри и города. Въ концѣ февраля 1609 года въ Выборгѣ былъ подписанъ окончательный договоръ съ одной стороны русскими послами стольникомъ Семеномъ Головинымъ и дьякомъ Сыдавнымъ Зиновьевымъ, съ другой шведскими уполномоченными. Сей договоръ подтверждалъ обязательство шведскаго короля выставить вспомогательное войско изъ 2000 конницы и 3000 пѣхоты, а сверхъ того сколько можно будетъ набрать. Кромѣ опредѣленной денежной платы, Василій Ивановичъ Шуйскій въ вознагражденіе за помощь не только отказывался отъ русскихъ притязаній на Ливонію, но и отдавалъ Шведамъ пограничный городъ Корелу (Кексгольмъ) съ уѣздомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны заключили оборонительный союзъ противъ Польши, такъ что въ случаѣ нужды Шуйскій долженъ былъ помогать своимъ войскомъ Карлу IX, и никто изъ нихъ обоимъ не могъ заключить отдѣльнаго мира съ польскимъ королемъ. Договоръ довольно обстоятельно опредѣлялъ положеніе шведскаго вспомогательнаго войска въ русскихъ предѣлахъ. Такъ Шведы обязались не допускать своихъ ратныхъ людей причинять какія-либо насилія и грабежи жителямъ; съ литовскими плѣнниками они могли поступать какъ имъ угодно, но русскихъ плѣнниковъ должны были отдавать на

окупъ и т. д. По смыслу договора все это вспомогательное войско поступало въ вѣдѣніе князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Послѣдній чрезъ своихъ уполномоченныхъ вручилъ шведскимъ повѣреннымъ около 5000 рублей въ видѣ задатка наемному войску, но не въ зачетъ его будущаго жалованія. Для сдачи города Корелы положенъ былъ срокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ съ условіемъ взять изъ церквей всѣ образа и всю церковную утварь, а изъ крѣпости пушки, пищали и военные снаряды, и кромѣ того вывести тѣхъ жителей, которые пожелаютъ уйти на Русь. Долгій срокъ очевидно назначенъ былъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы прежде посмотрѣть, какой толкъ будетъ отъ шведской помощи и стоитъ ли она того, чтобы ради нея поступить-ся хотя и однимъ уголкомъ Русской земли — черта, заслуживающая похвалы и подражанія, особенно если вспомнимъ, въ какихъ трудныхъ обстоятельствахъ находились тогда и царь Шуйскій, и все Московское государство.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мартѣ вспомогательное войско уже вступило въ русскіе предѣлы. Сверхъ условленныхъ 5000, оно заключало еще нѣсколько тысячъ человѣкъ, и было набрано изъ наемниковъ разныхъ націй, каковы Шведы, Французы, Шотландцы, Нѣмцы и даже русскіе охотники. Все это были люди хорошо вооруженные и обученные, состоявшіе подъ командою опытныхъ, надежныхъ военачальниковъ; таковы: Эвертъ Горнъ, Христіернъ Зоме, Аксель Куркъ и Андрей Боје. А во главѣ стоялъ молодой, но уже прославившійся воинскими подвигами Яковъ Делагарди, сынъ извѣстнаго французскаго выходца Понтуса Делагарди и племянницы Карла IX (незаконной дочери его предшественника и брата Іоанна). Въ ранней молодости онъ сражался съ Поляками въ Ливоніи и даже побывалъ у нихъ въ плѣну; а потомъ изучилъ военное искусство преимущественно въ Голландіи подъ руководствомъ принца Морица Нассаусскаго. На границѣ Шведовъ встрѣтилъ воевода Иванисъ Адауровъ съ небольшимъ русскимъ отрядомъ.

Появленіе шведскаго вспомогательнаго войска немедленно повліяло на ходъ событій. Нѣкоторые сѣверные города покинули Самозванца и перешли на сторону Шуйскаго, напримѣръ, Орѣшекъ, откуда воевода его Мих. Глѣб. Салтыковъ уѣхалъ въ Тушино. Оставивъ, по просьбѣ Скопина, главныя силы въ Тесовѣ, Делагарди 30 марта вступилъ въ Новгородъ, гдѣ ему оказана торжественная встрѣча. Тутъ оба молодые вождя, русскій и шведскій, сблизились, и вскорѣ между ними завязалась дружба, основанная на взаимномъ уваженіи. Ско-

пинъ-Шуйскій произвелъ на Шведовъ пріятное впечатлѣніе своею сановитою наружностію, привѣтливостію и разумнымъ поведеніемъ. Главное затрудненіе, встрѣтившееся на первыхъ же порахъ, состояло въ недостаткѣ денегъ на уплату Шведамъ жалованья; такъ какъ московская казна была пуста. Скопинъ усердно разсылалъ грамоты въ сѣверныя области, съ настоятельнымъ требованіемъ о сборѣ и присылкѣ денегъ или вмѣсто нихъ соболей, суконъ, тафты и другихъ товаровъ, годныхъ для уплаты иноземнымъ ратнымъ людямъ. Нѣкоторые города успѣли исполнить требованіе, и часть жалованья была уплачена. Делагарди думалъ прежде заняться очищеніемъ городовъ, признавшихъ Лжедмитрія, напримѣръ Ямы, Копорья, Ивангорода; но Скопинъ не хотѣлъ терять на нихъ времени, и торопилъ его идти на освобожденіе столицы отъ осады; послѣ чего другія мѣста сами собой отпали бы отъ Самозванца. Прежде всего надобно было очистить путь къ Москвѣ, который заслонялъ Кернозицкій, все еще стоявшій въ Старой Русѣ. Делагарди выслалъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Эвертъ Горна; Скопинъ присоединилъ къ нему и русскій отрядъ, предводимый Головинымъ и Чулковымъ. Кернозицкій сжегъ Русу и ушелъ; однако шведо-русскій отрядъ настигъ его и наголову разбилъ около села Каменки. Тогда ближніе города, Торопецъ, Холмъ, Великіе Луки, Ржевъ и нѣкоторые другіе, покинули сторону Тушинскаго вора, принесли повинную и присягнули Шуйскому. Только въ пользу мятежнаго Пскова Скопинъ сдѣлалъ исключеніе и послалъ войско, чтобы овладѣть симъ важнымъ пунктомъ. Была надежда покончить съ нимъ въ короткое время, съ помощію партіи лучшихъ людей, которые сносились съ Новгородомъ и звали царскихъ воеводъ. Но эта надежда не оправдалась.

15 мая 1609 года во Псковѣ произошелъ страшный пожаръ, который захватилъ и самый Кромъ съ Троицкимъ соборомъ; порохъ, хранившійся въ погребахъ подъ городскими стѣнами взорвало; причемъ часть стѣны и башенъ обрушилась. Однако это бѣдствіе не прекратило внутренней борьбы партій: меньшіе люди, стрѣльцы и казаки продолжали свирѣпствовать противъ большихъ людей, т.-е. бояръ, дворянъ и гостей. Казачій атаманъ Корсаковъ, державшій стражу на Новгородской дорогѣ, прислалъ въ городъ вѣсть о приближеніи новгородско-шведскаго отряда. Но большіе люди схватили посланца и засадили его въ тюрьму. Ничего не подозревая, Псковичи всѣмъ народомъ отправились 28 мая встрѣчать икону Богородицы, которую въ этотъ день приносили изъ Печерскаго монастыря. Вдругъ позади

ихъ слышались пушечные и ружейные выстрѣлы. Новгородско-шведскій отрядъ спѣшилъ войти въ Великія ворота, которыя лучшіе люди нарочно оставили отворенными. Но атаманъ Корсаковъ встрѣтилъ подступавшихъ ружейнымъ огнемъ; а со стѣнъ загремѣлъ пушечный нарядъ; особенно псковскіе стрѣльцы своимъ храбрымъ сопротивленіемъ удержали московское войско, пока народъ успѣлъ войти въ городъ и принять участіе въ битвѣ. Видя неудачу, царское войско остановилось въ селѣ Любатовѣ. Казачій гонецъ, освобожденный изъ тюрьмы, рассказалъ, какъ лучшіе люди помѣшали ему дать вѣсть. Тогда въ городѣ произошло сильное волненіе. Одинъ священникъ, пытавшійся бѣжать въ Любатово, былъ схваченъ и подвергнутъ пыткамъ. Онъ оговорилъ другихъ; ихъ также пытали; тѣ оговорили третьихъ. На этихъ пыткахъ присутствовали самозванцевъ воевода Жировой-Засѣкинъ и дьякъ Иванъ Луговскій. Но отъ нихъ власть уже перешла къ меньшимъ посадскимъ людямъ и стрѣльцамъ. Изъ среды послѣднихъ выдался зычнымъ голосомъ и дикою энергіей нѣкто Тимофей, прозваніемъ Кудекуша Трепецъ, который и подчинилъ себѣ толпу, такъ что сталъ указывать воеводамъ и начальнымъ людямъ. По словамъ лѣтописца, многіе бояре и дворяне, уличенные въ тайныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ, были мучимы; имъ ломали ребра, жгли ихъ на кострѣ. Мятежная чернь возстановила прежній вѣчевой бытъ Пскова: часто звонили въ колоколъ и собирали народъ на вѣче, гдѣ крикуны играли главную роль. Тщетно Новгородцы и Шведы приходили изъ Любатова и затѣвали бой съ Псковичами; послѣдніе храбро отбивали ихъ нападенія. Скопинъ Шуйскій, не желая развлекать свои силы и тратить время на осаду Пскова, предоставилъ его самому себѣ, и отозвалъ свой отрядъ.

Межъ тѣмъ вѣсть о пораженіи Кернозицкаго произвела сильную тревогу въ Тушинскихъ таборахъ. Чтобы прикрыть дорогу изъ Новгорода въ Москву, посланы были Эборовскій и извѣстный князь Григорій Шаховской съ 8000 Поляковъ и Русскихъ. Они подступили къ Торжку; начальствовавшій здѣсь воевода Чеглоковъ спѣшилъ уведомить о томъ Скопина, прося помощи. Скопинъ и Делагарди, стоявшіе въ это время около Крестецкаго Яма, напередъ себя отрядили къ Торжку стольника Головина и Эверта Горна съ 2000 Русскихъ и Шведовъ. Этотъ отрядъ напалъ на Эборовскаго и Шаховскаго. Бой длился съ перемѣннымъ успѣхомъ; наконецъ Тушинцы отступили и засѣли въ Твери. Когда прибыли къ Торжку Скопинъ и Делагарди, то вмѣсто Эборовскаго и Шаховскаго они встрѣтили здѣсь 3000

и наконецъ сломили враговъ. Поляки побѣжали и были преслѣдуемы до своего лагеря у Рябой Пустыни, гдѣ они укрылись, благодаря наступившей темнотѣ, а потомъ и совсѣмъ ушли, Салѣга подѣ Троицу, Зборовскій въ Тушино. Побѣдители воротились въ Калязинъ монастырь. Здѣсь Скопинъ пробылъ еще нѣсколько времени, пока переговоры его и царя Василія съ Делагарди окончились благополучно. Шведскій вождь, по требованію своихъ солдатъ отступившій еще далѣе, къ Новгороду, наконецъ съ помощію присланныхъ денегъ убѣдиль ихъ снова двинуться впередъ, и тѣмъ болѣе что получилъ повелѣніе отъ короля въ томъ же смыслѣ. Но за нимъ послѣдовала только меньшая часть; а большая часть наемниковъ или сама покинула его, или по настоянію своему была отпущена имъ на родину. Чтобы пополнить убыль, онъ послалъ нѣсколько офицеровъ въ Нарву и Выборгъ вербовать свѣжіе отряды. Въ концѣ сентября Делагарди прибылъ въ Калязинъ и соединился со Скопиннымъ, который встрѣтилъ его торжественно и роздалъ его воинамъ дорогихъ мѣховъ почти на 20.000 рублей.

Вѣсти о побѣдоносномъ приближеніи Скопина оживили московскихъ гражданъ и троицкихъ защитниковъ надеждою на скорое освобожденіе. Но это освобожденіе все еще замедлялось. Вмѣсто того, чтобы спѣшить къ Москвѣ, Скопинъ съ своими союзниками двинулся къ Александровской Слободѣ, выбилъ оттуда отрядъ Салѣжинцевъ, и засѣлъ въ этомъ хорошо укрѣпленномъ городѣ. Несмотря на свою молодость, онъ не рвался впередъ и [не выходилъ изъ предѣловъ осторожности и предусмотрительности. Главныя силы Лжедмитрія представляли все еще многочисленныхъ, хорошо вооруженныхъ и опасныхъ противниковъ; было бы не совсѣмъ благоразумно вступить съ ними въ рѣшительную битву, рискуя разомъ потерять всѣ пріобрѣтенныя выгоды. Скопинъ воспользовался важнымъ положеніемъ Александровской Слободы и отрѣзалъ Тушинцевъ отъ сѣверныхъ областей, откуда они получали свое продовольствіе. Еще до занятія Слободы шуринъ его Головинъ врасплохъ захватилъ Переяславль и прогналъ оттуда Поляковъ, тѣмъ отрѣзалъ отъ Салѣги Лисовскаго, стоявшаго въ Ростовѣ. Лисовскій отошелъ въ Суздаль. Въ концѣ октября 1610 года (сентябрьскаго стиля) оба гетмана, Рожинскій и Салѣга, допытываясь было соединенными силами выбить Скопина изъ Александровской Слободы, но не могли выманить его въ открытое поле, и безъ успѣха воротились въ свои таборы.

Александровская Слобода на нѣкоторое время соединяла на

себѣ общее вниманіе: Москва и Троица со дня на день ожидали отсюда своего освобожденія; а враги со страхомъ смотрѣли на постепенное усиленіе здѣсь Скопина Шуйскаго, къ которому съ разныхъ сторонъ шли царскіе воеводы на подкрѣпленіе. Такъ сюда прибылъ давно ожидаемый Федоръ Ив. Шереметевъ съ низовою ратью, а изъ Москвы отъ царя пришли подкрѣпленія съ двумя боевыми воеводами, князьями Куракинымъ и Лыковымъ. Пришелъ и отрядъ („станіца“) Рязанцевъ. Но при немъ оказались посланцы отъ Прокопія Ляпунова съ недобрыми грамотами. Пылкій, нетерпѣливый Ляпуновъ въ этихъ грамотахъ спѣшилъ выразить то, что у многихъ русскихъ людей того времени было не только на умѣ, но и на языкѣ. Обаяніе личности Скопина и его военные успѣхи возбудили желаніе и надежду, что именно онъ' будетъ наслѣдникомъ Московскаго престола послѣ бездѣтнаго и нелюбимаго Василя Шуйскаго. А Ляпуновъ пошелъ еще далѣе: ждать смерти Василя казалось ему слишкомъ долго; въ своихъ грамотахъ онъ осыпалъ царя разными укоризнами и прямо предлагалъ Скопину возложить на себя корону и взять въ свои руки скипетръ. Честный юноша былъ возмущенъ такимъ предложеніемъ, велѣлъ схватить посланцевъ и думалъ отправить ихъ въ Москву какъ преступниковъ. Едва умолили они отпустить ихъ въ Рязань, ссылаясь на то, что дѣйствовали подъ угрозами Ляпунова. Скопинъ думалъ просто предать это дѣло забвенію, и не донесъ о немъ дядѣ. Но нашлись другіе доносчики, которые передали его въ Москвѣ, конечно съ разными прикрасами, и сумѣли внушить царю подозрѣніе на племянника. Вознегодовали на него и братья Василя, Иванъ, а въ особенноти Димитрій, который самъ разсчитывалъ наслѣдовать Московскій престолъ. Таковы были послѣдствія ревности не по разуму со стороны Ляпунова.

Очищеніе ближайшихъ городовъ и дорогъ, ведущихъ въ Москву, отъ тушинскихъ шаекъ продолжалось. Выше мы видѣли, что Млодкій съ своимъ отрядомъ оставилъ осаду Коломны и отошелъ къ Серпухову. Но руководимыя имъ воровскія шайки все еще держали Коломенскій путь въ своихъ рукахъ и не пропускали запасы въ столицу. Военное движеніе въ тѣ времена овладѣло не одними городами, но также и селами. Крестьяне во многихъ мѣстахъ составляли отряды и дѣйствовали одни подъ знаменемъ Шуйскаго, другіе Лжедимитрія. Нѣкоторые изъ ихъ предводителей выдвигались своею удаляю, а чаще своею свирѣпостію. Такъ на Коломенской дорогѣ во главѣ воровскихъ шаекъ появился какой-то хатунскій мужикъ Салковъ, напо-

польско-литовскій король, безъ явнаго униженія своего достоинства, могъ входить съ нимъ въ какія-либо дипломатическія сношенія, а тѣмъ болѣе заключать политическіе трактаты и союзы. Третья причина относительнаго равнодушія къ нему могла быть церковная: Римская курія, Іезуитскій орденъ и высшее польское духовенство потратили много усилій и хлопотъ на помощь первому, окатоличенному, Самозванцу, и должны были разочароваться въ своихъ на него надеждахъ. Второй Самозванецъ не только не былъ католикомъ, напротивъ онъ, повидимому, старался показывать свою приверженность къ православію. Во всякомъ случаѣ совсѣмъ незамѣтно, чтобы католическое духовенство принимало въ немъ такое же дѣятельное участіе, какъ въ его предшественникѣ. Еще менѣе могло быть побужденій у польскаго правительства поддерживать сторону Шуйскаго и желать ему рѣшительной побѣды, хотя официально оно продолжало сноситься съ нимъ какъ съ законнымъ государемъ; при чемъ дѣлало видъ, что польско-литовскія и запорожскія дружины, воевавшія Московскую Русь, дѣйствовали самовольно, вопреки всѣмъ запрещеніямъ и препятствіямъ, будто бы отъ него исходившимъ. Но вотъ въ Московскія дѣла вмѣшалась враждебная Польшѣ Швеція, и стала помогать возстановленію законныхъ правъ, законнаго порядка. Борьба обоихъ сосѣдей за Ливонію въ то время затихала въ Балтійскомъ краѣ; но Поляки хорошо понимали, что эта борьба переносится Шведами на поля Московіи. А главное, они съ великимъ негодованіемъ увидѣли, какъ, вмѣстѣ съ успѣхами соединенныхъ силъ Скопина и Делагарди, изъ польскихъ когтей начала ускользать столь вѣрно рассчитанная добыча. Тогда въ Краковѣ рѣшено было не медлить долѣе, и Сигизмундъ III сталъ готовиться къ самоличному вторженію въ Московскіе предѣлы, прежде чѣмъ Шуйскій могъ окончательно восторжествовать надъ своимъ противникомъ и возстановить государственный порядокъ въ Московской землѣ.

Тутъ представился важный вопросъ: какую ближайшую задачу долженъ преслѣдовать Польскій король?

Этотъ вопросъ возникъ вслѣдствіе кандидатуры королевича Владислава на Московскій престолъ, кандидатуры, выставленной частью московскихъ бояръ еще при жизни перваго Лжедмитрія, а во время наступившей Смуты все болѣе и болѣе пріобрѣтавшей между ними сторонниковъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, при Краковскомъ дворѣ шли теперь горячіе споры и обстоятельныя разсужденія о томъ: объявить ли сію кандидатуру немедля и идти собственно на завоеваніе Мо-

сковскаго престола для Владислава или повременить съ нею, а прежде заняться покореніемъ тѣхъ областей, которыя еще недавно принадлежали Польско-Литовскому королевству, но были отторгнуты отъ него во времена Ивана III и Василія III, т.-е. Сѣверской и Смоленской?

Повидимому, рѣшеніе колебалось то въ ту, то въ другую сторону. Въ концѣ концовъ возобладала вторая задача, безъ сомнѣнія въ связи съ слѣдующими соображеніями и обстоятельствами.

Во-первыхъ, польское правительство хорошо сознавало, что Москвитяне, сажая на свой престолъ королевича, неизбежно потребуютъ отъ него перемѣны религіи въ пользу православія; а такая перемѣна вызвала бы сильное столкновеніе съ Римскою куріей; на что Сигизмундъ какъ ревностный папистъ и католикъ былъ отнюдь неспособенъ. Слѣдовательно предстояло еще изыскать средства для устраненія великаго затрудненія съ этой стороны. Во-вторыхъ, королевичъ въ качествѣ Московскаго царя былъ бы поставленъ въ крайне неудобное положеніе передъ своими подданными, если бы началъ царствованіе отдачею нѣкоторыхъ областей сосѣдному государству; слѣдовательно отторженіе сихъ областей отъ Москвы во всякомъ случаѣ должно было предшествовать занятію Владиславомъ Московскаго престола. Примѣръ перваго Лжедимитрія ясно говорилъ, что царствованіе его въ самомъ началѣ могло окончиться трагически, если имъ слишкомъ рѣзко будутъ нарушены церковныя и государственныя интересы его будущихъ подданныхъ. Наконецъ Поляки имѣли передъ глазами яркіе примѣры своихъ королевичей, занимавшихъ сосѣдніе престолы, но безъ особыхъ выгодъ для Рѣчи Посполитой. Такъ Ягайловичи въ XV и началѣ XVI столѣтія занимали престолы Венгріи и Чехіи; но династія ихъ тамъ не утвердилась, и Польша отъ того не усилилась. Это не то что цѣпкія нѣмецкія династіи, самыми видными представителями которыхъ служатъ австрійскіе Габсбурги. Очевидно, по зрѣломъ обсужденіи вопроса въ кругу нѣкоторыхъ сенаторовъ и ближнихъ совѣтниковъ, Сигизмундъ III рѣшилъ прежде всего какъ можно болѣе отвоевать областей у Московскаго государства для Рѣчи Посполитой, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, посадить ли сына на Московскій престолъ или, еще лучше, самому занять его и такимъ образомъ подъ одною короною соединить Польшу, Литву и Москву, и потомъ ихъ общими силами добывать наслѣдственную Швецію. Сей послѣдній планъ наиболѣе улыбался іезуитамъ, вообще католическому духовенству; ибо не только о перемѣнѣ религіи въ такомъ случаѣ

не могло быть рѣчи, но и представлялось гораздо болѣе возможности ввести излюбленную унію въ Восточной Руси также какъ она была введена въ Западной. Представлялось также возможнымъ Сигизмунду, возстановивъ свои права въ Швеціи, воротить ее въ лоно католической церкви. Однимъ словомъ, передъ нимъ открывались широкіе церковные и политическіе горизонты.

Было и еще одно обстоятельство, также нѣсколько отклонявшее короля отъ немедленнаго объявленія кандидатуры Владислава на Московскій престолъ и послышки королевича съ войскомъ въ предѣлы Московіи: это усиленные ходатайства Юрія Мнишка совместно съ посланцами Лжедмитрія и тушинскихъ Поляковъ. Кандидатура Владислава, само собою разумѣется, прежде всего должна была устранить Самозванца, опиравшагося на польское войско, а Мнишекъ конечно принималъ близко къ сердцу интересы своей дочери и ея мужа. Отъ ихъ имени онъ давалъ королю клятвенныя обѣщанія, что, если зять его займетъ Москву, то выполнить условіе объ отдачѣ Полякамъ Сѣверской и Смоленской земли — условіе, заключенное еще первымъ Лжедмитріемъ, — лишь бы король не посылалъ своего сына. Ходатайства Мнишка поддерживалъ его вліятельный родственникъ краковскій епископъ Бернардъ Мацѣевскій. Весьма возможно, что въ семъ случаѣ онъ также находилъ нѣкоторую поддержку себѣ у своего стараго соумышленника въ дѣлѣ польско-русской интриги и начальнаго автора Московской смуты, т.-е. у литовскаго канцлера Льва Сапѣги, который хотя тайно, но несомнѣнно продолжалъ играть роль главнаго покровителя самозванщины въ Московской Руси. Притомъ, если у Мнишка подъ Москвою находились дочь и зять, то у Сапѣги на ихъ службѣ пребывалъ его двоюродный братъ. Сапѣга однако стоялъ выше личныхъ, корыстныхъ интересовъ Мнишка, и, если оставлялъ въ покоѣ Самозванца, то только до тѣхъ поръ, пока считалъ его полезнымъ для польскаго дѣла вообще. Кромѣ поддержки нѣкоторыхъ вельможъ, старый Мнишекъ успѣшно интриговалъ и на сеймѣ въ томъ же смыслѣ, т.-е. противъ послышки королевича въ Москву.

Прежде чѣмъ осуществить свои заманчивыя цѣли и обнять широкіе горизонты, Сигизмунду III пришлось считаться съ суровою дѣйствительностію, т.-е. съ своею жалкою королевскою властію и польскимъ беззарядьемъ: надобно было хлопотать о согласіи сейма на войну съ Москвою и объ изысканіи для нея средствъ. Впрочемъ сеймъ на этотъ разъ легко согласился съ тѣмъ, что не слѣдуетъ упускать удобнаго времени для нанесенія удара исконной соперницѣ

Польши, и тѣмъ болѣе, что король обязался не преслѣдовать никакихъ династическихъ цѣлей и не имѣть на первомъ планѣ московскую кандидатуру Владислава, а имѣть въ виду одну пользу Рѣчи Посполитой. Въ сенатѣ противъ войны возражали только три, четыре человѣка; а въ посольской избѣ совсѣмъ не возражали и молча согласились на такъ наз. *экссенту*, т.-е. на освобожденіе въ военное время отъ извѣстныхъ судебныхъ позвовъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ служить подъ королевскими знаменами. Эта привилегія обыкновенно заставляла записываться въ войско многихъ шляхтичей, угрожаемыхъ судебными процессами, особенно со стороны своихъ кредиторовъ. Затѣмъ начались сборы денегъ, военныхъ и сѣстныхъ припасовъ, вербовка и вооруженіе жолнеровъ и стягиваніе ихъ въ намѣченные пункты.

Любопытно, что о сихъ намѣреніяхъ и приготвленіяхъ польскаго правительства въ Москвѣ получались своевременныя и довольно вѣрныя свѣдѣнія, преимущественно изъ Смоленска. Сидѣвшіе здѣсь, воеводы Мих. Борис. Шейнъ, князь Петръ Ив. Горчаковъ и дьякъ Никонъ Алексѣевъ зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило по ту сторону рубежа, посредствомъ своихъ «лазучниковъ», которые ходили въ порубежные литовскіе города, добывали тамъ вѣсти отъ своихъ «сходниковъ» или мѣстныхъ обывателей, подкупленныхъ московскими деньгами и дорогими мѣхами. Но очевидно тутъ дѣйствовали не одинъ подкупъ, а часто иліяли симпатіи единовѣрія и единоплеменности. Не забудемъ, что за литовскимъ рубежомъ жило русское и православное населеніе, среди котораго можно было встрѣтить много людей, болѣе сочувствующихъ страданіямъ Московской Руси, чѣмъ польско-казацкимъ насиліямъ и неправдамъ. Шейнъ узнавалъ и передавалъ въ Москву не только о томъ, что дѣялось за рубежомъ, но и о томъ, что творилось въ Тушинскихъ таборахъ подъ Москвою. Не только западнорусскіе жолнеры, но также западнорусскіе купцы, побывавшіе въ этихъ таборахъ со своими товарами, возвращались на родину и рассказывали о всемъ тамъ видѣнномъ и слышанномъ. Между прочимъ въ мартѣ 1609 года воротившіеся жолнеры сообщали такую вѣсть о Тушинѣ: „Крути-голова Димитрій, что зовется царикомъ, хочеть оттуда идти прочь и стать на новомъ мѣстѣ, потому что весною смрадь и вонь задушать войско; а по просухѣ хочеть добывать Москву огнемъ“. Но воротившіеся торговцы говорили, что „воръ хочеть бѣжать, потому что боится Рожинскаго и казаковъ; такъ какъ ему нечѣмъ платить жалованье войску“. Въ то же время

вѣсти изъ-за рубежа сообщали, что столько-то пѣхоты и конницы собралось подъ Могилевомъ и Оршею, но что еще неизвѣстно, идутъ ли онѣ добывать Смоленскъ или двинутся мимо него на Москву; что казаки Запорожскіе въ числѣ 7000 собрались въ Каневѣ, Переяславѣ и Черкасахъ и просятъ у короля идти подъ Смоленскъ; что стараніями Сендомірскаго воеводы походъ королевича на Москву отмененъ; что изъ Орши купцы хотятъ ѣхать въ Смоленскъ, но ихъ не слѣдуетъ сюда впускать, потому что между ними много (польскихъ) лазучниковъ, которые намѣрены произвести здѣсь смуту, и пр. Одинъ изъ Западноруссовъ, сообщавшихъ подобныя вѣсти, пишетъ смоленскимъ воеводамъ: „пожалуйста пришлите мнѣ добраго самороднаго бобра, ибо за прежнее мое письмо къ вамъ меня *слово обошло* (стали обвинять), такъ надобно *въ очи закинуть* (или ротъ заткнуть)“. Въ маѣ того же года, судя по донесеніямъ лазучниковъ, Сигизмундъ приказалъ Мнишку смирно сидѣть дома и подъ страхомъ смертной казни не ходить въ Московское государство; въ то же время онъ вообще запретилъ литовскимъ людямъ ходить туда въ одиночку. Очевидно система безпорядочныхъ дѣйствій отдѣльными кучками прекращалась. Король собиралъ людей подъ свое личное начальство и готовилъ войну серьезную, наступательную.

Въ пограничномъ съ Смоленскою областю литовскомъ городѣ Велижѣ сидѣлъ старостою панъ Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, одинъ изъ бывшихъ въ Москвѣ польско-литовскихъ пословъ, задержанныхъ тамъ послѣ убіенія перваго Лжедмитрія. По возвращеніи въ отечество онъ, пылая мщеніемъ, явился въ числѣ самыхъ рьяныхъ подстрекателей короля къ войнѣ съ Москвою. Прежде чѣмъ выступилъ король, Гонсѣвскій уже открылъ непріязненныя дѣйствія, не стѣсняясь существовавшимъ перемиріемъ, въ заключеніи котораго онъ самъ участвовалъ. Предводимые его братомъ Симономъ и московскими измѣнниками Хрипуновыми, отряды вольницы, разоривъ пограничную лѣсную засѣку, вторглись въ сосѣднія смоленскія волости (Щучейскую и Порѣцкую), пограбили ихъ и побрали въ плѣнъ многихъ крестьянъ. Тщетно Шейнъ писалъ жалобы Гонсѣвскому на его людей и требовалъ удовлетворенія. Тотъ съ своей стороны объявилъ, будто эти волости на основаніи перемирнаго договора должны отойти къ Литвѣ.

Во время приготовленій къ королевскому походу возникъ вопросъ, куда именно направить его и съ какой области начать завоеванія, съ Смоленской или Сѣверской. Польный коронный гетманъ Жолкевскій совѣтовалъ идти въ Сѣверскую землю, овладѣніе которой не

представить большого труда, ибо крѣпости тамъ деревянныя; тогда какъ хорошо укрѣпленный Смоленскъ можетъ остановить движеніе короля, если не захочетъ сдаться добровольно. Но король склонился на сторону тѣхъ, которые совѣтовали идти на Смоленскъ. На этомъ пути особенно настаивали тотъ же панъ Гонсѣвскій и канцлеръ Левъ Сапѣга. Первый извѣщалъ короля, что лучшая часть смоленскаго гарнизона ушла съ княземъ Бярытинскимъ и Ададуровымъ къ Михаилу Скопину, и что Смольняне по всей вѣроятности сдадутся добровольно. Встрѣтивъ Сигизмунда въ Минскѣ, Жолкевскій напрасно спорилъ, и указывалъ на слишкомъ позднее время года для начатія осады, если Смоленскъ вздумаетъ сопротивляться. Сапѣга торопилъ походомъ; въ Оршѣ онъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, и съ собственными ротами пѣхоты и нѣсколькими сотнями конницы двинулся къ Смоленску; чѣмъ побудилъ другія части войска и самого короля идти вслѣдъ за собою.

16 сентября 1610 года (по сентябрьскому или русскому стилю того времени) Сигизмундъ III съ главными силами прибылъ подъ Смоленскъ, и началась знаменитая осада сего города.

Предпринимая столь несправедливую войну, король пытался однако оправдать свое вторженіе въ глазахъ европейскихъ дворовъ; а потому послалъ свои объясненія императору германскому Матвію и нѣкоторымъ другимъ государямъ. Тутъ онъ выставлялъ на видъ старыя права Литвы на Сѣверское и Смоленское княжества, увѣряя, будто Смоленскъ былъ захваченъ Москвою помощію обмана; говорилъ, что дѣйствуетъ во славу Божию, ради умноженія Католической церкви и для блага всего христіанства; указывалъ на московскія смуты, которыми могли воспользоваться враги христіанства Турки и Татары, а также и островитяне (Англичане), имѣвшіе возможность проникнуть сюда морскимъ путемъ. Отъ папы Сигизмундъ просилъ для своего препріятія особаго святого благословенія, которое и было ему прислано. При самомъ вступленіи своемъ въ предѣлы Московскаго государства, Сигизмундъ подписалъ универсалъ, обращенный къ жителямъ Смоленска. Тутъ онъ говоритъ о бѣдственномъ состояніи и междоусобіяхъ Московской земли, происшедшихъ отъ того, что послѣ Ѳедора Ивановича на престолѣ являлись люди не царскаго рода, захватившіе его насиліемъ и обманомъ; увѣрялъ, что многіе московскіе люди били ему челомъ о спасеніи своего государства и что онъ идетъ не для пролитія крови, а для обороны православной русской вѣры (!); почему и приглашалъ жителей встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью.

Полученный изъ Смоленска отвѣтъ долженъ былъ на первыхъ порахъ разочаровать Сигизмунда и его ближнихъ совѣтниковъ. Воеводы, поговоря съ архіепископомъ Сергіемъ, съ служилыми и посадскими людьми, отписали, что Смольняне положили обѣтъ въ соборномъ храмѣ Богородицы „за истинную православную христіанскую вѣру, за святые церкви и государя царя и великаго князя Василя Ивановича всея Руси всемъ помереть, а литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться“. Такимъ образомъ, вызванные обѣщаніями нѣкоторыхъ измѣнниковъ, расчеты на добровольное покореніе Смольнянъ не оправдались, и пришлось силою оружія добывать сей западный оплотъ Московскаго государства.

Въ это трудное, критическое время судьба послала Смольнянамъ мужественнаго воеводу въ лицѣ боярина Михаила Борисовича Шенна, который и явился героемъ упорной обороны, надолго задержавшей короля у смоленскихъ стѣнъ. Смоленскъ расположенъ на обоихъ холмистыхъ берегахъ Днѣпра: при чемъ самый городъ или крѣпость лежитъ на лѣвомъ берегу, а часть городскихъ посадовъ и слободъ на правомъ. Шеннъ уговорилъ жителей съечь свои беззащитные посады и слободы, а самимъ перебраться съ семьями въ крѣпость, и всемъ способнымъ къ бою стать въ ряды ея защитниковъ. Каменные стѣны крѣпости, построенныя Борисомъ Годуновымъ, отличались прочностію и основательностію. Онѣ обнимали болѣе пяти верстъ протяженія, и заключали въ себѣ до 38 круглыхъ и четвероугольныхъ башенъ, часть которыхъ была съ воротами. Стѣны имѣли три сажени толщины и до пяти сажень вышины; въ нихъ подѣланы амбразуры или бои въ три обычные яруса: подошвенный, средній и верхній. По стѣнамъ было размѣщено болѣе 300 пушекъ, тюфяковъ и разнообразныхъ пищалей; при нихъ въ достаточномъ количествѣ имѣлись порохи, желѣзные и каменные ядра. Продовольствіе заготовлено было также въ изобиліи. Только мало было опытныхъ ратныхъ людей для обороны такого обширнаго пространства; ибо отправка трехтысячнаго отряда на помощь Скопину Шуйскому весьма ослабила смоленскій гарнизонъ. Дѣятельный воевода сумѣлъ до извѣстной степени восполнить этотъ недостатокъ. Въ городѣ оставалось почти такое же количество ратныхъ людей, т.-е. дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, воротниковъ, затинщиковъ и пр. По требованію Шенна духовенство всѣхъ жителей вновь привело къ присягѣ крѣпко стоять и обороняться противъ враговъ до послѣдней крайности; а затѣмъ онъ на каждый отдѣлъ укрѣпленій назначилъ головами или начальниками по три, по четыре че-

ловѣка изъ боярскихъ дѣтей и лучшихъ посадскихъ людей; а черныя сотни и слобожанѣ велѣлъ расписать по нѣскольку десятковъ на каждый отдѣлъ стѣны въ помощь ратнымъ людямъ, да по нѣскольку человѣкъ при каждомъ орудіи въ помощь пушкарямъ и затинщикамъ. Другіе посадскіе и слобожане расписаны были по отдѣламъ для содержанія ночныхъ карауловъ въ крѣпости подъ вѣдѣніемъ двухъ земскихъ старостъ (Горбачова и Гапанова). Слѣдовательно каждый занялъ свое мѣсто и отправлялъ сторожевую и ратную службу. Такимъ образомъ набралось всѣхъ способныхъ къ бою, но большею частію плохо вооруженныхъ, тысячъ до семи-восьми; а все населеніе крѣпости со стариками, женами и дѣтьми можно считать отъ 30 до 40 тысячъ. Въ узкой полосѣ между крѣпостью и рѣкой расположилась еще толпа ближнихъ крестьянъ, ради пастбы своего скота; но потомъ эти люди и скотъ отчасти попали въ руки непріятелей. Большинство же окрестныхъ поселянъ бѣжало въ лѣса, гдѣ однако непріятельскіе фуражиры отыскивали ихъ и отнимали у нихъ скотъ.

Осаждавшее войско числомъ своимъ въ началѣ немного превышало осажденную рать, съ тою однако разницею, что оно состояло изъ опытныхъ хорошо вооруженныхъ конниковъ (гусаръ, пятигорцевъ, казаковъ) и нѣкотораго количества наемной нѣмецкой пѣхоты. Въ открытомъ полѣ защитники Смоленска не могли бы стоять противъ нихъ; но за укрѣпленіями они оказали чисто русскую стойкость и неодолимость. Всѣ подсылки, письменныя и словесныя, пытавшіяся при помощи разныхъ измѣнниковъ склонить Смольнянъ къ сдачѣ, остались тщетными какъ вслѣдствіе бодрости и предупредительныхъ мѣръ со стороны воеводы, такъ и вслѣдствіе одушевленія самихъ гражданъ. Религіозная ревность въ борьбѣ съ врагами православія, а также неистовства, производимыя тогда Поляками и казаками въ Русской землѣ, возбуждали въ жителяхъ воинственный пылъ; а страхъ видѣть отъ нихъ поруганіе своихъ женъ и дочерей въ особенности усиливалъ этотъ пылъ. При такомъ настроеніи Смольняне горячо молились о небесной помощи въ своихъ храмахъ Богу, Пречистой Богородицѣ и мѣстнымъ угодникамъ Меркурію, Авраамію и Ефрему. Живою и чувствительною связью съ Москвою и царемъ Шуйскимъ служили тогда ихъ братья и родственники, находившіеся въ войскахъ Скопина подъ начальствомъ князя Бярятинскаго и Аладурова: письменныя сношенія съ ними не мало поддерживали вѣрность Смольнянъ и ихъ усердіе къ оборонѣ. Но тщетно архіепископъ смоленскій Сергій и воеводы писали царю Василю о недостаткѣ ратныхъ людей и про-

силы помощи. Пока Тушинскій воръ стоялъ подѣ Москвой, царь не могъ послать войска, а только посылалъ увѣщательныя грамоты. Смоленянамъ пришлось ограничиться собственными средствами обороны, и тѣмъ болѣе, что крестьяне Смоленскаго уѣзда, обольщенные королевскими грамотами о вольности, не послушали воеводскаго приказу, въ осаду не пошли и даточныхъ людей не прислали. Мало того, крестьяне сосѣднихъ волостей, побуждаемые польскими и литовскими фуражирами, стали возить въ королевскій лагерь съѣстные припасы, такъ что во время осады непріятель не имѣлъ недостатка въ продовольствіи.

Королевское войско окружило городъ нѣсколькими отрядами. Главныя же его силы расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ надѣ Днѣпромъ. Начальствующія надѣ ними лица, а именно король, гетманъ Жолкевскій, канцлеръ Сапѣга, каштелянъ перемышльскій Стадницкій и др. помѣстились въ ближнихъ загородныхъ монастыряхъ, Троицкомъ, Спасскомъ, Борисоглѣбскомъ, Архангельскомъ и Духовскомъ. Впрочемъ Сапѣга, обезпокоенный выстрѣлами изъ крѣпости, скорѣ покинулъ Спасскій монастырь, и велѣлъ построить себѣ домъ подалѣе въ Днѣпровской долинѣ. Къ сѣверу отъ крѣпости за Днѣпромъ стоялъ лагерь воеводы брацлавскаго Яна Потоцкаго и его брата; а на пепелищѣ городского посада окопался съ своимъ отрядомъ литовскій маршалъ Дорогостайскій. Выше по Днѣпру, около Духовскаго монастыря, расположились особымъ таборомъ пришедшіе скорѣ Запорожцы. А одинъ изъ главныхъ виновниковъ похода на Смоленскъ, панъ Гонсѣвскій, съ отдѣльнымъ отрядомъ осадилъ ближайшую къ Смоленску крѣпость Бѣлую.

Осаждавшіе поставили пушки и принялись обстрѣливать стѣны; но по отсутствію мортиръ и орудій большого калibra (пока ихъ не подвезли изъ Риги) пальба эта мало вредила осажденнымъ, которые съ своей стороны живо отвѣчали изъ своихъ пушекъ и пищалей. Нѣмецкая пѣхота начала копать траншеи, чтобы приблизиться къ стѣнамъ. Недѣли черезъ двѣ, онѣ настолько приблизились, что король рѣшилъ сдѣлать ночной приступъ, съ помощью петардъ. Его повели на двое воротъ, Копытецкія и Аврамьевскія. Но эти ворота были защищены снаружи деревянными срубами; такъ что непріятелю пришлось прокрадываться узкими, тѣсными закоулками. Ему удалось прислонить къ воротамъ доски съ петардами („мѣдьяны болваны съ зельемъ“, по выраженію русскаго источника) и зажечь ихъ. Ворота были выбиты, и нѣсколько десятковъ воиновъ ворвались уже

въ крѣпость. Но они скоро были вытѣснены; ибо никто ихъ не подкрѣпилъ: за трескомъ метаръ и орудій, назначенный для приступа отрядъ не уловилъ момента; а помянутые срубы препятствовали ему видѣть, что за ними происходило; трубачи не подали условленнаго сигнала, и отрядъ отступилъ. Разрушенныя ворота Смоленяне немедля завалили пескомъ и камнями, а потомъ укрѣпили ихъ палисадами, и усилили при нихъ стражу. Также неудачны были попытки нечаяннаго приступа, произведенныя и въ слѣдующія ночи.

Эти первыя неудачи смущали осаждающихъ и ободряли осажденныхъ. Послѣ неудачныхъ приступовъ Поляки прибѣгли къ другому обычному средству: къ подкопамъ. Но и тутъ ихъ попытки оказались тщетны; ибо основанія Смоленскихъ стѣнъ были такъ искусно устроены, что имѣли подъ собой тайные ходы или слухи, благодаря которымъ каждый подкопъ своевременно былъ замѣченъ и уничтоженъ контрминою. Король и канцлеръ Сапѣга неоднократно возобновляли попытки ободрить осажденныхъ своими увѣщательными грамотами и обѣщаніями всякихъ милостей. Смоленяне оставались глухи къ симъ увѣщаніямъ. Поэтому волею, неволею пришлось вести правильную, долгую осаду и быть постоянно на сторожѣ; ибо осажденные дѣлали частыя вылазки, побуждаемые къ тому въ особенности нуждою въ дровахъ и водѣ; они обыкновенно по ночамъ производили эти вылазки, подъ прикрытіемъ которыхъ рубили деревья въ сосѣднихъ рощахъ и дѣлали запасы воды изъ Днѣпра. Хотя на помощь королю пришло до 30.000 Запорожцевъ, т. е. поднялся едва не весь Запорожскій кошъ; но они постоянно мѣнялись въ числѣ, такъ какъ не любили подчиняться военной дисциплинѣ, приходили и уходили, когда имъ вздумается, и болѣе занимались набѣгами на разныя московскія области, чѣмъ Смоленскою осадю. Видя недостаточность своихъ силъ, Сигизмундъ и его главные совѣтники рѣшили привлечь на королевскую службу тѣ польскія войска, которыя тогда стояли подъ Москвою и Троицею, т. е. Тушинцевъ и Сапѣжинцевъ, служившихъ Лжедмитрію II; для чего стали снаряжать особое посольство отъ короля подъ Москву (17).

Вступленіе короля въ Русскіе предѣлы произвело большой ропотъ среди польскихъ отрядовъ, состоявшихъ въ службѣ Самозванца: они поняли, что дѣлу Лжедмитрія приходитъ конецъ, а слѣдовательно и всѣ обѣщанныя имъ награды обращались въ мыльные пузыри. Рожинскій отнюдь не желалъ разстаться съ своимъ гетманствомъ и надеждами на великія приобрѣтенія; онъ собралъ на рыцарское коло

полковниковъ, ротмистровъ и товарищей (офицеровъ), и помощью сильной, запальчивой рѣчи склонилъ его новою присягою подкрѣпить свой союзъ или конфедерацію. Главныя условія сей конфедерации состояли въ томъ, чтобы не отступать отъ названнаго Димитрія, пока не посадятъ его на Московскій престолъ и пока не получаютъ сполна все обѣщанное имъ жалованье. Рожинскій самъ отправился подъ Троицу и предлагалъ Сапѣгѣ подписать заключенную конфедерацію; но Сапѣга уклонился, вѣроятно по своему соперничеству съ Рожинскимъ, а еще вѣроятнѣе по тайному согласію съ своимъ старшимъ родственникомъ, великимъ канцлеромъ Литовскимъ. Рожинскій отправилъ даже посольство отъ Тушинскаго табора къ Сигизмунду подъ Смоленскъ съ грамотою, въ которой излагались разныя дерзкія требованія; но онѣ встрѣтили рѣшительный отказъ. Въ то же время и Сапѣга прислалъ посольство отъ своихъ полковъ, по наружности съ подобными же требованіями; но секретно онъ сообщалъ о своей готовности подчиниться волѣ короля и давалъ ему нѣкоторые совѣты относительно начатой войны.

Рѣзкій отвѣтъ, полученный отъ Сигизмунда, смутилъ тушинскихъ Поляковъ, и между ними скоро возникли разногласія по сему поводу. Нѣкоторые агенты, подъ благовиднымъ предлогомъ прибывшіе изъ подъ Смоленска, своими внушеніями склонили многихъ на королевскую сторону. Къ тому же соперничество между предводителями усилилось и переходило въ явную вражду. Напримѣръ, Зборовскій, воротившійся послѣ своего пораженія подъ Тверью, такъ разсорился съ Рожинскимъ, что имѣлъ съ нимъ поединокъ, изъ котораго вышелъ цѣлъ только благодаря крѣпкому панцырю. При такихъ обстоятельствахъ въ декабрѣ 1610 (сентябрьскаго) года прибыло подъ Москву торжественное королевское посольство, имѣя во главѣ нѣсколько знатныхъ пановъ, каковы: Станиславъ Тышкевичъ, князь Збаражскій, Скуминъ, Домарацкій и Казановскій. Ихъ сопровождалъ довольно значительный военный отрядъ; но по недостатку продовольствія въ Тушинскомъ лагерѣ, большая часть его осталась въ Можайскѣ; а нѣсколько сотъ отборныхъ гусаръ прибыли съ послами. Сіи послѣдніе имѣли полномочіе вступить въ переговоры не только съ Поляками и Русскими, служившими Самозванцу, но также съ духовными и гражданскими чинами Москвы и съ самимъ царемъ Шуйскимъ, если онъ согласится на уступку областей. Только къ Лжедимитрію имъ не было дано никакихъ порученій; ибо король считалъ ниже своего достоинства вступать съ нимъ въ какія либо сношенія. Послы были встрѣчены въ

нѣкоторомъ разстояніи отъ Тушина Зборовскимъ со свитою, а близъ него самимъ Рожинскимъ, который, отзываясь нездоровьемъ, сидѣлъ въ саняхъ. Самозванецъ вмѣстѣ съ Мариной изъ окна своего жилища смотрѣлъ на этотъ торжественный вѣздъ. Послы остановились у Рожинскаго, который задалъ въ честь ихъ большой пиръ. Начались долгіе переговоры, для которыхъ выбраны были по два комиссара отъ каждаго польско-тушинскаго полка; пригласили также комиссаровъ и отъ Салѣжинцевъ. Сначала Тушинцы выставили требованіе, чтобы король, взявъ земли Смоленскую и Сѣверскую, самъ ушелъ назадъ, а войска свои прислалъ имъ на помощь для завоеванія всего Московскаго царства. Потомъ стали требовать, чтобы имъ было заплачено 2.000.000 злотыхъ; но по мѣрѣ посольскихъ увѣщаній все сбавляли свои требованія. Въ то же время велись переговоры съ русскими боярами, служившими Лжедмитрію, и съ духовенствомъ, во главѣ котораго стоялъ митрополитъ Филаретъ. Отъ имени короля имъ обѣщали сохраненіе и защиту Православной церкви. Но попытки пословъ вступитъ въ переговоры съ Шуйскимъ остались тщетными.

Во время сихъ переговоровъ Самозванецъ, видя, что на него не обращаютъ никакого вниманія, чувствовалъ свое жалкое положеніе. Онъ попытался спросить Рожинскаго, о чемъ идутъ рѣчи съ королевскими послами. Гетманъ, и безъ того обращавшійся съ нимъ дерзко и надменно, находился по обычаю въ нетрезвомъ состояніи; онъ обругалъ Самозванца безвѣстнымъ бродягой и еще худшими словами; сказалъ, что ему нѣтъ дѣла до пословъ, и грозилъ его убить. Тогда Богданка не сталъ болѣе медлить и ждать, пока рѣшатъ его участь. Ночью онъ тайкомъ, переодѣтый въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ выбрался изъ лагеря, вдвоемъ съ своимъ шутомъ Кошелевымъ, и затѣмъ въ сопровожденіи отряда московскихъ воровъ и казаковъ уѣхалъ въ хорошо укрѣпленную Калугу, жители которой приняли его и окружили почестями какъ будто настоящаго своего государя. Извѣстный князь Григорій Шаховской, находившійся съ казаками неподалеку отъ Царева Займища, по призыву Самозванца поспѣшилъ прибыть въ Калугу со своимъ отрядомъ.

Велика была тревога, которая произошла въ Тушинскомъ лагерѣ на слѣдующее утро, когда узнали, что Самозванецъ куда то пропалъ. Вмѣстѣ съ нимъ пропали всѣ надежды Поляковъ на обѣщанныя награды и на дальнѣйшее широкое приволье, которымъ они пользовались подъ его знаменемъ въ Московской землѣ. Вспыхнулъ бунтъ.

Многіе съ обнаженными саблями бросились къ Рожинскому и чуть не убили его, обвиняя въ пропажѣ Самозванца. Едва удалось ему съ помощью нѣкоторыхъ полковниковъ и королевскихъ пословъ утичить мятежъ. Другіе бунтовщики бросились грабить Самозванцевъ скрѣбъ и дѣлить между собою найденныя въ немъ золото, серебро, мѣха, столовую посуду и пр. Вскорѣ однако въ лагерь появились его агенты съ письмами: Лжедимитрій жаловался на главныхъ начальниковъ, особенно на Рожинскаго, требовалъ ихъ казни и по обыкновенію обѣщалъ богатыя награды тѣмъ Полякамъ, которые останутся вѣрны данной ему присягѣ и снова вступятъ въ его службу. Эти жалобы и обѣщанія произвели новыя волненія и распри въ лагерь, и, хотя распространеніе писемъ запрещено было подѣ страхомъ смертной казни, однако агенты Самозванца продолжали проникать въ лагерь и соблазнять Ляховъ лстивыми словами. Притомъ Марина также не оставалась въ бездѣйствіи и лично старалась подѣйствовать на многихъ Поляковъ, умолая ихъ не измѣнять ея названному супругу. Она продолжала держать тонъ московской царицы и съ негодованіемъ отвергла предложеніе королевскихъ пословъ воротиться въ Польшу и пользоваться тамъ доходами, которые король обѣщалъ ей пожаловать. Въ такомъ же тонѣ писала она королю подѣ Смоленскъ; при чемъ настаивала на своихъ мнимыхъ царственныхъ правахъ, и вообще рѣшительно отказывалась воротиться въ свое прежнее состояніе дочери Сендомірскаго воеводы. По сему поводу она отвѣчала своему родственнику пану Стадницкому, одному изъ королевскихъ пословъ: „Ваша милость должна помнить, что кого Богъ разѣ осіялъ блескомъ царственнаго величія, тотъ не потеряетъ этого блеска, какъ солнце не теряетъ его отъ случайно заслонившаго его облака“. Пока Поляки вели переговоры съ посланн и колебались между службою своему королю или Самозванцу, казаки нисколько не были расположены переходить на службу чуждаго имъ государя и начали понемногу уходить изъ Тушина въ Калугу. Среди московскихъ бояръ, дворянъ, дьяковъ и другихъ служилыхъ людей, находившихся въ Тушинѣ, послѣ бѣгства Лжедимитрія обнаружилось разногласіе: одна часть ихъ стала также уходить въ Калугу, а другая рѣшила не разрывать союза съ Поляками и заодно съ ними вступила въ переговоры съ королевскими комиссарами.

Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было отправленіе соединеннаго русско-польскаго посольства изъ Тушина подѣ Смоленскъ къ Сигизмунду III. Тушинскихъ Поляковъ отправилось нѣсколько человекъ

съ паномъ Хрущинскимъ во главѣ; кромѣ нихъ поѣхалъ Стравинскій отъ Сапѣжинцевъ. А отъ Русскихъ послано были 42 человекъ; во главѣ ихъ стояли: бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князя Василій Рубецъ-Масальскій, Ѳеодоръ Мещерскій и Юрій Хворостининъ, дьякъ Иванъ Грамотинъ, дворяне Михайло Молчановъ, Тимофей Грязной, московскій купецъ Ѳеодоръ Андроновъ и др. Посольство сіе прибыло подъ Смоленскъ во второй половинѣ января 1610 года, и было торжественно встрѣчено при вѣздѣ въ королевскій лагерь. Русскіе измѣнники, по замѣчанію Поляка-очевидца, были богато одѣты и сидѣли на хорошихъ татарскихъ лошадяхъ. Спустя три дня, они были приняты королемъ въ присутствіи сенаторовъ и военныхъ начальниковъ. Первымъ выступилъ Михайло Салтыковъ. Онъ поцѣловалъ у короля руку, поздравилъ его съ прибытіемъ въ Московскую землю, благодарилъ за обѣщанныя милости и выразилъ желаніе Русскаго народа поддаться подъ его охрану. По русскимъ дипломатическимъ обычаямъ того времени, старый Салтыковъ вдругъ остановился, и предоставилъ продолжать рѣчь своему сыну Ивану. Сей послѣдній ударилъ челомъ королю отъ имени патріарха Филарета и всего духовенства съ благодарностію за его намѣреніе водворить миръ и тишину въ Русской землѣ; послѣ чего вкратцѣ перечислилъ русскихъ государей до Ѳеодора Ивановича вклучительно, сказалъ и о незаконныхъ похитителяхъ престола. За нимъ говорилъ князь Масальскій, а потомъ дьякъ Грамотинъ. Послѣдній высказалъ самую суть дѣла: отъ имени духовенства, бояръ, дворянъ и всѣхъ московскихъ людей онъ билъ челомъ королю, чтобы далъ имъ на царство королевича Владислава и сохранилъ бы неприкосновенными ихъ древнюю греческую вѣру. Тутъ снова заговорилъ старый Салтыковъ и съ плачемъ повторилъ просьбу о сохраненіи въ цѣлости обрядовъ Православной церкви; затѣмъ просилъ назначить сенаторовъ для переговоровъ съ послами. На эти рѣчи отъ имени короля далъ милостивый отвѣтъ московскимъ людямъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, съ обѣщаніемъ ни въ чемъ не нарушать ихъ совѣсти и вѣры.

Полчаса спустя, справляли посольство польскіе делегаты. Они изъявили преданность королю и желаніе служить ему вмѣсто чуждаго имъ Лжедимитрія; но при этомъ подали довольно длинный списокъ своихъ требованій, болѣе или менѣе трудно выполнимыхъ, каковы: по овладѣніи Москвой исполненіе всего обѣщаннаго имъ Лжедимитріемъ, а до того времени уплата жалованья по крайней мѣрѣ за три четверти, отдача Маринѣ обѣщанныхъ ей областей, а

самоу Іжедимитрію удѣльнаго Русскаго княжества, и т. п. Имъ отвѣчалъ именемъ короля коронный подканцлеръ Крыскій съ обща-ніемъ разсмотрѣть ихъ требованія.

Послѣ того открылись переговоры московскихъ пословъ съ польско-литовскими сенаторами, подъ руководствомъ подканцлера Крыскаго. Предметомъ сихъ переговоровъ служили условія, на которыхъ Москвичи предлагали свой престолъ королевичу Владиславу. Поляки старались быть любезными и дѣлали видъ, что вполне согласны отпустить въ Москву Владислава; но главное затрудненіе состояло въ требованіи Русскихъ, чтобы онъ принялъ православіе. Послѣ двухъ недѣльныхъ переговоровъ наконецъ пришли къ соглашенію и отъ имени короля составили договоръ, заключавшій въ себѣ 18 пунктовъ. Въ семъ договорѣ вопросъ о принятіи Владиславомъ православія совсѣмъ обойдентъ, а давалось только согласіе, чтобы онъ былъ коронованъ въ Москвѣ русскимъ патріархомъ. Греческая вѣра должна остаться „ни въ чомъ ненарушимою“. Всякій католикъ можетъ входить въ православный храмъ, но смиренно, а не въ шапкахъ и не съ собаками (какъ дѣлали тогда Ляхи на Руси), и во время службы не сидѣть. Для людей римской вѣры надобно выстроить въ Москвѣ хотя одинъ костелъ; русскіе люди также „съ учтивостію“ могутъ входить въ костелъ; но ни король, ни сынъ его не будутъ никого принуждать къ переходу изъ греческой вѣры въ римскую. Далѣе подтверждались имѣнія и права какъ церковей и духовенства, такъ бояръ и всѣхъ служилыхъ людей. Судъ общающъ по старинѣ на основаніи Судебника. Провинившагося судить господарь съ боярами и думными людьми; при чемъ невинные родственники не отвѣчаютъ за его вину и остаются при своихъ имуществвахъ; безъ боярскаго суда никого не карать, чести, помѣстій и вотчинъ не отнимать; людей вельможныхъ безъ вины не понижать, а меньшихъ безъ заслугъ не возвышать. Въ этихъ условіяхъ ясно проглядываетъ новал (послѣ возведенія Шуйскаго) попытка московскихъ чиновъ оградить себя на будущее время отъ повторенія жестокой тиранніи Грознаго, т. е. попытка къ ограниченію самодержавія Боярскою Думою. Права служилаго сословія подтверждаются также запрещеніемъ крестьянскихъ переходовъ и общаніемъ не давать вольности холопамъ. Въ другихъ условіяхъ со стороны Москвичей видно опасеніе нѣкоторыхъ явленій, отъ которыхъ страдала Русь Западная, а именно: при полной свободѣ московскимъ купцамъ ѣздить въ Польшу и Литву, а польскимъ и литовскимъ въ Москву, жидамъ воспрещается вѣздъ въ Московское государство

подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Польскимъ и литовскимъ панамъ не дозволялось давать воеводства и другіе уряды по городамъ; но помѣстьями и вотчинами награждать можно.

Король дѣлалъ видъ, что согласенъ на всѣ эти условія, и по окончаніи переговоровъ далъ русскимъ посламъ пиръ въ своей ставкѣ; при чемъ пилъ за ихъ здоровье. Но по всѣмъ признакамъ объ исполненіи договора онъ думалъ менѣе всего; на что указываетъ между прочимъ и та присяга, къ которой приведено было русское посольство: оно клялось впредь до воцаренія Владислава повиноваться его отцу Сигизмунду, какъ своему господарю. Но тщетно Сигизмундъ хотѣлъ не медля воспользоваться сею присягою и, при посредствѣ тушинскихъ пословъ, потребовалъ отъ Шеина сдачи Смоленска. Напрасно Салтыковъ съ товарищами склонялъ его къ этой сдачѣ, ссылаясь на новый договоръ. Шеинъ отказалъ наотрѣзъ.

Гораздо болѣе затрудненій встрѣтилось при переговорахъ съ делегатами тушинскихъ Поляковъ. Не получая удовлетворительнаго отвѣта на свои требованія, они обратились съ упреками и съ угрозою мести къ своимъ русскимъ товарищамъ, которые въ началѣ обязались не отдѣлять своихъ интересовъ. Русское посольство принуждено было ходатайствовать за Поляковъ. Наконецъ и съ ними покончили, представивъ на ихъ требованія обширный, но мало содержательный королевскій отвѣтъ. Имъ обѣщано богатое вознагражденіе, но въ будущемъ, когда уладятся московскія дѣла; а въ случаѣ какого затрудненія предоставлено требовать уплаты своего жалованья съ княжествъ Сѣверскаго и Рязанскаго. Касательно Марины король также оставлялъ за ней ея права; но о нихъ де будетъ рѣчь въ свое время. Онъ даже обѣщалъ принять во вниманіе интересы и положеніе Самозванца, если сей послѣдній „будетъ держать себя смирно и не портить дѣла его королевскаго величества“. Для окончательнаго соглашенія съ тушинскими Поляками и для поддержанія ихъ король обѣщалъ отправить съ отрядомъ Яна Потоцкаго, воеводу Брацлавскаго, съ которымъ обѣщалъ также прислать значительную сумму денегъ для уплаты войску. Въ то время, какъ делегаты Рожинскаго и тушинскихъ Поляковъ вели себя довольно дерзко и предъявляли высокомѣрныя требованія, уполномоченный Яна Сапѣги наоборотъ дѣйствовалъ мягко и отъ имени своего начальника хлопоталъ главнымъ образомъ о возможно скорѣйшемъ прибытіи поддержаній; такъ какъ Сапѣжинцы были сильно тѣсными Скопиннымъ, а Рожинскій имъ не помогалъ.

Межь тѣмъ въ Тушинскомъ лагерѣ продолжались распри и волненія, которыя поддерживали прїѣзжавшіе изъ Калуги агенты Самозванца, совмѣстно съ Мариной. Сія послѣдняя, по словамъ польскихъ писателей, прибѣгала даже къ пріемамъ отчаяннаго кокетства, чтобы подѣйствовать на польскія и казацкія сердца. Такъ она являлась среди воиновъ блѣдная съ распущенными волосами и со слезами на глазахъ умоляла ихъ не оставлять ея мужа. Поляки умилялись и волновались; однако оставались пока на мѣстѣ, въ ожиданіи отвѣта отъ своего посольства къ королю. Но Донскіе казаки, ничѣмъ не связанные съ королевемъ, легче поддались просьбамъ лжецарицы. До 3000 ихъ выступили изъ лагеря съ распущенными знаменами по дорогѣ въ Калугу. Тщетно главный атаманъ ихъ Заруцкій пытался удержать Донцовъ; видя ихъ неповиновеніе, онъ бросился съ жалобою къ Рожинскому. Послѣдній, съ свойственною ему вспыльчивостію, взявъ нѣсколько гусарскихъ полковъ, догналъ казаковъ, значительную ихъ часть положилъ на мѣстѣ и многихъ воротилъ назадъ. Въ Калугу къ Самозванцу пришло изъ нихъ не болѣе 500 человекъ. Послѣ такой рѣзни Марина сочла для себя невозможнымъ оставаться долѣе въ Тушинѣ, и въ половинѣ февраля бѣжала верхомъ на конѣ, переодевая въ гусарское платье, въ сопровожденіи одного слуги и одной служанки. Въ лагерѣ она оставила польскому рыцарству письмо, въ которомъ объясняла побѣгъ невозможностію выносить долѣе свое трудное и небезопасное положеніе; говорила, что, разсѣлавшись московскою царицей, она не можетъ вернуться въ состояніе шляхтянки и подданной польскаго короля; а въ заключеніе напоминала рыцарству присягу ея мужу и будущія награды. На слѣдующій день исчезновеніе Марины и ея письмо произвели въ Тушинскомъ лагерѣ новую бурю, подобную той, которая произошла послѣ бѣгства Самозванца. Многіе съ обнаженными палашами бросились къ Рожинскому; кричали, что онъ не гетманъ ихъ, а измѣнникъ, продавшій себя королю; требовали возвращенія царика и т. п. Раздались даже выстрѣлы. При всей своей гордости и отвагѣ, Рожинскій принужденъ былъ на нѣкоторое время спрятаться, пока разъяренные шляхтичи мало по малу пришли въ себя, и бунтъ затихъ.

Избѣгая встрѣчи съ отрядами Шуйскаго, Марина направилась не прямо въ Калугу, а сначала въ Дмитровъ къ своему благопріятелю Яну Сапѣгѣ. Тутъ, съ его дозволенія, она въ своемъ гусарскомъ костюмѣ являлась передъ польскимъ рыцарствомъ, и точно также старалась подѣйствовать на него пламенною рѣчью и жен-

скими слезами. Нѣкоторые товарищи увлеклись ея рѣчами, и проводили ее до Іосифова монастыря, откуда она отправилась въ Калугу. Сапѣга далъ ей конвой изъ 50 казаковъ и всѣхъ находившихся въ его войскѣ наемныхъ Нѣмцевъ. Часть дороги провожалъ ее родной братъ, староста Саноцкій, который затѣмъ поѣхалъ къ королю подъ Смоленскъ. Въ Калугу Марина явилась верхомъ, одѣтая въ красномъ бархатномъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, съ саблею и пистолетами за поясомъ. Ея прїѣздъ обрадовалъ Самозванца и произвелъ впечатлѣніе на жителей. Окруженная женскимъ штатомъ, составленнымъ преимущественно изъ Нѣмокъ, Марина придава нѣкоторый блескъ Калужскому двору Лжедмитрія II. Вообще дѣла его стали поправляться, и онъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе свободнымъ и самостоятельнымъ, чѣмъ въ Тушинскомъ лагерѣ, подъ надзоромъ надменнаго князя Рожинскаго.

По отѣздѣ Марины Сапѣга недолго оставался въ Дмитровѣ. Михаилъ Скопинъ продолжалъ тѣснить его и отнимать сообщенія. Передовой отрядъ Скопина, предводимый княземъ Ив. Сем. Куракинымъ, явился подъ самымъ Дмитровымъ. Сапѣга попытался дать ему битву. Былъ конецъ февраля; въ полѣ лежали еще глубокіе снѣга, въ которыхъ вязла тяжелая польская конница; тогда какъ Русскіе и Шведы проворно бѣжали на длинныхъ деревянныхъ лыжахъ. Сапѣжинцы были разбиты и принуждены спасаться въ городъ. Обѣщанная королемъ помощь не приходила, а отъ Рожинскаго тоже не было помощи; поэтому въ началѣ марта 1610 года Сапѣга зажегъ Дмитровъ и ушелъ къ Волоку Ламскому, откуда вскорѣ перевелъ свое войско на берега Угры; а самъ на короткое время отправился къ королю подъ Смоленскъ. Войско его вошло въ переговоры съ Калужскимъ самозванцемъ, который не скупился на всевозможныя общанія. Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было то, что большая часть Сапѣжинцевъ, съ самимъ Сапѣгою во главѣ, снова поступила на службу царика, съ условіемъ однако, чтобы онъ ничего не предпринималъ противъ короля. Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ находилъ для себя пока выгоднымъ существованіе Лжедмитрія, который отвлекалъ часть московскихъ силъ; къ тому же съ его уничтоженіемъ тѣ города, которые признавали его, могли бы воротиться на сторону Шуйскаго. Янъ Сапѣга, по всѣмъ признакамъ, дѣйствовалъ съ согласія короля и своего родственника канцлера.

Послѣ отступленія Сапѣги, Тушинскій таборъ очутился въ опасномъ положеніи между столицею и Скопинымъ, который теперь могъ обра-

тить на него всѣ свои силы. Тогда Рожинскій въ свою очередь зажегъ собственный таборъ, и двинулся на западъ, уводя съ собою большинство русскихъ Тушинцевъ. Онъ остановился въ Волоколамскомъ краю, и занялъ каменный монастырь Іосифа Волоцкаго, откуда его войско снова вошло въ переговоры съ королемъ объ условіяхъ, на которыхъ оно хотѣло вступить въ коронную службу. Посреди этихъ переговоровъ князь Романъ Рожинскій, еще не достигшій сорокалѣтняго возраста, но уже надломленный физически и нравственно, разболѣлся и умеръ, въ концѣ марта. Въ войскѣ его произошли сильныя разногласія: одна часть, съ Александромъ Зборовскимъ во главѣ, поступила на королевскую службу; а другая, бѣльшая, часть соблазнилась обѣщаніями Самозванца. Тысячи двѣ Поляковъ и казачій отрядъ, остававшіеся въ Іосифовѣ монастырѣ, были осаждены московско-шведскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Григорія Валуева и Делавила, которые поставили кругомъ свои острожки. Поляки и казаки попытались скрытно уйти изъ монастыря; но дорогою были настигнуты Валуевымъ и разбиты на голову. Въ этой битвѣ былъ отполоненъ у Поляковъ митрополитъ Филаретъ съ нѣкоторыми другими знатными людьми. Это удачное дѣло происходило въ мѣсь, уже послѣ смерти Скопина.

Когда разошелся Тушинскій таборъ и осада Москвы прекратилась, населеніе ея наконецъ могло вздохнуть свободно. Со всѣхъ сторонъ начались подвозы съѣстныхъ припасовъ, и цѣна хлѣба, еще недавно доходившая до 5—7 рублей за четверть, понизилась вчетверо или впятеро. По приглашенію царя, самъ освободитель столицы князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ пріѣхалъ изъ Троицкой Лавры и 12 марта имѣлъ торжественный въѣздъ, вмѣстѣ съ своимъ шведскимъ товарищемъ Делагарди. У городскихъ воротъ ждали его бояре, посланные отъ царя съ хлѣбомъ-солью. А народъ встрѣтилъ его за городомъ на Троицкой дорогѣ, привѣтствовалъ шумными кликами, падалъ ницъ и билъ челомъ за избавленіе отъ враговъ. Василій Ивановичъ со слезами обнялъ племянника, благодарилъ его и честилъ дарами. Онъ также ласкалъ шведскихъ военачальниковъ и осыпалъ ихъ подарками. Москвичи наперерывъ приглашали и угощали ихъ. Бояре одинъ передъ другимъ давали пиры въ честь воеводы и его сподвижниковъ. Посреди этихъ пировъ юноша Скопинъ не прекращалъ своихъ военныхъ заботъ. Много было сдѣлано для очищенія и успокоенія государства: но впереди предстояло едва ли не болѣе.

Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ, Калужскій воръ все усиливался, Лисовскій еще держался въ Суздалѣ. Хотя многіе города перешли теперь на сторону Шуйскаго; но не мало ихъ оставалось и въ рукахъ непріятелей. Гонимскій взялъ крѣпость Бѣлую; Запорожцы овладѣли Стародубомъ и Почепомъ; Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Рославль также покорились Сигизмунду или точнѣе королевичу Владиславу, котораго считали будущимъ царемъ Московскимъ. Были однако примѣры измѣны и со стороны непріятелей. Такъ начальствовавшій въ Можайскѣ тушинскій Полякъ Вильчекъ сдалъ этотъ городъ Шуйскому за 100 рублей. Скопинъ совѣщался съ боярами насчетъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, и готовился по прошествіи покой воды выступить въ новый походъ. Делагарди торопилъ его; въ качествѣ посторонняго человѣка онъ легче могъ наблюдать высшее московское общество и замѣтить, какъ зависть и придворныя интриги скопляли черныя тучи надъ головой его русскаго друга, отъ котораго и не скрывалъ своихъ опасеній. Мать Скопина Елена Петровна тоже беспокоилась за сына. Говорятъ, когда онъ былъ еще въ Александровской Слободѣ, она наказывала ему, чтобы не ѣздилъ въ Москву, гдѣ его ждутъ „звѣри лютые, пышущіе ядомъ змѣинымъ“.

Слава, урѣнчавшая чело юнаго героя, и обаяніе его личности естественно усилили въ народѣ толки о томъ, что къ нему долженъ перейти Московскій престолъ послѣ Василя. Сей послѣдній, не имѣя дѣтей мужеского пола, могъ довольно равнодушно относиться къ вопросу о своемъ преемникѣ, только бы престолъ былъ обезпеченъ ему самому до конца жизни, а потомъ не выходилъ бы изъ его рода. Но къ сему вопросу неравнодушны были его родные братья, Дмитрій и Иванъ, въ особенности первый, который считалъ себя ближайшимъ наслѣдникомъ Василя, и потому очень недружелюбно смотрѣлъ на троюроднаго племянника, уже отнявшаго у него званіе перваго воеводы, а теперь угрожавшаго отнять и право престолонаслѣдія. Говорятъ, стоя на городской стѣнѣ при торжественномъ въѣздѣ Михаила въ столицу, онъ не утерпѣлъ и сказалъ: „вотъ идетъ мой соперникъ!“ Зависть Дмитрія особенно поджигала его жена Екатерина Григорьевна, дочь памятнаго злодѣйствами Малюты Скуратова и сестра бывшей царицы Марья Григорьевны Годуновой, очевидно походившая на нее и характеромъ, и властолюбіемъ. Этотъ Дмитрій началъ внушать брату Василю опасенія насчетъ племянника, будто бы замышлявшаго свергнуть его съ престола и сѣсть на его мѣсто; при чемъ напоминалъ о предложеніи Ляпунова, посланцевъ котораго Скопинъ

отпустилъ безнаказанно и не донесъ о томъ царю. Василій, какъ разсказываютъ, имѣлъ по сему поводу объясненіе съ племянникомъ, и послѣднему горячими словами и клятвами удалось разсвѣять подозрѣнія дяди. Но злой духъ въ образѣ брата продолжалъ свои навіѣты, такъ что, по извѣстію иноземца, разсерженный царь однажды палкою прогналъ отъ себя навіѣтника. Димитрій однако не унимался, и пользовался всякимъ случаемъ перетолковывать поступки Михаила. Между прочимъ обвинялъ его въ томъ, что онъ самовольно, безъ царскаго согласія, уступилъ Шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ. Напоминалъ также о предсказаніи какихъ то гадателей, что на Московскій престолъ сядетъ Михайлъ, который успокоитъ государство. Указывалъ и на то, что современные грамотеи сравнивали пріемъ, оказанный Москвитянами Михаилу, съ Давидомъ, котораго Израильтяне послѣ побѣды надъ Голіафомъ восхваляли болѣе чѣмъ Саула. Василій дѣлалъ видъ, что не вѣритъ навіѣтамъ брата; однако его мнительность и подозрительность были возбуждены. За Димитріемъ Шуйскимъ очевидно стояла цѣлая партія завистниковъ и недоброжелателей юнаго Скопина, особенно изъ числа тѣхъ знатныхъ бояръ, которые самихъ себя считали достойными занять престолъ и желали устранить отъ него Шуйскихъ.

Какъ бы то ни было, бѣдствіе, котораго такъ опасались близкіе и преданные Скопину люди, совершилось.

23 апрѣля происходилъ пиръ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, по случаю крестинъ его новорожденного сына Алексѣя. Крестнымъ отцомъ былъ Михайлъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій; а крестною матерью Екатерина Григорьевна Шуйская. Послѣ стола Екатерина подноситъ чару съ виномъ своему юному куму и бьетъ ему челомъ на здоровье ихъ крестника. Михайлъ Васильевичъ, ничего не подозрѣвая, осушилъ чару до дна. Спустя нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ себя дурно, такъ что слуги взяли его подъ руки и отвезли домой. У него открылось сильное кровотеченіе изъ носу; а отъ лютой боли въ животѣ онъ метался и громко стоналъ. Яковъ Делагарди, услыжавъ о его болѣзни, прислалъ ему своихъ нѣмецкихъ врачей; царь прислалъ своихъ придворныхъ медиковъ. Но никакія средства не помогли. Около двухъ недѣль промучился Михайлъ Васильевичъ, и затѣмъ скончался. Чернь, уже возбужденная толками о болѣзни своего любимца и объ отравѣ, услыжавъ о его кончинѣ, съ воплями и угрозами бросилась къ дому Димитрія Шуйскаго, и только ратные люди, заранѣе отряженные царемъ, защитили его отъ народной ярости.

Вопль и плачь раздавались вокруг почившаго героя: не говоря уже о его матери и супругѣ, обезумѣвшихъ отъ горя, Московскій народъ, отъ царя, патріарха и вельможъ до нищихъ и убогихъ, толпился на его дворѣ въ слезахъ и рыданіяхъ. Особенно неутѣшны были его ратные сподвижники, и въ ихъ числѣ графъ Яковъ Делагарди. Повѣствователь его житія говоритъ, что искали на торгу дубовую колоду въ мѣру покойника, и не нашли; такъ онъ былъ великъ ростомъ; пришлось пристрогать на концахъ, чтобы умѣстить его тѣло. Сначала хотѣли гробъ его положить въ Чудовъ монастырь, чтобы потомъ отвезти въ родной Суздаль и похоронить рядомъ съ предками, когда сей городъ очистится отъ воровъ и Лисовскаго. Но толпа народная, узнавъ о томъ, потребовала, чтобы его положили въ Архангельскомъ соборѣ рядомъ съ гробами царскими и великокняжескими. Царь соизволилъ на это требованіе. На слѣдующій день по кончинѣ совершилось погребеніе съ царскими почестями; гробъ несли вельможи и соратники; самъ патріархъ Гермогенъ съ духовенствомъ отпѣвалъ усопшаго воеводу въ Архангельскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи народа. Его похоронили въ придѣлѣ Ивана Крестителя. Царь Василій не менѣе другихъ вопилъ и плакалъ. Но признавалъ ли онъ все значеніе своей потери; понималъ ли, что вмѣстѣ съ Михаиломъ порывалось звено, связывавшее его съ народомъ, и что онъ хоронилъ свою династію? Во всякомъ случаѣ эту смерть онъ оставилъ безнаказанной, и осиротѣвшее главное воеводство передалъ не кому другому, а все тому же ничтожному брату своему Димитрію.

Внезапная кончина Михаила Скопина заставляетъ историка невольно задуматься надъ неисповѣдимыми путями Промысла, которыми онъ направляетъ судьбы царствъ и народовъ. Она вызываетъ мысль о томъ, что, совершившихся смуть было какъ бы недостаточно, и нужно было Россіи до дна испить чашу бѣдствій, чтобы очиститься и возродиться къ новой государственной жизни. Другой династіи суждено было залѣчить ея раны и вести ее въ дальнѣйшій путь.

Свѣтлый образъ царственного юноши поразилъ воображеніе современниковъ и оставилъ свой слѣдъ въ народной памяти; о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые сложенные о немъ пѣсни, проникнутыя грустію. А русскіе книжники, знакомые со сказаніями о Троянской войнѣ, сравнивали его съ Ахилломъ и Гекторомъ ⁽¹⁸⁾.

V.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНІЕ.

Встрѣчное движеніе Дмитрія Шуйскаго и Жолкевскаго. — Клушинская битва. — Измѣна иноземцевъ. — Сдача воеводъ у Царева Займища. — Калужскій воръ снова подъ Москвой. — Сверженіе Шуйскаго съ престола. — Временное боярское правительство. — Жолкевскій подъ Москвой. — Присяга Владиславу. — Отступленіе вора. — Снаряженіе великаго посольства. — Условія Владиславова избранія. — Польскій гарнизонъ въ столицѣ. — Переговоры подъ Смоленскомъ. — Боярскія челобитныя Лѣву Сапѣгѣ. — Смерть Калужскаго вора и ея слѣдствія. — Призывныя грамоты Гермогена и его неволя. — Взаимныя пересылки городовъ. — Земское ополченіе. — Сожженіе Москвы Поляками. — Ея осада ополченіемъ. — Новое появленіе Яна Сапѣги. — Паденіе Смоленска. — Кандидатура шведскаго принца и захватъ Новгорода Шведами. — Лжедмитрій Третій. — Ляпуновъ и Заруцкій. — Гибель Ляпунова. — Шиши. — Лихолѣтье.

Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ выше сказано, по смерти Скопина главнымъ воеводою назначилъ брата своего Дмитрія, нелюбимаго народомъ и войскомъ, презираемаго графомъ Делагарди и другими предводителями наемныхъ иноземцевъ. Впрочемъ въ положеніи Василія затруднительно было найти надежнаго воеводу помимо своихъ родственниковъ: Мстиславскій и Голицыны, по мѣстническимъ отношеніямъ имѣвшіе ближайшее право на главное воеводство, во-первыхъ, не отличались военными талантами, а во-вторыхъ сами являлись въ числѣ претендентовъ на Московскій престолъ. Довѣриться кому-либо изъ менѣе знатныхъ, но болѣе искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, также могло представляться дѣломъ сомнительнымъ: измѣна Басманова Годуновымъ была еще въ свѣжей памяти.

Главную свою надежду Василій возлагалъ теперь на Делагарди и его наемниковъ, которыхъ онъ старался задобрить уплатою жалованья, подарками и всякими обѣщаніями. Для удовлетворенія ихъ онъ истощалъ свою послѣднюю казну. Ради нихъ же вскорѣ послѣ освобожденія Троицкой Лавры отъ осады онъ послалъ туда дьяка Семенка Самсонова за денежною помощію. Тщетно архимандритъ

Іоасафъ съ братіей, при посредствѣ пребывавшаго въ Москвѣ келаря Палицына, представили свою челобитную, въ которой исчисляли, сколько тысячъ рублей монастырь выдать Годунову, первому Лжедмитрію и самому Василю (всего 65,000), и говорили, что имъ едва хватить средствъ исправить разбитыя стѣны, башни и монастырскія зданія, поврежденныя непріателемъ. Не взирая ни на что, дьякъ, по приказу государеву, взялъ изъ монастырской казны остальные деньги, отобралъ золотые и серебряные сосуды, жертвованные прежними царями и боярами; мало того, перетряхнулъ все имущество иноковъ и монастырскихъ сидѣльцевъ (мірянъ, бывшихъ въ осадахъ), и взялъ все что можно. Разумѣется, такой поступокъ сильно охладилъ усердіе къ Шуйскимъ со стороны знаменитой Лавры.

Военныя дѣйствія межъ тѣмъ продолжались безостановочно. Валуевъ, поразивъ часть тушинскихъ Поляковъ подъ Іосифовымъ монастыремъ, двинулся за ними и дошелъ до Царева Займища. Другой царскій воевода князь Барятинскій, соединясь съ Эвертъ Горномъ, осадилъ крѣпость Бѣлую, въ которой заперся Александръ Гонсѣвскій. Димитрій Шуйскій выступилъ изъ Москвы и остановился въ Можайскѣ, который былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, куда съ разныхъ сторонъ спѣшили ратные люди. Туда же долженъ былъ придти и Делагарди съ своими наемниками.

Всѣ эти обстоятельства, а также совѣты Салтыкова и другихъ русскихъ измѣнниковъ побудили короля послать наконецъ помощь остаткамъ польско-тушинскаго войска, пока они не разсѣялись совершенно, и тѣмъ устранить прибытіе русско-шведской рати подъ Смоленскъ. Начальство въ этомъ походѣ предназначалось Яну Потоцкому, воеводѣ Брацлавскому. Но онъ, соперничая съ польнымъ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, желалъ его удалить, чтобы безраздѣльно пользоваться своимъ вліяніемъ на короля и стяжать себѣ славу завоеваніемъ Смоленска; притомъ тушинскіе Поляки обнаружили столько требовательности и своеволія, что вести съ ними общее дѣло представлялось крайне неудобнымъ. Потоцкій подъ разными предлогами уклонился отъ похода. Тогда король поручилъ этотъ походъ гетману. Хотя обычай и приличіе требовали, чтобы гетманъ находился при королевскомъ обозѣ, однако Жолкевскій, понимая всю важность новаго предпріятія и не вѣря въ скорое взятіе Смоленска, охотно принялъ порученіе. Онъ взялъ съ собой только 1000 человекъ пѣхоты и 2000 конницы. Сначала онъ направился къ крѣпости Бѣлой, куда призывалъ его Гонсѣвскій, осажденный Горномъ и Барятинскимъ.

Услыхавъ о приближеніи гетмана, русско-шведскіе воеводы поспѣшили отступить ко Ржеву. Тогда гетманъ двинулся къ Цареву Займищу и недалеко отъ него соединился съ нѣсколькими тысячами казаковъ и тушинскихъ Поляковъ, которыми предводительствовали Зборовскій и Казановскій. Въ селеніи Царевомъ Займищѣ, лежавшемъ на пути между Можайскомъ и Вязьмою, находилось отъ 6 до 8 тысячъ русскаго войска. Хотя главное начальство надъ нимъ принялъ на себя князь Елецкій, присланный Димитріемъ Шуйскимъ, однако въ дѣйствительности распоряжался болѣе энергичный и опытный въ военномъ дѣлѣ Валуевъ. Получивъ извѣстіе о движеніи гетмана, воеводы стали наскоро сооружать острогъ, т. е. укрѣпленіе, окруженное валомъ и тыномъ, въ которомъ могли бы поджидать прибытія главной московской рати. Жолкевскій спѣшилъ напасть на нихъ, чтобы не дать имъ время докончить укрѣпленіе и запастись съѣстными припасами. Тутъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, Тушинцы дали себя знать: полкъ Зборовскаго потребовалъ уплаты обѣщаннаго жалованья, а до того отказался двинуться изъ своего лагеря. Жолкевскій не сталъ терять съ нимъ время, а, взявъ, съ собой казаковъ и полкъ Казановскаго, пошелъ къ Займищу. Остальные Тушинцы, устыженные примѣромъ товарищей, потомъ также съ нимъ соединились.

Подъ Царевымъ Займищемъ Борисъ Годуновъ устроилъ прудъ и насыпалъ широкую, прочную плотину. Елецкій и Валуевъ поставили свой острогъ или городокъ такъ, что подойти къ нему надобно было плотиною; а около нея по обѣимъ сторонамъ въ лѣсныхъ заросляхъ они приготовили засаду изъ нѣсколькихъ сотъ стрѣльцовъ. Но гетманъ, извѣщенный лазутчиками, велѣлъ обойти засаду и напасть на нее сбоку; а самъ успѣлъ перейти плотину и отбросить назадъ Русскихъ, вышедшихъ изъ укрѣпленія ему навстрѣчу. Послѣ того онъ окружилъ городокъ маленькими острожками и отрѣзалъ ему сообщенія. Валуевъ сталъ посылать гонцовъ, которые ночью лѣсами прокрадывались къ Можайску и тамъ сообщали, что, если онъ не получитъ скорой помощи, то долженъ будетъ сдаться отъ голоду. Димитрій Шуйскій, подражавшій Скопину только своею медленностію, наконецъ рѣшилъ выступить изъ Можайска, когда съ нимъ соединились не только Делагарда, но и Барятинскій съ Горномъ. Войско его теперь простиралось отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ; въ томъ числѣ однихъ иноземцевъ было до 8,000. Если къ этимъ силамъ присоединить отрядъ Валуева, то Москвитяне въ числѣ имѣли большой перевѣсъ надъ непріателемъ; ибо въ распоряженіи гетмана

находилось не болѣе 10—12 тысячъ. Но когда отъ количественнаго перейдемъ къ качественному отношенію противниковъ, то получимъ обратный выводъ. Замѣчательно стойкіе при оборонѣ въ укрѣпленіяхъ, Русскіе въ ту эпоху по недостатку военного искусства не могли въ открытомъ полѣ стоять противъ хорошо вооруженныхъ и закаленныхъ въ бояхъ польскихъ хоругвей. При томъ московское ополченіе состояло болѣею частію изъ людей вновь набранныхъ отъ сохи и совѣсть непривычныхъ къ ратному дѣлу; ибо старые, опытные ратники или были истреблены въ предыдущихъ бояхъ и походахъ, или оставались дома за тяжкими ранами и болѣзнями. Достаточно опытную часть войска составляли только дворовый или жилецкій полкъ, да отрядъ Валуева, запертый подъ Царевымъ Займищемъ. Еще болѣе различался духъ противниковъ: Поляки были одушевлены и объединены жаждою добычи и славы, мыслию о своихъ недавнихъ успѣхахъ и побѣдахъ; а Русскіе, потерявъ Скопина, утратили охоту биться за нелюбимаго царя и питали полное недовѣріе къ своему главному воеводѣ.

Во главѣ непріятеля стоялъ такой даровитый и искусный предводитель, какимъ былъ гетманъ Жолкевскій. Не только ничтожный Дмитрій Шуйскій не шелъ ни въ какое съ нимъ сравненіе; но и Яковъ Делагарди на самомъ себѣ испыталъ превосходство Жолкевскаго: съ нимъ онъ уже встрѣчался въ Ливоніи, гдѣ былъ имъ побѣжденъ (при взятіи Поляками города Вольмара въ 1601 г.), и затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ польскомъ плѣну. Отношенія между главными предводителями, т. е. Шуйскимъ и Делагарди, были уже не тѣ, что при Скопинѣ: мѣсто дружбы и взаимнаго уваженія заступили холодность и недовѣріе. Кромѣ того теперь вполне обнаружилось какъ трудно было ладить вообще съ пестрою, разноязычною толпою иноземныхъ наемниковъ, которые вѣчно были недовольны замедленіемъ въ уплатѣ жалованья, при всякомъ удобномъ случаѣ предъявляли заносчивыя требованія, отказывались повиноваться и обнаруживали наклонность къ измѣнамъ. Какъ разъ въ это время присланы были изъ Москвы съ дьякомъ Демидовымъ 10,000 рублей деньгами и 20,000 мѣхами и сукнами для уплаты имъ жалованья. Но мѣха и сукна не успѣли роздать по причинѣ спѣшнаго похода на выручку Валуева. Иноземцы роптали и заводили явные бунты; особенно ненадежны были Французы, къ которымъ польскіе предводители обращались какъ къ своимъ единовѣрцамъ и склоняли ихъ на свою сторону. По извѣстіямъ самихъ польскихъ источниковъ, эти измѣнническія сношенія предшествовали рѣшительной встрѣчѣ обѣихъ армій.

правился къ нимъ и склонялъ ихъ перейти въ службу польскаго короля. Услыхавъ о сихъ переговорахъ, Димитрій Шуйскій послалъ убѣждать иноземцевъ, чтобы они оставались вѣрными своей присягѣ, и обѣщалъ всевозможныя награды. Но измѣна превозмогла, и тѣмъ болѣе, что главные начальники отсутствовали: и Делагарди, и Горнъ оба были увлечены въ бѣгство своею конницею. Иноземцы заключили съ гетманомъ договоръ, по которому получили полную свободу, смотря по желанію, или вступить въ польскую службу, или безпрепятственно воротиться въ отечество. Делагарди и Горнъ, въ эту минуту прискакавшіе на поле битвы, тщетно пытались образумить солдатъ и возвратить ихъ къ своему долгу; бунтовщики чуть не убили самого Делагарди, такъ что онъ съ Горномъ едва отъ нихъ спасся. Наемники уже толпами переходили на сторону Поляковъ, и вмѣстѣ съ ними стали добывать московскій лагерь. Видя измѣну иноземцевъ, на которыхъ плохіе воеводы возлагали главную надежду, Димитрій Шуйскій счелъ все потеряннымъ и думалъ только о собственномъ спасеніи. Онъ и его товарищи, князья Андрей Голицынъ и Данило Мезецкій, предалися бѣгству. Ихъ примѣру послѣдовало все войско. Изъ другихъ главныхъ воеводъ князь Барятинскій былъ убитъ, а Василій Бутурлинъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дьякомъ Демидовымъ. Только часть Поляковъ преслѣдовала бѣгущихъ и при этомъ многихъ перебила; осталная же часть и наемники—предатели занялись грабежомъ богатаго русскаго стана; особенно привлекли ихъ возы съ мѣхами и суками, которые были привезены для жалованья иноземцамъ, но остались нерозданными. Въ числѣ польской добычи оказались карета и шатеръ Димитрія Шуйскаго, его сабля, булава, шлемъ, вышитое золотомъ знамя и дорогая посуда. Пушки также сдѣлались трофеемъ непріятеля. Самъ Шуйскій во время бѣгства увязилъ въ болотѣ своего коня вмѣстѣ съ сапогами, и босой на деревенской клячѣ добрался до Можайска; отсюда отправился въ Москву, и лично принесть туда вѣсть о своемъ постыдномъ пораженіи.

Въ Клушинской битвѣ и Яковъ Делагарди оказался ниже своей славы, приобретенной имъ во время совмѣстныхъ дѣйствій со Скопинымъ. Современное извѣстіе сообщаетъ о его неудачной похвальбѣ. Разбогатѣвъ дорогими московскими мѣхами, накануне битвы на пиру у Шуйскаго онъ будто бы сказалъ: „когда я былъ взятъ въ плѣнъ въ Вольмарѣ, гетманъ подарилъ мнѣ рысью шубу; а у меня теперь есть для него соболя“. Вмѣстѣ съ пораженіемъ онъ лишился и начальства; не имѣя болѣе войска, онъ принужденъ былъ также заклю-

чтобы онѣ не послужили прикрытіемъ для русскихъ и шведскихъ стрѣлковъ. Тогда только спавшее войско пробудилось и въ большомъ смятеніи стало готовиться къ бою. Москвитяне выступали изъ своего стана, обнесеннаго рогатками, а иноземцы изъ своего, огражденнаго возами. Послѣдніе стали на правомъ крылѣ; пѣхота ихъ подъ защитою плетня открыла огонь, и удержала стремленіе непріятеля. На лѣвомъ же крылѣ безпорядочная русская конница, неосторожно выдвинутая впередъ, недолго выдерживала отчаянныя атаки гусаръ и пятигорцевъ Зборовскаго; обратясь въ бѣгство, она обрушилась на стоявшую за ней пѣхоту, которая отъ того разстроилась, и также дала тылъ. Въ это время два подоспѣвшія орудія и польская пѣхота сбили иноземцевъ съ поля. Делаягарди выдвинулъ свою конницу; но она не могла устоять противъ польскихъ хоругвей, и стала уходить въ лѣсъ. Оставались еще нетронутыми около 3000 Нѣмцевъ и Французовъ, которые занимали удобную позицію, защищенную лѣсами и болотомъ. Гетманъ передъ боемъ объѣзжалъ ряды и одушевлялъ воиновъ, указывая на то, что при настоящихъ обстоятельствахъ ихъ спасеніе заключается только въ побѣдѣ; а во время боя онъ, подобно Моисею, стоялъ на возвышеніи, поднявъ руки къ небу и моля Всевышняго объ этой побѣдѣ.

Между тѣмъ конница Зборовскаго увлеклась преслѣдованіемъ Москвитянъ и отдалилась отъ мѣста битвы. Когда же она воротилась, то увидала, что Димитрій Шуйскій съ остальною пѣхотою засѣлъ въ деревнѣ Клушинѣ и устроилъ острожекъ, т.-е. окружилъ себя окопами, рогатками и тыномъ, а впередъ выдвинулъ стрѣльцовъ съ полевыми орудіями. Бѣглецы съ разныхъ сторонъ стали возвращаться и примыкать къ этому острожку. Сбитые съ поля иноземцы также начали понемногу выходить изъ лѣсовъ. Утомленные трехчасовою битвою съ многочисленнымъ непріателемъ и потерявъ свои копья, польскіе гусары сошли съ коней и держали ихъ въ поводу. Побѣда готова была ускользнуть изъ рукъ непріятеля. Но чего онъ не добился честнымъ боемъ, того достигъ съ помощью измѣны.

Изъ помянутаго еще нетронутаго отряда Нѣмцы и Французы стали кучками перебѣгать къ Полякамъ, передавая, что и всѣ ихъ товарищи, недовольные Москвитянами, готовы поручить себя милости гетмана. Жолкевскій ловко воспользовался симъ обстоятельствомъ, и тотчасъ трубнымъ звукомъ велѣлъ извѣстить иноземцевъ о своемъ намѣреніи вступить съ ними въ переговоры. Его племянникъ Адамъ Жолкевскій, человекъ краснорѣчивый и знавшій разные языки, от-

гетмана. Онъ отправилъ князя Елецкаго къ королю; а Валуева, какъ болѣе способнаго и болѣе преданнаго дѣлу королевича, оставилъ при себѣ. Валуевъ, на ряду съ Салтыковымъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ гетмана въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ Шуйскаго.

Такимъ образомъ, выступивъ изъ подъ Смоленска съ трехтысячнымъ отрядомъ, Жолкевскій двинулся теперь на Москву во главѣ болѣе чѣмъ двадцатитысячнаго отборнаго войска, состоявшаго изъ Поляковъ, Русскихъ и наемныхъ иностранцевъ. При его приближеніи къ Можайску жители и духовенство съ хлѣбомъ-солью вышли ему навстрѣчу, и также присягнули королевичу Владиславу. Затѣмъ покорились гетману или собственно Владиславу Волоколамскъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище и нѣкоторыя другія мѣста. Жолкевскій остановился въ Можайскѣ, и отсюда завелъ сношенія со столицей, направляя дѣло такимъ образомъ, чтобы ему не приходилось брать Москву силою оружія, — конечно благодаря своевременному устраненію Василія Шуйскаго.

Но не одинъ гетманъ въ это время хлопоталъ около Москвы. Еще живъ былъ Тушинскій и Калужскій самозванецъ. Получивъ извѣстіе о Клушинской битвѣ, онъ также спѣшилъ воспользоваться удобнымъ моментомъ. Выступивъ изъ Калуги, онъ соединился со стоявшими на Угрѣ Сапѣжинцами, которымъ уплатилъ значительную сумму денегъ, и въ первыхъ числахъ іюля двинулся во главѣ слишкомъ десяти тысячнаго войска, состоявшаго изъ хорошо вооруженныхъ и закаленныхъ въ битвахъ гусаръ, пятигорцевъ и казаковъ. Самозванецъ и Сапѣга направились къ Москвѣ черезъ Боровскъ. Въ трехъ верстахъ отъ сего города находится монастырь св. Пафнутія, въ то время огражденный каменною стѣною съ башнями, глубокимъ ровомъ съ водою и занятый военнымъ отрядомъ, которымъ начальствовалъ князь Михайло Волконскій. На требованіе сдачи онъ отвѣчалъ отказомъ. Сапѣга сталъ добывать монастырь приступомъ. Тогда двое воеводъ, товарищи Волконскаго (Змиѣвъ и Челищевъ), измѣнили и открыли ворота непріятелю. Волконскій продолжалъ мужественно обороняться и палъ въ самой церкви у гроба святого.

Разоривъ монастырь, Поляки двинулись далѣе. Недалеко отъ Боровска на одной стоянкѣ они подверглись нападенію Татаръ. Около того времени пришли Крымскіе царевичи, которыхъ Василій Шуйскій призывалъ себѣ на помощь. Царь выслалъ на соединеніе съ ними послѣднія остававшіяся у него силы съ князьями Воротынскимъ и Лы-

ковымъ. Воеводы встрѣтили Крымцевъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ; отсюда царевичи выслали передовой отрядъ, который подкрался къ Полякамъ, расположеннымъ въ нѣсколькихъ деревняхъ, многихъ частію побилъ, а частію побралъ въ плѣнъ. Но когда Салтѣжинцы собрались и дали энергичный отпоръ, Татары воротились назадъ. Угрожаемые съ одной стороны войскомъ Самозванца, съ другой Жолкевскимъ, царевичи потеряли всякую охоту сражаться за Шуйскаго, поспѣшили переправиться назадъ за Оку, и ушли домой, обремененные награбленною добычею и плѣнниками. Самозванецъ послѣ того продолжалъ движеніе къ столицѣ. Онъ остановился сначала у монастыря Николы на Угрѣшахъ, а потомъ, оставивъ здѣсь Марину, самъ подвинулся ближе къ Москвѣ и расположилъ свой станъ въ семи верстахъ отъ нея въ селѣ Коломенскомъ.

Нѣкоторые города, возбужденные агентами Калужскаго вора, вновь признали его царемъ. Такъ присягнули ему Коломна и Кашира; хотѣли присягнуть жители Зарайска, но были удержаны своимъ воеводою княземъ Дим. Мих. Пожарскимъ. Сей доблестный воевода своею твердостью и неизмѣнною вѣрностію законному государю во второй разъ остановилъ распространеніе измѣны и мятежа. Въ первый разъ это было вслѣдъ за кончиною Скопина. Извѣстный Прокопій Ляпуновъ объявилъ себя мстителемъ за его смерть; громко обвинялъ въ его отравленіи самого Василя Шуйскаго съ братьями, возмущилъ противъ него Рязанскую землю и вошелъ въ сношенія съ Калужскимъ воромъ. Возбуждая сосѣднія области къ общему мятежу, Ляпуновъ между прочимъ прислалъ своего племянника Ѳедора въ Зарайскъ съ грамотою къ князю Пожарскому. Но воевода отправилъ грамоту въ Москву къ царю Василю и просилъ подкрѣпленія, которое вскорѣ и получилъ; чѣмъ остановилъ тогда распространеніе рязанскаго мятежа. Такъ и теперь, когда Зарайцы встали всѣмъ городомъ и потребовали отъ воеводы, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними присягнулъ Калужскому вору, воевода съ немногими людьми заперся въ каменномъ Зарайскомъ кремлѣ и приготовился къ оборонѣ. Протопопъ Зарайскаго Николаевского собора Димитрій, одинъ изъ выдающихся русскихъ патріотовъ той эпохи, благословилъ князя умереть за православную вѣру. Такъ какъ въ кремлѣ хранились не только сѣстные и военные запасы, но и лучшее имущество посадскихъ людей, то послѣдніе, боясь за свои „животы“, смирились и условились съ воеводою присягнуть на томъ: „кто будетъ царемъ на Москвѣ, тому и служить“. Благой примѣръ Зарайска въ свою очередь подѣйствовалъ

и на другіе города; между прочимъ Коломна отказалась отъ вора и воротилась къ своему долгу. Но Ляпуновъ съ Рязанцами продолжалъ крамольничать и хлопотать о сверженіи Шуйскаго, сносясь съ своими московскими единомышленниками, особенно съ княземъ Голицынымъ.

Любопытно столкновение этихъ двухъ воеводъ, Ляпунова и Пожарскаго, которыхъ судьба потомъ выдвинула на переднюю сцену дѣйствія — столкновение, ясно очертившее рѣзкую противоположность ихъ характеровъ и стремленій: съ одной стороны даровитая, но безпокойная натура, чрезъ мѣру увлекающаяся личными впечатлѣніями и честолюбіемъ; съ другой вполне консервативная, не мудрствующая лукаво и ищущая спасенія въ безупречномъ исполненіи своего долга.

Уже извѣстіе о Клушинскомъ пораженіи повергло столицу въ полное уныніе. А когда подошелъ Калужскій воръ, то московское население, смущаемое съ одной стороны агентами вора и Ляпунова, съ другой подметными листами Жолкевскаго и сторонниками Владислава, подверглось сильнымъ волненіямъ и распрямъ. Чернь снова стала выражать свои симпатіи воровскому царю, надѣясь съ его разрѣшенія бить и грабить людей знатныхъ и зажиточныхъ; а бояре, дворяне и купцы потеряли голову, и не знали что предпринять. Хотя области теперь оставались глухи къ царскимъ приказамъ и почти перестали высылать ратныхъ людей на его службу, однако подъ руками можно было еще собрать до 30,000 войска; въ томъ числѣ было бы отъ 8 до 10 тысячъ хорошо вооруженныхъ московскихъ стрѣльцовъ. Но не было воеводы, который бы сталъ въ ихъ главѣ и увлекъ за собою. Царя Василія почти перестали слушать. Въ Москвѣ начались народныя сходки, на подобіе древняго вѣча. Эти сходки или совѣщанія происходили и въ городѣ, и за городскими воротами. На послѣднихъ появлялись и русскіе измѣнники изъ Коломенскаго или Сапѣжинскаго стана. Посреди сихъ совѣщаній стали обнаруживаться различныя кандидатуры, т. е. претенденты на Московскій престолъ. Межъ тѣмъ какъ нѣкоторые склонялись на сторону Владислава, а единомышленники Ляпуновыхъ указывали на князя Василія Васильевича Голицына, русскіе измѣнники предлагали или своего царика, или его гетмана, т. е. Сапѣгу: вотъ до чего Московскій тронъ со времени перваго Лжедмитрія сдѣлался предметомъ вождѣленій чуть ли не всякаго искателя приключеній! На одной изъ подобныхъ загородныхъ сходокъ служившіе вору Русскіе предложили Москвичамъ слѣдующее: „вы низложите своего царя Василія, а мы откажемся отъ нашего царика; выберемъ царя всей землей и станемъ заодно противъ Литвы“. Москвичи приняли предложеніе.

Главными дѣятелями при сверженіи Василя Шуйскаго явились князь Василій Голицынъ и Захарій Лапуновъ, братъ Прокопія; первый, дѣйствуя скрытно, выдвигалъ передъ народомъ второго. Толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ, предводимая Захаромъ Лапуновымъ и его сообщниками (Ив. Ник. Салтыковымъ, Хомотовымъ и др.) пришла во дворецъ и стала просить царя Василя, чтобы онъ сложилъ съ себя вѣнецъ и скипетръ. Лапуновъ при семъ излагалъ такія причины: царствованіе его несчастливо, украинскіе города отложились, сѣлъ онъ на престолъ не по выбору всей земли, погубилъ много невинныхъ людей, а братья его окормили отравою побѣдоноснаго племянника. Тутъ Василій всплилъ, выхватилъ изъ за пояса ножъ и бросился на Лапунова со словами: „какъ смѣешь ты б..... с... говорить это, когда и бояре того мнѣ не говорятъ?“ Дюжій Лапуновъ простымъ движеніемъ руки отстранилъ слабаго старика, грозя его уничтожить. Толпа съ угрозами покинула дворецъ. Вожаки мятежа явились на Лобное мѣсто и набатнымъ колоколомъ собрали народъ; а отсюда, подъ предлогомъ тѣсноты, отправились за Серпуховскія ворота, и тамъ устроили совѣщаніе, призвавъ бояръ и патріарха. Они указывали на непрерывныя бѣдствія, сопровождавшія царствованіе Шуйскаго; снова напоминали о томъ, что онъ сѣлъ не по избранію всей земли, что Литва и воры угрожаютъ столицѣ съ двухъ сторонъ, отъ Можайска и отъ Коломенскаго, что надобно низложить Василя и всей землей подумать объ избраніи новаго царя. Тщетно патріархъ Гермогенъ пытался удержать народъ отъ беззаконія и защищалъ Шуйскаго. Видя рѣшительную неприязнь народа къ Василю, онъ пересталъ говорить и удалился. Тогда во дворецъ явилась опять мятежная толпа, уже съ нѣкоторыми боярами во главѣ. Здѣсь князь Ив. Мих. Воротынскій, царскій своякъ, выступивъ впередъ, именемъ земли просилъ Василя Ивановича оставить государство и взять себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. Послѣ этой просьбы жалкій, всѣми покинутый старикъ не сталъ болѣе спорить. Отъ него отобрали знаки царскаго достоинства, и онъ изъ дворца вмѣстѣ съ супругою перешагалъ въ свой старый боярскій домъ. Это событіе произошло 17 іюля 1610 года. Верховная власть впредь до избранія царя оставалась въ рукахъ Боярской Думы, въ которой предсѣдательство принадлежало старѣйшему боярину князю Оед. Ив. Мстиславскому. На имя этого временнаго правительства и были разосланы присяжные листы.

Когда Москвичи на слѣдующей сходкѣ съ людьми Калужскаго вора у Даниловскаго монастыря объявили имъ о низложеніи Шуйскаго и

потребовали отъ нихъ исполненія такого же условія по отношенію къ вору, тѣ отвѣчали: „вы своего царя ссадили, забывъ крестное цѣлованіе; а мы за своего готовы умереть“. Этотъ отвѣтъ привелъ Москвичей въ раздумье. Патріархъ между тѣмъ говорилъ, что низложеніе Василя совершенно незаконнымъ образомъ. Шуйскій приободрился и, имѣя въ своихъ рукахъ еще значительное имущество, завелъ сношенія съ своими приверженцами, особенно старался подкупать стрѣльцовъ. Тогда Захаръ Лапуновъ съ товарищами рѣшили отрѣзать ему всякій возвратъ къ престолу, не лишая его жизни. Они отправились къ Шуйскому съ нѣсколькими іеромонахами, и потребовали отъ него постриженія. Старикъ наотрѣзъ отказался и молилъ о пощадѣ; спрашивалъ, за что его такъ жестоко преслѣдуютъ; напоминалъ совершенное имъ избавленіе отъ Гришки Отрепьева. Но его не слушали, и насильно исполнили обрядъ; Лапуновъ крѣпко держалъ его за руки, а князь Туренинъ (по другому извѣстію Тюфякинъ) вмѣсто него произносилъ обѣты. На Василя надѣли иноческое платье и въ закрытомъ каптанѣ отвезли его въ Чудовъ монастырь. Его супругу Марію Петровну точно также насильно постригли въ монахини, несмотря на ея сопротивленіе и слезныя причитанія о своемъ мужѣ. Ее помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ. Братьевъ его Дмитрія и Ивана исключили изъ состава Боярской Думы и отдали за приставы.

Гермогенъ не призналъ насильнаго постриженія Шуйскаго и считалъ монахомъ того, кто произносилъ за него обѣты. Но голосъ патріарха въ этомъ случаѣ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынь. Такимъ же гласомъ оказался онъ и въ вопросѣ объ избраніи новаго государя. Патріархъ стоялъ за выборъ изъ русскихъ людей и указывалъ на состоявшаго съ нимъ въ пріязни князя Василя Васильевича Голицына. Но противъ послѣдняго рѣзко высказался князь Оед. Ив. Мстиславскій: онъ объявилъ, что самъ не менѣе Голицына имѣетъ правъ на престолъ, но отказывается отъ нихъ, а также не хочетъ видѣть государемъ равнаго себѣ боярина; что двукратное избраніе царя изъ бояръ принесло одни бѣдствія и слѣдовательно надобно избрать кого-либо изъ племенъ царскаго. Мстиславскаго поддержали и другіе бояре. Такимъ образомъ ни къ чему не привели происки Голицыныхъ и ихъ пособниковъ Лапуновыхъ. Видя неудачу въ семъ случаѣ, патріархъ однако продолжалъ настаивать на выборѣ Русскаго, и сталъ указывать на древній боярскій родъ Романовыхъ. Изъ любимыхъ народомъ братьевъ Никитичей на лицо оставался только одинъ Иванъ Никитичъ. Но не его назвалъ патріархъ Гермогенъ, а юнаго Ми-

хана Феодоровича, котораго отецъ хотя былъ еще живъ, но находился въ иноческомъ чину, подъ именемъ Филарета. Эта кандидатура пока ни откуда не встрѣтила сильной поддержки: очевидно не пришло еще ея время. Обстоятельства были пока слишкомъ темны и запутаны. Что касается Калужскаго вора, то хотя многіе изъ черни и сочувствовали ему, видя въ немъ себѣ покровителя и потаковника; однако гнусное и всѣмъ вѣдомое его самозванство претило народу; а знатное боярство не хотѣло о немъ и слышать. Поэтому, располагая оставшимися въ Москвѣ ратными силами, оно давало энергичный отпоръ всѣмъ покушеніямъ на столицу со стороны Коломенскаго. Итакъ главнымъ претендентомъ на Московскій престолъ являлся королевичъ Владиславъ, и Боярская дума, съ Мстиславскимъ во главѣ, очевидно склонялась на его сторону.

Наступило время *семибоярщины*, названной такъ конечно по числу членовъ временнаго правительства. Въ официальныхъ грамотахъ однако мы встрѣчаемъ подписи не семи, а шести лицъ, каковы: три боярина, Ѳ. И. Мстиславскій, В. В. Голицынъ и Ѳ. И. Шереметевъ, одинъ окольничій, князь Данило Ив. Мезецкій, и два думные дьяка, Василиій Телепневъ и Томпо Луговскій (19).

Когда Жолкевскій узналъ о низложеніи Василія, онъ немедленно двинулся къ Москвѣ и сталъ пересылаться грамотами съ временнымъ правительствомъ, извѣщая его, что онъ спѣшитъ на помощь противъ Самозванца; такъ какъ многіе Москвитяне уже просили короля дать имъ въ цари Владислава. Бояре сначала отказывались отъ помощи и склоняли гетмана не приближаться къ столицѣ. Но когда онъ подошелъ и 24 іюля расположился станомъ около села Хорошова, то бояре нашлись вынужденными вступить съ нимъ въ переговоры. Самозванецъ, встревоженный прибытіемъ гетмана, попытался также войти съ нимъ въ сношенія. Онъ предлагалъ выплачивать королю ежегодно большую сумму денегъ и уступить Сѣверскую землю, если тотъ поможетъ ему сѣсть на царство. Жолкевскій позволилъ ему съ сими бесполезными предложеніями отправить посольство къ королю; а самъ ловко воспользовался Самозванцемъ, зная, что онъ составляетъ путь для бояръ, и 2 августа устроилъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ сѣздъ съ временнымъ правительствомъ. На этомъ сѣздѣ, при усердномъ посредничествѣ помянутаго выше Салтыкова-сына, Боярская дума согласилась имѣть царемъ Владислава, но на извѣстныхъ условіяхъ. Сіи условія или статьи, заранѣе внесенныя въ свитокъ, были

громогласно прочтены дьякомъ Телепневимъ. Въ основу ихъ положены договоры Салтыкова-отца подъ Смоленскомъ и Елецкаго съ Валуевымъ у Царева Займища. Тутъ нѣкоторыя прежнія статьи были выпущены, напримѣръ, о вольномъ выѣздѣ московскихъ людей въ иноземныя государства для науки; а нѣкоторыя прибавлены вновь. Главнѣйшая прибавка состояла въ томъ, что Владиславъ долженъ принять православіе. Гетманъ согласился почти на всѣ условія; но переѣзду вѣры оставилъ на усмотрѣніе короля. Послѣ многихъ съѣздовъ и переговоровъ послѣдовало наконецъ обоюдное согласіе; гетманъ со своими полковниками и ротмистрами отъ имени Владислава присягнулъ на соблюденіе условій; а бояре первые присягнули на подданство Владиславу. Затѣмъ стали приводить въ торжественной присягѣ другіе чины и весь Московскій народъ въ Успенскомъ соборѣ. Сюда явились также бывшіе русскіе Тушинцы, съ Михайломъ Салтыковымъ и княземъ Масальскимъ во главѣ. Когда они подошли подъ патріаршее благословеніе, Гермогенъ благословилъ ихъ, но подъ условіемъ, если отъ избраннаго въ цари иноземца не будетъ никакого нарушенія Православной церкви; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ проклятіемъ. Салтыковъ со слезами увѣрялъ его въ ненарушеніи Православной вѣры отъ Владислава. А Михайла Молчанова, по словамъ лѣтописца, Гермогенъ не допустилъ ко кресту, и, назвавъ оказаннымъ еретикомъ, велѣлъ выгнать вонъ. По извѣстію одного Поляка-современника, въ столицѣ число присягнувшихъ тогда королевичу будто бы простиралось до 300.000; это число очевидно и сильно преувеличено. Послѣ того отъ временнаго правительства разсланы были по городамъ извѣстительныя грамоты о выборѣ въ цари Владислава и объ условіяхъ, на которыхъ онъ избранъ, съ приложеніемъ крестоцѣловальныхъ записей, по которымъ должна была совершаться ему присяга.

Въ этомъ договорѣ объ избраніи Владислава гетманъ дѣйствовалъ на свой страхъ, не имѣя точныхъ инструкцій отъ короля, а только руководясь условіями, которыя были предъявлены подъ Смоленскомъ Салтыковымъ и другими Тушинцами и которыя были какъ бы одобрены королемъ. Но вотъ, спустя нѣсколько дней послѣ означенной присяги, отъ короля прибыли сначала московскій торговый человѣкъ гостинной сотни Ѳедоръ Андроновъ, а потомъ велижскій староста знакомый [намъ Гонсѣвскій; они привезли приказъ, чтобы гетманъ склонилъ Москвитянъ присягнуть не Владиславу, а самому Сигизмунду. Но исполнить такой приказъ гетманъ нашелъ невозможнымъ, опасаясь возмутить народъ и совершенно разстроить дѣло, только что улаженное. Гонсѣвскій съ нимъ согласился.

Межъ тѣмъ Самозванецъ продолжалъ приступать къ столицѣ, зажигать ея слободы и посады, и пытался ворваться; но встрѣчалъ всегда готовый отпоръ со стороны московскаго гарнизона, которому подавалъ помощь пришедшій съ гетманомъ русскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Салтыкова-сына. Ссылаясь на присягу, данную Владиславу, бояре настаивали, чтобы гетманъ прогналъ вора. Жолкевскій обѣщалъ, и послалъ къ Сапѣгѣ требованіе покинуть Самозванца, предлагая, въ случаѣ покорности сего послѣдняго, выхлопотать ему у короля въ державство Гродну или Самборъ. Сапѣга отвѣчалъ, что самъ онъ охотно исполнилъ бы означенное требованіе; но товарищество его на то несогласно. Гетманъ послѣ того обѣщалъ совмѣстно съ боярами ударить на станъ Лжедмитрія, и даже двинулся противъ него; но, вопреки настояніямъ бояръ, выступившихъ въ поле съ пятнадцатитысячною ратью, не ударилъ; а вызвалъ Сапѣгу на свиданіе, и ограничился одними переговорами. вмѣсто битвы онъ старался склонить Сапѣжинцевъ къ поступленію въ королевскую службу и къ соединенію съ гетманскимъ войскомъ, подобно Зборовскому и другимъ Тушинцамъ. Поляки по обыкновенію предъявили огромныя требованія относительно уплаты имъ жалованья. А Самозванецъ и особенно Марина, видя нерѣшительность гетмана, возвысили тонъ и не соглашались ни на какія сдѣлки. Лжедмитрій надѣялся, что народъ его какъ православнаго предпочтетъ королевичу Владиславу. Жолкевскій продолжалъ щадить его въ своихъ видахъ. Бояре наконецъ поняли двойную игру гетмана и подняли ропотъ. Надобно было сдѣлать рѣшительный шагъ. Въ концѣ августа условились вмѣстѣ и неожиданно напасть на Коломенскій станъ. Для этого бояре позволили гетманскому войску ради скорости ночью пройти черезъ столицу и, соединясь съ московскою ратью, ударить на вора. Но и тутъ снова оказалось, что воронъ ворону глаза не выклюетъ: подойдя къ Коломенскому, гетманъ остановился; Сапѣжинцы также выстроились въ боевомъ порядкѣ. Жолкевскій снова ограничился одними переговорами. Однако Самозванецъ, не полагаясь болѣе на Сапѣжинцевъ и боясь быть выданнымъ, послѣ того уѣхалъ съ Мариной въ Калугу. Часть служившихъ ему русскихъ измѣнниковъ, съ князьями-боярами Ѳед. Долгоруковымъ и Мих. Туренинымъ во главѣ, явилась въ Москву съ повинною. А другая часть послѣдовала за нимъ, также и Донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ, который около того времени покинулъ войско гетмана и вновь перешелъ на службу Лжедмитрія и Марины. Сапѣга послѣ долгихъ переговоровъ съ Жолкев-

скимъ, отступилъ отъ Москвы; по его же указанію, направился къ Сѣверскому краю, и расположился около Мещовска, гдѣ сталъ выжидать случая вновь выступить на сценѣ рѣшительныхъ событій, продолжая безконечные переговоры о переходѣ своего отряда на королевскую службу. Бояре были обрадованы извѣщеніемъ отъ вора, и возымѣли особое довѣріе къ Жолкевскому послѣ того, какъ онъ прошелъ съ войскомъ черезъ столицу и не воспользовался случаемъ захватить въ свои руки беззащитный городъ: ибо московская рать выступила впередъ и поджидала Поляковъ за городомъ. Однако, когда знатнѣйшая часть русскихъ измѣнниковъ, отложившаяся отъ вора и присягнувшая Владиславу (князя Сицкій и Засѣкинъ, Нагой-Сумбуловъ, Плещеевъ, дьякъ Третьяковъ и др.), при посредствѣ гетмана хлопотала, чтобы временное правительство утвердило за ними пожалованный Самозванцемъ боярскій санъ, Дума отказала имъ: родовитое боярство никакъ не хотѣло признать равными себѣ тушинскихъ и калужскихъ лжебояръ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ опять ушли къ вору въ Калугу.

Когда Калужскій воръ удалился, гетманъ устроилъ въ своемъ лагерѣ пиръ для московскихъ бояръ; при чемъ дарилъ ихъ конями, сбруей, оружіемъ, кубками и пр. Мстиславскій въ свою очередь далъ пиръ гетману и польскимъ офицерамъ, которыхъ тоже одарилъ саблями и другими вещами. Затѣмъ, по настоянію Жолкевскаго, рѣшено было не медлить болѣе отправкою торжественнаго московскаго посольства къ Сигизмунду III, по поводу избранія въ цари королевича Владислава. Хитрый гетманъ съумѣлъ поставить во главѣ сего посольства тѣ лица, которыхъ онъ желалъ удалить изъ Москвы и предать въ руки короля, а именно князя Вас. Вас. Голицына и митрополита Филарета Никитича. Князь Голицынъ, самъ питавшій притязанія на престолъ; считался человѣкомъ умнымъ и дѣятельнымъ, а потому былъ вдвойнѣ опасенъ для польской партіи. Жолкевскій уговорилъ его не отказываться отъ такого почетнаго порученія, называя въ глаза самымъ великимъ мужемъ на Москвѣ и увѣряя, что онъ займетъ первое мѣсто въ совѣтѣ короля и королевича. Другой кандидатъ на престолъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, еще не вышелъ изъ отроческихъ лѣтъ и не могъ участвовать въ посольствѣ; поэтому онъ представлялся опаснымъ не самъ по себѣ, а по своему отцу, извѣстному и родовитому боярину Ѳеодору Никитичу, теперь митрополиту Филарету. Гетманъ указалъ на него какъ на единственнаго челоѣка, достойнаго быть посломъ отъ московскаго духовнаго чина. Въ по-

посольство включены были еще два члена временнаго правительства, окольничій князь Мезецкій и думный дьякъ Луговскій. Кромѣ нихъ тутъ были: думный дворянинъ Сувинъ, дьякъ Сыдавинъ Васильевъ и Захаръ Лянуновъ, а изъ духовныхъ лицъ спасскій архимандритъ Евфимій и троицкій келарь Авраамій Палицынъ. Вообще членовъ посольства выбиралъ князь Голицынъ по своему усмотрѣнію, чтобы имѣть его, такъ сказать, въ своихъ рукахъ. Оно заключало въ себѣ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, и вмѣстѣ со свитою и русскимъ конвоемъ простиралось почти до 1200 человекъ.

Посольство получило подробный наказъ, помѣщенный 17-мъ августа 1610 года и состоявшій изъ длиннаго ряда статей или условий, которыя имѣли быть предъявлены королю и королевичу; при чемъ въ точности опредѣлено было, что именно долженъ говорить на торжественномъ приѣмѣ каждый изъ великихъ или старшихъ пословъ, т. е. митрополитъ Филаретъ, князя Голицынъ и Мезецкій, думный дворянинъ Сувинъ, дьяки Луговскій и Сыдавинъ. Главное условіе относилось къ вѣрѣ. Отъ Владислава требовали немедленной перемены религіи, чтобы онъ *крестился* у ростовскаго митрополита Филарета и смоленскаго архіепископа Сергія, а въ Москву прибылъ уже православнымъ и чтобы здѣсь „его государя встрѣтить съ чудотворными образами, честными и животворящими крестами патріарху и всему освященному собору“; затѣмъ, будучи царемъ, Владиславъ не долженъ о дѣлахъ церковныхъ сноситься съ папою или принимать отъ него благословеніе; тѣхъ московскихъ людей, которые по своему малоумію отступать въ римскую вѣру, казнить смертію, а имущество ихъ отбирать на государя. Когда же Владиславу придетъ пора жениться, то ему выбрать себѣ супругу на Москвѣ греческой вѣры. Далѣе идутъ условія о строгомъ сохраненіи титула Московскихъ государей; о томъ, чтобы Владиславъ привелъ съ собою только необходимую свиту изъ Поляковъ и Литовцевъ; что помѣстья имъ и уряды можетъ давать только внутри государства, а не въ порубежныхъ мѣстахъ; чтобы города, занятые Поляками, были отъ нихъ очищены и всѣ русскіе плѣнники отпущены изъ Польши и Литвы безъ выкупа; чтобы король отступилъ отъ Смоленска и воротился въ Литву; чтобы на слѣдующемъ сеймѣ всѣ чины Рѣчи Посполитой присягнули на исполненіи условий и утвержденіи обоюднаго мира. На случай возраженій со стороны короля или пановъ радныхъ, въ той же грамотѣ находились заранѣе и весьма умно составленные отвѣты, которые также распределены были между послами; на крайніе случаи въ нѣкоторыхъ

статьях допускались небольшія смягченія. Послы особенно должны были хлопотать о скорѣйшемъ прибытіи въ Москву королевича, отъ котораго конечно ожидали прекращенія смуты. Вообще этотъ наказъ представляетъ любопытный образецъ московской дипломатіи того времени, ясно свидѣтельствующій о ея навыкѣ въ сношеніяхъ съ иноземцами, ея относительной вѣжливости, здравомысліи и вѣрности своеобразнымъ основамъ московскаго государственнаго быта. Лично Владиславу духовные члены посольства должны были вручить особую грамоту отъ патріарха и всякихъ чиновъ людей, помѣченную 12-мъ сентября. Въ этой грамотѣ заключались краснорѣчивое описаніе бѣдствій Московскаго государства и трогательное челобитіе *принять крещеніе по обряду Греческой церкви*.

Изъ сихъ грамотъ мы видимъ, что въ дѣлѣ избранія Владислава временное Московское правительство какъ будто дѣйствовало обдуманно и усердно пеклось о государственной пользѣ. Но ему недоставало главнаго: предусмотрительности и вѣрной оцѣнки какъ лицъ, такъ и обстоятельствъ. Если бы всѣ составленные имъ условія были добросовѣстно исполнены, конечно Московское государство могло бы скоро успокоиться и выдти изъ смуты съ сохраненіемъ своихъ предѣловъ. Но въ такомъ случаѣ что же получила бы Рѣчь Посполитая при исполненіи сихъ условій? Съ чѣмъ же воротились бы король отъ Смоленска, а Поляки изъ захваченныхъ ими городовъ? Чѣмъ бы отвѣтила Римская курія на принятіе православія Владиславомъ и вообще могъ ли такой ревностный католикъ какъ Сигизмундъ, изъ за этой ревности лишившійся Шведской короны, могъ ли онъ соизволить своему сыну на перемѣну религіи? Наивно было со стороны временнаго Московскаго правительства хотя на минуту тѣшить себя надеждою на исполненіе вышеназванныхъ условій. Только лукавыя увѣренія Жолкевскаго и крайнее, представлявшееся безвыходнымъ, положеніе государства не только разореннаго, но и угрожаемаго завоеваніемъ или раздробленіемъ—могли вызвать попытку искать спасенія у своихъ злѣйшихъ враговъ.

Преступная наивность временнаго правительства вскорѣ выразилась въ поступкѣ еще болѣе легкомысленномъ: *въ дозволѣніи Полякамъ занять столицу*.

Зная хорошо короля и обстоятельства своего времени. Жолкевскій едва ли вѣрилъ въ успѣхъ Московскаго посольства. Поэтому прежде чѣмъ начнется разочарованіе, гетманъ спѣшилъ ковать жезло, пока оно горячо. Онъ спѣшилъ тѣмъ болѣе, что наличное вре-

менное правительство, благодаря его предусмотрительности, состояло теперь только изъ двухъ бояръ, Мстиславскаго и Шереметева, и одного дьяка, Телепнева. Послѣ отъѣзда князя Василя Голицына, власть сосредоточилась собственно въ рукахъ князя Мстиславскаго, который и представлялъ собою какъ бы Московскаго регента; а онъ былъ главою польской партіи и наиболѣе преданнымъ сторонникомъ Владислава. Гетманъ хорошо понималъ ограниченность сего вельможи и ловко его опуталъ. Въ этомъ случаѣ ему помогъ отчасти все тотъ же Калужскій воръ, который продолжалъ посредствомъ своихъ клеветовъ смущать и поджигать московскую чернь. Это обстоятельство попрежнему возбуждало немалое опасеніе со стороны близорукихъ бояръ; они боялись, чтобы въ Москвѣ не повторилось такое же возмущеніе и господство черни, какое произошло во Псковѣ. По соглашенію съ правителями, изъ гетманскаго лагеря уже прибыли въ столицу квартиреры для распредѣленія польскаго поста; но духовенство, особенно монахи были на стражѣ; ударили набатъ, и объявили събѣжавшемуся народу, что Поляки идутъ въ городъ. Толпа зашумѣла, и бояре поспѣшили увѣдомить гетмана, дабы онъ повременилъ вступленіемъ своего войска, пока они уладятъ дѣло. Этимъ моментомъ воспользовался Жолкевскій, чтобы добиться выдачи Шуйскихъ, о которой онъ давно хлопоталъ. Ихъ обвинили въ томъ, что они тайно ведутъ козни и побуждаютъ народъ въ мятежу: временное правительство выдало гетману бывшаго царя Василя и его обоеихъ братьевъ. Межъ тѣмъ во главѣ движенія противъ Поляковъ сталъ самъ патріархъ. Онъ собралъ около себя многихъ дворянъ и ратныхъ людей. Бояре, съ Мстиславскимъ, Шереметевымъ, Салтыковымъ и Андреемъ Голицынымъ во главѣ, вступали съ ними въ переговоры. Вожаки собравшейся толпы возражали, что выпустить Поляковъ значитъ отдать имъ на поруганіе своихъ женъ и дѣтей, такъ какъ русскіе ратные люди назначены въ походъ на вора; что гетманъ лукавитъ; что, вопреки своему обѣщанію, онъ ничего не предпринимаетъ противъ сего вора и пр. Отъ гетмана пріѣхалъ въ городъ Гонсѣвскій съ увѣреніями въ его искренности и намѣреніи идти въ походъ, какъ только русское войско съ нимъ соединится. Мстиславскій поддержалъ сіи увѣренія, напомнилъ о недавней присягѣ королевичу и выражалъ готовность умереть за него. Патріарху бояре говорили, что его долгъ смотрѣть за церковію, а не виѣшиваться въ мірскія дѣла. Потомъ они обѣзжали народную толпу и убѣждали ее успокоиться. Народъ послушалъ ихъ и разошелся. Тогда, съ созволенія бояръ, въ ночь

на 21 сентября, гетманъ тихо ввелъ въ столицу свое войско, которое расположилось цѣлыми отрядами на случай тревоги. Полкъ Зборовскаго помѣстился въ Китай-городѣ, Казановскаго и Вейгера въ Бѣломъ городѣ, а Гонсѣвскаго въ Кремлѣ. Самъ гетманъ занялъ подъ свою квартиру бывший дворъ Бориса Годунова. Полкъ Струся и собственный полкъ Жолкевскаго были расположены въ Можайскѣ, Борисовѣ и Вереѣ для безопаснаго сообщенія съ королемъ и Литвою и для заслона отъ Калужскаго вора.

На первое время водвореніе Поляковъ въ Москвѣ обошлось спокойно, благодаря искусному образу дѣйствія со стороны гетмана. Онъ поддерживалъ въ своемъ войскѣ дисциплину и особенно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы Поляки не ссорились съ Москвичами и не обижали женщинъ; провинившихся въ семъ отношеніи довольно строго наказывалъ. Большія дороги изъ столицы въ области сдѣлались теперь свободны, начался обильный подвозъ сѣбстныхъ припасовъ и возстановилось торговое движеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ стала возвращаться и прежняя дешевизна жизни. Понравилось Москвичамъ и то, что гетманъ отпустилъ значительную часть нѣмецкихъ наемниковъ; хотя онъ сдѣлалъ это по недостатку средствъ платить имъ жалованье, и лучшую часть наемной пѣхоты все таки оставилъ. На должности областныхъ намѣстниковъ и воеводъ временное правительство назначало людей, указанныхъ гетманомъ. Такъ Иванъ Салтыковъ съ частью ратныхъ людей былъ посланъ въ Великій Новгородъ, а Григорій Валуевъ во Псковъ. Другая часть ратныхъ людей была выслана изъ Москвы съ княземъ Воротынскимъ подъ предлогомъ дѣйствовать заодно съ Поляками противъ Калужскаго вора. Въ Москвѣ оставалось еще значительное количество стрѣльцовъ, и въ случаѣ народнаго мятежа они могли послужить для него крѣпкимъ ядромъ. Начальство надъ симъ войскомъ царь московскіе обыкновенно довѣряли только своимъ родственникамъ или самымъ близкимъ боярамъ. Жолкевскій склонялъ правителей вѣрить это начальство своему помощнику Гонсѣвскому; при чемъ ласкою, подарками и угощеніями такъ привлекъ этихъ простодушныхъ людей, что они охотно подчинились чужеземному начальнику. А сей послѣдній потомъ разослалъ ихъ по другимъ городамъ, подъ предлогомъ обороны отъ Шведовъ. Гетманъ старательно укрѣпилъ Кремль и Китай-городъ, куда со всей Москвы свезъ пушечный и пищальный нарядъ. Такимъ образомъ приняты были существенныя мѣры противъ возмущенія Москвичей. Для снабженія сѣбстными припасами польскаго гарнизона расписаны были города съ уѣздами на

извѣстномъ разстояніи отъ столицы. Но такъ какъ посылаемые туда товарищи и пахолики (родъ деньщиковъ) позволяли себѣ грабежъ и насилія надъ женщинами, то для устраненія подобныхъ столкновеній рѣшено было, чтобы города были обложены денежными поборами, которые они доставляли бы сами. Происходя изъ русскаго рода, Жолкевскій очевидно владѣлъ русскимъ языкомъ; а потому своими вкрадчивыми, умными рѣчами онъ сѣмѣлъ обойти самого Гермогена, такъ что суровый старецъ возымѣлъ къ нему непритворное расположеніе.

Принимая всѣ возможныя мѣры ради укрѣпленія польскаго гарнизона въ Москвѣ, Жолкевскій самъ однако не вѣрилъ въ прочность своихъ начинаній, и предвидѣлъ, что, когда обнаружатся истинныя намѣренія короля, возстаніе сдѣлается неминуемо. До него доходили также извѣстія объ интригахъ его соперниковъ, именно братьевъ Потоцкихъ, которые остались при королѣ, но обманулись въ надеждѣ взять скоро Смоленскъ; межъ тѣмъ какъ гетманъ успѣлъ отличиться блестящими успѣхами. Завидуя ему, Потоцкіе побуждали короля поступить наперекоръ распоряженіямъ и договорамъ Жолкевскаго съ Москвитянами относительно королевича Владислава и просто подчинить Московское государство польскому владычеству. Посему гетманъ рѣшилъ уѣхать подъ Смоленскъ, чтобы лично объясниться обо всемъ съ королемъ. Мстиславскій и бояре очень неохотно простились съ нимъ и успокоены были только его обѣщаніемъ скоро и непремѣнно воротиться. Они далеко провожали его по выѣздѣ изъ города. Даже простой народъ, испытавъ ласковое обхожденіе гетмана, напутствовалъ его пожеланіями счастливаго пути. Начальство надъ польскимъ отрядомъ въ Москвѣ на время своего отсутствія Жолкевскій поручилъ Гонсѣвскому. Низложеннаго царя Василія съ братьями какъ самый дорогой свой трофей онъ повезъ съ собою подъ Смоленскъ, куда и прибылъ въ концѣ октября 1610 года.

Великое московское посольство, ѣхавшее медленно, только на три недѣли упредило гетмана своимъ прибытіемъ въ королевскій лагерь; причемъ удостоилось пышной встрѣчи. Его помѣстили въ особыхъ шатрахъ. Спустя нѣсколько дней, оно получило торжественный пріемъ у короля съ цѣлованіемъ его руки; причемъ изложило предметъ своихъ полномочій и поднесло подарки. Канцлеръ Левъ Сапѣга давалъ ему отъ королевскаго имени отвѣтъ, благосклонный, но довольно туманный. Затѣмъ начался рядъ совѣщаній между московскими послами и польско-литовскими панами-радою, съ тѣмъ же канцлеромъ во главѣ. Тутъ для первыхъ скоро наступило разочарованіе. Глав-

нымъ предметомъ спора послужилъ Смоленскъ: послы просили снять осаду и вывести королевское войско изъ московскихъ предѣловъ; паны же напротивъ требовали сдачи сего города, послѣ которой, по ихъ словамъ, король намѣревался идти на Калужскаго вора, прогнать Шведовъ и вообще успокоить Московское государство. Относительно отпуски королевича паны отлагали окончательное рѣшеніе до сейма; причемъ оспаривали необходимость принятія имъ греческой вѣры. Тщетно Москвичи ссылались на договоръ, заключенный съ гетманомъ Жолкевскимъ; паны запальчиво отвѣчали, что тѣ пріѣхали какъ челобитчики, а не указчики ихъ государю. Съ своей стороны великіе послы, особенно митрополитъ Филаретъ и князь Василій Голицынъ, твердо стояли на своихъ условіяхъ и ни за что не соглашались на уступку Смоленска. Въ это время содержаніе отпускалось имъ самое скудное; свита посольская едва не умирала съ голоду; а лошади почти всѣ подошли. На жалобы пословъ паны откровенно говорили, что они терпятъ за свое упорство.

Жолкевскій при своемъ вѣздѣ въ королевскій лагерь удостоился триумфальной встрѣчи. Привезенный имъ Василій Шуйскій на торжественномъ пріемѣ не хотѣлъ поклониться королю и вообще держался съ достоинствомъ, продолжая считать себя московскимъ царемъ. Подробно донося Сигизмунду о всѣхъ событіяхъ и обстоятельствахъ московскихъ, гетманъ пытался убѣдить его въ необходимости подтвердить условія своего договора съ временнымъ правительствомъ. Попытка эта, какъ и слѣдовало ожидать, осталась тщетною. Однако, приглашенный къ участию въ совѣщаніяхъ съ московскимъ посольствомъ, гетманъ заговорилъ съ Москвичами инымъ тономъ чѣмъ прежде. Напримѣръ, по поводу Смоленска напрасно послы напоминали ему, заключающееся въ договорѣ съ Елецкимъ и Валуевымъ, обязательство снять осаду Смоленска, какъ скоро жители его присягнутъ королевичу. Жолкевскій замѣтилъ, что ничего не помнитъ и условія этого договора подписалъ не читавши. Ссылаясь на то, что они не уполномочены измѣнить статьи своего наказа, послы испросили позволеніе отправить по сему поводу въ Москву гонца.

Отчасти угрозами, а отчасти льготами Полякамъ удалось болѣе половины посольства, хотя бы только наружнымъ образомъ, склонить на свою сторону. Въ королевскій лагерь уже начали пріѣзжать съ разныхъ сторонъ московскіе люди, чтобы заявлять о своей преданности и выпрашивать у короля грамоты на помѣстья и вотчины. Подобными грамотами и другими наградами соблазнили

также и многіе члены посольства; въ ихъ числѣ оказались думный дворянинъ Сукимъ, дьякъ Сыдавный-Васильевъ, спасскій архимандритъ Евфимій, троицкій келарь Палицынъ и Захаръ Лапуновъ. Вмѣстѣ съ грамотами давалось разрѣшеніе уѣхать домой, и это разрѣшеніе особенно соблазняло членовъ посольства, стремившихся выдти изъ своего бѣдственнаго положенія. Еще дорогою въ Смоленскъ нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе тайкомъ покинули посольство и разѣхались по домамъ; а теперь другіе ихъ товарищи притворно соглашались на присягу не одному королевичу, но и самому королю, чтобы вырваться на свободу. Въ посольской свитѣ находились и дѣти боярскіе Смоленскаго уѣзда. Канцлеръ прямо потребовалъ отъ нихъ присяги королю, а иначе грозилъ лишеніемъ помѣстьевъ: одни присягнули, другіе отказались. Такимъ образомъ въ самомъ посольствѣ произошли несогласія и споры. Но были и такіе члены, которые въ эту трудную минуту оказали мужество и непреклонную вѣрность родинѣ. Послѣ Филарета и князя Голицына такою твердостью отличился особенно дьякъ Томило Луговскій, котораго никакія прельщенія и угрозы Сапѣги не могли склонить къ измѣнѣ своему долгу. Итакъ большая часть посольства разѣхалась; а оставшіеся очутились въ положеніи плѣнниковъ.

Осада Смоленска во время сихъ переговоровъ продолжалась съ усиленнымъ рвеніемъ. Но оно пока разбивалось объ упорство и мужество осажденныхъ. Изъ города постоянно являлись въ лагерь перелѣзчики, которые доносили о раздорахъ и болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ между осажденными, и тѣмъ питали у осаждавшихъ надежду на скорый успѣхъ. Дѣйствительно, раздоры были; но воевода Шенинъ и архіепископъ Сергій умѣли ихъ побѣждать. Продовольствіи оставалось еще довольно; за то страшно развившаяся цынга похищала большое количество людей, и число защитниковъ замѣтно таяло. Тѣмъ не менѣе всѣ непріятельскіе подкопы были своевременно уничтожаемы, и всѣ приступы отбиваемы. Иногда осаждающимъ удавалось разрушить часть стѣны или башню; но за этими развалинами они встрѣчали высокій валъ, вооруженный пушками, который преграждалъ имъ путь. Шенинъ проявлялъ не только замѣчательную военную умѣлость и бодрость духа, но и ловко вступалъ иногда въ переговоры, чтобы выиграть время. Напрасно подсылаемые къ стѣнамъ русскіе измѣнники доносили ему о сверженіи царя Василя, о московской присягѣ королевичу Владиславу, о занятіи Москвы Поляками. Онъ не внималъ никакимъ увѣщаніямъ, и продолжалъ вести энергичную оборону.

Любопытны отношенія московскаго временнаго правительства, вообще боярства, къ Польскому королю и его главному совѣтнику литовскому канцлеру Сапѣгѣ. Въ рукахъ сего послѣдняго сосредоточилось вѣданіе московскими дѣлами со времени присяги королевичу Владиславу. Къ нему обращаются изъ Москвы бояре и нѣкоторые другіе чины съ разными посланіями и просьбами, особенно тѣ, которые искали милостей и наградъ, въ видѣ сановъ, помѣстій и вотчинъ. Изъ дошедшихъ до насъ таковыхъ посланій узнаемъ, что, напримѣръ, глава Правительственной Думы князь Мстиславскій, получившій отъ короля похвальную грамоту за содѣйствіе къ избранію Владислава, пожалованный саномъ *сми* и конюшаго, бьетъ челомъ Льву Сапѣгѣ и проситъ его о пожалованіи околичества уѣхавшему подъ Смоленскъ Ив. Вас. Головину. А ближайшій товарищъ Мстиславскаго по Думѣ бояринъ Фед. Ив. Шереметевъ униженно проситъ Сапѣгу ходатайствовать передъ королемъ о своихъ „вотчинныхъ деревнишкахъ“ и ссылается на свою „службу и правду“ королю и королевичу. Такія же челобитныя шлетъ Сапѣгѣ печатникъ Иванъ Грамотинъ. Извѣстный Федоръ Андроновъ, приставленный въ Москвѣ къ государственной казнѣ, также проситъ Льва Сапѣгу ходатайствовать о пожалованіи его помѣстьями, именно сельцомъ Раменьемъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ и сельцомъ Шубиннымъ съ деревнями: такъ какъ сіи земли, отнятыя у одного изъ Годуновыхъ и у Зюзина, отданы были Тушинскимъ воровъ Ив. Март. Заруцкому. Андроновъ при семъ даетъ совѣты, какъ спроводить сверженнаго царя Василія къ королю, какъ ослабить ратную Московскую силу въ столицѣ, разославъ ее по городамъ (что и было вскорѣ исполнено), и какъ нужно по приказамъ посадить людей, преданныхъ королю, на мѣсто „похлѣбцевъ“ Шуйскаго. Кромѣ того онъ жалуется, что въ Москвѣ не одинъ гетманъ (Жолкевскій) раздаетъ помѣстья, но и другіе сильные люди, напримѣръ Салтыковы.

Въ свою очередь Михаилъ Салтыковъ жалуется на притѣсненія и взяточничество того же Федора Андропова, который самъ причисляетъ себя къ „правителямъ“ и является однимъ изъ „временниковъ“ (временщиковъ), подобныхъ тѣмъ, которые были при Шуйскомъ. „Отецъ его (Андропова) въ Погорѣломъ Городищѣ торговалъ лаптами; а онъ взятъ къ Москвѣ изъ Погорѣлаго, по велѣнію Бориса Годунова, для вѣдовства и еретичества, а на Москвѣ былъ торговый мужикъ“. Отъ него большой недоборъ въ казнѣ, „потому что за многихъ Федоръ Андроновъ вступается и спущаетъ, для посуловъ,

съ правѣжу; а иныхъ не своего приказу насильствомъ подѣ судѣ къ себѣ емлетъ, и самѣ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ“. Въ слѣдующихъ письмахъ своихъ Салтыковъ увѣдомляетъ о козняхъ Калужскаго вора, который продолжалъ ссылаться съ своими московскими добротами. Такъ отъ него прѣхалъ одинъ священникъ съ грамотами къ патріарху и боярамъ; его схватили и пытали; на пыткѣ онъ показалъ, будто съ воромъ ссылаются князья Андрей Голицынъ и Иванъ Воротынскій. (Эти два князя были взяты подѣ стражу, а священникъ казнѣнъ). Салтыковъ совѣтуетъ королю спѣшить въ Москву и „вора доступать“. Льву Сапѣгѣ онъ между прочимъ посылаетъ въ подарокъ лисью шапку, черную горлатную, съ своякомъ княземъ Звенигородскимъ, прося ходатайствовать за сего послѣдняго передѣ королемъ о разныхъ пожалованіяхъ. Для себя и сына своего Салтыковъ яспросилъ села Вагу, Чаронду, Тотму и Рѣшму, которыя при Борисѣ были за Годуновыми, а при Шуйскомъ за Шуйскими. Относительно доносовъ на него въ произвольныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ и раздачѣ земель, онъ оправдывается тѣмъ, что всѣ дѣла дѣлаетъ вмѣстѣ съ Фед. Ив. Мстиславскимъ и всѣми боярами, а помѣстья даютъ они „выморочныя“ и „лишныя“, розданныя при Шуйскомъ. „При прежнихъ государяхъ—пишетъ онъ,—коли они въ отъѣздѣ бывали, на Москвѣ бояре помѣстья давали, да не токмо на Москвѣ, и въ Новгородѣ Великомъ, и въ Казани бояре и воеводы помѣстья даютъ, чтобы тѣмъ на Москвѣ людей удержать и безъ помѣщиковъ помѣстныхъ земель не запустошить“. Посылая Сапѣгѣ въ подарокъ лисью шапку, Салтыковъ увѣдомляетъ его, что „продернулъ“ въ нее веревочку и запечаталъ тою же печатью, которою и грамота запечатана, дабы шапку „не подмѣнили“. Что такія предосторожности были нелишними, видно изъ письма печатника Ивана Грамотина. Сапѣга выразилъ неудовольствіе по поводу его худого поминка (рыси), присланнаго какъ будто „на шутку“; Грамотинъ увѣряетъ, что тутъ вышло недоразумѣніе, и посылаетъ Сапѣгѣ „горностайный кожухъ“ съ своимъ пріятелемъ Ив. Ив. Чериннымъ, прося и для него, и для себя милостей. Князь Василій Масальскій шлетъ Сапѣгѣ въ подарокъ соболѣй, почти на 100 рублей, съ дьякомъ Тюкинымъ, и проситъ poradѣть о его „дѣлѣ“. Далѣе имѣемъ челобитныя о помѣстьяхъ, вотчинахъ и санахъ такихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ каковы: князья Борисъ Лыковъ, Юрій Хворостининъ, Федоръ Мещерскій, Тимофей Долгоруковъ, Григорій Ромодановскій, также Григорій Валуевъ, Захаръ Ляпуновъ, думный

дьякъ Василій Яновъ, Михайлъ Молчановъ, братья Ржевскіе и др.

Подобныя челобитныя очевидно не оставались тщетными. Мы видимъ длинный рядъ пожалованій помѣстьями, денежными окладами, дворами въ Москвѣ, чинами и урядами многихъ лицъ, претерпѣвшихъ разореніе отъ бывшаго царя [Василія и показавшихъ свое радѣніе королю и королевичу. Между прочими князь Ромодановскій награжденъ саномъ боярина, Мещерскій—окольничаго; Михайлъ Молчановъ и Ив. Вас. Головинъ также пожалованы окольничествомъ, Тюкинъ дьякомъ въ приказѣ Большого дворца. Ив. Мих. Салтыкову дано начальство въ Стрѣлецкомъ приказѣ, князю Юрію Хворостинину въ Пушкарскомъ; печатнику и посольскому думному дьяку Ив. Грамотину вмѣстѣ съ его пріятелемъ Чичеринымъ поручено вѣденіе Помѣстнымъ приказомъ, Ѳед. Андронову челобитными, дворянину Ив. Безобразову дано ловчество Московское [и Тверское „съ путемъ“, Ив. Чепчугову ясельничество. Извѣстнаго дьяка Аѳанасія Власьева, заключеннаго въ тюрьму при Шуйскомъ, велѣно изъ нея выпустить, а затѣмъ возвратить ему должность казначея и думнаго дьяка: въ этомъ случаѣ Салтъга конечно оказалъ покровительство одному изъ своихъ русскихъ пособниковъ въ интригѣ, создавшей самозванщину. Архимандриту Троицкаго монастыря Діонисію и келарю Авраамію Палицыну съ братіей отдана прежняя пошлина на конской площади съ продажи коней; причемъ монастырь освобожденъ отъ платежа въ казну сторублевой откупной суммы. Всѣ таковыя награды и пожалованія давались за скрѣпю великаго канцлера Литовскаго, который очевидно въ это время и былъ лицомъ самымъ вліятельнымъ во внутреннихъ дѣлахъ и распорядкахъ Московскаго государства. Припоминая его дѣятельное, хотя и скрытое, участіе въ происхожденіи самой Московской смуты, можемъ догадываться, какъ радовалась теперь его душа, пылавшая ненавистью къ Москвѣ, и какъ онъ, имѣя у ногъ своихъ эту Москву, считалъ себя у цѣли своихъ давнишнихъ стремленій и козней.

На просьбы московскихъ бояръ, чтобы Сигизмундъ скорѣе прислалъ сына или самъ бы спѣшилъ въ Москву, получался все тотъ же отвѣтъ, что прежде надобно очистить мѣста, занятые шайками Калужскаго вора, а также завладѣть Смоленскомъ, защитники котораго будто бы тоже взяли сторону вора. Но вскорѣ судьба устранила и самый предлогъ для сихъ отговорокъ, т.-е. бывшаго Тушинскаго царя.

Послѣ вторичнаго бѣгства изъ подъ Москвы Лжедмитрій II снова

водворился въ Калугѣ со своимъ дворомъ, и все еще продолжалъ господствовать въ значительной части Московскаго государства. За него стояла особенно юговосточная часть. Астрахань, какъ мы видѣли, присягнула ему вскорѣ послѣ его появленія. Когда былъ сверженъ Шуйскій и избранъ Владиславъ, то и Казань, не желая подчиняться Полякамъ, также присягнула Лжедмитрію. (Впрочемъ присяга сія совершилась уже послѣ его гибели, о которой Казанцы еще не знали). На сѣверѣ его признавали: Псковская земля, гдѣ свирѣпствовали казацкія шайки Лисовскаго и Просовецкаго, Великія Луки, Ивангородъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ и нѣкоторыя другія мѣста. Деллагарди, послѣ Клушинской битвы, соединился съ отрядомъ французскихъ наемниковъ, предводимыхъ Делавилемъ, притянулъ еще отряды изъ пограничнаго Финляндскаго края, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ бывшихъ своихъ союзниковъ, Русскихъ, стремясь воспользоваться ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, чтобы расширить съ этой стороны предѣлы Швеціи. Делавиль захватилъ Ладогу; а самъ Деллагарди осадилъ Корелу, которая хотя по Выборгскому договору и уступлена Шведамъ, но не была имъ отдана; такъ какъ они не исполнили главнаго условія, т. е. очищенія Московской земли отъ Поляковъ. Иванъ Мих. Салтыковъ, присланный съ русско-польскимъ отрядомъ для очищенія Новгородскаго края отъ самозванцевъ шаяекъ и отъ Шведовъ, не былъ впущенъ въ Новгородъ. Только когда онъ присягнулъ, что не будетъ вводить сюда литовскихъ ратныхъ людей, Новгородцы согласились поцѣловать крестъ королевичу Владиславу. Тогда, соединясь съ новгородскимъ воеводою княземъ Григоріемъ Волконскимъ, онъ отвоевалъ Ладогу; но Корела послѣ упорной и продолжительной обороны была взята Шведами. А Псковская земля, куда посланъ былъ Григорій Валуевъ, еще держалась Самозванца, когда произошла гибель сего послѣдняго.

Питая злобу противъ Поляковъ за измѣну Тушинцевъ и Сапѣжинцевъ, воръ приказывалъ перехватывать мелкія польскія партіи, а потомъ наслаждался пытками и казнями захваченныхъ плѣнниковъ. Главная его ратная сила заключалась въ Донскихъ казакахъ. Ими начальствовалъ Иванъ Заруцкій, который еще въ Тушинѣ угождалъ Самозванцу ревностнымъ исполненіемъ его порученій, если требовалось кого-либо схватить, убить или утопить. Когда уничтожился Тушинскій таборъ, этотъ Заруцкій перешелъ на королевскую службу, отличился въ Клушинской битвѣ и втерся въ милость гетмана Жолкевскаго; но тутъ онъ не могъ стерпѣть предпочтенія, которое гет-

манъ оказывалъ младшему Салтыкову, и снова передался Самозванцу. При семъ послѣднемъ, кромѣ казаковъ, въ качествѣ тѣлохранителей находилось на службѣ нѣсколько сотъ Татаръ, которымъ онъ довѣрялъ болѣе чѣмъ Русскимъ. Не считая себя въ безопасности по со-сѣдству съ польскими войсками, воръ намѣревался перекочевать да-лѣе на юговостокъ; для чего велѣлъ укрѣплять и снабжать всѣми запасами городъ Воронежъ. Но онъ не успѣлъ туда перебраться. Четырехлѣтнее безнаказанное самозванство и удачное избавленіе отъ многихъ опасностей сдѣлали его безпечнымъ, самовластнымъ, еще болѣе грубымъ и приверженнымъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Когда онъ пребывалъ въ Тушинѣ, къ его табору присталъ касимовскій ханъ Уразъ Магометъ. Послѣ прибытія Жолкевскаго подъ Москву и ея присяги Владиславу, этотъ ханъ отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, и былъ имъ обласканъ. Скучая по женѣ и сыну, нахо-дившихся при Лжедмитріи, онъ пріѣхалъ въ Калугу, но съ тѣмъ, чтобы, забравъ свою семью, тайкомъ опять уѣхать къ королю. Сынъ, успѣвшій привязаться къ вору, донесъ ему о намѣреніи отца. Тогда воръ, любившій часто ѣздить за городъ подъ предлогомъ охоты, во время одной такой поѣздки велѣлъ умертвить бывшаго съ нимъ хана и бросить его тѣло въ Оку; а въ Калугѣ объявилъ, что ханъ бѣжалъ невѣдомо куда. Когда же истина сдѣлалась извѣстною, татарскій кре-щенный мурза Петръ Урусовъ (по желанію Василя Шуйскаго женатый на вдовѣ его брата Александра Ив. Шуйскаго) сталъ упрекать Само-званца въ убійствѣ стараго хана, съ которымъ былъ связанъ дружбою. Тотъ велѣлъ бить Урусова кнутомъ и бросить въ тюрьму; но, спустя нѣсколько времени, по ходатайству Марины и другихъ лицъ, осво-бодилъ его, обласкалъ и снова приблизилъ къ себѣ. Татаринъ съ своей стороны показывалъ ему преданность и удалствомъ своимъ заслужилъ его расположеніе; но въ душѣ питалъ жажду мести. Онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ подговорилъ другихъ Татаръ и ждалъ удобнаго случая. 11 декабря Самозванецъ по обыкновенію выѣхалъ на охоту, полупьяный, подъ конвоемъ толпы Татаръ, въ сопровожде-ніи небольшого количества Русскихъ и своего шута Кошелева. Имѣя съ собою запасъ меда и вина, онъ дорогою останавливался и напи-вался еще болѣе. Вдругъ Урусовъ, выхвативъ саблю, наскочилъ на сани Самозванца и разсѣкъ ему плечо; а младшій братъ отрубилъ ему голову. Нѣсколько русскихъ спутниковъ его тоже были убиты; другіе, въ томъ числѣ шутъ Кошелевъ, спаслись бѣгствомъ. Въ за-ранѣе условленномъ мѣстѣ Урусовъ соединился съ другими Татарами,

уѣхавшими изъ Калуги, и они пустились въ степи, опустошая и грабя на своемъ пути.

Страшное волненіе произошло въ Калугѣ, когда получили тамъ извѣстіе объ убіеніи Самозванца. Ударили въ набатный колоколъ. Собравшаяся толпа бушевала и требовала казни виновныхъ. Волненіе еще болѣе усилилось, когда привезли и самый обезглавленный трупъ вора. Донскіе казаки бросались на оставшихся и не участвовавшихъ въ заговорѣ Татаръ и всѣхъ перебили. Марина, повидимому находившаяся при концѣ беременности, предалась отчаянію и вопила, чтобы и ее также убили. Спустя нѣсколько дней, она родила (или сдѣлала видъ, что родила) сына, котораго окрестили по православному обряду и назвали Иваномъ. Калужскіе измѣнники стали величать его царемъ. Стоявшій съ своимъ войскомъ около Мещовска, Сапѣга при извѣстіи о смерти вора послѣшилъ было въ Калугу, думая захватить ее внезапнымъ нападеніемъ. Но начальствовавшіе здѣсь воеводы Самозванца, князя Григорій Шаховской, Димитрій Трубецкой и др., дали ему сильный отпоръ. Условились на томъ, что Калуга признаетъ царемъ того, кого поставитъ Москва. Сапѣга отступилъ; однако ему удалось захватить Перемышль и еще нѣсколько мѣстъ, державшихся вора. Сама Калуга вскорѣ присягнула королевичу Владиславу, и воеводою сюда Московское временное правительство прислало князя Юрія Никитича Трубецкого. Марина съ новорожденнымъ сыномъ была заключена подъ стражу. ⁽²⁰⁾

Вообще внезапная смерть Самозванца имѣла важныя послѣдствія. Казалось, польскій претендентъ и польская партія избавились отъ непріятнаго соперника и дѣло ихъ значительно облегчилось. Однако въ дѣйствительности ихъ положеніе, наоборотъ, затруднилось. Во-первыхъ, у короля былъ отнятъ главный предлогъ ко вторженію въ московскіе предѣлы и очищенію государства отъ воровъ. Во-вторыхъ, боярство московское имѣло теперь менѣе причинъ держаться короля и королевича; ибо избавилось отъ страха передъ чернью, которую Самозванецъ возбуждалъ противъ высшихъ и имущихъ классовъ. Въ-третьихъ, уменьшилась рознь между русскими областями: ибо присягнувшія ему теперь большею частію рѣшили признать того, кого выберетъ Москва; а въ самой Москвѣ только часть бояръ и дворянъ составляла польскую партію; остальные же классы, преимущественно духовенство, питали совсѣмъ иныя чувства и ждали только удобнаго времени или внѣшняго толчка, чтобы дать имъ полную волю.

Такимъ именно толчкомъ и послужила смерть Калужскаго вора. Обрадованныя гибелью одного изъ главныхъ враговъ Московскаго государства, духовенство и враждебное Полякамъ населеніе начали дѣйствовать смѣлѣе и настойчивѣе. Во главѣ движенія сталъ патріархъ Гермогенъ, который успѣлъ убѣдиться въ томъ, что Сигизмундъ III нисколько не намѣренъ давать сына на Московское царство, а еще менѣе дозволить ему принятіе православія, но что онъ хочетъ завладѣть царствомъ для себя лично. Патріархъ началъ помимо временнаго правительства разсылать по областямъ грамоты, въ которыхъ разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и увѣщевалъ прислать ратныхъ людей къ Москвѣ для защиты православной вѣры отъ латинскаго короля и для изгнанія враговъ. Временное правительство въ эту пору нѣсколько измѣнилось въ своемъ составѣ и окончательно приобрѣло характеръ польскаго намѣстничества. Князь Мстиславскій еще сохранялъ свое положеніе главы правительства, но чисто номинальное; дѣйствительнымъ главою сдѣлался начальникъ польскаго гарнизона панъ Гонсѣвскій; хотя всѣ его распоряженія шли отъ имени Боярской думы; но дума ни въ чемъ не смѣла ему противорѣчить. Ближайшими совѣтниками его и самыми властными людьми изъ Русскихъ въ это время являются въ Москвѣ два извѣстные измѣнника, бояринъ Михайлъ Салтыковъ и посадскій человекъ Федоръ Андроновъ, повидимому оставившіе свое соперничество и дѣйствовавшіе теперь заодно; во главѣ разныхъ приказовъ и вѣдомствъ, какъ мы видѣли, они успѣли устроить своихъ родственниковъ и пріятелей.

Недаромъ Салтыковъ и Андроновъ упоминаются въ русскихъ извѣстіяхъ и актахъ того времени какъ усерднѣйшіе слуги Поляковъ и злѣйшіе враги вѣры и родины. Они доносили Гонсѣвскому на патріарха, предупреждали о готовившемся возстаніи Москвитянъ и придумывали гнусныя мѣры противъ сего возстанія. Съ ихъ помощію нѣкоторыя грамоты патріарха, назначенныя для областей, были перехвачены. Тогда онъ подвергся преслѣдованіямъ. Михайло Салтыковъ и Андроновъ то одни, то вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ приходили къ патріарху и принуждали его благословить весь народъ на присягу королю и королевичу вмѣстѣ и подписать боярскій приговоръ о томъ, что Москва отдается вполнѣ на королевскую волю. Патріархъ наотрѣзъ отказалъ; изъ за чего происходила у нихъ большая брань; Салтыковъ даже грозилъ ему ножомъ. Но патріархъ остался непреклоненъ и ножу противопоставилъ крестъ. Онъ созвалъ

было народъ въ Соборную церковь; но Поляки окружили ее военнымъ отрядомъ и не допустили бесѣды патріарха съ народомъ. Послѣ того къ Гермогену приставлена стража; отъ него удалили дьяковъ и дворовыхъ людей; даже отобрали всѣ письменныя принадлежности, чтобы онъ не могъ писать грамоты въ иные города.

Гонсѣвскій и польскій горнизонтъ, съ самаго начала замѣчавшіе неприязнь Москвичей, соблюдали большія предосторожности и постоянно держали наготовѣ коней и оружіе; теперь же, узнавъ о грамотѣ патріарха, пришли въ большое безпокойство: еще живо сохранилось въ ихъ памяти избиеніе Поляковъ 17 мая 1606 года. Они удвоили предосторожности: усилили караулы; отдали приказъ, чтобы жители поздно вечеромъ не выходили изъ домовъ; а, главное, отобрали у нихъ всѣ запасы пороху и свинцу, и запретили держать у себя оружіе подъ страхомъ смертной казни, обязывая сдавать его въ царскую казну. Тогда Москвичи отчасти стали скрывать оружіе, а отчасти вывозить его за городъ, и польская стража, стоявшая у городскихъ воротъ, иногда находила пищали и самопалы въ телегахъ, нагруженныхъ какимъ либо хлѣбомъ; оружіе отобрали; а воиновъ, по приказу Гонсѣвскаго, бросали въ проруби. На святки, особенно на Крещенье, обыкновенно множество народу изъ окрестностей съѣзжалось въ Москву, чтобы присутствовать на церковныхъ торжествахъ и обрядовыхъ церемоніяхъ. Въ 1611 году, хотя стеченіе народа не было такъ велико какъ прежде, однако съѣхалось немало. Поляки испугались стеченія и отъ самаго Рождества до Крещенья не разсѣдывали своихъ коней, собирались по тревогѣ по нѣскольку разъ въ день, и вообще страшно утомились отъ постоянного бдѣнія; такъ какъ ихъ войско было слишкомъ малочисленно въ сравненіи съ населеніемъ.

Несмотря на всѣ принятія мѣры, извѣстія о неволѣ патріарха и его мольбы стоять за вѣру и освободить царствующій градъ изъ рукъ безбожныхъ Латынянъ распространились по областямъ и возбуждали тамъ сильное волненіе. Особенно эти мольбы обращались въ Рязанскую землю къ ея храброму воеводѣ Прокопію Петровичу Лапунову. И сей послѣдній не обманулъ надежды, возлагаемой на него патріархомъ.

Города Московскаго государства начали пересылаться между собою грамотами, въ которыхъ указывали на коварство Польскаго короля, на неистовства польскихъ и литовскихъ людей, на опасность, угрожающую православной вѣрѣ, и призывали другъ друга къ общей борьбѣ со врагами. Цѣлый рядъ дошедшихъ до насъ подобныхъ по-

сланій открывається грамотою, обращенною къ Москвичамъ изъ подъ Смоленска отъ жителей смоленскихъ городовъ и уѣздовъ, утѣшен-ныхъ Поляками. Грамота сообщаетъ, что эти разоренные Смоляне прїѣхали въ королевскій обозъ хлопотать объ освобожденіи изъ плѣна своихъ женъ, матерей и дѣтей; но никто надъ ними не смилословился; многіе, собравъ Христовымъ именемъ окупъ, ходили для того въ Литву и Польшу, но тамъ все у нихъ разграбили и сами свои головы потеряли. А вся земля и вѣра христіанская—говорится въ грамотѣ—гибнуть отъ „немногихъ предателей своей вѣрѣ и землѣ“; главные изъ нихъ Михайло Салтыковъ, да Ѳеодоръ Андроновъ пишутъ королю, чтобы приходилъ съ большою силою и укрѣпилъ за собою Москву, такъ какъ патріархъ своими грамотами призываетъ людей ополчиться за святую вѣру. Смоляне доподлинно узнали о клятвопреступленіи польскихъ и литовскихъ людей: на ихъ сеймахъ рѣшено не отпускать королевича на Московское государство, вмѣсто того вывести изъ него лучшихъ людей, опустошить его и завладѣть всей Московской землей. Смоляне просятъ Москвичей списки съ своей грамоты послать въ Новгородъ, Вологду и Нижній, приписавъ къ ней и свой совѣтъ, чтобы „всею землею стать за православную христіанскую вѣру, покажѣста еще свободны, не въ работѣ и въ плѣнѣ не разведены“. Москвичи такъ и поступили: списки съ грамоты своихъ смоленскихъ „братевъ разоренныхъ и плѣненныхъ“ разослали въ разные города, присоединивъ отъ себя слезное моленіе стать съ ними за одно противъ общихъ враговъ и собраться для освобожденія столицы: „если корень и основаніе крѣпко, то и все дерево недвижно, а если корня не будетъ, такъ къ чему прилѣпиться?“—замѣчаетъ московская грамота. И затѣмъ напоминаетъ, что въ Москвѣ Владимірская икона Пречистой Богородицы и великіе свѣтильники Петръ, Алексѣй, Іона; тутъ и „святѣйшій Гермогенъ патріархъ, прямой пастырь, полагающій душу свою за вѣру христіанскую“, и неужели православные будутъ ждать, чтобы московскія святыни были также разорены и поруганы, какъ разорили церкви въ другихъ мѣстахъ и чтобы православная вѣра была „перемѣнена“ въ латинство?

Одинъ за другимъ города отзывались на эти посланія, входили между собою въ сношенія и побуждали другъ друга къ сбору общаго ополченія. На сѣверовостокѣ особенно усердствуютъ Нижегородцы. Они входятъ въ непосредственныя или посредственныя сношенія съ жителями поморскихъ, сѣверныхъ и низовыхъ городовъ, каковы: Вологжане, Устюжане, Тотемцы, Ярославцы, Суздальцы, Костромичи,

Владимірцы, Галичане, Муромцы, Пермичи, Казанцы, Рязанцы и др. Для юго-востока центромъ движенія становится Рязань, возбужденная своимъ воеводою Проконіемъ Лапуновымъ. Онъ шлетъ отвѣтныя грамоты въ Нижній, а призывныя въ Калугу, Тулу, Михайловъ, т. е. въ Сѣверскіе и Украинныя или „зарѣчныя“ (Залескіе) города, и приглашаетъ всѣхъ цѣловать крестъ, „что бы за Московское государство всюю землею стояти вмѣстѣ за одинъ и съ литовскими людьми битися до смерти“. Сообразно съ положеніемъ областей, онъ назначилъ два сборныхъ пункта, куда должны идти разные люди изъ городовъ: для сѣверскихъ и украинныхъ Серпуховъ, а для низовыхъ Коломну. Разослана была и крестоцѣловальная запись, по которой города присягали: „Московское государство очищать отъ польскихъ и литовскихъ людей, съ королемъ и русскими людьми, которые ему примять, никакими мѣрами не ссылаться, межъ себя никакихъ смутныхъ словъ не вѣщать и дурна никакого не вчинять, не грабить, не побивать, а кого государемъ Богъ дастъ, тому служить и примять“ и т. д. Между прочимъ присягали и на томъ, что бы не признавать государемъ новорожденного сына Марины Мнишекъ и Лжедмитрія II. Призывныя грамоты особенно громки русскихъ измѣнниковъ—еретиковъ, съ Салтыковымъ и Андроновымъ во главѣ, а также вообще московскихъ бояръ, которые „прельстились ради удѣловъ“ и продали себя польскому королю. Если бы—говорилось въ нихъ—святѣйшій патріархъ Гермогенъ, презирая смерть, не подвизался за православную вѣру, то на Москвѣ некому было бы стоять за нее. „Не токмо вѣру поспрати, хотя бы на *всѣхъ холмахъ хотѣли учинити* (т. е. подбрили бы всѣмъ головы на польскій ладъ), и за то никто бы слова не смѣлъ молвити, боясь многихъ литовскихъ людей и русскихъ злодѣевъ, которые сложились съ ними отступя отъ Бога“. Послѣ Гермогена въ примѣръ „крѣпкаго стоятельства“ за православную вѣру указывали на смоленскаго архіепископа Сергія, боярина Шенна и смоленскихъ „сидѣльцевъ“, которые не поддались ни на какіе обманы и ласканыя, и помогаютъ Москвѣ тѣмъ, что удерживаютъ подъ своими стѣнами короля съ войскомъ.

Призывныя грамоты производили впечатлѣніе и воодушевляли народъ. Въ мартѣ 1611 года съ разныхъ сторонъ земскія ополченія двинулись къ Москвѣ. Рязанцевъ велъ Проконій Лапуновъ, который впереди себя послалъ на Коломну „нарядъ“ (пушки) и „допчатой городъ“ (гуляй-городъ); изъ Шацка шелъ Иванъ Карнозицкій съ Темниковцами и Алатырцами, съ Мордвой, Черемисами и Чувашами;

Муромцы шли съ княземъ Вас. Фед. Масальскимъ, Нижегородцы съ княземъ Александромъ Андр. Рѣпиннымъ: изъ Суздаля и Владиміра двигались воевода Измайловъ и атаманъ Просовецкій съ казаками, изъ Переяславля Загѣскаго стрѣлецкій голова Мажаровъ, изъ Вологды и поморскихъ городовъ воевода Федоръ Нащокинъ, изъ Романова князь Пронскій и Козловскій съ своими людьми и мурзы съ Романовскими татарами, изъ Галича воевода Мансуровъ, съ Костромы князь Фед. Ив. Волконскій, изъ Калуги шелъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой съ земцами и казаками, изъ Тулы Иванъ Заруцкій съ Донцами, изъ Зарайска князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Граждане Великаго Новгорода также откликнулись на призывъ; они заключили въ тюрьму извѣстныхъ сторонниковъ польской партіи Ивана Салтыкова и Чеглокова, присягнули на общей крестоцѣлостной записи и послали ратныхъ людей съ нарядомъ къ Ляпунову. Только отдаленные Пермичи, Вычегодцы и Казанцы медлили съ своею помощью, не смотря на многія напоминанія отъ Ляпунова и другихъ. Большая часть новгородскихъ пригородовъ и Псковъ съ своими пригородами не пришли на помощь, отчасти по причинѣ шведскихъ захватовъ, отчасти по внутреннимъ смутамъ и неурядицамъ. Во всякомъ случаѣ къ Москвѣ приближалось великое, почти стотысячное, ополченіе, которое въ соединеніи съ населеніемъ столицы, казалось, однимъ своимъ числомъ могло задавить семитысячный польскій гарнизонъ. Но въ дѣйствительности силу ополченія подрывали неизбежное отсутствіе единства въ предводительствѣ и особенно присутствіе большого количества казаковъ—элемента противугосударственнаго и трудно поддающагося воинской дисциплинѣ. А что касается населенія столицы (польскія и вообще иноземныя извѣстія сильно преувеличиваютъ, считая его въ 700.000 человекъ), то враги успѣли нанести ему страшный разгромъ еще прежде, чѣмъ dospѣло земское ополченіе.

Несмотря на всѣ старанія Гонимскаго и другихъ польскихъ начальниковъ предупредить столкновенія своихъ жолнеровъ съ народомъ, отношенія весьма обострились. Ободраемые слухами о скоромъ приходѣ земскаго ополченія къ нимъ на помощь, Москвичи принимали все болѣе вызывающее положеніе и не скрывали своей ненависти къ Полякамъ; называли ихъ обыкновенно „лысыя головы“, короля бранили „старой собакой“, а королевича „щенкомъ“; на рынкахъ запрашивали съ нихъ вдвое дороже, чѣмъ съ туземцевъ и при всякомъ удобномъ случаѣ завязывали съ ними драку. Наступало Вербо-

ное Воскресенье, съ его величественной процессіей шествія патриарха на ослати изъ Кремля отъ Успенскаго Собора на Красную Площадь ко храму Покрова или Василія Блаженнаго, собственно къ его приѣзду Входъ въ Іерусалимъ. Онасясь обычнаго народнаго стеченія въ этотъ день, Гонсѣвскій отмѣнилъ было процессію на сей разъ; но, видя поднявшійся народный ропотъ, освободилъ патриарха изъ подъ стражи и велѣлъ ему совершить обрядъ шествія на ослати. При семъ его коня (изображавшаго осла) вмѣсто царя держалъ за поводъ бояринъ Гундуровъ. Всѣ Поляки и Нѣмцы, составлявшіе гарнизонъ, въ полномъ вооруженіи охраняли порядокъ и были готовы къ бою на случай народнаго мятежа. Но Вербное Воскресенье прошло спокойно; а гроза разразилась черезъ день послѣ того, т. е. во вторникъ на Страстной недѣлѣ 19 марта.

Въ понедѣльникъ лазутчики донесли Гонсѣвскому, что Лянуновъ съ главнымъ ополченіемъ приближается въ столицѣ съ одной стороны, Заруцкій съ казаками съ другой, Просовецкій съ третьей; а Москвитяне только ждутъ ихъ прихода, чтобы напасть на польскій гарнизонъ. Польскіе начальники рѣшили ихъ предупредить.

Въ Москвѣ на рынкахъ стояло зимою много извозчиковъ съ саними, запряженными въ одну лошадь. Эти сани представляли готовый и подвижной матеріалъ для того, чтобы перегородить улицы и стѣснить движенія Поляковъ въ случаѣ мятежа. Во вторникъ поутру Поляки замѣтили, что извозчики особенно столпились въ Китай-городѣ, наиболѣе торговой и густонаселенной части Москвы. Они стали бить и разгонять ихъ или заставляли тащить пушки на стѣны Кремля и Китай-города. Завязалась драка. На помощь извозчикамъ бросилась толпа лавочниковъ и черни. Тогда Поляки и Нѣмцы взяли за оружіе и принялись рубить и рѣзать Москвитей безъ разбора пола и возраста. Вскорѣ всѣ жители Китай-города были частію избиты, частію разбѣжались, и онъ остался безраздѣльно въ рукахъ Поляковъ, чего они и добивались. Во время этой свалки былъ убитъ князь Андрей Голицынъ, находившійся подъ стражею. Затѣмъ Поляки поспѣшили точно также громить и очищать Большой посадъ или Вѣлый городъ и внѣшній посадъ или Деревянный городъ, чтобы не дать Москвитамъ возможности укрѣпиться въ нихъ вмѣстѣ съ подхожившимъ земскимъ ополченіемъ. Въ это время подосѣли нѣкоторые передовые отряды сего ополченія. Тамъ князь Дм. Мих. Пожарскій вошелъ на Срѣтенку и засѣлъ здѣсь въ наскоро построенномъ острогѣ, который вооружилъ пушками. По всей Москвѣ загудѣли на-

батные колокола и все населеніе поднялось какъ одинъ человѣкъ. Въ Бѣломъ городѣ Поляки и Нѣмцы встрѣтили отчаянное сопротивленіе и никакъ не могли его одолѣть, потому что Москвичи перегородили улицы и переулки возами, дровами, скамьями и т. п.; польская конница не могла поэтому производить своихъ натисковъ; а пѣхота и Нѣмцы едва успѣвали разметать загородку въ одномъ мѣстѣ, какъ она появлялась въ разныхъ другихъ. Не только изъ за этихъ прикрытій, но также съ кровель и заборовъ Русскіе поражали враговъ пулями, стрѣлами, каменьями и дрекольемъ; кое-гдѣ съ нашей стороны гремѣли и пушки.

Полякамъ приходилось плохо: уже однимъ своимъ числомъ Русскіе дѣйствительно ихъ подавляли. Вдругъ кто-то закричалъ: *огня! огня! Жни дома!* Польскіе начальники приказали поджигать. Говорятъ, что этотъ совѣтъ данъ былъ главнымъ измѣнникомъ Салтыковымъ и что онъ первый зажегъ собственный домъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ врагамъ удалось произвести пожары въ разныхъ концахъ. Скоро дымъ и пламя, разносимые вѣтромъ, охватили большую часть города и заставили Москвичей покинуть свои мѣста; а Поляки въ вечеру спокойно отступили въ Кремль и Китай-городъ, куда переехали и тѣ части гарнизона, которыя стояли дотолѣ въ Бѣломъ городѣ. Пожаръ длился всю ночь и ярко освѣщалъ окрестность; Москвичи старались его потушить. Но Гонсеѣвскій, посовѣтовавшись съ русскими боярами-измѣнниками, рѣшилъ докончить дѣло истребленія, и учинилъ всѣ нужныя для того распоряженія. Въ середу на разсвѣтѣ изъ Кремля и Китая вышло нѣсколько польско-нѣмецкихъ отрядовъ съ осмоленной паклей, лучиной и другими зажигательными веществами; они принялись поджигать Бѣлый и Деревянный городъ во всѣхъ направленіяхъ. При этомъ особенно отличился своимъ усердіемъ наемный французъ Яковъ Маржереть, одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ, состоявшій въ русской службѣ при Борисѣ Годуновѣ и Лжедмитріи I. Такъ какъ стѣны и башни Бѣлаго города не поддавались огню и представляли подходившему русскому ополченію возможность отрѣзать Полякамъ сообщенія, то они постарались выжечь дотла Замоскворѣчье съ его вѣншною стѣною, чтобы имѣть съ этой стороны свободное сообщеніе съ польскими подкрѣпленіями и подвозомъ съѣстныхъ припасовъ. Какъ разъ въ это время, когда жители Замоскворѣчья вмѣстѣ съ прибывшимъ отрядомъ Ивана Колтовскаго оборонялись отъ Поляковъ, изъ Можайска подоспѣлъ съ свѣжей дружиной полковникъ Струсъ. Имѣя передъ собою горящую и рушившуюся до

реванную стѣну, этотъ храбрый полковникъ крикнулъ своимъ людямъ: „за мной, дѣти!“ и, вонзивъ шпоры, перескочилъ черезъ пылавшія развалины; за нимъ перескочила вся его конница, и обратила въ бѣгство отрядъ Колтовскаго. Другой ополченный отрядъ (Коломенцы съ Плещеевымъ) укрѣнился было у Чертольскихъ воротъ; но также не выдержалъ огня и нападенія. Только князь Пожарскій на Срѣтенскѣ мужественно бился съ врагами и долго оспаривалъ у нихъ прилегающую мѣстность. Однако огонь и тутъ принудилъ Русскихъ къ отступленію; они положили въ телѣгу тяжело раненнаго князя, и повезли его въ Троицкую Лавру. Туда же вслѣдъ за ними ушли многіе Москвичи; другіе разсѣялись по окрестнымъ слободамъ и селамъ; множество людей было избито или сожжено; оставшаяся часть жителей покорила Полякамъ и вновь должна была принести присягу королевичу Владиславу.

Москва опустѣла и обратилась въ громадный пылающій костеръ: ибо и на слѣдующій день, въ четвергъ, Поляки продолжали дѣло разрушенія, т. е. поджигали еще остававшіеся въ цѣлости дома. Послѣ трехдневнаго пожара Бѣлый и Деревянный городъ представляли груды дымящихся развалинъ, посреди которыхъ возвышались только закопченныя каменные стѣны, башни, церкви и печныя трубы. Во время пожара Поляки усердно занимались грабежомъ церквей и зажиточныхъ домовъ; они набрали множество сокровищъ, т. е. золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, дорогого платья, жемчугу и т. п. Жемчугу досталось имъ такое количество, что нѣкоторые для потѣхи заряжали имъ ружья какъ дробью и стрѣляли въ Русскихъ. Они разбивали бочки съ виномъ и медомъ, хранившіяся въ боярскихъ и купеческихъ погребахъ, и пили до упаду. Захваченныхъ женщинъ и дѣвицъ безнощадно насиловали. Многіе жолнеры обогатились въ то время награбленными драгоценностями; но по безопасности своей и малоумію, гоняясь за дорогими вещами и крѣпкими напитками, Поляки менѣе всего воспользовались хлѣбными и вообще съѣстными запасами, допустивъ ихъ стортъ или сдѣлаться негодными въ пищу; чѣмъ и приготовили себѣ послѣдующія бѣдствія отъ страшнаго голода. А начальники ихъ тогда главнымъ образомъ были озабочены мыслию, какъ бы по частямъ отбить надвигавшееся со всѣхъ сторонъ ополченіе.

Впереди Ляпунова шелъ Просовецкій съ нѣсколькими тысячами казаковъ; онъ двигался подъ защитою гуляй-города, т. е. подвижной отряды изъ большихъ саней, на которыхъ были утверждены деревянные щиты съ промежутками для стрѣльбы изъ самопаловъ; каждыя

такія сани двигалъ десятокъ людей, которые, когда было нужно, останавливались и стрѣляли въ промежутки. Противъ него выступилъ Струсь, имѣя около тысячи конницы. Въ пятницу на Страстной недѣлѣ верстахъ въ 20 отъ Москвы онъ встрѣтилъ Просовецкаго; спѣшивъ своихъ людей, прорвалъ гуляй-городъ и обратилъ его отрядъ въ бѣгство. Только во вторникъ на Святой недѣлѣ подошелъ съ главною ратью Лянуновъ, и сначала расположился обозомъ подъ Симоновымъ монастыремъ, окруживъ себя также гуляй-городомъ; потомъ онъ подвинулся къ Яузѣ. Почти одновременно съ нимъ пришли Заруцкій, Трубецкой, Измайловъ, Масальскій и другіе вожди ополченія и занимали мѣста по окраинамъ города или въ подгородныхъ слободахъ. Они старались завладѣть башнями и стѣнами Бѣлаго города, и дѣйствительно въ ихъ руки перешли ворота Яузскія, Петровскія, Срѣтенскія и Тверскія съ прилегавшими укрѣпленіями. А Поляки сосредоточились въ Кремлѣ и Китай-городѣ: въ первомъ стояли со своими полками Гонсѣвскій и Казановскій, а во второмъ Эборовскій, Струсь, Бобовскій, Млоцкій и др. Изъ Китай-города Поляки выгнали почти всѣхъ жителей и совершенно разграбили какъ дома, такъ и церкви, въ томъ числѣ и богатый храмъ Василія Блаженнаго. Въ Кремлѣ же, тѣсно застроенномъ царскими и боярскими теремами, правительственными приказами, соборами и монастырями, оставались еще многія боярскія и дворянскія семьи, отчасти измѣннически державшія сторону Поляковъ, отчасти оставленные ими въ качествѣ заложниковъ. Самъ Гонсѣвскій съ своею свитою расположился въ бывшемъ боярскомъ домѣ Бориса Годунова. Польскіе ротмистры, товарищи и простые жолнеры размѣстились гдѣ кто могъ или захватилъ прежде другихъ; они наполнили не только зданія приказовъ, но даже самыя храмы и монастыри были осквернены постоемъ грубыхъ жолнеровъ и ихъ коней. Груды неубранныхъ человѣческихъ и конскихъ труповъ тлѣли вокругъ Кремля и Китая на мѣстахъ недавняго побоища, и страшно заражали воздухъ, служа пищею собакамъ, которыя большими стаями собирались изъ всѣхъ окрестностей. Очутившись въ осадѣ, польскіе начальники и русскіе измѣнники, въ родѣ Салтыкова, излили свою злобу на патріарха Гермогена, не склонявшагося ни на какія обольщенія и угрозы и при всякомъ случаѣ посылавшаго свое благословеніе собравшемуся ополченію. Его бросили въ тѣсное, мрачное заключеніе въ Чудовъ монастырѣ; а на его мѣстѣ, по словамъ лѣтописи, вновь посадили бывшего лжепатріарха Игнатія, который простымъ чернецомъ проживалъ въ томъ же Чудовѣ мона-

стырь. Но сего послѣдняго Русскіе не признали своимъ архиепископомъ, а продолжали считать таковымъ Гермогена.

Начались постоянныя стычки. Русскіе строили временныя острожки изъ бревенъ и досокъ и подъ ихъ защитою подвигались впередъ, стѣсняя враговъ съ разныхъ сторонъ. А Поляки дѣлали частыя вылазки, преимущественно для добычи съѣстныхъ припасовъ, и пытались отстоять нѣкоторые находившіяся еще въ ихъ рукахъ укрѣпленія Бѣлаго города; но большею частию онѣ перешли къ Русскимъ. Уже черезъ мѣсяцъ, въ апрѣлѣ, обнаружались слѣдствія польской непредусмотрительности: гарнизонъ сталъ терпѣть недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ. Спустя нѣкоторое время, на помощь ему явился извѣстный староста усватскій Янъ Петръ Сапѣга.

Этотъ искатель добычи и приключеній неоднократно ѣздилъ подъ Смоленскъ въ королевскій лагерь и велъ долгіе переговоры о вознагражденіи его войска; безъ чего оно не соглашалось поступить на королевскую службу. А между тѣмъ, пока не сдался Смоленскъ, у Сигизмунда не было подъ руками другихъ свободныхъ войскъ для подкрѣпленія московскаго гарнизона. Наконецъ, получивъ королевскую ассекुरацію на уплату жалованья изъ московской казны, Сапѣжинцы въ маѣ мѣсяцѣ двинулись къ Москвѣ. Но и тутъ со стороны ихъ предводителя не обошлось безъ интриги и коварства. Еще прежде прихода русскаго ополченія подъ Москву онъ далъ знать его начальникамъ, что за хорошее вознагражденіе готовъ перейти на ихъ сторону и помогать имъ противъ своихъ соотечественниковъ. Трудно сказать, какія заднія мысли имѣлъ онъ въ семъ случаѣ. Нѣкоторые современники полагали, будто, соблазненный предшествующими примѣрами, онъ вздумалъ искать Московскаго престола для себя лично. А возможно, что, руководимый внушеніями своего дяди Льва Сапѣги, извѣстнаго политическаго интригана, онъ просто хотѣлъ внести новую смуту въ среду русскаго ополченія, чтобы его разстроить и тѣмъ легче уничтожить. Какъ бы то ни было, сношенія его съ русскими воеводами начались еще въ февралѣ 1611 года. Сапѣга писалъ казѣ лужскому воеводѣ князю Юрію Никитичу Трубецкому о своемъ желаніи постоять за православную вѣру (!); для чего онъ готовъ войти въ соглашеніе съ Ляпуновымъ и его товарищами. При семъ увѣрялъ, что онъ и его рыцарство суть „люди вольные“, не обязанные службою королю и королевичу, и что разные бездѣльники лгутъ на нихъ, будто они „чинятъ разореніе святымъ церквамъ“, не ведая въ нихъ совершать службу и обращаютъ ихъ въ конюшни. Если подобное

случается, то отъ воровъ и бродячихъ шаякъ; а „у насъ въ рыцарствѣ—прибавляетъ Сапѣга—больше половины Русскихъ людей“ (т. е. православныхъ Западноруссовъ). Прокопій Петровичъ охотно поддерживалъ эти переговоры; для чего отправилъ въ Калугу племянника своего Ѳедора Лапунова съ нѣкоторыми дворянами. Эти послы должны были, во-первыхъ, обѣщать Сапѣжинцамъ уплату жалованья уже послѣ того, какъ будетъ избранъ новый царь, а во-вторыхъ, обмѣняться взаимною присягою и знатными заложниками. Но Лапуновъ не могъ довѣрять обѣщаніямъ недавнихъ враговъ: это недоувѣріе выразилось съ его стороны въ условіи, чтобы Сапѣжинцы не ходили къ Москвѣ и не соединялись бы съ Русскими въ одни полки, а остались бы въ Можайскѣ, чтобы отрѣзать сообщенія Полякамъ съ королемъ и Литвою. Въ одной грамотѣ къ русскимъ воеводамъ онъ прямо говоритъ, что не столько надѣялся на помощь отъ Сапѣжинцевъ, сколько хлопоталъ о томъ, „чтобы такіе великіе люди въ нашъ походъ къ Москвѣ у насъ за хребтомъ не были“. Но, разумѣется, трудно было перехитрить такихъ коварныхъ интригановъ, какими являются оба Сапѣги, Левъ и Янъ. Сей послѣдній подошелъ къ Москвѣ съ отрядомъ, заключавшимъ отъ двухъ до трехъ тысячъ хорошо вооруженныхъ жолнеровъ, и сталъ лагеремъ на возвышеніи между монастырями Дѣвичьимъ и Симоновымъ. Въ началѣ онъ не присталъ открыто ни къ той, ни къ другой сторонѣ; а продолжалъ одновременно пересылаться и съ Гонсѣвскимъ, и съ Лапуновымъ, требуя уплаты жалованья своему войску отъ того и другого и не получая его ни отъ кого.

Чтобы испытать Сапѣжинцевъ, польскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, предупредивъ о ней Сапѣгу, и завязалъ дѣло съ Русскими какъ разъ около его лагеря. Онъ также вывелъ свое войско, но стоялъ неподвижно. Когда же Поляки стали одолѣвать, онъ послалъ имъ требованіе сойти съ поля, иначе грозилъ ударить имъ въ тылъ. Поляки принуждены были отступить. Но такая неопредѣленность длилась недолго. Убѣдясъ, что отъ Лапунова съ товарищами трудно чего-либо добиться, Сапѣга вошелъ въ соглашеніе съ Гонсѣвскимъ, который предложилъ выдать его войску на извѣстную сумму разныхъ драгоценностей изъ царской казны. Сокровища, накопленные въ кремлевскихъ дворцовыхъ кладовыхъ, по недостатку денегъ, раздавались боярами въ уплату ратнымъ польскимъ и литовскимъ людямъ; таковы: золотыя короны, осыпанные драгоценными каменьями шапки, скипетры, посохи, сѣдла и всякая сбруя, дорогія парчи, связки

соболей, чернобурыхъ лисицъ, персидскіе новры, золотая и серебряная посуда и т. п. Заручившись такимъ вознагражденіемъ, Сапѣжинцы стали принимать усердное участіе въ битвахъ Поляковъ съ Русскими. Но, вслѣдствіе сильнаго недостатка продовольствія, Гонсѣвскій склонилъ Сапѣгу отправиться въ ближнія русскія области, съ одной стороны чтобы собрать новыя съѣстные припасы, а съ другой чтобы отвлечь хотя часть русскаго ополченія отъ столицы. Подкрѣпленный нѣсколькими ротами изъ гарнизона, Сапѣга въ началѣ іюня двинулся сначала къ Александровской Слободѣ, которую взялъ и разорилъ; а потомъ пошелъ къ Переяславлю. Но сей городъ успѣлъ занять отраженный изъ-подъ Москвы Просовецкій, и приступы Сапѣжинцевъ были отбиты ⁽²¹⁾.

Межъ тѣмъ какъ русское ополченіе добывало Москву, такъ легкомысленно преданную временнымъ боярскимъ правительствомъ въ руки Поляковъ, палъ подъ ударами внутреннихъ и вѣншихъ враговъ Смоленскъ, этотъ древній, многострадальный русскій городъ. Другой славный представитель древней Руси, Великій Новгородъ, также былъ оторванъ отъ Московскаго государства.

Тшетно Боярская дума, исполняя желаніе Сигизмунда, посылала увѣщательныя грамоты великимъ посламъ и воеводѣ Шенну о полномъ подчиненіи королевскимъ требованіямъ и прежде всего о сдачѣ Смоленска. Послы, т. е. митрополитъ Филаретъ, князь В. В. Голыцынъ и дьякъ Луговскій, отказывались повиноваться грамотамъ, потому что подъ ними не было подписи патріарха Гермогена. А Шенинъ совсѣмъ не обращалъ на нихъ вниманія, и грозилъ на будущее время стрѣлять въ тѣхъ, которые будутъ присланы съ подобными воровскими грамотами. Тогда на совѣщаніяхъ пословъ съ панами—радою стали обсуждаться слѣдующія условія неполной сдачи Смоленска: въ городъ ввести нѣсколько сотъ Поляковъ, стражу у воротъ поставить на половину городскую, на половину королевскую, ключи отъ однихъ воротъ хранить у воеводы, отъ другихъ у польскаго начальника и т. д. Но Смоляне соглашались присягнуть Владиславу и впустить небольшой польско-литовскій отрядъ только послѣ того, какъ король отступитъ и съ своимъ войскомъ уйдетъ въ Литву. На что Поляки конечно не согласились. Чтобы сломить упорство великихъ пословъ, ихъ взяли подъ стражу и давали имъ очень скудное содержаніе. Когда пришла вѣсть о движеніи русскаго ополченія и сожженіи Москвы Поляками, паны или собственно Левъ Сапѣга сдѣ-

лались еще настойчивѣе и требовали отъ пословъ, чтобы тѣ приказали Шенну немедленно принять въ городъ королевскій отрядъ; но тщетно. Тогда рѣшено съ ними покончить. Около половины апрѣля пословъ и оставшуюся при нихъ дворянскую свиту посадили на лодки и илѣнниками отправили сначала въ Минскъ, оттуда въ Вильну, потомъ ко Львову. Дорогою съ ними обращались грубо и заставили ихъ терпѣть всякія лишенія. Почти одновременно съ ними покинулъ королевскій лагерь и гетманъ Жолкевскій: обиженный невниманіемъ короля къ его совѣтамъ, онъ отказался отъ предложеннаго начальства въ Москвѣ, не хотѣлъ также участвовать въ дальнѣйшей осадѣ Смоленска и уѣхалъ въ свое имѣніе. Когда московскихъ пословъ везли мимо этого имѣнія, онъ оказалъ имъ вниманіе и велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ. Послы не преминули при семъ напомнить ему скрѣпленные присягою, но нарушенные условія.

Около того времени умеръ Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, главный начальникъ войска, осаждавшаго Смоленскъ; мѣсто его занялъ его братъ Яковъ Потоцкій, каштелянъ Каменецкій. Городъ послѣ того держался недолго. Съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ оставалось еще довольно; но битвы, измѣны, болѣзни, болѣе всего цынга такъ уменьшили число защитниковъ, что способныхъ къ бою оставалось всего нѣсколько сотенъ, которыя уже не могли съ успѣхомъ оборонять обширныя стѣны и укрѣпленія города. Однако Шенинъ продолжалъ вести себя героемъ, и не хотѣлъ слышать о сдачѣ. Измѣна и тутъ помогла врагамъ. Какой то смоленскій перебѣжчикъ, по имени Андрей Дѣдишинъ, указалъ королю на слабую часть городской стѣны: она была сложена осенью и недостаточно затвердѣла. Въ эту часть направился орудійный огонь, и она была разрушена, такъ что открылся широкій проломъ. Не теряя времени, непріятель въ полночь сдѣлалъ приступъ съ разныхъ сторонъ, и вломился въ городъ. Горсть его защитниковъ была подавлена числомъ. Многіе жители думали спастись въ Соборный храмъ Богородицы; подъ нимъ въ погребахъ хранился запасъ пороху; кто то изъ Смолянъ зажегъ этотъ порохъ, и взорвалъ на воздухъ храмъ со всѣми, въ немъ находящимися. Опустошительный пожаръ распространился по всему городу. Шенинъ съ своей семьей и немногими слугами бросился въ одну башню, заперся въ ней и началъ отстрѣливаться. Толпа наемныхъ Нѣмцевъ стала ее добывать; болѣе десятка изъ нихъ пали подъ огнемъ воеводы, который очевидно рѣшился погибнуть, а не сдаваться. Но слезы семьи, особенно маленькаго сына, измѣнили его рѣшеніе, и

онъ объявилъ, что сдастся только самому Якову Потоцкому. Явившійся Потоцкій едва отогналъ разсвирѣпѣвшихъ Нѣмцевъ, и взялъ воеводу. Это бѣдственное событіе совершилось приблизительно въ началѣ юня 1611 года.

Шенна подвергли пыткамъ, допрашивая его о тайныхъ сношеніяхъ и замыслахъ, о причинахъ его упорной обороны и скрытыхъ сокровищахъ; послѣ чего его отправили въ глубь Литвы, гдѣ содержали въ оковахъ. Его маленькаго сына взялъ себѣ король, а жену и дочь Левъ Салѣга. Паденіе Смоленска праздновалось Поляками съ великимъ торжествомъ. Знаменитый іезуитъ Скарга по сему случаю произнесъ напыщенную проповѣдь. На радостяхъ король совсѣмъ забылъ о положеніи польскаго гарнизона, осажденнаго русскими ополченіемъ; считалъ покореніе Московскаго государства почти оконченнымъ, и, вмѣсто обѣщаннаго похода къ Москвѣ, отправился въ Варшаву. Въ концѣ октября совершился триумфальный, на подобіе Римскаго, въѣздъ въ этотъ городъ гетмана Жолкевскаго съ большою, блестящею свитою изъ полковниковъ и ротмистровъ; вмѣстѣ съ нимъ въ открытой каретѣ, запряженной шестерней бѣлыхъ коней, на показъ народу, везли бывшаго московскаго царя Василія Шуйскаго съ братьями—зрѣлище весьма лестное для польскаго тщеславія. Въ томъ же повѣздѣ находились и знатѣйшіе смоленскіе плѣнники съ Шеннымъ во главѣ. Шуйскихъ послѣ того помѣстили въ Гостыньскомъ замкѣ недалеко отъ Варшавы, гдѣ Василій вскорѣ скончался.

Въ Новгородѣ Великомъ также происходили грозныя событія. Когда пришли туда извѣстія о сожженіи Москвы и разныхъ польскихъ неистовствахъ, Новогородцы выместили свое негодованіе на воеводѣ Иванѣ Михайловичѣ, сынѣ извѣстнаго измѣнника Салтыкова. Напрасно несчастный клялся, что будетъ вѣрно служить Русской землѣ и готовъ идти противъ отца родного, если тотъ приведетъ Поляковъ подъ Новгородъ; его посадили на колъ. Главнымъ воеводою сюда присланъ былъ изъ подъ Москвы отъ Ляпунова Вас. Ив. Бутурлинъ. Межъ тѣмъ Яковъ Делагарди, овладѣвъ городомъ Корелю, притянулъ къ себѣ подкрѣпленія изъ разныхъ пограничныхъ мѣстъ, и весною 1611 года двинулся къ самому Новгороду. Пережидая разлитіе водъ, онъ остановился въ 120 верстахъ отъ него на берегу Волхова, и отсюда продолжалъ начатыя ранѣе переговоры съ новгородскими властями. Онъ предлагалъ обмѣнъ плѣнныхъ и требовалъ уплаты жалованья своему войску на основаніи Выборгскаго договора; а затѣмъ вызывался опять заодно съ Русскими воевать про-

тивъ Поляковъ. Но все это было только предложомъ; а въ дѣйствительности онъ задумалъ овладѣть самимъ Новгородомъ. По окончаніи полой воды Делагарди приблизился къ городу и остановился у Хутынского монастыря. Сюда Бутурлинъ пріѣхалъ къ нему на свиданіе. Шведскій военачальникъ за прошлую и будущую свою помощь потребовалъ въ обезпеченіе нѣсколько русскихъ городовъ, а именно: Орѣшекъ, Ладогу, Ямъ, Копорье, Ивангородъ и Гдовъ; наконецъ соглашался только на два, Орѣшекъ и Ладогу. Во время сихъ переговоровъ Делагарди, повидимому, первый предложилъ русскимъ воеводамъ выбрать на Московскій престолъ шведскаго принца. Во всякомъ случаѣ отъ него и новгородскихъ властей отправлены были гонцы подъ Москву съ таковымъ предложеніемъ. Ляпуновъ и нѣкоторые его товарищи соглашались избрать въ цари шведскаго королевича, конечно подъ условіемъ перехода въ православіе; но требовали, чтобы прежде всего Шведы спѣшили къ нимъ на помощь для освобожденія страны отъ Поляковъ; въ такомъ случаѣ готовы были даже отдать въ залогъ Орѣшекъ и Ладогу. Делагарди однако не думалъ спѣшить къ Москвѣ. Второй новгородскій воевода князь Одоевскій не довѣрялъ ему и не склонялся ни на какія уступки. Тогда Бутурлинъ, какъ говорятъ, сталъ дѣйствовать измѣннически, т.-е. завелъ тайные переговоры со шведскимъ военачальникомъ и даже не прочь былъ сдать ему Новгородъ. Въ началѣ іюля Делагарди перешелъ Волховъ и сталъ подъ Колмовымъ монастыремъ; Новгородцы выгнали окрестные посады и слободы, и сѣли въ осаду. Первое нападеніе Шведовъ было отбито. Послѣ того они цѣлую недѣлю не трогались съ мѣста. Новгородцы возгордились своимъ успѣхомъ, и не только предались безпечности, но нѣкоторые нахали съ городскихъ валовъ, въ пьяномъ видѣ, начали осыпать Шведовъ насмѣшками и непристойною бранью.

Какъ при взятіи Смоленска, и тутъ врагамъ помогла измѣна.

Въ шведскомъ плѣну оказался какой-то Иванко Шваль, который хорошо зналъ новгородскія стѣны съ ихъ тайниками и выходами. Въ ночь на 17-е іюля онъ незамѣтно провелъ Шведовъ Чудинцовыми воротами на Софійскую сторону въ такъ наз. Деревянный внѣшній городъ. Непріятелей замѣтили только тогда, когда они начали избивать стражу и захватывать другія ворота. Въ городѣ произошелъ страшный переполохъ и невообразимое смятеніе, которые помогли Шведамъ завладѣть имъ безпрепятственно. Воевода Бутурлинъ, стоявшій съ ратными людьми на Торговой сторонѣ, бѣжалъ съ ними по

дорогѣ къ Бронницамъ, предварительно ограбивъ купческія лавки на этой сторонѣ. Сопротивленіе оказали только двѣ кучки. Въ одномъ мѣстѣ стрѣлецкій голова Голутинь и атаманъ Шаровъ съ сорока казаками защищались до тѣхъ поръ, пока не были всѣ перебиты. Въ другомъ протопопъ Софійскаго собора Аммосъ съ горстью людей заперся на своемъ дворѣ и далъ мужественный отпоръ. За какую то вину онъ находился подъ запрещеніемъ у митрополита Исидора; владыка, стоя на стѣнѣ дѣтница, видѣлъ его ратоборство и издали благословилъ его. Шведы, не желая болѣе тратить людей, зажгли дворъ Аммоса, и онъ погибъ въ пламени со всей своей семьей.

Оставался еще каменный дѣтница или Софійскій кремль, гдѣ заперлись владыка Исидоръ и воевода Одоевскій. Но для защиты его почти не имѣлось ратныхъ людей. Власти вступили въ переговоры съ Делагарди, и сдались ему на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: царемъ русскимъ избирается одинъ изъ сыновей Карла IX, Густавъ Адольфъ или Карлъ Филиппъ; православіе и привилегіи духовенства, русскіе обычаи, законы и имущества остаются ненарушимыми; но Шведамъ дается право получать помѣстья въ Русской землѣ; въ случаѣ тяжбныхъ дѣлъ между обѣими народностями учреждается смѣшанный судъ; Новгородская земля не будетъ присоединена къ Швеціи, за исключеніемъ города Корелы съ уѣздомъ, но до прибытія королевича Делагарди управляетъ ею въ качествѣ его намѣстника, и т. д.

Младшій братъ Новгорода Псковъ въ это время испытывалъ еще горшія бѣдствія. Когда Москва и другіе города присягнули королевичу Владиславу, Псковъ отказался дать такую присягу. Тогда въ его земли ворвался съ своими шайками Лисовскій и опустошалъ ее почти четыре года. А литовскій гетманъ Ходкевичъ, стоявшій въ Ливоніи, въ мартѣ 1611 года осадилъ Псково-Печерскій монастырь; однако не могъ его взять. Къ довершенію смуты явился новый, т.-е. третій Лжедмитрій. Нѣкоторые извѣстія называютъ этого вора Сидоркой; другіе говорятъ, что онъ назывался Матвѣемъ и былъ прежде дьякономъ въ московской Залузской церкви. Въ концѣ марта онъ объявился въ Иванъ-городѣ, назвавъ себя Димитріемъ, который царствовалъ въ Калугѣ и будто бы не былъ убитъ, а снова чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти. Ивангородцы приняли Третьяго Лжедмитрія также радостно какъ Стародубцы Второго; звонили въ колокола и пѣли изъ пушекъ. Особенно обрадовались ему казаки, которые съ разныхъ сторонъ спѣшили къ нему на службу; такъ изъ

Пскова они ушли обманомъ, сказавъ, что идутъ на Лисовскаго. Скоро воръ увидалъ себя во главѣ значительной силъ, и нѣтался даже войти въ переговоры съ шведскими комендантомъ соседняго города Нарви, хотя и безуспѣшно. Казаки съ торжествомъ повезли новаго вора во Псковъ; но тутъ сначала встрѣтили отказъ. Во Псковѣ въ то время воеводъ не было: дѣлами вѣдалъ умный дьякъ Иванъ Луговскій съ нѣсколькими посадскими людьми. Онъ послалъ просить помощи и совѣта у воеводъ, стоявшихъ подъ Москвою. Воръ также съ своей стороны послалъ въ подмосковные станы одного изъ казачьихъ атамановъ.

Но подъ Москвою на ту пору разыгрались такіе событія, что тамъ было не до Новгорода и не до Пскова.

Послѣ ухода Яна Сапѣги въ сѣверныя области, положеніе польскаго гарнизона въ Москвѣ значительно ухудшилось: русское ополченіе снова завладѣло почти всѣмъ Бѣлымиъ городомъ, укрѣпилось въ немъ помощію острожковъ и рогатокъ, и все болѣе и болѣе тѣснило сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ Поляковъ. Но послѣднимъ на этотъ разъ помогли несогласія, происходившія въ самомъ русскомъ лагерѣ. Ополченіе страдало недостаткомъ единоначалія. Ратные люди ясно видѣли зло и пытались ослабить его устройствомъ временнаго правительства, на подобіе того, которое находилось въ осажденной Москвѣ. Къ сожалѣнію, они не были свободны въ выборѣ правителей, а принуждены были утвердить только тѣхъ, которые въ дѣйствительности уже стояли во главѣ собравшейся разнородной рати и захватили власть въ свои руки. То были: во первыхъ, Прокопій Петровичъ Лапуновъ, воевода Рязанскій, главный зачинщикъ и двигатель всего дѣла, во вторыхъ, князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой, въ третьихъ, Иванъ Мартыновичъ Заруцкій; послѣдніе двое собрали вокругъ себя бывшихъ сторонниковъ Калужскаго царика, преимущественно казаковъ. Эти три лица были утверждены общою думою ратныхъ людей въ званіи главныхъ воеводъ и правителей Московскаго государства до его очищенія отъ польскихъ и литовскихъ людей и до избранія новаго царя. Отъ нихъ имени теперь посылались указы въ города и области и выдавались жалованныя грамоты служилымъ людямъ на помѣстья и вотчины. На такихъ грамотахъ обыкновенно впереди писались имена Трубецкого и Заруцкаго, имѣвшихъ боярскій санъ, хотя и полученный ими отъ Тушинскаго вора; Лапуновъ какъ думный дворянинъ именовался на третьемъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ однако ему принадлежала первая роль и по уму, и по энергіи, и по

вліянію на земскихъ людей; на его сторонѣ по преимуществу были дворяне и дѣти боярскіе и вообще лучшая, болѣе консервативная часть ополченія. Между этой частью и казачествомъ существовали взаимное недовѣріе и даже непріязнь; ибо земцы съ неудовольствіемъ смотрѣли на своеволие и грабительства казаковъ. А симъ послѣднимъ особенно потворствовалъ Заруцкій; чѣмъ и пріобрѣлъ ихъ расположение, опираясь на которое, онъ явно стремился къ первенству и верховенству. Трубецкой по своей безхарактерности имѣлъ мало значенія въ семь временномъ правительствѣ; какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи, триумвиратъ обратился въ дуумвиратъ или въ борьбу двухъ соперниковъ за власть.

Заруцкій съ Донскими казаками присталъ къ русскому ополченію, очевидно питая коварные замыслы. Съ нимъ успѣла сойтись, пребывавшая тогда въ Коломнѣ, вдова двухъ самозванцевъ Марина, и склонила его дѣйствовать въ ея пользу. По всѣмъ признакамъ, Заруцкій имѣлъ въ виду посадить на престолъ ея маленькаго сына, чтобы самому вмѣстѣ съ нею управлять государствомъ. А потому ни притязанія Владислава, ни новая кандидатура Шведскаго принца не были въ его интересахъ, и готовность Ляпунова признать сего послѣдняго сильно ему не нравилась. Затѣмъ частыя столкновенія между ними происходили какъ изъ за казацкихъ грабежей, такъ изъ за вотчинъ и помѣстій, которыя Заруцкій широкою рукою раздавалъ своимъ сторонникамъ или присвоивалъ лично себѣ. Для обузданія такого расхищенія государственной и частной собственности, ополченныя изъ двадцати пяти разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, руководимые Ляпуновымъ, собрались и, „по совѣту всей земли“, постановили приговоръ, отъ 30 іюня 1611 года.

Этотъ приговоръ главнымъ образомъ настаивалъ на слѣдующемъ: чтобы воеводы-правители жаловали ратныхъ людей по ихъ заслугамъ, а не „чрезмѣру“; чтобы каждый начальникъ взялъ себѣ вотчины и помѣстья одного изъ бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Поляками, дворцовыя же села и черныя волости, а также остальные помѣстья и вотчины бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, обратили бы на содержаніе ратныхъ людей; чтобы о холопахъ этихъ дворцовыхъ бояръ, ушедшихъ въ казаки, составить особый приговоръ. Далѣе въ этой грамотѣ слѣдовало челобитье, чтобы начальники хранили согласіе другъ съ другомъ и не попрекали бы одинъ другого Тушинымъ (т. е. бывшею службою у вора и его пожалованіемъ). Та же грамота предписывала отобрать вотчины и помѣстья у лицъ, которыя завладѣли

ими неправильно въ послѣднее время безъ земскаго приговора, т. е. земли, розданныя королею, Сапѣгою, Заруцкимъ и т. п. Для водворенія порядка въ отобраніи и раздатѣ помѣстій установленъ былъ въ ополченіи свой собственный Помѣстный приказъ, а для суда надъ своевольниками и грабителями свой Разбойный приказъ; безъ земскаго приговора однако не разрѣшалось творить смертную казнь. Для посылокъ по городамъ постановлено выбирать изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ раненыхъ и неспособныхъ къ бою, а здоровыхъ воротить въ полки. Старыхъ казаковъ предполагалось поверстать помѣстными и денежными окладами или выдавать имъ хлѣбный кормъ и деньги изъ дворцовыхъ приказовъ, но не позволять имъ самимъ наѣзжать на дворцовыя села и черныя волости, тамъ насильничать и грабить. А тѣхъ крестьянъ и людей (холопей), которые въ Смутное время ушли отъ своихъ помѣщиковъ къ другимъ, велѣно возвращать къ ихъ господамъ. Но значительная часть такихъ бѣглыхъ крестьянъ и холопей вступили въ ряды казачества. Слѣдовательно, означенный приговоръ долженъ былъ очень не понравиться Заруцкому и вообще казакамъ; такъ что, вмѣсто согласія, онъ только усилилъ ихъ вражду къ Ляпунову. Сей послѣдній, опираясь на рѣшеніе земскаго совѣта, приказывалъ подчиненнымъ себѣ воеводамъ строго наказывать казаковъ, пойманныхъ на грабежѣ; что еще болѣе разжигало ненависть къ нему казачества.

Одинъ изъ такихъ второстепенныхъ воеводъ, Матвей Плещеевъ близъ Москвы у Никола на Угрѣшахъ поймалъ на грабежѣ 28 казаковъ, и, безъ суда, велѣлъ ихъ бросить въ воду. Товарищи вынули ихъ изъ воды и привезли въ свои таборы. По этому поводу собрался казачій кругъ, на которомъ много шумѣли и грозили убить Ляпунова. Дѣло приняло такой оборотъ, что Проконій Петровичъ счелъ себя небезопаснымъ въ собственномъ стану, и, отказываясь отъ начальства, хотѣлъ уѣхать въ Рязань. Однако дворяне догнали его подъ Симоновымъ монастыремъ и убѣдили воротиться. Онъ остановился ночевать въ острожкѣ у Никитскихъ воротъ; на слѣдующее утро собралась вся рать и уговорила его оставаться начальникомъ по прежнему. Но такой исходъ дѣла не былъ въ интересахъ Заруцкаго. Этотъ Полурусскій, Полуполякъ повидимому столкнулся съ начальникомъ польскаго гарнизона Гонсѣвскимъ и помогъ ему погубить Ляпунова самымъ гнуснымъ способомъ.

Сочинены были двѣ грамоты, искусно поддѣланныя подъ руку Ляпунова: въ одной онъ будто бы приказывалъ по всѣмъ городамъ

хватать казаковъ и предавать казни, а въ другой будто предлагалъ Полякамъ предать казаковъ въ ихъ руки. При обмѣнѣ какаго то плѣннаго казака Гонсѣвскій велѣлъ сообщить эти грамоты атаману Заварзину. Разумѣется, тотъ показалъ ихъ товарищамъ. Произошло большое волненіе: казаки собрали кругъ и послали звать Ляпунова. Онъ сначала отказывался; но нѣкоторые дворяне сами уговорили его пойти въ кругъ, увѣряя, что ему легко будетъ оправдаться и что казаки ничего ему не сдѣлаютъ. Ляпуновъ наконецъ согласился и пошелъ, сопровождаемый кучкою дворянъ и дѣтей боярскихъ. Когда ему показали грамоты, онъ сказалъ, что рука похожа на его руку, но писалъ не онъ. Тутъ поднялся большой шумъ; клевреты Заруцкаго съ крикомъ *измѣнники!* бросились на Ляпунова и зарубили его саблями. Изъ дворянъ только Иванъ Ржевскій, хотя недругъ Проконія, пытался защитить его и тоже былъ изрубленъ.

Такъ погибъ этотъ замѣчательный дѣятель Смутнаго времени, „бодренный воевода“ и „властель Московскаго воинства“, по выраженію лѣтописцевъ. Къ сожалѣнію, несомнѣнная храбрость и талантность соединялись у него съ недостаткомъ осмотрительности и разсудительности. Одушевленный главною идеею очистить Россію отъ Поляковъ, онъ не затруднился заключать сомнительные союзы: готовъ былъ призвать опять Шведовъ, думалъ даже воспользоваться Сапѣгою, а, главное, слишкомъ неосторожно то враждовалъ, то дружилъ съ такою ненадежною силою, каково тогда было казачество, да еще во главѣ со столь злонравною личностію какъ Иванъ Заруцкій. Впрочемъ въ семъ отношеніи нельзя строго осуждать Ляпунова: казачество все-таки считалось служилымъ сословіемъ, и, если оно болѣе другихъ классовъ обнаружило наклонности къ своеволію и воровскому образу дѣйствія, то существовало и могучее звено, связывавшее его съ земствомъ, именно православіе и русская народность казачества; а борьба велась тогда главнымъ образомъ подъ знаменемъ православія. Но повидимому въ самомъ служиломъ сословіи дворянъ и дѣтей боярскихъ еще была какая то шатость или крамола въ отношеніи Ляпунова; иначе трудно объяснить, почему онъ принужденъ былъ пойти почти на явную смерть и почему земское ополченіе такъ мало оказало ему защиты. Безъ сомнѣнія своею гордостію и повелительнымъ тономъ онъ вооружилъ противъ себя даже многихъ товарищей. Будучи только думнымъ дворяниномъ, Ляпуновъ, по словамъ лѣтописца, „вознесся не по своей мѣрѣ“: онъ высокомерно обращался не только съ боярскими дѣтьми, но и съ самими боярами; приходившіе къ нему на поклонъ прежде,

нежели допускались въ его избу, многое время стояли передъ нею. Онъ былъ слишкомъ горячъ, невоздержанъ на языкъ и легко разражался крупною бранью, не обращая вниманія на заслуги и знатную породу. Во всякомъ случаѣ его недостатки не могутъ въ глазахъ исторіи затмить его славу какъ даровитаго, энергичнаго вождя и ревностнаго патріота, положившаго свой животъ на службѣ погибавшему отечеству.

По смерти Ляпунова Заруцкій, наружно какъ бы непринимавшій участія въ его гибели, сдѣлался дѣйствительнымъ главою русскаго ополченія, стоявшаго подъ Москвою. Хотя правительственныя грамоты писались теперь отъ лица двоихъ, т. е. его и Трубецкаго; но послѣдній по слабости характера обыкновенно подчинялся Заруцкому. Чтобы утвердить за собою это верховенство, онъ воспользовался новымъ подрѣпленіемъ, пришедшимъ изъ Казани и низовыхъ областей и принесшимъ съ собою образъ Казанской Божіей Матери (собственно списокъ съ нея), и взялъ приступомъ Новодѣвичій монастырь. Засѣвшіе тамъ Поляки и Нѣмцы были большею частію изрублены; а старицы отправлены во владимірскіе монастыри. Но тѣмъ и ограничились успѣхи русскаго ополченія. Смерть Ляпунова все таки произвела въ немъ большое разстройство. Казаки сдѣлались еще необузданнѣе въ своихъ грабежахъ и насиліяхъ; а осиротѣлые дворяне и дѣти боярскіе, поступившіе теперь подъ главное начальство Заруцкаго, упали духомъ, подверглись обидамъ, побоямъ и даже убійствамъ отъ казачества, и многіе изъ нихъ разѣхались по домамъ. Впрочемъ нашлись и такіе, которые „купили“ себѣ у Заруцкаго разныя прибыльныя мѣста, напримѣръ, областныхъ воеводъ или завѣдующихъ приказами, и уѣхали въ города.

Вообще наступившее подъ Москвою исключительное господство казацкаго ополченія ознаменовалось насиліями и жестокостями этой необузданной вольницы, неразбравшей ни своихъ, ни чужихъ, ни пола, ни возраста, ни состоянія. Вотъ какими чертами изображаетъ ее неистовства грамота сидѣвшаго въ Москвѣ временнаго боярскаго правительства, отправленная (въ январѣ 1612 года) въ нѣкоторые сѣверные города съ увѣщаніемъ оставаться вѣрными королевичу Владиславу. „Безпрестанно ѣзда по городамъ изъ подмосковныхъ таборовъ, казаки грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ; боярынь и простыхъ женъ и дѣвицъ насилуютъ, церкви Божіи разоряютъ, святныя иконы обдираютъ и ругаются надъ ними такъ, что и писать о томъ страшно. А когда Ивашка Заруцкій съ товарищами

взяли Новодѣвичій монастырь, они также разорили церковь и ободрали образа, и такихъ черницъ какъ бывшую королеву (Ливонскую) дочь Владимира Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде и глядѣть не смѣли, ограбили до нага, а иныхъ бѣдныхъ черницъ грабили и насилывали; а какъ пошли изъ монастыря, то его выжгли. Они считаются христіанами, а сами хуже жидовъ“. При семъ боярское правительство, впрочемъ съ явнымъ пристрастіемъ, увѣряетъ, будто Польскіе и Литовскіе люди, хотя и чужеземцы, но жалѣютъ жителей и скорбятъ объ ихъ разореніи.

Въ началѣ августа, послѣ мѣсячнаго отсутствія, воротился подъ Москву Янъ Сапѣга съ большимъ обозомъ собранныхъ имъ припасовъ. Прибытіе его немедленно поправило дѣла Поляковъ: они опять овладѣли частью укрѣпленій Бѣлаго города; разорили острожки, поставленные Русскими въ Замоскворѣчьи, и возстановили свои сообщенія по Можайской дорогѣ. Но вскорѣ послѣ своего прибытія Сапѣга занемогъ, и черезъ двѣ недѣли умеръ. Тѣло его отвезли на родину. Столь неожиданно и въ цвѣтѣ лѣтъ, подобно Рожинскому, окончилъ свою хищническую дѣятельность и этотъ польско-русскій кондотьеръ Смутнаго времени. Въ погонѣ за славою и добычею онъ разстроилъ и обременилъ долгами собственныя имѣнья и почти въ бѣдности оставилъ свою жену и дѣтей. Войско его, отступивъ въ окрестныя села, занялось набѣгами и грабежами, и тревожило наше ополченіе съ тыла.

По смерти Сапѣги дѣло Поляковъ снова ухудшилось. Русскіе калеными ядрами зажгли Китай-городъ, такъ что внутри онъ выгорѣлъ дотла, и гарнизонъ его долженъ былъ перебраться въ Кремль; отчего тамъ произошла великая тѣснота. Съѣстные припасы истощились и вновь начался голодъ. Въ октябрѣ на помощь Полякамъ пришелъ давно ожидаемый ими литовскій гетманъ Ходкевичъ, но всего съ 2000 человекъ; такъ что освободить гарнизонъ отъ осады онъ не могъ; а послѣ нѣсколькихъ стычекъ отошелъ на зимнее время въ село Рогачово (Дмитров. уѣзда), и занялся преимущественно снабженіемъ горнизона съѣстными припасами, за которыми приходилось посылать отряды въ дальнія мѣста. Но около того времени со стороны русскаго населенія начался родъ партизанской или народной войны. Разоренное и озлобленное крестьянство, которое не могло защищаться въ своихъ открытыхъ селахъ, стало собираться въ шайки, вооруженныя чѣмъ попало, и выбирало себѣ предводителей. Эти партизаны, получившіе общее названіе *шншей*, укрывались въ лѣсахъ и дебряхъ,

оттуда высматривали и выслѣживали непріятелей, неожиданно нападали на нихъ, били, отнимали у нихъ собственное или въ другихъ мѣстахъ награбленное имущество, а иногда совершенно истребляли. Наступившая зима благоприятствовала ихъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ какъ польская конница затруднена была глубокими снѣгами, шиши пользовались лыжами для быстрыхъ нападеній, а въ случаѣ неудачи для бѣгства. Они особенно сдѣлались опасны непріятельскимъ отрядамъ, ходившимъ за съѣстными припасами; а потому доставка сихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе затруднялась.

Гетманъ Ходкевичъ, то уходявшій, то возвращавшійся къ Москвѣ, кромѣ недостатка людей и припасовъ долженъ былъ еще бороться съ неповиновеніемъ полковниковъ и ротмистровъ, которые устраивали конфедерации, требовали уплаты жалованья и подкрѣплений или смѣны своей другими войсками; въ противномъ случаѣ грозили покинуть столицу и уйти въ отечество. Кое какъ гетману удалось убѣдить однихъ обѣщаніями, другихъ дорогими вещами изъ царской казны, которыя московскіе бояре согласились дать пока въ залогъ, обязуясь ихъ выкупить, когда пріѣдетъ и сядетъ на царство королевичъ Владиславъ. Лѣтомъ 1612 года Ходкевичъ опять пріѣхалъ на короткое время и устроилъ оборону столицы. Онъ принужденъ былъ отпустить большую часть ея гарнизона; а съ оставшеюся частію водворилъ въ Кремлѣ вновь принятыхъ на королевскую службу многихъ Салтѣжичевъ (именно полкъ Будила) и кромѣ того полкъ хельминскаго старосты Струся. Начальникъ гарнизона Гонсѣвскій, вѣроятно предвидя плохой исходъ польскаго дѣла, въ іюлѣ 1612 года уступилъ свое начальство Струсю и уѣхалъ изъ Москвы. Около того же времени отъ московской Боярской Думы было снаряжено посольство къ королю или собственно на сеймъ. Во главѣ сего посольства поставлены князь Юрій Никитичъ Трубецкой, извѣстный бояринъ Мих. Глѣб. Салтыковъ и думный дьякъ Василій Яновъ. Такимъ образомъ два послѣдніе измѣнника заблаговременно ускользнули отъ угрожавшей имъ кары.

Межъ тѣмъ бѣдствія Руси все увеличивались. На сѣверѣ Шведы, послѣ завоеванія Новгорода, постепенно захватили города Яму, Корнорье, Ладугу, Русу, Порховъ, Ивангородъ, Тихвинъ, Гдовъ, Орѣшекъ. Завладѣвъ значительною частью Новгородской земли, они попытались завладѣть и Псковскою; но приступы Эдуарда Горна къ Пскову были отбиты. За то Псковъ вскорѣ повалъ въ руки вора Сидорки. Посланный имъ подъ Москву одинъ атаманъ взволновалъ тамъ казачьи таборы. Воспоминанія о золотомъ для казацкой вольницы

времени Тушинско-Калужскаго царика оживились надеждою на его возвращеніе; многіе казаки легко повѣрили, что онъ еще живъ, признали его истиннымъ Димитріемъ и принудили къ тому же Заруцкаго и Трубецкаго. Значительный казачій отрядъ посланъ изъ подъ Москвы на помощь вору. Въ самомъ Псковѣ образовалась большая партія его сторонниковъ. Тѣснимые съ одной стороны шайбами Лисовскаго, съ другой шведскими наемниками, Псковичи склонились на убѣжденія сихъ сторонниковъ, и призвали къ себѣ вора изъ Ивангорода, осаждаемаго Шведами. Въ декабрѣ 1611 года (по западному Январскому стилю, а по русскому Сентябрьскому 1612 г.) онъ пришелъ и засѣлъ во Псковѣ. Кромѣ сего Псковскаго вора или третьяго Лжедмитрія, въ это же время явился и четвертый, Астраханскій, котораго признало царемъ почти все нижнее Поволжье.

Такъ разрывалась на части и пустошилась Русская земля, и эта эпоха сдѣлалась потомъ памятною народу подъ именемъ *лихолѣтья*. Казалось, близокъ уже былъ конецъ Московскому государству, оставшемуся безъ государя. Но когда бѣдствія достигли своего крайняго предѣла, историческій процессъ или вѣрнѣе Промыселъ, управляющій судьбами странъ и народовъ, умудрилъ и вызвалъ на сцену дѣйствія лучшую часть Русскаго народа, которая и спасла отечество отъ раскрывшейся передъ нимъ бездны. ⁽²²⁾.

VI.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА.

Чудесныя видѣнія.—Троицкій архимандритъ Діонисій и его призывныя посланія.—Нижегородцы и Козьма Мининъ.—Воевода князь Пожарскій.—Сборъ второго ополченія.—Кончина Гермогена.—Остановка ополченія въ Ярославѣ.—Переговоры съ Новгородомъ В.—Четыре правительства.—Конецъ Третьяго Лжедмитрія.—Интриги Зарудкаго и его бѣгство.—Походъ и прибытіе ополченія къ Москвѣ.—Бой съ Ходкевичемъ и казаки Трубецкаго.—Вліяніе Троицкой Лавры.—Ужасы голода среди осажденныхъ.—Сдача Китай-города и Кремля.—Сигизмундъ подъ Волокомъ Ламскимъ.—Созывъ Великой Земской Думы.—Кандидаты на престолъ, особенно князь Голицынъ.—Совокупность условій въ пользу Михаила Ѳеодоровича Романова.—Тактика и переписка Ѳ. И. Шереметева.—Заявленія разныхъ сословій.—Избраніе Михаила.—Сусанинъ.—Посольство въ Кострому.—Сцены въ Ипатьевскомъ монастырѣ.—Согласіе старицы Марыи и Михаила.—Медленное путешествіе ихъ въ столицу.—Священное коронованіе.—Ограниченія.

Начало новаго, спасительнаго движенія вышло изъ того же животельнаго источника, который одухотворялъ Русскую народную массу, поднимавшуюся на борьбу съ ея пришлыми врагами: изъ ея глубокой вѣры въ Божественный Промыселъ и въ помощь свыше, изъ ея ничѣмъ непоколебимой преданности Православію.

Мы уже видѣли, что время смутъ и бѣдствій на Руси сопровождалось сказаніями о чудесныхъ и пророческихъ видѣніяхъ, которыя предзнаменовали какое-либо бѣдствіе или указывали средство спасенія и которыхъ удостоивались разные благочестивые люди и хриstopлюбцы въ томъ или другомъ мѣстѣ. Подобныя сказанія возобновились съ особою силою въ послѣднюю эпоху Смуты или въ эпоху такъ наз. „Московского разоренія“. Напримѣръ, послѣ взятія Новгорода Шведами появилась повѣсть о видѣніи нѣкоему мниху Варлааму. Этому мниху приснилось, что какой-то старецъ привелъ его въ Софійскій соборъ, и тутъ онъ увидалъ Богородицу, сѣдящую на престолѣ. Сто-

явшіе вокругъ новгородскіе святители слезно умоляли ее умиловать своего Сына, чтобы онъ пощадилъ Великій Новгородъ и не предавалъ его въ руки иноземцевъ; но тщетно. Божія Матерь отвѣчала, что люди прогнѣвали Господа своими беззаконіями, неправдами, нечестіемъ, блудными дѣлами, особенно содомскимъ грѣхомъ; а потому пусть они покаются и готовятся къ смерти. Осенью 1611 года въ ратныхъ таборахъ подъ Москвою распространился слухъ о какомъ то свитѣѣ, въ которомъ описывалось видѣніе нѣкоему обывателю Нижняго Новгорода, по имени Григорію. Въ полночь во время сна представилось ему, что верхъ храмина его самъ собою раскрылся и она освѣтилась великимъ свѣтомъ, а съ небеси спустились въ нее два мужа: одинъ сѣлъ ему на грудь, другой сталъ у изголовья. Предстоящій началъ вопрошать сидѣвшаго, называя его „Господя“, о судьбѣ Русской земли и будущемъ царѣ. „Аще человѣки во всей Русской землѣ покаются и постятся три дня и три ночи, въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, не токмо старше и юные, но и младенцы, Московское государство очистится—вѣщалъ Господь.—Тогда пусть поставятъ новый храмъ подлѣ Троицы на Рву (Василія Блаженнаго) и положить хартію на престолъ; на той хартіи будетъ написано, кому у нихъ быть царемъ“. „Аще ли не покаются и не учнутъ поститься, то всѣ погибнутъ и все царство разорится“. Послѣ этихъ словъ оба мужа сдѣлались невидимыми и храмина снова закрылась; а Григорій былъ объятъ великимъ ужасомъ. Впослѣдствіи, когда у Нижегородцевъ спрашивали о семъ явленіи, они очень удивлялись; ибо ничего подобнаго у нихъ не было и никакого Григорія, имѣвшаго видѣніе, они не знали. Тѣмъ не менѣе сіе чудесное сказаніе распространилось отъ Москвы даже въ дальнія области и вездѣ производило сильное впечатлѣніе; ибо вполне соответствовало общему настроенію.

Руководимые священными преданіями, народные помыслы въ эпоху крайнихъ бѣдствій очевидно устремились къ покаянію, посту и молитвѣ, и это направленіе ясно выразилось въ повѣстьяхъ о чудесныхъ видѣніяхъ. Такъ на ряду съ даннымъ сказаніемъ о видѣніи въ Нижнемъ Новгородѣ появилось другое: о видѣніи, котораго удостоилась въ Владимірѣ нѣкая Меланія, «подружіе» (супруга) какого-то Бориса Мясника. Ей привидѣлась свѣтлая жена, повелѣвавшая возвѣстить людямъ, чтобы постились и молились со слезами Господу Богу и Пречистой Богородицѣ. Города пересылались другъ съ другомъ грамотами о сихъ двухъ видѣніяхъ, и «по совѣту

всей земли Московскаго государства» дѣйствительно было установлено трехдневное воздержаніе отъ пищи и питія всякому полу и возрасту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно соблюдалось съ такою строгостію, что многіе не выдерживали и умирали, особенно младенцы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начался высокій подъемъ народнаго духа. Поэтому призывныя и увѣщательныя грамоты, особенно выходившія изъ стѣнъ Троицкой Лавры, нашли для себя почву еще болѣе подготовленную и воспріимчивую.

Въ это время во главѣ Троицкой братіи стоялъ новый архимандритъ, Діонисій. Онъ родился во Ржевѣ; но потомъ родители его переѣхали въ Старицу, гдѣ Діонисій провелъ свою юность, выучился грамотѣ и сдѣлался священникомъ въ селѣ, принадлежавшемъ старицкому Богородицкому монастырю; когда же онъ овдовѣлъ, то вступилъ инокомъ въ тотъ же монастырь. Это былъ человѣкъ, отличавшійся замѣчательнымъ незлобіемъ, смиреніемъ и великою любовью къ книжному дѣлу. По сему поводу сочинитель его житія рассказываетъ слѣдующее. Однажды Діонисію пришлось быть въ Москвѣ съ нѣкоторыми изъ братіи, ради монастырскихъ нуждъ. Онъ пришелъ на торгъ, гдѣ продавались книги. Его высокій ростъ, благолѣпная наружность и еще молодые сравнительно годы обратили на него вниманіе; нѣкій злой человѣкъ заподозрилъ его поведеніе и началъ надъ нимъ глумиться. Діонисій заплакалъ и сказалъ: «правду, брате, говоришь; а вѣрно таковъ грѣшникъ, и если бы истинный инокъ былъ, то не бродилъ бы по торжищу, а сидѣлъ бы въ своей кельѣ». Слова его привели въ умиленіе случившихся тутъ людей, и устыдили злого человѣка.

Прошедши разныя монастырскія должности, Діонисій былъ поставленъ архимандритомъ. Бывая въ Москвѣ по дѣламъ своего монастыря, онъ не только сдѣлался извѣстенъ патриарху Гермогену, но и заслужилъ его довѣріе и расположеніе своими умными рѣчами на церковныхъ соборахъ. Онъ также являлся мужественнымъ и краснорѣчивымъ его помощникомъ при усмиреніи народныхъ волненій во время Московской осады Тушинскимъ воромъ. Возведенный по желанію Гермогена на Троицкую архимандрію, Діонисій развилъ вполне свою энергію въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями: въ чемъ ему дѣтельно помогалъ расторопный келарь Палицынъ, сумѣвшій ускользнуть изъ польскихъ рукъ подъ Смоленскомъ и такимъ образомъ избѣжать тяжелой участи, которой подверглись нѣкоторые другіе члены великаго посольства. Троицкая Лавра, сама едва освободившаяся отъ

долгой, томительной осады, въ это время сдѣлалась главнымъ убѣжищемъ для разоренныхъ, безпріютныхъ, больныхъ и раненныхъ, искавшихъ спасенія отъ Ляховъ и казаковъ, которые свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ. Сюда съ разныхъ сторонъ стекались они и находили здѣсь пріютъ и успокоеніе. Архимандритъ съ братіей не жалѣли ни монастырскаго имущества, ни собственныхъ трудовъ для прокормленія и ухода за несчастными. Въ сосѣднихъ монастырскихъ слободахъ и селехъ возникли больницы и страннопріимные дома, особые для мужчинъ, особые для женщинъ. Тѣ женщины, которыя были въ силахъ, неутомимо работали на призрѣваемыхъ, стирали, шили и т. п. Монастырскихъ слугъ посылали по дорогамъ и лѣсамъ подбирать больныхъ и мертвыхъ, которые падали на пути и не успѣвали достигнуть обители; первыхъ помѣщали въ больницы, вторыхъ предавали честному погребенію. Особенно печальный видъ представляли тѣ раненные и умирающіе, надъ которыми наругались враги: у одного изъ спины ремни вырѣзаны, у другого руки или ноги отрублены, у третьяго волосы съ головы содраны, и т. п.

Въ то же время обитель вела постоянныя сношенія съ ополченіемъ, стоявшимъ подъ Москвою. Келарь Авраамій и другіе старцы ѣздили въ таборы, служили молебны, говорили ратнымъ людямъ слова отъ св. Писанія, укрѣпляли ихъ вѣру и увѣщевали мужественно стоять противъ враговъ. Мало того, обитель помогала ополченію и военными припасами, именно свинцомъ и порохомъ: келарь даже приказывалъ вынимать заряды изъ монастырскихъ мортиръ и пищалей и отсылалъ ихъ подъ Москву. Но практическое монастырское начальство одновременно не забывало хлопотать объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ своей обители. Напримѣръ, у временнаго подмосковнаго правительства оно выхлопывало подтвердительныя грамоты или, такъ сказать, исполнительные листы на введъ монастыря во владѣніе тѣми селами и деревнями, которыя отказывали ему по духовному завѣщанію разные благочестивые люди; бѣдствія Смутной эпохи въ особенности располагали къ такой жертвѣ въ виду благотворительной и патріотической его дѣятельности.

На ряду съ сими дѣлами благотворенія, тѣлесной и духовной помощи, Лавра въ то время развила также письменную дѣятельность. Взявшій на себя починъ призывныхъ грамотъ, святѣйшій патріархъ Гермогенъ сидѣлъ уже въ тѣсномъ заключеніи и не могъ непосредственно обращаться къ народу. Послѣднее извѣстное его увѣщаніе, о которомъ города передавали другъ другу, было обращено къ Ни-

жегородцамъ и къ казанскому митрополиту Ефрему. Онъ просить написать грамоты въ города ихъ властямъ, а также въ полки, стоявшіе подъ Москвою, къ Лапунову (тогда еще живому), боярамъ и атаманамъ («атаманѣ»), чтобы унимали грабежи, корчемство и блудъ, наблюдали чистоту душевную и братство, съ которыми общались души свои положить за домъ Пречистой и за чудотворцевъ Московскихъ, и чтобы отнюдь не признавали царемъ Маринкина сына. Начинаніе Гермогена ревностно продолжалъ троицкій архимандритъ Діонисій съ братіей. Въ кельи архимандрита сидѣли борзописцы и постоянно списывали грамоты, которыя разсылались по городамъ къ разнымъ властью имущимъ лицамъ. Эти краснорѣчивыя призывныя посланія, украшенныя поучительными рѣченіями изъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви, сочинялись или самимъ Діонисіемъ, или подъ его руководствомъ.

Особенно замѣчательна по силѣ и энергіи убѣжденія окружная грамота, помѣченная 6-мъ октября 1612 года (по Сентябрюскому стилю) и написанная отъ имени архимандрита Діонисія, келаря Авраамія Палицына и соборныхъ старцевъ.

Напоминая о московскомъ выборѣ королевича Владислава подъ условіемъ принятія имъ православной вѣры и о присягѣ польско-литовскихъ людей выйти изъ Московскаго государства и отступить отъ Смоленска, грамота указываетъ, что они не исполнили сей присяги и что они заодно съ предателями нашими Михайломъ Салтыковымъ и Федькою Андроновымъ учинили многія злодѣянія, а именно: „Московское государство выгнали, людей высѣкли, безчисленную христіанскую кровь пролили, святыхъ Божьи церкви и образа разорили и поругали, а твердаго адаманта святѣйшаго Гермогена патріарха съ престола безчестно низринули и въ тѣсное заключеніе заперли“. Далѣе грамота изображаетъ стояніе русскаго ополченія подъ Москвою и новый приходъ гетмана Ходкевича, который своимъ двухтысячнымъ войскомъ заслонилъ дороги къ столицѣ и не пропускаетъ запасовъ. Изъ нѣкоторыхъ городовъ ратные люди пришли на помощь русскому ополченію, изъ другихъ собираются въ походъ. Грамота умоляетъ и прочіе города стать съ ними заодно противъ нашихъ предателей и противъ враговъ Христовыхъ, Польскихъ и Литовскихъ людей. Какое отъ нихъ разореніе учинилось въ тѣхъ городахъ, которыми они завладѣли, о томъ всѣмъ извѣстно. „Гдѣ святыхъ церкви? Гдѣ Божіи образы?—воскликаетъ грамота.—Гдѣ иноки многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца

разорено и обругано злымъ поруганіемъ?“ „Гдѣ безчисленное народное множество въ городахъ и селахъ христіанскихъ? Не всѣ ли безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены?“ Сочинители именемъ Божиимъ просятъ всѣхъ христіанъ быть въ единеніи, отложить на время всякія распри и недовольства и умолять служилыхъ людей, чтобы они сѣвши подѣ Москву и не упустили дорогого времени. „Смилюйтесь,—заключаетъ грамота—и ради избавленія христіанскаго народа помогите ратными людьми, чтобы боярамъ, воеводамъ и всякимъ воинскимъ людямъ (стоящимъ подѣ Москвою) не учинилась поруха; о томъ много и слезно всѣмъ народамъ христіанскимъ вамъ челомъ бьемъ.“

Подобныя грамоты несомнѣнно вездѣ читались съ умиленіемъ и воспламеняли сердца Русскаго народа. Но отъ умиленія до дѣла было еще далеко, если бы не явились люди, которые стали во главѣ новаго движенія и увлекли за собою народную массу. Такіе люди нашлись въ Нижнемъ Новгородѣ.

Уже съ самаго начала смуты граждане Нижняго Новгорода отличались своею вѣрностію присягѣ, твердостію и здравомысліемъ. Они не допустили увлечь себя никакимъ подговорамъ, отбили всѣ попытки митежныхъ шаекъ и сохранили свой городъ отъ разоренія и разграбленія. Нижегородскіе воеводы того времени князь Звенигородскій, Алябевъ, Рѣпинъ и дьякъ Семеновъ не выдавались своими талантами, но вели себя честно и прямодушно. Только страпчій Биркинъ былъ человекомъ переменчивымъ и ненадежнымъ. Зато изъ среды посадскихъ людей исторія выдвинула на передній планъ нѣкоего мясного торговца Козьму Минина, прозваніемъ Сухорука. Во время Московскаго разоренія онъ является въ Нижнемъ Новгородѣ въ числѣ земскихъ старостъ, слѣдовательно однимъ изъ людей излюбленныхъ, болѣе или менѣе снискавшихъ довѣріе и уваженіе своихъ согражданъ.

Когда означенная Троицкая грамота пришла въ Новгородъ, городскія и земскія власти собрались на воеводскомъ дворѣ и разсуждали о ней. Мининъ просилъ, чтобы грамоту всенародно прочитали въ Соборѣ; причемъ прибавилъ, что и ему во снѣ являлся св. Сергій, который велѣлъ разбудить спящій народъ. Недоброжелатель его Биркинъ попробовалъ противорѣчить; но Мининъ заставилъ его замолчать, грозя обличить его неправды. На другой день собрались горожане въ Спасскомъ соборѣ. Послѣ обѣдни соборный протопопъ Савва, сказавъ нѣсколько скорбныхъ словъ о разореніи Московскаго госу-

дарства отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и о наѣреніи ихъ обратитъ истинную вѣру въ латинскую ересь, прочелъ Троицкую грамоту. Слушатели были растроганы до глубины души. Народъ не расходился и толпился подлѣ Собора. Тутъ Козьма Мининъ поднялъ свой голосъ и сказалъ горячее слово о неотложной необходимости помочь Московскому государству и очистить Русскую землю отъ Поляковъ и Литвы. Онъ уговаривалъ всѣмъ пожертвовать для такого великаго и Божьяго дѣла, не жалѣть своихъ животвъ (имущества), отдать въ кабалу дѣтей и женъ, чтобы только собрать деньги на содержаніе ратныхъ людей. Онъ увѣрялъ согражданъ, что и другіе города пристанутъ къ нимъ, какъ только они подадутъ примѣръ. Многіе приходили въ умиленіе и прослезались, слыша такіа рѣчи. Послѣ того еще не разъ собирались Нижегородцы на общее совѣщаніе. Овладевъ ихъ сердцами, Мининъ сталъ руководить ихъ дѣйствіями. Составили приговоръ о сборѣ денегъ и вооруженіи большого ратнаго ополченія.

Тутъ возникъ вопросъ, кому вѣрить начальство надъ симъ ополченіемъ. Требовался человѣкъ во-первыхъ знатный, во-вторыхъ искусный въ военномъ дѣлѣ, въ-третьихъ чистый, то есть бывшій непричастнымъ къ измѣнѣ законнымъ государямъ. По всей вѣроятности, тотъ же Мининъ подсказалъ имя избранника. Остановились на князѣ Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Хотя по лѣтамъ своимъ онъ принадлежалъ къ молодымъ воеводамъ (около 35 лѣтъ) и по чину былъ только стольникъ, но происходилъ изъ древняго рода князей Стародубскихъ, а, главное, во время смуты выдвинулся не только своимъ воинскимъ мужествомъ, но еще болѣе твердостію характера и непоколебимою вѣрностію присягѣ. Къ нему отправлено было изъ Нижняго Новгорода посольство, имѣвшее во главѣ печерскаго архимандрита Феодосія и дворянина Болтина. Пожарскій, еще не вполне излѣчившійся отъ ранъ, жилъ въ то время въ одной изъ своихъ суздальскихъ вотчинъ. Не вдругъ, а послѣ нѣсколькихъ отказовъ, онъ далъ согласіе на просьбу Нижегородцевъ, однако съ условіемъ, чтобы они выбрали изъ своихъ посадскихъ людей человѣка, который былъ бы вмѣстѣ съ нимъ у такого великаго дѣла и вѣдалъ бы сборною казною. Когда послы затруднились и не знали кого называть, Пожарскій прямо указалъ на Козьму Минина, говоря: „онъ у васъ человѣкъ бывалый, служилый и то дѣло ему привычно“. Очевидно между этими двумя замѣчательными русскими людьми существовали уже предварительныя взаимныя сношенія. Когда посланцы во-

ротились и доложили обо всемъ Нижегородцамъ, тѣ начали бить челомъ Козьмѣ, чтобы онъ сталъ выборнымъ отъ нихъ челоуѣкомъ при войсѣхъ. Но Козьма не былъ такъ простъ, чтобы согласиться сейчасъ же и безъ всякихъ условій. И обычай, и предусмотрительность заставляли его сначала отказываться отъ такого труднаго дѣла. На усиленные просьбы онъ наконецъ согласился, но потребовалъ крѣпкаго мірскаго приговора о томъ, чтобы міръ слушался его во всемъ и давалъ бы потребныя ратнымъ людямъ деньги, хотя бы для того пришлось отдавать послѣдніе животы и даже закладывать въ кабалу женъ и дѣтей. Получивъ такой приговоръ, Мининъ немедля отослалъ его ко князю Пожарскому; ибо опасался, чтобы Нижегородцы по минованіи одушевленія не раздумали и не взяли бы у него приговоръ назадъ.

Заручившись мірскимъ приговоромъ, Мининъ началъ строго приводить его въ исполненіе. Онъ поставилъ оцѣнщиковъ для имущества и взималъ съ него пятую деньгу, т. е. пятую часть; причеиъ никому не дѣлалъ послабленій и съ противящихся взыскивалъ силою. Нѣкоторые граждане давали и болѣе положеннаго; а одна богатая вдова отдала почти все свое имущество, оставивъ себѣ только небольшую его часть. Мининъ посылалъ окладчиковъ и въ другіе города, наприимѣръ въ Балахну и Гороховецъ, чтобы облагать торговыхъ и посадскихъ людей, смотря по животамъ и промысламъ. Такимъ образомъ составилаь казна. Стало собираться и ополченіе. Первыми пришли смоленскіе дворяне и дѣти боярскіе, вызванные на службу въ Москву еще при Василии Шуйскомъ и лишенные Поляками своихъ помѣстій. Заруцкій и Трубецкой дали имъ грамоты на арзамасскія дворцовыя земли; но тамъ мужики съ помощію стрѣльцовъ не пустили ихъ въ свои волости. Нижегородцы призвали къ себѣ этихъ Смольнянъ, дали имъ кормъ и жалованье; часть ихъ они отправили къ Пожарскому вмѣстѣ съ просьбою спѣшить скорѣе въ Нижній. Пожарскій выступилъ въ путь; по дорогѣ онъ присоединилъ къ себѣ дѣтей боярскихъ изъ Вязьмы и Дорогобужа, которые подобно Смольнянамъ, вопреки грамотамъ Заруцкаго, также не добились доступа къ пожалованнымъ помѣстьямъ. Нижегородцы встрѣтили Пожарскаго съ великимъ почетомъ.

Пожарскій и Мининъ въ свою очередь начали разсылать грамоты отъ имени Нижегородцевъ и собравшихся ратныхъ людей въ поморскіе, низовые и украинные города, прося помощи деньгами и ратными людьми для очищенія Московскаго государства. Грамоты эти и

слухъ о сборѣ ополченія въ Нижнемъ вскорѣ вызвали сильное движеніе, уже подготовленное тропцкими призывными посланіями. Отовсюду стали приходить ратные люди; сначала пришли Коломенцы, за ними Рязанцы, потомъ стрѣльцы и казаки изъ украинскихъ городовъ. Нижегородцы всѣхъ принимали съ честію, давали содержаніе ратникамъ и ихъ конямъ. Жалованье начали платить имъ смотря по статьямъ: первая статья получала по 50 рублей, а самая меньшая по 30. Казанцы, подобно Нижегородцамъ, уцѣлѣли въ Смутное время отъ грабежей и непріятельскаго разоренія. Къ нимъ отправленъ былъ изъ Нижняго съ просьбою о помощи стряпчій Биркинъ. Но этотъ злобный человѣкъ ставнулся тамъ съ подобнымъ себѣ завистливымъ и властолюбивымъ дьякомъ Шудьгинымъ, и по ихъ ухищреніямъ Казанцы, хотя отписали въ отвѣтъ, что идутъ всѣ своими головами, однако замедлили походомъ.

Въ Москвѣ и подъ Москвою вѣсти о сборѣ новаго ополченія вызвали у многихъ радость и надежду на скорое освобожденіе, а у Поляковъ и русскихъ измѣнниковъ сильную тревогу. Чрезъ послѣднихъ Гонсѣвскій сталъ принуждать, заключеннаго въ Чудовъ монастырь, патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ въ Нижній Новгородъ увѣщаніе отмѣнить походъ и сохранить присягу Владиславу. Но патріархъ пребылъ до конца на высотѣ своего положенія. „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства—отвѣчалъ онъ;—а вы, окаянные Московскіе измѣнники, да будете прокляты“. Тогда враги начали морить его голодомъ. Однако сей великій старецъ или крѣпкій „адамантъ“, какъ его называли современники, остался непреклоненъ, и, по словамъ лѣтописца, 17 февраля 1612 года „предалъ свою праведную душу въ руки Божіи“. Безъ всякихъ почестей его погребли тамъ же въ Чудовъ монастырь.

Въ таборахъ, стоявшихъ подъ Москвою, Заруцкій и его приверженцы отнюдь не обрадовались новой имъ помощи, когда узнали, что дѣло идетъ не о посылкѣ мелкихъ поддержекъ, не имѣвшихъ между собою связи, а о большомъ хорошо устроенномъ ополченіи, предводимомъ такимъ стойкимъ неподкупнымъ воеводою, каковъ былъ Пожарскій. Заруцкій понялъ, что какъ его первенствующая роль въ войскѣ, такъ и его замыслы на счетъ кандидатуры Маринина сына и собственнаго регентства подвергаются еще большей опасности чѣмъ при Ляпуновѣ. Онъ мало заботился о временной присягѣ ничтожному Псковскому самозванцу; но противъ сей опасности сѣвшилъ принять

свои мѣры. Онъ отрядилъ атамана Просовецкаго занять такой важный пунктъ какъ Ярославль и стать на пути Нижегородцамъ. Но ихъ доброхоты дали о томъ знать въ Нижній Новгородъ. Пожарскій немедленно отправилъ своего дальняго родственника князя Димитрія Петровича Лопату Пожарскаго и дьяка Самсонова съ ратными людьми. Они успѣли вовремя придти въ Ярославль, гдѣ захватили небольшой передовой отрядъ казаковъ и разсажали ихъ по тюрьмамъ. Узнавъ о томъ, Просовецкій уже не пошелъ въ Ярославль; а Заруцкій скрылъ досаду, и вмѣстѣ съ Трубецкимъ послалъ въ Нижній воеводамъ грамоту съ приглашеніемъ идти подъ Москву, ничего не опасаясь. Вслѣдъ за родственникомъ и самъ Димитрій Михайловичъ Пожарскій выступилъ съ ополченіемъ изъ Нижняго. Лежавшіе на пути города Балахна и Юрьевъ Повольскій дали ему подмогу деньгами и ратными людьми; въ числѣ послѣднихъ находились и Юрьевскіе татары. Костромской воевода Иванъ Петр. Шереметевъ, сторонникъ Владислава, вадумалъ не впускать въ свой городъ Нижегородцевъ; такъ что они остановились на посадѣ. Но уже трудно было бороться съ одушевленіемъ, охватившимъ Русскій народъ: большинство городскихъ обывателей и ратныхъ людей пристали къ Нижегородцамъ и свели Шереметева съ воеводства, при чемъ едва его не убили, и просили себѣ другого воеводу у князя Пожарскаго; тотъ далъ имъ князя Романа Гагарина, а дьякомъ назначилъ Поддѣсова. Отъ Костромичей ополченіе также получило подмогу деньгами и людьми. Межъ тѣмъ изъ Суздаля прискакали гонцы съ просьбою о помощи противъ угрожавшаго ему Просовецкаго; Пожарскій отправилъ туда другого своего родственника Романа Петровича, который и занялъ Суздаль, а Просовецкій воротился въ Москву.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1612 года Нижегородское ополченіе достигло Ярославля, гдѣ и было встрѣчено съ образами и вообще съ великою честью. Но тутъ оно замѣшкалось на довольно продолжительное время вмѣсто того, чтобы спѣшить на освобожденіе Москвы. Однако мы не можемъ строго обвинять въ излишней медлительности главныхъ его вождей и руководителей, т. е. Пожарскаго и Минина. Обстоятельства были трудныя; они требовали большой осторожности и осмотрительности, чтобы и второе ополченіе не постигла судьба перваго, т. е. Ляпуновскаго; тогда какъ это второе или Нижегородское ополченіе заключало въ себѣ, можно сказать, послѣднія русскія силы или, точнѣе, послѣднее ядро, около котораго могли еще собраться лучшіе люди и средства, уцѣлѣвшіе отъ предыдущихъ разгромовъ.

Во первыхъ, вожди сего ополченія имѣли всѣ поводы опасаться разныхъ козней со стороны Заруцкаго и не спѣшить на соединеніе съ нимъ. Во вторыхъ, какъ разъ около того времени изъ подмосковныхъ таборовъ было получено извѣстіе объ ихъ присягѣ третьему или Псковскому Лжедимитрію. Объ этой присягѣ писали также изъ Троицы архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій и просили поспѣшить прибытіемъ ополченія подъ Москву. Но начальники его прежде всего должны были развѣдать, насколько велика была опасность съ той стороны, т. е. сколько городовъ признали новаго вора, а затѣмъ принять противъ нея свои мѣры; о чемъ снеслись съ другими городами. Въ-третьихъ, приходили неблагоприятныя вѣсти изъ сѣверныхъ городовъ. Съ одной стороны Шведы, завладѣвъ Новгородомъ, какъ мы видѣли, распространяли свое господство на значительную часть Новгородской и Псковской земли; съ другой шайки Запорожскихъ и другихъ казаковъ простерли свои грабежи на верхневолжскія и даже заволжскія мѣста: такъ одна шайка явилась въ краснохолмскомъ Антоньевѣ монастырѣ, другая въ Пошехонѣ, третья въ Угличѣ, четвертая въ Твери и т. д.; изъ этихъ мѣстъ онѣ разорили окрестныя области. Нельзя было оставлять такихъ враговъ въ тылу ополченія. Пожарскій изъ Ярославля посылаетъ отряды съ князьями Дим. Мамстрюк. Черкасскимъ, Ив. Ѳед. Троекуровымъ, Дим. Петр. Лопатою, съ Вас. Толстымъ, а также мурзу Барай Алѣевича съ Романовскими татарами. Эти воеводы большею частью побили казачія шайки и очистили верхнее Поволжье.

По отношенію къ Шведамъ пришлось прибѣгнуть къ дипломатіи.

Пожарскій завязалъ сношенія съ новгородскими властями и Яковомъ Делагарди. Чтобы развѣдать о новгородскихъ дѣлахъ, онъ отправилъ туда посольство съ Степаномъ Татищевымъ во главѣ и просилъ сообщить ему послѣдній договоръ со Шведами. Владыка Исидоръ прислалъ списокъ договора; а затѣмъ въ Ярославль прибыли изъ Новгорода послами игуменъ Геннадій и князь Ѳедоръ Оболенскій. Они извѣстили, что король Карлъ IX умеръ, оставивъ Шведскій престолъ старшему сыну Густаву Адольфу, а младшаго Филиппа благословилъ Новгородскою землею. Поэтому послы приглашали начальниковъ ополченія избрать царемъ того же королевича Филиппа, чтобы Москвѣ не отдѣляться отъ Великаго Новгорода. Пожарскій указывалъ на неудачное избраніе польскаго королевича Владислава, котораго Сигизмундъ обѣщалъ, но не далъ, и обманулъ. Новгородскіе послы увѣряли, что Филиппъ былъ уже на пути въ ихъ землю, когда

получилъ вѣсть о смерти отца и долженъ былъ возвратиться, чтобы присутствовать при его погребеніи, потомъ участвовалъ въ войнѣ съ Даніей; а что теперь старшій братъ и мать отпустили его снова въ Новгородъ. Они пригласили воеводу отправить и отъ себя пословъ. Пожарскій напомнилъ о Московскихъ великихъ послахъ, которыхъ Сигизмундъ держитъ въ неволѣ. „Быль-бы нинѣ здѣсь такой столпъ какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ,—говорилъ онъ—то всѣ бы его держались, и я бы мимо его за такое великое дѣло не взялся; но приневолили меня бояре и вся земля“. А, главное, онъ настаивалъ на томъ, что когда королевичъ приметъ греческую вѣру, тогда и будутъ отправлены къ нему послы отъ всей земли. [На это князь Оболенскій съ товарищами отвѣчалъ, что Новгородцы не отпали отъ православія и готовы помереть за него даже въ томъ случаѣ, если бы Московское государство ихъ выдало, и что слѣдовательно они не посадятъ на престолъ челоуѣка не греческой вѣры. Въ іюлѣ 1612 года съ этимъ новгородскимъ посольствомъ воеводы опять отправили своихъ людей въ Новгородъ, чтобы поддержать и протянуть переговоры объ избраніи королевича Филиппа. Уже отъ Степана Татищева они узнали о безнадежномъ положеніи дѣлъ въ Новгородѣ, откуда не могли ждать никакой помощи; а потому продолжали переговоры съ единственною цѣлю подать Шведамъ надежду на выборъ царемъ королевича Филиппа, чтобы отвлечь ихъ отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій и выиграть время для очищенія земли отъ Поляковъ. И этой цѣли они достигли.

Около того же времени Пожарскій, пользуясь проѣздомъ пясарскаго посла Грегори, возвращавшагося изъ Персіи, отправилъ съ нимъ Еремѣева гонцомъ къ императору Матеію. Онъ просилъ цесаря помочь противъ Поляковъ какъ деньгами, такъ и дипломатическимъ вмѣшательствомъ; при чемъ подавалъ надежду на выборъ царя изъ принцевъ Габсбургскаго дома, и даже указывалъ на пясарева брата эрцгерцога Максимильяна (бывшаго претендента на польскую корону по смерти Баторія). Цесарскій дворъ былъ польщенъ такою надеждою, и дѣйствительно пытался склонить польскаго короля къ прекращенію враждебныхъ дѣйствій.

Главною же заботой вождей, замедлявшею ихъ выступленіе изъ Ярославля, было лучшее устройство и умноженіе самого ополченія, ожиданіе какъ ратныхъ людей, такъ и денежныхъ средствъ изъ другихъ городовъ, въ которые они усердно разсылали призывныя и увѣщательныя грамоты. Подкрѣпленія людьми и деньгами собирались

медленно и несправке. Такъ Казанцы прислали наконецъ скудную помощь съ тѣмъ же званіемъ Биркинымъ. Послѣдній, желавшій быть въ числѣ главныхъ начальниковъ, и ратные головы Казанцевъ, настроенные къ дьякомъ Никаноромъ Шульгинымъ, затѣли въ Ярославлѣ верскары съ воеводами, учинили неповиновеніе и большую частію ушли назадъ; остались только голова Лукьянъ Мясной¹ съ нѣсколькими десятками Казанскихъ мурзъ и дворянъ, да стрѣлецкій голова Постникъ Нѣлювъ съ сотнею стрѣльцовъ.

Ожидая поддержки и занимаясь устройствомъ ополченія, вождемъ его разсылали изъ Ярославля грамоты съ слѣдующимъ началомъ: въ такое-то мѣсто, такимъ-то властямъ „бояре и воеводы и Димитрій Пожарскій съ товарищами челомъ будутъ“. Одна грамота, снабженная рукоприкладствомъ, сообщаетъ намъ, кто въ это время является подъ именемъ „бояръ“ и „товарищей“ князя Пожарскаго. Сія грамота была послана въ апрѣлѣ изъ Ярославля къ Вологодцамъ съ извѣстіемъ о сборѣ всеобщаго ополченія, о беззаконной присягѣ Псковскому самозванцу и съ просьбою о присылкѣ выборныхъ людей для земскаго совѣта и денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ. Въ числѣ подписавшихъ ее лицъ находятся: бояре Вас. Петр. Морозовъ и князь Влад. Тимоф. Долгоруковъ, окольный Сем. Вас. Головинъ, князья Одоевскій, Пронскій, Волконскій, Львовъ, Барятинскій, Алексѣй Долгоруковъ, Туренинъ, нетитулованные дворяне Плещеевъ, Вельяминовъ, Огаревъ, Нащокинъ, Иванъ и Василій Шереметевы, Бутурлинъ, Челчуговъ и др. А за „выборнаго человека всюю землею Козьмы Минина (очевидно неграмотнаго) руку приложилъ князь Димитрій Пожарскій“. Всего находимъ до 50 подписей. Это и были очевидно воеводы и головы собравшихся съ разныхъ сторонъ ратныхъ людей; вмѣстѣ съ выборными отъ городовъ они представляли родъ Земской Думы, называемой „совѣтъ всей земли“; а исполнительной властью былъ облеченъ князь Пожарскій, главнымъ помощникомъ котораго является Козьма Мининъ съ званіемъ „выборнаго отъ всей земли“.

Отъ сего, такъ сказать, Ярославскаго правительства дошло до насъ нѣсколько грамотъ, подписанныхъ княземъ Пожарскимъ „по совѣту всей земли“ и свидѣтельствующихъ о его распорядительной дѣятельности. Такъ по челобитію игуменовъ съ братіей онъ подтверждаетъ пожалованные прежними государями грамоты монастырямъ Соловецкому и Архangelоблазерекому на разные угодья и доходы; поручаетъ мѣст-

т. п. Между прочимъ любопытна его грамота о переводѣ изъ Соловецкаго монастыря въ Кириллобѣлозерскій старца Степана, бывшаго преждего касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича, который былъ заточенъ въ Соловецкій монастырь и тамъ постриженъ по приказанію перваго Лжедмитрія. Главнымъ же образомъ Пожарскій разсылалъ по городамъ грамоты съ просьбою о присылкѣ помощи деньгами и ратными людьми; при чемъ сообщалъ о положеніи дѣлъ, о переговорахъ со Шведами, о возняхъ Заруцкаго и увѣщевалъ не признавать ни Маринкина сына, ни Псковскаго вора. Чтобы имѣть авторитетнаго посредника въ часто возникавшихъ среди ополченія пререканіяхъ и смутахъ и придать духовное освященіе своему правительству, вожди Нижегородскаго ополченія призвали изъ Троицкой Лавры, проживавшаго тамъ на покой, бывшаго ростовскаго митрополита Кирилла, который дѣйствительно сталъ помогать водворенію мира и согласія въ ополченіи.

Между тѣмъ въ подмосковныхъ таборахъ Трубецкой и Заруцкій продолжали представлять собою другое правительство и давать жалованья грамоты на помѣстья, подписывая свои имена тоже съ прибавкою „по совѣту всей земли“. Сидѣвшая въ Москвѣ вмѣстѣ съ Поляками Боярская Дума также продолжала считать себя истиннымъ правительствомъ и издавать распорядительныя грамоты. Во Псковѣ общую правительственную власть присвоивалъ себѣ третій Лжедмитрій. Слѣдовательно одновременно мы видимъ четыре правительства въ Московскомъ государствѣ, не считая, охранныхъ областей, или непризнававшихъ никакого изъ этихъ правительствъ (напримѣръ, Астрахань), или занятыхъ непріателемъ (Новгородская и Смоленская). Но всѣ народныя чувства и надежды сосредоточились теперь на Нижегородскомъ ополченіи и все вниманіе устремилось на Ярославль, откуда ожидалось спасеніе государства и прекращеніе разновластиа.

И эти надежды не обманули.

Изъ четырехъ правительствъ первымъ пало псковское самозванство. Подобно второму Лжедмитрію, раздѣльконъ Сидорка или Матюшка предался разгулу и грабежу. Онъ силою бралъ у гражданъ женъ и дочерей, томилъ состоятельныхъ людей на правехѣ, вымучивая деньги, которыми награждалъ окружавшее его казачество, набранное большею частію изъ боярскихъ холоповъ и всякаихъ воровскихъ людей. Въ сущности это было господство грубой, необузданной черни, которое сдѣлалось крайне тяжело для лучшей или болѣе зажиточной

части населенія, т.-е. для дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей. Во главѣ недовольныхъ стали князь Ив. Ѳед. Хованскій и тотъ самый Иванъ Плещеевъ, который былъ присланъ изъ подъ Москвы узнать правду о новомъ ворѣ, но, боясь убійства, призналъ его за Калужскаго царика. Они воспользовались нападеніемъ Шведовъ на одинъ псковскій пригородъ и отправили большинство казаковъ для его обороны. А когда тѣ ушли, лучшіе люди вмѣстѣ съ добрыми казаками возстали, схватили раздѣякона, и тотъ же Плещеевъ подъ сильною стражею повезъ его къ Москвѣ. Далѣе источники разногласятъ: по русскимъ извѣстіямъ, его привезли въ {подмосковные таборы и тамъ казнили; а по шведскимъ, дорогою на стражу напалъ Лисовскій и хотѣлъ освободить вора; чтобы не отдать живымъ, одинъ изъ казаковъ пронзилъ его копьемъ.

Хотя дѣло съ сѣмъ Самозванцемъ было покончено, а {Трубецкой и Заруцкій торопили Пожарскаго скорѣйшимъ прибытіемъ подъ Москву, и уже до гибели Псковскаго вора извѣщали, что узнали правду о немъ и присягу ему съ себя сложили; однако князь {Димитрій Михайловичъ все еще медлитъ въ Ярославлѣ, такъ какъ онъ болѣе всего опасался именно козней Заруцкаго. Послѣ убіенія Лапунова этотъ злой и коварный человѣкъ навлекъ на себя сильное нерасположеніе и недовѣріе со стороны дворянъ и вообще земскихъ людей. Въ нѣкоторыхъ своихъ распорядительныхъ грамотахъ Пожарскій прямо указывалъ на гнусное поведеніе Заруцкаго и его казаковъ какъ на причину своего замедленія. Событія вполнѣ оправдали это недовѣріе. Въ то самое время, когда Заруцкій звалъ Пожарскаго въ Москву, онъ уже точилъ на него ножъ и подослалъ убійцъ. Двое изъ его казаковъ, Обрѣзковъ и какой то Стеньга, пристали къ Нижегородскому ополченію, и здѣсь подговорили нѣсколько человѣкъ изъ смоленскихъ стрѣльцовъ, да еще рязанца Сеньку Хвалова, жившаго во дворѣ у князя Пожарскаго, который его кормилъ и одѣвалъ. Сначала думали зарѣзать князя соннаго; но это не удавалось. Тогда рѣшили нанести ему ударъ какънибудь въ тѣснотѣ. Однажды князь вышелъ изъ Разрядной избы посмотреть пушки, снаряженныя въ походъ подъ Москву и лежавшія у дверей Разряда. Кругомъ толпился народъ. Подлѣ князя находился какой то казакъ Романъ, который взялъ его подъ руку. Вышепомянутый Стеньга бросился между ними и хотѣлъ ножомъ ударить Пожарскаго въ животъ, но промахнулся и сильно ранилъ въ ногу казака Романа; послѣдній повалился и застоналъ. Князь подумалъ, что это какойнибудь несча-

стный случай, происшедшій отъ тѣсноты, и хотѣлъ уйти. Но толпа остановила его и завопила, что то было покушеніе на него самого. На землѣ нашли ножъ, схватили Стеньку и начали его пытать. Онъ во всемъ признался и указалъ на своихъ соумышленниковъ. Ихъ также схватили; однихъ разослали въ города по темницамъ, а другихъ взяли съ собой подъ Москву, гдѣ они должны были объявить всей рати о своемъ преступленіи. Пожарскій не далъ ихъ на казнь; чѣмъ вновь доказалъ не только свою доброту, но и твердость характера.

Уже прошло около четырехъ мѣсяцевъ со времени прибытія ополченія въ Ярославль, и медлительность его вождей стала наконецъ вызывать справедливый ропотъ. Когда пришла вѣсть о новомъ походѣ гетмана Ходкевича въ Москву на помощь польскому гарнизону, князь Трубецкой обратился къ посредничеству Троицкой Лавры. Архимандритъ и келарь отправили двухъ старцевъ въ Ярославль съ грамотою, въ которой умоляли воеводъ слѣшнить подъ Москву. Не видя успѣха отъ сего посольства, они шлютъ двухъ другихъ старцевъ съ новымъ моленіемъ и съ извѣстіемъ, что гетманъ Ходкевичъ приближается съ сильнымъ войскомъ и большими запасами, и, если онъ успѣетъ соединиться съ гарнизономъ, то „всуе“ будутъ всѣ труды второго русскаго ополченія. Но здѣсь на ту пору среди воеводъ и ратниковъ снова возгорѣлись какія то несогласія и смуты. Очевидно князю Пожарскому, при его сравнительной молодости и невысокомъ самѣ, трудно было внушить всѣмъ уваженіе и повиновеніе. Тогда архимандритъ съ братіей снаряжаютъ въ Ярославль самого келаря Авраамія. Отгнѣвъ молебень и взявъ благословеніе у архимандрита, Палицынъ 28 іюня отправился въ путь. Онъ явился усерднымъ миротворцемъ и своими краснорѣчивыми поученіями не мало помогъ Пожарскому и Минину водворить порядокъ и послушаніе.

Князь Дмитрій Михайловичъ началъ съ того, что отправилъ подъ Москву сильное подкрѣпленіе съ воеводами Дмитріевымъ и Левашовымъ; причемъ запретилъ имъ располагаться въ казацкихъ таборахъ, а велѣлъ стать у Петровскихъ воротъ и тутъ укрѣпиться особымъ острожкомъ. Затѣмъ послалъ другое подкрѣпленіе съ родственникомъ своимъ Дмитріемъ Петровичемъ и дьякомъ Самсоновымъ, приказавъ ему стать по сосѣдству съ первымъ, именно у Тверскихъ воротъ Вѣлаго города. Въ это же время прибыли ратные люди изъ украинскихъ городовъ и расположились у Никитскихъ воротъ; но тутъ они не получали никакого содержанія, да еще терпѣли обиды отъ казаковъ Заруцкаго; почему послали въ Ярославль нѣсколько человѣкъ

съ жалобами. Тамъ ихъ обласкали, снабдили деньгами и сукнами и отпустили обратно съ обѣщаніемъ скорѣ идти всему ополченію. Узнавъ о томъ, Заруцкій велѣлъ побить этихъ посланцевъ; такъ что они едва спаслись въ станъ воеводы Дмитріева.

Наконецъ и самъ Пожарскій съ главными силами выступилъ изъ Ярославля. Поручивъ князю Ив. Андр. Хованскому и Козьмѣ Минину вести рать въ Ростовъ, онъ съ небольшою свитою свернулъ въ Суздаль, чтобы тамъ въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ помолиться надъ гробами своихъ родителей. Исполнивъ этотъ благочестивый обычай и укрѣпясь духомъ, онъ воротился къ войску, которое стояло въ Ростовѣ. Здѣсь въ ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ въ тѣ времена подвизался затворникъ Ирinarхъ (въ мірѣ Илья, сынъ крестьянина). Удручая себя тяжелыми желѣзными веригами и цѣпями, этотъ старецъ въ своемъ уединеніи зорко слѣдилъ за современными событіями Россіи и являлся пламеннымъ русскимъ патріотомъ. Слава его подвижничества привлекала къ нему не только знатныхъ русскихъ людей, но и пришлыхъ Поляковъ и Западноруссовъ. Такъ его посѣтилъ Янъ Сапѣга и старецъ совѣтовалъ ему скорѣ воротиться на родину, а иначе предсказывалъ гибель въ Русской землѣ. Онъ же ободрялъ идти на враговъ Михаила Скопина-Шуйскаго, послалъ ему благословенную просфору и свой крестъ, съ которымъ Скопинъ побѣдоносно дошелъ до Москвы. Тотъ же старецъ посылалъ въ Ярославль къ Пожарскому и Минину, увѣщевая ихъ не медлить и смѣло идти къ столицѣ, не боясь Заруцкаго, котораго они тамъ не застанутъ. Теперь Пожарскій и Мининъ сами пришли къ нему за благословеніемъ. Онъ укрѣпилъ ихъ духъ и далъ имъ свой подвижническій крестъ, съ которымъ они и совершили очищеніе Москвы отъ враговъ.

Вскорѣ въ Ростовѣ же Пожарскій получилъ важное извѣстіе изъ подъ Москвы объ удаленіи Заруцкаго. Сей послѣдній видѣлъ, какъ съ приближеніемъ второго ополченія падала его собственная сила: сами подначальные ему казацкіе атаманы стали покидать его и переходить на сторону прибывавшей отовсюду земской рати; Трубецкой при всей слабости своего характера также началъ отъ него отдѣляться. А тутъ еще обнаружились его тайныя сношенія съ Ходкевичемъ, которыя велись при посредствѣ нѣсколькихъ Поляковъ (собственно Западноруссовъ), перешедшихъ въ русскую службу и замѣшавшихся въ казачьи таборы: одинъ изъ такихъ Поляковъ, именно ротмистръ Хмелевскій, и донесъ Трубецкому на своихъ товарищей. Ихъ схва-

тили и пытали. Видя, что ему самому грозитъ опасность бунта, Зарудскій съ частью приверженныхъ себѣ казановъ ночью бѣжалъ въ Коломну къ Маринѣ; разграбивъ этотъ городъ, онъ вмѣстѣ съ Мариной и ея маленькимъ сыномъ ушелъ въ рязанскій городъ Михайловъ.

Такимъ образомъ Ярославское промедленіе дало несомнѣнно благоприятные плоды по отношенію къ казачеству вообще и къ Зарудскому въ частности: не только его козни успѣли выясниться и огласиться, но и самъ онъ съ наиболѣе хитрыми товарищами принужденъ удалиться изъ подъ Москвы; а это обстоятельство облегчало и упрощало борьбу съ врагами.

Ополченіе прибыло въ Переяславль Залѣсскій, и, подкрѣпившись тутъ ратниками и запасами, двинулось далѣе. 14 августа оно достигло Троицкой Лавры и остановилось между монастыремъ и Слободою Клементьевской. Сюда приходили посланцы отъ князя Трубецкого съ грамотами къ архимандриту и братіи: онъ просилъ ихъ побудить ополченіе, чтобы оно спѣшило какъ можно скорѣе къ Москвѣ; ибо гетманъ Ходкевичъ съ запасами приближается, а казаки отъ великой скудости хотѣтъ уйти прочь. Но самая настойчивость эта многимъ начальникамъ казалась подозрительною, и они говорили князю Пожарскому, что казаки хотѣтъ заманить его, чтобы убить подобно Лапунову. Архимандритъ и келарь старались отклонить такия опасенія и убѣждали идти скорѣе на помощь. Пожарскій отправилъ напередъ себя подъ Москву новое подкрѣпленіе съ княземъ Вас. Ив. Туренинымъ.

Здѣсь же, во время остановки подъ Троицею, ему пришлось дать отвѣтъ иноземцамъ. Около того времени воеводы получили любопытное предложеніе отъ нѣсколькихъ иноземныхъ офицеровъ вступить въ русскую службу съ набраннымъ ими отрядомъ; для чего они намѣревались на англійскихъ и нидерландскихъ корабляхъ прибыть въ Архангельскъ. Пожарскій отвѣчалъ благодарностію на это предложеніе; но отклонилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что Московскіе люди теперь покинули рознь, соединились и не нуждаются болѣе въ иноземной помощи, чтобы управиться съ своими врагами, Польскими и Литовскими людьми. При семъ онъ выражалъ удивленіе, что въ числѣ предлагавшихъ свои услуги находился Яковъ Маржеретъ, который еще недавно сражался противъ Русскихъ въ польскихъ рядахъ и являлся злѣйшимъ врагомъ, чѣмъ сами Поляки. Онъ ушелъ изъ Москвы вмѣстѣ съ измѣнникомъ Михаиломъ Салтыковымъ къ Сигизмунду, который принялъ его весьма благосклонно. Опасаясь

какого-либо коварства со стороны иноземных искателей добычи и приключений, Пожарскій не ограничился отвѣтною грамотою, а отрядилъ на всякій случай и ратныхъ людей для обороны отдаленнаго Архангельска.

Отдохнувъ дня четыре подъ Троицей, 18 августа поутру ополченіе выступало уже прямо къ Москвѣ и выстроилось на горѣ Волкушѣ. Тутъ архимандритъ съ братіей, въ праздничныхъ ризахъ, со крестами и образами, отслужили напутственный молебенъ, по окончаніи котораго войско отдѣльными сотнями подходило къ священнослужителямъ и прикладывалось къ образамъ; архимандритъ благословлялъ ихъ крестомъ, а священники кропили святою водою. Послѣ войска подходили за благословеніемъ начальники и воеводы. Въ то утро дулъ сильный противный вѣтеръ, и рать была нѣсколько смущена; ибо считала его дурнымъ предзнаменованіемъ. Но когда войско двинулось, а Діонисій, стоя на горѣ, продолжалъ осѣнять его крестомъ, вдругъ вѣтеръ переимѣнился и подулъ въ тылъ ополченію съ такою силою, что люди едва сидѣли на коняхъ. Эта переимѣна сочтена была чудеснымъ предзнаменованіемъ, указывающимъ на заступленіе св. Сергія; ратные люди, по словамъ лѣтописи, „отложили страхъ, охрабрились и давали другъ другу обѣщаніе помереть за домъ Пресвятой Богородицы и за Православную вѣру“. Келарь Аврамій остался при войскѣ.

19 августа, не доходя верстъ пять до Москвы, Пожарскій за позднимъ часомъ остановился на берегу Яузы, а напередъ отрядилъ къ Арбатскимъ воротамъ развѣдчиковъ, чтобы выбрать мѣсто для лагеря. Тщетно князь Трубецкой присылалъ звать его къ себѣ въ таборы: воеводы продолжали не довѣрять казакамъ. На слѣдующее утро самъ Трубецкой съ своими людьми встрѣтилъ ополченіе и снова звалъ Пожарскаго въ свой острогъ; но тотъ снова отказался расположить свое войско вмѣстѣ съ казаками. Онъ устроилъ собственный станъ у Арбатскихъ воротъ Бѣлаго города, гдѣ поставилъ острогъ и укрѣпилъ его валомъ. Видя такое къ себѣ недовѣріе, князь Трубецкой и казаки съ этого дня начали питать нерасположеніе къ Пожарскому, Минину и ко всей ихъ рати. Вмѣстѣ съ прибывшими ранѣе отрядами, второе ополченіе заняло цѣлый полукругъ Бѣлаго города отъ Петровскихъ воротъ или отъ рѣчки Неглинной до Алексѣевской башни, стоявшей у рѣки Москвы (на Остоженкѣ). Противуположный полукругъ занимали казачьи таборы.

Судьбѣ было угодно, чтобы ополченіе прибыло въ самое нужное время; еще одинъ день промедленія, и было бы уже поздно. Когда Пожарскій увѣплялся въ своемъ станѣ, Литовскій гетманъ подошелъ къ Москвѣ, и остановился на Поклонной горѣ.

Карлъ Ходкевичъ зналъ о сборѣ новаго ополченія и его движеніи къ столицѣ; зналъ также о его задержкѣ въ Ярославлѣ, внутреннихъ несогласіяхъ, и вѣроятно рассчитывалъ въ особенности на предательство Заруцкаго; а потому не спѣшилъ собственнымъ прибытіемъ, стараясь собрать возможно болѣе войска и съѣстныхъ припасовъ. Наконецъ ему удалось получить подкрѣпленія: король прислалъ пятнадцать хоругвей; нѣсколько пановъ привели свои отряды, а, главное, пришли Черкасы или Украинскіе казаки въ числѣ восьми тысячъ; подъ предводительствомъ какого-то Наливайка. Всего войска было у гетмана теперь тысячъ до пятнадцати, и онъ смѣло двинулся на выручку гарнизона, рассчитывая превосходствомъ вооруженія и воинскаго искусства одолѣть хотя гораздо болѣе многочисленное, но нестройное, плохо вооруженное и необученное военному дѣлу Русское ополченіе, страдавшее притомъ рознью между казачествомъ и земствомъ. Но это земство было теперь одушевлено, во первыхъ, страстнымъ желаніемъ отстоять православіе и очистить свою родину отъ безпощадныхъ и ненавистныхъ враговъ, а, во вторыхъ, сознаніемъ, что оно собрало, можно сказать, послѣднія силы, послѣднихъ людей, что имъ неоткуда ждать помощи, что одна надежда только на Бога и на самихъ себя, что слѣдовательно остается только побѣдить или умереть.

Путру 22 числа гетманъ Ходкевичъ сталъ переправляться черезъ Москву рѣку подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ. Трубецкой, стоявшій за рѣкой у Крымскаго двора, прислалъ къ Пожарскому просить конныхъ сотенъ на помощь. Тотъ послалъ ему пять отборныхъ сотенъ. Но вмѣсто того, чтобы ударить во флангъ или въ тылъ Полякамъ, Трубецкой остался въ бездѣйствіи и допустилъ ихъ совершить переправу; послѣ чего они отбили отъ берега русскую конницу. Пожарскій велѣлъ всадникамъ сойти съ коней и биться пѣшими; но Поляки взяли верхъ и потѣснили Русскихъ съ поля. На встрѣчу имъ вышелъ польскій гарнизонъ и ударилъ на Чертольскія ворота, черезъ которыя могъ быть введенъ обозъ съ припасами; однако московскіе стрѣльцы отбили гарнизонъ, у котораго, по словамъ одного изъ начальниковъ (Будила), отъ голода истощились силы до такой степени, что и руки, и ноги отказывались служить. Межъ тѣмъ какъ ополченцы Пожарскаго отступали передъ натискомъ Ходкевича, Трубецкой продолжалъ

ря, что въ одинъ день не бываетъ двухъ радостей, и надобно благодарить Бога за достигнутый успѣхъ; они велѣли только стрѣльцамъ и казакамъ поддерживать непрерывную пальбу, чтобы еще болѣе утратить враговъ. Непріятельское войско всю ночь не слѣзало съ коней, ожидая нападенія; а поутру гетманъ покинулъ свою позицію, и передвинулся на Воробьевы горы. Простоявъ здѣсь около двухъ дней, онъ далъ знать осажденному гарнизону, чтобы тотъ потерялъ еще три недѣли, обѣщая придти ему на помощь съ новымъ болѣе многочисленнымъ войскомъ, и 28 августа, терзаемый гнѣвомъ и стыдомъ, ушелъ по Можайской дорогѣ. Съ великою скорбію осажденные смотрѣли со стѣнъ Кремля и Китай-города съ одной стороны на удаляющагося гетмана, а съ другой на русское ополченіе, которое замкнуло ихъ со всѣхъ сторонъ и даже отняло у нихъ Москву рѣку. Передъ ними поднимался призракъ страшнаго голода со всѣми его ужасами.

Узнавъ, что непріятельскіе отряды намѣрены какъ-нибудь нечаянно проскользнуть со съѣстными припасами въ городъ, русскіе воеводы велѣли вокругъ него копать рвы, плести плетни въ два ряда и середину между ними засыпать землею; день и ночь вели эту работу, пока не окончили ее; чѣмъ пресѣкли всякую возможность подвоза. Но области продолжали страдать отъ разныхъ литовскихъ шаекъ. Такъ часть Черкасъ покинула Ходкевича на его обратномъ походѣ и бросилась на сѣверъ, гдѣ между прочимъ разграбила и сожгла посады около Вологды.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ князь Пожарскій обратился съ увѣщаніями къ польско-литовскому рыцарству. Онъ отправилъ письмо, но не къ Струсю, а къ полковникамъ Будилѣ и Стравинскому, которыхъ убѣждалъ не слушать болѣе Струся и измѣнника Федьки Андропова съ товарищами, не ожидать напрасно новой помощи отъ гетмана, не надѣяться на рознь земцевъ съ казаками, а сдать въ плѣнъ и сохранить свою жизнь. Отъ имени означенныхъ полковниковъ и ихъ товарищей полученъ былъ высокомѣрный отвѣтъ, наполненный хвастливыми словами о своей рыцарской доблести и укорами Русскихъ въ трусости и вѣроломствѣ, особенно въ измѣнѣ той присягѣ, которую они принесли царю Владиславу; причемъ самъ Пожарскій названъ былъ „архібунтовщикомъ.“ „Мы не закрываемъ отъ васъ стѣнъ; добывайте ихъ, если онѣ вамъ нужны — говорилось въ отвѣтѣ;—а напрасно царской земли шпынями и блинниками не пустошите. Лучше ты, Пожарскій, отпусти къ сохамъ своихъ людей: пусть {хлопъ по-прежнему воздѣлываетъ землю, погъ знаетъ церковь, а Кузьмы

занимаються своєю торгівлею. Но подобніе отвѣты, свідѣтельству о швольномъ знакомствѣ ихъ авторовъ съ риторикой и спартакскими преданіями, слишкоомъ не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣлъ.

Изъ письма Пожарскаго видимъ, что осажденные главнымъ образомъ рассчитывали на выручку, обѣщанную гетманомъ, а отчасти надѣялись на раздоры въ русскомъ лагерѣ и на повтореніе Ляпуновской исторіи. Они забывали, что Трубецкой хотя и заводилъ разныя пререканія, но не былъ способенъ замѣнить Заруцкаго въ дѣлѣ предательства и тайныхъ козней. По удаленіи Ходкевича нелады между земствомъ и казачествомъ дѣйствительно повторялись и не разъ грозили важными послѣдствіями; однако вовремя прекращались усиліями добрыхъ и благочестивыхъ патріотовъ.

Князь Трубецкой хотѣлъ, чтобы Пожарскій и Мининъ ѣздили къ нему въ таборы для совѣщаній и разбора земскихъ дѣлъ. Но тѣ не забывали участи Ляпунова и отказались. Такимъ образомъ хотя правительственныя грамоты выходили теперь за общемою подписью двухъ воеводъ, Трубецкого и Пожарскаго; однако разряды у нихъ были отдѣльные. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ по приговору всей рати одинъ общій разрядъ и всѣ приказы поставлены на рѣчкѣ Неглинной, (на Трубѣ, т. е. въ промежуткѣ между таборами казачьими и ополченскими. Тогда и дѣло осады пошло успѣшнѣе. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроили туры съ нарядомъ (батареи), именно у Пушечнаго двора (на Неглинной), въ дѣвичьемъ Георгіевскомъ монастырѣ и у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ; изъ этого наряду начали постоянно бить по Кремлю и Китай-городу, стараясь однако не повредить находившихся тамъ храмовъ. Изъ осажденнаго города стали выбѣгать въ станъ осаждающихъ разные люди, русскіе, литовскіе и нѣмецкіе; они свідѣтельствовали о свирѣпствовавшихъ тамъ тѣснотѣ и голодѣ, отъ которыхъ умираетъ много людей: хлѣба совсѣмъ не осталось; осажденные ѣдятъ уже собакъ, кошекъ, мышей, всякую падаль и мертвечину, даже человѣчину. Подобныя извѣстія, разумѣется, укрѣпляли русскихъ воеводъ въ надеждѣ на то, что оборона близится къ концу.

Отъ этого времени дошелъ до насъ цѣлый рядъ правительственныхъ грамотъ за подписью князей Трубецкого и Пожарскаго въ разные города. Они извѣщаютъ о положеніи дѣлъ подъ Москвою; приказываютъ укрѣплять мѣста и вообще принимать мѣры воинской предосторожности противъ непріятельскихъ шаекъ; главнымъ же об-

разомъ настаиваютъ на неуклонной доставкѣ шубъ и сѣстныхъ припасовъ подѣ Москву для ратныхъ людей. Особенно много заботъ причиняли казаки постоянными жалобами на недостатокъ кормовъ и неплатежъ жалованья. Отсюда нерѣдко возникала новая рознь между двумя главными воеводами. По сему поводу имѣемъ грамоту, написанную очевидно троицкимъ духовенствомъ, обращенную къ двумъ князьямъ, Трубецкому и Пожарскому, съ увѣщаніемъ быть имъ въ соединеніи и любяи, ради блага всей Русской земли, а съ обильными ссылками на разныя мѣста Св. Писанія. Обращаясь къ современному состоянію родины, сочинители грамоты восклицаютъ: „Кто убо не восплачетъ насъ тако прилежащихъ? Кто не возрыдаетъ насъ, тако запустѣвшихъ? Кто не восплачетъ толикое наше ослѣпленіе гордостное, яко предахомся въ руки врагъ, беззаконныхъ Люторъ и мерзкихъ отступникъ Латынь, и неразумныхъ и варварскихъ языкъ Татаръ, и округъ борющихся и обидящихъ насъ злыхъ разбойникъ и Черкасъ?“

Троицкая Лавра не одними письменными увѣщаніями старалась умиротворить и привести къ единенію разныя части русскаго ополченія. Однажды казаки такъ ожесточились на дворянъ и дѣтей боярскихъ, упрекая ихъ въ стяжаніи многихъ богатствъ, а себя называя нагими и голодными, что хотѣли разойтись въ разныя мѣста, а нѣкоторые предлагали побить дворянъ и разграбить ихъ имущество. Узнавъ о томъ, архимандритъ, келарь и соборные старцы учинили совѣтъ, и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, рѣшили послать казакамъ дорогую церковную рухлядь, ризы, стихари и епитрахили, сажженные жемчугомъ, въ видѣ заклада, пока монастырь соберетъ деньги, чтобы выкупить вещи. Вмѣстѣ съ закладомъ послана была и увѣщательная грамота, умолявшая довершить подвигъ своего страданія и не отступаться отъ Московскаго государства; причемъ она осыпала похвалами службу и терпѣніе казаковъ. Когда эту грамоту прочли передъ всѣмъ войскомъ, казаки были растроганы; отослали ризы назадъ въ монастырь съ двумя атаманами и отвѣтнымъ писаніемъ, въ которомъ обѣщали исполнить все по прошенію архимандрита и старцевъ, не отходить отъ Москвы, не [взявши ее и не отомстивши врагамъ за христіанскую кровь.

Межъ тѣмъ время текло, а о какой-либо помощи гарнизону не было и слуху. Несмотря на тѣсное обложеніе города, осажденные находили возможность посылать гетману и королю извѣстія о своемъ отчаянномъ положеніи и даже получать отвѣты. Но отвѣтные похвалы ихъ

мужеству, обещація награды, убѣжденія терпѣть и ждать конечно не могли помочь дѣлу. Голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ: съѣли плѣнныхъ, принялись вырывать изъ земли тѣла умершихъ, за людьми охотились какъ за дичью. Одинъ поручикъ съѣлъ двухъ своихъ сыновей, другой съѣлъ собственную мать, третій своего слугу; сынъ не щадилъ отца, отецъ сына; объ умершемъ родственникѣ или товарищѣ шелъ споръ, кто имѣлъ болѣе правъ на его съѣденіе. Не смотря на крайнее истощеніе, едва держащія въ рукахъ оружіе, осажденные еще имѣли силы отбить нѣсколько приступовъ. Однако они такъ ослабли, что Русскіе взяли Китай-городъ, и первое, что они здѣсь нашли, были чаны съ соленымъ человѣчьимъ мясомъ. Изъ Китая Поляки ушли въ Кремль. Чтобы уменьшить тѣсноту и голодъ въ Кремлѣ, они выпустили изъ него боярскія семьи, т.-е. женъ, дѣтей и прислугу съ нѣкоторою рухлядью. По просьбѣ мужей, боярынь приняли Пожарскій и Мининъ, и отвели въ свои станы, а казаки сильно злобились на то, что имъ не дали ограбить сихъ боярынь.

Сидѣвшіе въ Кремлѣ русскіе измѣнники, особенно Федоръ Андроновъ, болѣе противились сдачѣ чѣмъ сами Поляки; ибо боялись жестокой казни за свою измѣну. Но наконецъ и ихъ перестали слушать. Самъ Струсь, все время державшій себя героемъ, предложилъ товарищамъ сдачу. Поляки 24 октября предварительно выпустили изъ города московскихъ бояръ съ Фед. Ив. Мстиславскимъ во главѣ. Опять Пожарскій и Мининъ выстроили ополченіе въ боевой порядокъ, и приняли съ честью бояръ въ свои станы; казаки тоже вышли съ оружіемъ и знаменами, и едва не вступили въ бой съ ополченіемъ за то, что имъ не дали грабить бояръ. На слѣдующій день ворота Кремля растворились. Русскіе двинулись въ городъ отрядами съ разныхъ сторонъ. Всѣ отряды сошлись на Лобномъ мѣстѣ. Тутъ духовенство отслужило благодарственный молебенъ, имѣя во главѣ троицкаго архимандрита Діонисія со стороны осаждавшихъ, а со стороны осажденныхъ греческаго Элассонскаго архіепископа Арсенія, который тогда занималъ въ Кремлѣ мѣсто русскаго архипастыря. Онъ пришелъ изъ Кремля со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами, иконами и съ главною святынею московскою, иконою Владимірской Богородицы, одинъ видъ которой привелъ въ умиленіе все православное воинство. Послѣ молебна ополченіе вступило въ Кремль, гдѣ оно съ ужасомъ смотрѣло на чаны съ человѣческими трупами, на поруганныя и оскверненныя всякою мерзостію церкви, разсѣченныя

на части образа съ продыравленными очесами, ободранные и разоренные престолы и т. п.

Плѣнные Поляки были подѣлены между ополченіемъ и казачествомъ: полкъ Будилы достался на долю первымъ, а Струся вторымъ. Вопреки клятвенному договору, казаки всетаки перебили часть плѣнныхъ. Самого Струся заключили подѣ стражу въ Чудовъ монастырѣ; Будилу и Стравинскаго взяли себѣ Пожарскій и отослалъ съ нѣкоторыми товарищами въ Нижній Новгородъ; другихъ заключили въ Балахну, Ярославль и иные города. Тамъ озлобленное противъ Поляковъ населеніе тоже частію избило плѣнныхъ. Въ Нижнемъ хотѣли побить Будилу и его товарищей; но ихъ спасла княгиня Пожарская, мать Димитрія Михайловича, упросивъ народъ имѣть уваженіе къ присягѣ и службѣ ея сына. Плѣнниковъ засадили въ каменную тюрьму. Русскіе бояре—измѣнники повидимому были оставлены въ покоѣ; только Ѳедоръ Андроновъ, суда по нѣкоторому извѣстію, былъ потомъ повѣшенъ.

Князь Трубецкой занялъ въ Кремлѣ дворъ Бориса Годунова; а князь Пожарскій расположился на Арбатѣ во Вадвиженскомъ монастырѣ. Они продолжали составлять временное правительство; возобновили приказы и вели всякую земскую расправу. Москву стали очищать отъ труповъ и развалинъ; а возвращавшіеся жители принялись за стройку и обновленіе своихъ домовъ. Служилые люди, думая, что все покончено, начали разѣзжаться по домамъ. Но труднѣе всего было удовлетворить казачество: оно требовало, чтобы ему отданы были и тѣ небольшіе остатки царской казны, которые уцѣлѣли отъ расхищенія въ кремлевскихъ кладовыхъ стараніями бояръ. Но князь Пожарскій и Мининъ успѣли взять эти остатки подѣ охрану земской рати. Отсюда вновь возникли ссоры и не разъ казаки хотѣли побить земскихъ начальниковъ. Только грозная вѣсть о новомъ приближеніи польскаго войска, съ самимъ Сигизмундомъ во главѣ, заставила прекратить раздоры и опять готовиться къ дружному отпору.

Но слухи преувеличили опасность.

Король, долго собравшійся въ походъ, склонился на убѣжденія Ходкевича и нѣкоторыхъ другихъ пановъ, и наконецъ выступилъ изъ Вильны вмѣстѣ съ сыномъ Владиславомъ. Хотя ему удалось собрать незначительное войско; но онъ рассчитывалъ застать Поляковъ еще въ Москвѣ и подѣйствовать появленіемъ Владислава, котораго русскіе бояре ожидали такъ настойчиво и долго. Король и Ходкевичъ прошли уже Вязьму, когда дорогою вдругъ получили извѣстіе о сдѣлѣ

Москвы и гибели польскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе они продолжали походъ, и осадили сначала Погорѣлое Городище, а потомъ Волокъ Ламскій, гдѣ главнымъ воеводою былъ Ив. Конст. Карамышевъ; гарнизонъ, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, мужественно оборонялся. Король послалъ Адама Жолкевскаго съ легкимъ коннымъ отрядомъ подъ Москву; при отрядѣ находились князь Дан. Мезецкій и дьякъ Граматинъ, которые должны были войти въ переговоры съ начальниками русской рати и убѣдить ихъ къ признанію Владислава. Но московскіе воеводы не хотѣли и слышать о переговорахъ и заставили этотъ отрядъ уйти назадъ. (Самъ Мезецкій вскорѣ покинулъ Поляковъ и уѣхалъ въ Москву). Никто въ Московской землѣ уже не признавалъ царемъ Владислава; никто не приходилъ къ нему на помощь. Напротивъ вездѣ населеніе готово было встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ, а шайки вольницы или шипшей препятствовали фуражирамъ добывать продовольствіе въ странѣ и безъ того въ конецъ опустошенной. Видя полную неудачу своего предпріятія, Сигизмундъ отступилъ отъ Волока Ламскаго и ушелъ въ Польшу. ²³⁾.

* *

Итакъ важнѣйшая и труднѣйшая задача была исполнена: Москва очищена отъ непріятелей и снова стала средоточіемъ самобытной Русской государственной жизни. Оставалось теперь довершить дѣло обновленія сей послѣдней всенароднымъ земскимъ избраніемъ царя, безъ котораго была немыслима и сама эта жизнь въ понятіяхъ русскаго человѣка. Народъ выражалъ явное нетерпѣніе по сему поводу.

Уже при ополченіи князя Пожарскаго, какъ мы видѣли, состоялъ родъ Земской Думы, которая собралась во время долгаго пребыванія его въ Ярославлѣ. Но очевидно это была далеко неполная Дума, заключавшая въ себѣ представителей тѣхъ областей, которыя прислали въ ополченіе свои вспомогательные отряды. Послѣднимъ актомъ сей Думы было распоряженіе о созывѣ Собора „для земскаго совѣта и государева избранья“. Во всѣ города Московскаго государства разосланы были грамоты съ приказомъ прислать въ Москву отъ всякихъ чиновъ людей, т.-е. духовныхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, посадскихъ, служилыхъ и уѣздныхъ, отъ cadaго города лучшихъ по десяти человѣкъ или „по скольку пригоже“. Созывныя грамоты разосланы были приблизительно въ первой половинѣ ноября 1612 года; а въ декабрѣ и въ январѣ слѣдующаго 1613 выборные изъ городовъ постепенно съѣхались въ Москву. Собралась Великая Земская Дума,

самая знаменитая изъ всѣхъ московскихъ собраній такого рода и самая продолжительная.

Великая Дума началась усердными молитвами въ Успенскомъ соборѣ у гробовъ московскихъ угодниковъ и трехдневнымъ постомъ. Затѣмъ открылись совѣщанія объ избраніи царя. Тутъ прежде всего представлялся вопросъ объ иноземныхъ принцахъ: были и такіе боярскіе голоса, которые напоминали о присягѣ, данной Владиславу; еще болѣе явилось сторонниковъ шведскаго королевича Филиппа, за котораго стоялъ Великій Новгородъ съ своимъ архіепископомъ Исидоромъ. Но возбужденіе противъ иноземцевъ вообще было уже такъ велико, что съ этимъ вопросомъ покончили скоро: рѣшили не выбирать никого изъ иностранцевъ наравнѣ съ Маринкинымъ сыномъ, а выбрать государя изъ коренного православно-русскаго рода. Этотъ приговоръ значительно облегчалъ задачу; но предстояло еще не мало труда, чтобы разрѣшить ее удовлетворительно и окончательно.

На соборѣ голоса раздѣлились между нѣсколькими знатыми московскими родами, каковы: Мстиславскіе, Голицыны, Воротынскіе и Романовы. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ числѣ кандидатовъ появились даже главные вожди ополченія, освободившаго Москву отъ Поляковъ, т.-е. князя Трубецкой и Пожарскій. Впрочемъ это болѣе косвенныя свидѣтельства чѣмъ прямыя.

Были вѣроятно и другіе претенденты, о которыхъ источники не сохранили намъ указаній. Не мало времени прошло въ спорахъ и пререканіяхъ между партіями, на которыя разбился соборъ. По свидѣтельству дѣтописцевъ, нѣкоторые вельможи прибѣгали къ подкупамъ и не щадили своего имущества на раздачу даровъ, а еще болѣе не скупились на обѣщанія. Но мало по малу число претендентовъ стало уменьшаться. Одни сами отказались отъ своей кандидатуры. Такъ князь Ѳ. И. Мстиславскій, будучи человекомъ пожилымъ и бездѣтнымъ, и прежде нѣ подобныхъ случаяхъ не поощрялъ своихъ сторонниковъ, а теперь, по нѣмъ признакамъ, уклонился окончательно. Тоже вѣроятно сдѣлалъ скромный князь Пожарскій, когда увидалъ, что не можетъ имѣть вѣща какъ представитель захудалаго рода. Князя И. М. Воротынскій (на циду у котораго заболѣлъ Михаилъ Скопинъ) и Д. Т. Трубецкой, хотя принадлежали къ знатымъ родамъ, а послѣдній считалъ себя спасителемъ отечества, но они не имѣли за собою любви народа; а потому, не получивъ поддержки, волею неволею должны были быть устранены. Такимъ образомъ наиболѣе степенная кандидатура осталась только около двухъ боярскихъ семей: Голицы-

ныхъ и Романовыхъ; первые принадлежали къ потомкамъ Гедимна, а вторые были коренного русскаго происхожденія. Очевидно на нихъ уже давно указывало общественное мнѣніе: не даромъ же сообразительный гетманъ Жолкевскій постарался устранить ихъ какъ опасныхъ соперниковъ королевичу Владиславу, отправивъ послами къ королю главныхъ представителей этихъ двухъ семей, т.-е. князя В. В. Голицына и митрополита Филарета. Мы видѣли, что по сверженіи Шуйскаго Гермогенъ прежде другихъ предлагалъ избрать князя В. В. Голицына. Въ числѣ его многочисленныхъ приверженцевъ находимъ братьевъ Ляпуновыхъ. Пожарскій отзывался о томъ же князѣ какъ о такомъ столбѣ, за котораго всѣ бы держались. Подобные отзывы свидѣтельствуютъ собственно о личномъ глубокомъ уваженіи къ Голицыну; но въ народѣ не видимъ такого уваженія, и естественно: князь Василій Голицынъ, при своемъ умѣ и способностяхъ, не ознаменовалъ себя въ Смутную эпоху никакими выдающимися подвигами; все время царствованія Шуйскаго онъ интриговалъ противъ него и заводилъ крамолу. Только во время своего посольства къ Сигизмунду и во время плѣна онъ, на ряду съ Филаретомъ Никитичемъ, своею твердостью и патриотизмомъ возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе. Но именно этотъ плѣнъ и служилъ главнымъ препятствіемъ къ его избранію; а за его отсутствіемъ никто изъ братьевъ не могъ его замѣнить: Андрей былъ убитъ Поляками; Иванъ же повидимому представлялся личностію слишкомъ незначительною. Поэтому и Голицынская кандидатура въ концѣ концовъ была отстранена. Слѣдовательно оставались только Романовы. Филаретъ Никитичъ, томившійся въ томъ же плѣну, какъ монахъ все равно не могъ занимать престолъ. Изъ его братьевъ въ живыхъ оставался только Иванъ Никитичъ, который находился еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Однако партія Романовыхъ не его выставила своимъ кандидатомъ, а его племянника Михаила Федоровича. Гетманъ Жолкевскій конечно предвидѣлъ, что Иванъ Никитичъ не будетъ опаснымъ соперникомъ Владиславу; но онъ ошибся, считая Михаила Федоровича еще слишкомъ юнымъ, чтобы явиться претендентомъ на Московскій престолъ. А между тѣмъ ранняя юность Михаила и послужила едва ли не главнымъ условіемъ, обратившимся въ его пользу.

При этомъ не надобно забывать, что польскіе начальники, спровадивъ Филарета Никитича къ Сигизмунду, отнюдь не оставили въ покоѣ или на свободѣ его семью. Иванъ Никитичъ, старица Марья и ея сынъ Михаилъ удержаны были въ столицѣ какъ бы въ качествѣ заложниковъ, и тутъ, живя въ Кремлѣ вмѣстѣ съ другими бо-

ярскими семьями, они принуждены были выдерживать всё ужасы осады сначала от ополченія Ляпунова, а потомъ Пожарскаго. Любопытно, что остававшійся въ Москвѣ членъ фамиліи Голицыныхъ Андрей Васильевичъ, очевидно считавшійся опаснымъ, былъ просто убитъ Поляками, а Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ выпущенъ ими здоровымъ и невредимымъ. Нельзя не признать въ этомъ случаѣ дѣйствія высшаго Промысла, который бодрствовалъ надъ своимъ избранникомъ.

Въ его пользу сложились теперь цѣлая совокупность разныхъ условий.

Во первыхъ, всякій выдающійся бояринъ зрѣлыхъ лѣтъ волею неволею принималъ участіе въ событіяхъ Смутаго времени, имѣлъ за собою не мало грѣховъ и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе бурное прошлое, принадлежалъ къ той или другой партіи, имѣлъ не только сторонниковъ, но и много противниковъ или завистниковъ; иной не одинъ разъ присягалъ или измѣнялъ присягѣ. Вообще бояре неохотно подчинились бы кому либо изъ своихъ товарищей, съ которымъ они привыкли обращаться на равной ногѣ. Другое дѣло юноша, только что выходившій изъ отроческихъ лѣтъ, непричастный никакимъ кровавымъ событіямъ и партіямъ, никакимъ прошлымъ грѣхамъ и немѣвшею личнымъ враговъ. Слѣдовательно его кандидатура менѣе другихъ могла встрѣтить недоброжелательства и противодѣйствія между боярами. Во вторыхъ, огромное большинство среднихъ классовъ и простого народа должно было рѣшительно оказаться на сторонѣ Михаила Ѳеодоровича, потому что онъ принадлежалъ къ любимой и всѣми уважаемой семьѣ, несчастія которой и несправедливо претерпѣнныя гоненія еще усилили народное къ ней расположеніе или такъ называемую популярность. Въ третьихъ, въ глазахъ народа большое значеніе имѣло его родство съ послѣдними государями изъ династіи Владиміра Великаго. Отецъ его приходился двоюроднымъ братомъ царя Ѳеодора Ивановича, племянникомъ царицы Анастасіи, и сыномъ Никиты Романовича; а обо всѣхъ этихъ трехъ лицахъ сохранилась въ народѣ самая свѣтлая и теплая память. Это родство и близость къ угасшему любимому царскому дому, какъ извѣстно, въ глазахъ народа представлялись столь важнымъ условіемъ, что кандидатура Романовыхъ уже при кончинѣ Ѳеодора выдвигалась на передній планъ; но интриги и властное положеніе Бориса Годунова успѣли тогда ее устранить. А теперь, по окончаніи неудачныхъ опытовъ съ Годуновыми и Шуйскими, она выступила съ новою и еще большею силою. Въ четвертыхъ, среди бояръ не оказалось болѣе ни одной фа-

милія, которая могла бы соперничать съ Романовыми. Самыя могущественныя изъ нихъ, Годуновы и Шуйскіе въ свое время достигли престола, но не удержались на немъ, и уже навсегда были устранены; а Мстиславскіе, Воротынскіе и даже Голицыны, несмотря на попытки, должны были также устраниться по вышеуказаннымъ причинамъ.

Однако, какъ мы видимъ, и на соборѣ 1613 года только послѣ многихъ споровъ и пререканій, вызванныхъ соперничествомъ партій, не вдругъ, но постепенно выяснилось преобладающее значеніе Михаила Феодоровича среди претендентовъ; такъ что его сторонникамъ и родственникамъ пришлось не мало потрудиться, пока ихъ дѣло было приведено къ благополучному концу.

Хотя сама по себѣ фамилія Романовыхъ въ то время была очень небольшая (три мужскіе члена); но она имѣла многочисленныхъ родственниковъ и свойственниковъ, особенно по женской линіи, каковы: Шереметевы, Салтыковы, князья Сицкіе, Черкасскіе, Катыревы-Ростовскіе, Львовы и нѣкоторые другіе; со своими кліентами и пріятелями они составляли значительную партію. Во главѣ ея очутился бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ (женатый на княжнѣ Черкасской, племянницѣ Филарета Никитича). Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе прославившихся въ Смутное время воеводъ, и состоялъ членомъ временнаго боярскаго правительства; а во время московской осады ополченіями Ляпунова и Пожарскаго, вѣдая дворцовымъ приказомъ, онъ оберегалъ царское казнохранилище и, несмотря на польскія хищенія, сумѣлъ уберечь кое что изъ драгоценныхъ вещей. Шереметевъ находился въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ и княземъ В. Голицынымъ, которые, хотя и были тогда польскими плѣнниками, но очевидно съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за событіями въ отечествѣ, особенно за выборомъ новаго государя. Филаретъ Никитичъ конечно получалъ постоянныя и драгоценныя для него извѣстія о своей семьѣ отъ Ѳ. И. Шереметева, на попеченіи котораго повидимому и находилась эта семья во время своего кремлевскаго сидѣнія въ осадѣ. Весьма возможно, что и самое охраненіе Михаила отъ польскихъ покушеній въ эту эпоху является отчасти заслугою Шереметева, который какъ членъ временнаго боярскаго правительства былъ въ ладахъ съ польскими начальниками.

Изъ переписки Шереметева съ Филаретомъ и Голицынымъ до насъ дошли только нѣкоторые отрывочныя свѣдѣнія. Но и по нимъ можемъ судить, какъ опытный, умный Филаретъ изъ далекаго плѣна

сумѣлъ руководить дѣйствіями своихъ родственниковъ и пріятелей и чрезъ нихъ вліять на ходъ вопроса объ избраніи царя. Такъ имѣемъ извѣстіе (шведа Страленберга) объ одномъ письмѣ Филарета Никитича, которое онъ изъ своего Маріенбургскаго заключенія послалъ Ѳ. И. Шереметеву. Въ этомъ письмѣ плѣнный митрополитъ совѣтуетъ, во первыхъ, хлопотать объ избраніи царя изъ собственной боярской среды, а во вторыхъ, поставить избранному разныя условія, на которыхъ тотъ долженъ царствовать; причемъ предлагаетъ и проектъ самыхъ условій, которыя (по замѣчанію того же Страленберга) были составлены по польскимъ образцамъ. По тому же извѣстію, Шереметевъ прочелъ это письмо на Земскомъ соборѣ, чтобы отклонить отъ Филарета подозрѣніе въ искательствѣ престола для его собственнаго сына. Съ ихъ стороны очевидно эта была искусная тактика, показывающая, какъ хорошо Филаретъ зналъ обстоятельства, а главнымъ образомъ настроеніе современнаго боярства, его помыслы и стремленія. Дѣло въ томъ, что желаніе бояръ ограничить царское самодержавіе, несомнѣнно возникшее вслѣдствіе тиранства Грознаго, еще усилилось со времени тайныхъ казней и гоненій на знатныя фамиліи при Годуновѣ; послѣдующія избранія Шуйскаго и Владислава сопровождались, какъ извѣстно, разными ограничительными въ пользу бояръ условіями. Не мало вліянія оказывалъ при семъ близкій примѣръ Польско-Литовскаго строя. На московскихъ бояръ конечно соблазнительнымъ образомъ вліяли тѣ привилегіи и вольности, которыми владѣло польское и западнорусское панство. Особенно во время смуты, при оживленныхъ обоюдныхъ сношеніяхъ, несомнѣнно въ Москвѣ возникали частые толки по сему поводу, которые возбуждали и поддерживали боярскія вожделѣнія.

Во всякомъ случаѣ Василій Шуйскій не пользовался самодержавною властію, и боярство при немъ уже успѣло высоко поднять свою голову. Поэтому вопросъ объ ограниченіи самодержавія по всей вѣроятности и во время избирательнаго Собора 1613 года былъ дѣйствительно возбужденъ и предрѣшенъ въ средѣ собственно Боярской Думы. Филаретъ Никитичъ и руководимый его наставленіями Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ отнюдь не становились въ разрѣзъ съ такимъ настроеніемъ боярства, а напротивъ искусно имъ пользовались. Подъ рукою, при посредствѣ своихъ пріятелей, Шереметеву нетрудно было внушить боярамъ мысль, что, благодаря юности и неопытности Михаила, думные бояре въ сущности и будутъ правителями государства при немъ, особенно если они свяжутъ его ограничительными

условіями. И эта мысль конечно правилась боярству. Если вѣрить другому подобному же извѣстію, то не безъ связи съ указанною сейчасъ мыслию существовало письмо, отправленное Шереметевымъ къ вліятелю князю В. В. Голицыну, главному сопернику Михаила. По словамъ одного лица, видѣвшаго это письмо, тамъ приблизительно говорилось слѣдующее: „выберемъ Мишу Романова; онъ еще молодъ и разумомъ не дошелъ, и намъ (т.-е. боярамъ) будетъ ловко“. Напрасно, нѣкоторые отвергаютъ достовѣрность сего показанія. Положимъ, оно не передаетъ точно содержаніе письма, а только приблизительный его смыслъ; но и этотъ смыслъ или эта тактика опять таки вполне соотвѣтствовали обстоятельствамъ, т.-е. боярскимъ желаніямъ, и подтверждаютъ, что, руководимый дальнозорнымъ Филаретомъ Никитичемъ, О. И. Шереметевъ ловко проводилъ среди бояръ кандидатуру Михаила. Означенное его письмо является также позолоченною пиллою для князя Василія Голицына, какъ Михайлова соперника.

Какъ бы то ни было, мало по малу въ Михаилу пристало боярское большинство, т.-е. самое главное вліятельное сословіе, и всѣ другіе кандидаты постепенно устранились. По всѣмъ признакамъ, за него высказались наконецъ и освободители Москвы, Мининъ и Пожарскій; что было весьма важно, ибо въ ихъ рукахъ пока оставалось распоряженіе значительною ратною силою.

Если руководителямъ стороны Романовыхъ удалось привлечь къ себѣ большинство даже неподатливыхъ и завистливыхъ бояръ, то другія сословія склонились къ нимъ еще легче. Духовенство, вѣрное завѣту Гермогена, повидимому особенно было расположено къ Филарету Никитичу и его сыну, и своимъ вліяніемъ въ народѣ много ему способствовало. Нѣкоторые высшія духовныя лица рассказывали о бывшихъ имъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, которыя тоже указывали на Михаила Теодоровича; а народное воображеніе было такъ настроено, что подобные рассказы производили свое дѣйствіе. Такой именно рассказъ объ откровеніи приписывается старшему духовному лицу, присутствовавшему на соборѣ (Ефрему, митрополиту Казанскому, или Кириллу, митрополиту Ростовскому). Далѣе, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отъ ратныхъ служилыхъ людей, т.-е. дворянъ, дѣтей боярскихъ и казановъ, стали поступать на соборъ письменныя заявленія въ пользу избранія Михаила Теодоровича. Большую поддержку О. И. Шереметевъ нашелъ у московскихъ обывателей, между которыми семья Романовыхъ издавна пользовалась особымъ расположеніемъ. Авраамій Палицынъ рассказы-

ваетъ, что къ нему на Богоявленское подворье приходили многіе дворяне, дѣти боярскія, гости изъ разныхъ городовъ, атаманы и казаки, приносили свои письма объ избраніи Михаила и просили его передать ихъ желаніе боярамъ и воеводамъ; что онъ, какъ членъ Земской Думы, исполнялъ съ великою охотою. То же дѣлалъ и нѣкоторые другіе члены; напримѣръ, калужскій гость Смирной и его товарищи представили Собору такія же письма отъ Калуги и Сѣверскихъ городовъ; одинъ галичскій дворянинъ подалъ подобное же письменное изложеніе. Наконецъ такое же заявленіе сдѣлалъ Собору какой-то донской атаманъ отъ имени казаковъ, которыхъ тогда еще много стояло подъ Москвой.

Это совпаденіе заявленій отъ разныхъ сословій подало поводъ къ сочиненію слѣдующей легенды.

Князь Пожарскій совѣтовался съ освященнымъ соборомъ, боярами и всякихъ чиновъ людьми о выборѣ царя и спрашивалъ: „есть ли у насъ *царское прирожденіе*?“ (т. е. отрасль царскаго рода). Духовенство рѣшило соборнѣ молить Бога о милости и попросило сроку до утра. На утро нѣкій дворянинъ изъ Галича подалъ Земскому Собору родословную выпись, въ которой показывалъ близкое сродство Михаила Ѳеодоровича съ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ и отсюда его право на престолъ. Но на Соборѣ были и недоброжелатели Михаила, которые грозно спросили: кто и откуда принесъ это писаніе? Вдругъ является донской атаманъ и также подаетъ выпись. Пожарскій спрашиваетъ атамана, о чемъ гласитъ его писаніе. „О природномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“—отвѣчаетъ тотъ. Прочли оба писанія, которыя оказались вполнѣ сходными. Увидя такое неожиданное согласіе дворянъ съ казачьимъ атаманомъ, Соборъ былъ удивленъ и единодушно выбралъ Михаила.

Итакъ, когда большинство голосовъ на соборѣ было достаточно подготовлено, 7 февраля состоялось предварительное избраніе Михаила Ѳеодоровича. Но повидимому все еще слышались многіе голоса людей, противившихся сему выбору. Поэтому, для большей крѣпости, окончательный приговоръ отложили на двѣ недѣли, поставляя на видъ, что изъ городовъ еще не всѣ выборные люди успѣли пріѣхать на соборъ. Отсутствовали и нѣкоторые знатные бояре, отдыхавшіе въ своихъ вотчинахъ послѣ испытанной ими совместно съ Поляками тяжелой московской осады; въ ихъ числѣ былъ и Ѳ. И. Мстиславскій. Послали гонцовъ съ просьбою поспѣшить прибытіемъ какъ къ этимъ боярамъ, такъ и по городамъ. Кромѣ гонцовъ, въ ближніе города и уѣзды поѣхали „вѣрные люди“, чтобы разузнать

мнѣніе жителей насчетъ Михаила Ѳеодоровича, а, можетъ быть, и для того, чтобы повліять на ихъ мнѣніе. Сии люди донесли, что вездѣ его выборъ встрѣчается съ великимъ сочувствіемъ. Есть извѣстіе, что именно около этого времени Земская Дума, желая лично узнать юношу Михаила, послала въ Кострому къ его матери двухъ дворянъ съ просьбою немедленно отпустить своего сына въ Москву. Старица Марѳа, испуганная такою просьбою и втайнѣ предупреденная Шереметевымъ, отказалась ее исполнить. Соборъ, вѣроятно побуждаемый нѣкоторыми недоброжелателями Романовыхъ, обратился къ самому Шереметеву, прося его убѣдить старицу. Но исполненіе этой просьбы было не въ видахъ Шереметева: онъ опасался, что крайняя юность, застѣнчивость, робость и неопытность Михаила могутъ произвести на Соборѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Самъ Филаретъ Никитичъ былъ по своему времени человѣкомъ очень образованнымъ; но, рано оторванный отъ семьи, онъ не могъ озаботиться образованіемъ своего сына. Дѣтство и отрочество Михаила проходили то въ ссыльѣ, то въ деревнѣ, то въ Московской осадѣ, и намъ неизвѣстно даже, былъ ли онъ своевременно обученъ грамотѣ. (Хотя послѣднее обстоятельство не могло быть тогда помѣхою для достиженія престола: извѣстно, что Борисъ Годуновъ, при всемъ своемъ умѣ и государственной опытности, грамотою не владѣлъ). Во всякомъ случаѣ Шереметевъ не поддался на уловку недоброжелателей. Со слезами на глазахъ онъ отвѣчалъ, что совсѣмъ не желаетъ вмѣшиваться въ этотъ выборъ, чтобы не сочли его человѣкомъ, который хлопочетъ болѣе о своей роднѣ, чѣмъ о благѣ государства. Его отвѣтъ произвелъ на собраніе желательное впечатлѣніе. Оно еще болѣе утвердилось въ намѣреніи остановить свой выборъ на Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Окончательное соборное избраніе совершилось 21 февраля въ первое Воскресенье великаго поста, т.-е. въ недѣлю Православія. Великая Дума собралась въ Успенскомъ соборѣ. Тутъ отобраны были письменныя мнѣнія отъ членовъ Думы, и, по словамъ современныхъ свидѣтелей, въ тотъ день единогласно оказался избраннымъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Главные руководители этого избранія сочли нужнымъ для большей его торжественности и прочности спросить еще мнѣніе собственно Москвитей, и отрядили для того особую депутацію, которую составили рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, новоспаскій архимандритъ Іосифъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Вас. Петр. Морозовъ. Они пришли на Лобное мѣсто, и

обители и приложились къ иконамъ. Услыжавъ, зачѣмъ пріѣхало посольство, великая старица съ плачемъ и гнѣвомъ говорила, что она не благословить сына, и долго не соглашалась слѣдовать за послами въ монастырскій Троицкій храмъ; едва ее умолили. Тутъ отслужили молебенъ, а затѣмъ подали Марѣ и Михаилу соборныя грамоты и начали излагать тѣ рѣчи, которыя были написаны въ посольскомъ наказѣ. Архіепископъ Теодоритъ и бояринъ Шереметевъ были челомъ и говорили поочередно о предшествовавшихъ событіяхъ Смутнаго времени и объ избраніи Михаила Теодоровича на вдовствующій престолъ Московскаго государства съ усиленною просьбою поспѣшить своимъ прибытіемъ въ царствующій градъ. Выслушавъ ихъ, Михаилъ съ плачемъ отвѣчалъ, что у него и помышленія не было о такой великой чести. Старица Марѣа съ гнѣвомъ говорила, что сынъ ея еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а „Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ *измалодушествовалися*, и, давъ свои души прежнимъ государямъ, служили имъ не прямо, измѣняли.“ Видя ихъ измѣны, клятвопреступленія, убійства и поруганія прежнимъ государямъ, и прирожденному государю теперь трудно быть на Московскомъ государствѣ. Къ тому же оно разорилось до конца отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ Русскихъ воровъ; сокровища царскія вывезены, дворцовыя села и черныя волости розданы въ помѣстья всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, и кому приведетъ Богъ быть на Владимірскомъ и Московскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ, нечѣмъ жаловать служилыхъ людей, исполнять свои царскіе обиходы, стоять противъ своего недруга Польскаго короля и иныхъ пограничныхъ государей. И потому еще она, старица Марѣа, не можетъ благословить своего сына на государство, что отецъ его митрополитъ Филаретъ находится у короля въ Литвѣ, и тотъ можетъ учинить надъ нимъ какое зло.

Послы стали усиленно молить Михаила и его мать, чтобы не призрили соборнаго приговора и челобитья и не взирали на примѣры недавнихъ государей, которые сѣли на государство или насиліемъ, или обманомъ; а что „нынѣ Московскаго государства люди *наказались* и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ, за христіанскую вѣру хотятъ помереть, Михаила обрали всею землею и крестъ цѣловали служить ему и прямить и кровь за него проливать.“ А ради отца его митрополита Филарета Великая Дума посылаетъ къ королю посольство съ предложеніемъ обвинять его на многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей. Старица и Михаилъ продолжали отказываться.

Польско-литовскія шайки вмѣстѣ съ воровскими казаками еще свирѣпствовали въ мѣстахъ приволжскихъ и даже заволжскихъ. Между прочимъ въ 1613 году такія шайки нападали на пригородъ Солигаличъ, лежащій на р. Костромѣ, и на Желѣзоборовскій монастырь, отстоящій отъ села Домнина въ 15—20 верстахъ. Неизвѣстно, одна ли изъ этихъ шайкъ или какая другая, въ виду слуховъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, задумала внезапнымъ нападеніемъ захватить его въ свои руки, и направилась въ ту сторону. Но ей нелегко было найти прямую дорогу въ мѣстности лѣсистой, ровной и занесенной снѣгомъ. Шайка попала въ Деревнищи, одинъ изъ ближнихъ и принадлежавшихъ Домнину поселковъ. Тутъ польско-литовскіе люди схватили обывателя, повидимому деревнищенскаго старосту, по имени Ивана Сусанина, спрашивали его о мѣстопробываніи семьи Романовыхъ, и потребовали, чтобы онъ проводилъ ихъ въ Домнино. Сусанинъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, охотно согласился служить проводникомъ; но, отправляясь въ дорогу, успѣлъ послать своего зятя Богдана Сабинина къ старицѣ Марѣѣ Ивановнѣ съ предупрежденіемъ объ опасности и съ совѣтомъ спастись скорѣе въ Кострому. Онъ повелъ Поляковъ такою дорогою, что Домнино осталось въ сторонѣ. Долгое время водилъ онъ ихъ по лѣсамъ и замерзшимъ болотамъ; враги начали изъяснять подозрѣнія, грозя Сусанину жестокими пытками и смертію. Когда же по его разсчету Михаилъ былъ внѣ опасности, онъ объявилъ Полякамъ истину, и принялъ отъ нихъ мученическую кончину. *Такъ въроятно или приблизительно совершилась его подвигъ*, о которомъ исторія въ сожалѣнію имѣетъ только или глухія, или косвенныя свидѣтельства.

Какъ бы то ни было, старица Марѣя уѣхала съ своимъ сыномъ въ Кострому; но они поселились не въ самомъ городѣ, а укрѣпились за каменными стѣнами Ипатьевского монастыря, который былъ основанъ въ XIV вѣкѣ мурзою Четомъ, предкомъ Годуновыхъ, и отдѣляется отъ города только рѣкой Костромой при самомъ ея впаденіи въ Волгу.

13 марта прибыло въ Кострому торжественное московское посольство, отправленное Великою Земскою Думою. На слѣдующій день послѣ обѣдни оно, вмѣстѣ съ костромскими воеводами, духовенствомъ, служилыми людьми и толпою обывателей, двинулось въ монастырь при колокольномъ звонѣ, предшествуемое хоругвями и образами, въ числѣ которыхъ находилась, почитаемая чудотворною, икона Ѳеодоровской Богородицы. Марѣя и ея сынъ встрѣтили шествіе у воротъ

Москвѣ и вокругъ нея, и выжидалъ, пока дѣла придуть въ болѣе порядокъ, и столица приготовится въ должному принятію новов избраннаго государя. Сюда съѣхались изъ сосѣднихъ городовъ многіе дворяне, дѣти боярскіе и торговые люди на поклонъ государю. Во все это время между нимъ и Великою Земскою Думою происходили дѣятельныя сношенія и взаимная пересылка грамотами. Юный царь посылалъ разныя предписанія, а Соборъ приводилъ ихъ въ исполненіе и обо всемъ его извѣщалъ. Главнымъ предметомъ заботы служила, во первыхъ, оборона государства отъ Поляковъ, Шведовъ, Ивана Заруцкаго и воровскихъ шаекъ; для чего въ Москвѣ снаряжали служилыхъ людей и посылали подкрѣпленія угрожаемымъ мѣстамъ. Во вторыхъ, велѣно было собирать отовсюду запасы въ московскія дворцовыя помѣщенія „для государева обихода“ къ его пріѣзду; для чего во всѣхъ дворцовыхъ селахъ разсылались писцы и сборщики. При семъ не обошлось безъ большой докучи отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ Смутную эпоху завладѣли многими дворцовыми имуществами; теперь же царскіе чиновники ихъ отписывали обратно на государя. Немало безпокойствъ причиняли также разбойничьи и воровскія шайки, которыя производили грабежи и убійства въ окрестностяхъ столицы и дѣлали небезопаснымъ самый путь между ними и Ярославлемъ. Обо всемъ этомъ государь писалъ Земской Думѣ и требовалъ принятія надежныхъ мѣръ. Само собой разумѣется, если возьмемъ въ расчетъ крайнюю юность и неопытность Михаила Ѳеодоровича, то поймемъ, что всѣ эти полезныя и предусмотрительныя распоряженія, исходившія отъ его имени, внушались его руководителями, т.-е. матерью и бояриномъ Шереметевымъ; имъ, по всей вѣроятности, помогали и другіе члены московскаго посольства, напри- мѣръ, архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Авраамій, дьякъ Болотниковъ и пр.

Только 16 апрѣля Михаилъ съ своею свитою выѣхалъ изъ Ярославля, и на другой день прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь онъ промедлилъ нѣсколько дней; потомъ остановился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и въ Троицкой Лаврѣ. Вездѣ онъ вмѣстѣ съ матерью обходилъ „честныя“ монастыри, молился „чудотворнымъ“ иконамъ и кланялся „многочѣлебнымъ“ мощамъ. Съ дороги государь не разъ писалъ въ Москву и извѣщалъ свое неудовольствіе на то, что власти не принимали энергичныхъ мѣръ противъ разбойниковъ и воровъ, которые продолжали грабить и убивать людей; чѣмъ отчасти объяснялъ замедленіе своего прибытія. Власти оправдывались какъ могли?

Земская Дума прислала новое торжественное посольство съ просьбою поспѣшить своимъ прибытіемъ въ царствующій градъ. Во главѣ посольства находились архіепископъ суздальскій Герасимъ, князь Воротынскій, бояринъ Морозовъ, князь Мезецкій и дьякъ Ивановъ. Оно привѣтствовало царя рано поутру 1 мая въ селѣ Братовищинѣ. На слѣдующій день, 2 мая, въ Воскресенье совершилось торжественное вшествіе Михаила и его матери въ Москву. Ихъ встрѣтили за городомъ митрополитъ ростовскій Кириллъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со крестами, бояре, дворяне и всякихъ чиновъ люди съ женами и дѣтьми. Они прибыли прямо въ Успенскій соборъ, гдѣ совершены были молебны; государь принялъ благословеніе отъ митрополита и архіепископовъ; пожаловалъ бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей „велѣлъ быть у своей царской руки“; а они „здравствовали ему съ радостотворными слезами“. Изъ Успенскаго собора онъ прошелъ въ Архангельскій поклониться гробамъ почившихъ государей, а отсюда въ Благовѣщенскій. Затѣмъ онъ расположился въ разоренномъ Кремлевскомъ дворцѣ въ теремѣ царицы Анастасіи Романовны; этотъ ветхій теремъ къ его пріѣзду власти кое какъ успѣли привести въ порядокъ; а для старицы Марыи приготовили хоромы въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ какомъ страшномъ разореніи находились тогда не только городъ и посады Московскіе, но и самый Кремль, о томъ наглядно свидѣтельствуютъ большія хлопоты о помѣщеніи новоизбраннаго государя. Сначала окружающіе Михаила изъ Ярославля писали въ столицу, чтобы для него приготовили палаты бывшей царицы Ирины Ѳеодоровны, а для матери его хоромы супруги Василія Шуйскаго. Но отъ Великой Думы получился отвѣтъ, что тѣ палаты и хоромы стоятъ безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ дверей и оконъ; въ казнѣ денегъ нѣтъ, плотниковъ и подходящаго лѣсу тоже подъ рукою не имѣется, и вскорѣ добыть ихъ нельзя.

Когда прошли первые дни радости и торжествъ, власти и всякихъ чиновъ люди били челомъ государю, чтобы онъ „вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ“. Государь „не призрѣлъ ихъ моленія“. Торжественное вѣнчаніе совершилось 11 мая въ Успенскомъ соборѣ. Передъ выходомъ въ соборную церковь государь сѣлъ въ Золотой (расписанной по золотому полю) палатѣ на царскомъ мѣстѣ, и соизволилъ пожаловать въ боярскій санъ двухъ стольниковъ: свойственника семьи Романовыхъ князя Ивана Борисовича Черкасскаго и знаменитаго воеводу Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Обоимъ имъ пожалованіе сказывалъ думный дьякъ Сыдавный Васильевъ; у сказки при Черкасскомъ

стоялъ бояринъ Вас. Петр. Морозовъ, а при Пожарскомъ думный дворянинъ Гаврило Пушкинъ. И Морозовъ, и Пушкинъ били челомъ, что имъ въ этой сказкѣ по своему отечеству быть невмѣстно. Но государь ради своего царскаго вѣнца указалъ имъ „быть безъ мѣстъ“. Затѣмъ при распредѣленіи регалій князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой заспорилъ о томъ, что Ивану Никитичу Романову велѣно держать Мономахову шапку, а ему, Трубецкому, скипетръ, и что ему „невмѣстно“ быть менѣе Ивана. Государь сказалъ, что Иванъ Никитичъ ему по родству дядя, и тоже велѣлъ быть безъ мѣстъ. Были и другіе случаи мѣстничества; но также устранены приказомъ государя. Вѣнчаніе происходило съ обычными обрядами и церемоніями. Его совершалъ Ефремъ, митрополитъ Казанскій и Свіяжскій. При семъ бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ держалъ корону или шапку Мономахову, князь Дим. Тим. Трубецкой—скипетръ, Дим. Мих. Пожарскій яблоко или держану, а дьякъ Сыдавный Васильевъ—блюдо. Послѣ вѣнчанія старѣйшій бояринъ князь Ѡ. Н. Мстиславскій три раза осыпалъ государя золотыми: въ Успенскихъ дверяхъ, потомъ въ дверяхъ при выходѣ изъ Архангельскаго собора и послѣ выхода изъ Благовѣщенскаго собора на Золотой лѣстницѣ подлѣ Грановитой палаты. Въ этой палатѣ устроены были пиршественные столы для духовенства, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. На слѣдующее число, 12 мая, Государь праздновалъ день своего ангела, и въ этотъ день онъ пожаловалъ Козьму Минина въ думные дворяне.

Что касается до ограничительныхъ въ пользу бояръ условій, о которыхъ, какъ мы видѣли, была рѣчь еще въ перепискѣ Филарета Никитича съ Ѡ. Н. Шереметевымъ, то имѣемъ рядъ свидѣтельствъ о томъ, что Михаилъ Теодоровичъ передъ своей коронаціей утвердилъ записъ, предложенную ему боярами въ этомъ смыслѣ. Но въ какомъ видѣ существовала эта записъ, наши источники не даютъ точнаго отвѣта на такой вопросъ. По всѣмъ признакамъ, это была записъ собственно боярская, которой осталась чужда Великая Земская Дума; ибо въ дошедшей до насъ избирательной грамотѣ, подписанной членами этой Думы, о таковой записъ нѣтъ и помину (ж).

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Бурная эпоха Русской исторической жизни, извѣстная подъ именемъ Смутнаго времени, представляетъ въ высшей степени важный, любопытный и поучительный предметъ для наблюдений и выводовъ.

Главною причиною, вызвавшею этотъ мучительный переломъ, или исходнымъ его событіемъ является прекращеніе древняго царствующаго дома Владиміра Великаго, прекращеніе, подготовленное тиранствомъ Ивана Грознаго, непощадившаго и собственнаго потомства. Въ сущности Иванъ Грозный и былъ непосредственнымъ виновникомъ Смутнаго времени, приготовивъ для него почву съ одной стороны сыноубійствомъ, а съ другой вообще своимъ необузданнымъ деспотизмомъ. Если бы прекращеніе Владимірова дома произошло несомнѣннымъ и для всѣхъ очевиднымъ образомъ, тогда оно не могло бы имѣть такого значенія, какое получило въ данномъ случаѣ. Но оно осложнилось безвременною гибелью единственнаго отпрыска царствующей фамиліи, т. е. Дмитрія Углицкаго. Его внезапная и, по всѣмъ историческимъ даннымъ, насильственная смерть была окружена такими обстоятельствами, которыя придали ей характеръ таинственности и сдѣлали ее предметомъ разнообразныхъ слуховъ и толковъ въ народѣ, толковъ весьма неблагопріятныхъ для лица занявшаго Московскій престолъ, т. е. для Бориса Годунова. А сей послѣдній оказался не на высотѣ своего положенія. Съ одной стороны онъ не только не сумѣлъ примирить съ своимъ возвышеніемъ притязательное Московское боярство, но и прямо возстановилъ противъ себя значительную и наиболѣе вліятельную его часть. Съ другой стороны противъ него настроены были и ниспие слои народа: среди сельскаго населенія происходило сильное броженіе, вызванное мѣрами закрѣпощенія, переселеніями на юговосточныя окраины и разореніемъ сѣверозападныхъ областей, служившихъ театромъ

неудачныхъ войнъ за Ливонію при Иванѣ Грозномъ. Наиболѣе безпокойные и отважные люди изъ крестьянъ и холоповъ уходили въ вольное Донское и Волжское казачество, которое именно въ это время сдѣлалось многочисленнымъ и сильнымъ; а при своемъ враждебномъ отношеніи къ государственнымъ порядкамъ оно представляло готовую вооруженную силу для всякаго отчаяннаго предпріятія. Не одни крестьяне и холопы становились въ ряды казачества; къ нимъ приставали и многіе изъ обѣдьявшихъ посадскихъ, особенно изъ приволжскихъ городовъ. Даже и состоятельные люди городского сословія, напр. классъ гостей, были недовольны Борисомъ Годуновымъ за его пристрастіе къ иноземнымъ торговцамъ и тѣ привилегіи, которыми онъ ихъ надѣлялъ.

Всѣ эти обстоятельства хорошо были извѣстны въ Западной Руси и Польшѣ, и тамъ постарались ими воспользоваться, чтобы безъ труда расширить предѣлы Рѣчи Посполитой на востокъ, включивъ въ нихъ Смоленщину и Сѣверщину, которыя издавна составляли спорныя земли между Москвою и Литвой. Современные заправилы Рѣчи Посполитой, кажется, простирали свои виды еще на Новгородъ и Псковъ, а въ случаѣ легкаго успѣха могли разсчитывать и на большее. Что бы низвергнуть Годунова и произвести смуту въ Московской Руси, наилучшимъ средствомъ къ тому являлось самозванство — способъ уже испытанный Поляками въ отношеніи ихъ сосѣдей. Внезапная и довольно таинственная кончина маленькаго Дмитрія представляла для того весьма удобный поводъ.

Главнымъ дѣятелемъ въ этой гнусной польской интригѣ, повидимому, былъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, который нашелъ себѣ усердныхъ сообщниковъ въ лицѣ Мнишковъ, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли, и связанныхъ съ ними родствомъ Вишневецкихъ. Самозванецъ, котораго они выставили, при всемъ своемъ загадочномъ происхожденіи, представляетъ яркій типъ ополяченнаго западнорусскаго шляхтича. По всѣмъ признакамъ, Левъ Сапѣга съ самаго начала дѣйствовалъ съ вѣдома и согласія Сигизмунда III. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что тотъ же Сапѣга во время своего продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ въ качествѣ посла успѣлъ завязать какія то тайныя сношенія съ тою боярскою партіей, во главѣ которой стояла семья Романовыхъ; въ тѣхъ же сношеніяхъ былъ замѣшанъ чудовской монахъ Григорій Отрепьевъ. Откуда произошло ихъ преслѣдованіе со стороны Годунова. Римская курія и Іезуитскій орденъ были привлечены уже къ готовой польской интригѣ; а не были ея

зачинщиками; они приняли участіе въ надеждѣ распространить церковную унию изъ Западной Россіи и на Восточную.

Руководители Самозванца, при вторженіи въ Московскіе предѣлы, направили его именно на Сѣверскую Украину, которая отчасти тянула къ Западной или Польско-Литовской Руси и казачество которой находилось въ живыхъ связяхъ на одной сторонѣ съ Запорожьемъ, на другой съ Дономъ. Поэтому вторженіе увѣнчалось здѣсь блистательнымъ успѣхомъ. Въ эту критическую эпоху Борисъ не показалъ ни находчивости, ни рѣшительности; едва ли не главную свою защиту онъ построилъ на отождествленіи Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ и на церковномъ проклятіи сего послѣдняго. Шатость въ умахъ московской рати и явная неохота боярства сражаться за Годуновыхъ довершили ихъ паденіе, и тѣмъ болѣе, что по смерти Бориса эта фамилія изъ среды своей не выставила ни одного способнаго энергичнаго защитника. Масса собственно Московскаго населенія увлечена была искреннею вѣрою въ подлинность Димитрія и своею исконною преданностію „прирожденнымъ“ государямъ. Но легкость, съ которою досталась ему Московская корона, внушила крайнюю самоувѣренность этому отчаянному искателю приключеній; у него закружилась голова, и крайне легкомысленнымъ поведеніемъ онъ самъ далъ противъ себя оружіе своимъ тайнымъ противникамъ боярамъ, которые конечно хорошо понимали обманъ и пользовались всякимъ случаемъ раскрыть глаза народу. Поэтому первый Лжедмитрій еще легче тѣмъ Годуновы палъ жертвою боярскаго заговора и народнаго мятежа, вмѣстѣ со многими окружавшими его Полаками, не менѣе его легкомысленными. Глава этого заговора Василій Шуйскій принадлежалъ къ тѣмъ знатымъ фамиліямъ, которыя притязали на вакантный Московскій престолъ, и онъ дѣйствительно захватилъ сей престолъ. Но этимъ актомъ закончился только первый періодъ Смуты: разъ начавшаяся, она не только не прекратилась, а благодаря союзу внѣшнихъ враговъ съ внутреннею крамолою, продолжала дѣйствовать все съ болѣе разрушительною силою, пока не достигла своихъ крайнихъ предѣловъ.

Польскія возни усилились. Тѣ же двѣ фамиліи Мнишковъ и Вишневецкихъ, при томъ же скрытомъ участіи Льва Сапѣги, выставили и второго Лжедмитрія; та-же польско-шляхетская и казацкая воляница привела его къ стѣнамъ Москвы. Хотя этотъ второй Лжедмитрій несомнѣнно исповѣдывалъ православіе, владѣлъ русскою грамотностію и вообще болѣе походилъ на Русина чѣмъ первый Самоз-

ванецъ, однако въ столицѣ грубый обманъ уже настолько сдѣлался извѣстнымъ, что масса московскихъ обывателей гнушалась имъ и мужественно выдерживала продолжительную осаду со стороны Тушинскихъ таборовъ. Но въ областяхъ, гдѣ труднѣе было узнать истину и куда доходили самые разнорѣчивые и превратные слухи, Тушинскій воръ имѣлъ болѣе успѣха; многіе города признали его царемъ и доставляли помощь людьми, а особенно припасами.

Въ эту эпоху вскрылась и старая неприязнь къ Москвѣ со стороны нѣкоторыхъ покоренныхъ ею областей, въ особенности со стороны крайнихъ: югозападной, тянувшей отчасти къ Польско-Литовской Руси, и юговосточной, состоявшей изъ вновь завоеванныхъ земель двухъ бывшихъ татарскихъ царствъ, Казанскаго и Астраханскаго. На сѣверозападѣ можно было ожидать столь же враждебнаго движенія въ древнихъ вѣчевыхъ общинахъ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Однако Новгородъ первое время оставался вѣренъ Москвѣ; что указываетъ на дѣйствительность мѣръ, принятыхъ Иваномъ III и его преемниками для прочнаго водворенія тамъ московскаго строя. Только Псковъ рѣзко проявилъ свою старую демократическую основу и долго сдерживаемую вражду къ московскимъ порядкамъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Василій Шуйскій обратился за помощью къ сопернику Польскаго короля, Карлу IX Шведскому. Доблестный царскій племянникъ собралъ сѣверозападное ополченіе и, присоединивъ наемный шведскій отрядъ, предпринялъ очищеніе государства отъ польско-казацкихъ и русскихъ воровскихъ шаекъ. Въ это время на помощь законному государственному порядку выступила внутренняя духовная сила—православная церковь. Въ столицѣ ея стойкимъ представителемъ явился патріархъ Гермогенъ; а внѣ столицы выдвинулась Троицкая Лавра, сумѣвшая такъ поднять духъ своихъ немногочисленныхъ защитниковъ, что они выдержали долговременную осаду отъ самаго способнаго изъ польско-литовскихъ предводителей, Яна Сапѣги. Виѣсть съ освобожденіемъ Лавры и самой Москвы отъ осады, казалось, государственный порядокъ, представляемый Шуйскимъ, готовъ былъ восторжествовать надъ Смутой; хотя Сигизмундъ III, вдохновляемый Львомъ Сапѣгой, уже лично выступилъ для ея поддержки и осадилъ Смоленскъ. Неожиданное обстоятельство—внезапная кончина Скопина—вновь повернуло событія въ пользу Смуты и противъ династіи Шуйскихъ. Если возстановленіе и очищеніе государства до такой степени зависѣли отъ существованія одного только царскаго родственника, то ясно, что успѣхи его не были прочны, что внутреннія причины Смуты еще находились

въ полномъ разгарѣ. Клушинскій погромъ, сверженіе Василя, присяга Владиславу и занятіе Москвы Поляками заканчиваютъ второй или средній періодъ Смуты.

Въ слѣдующій, третій, періодъ бѣдствія Русской земли достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Смоленскъ и Новгородъ становятся добычею враждебныхъ сосѣдей. Въ самой столицѣ водворилось двойное правительство, военно-польское и русско-боярское, дѣйствовавшее именемъ Владислава, но получавшее приказанія отъ Сигизмунда III и литовскаго канцлера Сапѣги. Въ областяхъ свирѣпствовали шайки польскія, казацкія и свои воровскія. Но именно эти крайнія бѣдствія и пробудили наконецъ въ народѣ горячее желаніе прогнать враговъ и возстановить государственный порядокъ, безъ котораго невозможно было охранить ни свою вѣру, ни гражданское существованіе. Случайная гибель Лжедмитрія II или Тушинско-Калужскаго вора послужила благоприятнымъ толчкомъ къ объединенію народныхъ желаній и стремленій. Державшіяся его области большею частію воротились къ единенію съ Москвою; для высшихъ имущихъ классовъ вмѣстѣ съ нимъ исчезло демократическое пугало; а казаки, чернь и вообще хищные элементы утратили въ немъ свою опору. Главный починъ въ народно-православномъ противопольскомъ движеніи принадлежалъ патріарху Гермогену. На его призывныя грамоты отозвались почти всѣ коренныя велико-русскія области. Въ эту бѣдственную эпоху выступилъ на переднюю историческую сцену русскій міръ, т. е. старый общинный или вѣчевой складъ русскихъ городовъ и волостей. Предоставленные самимъ себѣ, города и волости дѣятельно пересылаются гонцами и грамотами другъ съ другомъ; населеніе сходится для общихъ или мірскихъ совѣтовъ на площадяхъ, преимущественно у церковныхъ папертей послѣ богослуженія; тутъ читаютъ всенародно полученные грамоты, сообщаютъ вѣсти, обсуждаютъ, составляютъ приговоры. Силою событий воеводы, дѣяки, вообще назначаемыя центральнымъ правительствомъ власти принуждены рядомъ съ собою признать дѣятельное участіе выборныхъ, земскихъ людей въ управленіи дѣлами; а, главное, въ вѣдѣніи послѣднихъ находилось добываніе военныхъ средствъ, т. е. нарядъ людей, раскладка денежныхъ сборовъ, доставка всякаго рода припасовъ и т. п.

Первое овлоченіе, выставленное областями, нашло себѣ даровитаго энергичнаго вождя въ лицѣ рязанскаго воеводы Проконія Лапунова. Оно стало добывать Москву изъ рукъ Поляковъ. Въ то же время въ областяхъ образовались отряды собственно народныхъ пар-

отъ Годунова. (Популярность Романовыхъ подтверждается не только иноземными и русскими источниками, но и такимъ неподкупнымъ свидѣтелемъ какъ народная пѣсня). И другіе претенденты также хлопотали, прибѣгали къ разнымъ пронкамъ, даже подкупамъ; однако ихъ хлопоты ни къ чему не привели, потому что не имѣли подъ собою благодарной почвы. Трудно сказать что вышло бы, если бы родственники и пріатели Романовыхъ совсѣмъ бездѣйствовали. Всякое дѣло, и самое справедливое требуетъ хлопотъ и стараній; но успѣхъ зависитъ отъ условій, сложившихся за или противъ него. А тутъ мы видимъ, что съ момента прекращенія династіи Владиміра Великаго кандидатура Романовыхъ, такъ сказать, висѣла въ воздухѣ; но стеченіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ отдаляло ея осуществленіе.

Уже во время кончины Ѳедора Ивановича, Романовы въ народномъ понятіи стояли къ трону ближе другихъ боярскихъ родовъ. Только власть, фактически находившаяся тогда въ рукахъ Бориса, помогла ему захватить корону. Шуйскій также захватилъ власть потому, что фактически она очутилась въ его рукахъ; онъ былъ предводителемъ мятежа, низвергшаго Самозванца, и ловко воспользовался минутою. Но, достигши престола, семья Годуновыхъ и Шуйскихъ сдѣлались жертвами наступившей Смуты. Единственный, остававшійся серьезный соперникъ князь Василій Голицынъ, благодаря предусмотрительности Жолкевскаго, оказался въ плѣну, и собственно путь къ престолу для Михаила Ѳеодоровича былъ совершенно очищенъ. Нѣкоторое разногласіе и борьба партій, предшествовавшіе его выбору, только ярче отбѣнили несостоятельность всѣхъ другихъ претендентовъ и невозможность ихъ бороться съ народнымъ голосомъ или влеченіемъ, которое рѣшительно склонялось на сторону Романовыхъ. Отъ того-то и тактика руководителей ихъ партій такъ легко удавалась и привела къ желанному концу, не смотря на то, что фактически власть и распоряженіе ратною силою совсѣмъ не находились въ ихъ рукахъ. Высшая власть въ это время принадлежала Великой Земской Думѣ, а ратную силу все еще вѣдали представители народного ополченія, князья Трубецкой и Пожарскій, которые, вначалѣ по крайней мѣрѣ, отнюдь не были усердными сторонниками кандидатуры Михаила Ѳеодоровича.

Относительно ограничительныхъ условій, предъявленныхъ боярами, надобно полагать, что онѣ дѣйствительно существовали. Это стремленіе знатныхъ родовъ ограничить царскую власть возникло вслѣдствіе неистовствъ Ивана Грознаго и усвоеннаго имъ азіатскаго деспотизма.

Тираниія Бориса Годунова могла только подкрѣпить такое стремленіе. Тутъ несомнѣнно вліялъ и соблазнительный примѣръ Западной Руси, съ ея Польско-Литовскимъ строемъ, съ ея шляхетскими вольностями и господствомъ вельможъ (можновладствомъ). Поэтому естественными являлись выборы на извѣстныхъ условіяхъ Василя Шуйскаго, королевичей Владислава и Филиппа и наконецъ Михаила Феодоровича. Но межъ тѣмъ какъ боярство заботилось о своихъ привилегіяхъ, измученный бѣдствіями Смуты народъ оставался чуждъ всякимъ ограничительнымъ условіямъ и, не любя боярскаго многовластія, жаждаль безхитростнаго возстановленія самодержавной царской власти; а потому такимъ умнымъ людямъ, какъ Филаретъ Никитичъ, не трудно было предвидѣть недолговѣчность подобныхъ условій, шедшихъ въ разрѣзъ съ потребностями, привычками и понятіями Великорусскаго племени. Эти умные люди конечно понимали, что только смута способствовала боярамъ ограничивать власть Василя Шуйскаго; но что въ болѣе спокойное время тотъ же Шуйскій безъ особаго труда могъ бы обуздать боярскія притязанія, опираясь на консервативное земство.

Вообще на Смутное время можно смотрѣть, какъ на историческое горнило или тяжелое испытаніе, ниспосланное Русскому народу, которое онъ выдержалъ до конца, и въ которомъ еще болѣе закалились его терпѣніе и преданность Божественному Промыслу. Отъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ въ эту эпоху Русь освободилась одними собственными силами, безъ всякой посторонней помощи, какъ и отъ Татарскаго ига. Смута дала возможность обнаружиться и высказаться всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ государственной и народной жизни и всѣмъ дурнымъ сокамъ, накопившимся въ теченіе предыдущаго періода. Но напрасно было бы считать такое явленіе принадлежностью именно данной эпохи и объяснять его преимущественно испорченными нравами, какъ это дѣлали нѣкоторые писатели; тоже самое явленіе приблизительно повторилось бы и во всякую другую эпоху при тѣхъ же обстоятельствахъ, т. е. шатаніе умовъ, памѣны и братаніе съ врагами родины, если бы точно также выступили на сцену дѣйствія безгосударное время, партійная борьба за верховную власть, экономически-угнетенное положеніе низшихъ классовъ и т. п. Въ свою очередь и самое шатаніе умовъ порождалось главнымъ образомъ непреодолимою для народа трудностію узнать правду, тою темнотою и тою путаницей, посреди которыхъ приходилось дѣйствовать даже лучшимъ людямъ Смутной эпохи. Напримѣръ, въ настоящее время мы можемъ на свободѣ и при помощи исторической критики

разобраться въ показаніяхъ разнорѣчивыхъ актовъ и свидѣтелей относительно перваго Лжедмитрія. А каково было положеніе народной массы въ означенную эпоху по отношенію къ тому же вопросу? Впрочемъ и въ наше время все еще являются иногда убѣжденные защитники подлинности названнаго Дмитрія, несмотря на то, что совокупность историческихъ данныхъ говорить рѣшительно противъ нея.

Съ другой стороны, Смута несомнѣнно подтвердила ту истину, что въ общемъ Москва воздвигала государственное зданіе прочно и логично; такъ что никакія бури и потрясенія не могли поколебать его основы. Особенно наглядно эта истина сказала на окраинныхъ или новопріобрѣтенныхъ областяхъ и восточныхъ инородцахъ, которые заявили о себѣ только нѣкоторыми бунтами и враждебными дѣйствіями; но ни одна область не воспользовалась обстоятельствами, чтобы воротить прежнюю самобытность. Такъ московская политическая система умѣла ослабить ихъ центробѣжныя силы и связать съ своимъ ядромъ. А древнія самостоятельныя княжества, когда-то соперничавшія съ Москвою, какъ Рязань и Тверь, почти ничѣмъ не отдѣлялись отъ коренныхъ московскихъ областей; самыя вѣчевыя общины, Новгородъ и Псковъ, обнаружили только нѣкоторые признаки старой самобытности и недюби къ Москвѣ, да и то благодаря вмѣшательству враждебныхъ сосѣдей. Одно вольное казачество явилось ярымъ врагомъ Московской государственности; но это была вновь возникшая сила, которая именно въ Смутное время получила большой притокъ изъ низшихъ классовъ, недовольныхъ соціальнымъ и экономическимъ гнетомъ, а особенно наступавшимъ закрѣпощеніемъ. Однако въ критическія минуты общее и дорогое всѣмъ православіе смягчало его вражду къ Московскому строю; а постепенное умиротвореніе и служебное подчиненіе казачества государству предоставлены были послѣдующему періоду.

Что Русская государственность до Смутнаго времени развивалась исторически правильно, это доказывается наглядно послѣдующимъ ходомъ исторіи. Когда Смутное время прекратилось, тотчасъ же государственная и общественная жизнь поспѣшила войти въ прежнее русло и пошла впередъ по тому же направленію. Даже и такое несимпатичное явленіе какъ крѣпостное право, которое, казалось, могло бы быть снесено со сцены этимъ бурнымъ потокомъ, продолжало свое дальнѣйшее развитіе съ того самаго пункта, на которомъ оно остановилось въ Смутную эпоху.

Энергическія усилія, употребленныя въ концѣ Смутнаго времени для полнаго восстановленія государственнаго зданія, утвердили за

Восточнорусскимъ или собственно Великорусскимъ народомъ славу наиболѣе государственнаго и слѣдовательно наиболѣе историчнаго изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ. И прежде всего онъ наглядно обнаружилъ превосходство своего государственнаго смысла сравнительно съ Западною вѣтвю того же Русскаго племени, т. е. Бѣлорусскою и Малорусскою. Хотя въ источникахъ постоянно говорится о польскихъ и литовскихъ людяхъ, изъ которыхъ составлялись воинскіе отряды, служившіе Самозванциѣ и разорявшіе Московскую Русь; но при этомъ мы должны имѣть въ виду, что настоящихъ Поляковъ въ сихъ отрядахъ сравнительно было немного; а огромное большинство ихъ состояло изъ русскихъ людей, т. е. изъ Западноруссовъ. Притомъ въ ихъ средѣ менѣе всего было католиковъ; болѣе многочисленны были послѣдователи разныхъ протестантскихъ сектъ, которыя въ русскихъ сказаніяхъ, относящихся къ этому времени, обозначаются общимъ именемъ „люторовъ“, т. е. лютеранъ. А еще большее число входившихъ въ эти дружины шляхтичей (не говоря уже о Запорожцахъ) сохраняли пока свою старую вѣру, т. е. православіе; о чемъ ясно засвидѣтельствовано при одномъ случаѣ и самый извѣстный изъ ихъ предводителей Янъ Сапѣга. Въ числѣ предводителей также еще встрѣчаются православные люди, какъ напримѣръ, Романъ Рожинскій и Адамъ Вишневецкій. Не смотря на свое единовѣріе съ Московскою Русью, Западнорусская шляхта, уже тронутая вліяніемъ польско-католической культуры и политическихъ вольностей, явилась усерднымъ врагомъ и разрушителемъ Московскаго государственнаго и церковнаго строя. Слѣдовательно, Смутное время представляетъ намъ не столько нашествіе Польши на Москву, сколько нашествіе Западной Руси на Русь Восточную, т. е. въ сущности движеніе братоубійственное. Въ этомъ движеніи Полякамъ и католикамъ принадлежать однако починъ и руководство.

При всей своей единоплеменности и единовѣрїи, Западноруссы въ то время настолько уже разошлись съ Восточноруссами, что послѣдніе съ трудомъ признавали въ нихъ своихъ братьевъ, и естественно называли ихъ не Русью, а Литвою или даже Поляками, польскими или литовскими людьми. Западноруссы уже довольно рѣзко отличались отъ Московскихъ людей своею особою культурою и обычаями, принявшими сильный польскій оттѣнокъ, а также своею малорусскою или бѣлорусскою рѣчью, испещренною полонизмами, своимъ полонизованнымъ костюмомъ и самою наружностію; такъ какъ у западнорусской шляхты входили тогда въ моду не только бритые под-

бороден, но и подбритые кругомъ головы съ пучкомъ волосъ или хохломъ на темени. Москвичи, какъ мы видѣли, въ насмѣшку называли ихъ „мысыя головы“. Какую важность это наружное отличіе имѣло въ ихъ глазахъ, показываетъ одно мѣсто изъ призывной грамоты. Изображая бѣдственное положеніе Москвы, преданной боярами литовскимъ людямъ и лишенной всякой защиты, грамота говоритъ: „Не токмо вѣру попрали, хотя бы *на вѣхъ хохлы хотѣли учинити*, и зато никто бы слова не смѣлъ молвити“. Слѣдовательно, по понятіямъ Москвичей, если бы литовскіе люди вздумали обрить имъ головы по образцу своихъ собственныхъ и оставить только хохлы, то это было бы такимъ бѣдствіемъ, которое едва ли не равнялось поправѣ самой вѣры. Такъ далеко уже успѣла разойтись тогда Русь Восточная съ Русью Западной. (23)

Что касается личности новизбраннаго царя, правда, его смиренная фигура непохожа на обычные типы основателей новыхъ династій, типы энергическихъ честолюбцевъ, неразбирающихъ средствъ для достиженія цѣлей; тѣмъ не менѣе въ этой простодушной, почти дѣтской фигурѣ было что то симпатичное для Русскаго человѣка, особенно послѣ того какъ онъ вдоволь насмотрѣлся на разныхъ безпокойныхъ и безпощадныхъ честолюбцевъ Смутнаго времени. Эта фигура съ ея яснымъ, добродушнымъ выраженіемъ производила успокоительное впечатлѣніе на современное общество и напоминала ему послѣдняго Рюриковича Феодора Ивановича, который пользовался самою свѣтлою памятію въ народѣ и почитался имъ за святаго человѣка. Во всякомъ случаѣ мы должны съ чувствомъ глубокаго уваженія относиться къ Михаилу Феодоровичу, какъ родоначальнику одной изъ самыхъ могущественныхъ династій во Всемірной исторіи и какъ къ дѣду Петра Великаго.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СМУТНОМУ ВРЕМЕНИ.

1. Источником для исторіи первого Лжедмитрія вообще и до его похода въ Московію въ частности.

Русскіе. Палицына «Сказаніе о осаждѣ Троицкаго монастыря». 18. Первая часть его перепечатана г. Платоновымъ въ Рус. Истор. Вибліот. XIII томъ. Никонов. лѣт. VIII съ 54 стр. «Лѣтописъ о многихъ мятежахъ». 73. «Новый лѣтописецъ», изданный кн. Оболенскимъ во Времен. Об. И. и Др. кн. XVII. «Иное сказаніе о Самозванцахъ» и «Тоже сказаніе, помѣщенное въ хронографъ», изданныя И. Д. Бѣлевымъ во Времен. Об. И. и Др. кн. XVI. Перепечатано въ XIII томѣ Рус. Ист. Библ. «Повѣсть како восхити неправдой на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ»; заимствована изъ Иного Сказанія и напечатана *ibid.* «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ» (таже что предыдущая). См. Карамзина къ т. XI. прим. 201. «Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о Разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ». Чт. Об. И. и Др. № 9. 1847 г. Въ краткой редакціи напечатана въ Р. Ист. Библ. XIII. Отрывки изъ русскихъ хронографовъ въ Изборникѣ Анд. Н. Попова: Второй редакціи стр. 190. Третьей редакціи 220 и 258. Такъ наз. Кубасова (Катырева-Ростовскаго) 287. Принадлежащій Карамзину или Столяровъ. 323. Погодин. древнехранилища. 414. «Повѣсть князя Ивана Михайловича Ростовскаго» (прежде слышная за Кубасова) снова издана въ двухъ редакціяхъ въ XIII т. Рус. Ист. Библіотекѣ. Тамъ же впервые изданъ любопытный «Временникъ дѣяка Тимофеева», дотогѣ извѣстный только изъ «Хронологическаго указація матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія» П. М. Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. и «Библіологич. Словарь»). Также впервые вполне изданы *ibid.*: «Сказаніе о царствѣ царя Ѳеодора Ивановича» (вошедшее въ составъ Морозов. лѣтописца, цитуемаго Карамзинымъ), «Повѣсти князя Сем. Ив. Шаховскаго», «Повѣсть кн. Ив. Анд. Хворостиннина», «Житіе царевича Дмитрія Ивановича» (по минеямъ Тулупова и Милютина), и «Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ Московскомъ». Далѣе любопытный источникъ представляетъ «Челобитная чернеца Варлаама царю Василию Шуйскому о участіи въ бѣгствѣ Гришки Отрепьева, объ извѣстѣ на него королю Польскому и претерпѣнныхъ за то страданіяхъ въ Самборѣ». См. Акты Археограф. Эксп. II. № 64; вошла въ Иное Сказаніе (Р. Ист. Библ. XIII. 18) и въ хронографъ третьей редакціи (изборн. А. Попова. 258). Грамота патріарха Іова въ Сольвычегодскій Введенскій монастырь о бѣгствѣ Гришки Отрепьева въ Литву и церковномъ его проклятій. Акты Эксп. II. № 28. (Тутъ говорится о службѣ Отрепьева у Романовыхъ). Далѣе, С. Г. Г. и Д. і. №№ 76—81,

139 — 140 и 152. (Въ послѣдней повторяется о службѣ у Романовыхъ и кромѣ того у князя Бориса Черкаскаго).

Происхожденіе и составъ, а также историческое значеніе названныхъ выше лѣтописей, сказаній и хронографовъ въ настоящее время уже значительно выяснены, благодаря отчасти ихъ прежнимъ издателямъ и описателямъ, а въ особенности трудамъ А. Н. Попова и проф. Платонова. Первый въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» (Вып. 2-й. М. 1869) приблизительно опредѣлилъ составъ хронографовъ второй и третьей редакціи; при чемъ указалъ, что въ обзорѣ событій отъ Федора Ивановича до Михаила Федоровича по третьей редакціи участвовали Сказанія Палицына и такъ наз. Иное Сказаніе; кратко намѣтилъ распаденіе на части и самихъ этихъ сказаній. (148). Болѣе подробная обработка этого предмета исполнена проф. Платоновымъ въ его изслѣдованіи «Древнерусскія Сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка какъ историческій источникъ». (Ж. М. Н. Пр. 1887 и 1888 гг. и отдѣльно Спб. 1888). Относительно Сказаній Палицына и ихъ оцѣнки уже существовала цѣлая литература (Строевъ, Голохвостовъ, Горскій, Костомаровъ, Забѣлинъ, Кедровъ), которою и воспользовался г. Платоновъ. Главный выводъ этой литературы слѣдующій: Книга Палицына составила изъ нѣсколькихъ частей, написанныхъ въ разное время, неодинаковыхъ по характеру и степени безпристрастія, собранныхъ и исправленныхъ авторомъ въ 1620 г. Первая ея часть (шесть главъ) сохранилась въ отдѣльномъ спискѣ (Москов. Духов. Академіи) и представляетъ нѣкоторыя отличія отъ печатнаго изданія. Этотъ списокъ и напечатанъ въ Рус. Ист. Библ. т. XIII. Относительно «Иного Сказанія о Самозванцахъ», мнѣніе перваго издателя его Бѣльева и А. Попова о распадѣнн этого Сказанія на двѣ или на три отдѣльныя части г. Платоновъ развиваетъ далѣе и дѣлитъ его на шесть составныхъ частей. Первую и главнѣйшую его часть уже А. Поповъ считалъ доведенною до 1606 года и сочиненною современникомъ царя В. И. Шуйскаго. Эта часть относится къ Шуйскому съ явнымъ сочувствіемъ. Г. Платоновъ даетъ ей названіе «Повѣсть 1606 года» и опредѣляетъ время ея написанія между перенесеніемъ мошей Царевича Димитрія и началомъ мятежей противъ Шуйскаго; признаетъ за ней нѣсколько оффиціозный характеръ; а изъ нѣкоторыхъ показаній выводитъ, что авторомъ ея былъ монахъ Троице-Сергіева Монастыря (Древнерусск. Сказ. и Повѣсти. 4—17). Основываясь на этихъ показаніяхъ и на близкомъ сходствѣ съ нею первой части Сказанія Палицына, г. Платоновъ предлагаетъ догадку, что и самая Повѣсть 1606 года могла быть произведеніемъ того же Палицына (180). Вообще эта Повѣсть сдѣлалась очень популярна, а потому подвергалась многимъ сокращеніямъ и передѣлкамъ или служила основаніемъ другихъ произведеній. Такъ «Повѣсть како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ» есть только Сокращеніе Повѣсти 1606 года съ нѣкоторыми вставками. (35). Та же Повѣсть легла въ основу Житія Царевича Димитрія, по Тупоновскимъ минеямъ (40). Продолженіе этой Повѣсти или вторая часть Иного Сказанія (отъ взятія Тулы Шуйскимъ до воцаренія Михаила).

написанная уже въ другомъ тоѣ, вошла въ Хронографъ второй редакціи (на что указать еще А. Поповъ). Вообще Хронографъ второй редакціи представляетъ сборникъ статей, заимствованныхъ изъ лѣтописей и другихъ произведеній, но обработанныхъ въ одномъ стилѣ. (Древнерусс. сказ. и Пов. 71).. Временникъ дьяка Тимофеева, извѣстный прежде только по указаніямъ Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. и Библиологич. Словарь), начатъ въ Новгородѣ, куда этотъ царскій дьякъ былъ отправленъ на службу въ 1607 году и гдѣ онъ былъ захваченъ Шведскимъ взятіемъ; трудъ свой онъ предпринялъ по желанію Новгородскаго митрополита Исидора. Сочиненіе обнимаетъ время отъ Ивана Грознаго приблизительно до 1619 года; оно скудно фактами, но богато размышленіями и сужденіями; написано витѣватнымъ, многословнымъ языкомъ и обличаетъ въ авторѣ человека умнаго, по своему времени образованнаго и довольно правдиваго.

Новый Лѣтописецъ напечатанъ въ трехъ видахъ или въ трехъ редакціяхъ: онъ составилъ 8-ю часть Никоновскаго свода (Сиб. 1792), отдѣльно изданъ подъ именемъ «Лѣтописъ о многихъ мѣтежахъ» (Сиб. 1771) и наконецъ кн. Оболенскимъ переизданъ во Временникѣ Об. И. и Др. № XVII. Г. Платоновъ, разбирая этотъ памятникъ, приходитъ къ тому заключенію, что онъ составленъ въ патриаршество Филарета Никитича и вѣроятно лицомъ къ нему довольно близкимъ, составленъ на основаніи разнообразныхъ источниковъ, въ томъ числѣ официальныхъ документовъ, (Древнерус. Сказ. и Пов. 268—269), а потому и на событія смотритъ преимущественно съ точки зрѣнія сего патриарха.

Въ нѣкоторомъ отношеніи съ патриаршествомъ Филарета Никитича связанъ и другой важный источникъ для исторіи Смуты: «Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева Ростовскаго», до послѣднихъ временъ бывшая извѣстною подъ именемъ «Хронографа Сергѣя Кубасова». Уже А. Поповъ издалъ ее какъ третью отдѣльную часть этого компилятивнаго хронографа, носящую заглавіе «Повѣсть книги сея» и пр. Въ этомъ заглавіи сказано, что Повѣсть написана въ 1626 году. Имя ея автора открывается изъ нѣкоторыхъ указаній, заключающихся въ первоначальномъ изводѣ Повѣсти. Князь Ив. Мих. Катыревъ состоялъ въ родствѣ съ домомъ Романовыхъ: по первой его супругѣ, Татьянѣ Федоровнѣ, Филаретъ Никитичъ приходился ему тестемъ. Сочиненіе его есть трудъ вполне самостоятельный и представляющій цѣльное описаніе всей Смутной эпохи; хотя онъ не былъ очевидцемъ всѣхъ описанныхъ имъ событій, но могъ имѣть о нихъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Тонъ его вообще сдержанный, а изложеніе отличается изобразительнымъ и подѣ часъ эпическимъ складомъ. Тотъ фактъ, что эта Повѣсть внесена была въ компилятивный хронографъ, указываетъ на ея большое распространеніе въ XVII вѣкѣ. (Древнерус. Сказ. и Пов. 216—222). Такой же компилятивный характеръ имѣетъ «Столяровъ хронографъ», какъ называетъ его Карамзинъ, неоднократно ссылающійся на него въ своихъ примѣчаніяхъ. Столяровскій списокъ изданъ въ Иѣборникѣ А. Попова; о его составѣ Поповъ говоритъ въ своемъ «Обзорѣ хронографовъ», вып. второй, 252—256. Проф. Маркевичъ въ своемъ изслѣдованіи «О мѣстничествѣ» (Кіевъ. 1879. 755) съ полнымъ основані-

есть утверждать, что этотъ хронографъ есть ничто иное какъ частная редакція книги, конечно съ разными вставками. П. И. Мельниковъ, находя его очень близкимъ къ хронографу А. И. Лобкова, приобрѣтенному въ Нижнемъ, полагаетъ, что послѣдній составленъ въ тѣхъ мѣстахъ («Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени». Москвитянинъ. 1860. № 21. Ноябрь). Такого же характера и Погодинскій хронографъ, помѣщенный въ Изборникъ А. Попова. Подобнымъ же компилятивнымъ сборникомъ является такъ называемый Морозовскій лѣтописецъ (принадлежавшій купцамъ Морозовымъ) и Латухинская Степенная книга (полученная отъ купца Латухина), изъ которыхъ Карамзинъ приводитъ многіе отрывки въ своихъ примѣчаніяхъ. Первый представляетъ дословныя выписки изъ Палицына, Катырева и другихъ сказаній, преимущественно баснословнаго характера; потому имѣетъ маловажное историческое значеніе. Вторая есть произведеніе Тихона, архимандрита Макарьевского Желтоводскаго монастыря, во второй половинѣ XVII вѣка; онъ заимствовалъ преимущественно изъ Нового Лѣтописца, а затѣмъ изъ Палицына, хронографа, Еже содѣяся и т. д.; но есть у него нѣкоторыя вѣтви изъ источниковъ намъ неизвѣстныхъ (Древнерус. Сказ. и Пов. 820—824 и 386). «Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его» представляетъ легендарный рассказъ о приключеніяхъ Самованца въ Польшѣ и нѣсколько другихъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, преимущественно изъ грамотъ. (См. предисловіе Погодинскаго въ Чт. О. И. Д. 1849. № 9 и Платонова «Древнерус. сказ». 307—314). Больше содержательна «Повѣсть о разореніи Московскаго государства», издавшая А. Н. Поповымъ въ Чт. О. И. и Д. 1881. II. Она составлена при Алексѣй Михайловичѣ, преимущественно на основаніи Нового Лѣтописца и Житія царя Федора Ивановича, написаннаго патриархомъ Иовомъ. (Предисловіе издателя и Платоновъ. 316—319).

Г. Платоновъ не формулируетъ главнаго вывода, къ которому необходимо приводить какъ всѣ труды предыдущихъ издателей и изслѣдователей, такъ и въ особенности его собственное изслѣдованіе. А именно: для историка вся эта масса сказаній и повѣстей о Смутномъ времени въ суммѣ сводится къ немногимъ самостоятельнымъ и современнымъ Смутѣ приведеніямъ и авторамъ, каковы: Палицынъ, Повѣсть 1606 года, дьякъ Гимнофеевъ и князь Катыревъ Ростовскій. Почти всѣ другія общія сказанія о Смутѣ представляютъ компилятивныя своды, основанныя на запискахъ и пересказахъ изъ Повѣсти 1606 года, Палицына и особенно Катырева Ростовскаго, съ прибавленіемъ извѣстій, вымысловъ отчасти изъ официальныхъ грамотъ, отчасти изъ легендарныхъ слуховъ. При оцѣнкѣ ихъ должнъ быть исключено имѣть въ виду, что какъ эти компиляціи, такъ и изданныя приведенія или составлены, или получены исключительно раньше уже во время Романовыхъ (преимущественно въ вѣдѣніи Федора Николаича Радомъ съ указанными первоисточниками для общей исторіи Смуты, въ которой часть ихъ является частями. Больше для нѣкоторыхъ самостоятельныхъ сказаній современниковъ, въ особенности относящихся къ концу войны и къ убѣжденію о побѣдѣ: такъ: Сказаніе

Азарина о Троицкомъ архимандритѣ Діонисіи, инока Александра о Ростовскомъ затворникѣ Принаркѣ, неизвѣстнаго автора «Новой Повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ», «Сказаніе о нашествіи Поляковъ на Устюжну Желѣзнопольскую», «О ваятіи Великаго Новгорода отъ Нѣмцевъ» и т. д.

И н о з е м н ы е. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», издавныя Устряловымъ въ русскомъ переводѣ, въ пяти книгахъ. (Спб. 1831—1834): 1. Хроника пастора Вера (собственно его теста Буссова). 2. Записки аугсбургскаго купца Паарле. 3. Записки капитана Маржерета и Сказанія Де-Ту. 4. Такъ наз. Дневникъ Марини и Дневникъ Польскихъ пословъ въ 1606 году. (Оба эти дневника напечатаны по польски у Тургенева въ Hist Russ. Мѣсяц. II. №№ LXXVI и CI) и 5. Записки Маскевича. *Verum Rossicarum scriptores exteri*. Изд. Археогр. Ком. Т. I. Петг-роп. 1851. Здѣсь на нѣмецкомъ языкѣ московская хроника Буссова и (основанная на ней же) хроника шведскаго дворянина Петра Петрея де Ерлсзунда. (Ея русскій переводъ Шемякинъ въ Чт. Об. И. и Др. 1866. Кн. 4 и 1866. Кн. 1, 2 и 3.). «Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи». Изданіе Археогр. Ком. Спб. 1874. Переводъ съ голландскаго сдѣланъ кн. Шаховскимъ; редакція и комментарии принадлежатъ Е. Е. Замисловскому. (По голландски и по французски Массы издавъ Ванъ деръ Линде и кн. Оболенскимъ. Bruxelles. 1866). Приложенія къ «Запискамъ гетмана Жолкевскаго» о Московской войнѣ, издавнымъ П. А. Мухановымъ. Второе изданіе Спб. 1871. №№ 2—10. Тутъ письма Сигизмунда III, Юрія Мишика и Самозванца къ канцлеру Замойскому, Замойскаго къ Адаму Вишневецкому и Юрію Мишкѣ. Подъ № 44 весьма любопытные переводные отрывки изъ латинской рукописи ксенда Велевickaго о Самозванцѣ, на основаніи записокъ патера Савицкаго. Два письма, Юрія Мишика и Януша Острожскаго, относящіеся къ 1604 году, см. въ Русск. Вѣст. 1841 г. I. Русская Историч. Библіотека, изд. Археогр. Ком. Т. I. Спб. 1872 г., заключаетъ въ себѣ польскіе «Памятники, относящіеся къ Смутному времени». Тутъ помѣщены: Во первыхъ, отрывки изъ дневника польскаго сейма 1606 года (мнѣнія сенаторовъ о дѣлѣ Лжедмитрія, особенно насмѣшливый о немъ отзывъ Замойскаго). Во вторыхъ, «Дневникъ событій (1603—1618 г.г.), извѣстный подъ именемъ Исторіи Ложнаго Димитрія (*Historia Dmitra fałszywego*); онъ кратко говоритъ о первомъ Лжедмитріи и болѣе относится ко второму; авторомъ его редакторъ этого тома проф. Кояловичъ считаетъ мозырскаго хорунжаго Будна, который служилъ въ войскѣ второго Лжедмитрія; здѣсь подъ 1608 г. краткія свѣдѣнія о появленіи Самозванца, а подъ 1606 г. допросъ въ Москвѣ плѣнному Юрію Мишкѣ и его уклончивые отвѣты. Въ третьихъ, «Походъ царя Димитрія (Самозванца) въ Москву»; авторомъ этого повѣствованія былъ участникъ похода ротмистръ Станиславъ Борша. Въ VIII томѣ Рус. Ист. Библіотеки см. № 8. Письмо изъ Архангельска въ Италію о первомъ Самозванцѣ.

Д а р ѣ. Изданіе Бареццо Барецци *Relazione della segnalata et come miracoleza conquista del Paterno imperio conseguita dal serenissimo giovine Demetrio gran duca di Moscovia in quest'anno 1605*. Venezia. 1605. Второе изданіе въ слѣдующемъ году во Флоренціи, и въ томъ же 1606 году ла-

тинское ея изданіе. Въ старомъ французскомъ переводѣ эта брошюра переиздана кн. Августиниомъ Голицынымъ. Halle. 1859. А въ русскомъ переводѣ она помѣщена кн. Оболенскимъ въ Чт. Об. И. и Др. 1848. № 5. *La legende de la vie et de la mort de Demetrius*, брошюра одного изъ голландскихъ или нѣмецкихъ купцовъ—очевидцевъ, изданная во французскомъ переводѣ въ 1606 г. въ Амстердамѣ; переиздана кн. Оболенскимъ въ 1839 г. въ Москвѣ, и снабжена приложеніемъ снимковъ съ золотой монеты, печатей и автографовъ Лжедмитрія, а также портрета дьяка Аванасія Власьева. Сей погѣднѣй взятъ изъ польскаго изданія 1611 года Гваньиновой «Хроникѣ Сармаціи Европейской», гдѣ кромѣ Власьева, помѣщены портреты Лжедмитрія, Марины Миншекъ и Василия Шуйскаго. На англійскомъ языкѣ означенная брошюра напечатана въ Лондонѣ въ 1607 г., подъ заглавіемъ: *The report of a bloody and terrible massacre in the city of Mosco*. Минцовъ доказываетъ, что это и есть подлинникъ, написанный голландцемъ Вильямомъ Росселемъ, помощникомъ Джона Мерика, главнаго агента Московской компаніи англійскихъ купцовъ. (Балачова «Архивъ Истор. Свѣд.». Кн. V). Есть и голландская передѣлка этой брошюры, изданная въ Амстердамѣ въ 1606 г. А съ англійскаго изданія сдѣланъ и польскій переводъ, напечатанный въ 1858 г. въ Познани, подъ заглавіемъ: *Wiadomosc o krwawej a strasznej Rzesi w miescie Moskwie* и пр., съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ и описаніемъ хроникъ и брошюръ, относящихся къ той же эпохѣ и хранящихся въ Курницкой библиотекѣ гр. Дялыньскаго. Герарда Гревенбруха—*Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii narratio. Coloniae Agrippinae. 1609*. Матвѣя Шаума, нѣмца, служившаго въ Шведской войнѣ, *Tragoedia Demetrio - Moscovitica* или *Исторія достопамятныхъ происшествій, случившихся со Лжедмитріемъ*. Ростокъ. 1614. Переводъ этой крайне рѣдкой брошюры былъ сдѣланъ по порученію канцлера графа Н. П. Румянцева; изданъ кн. Оболенскимъ съ его предисловіемъ и примѣчаніями въ Чт. Об. И. и Др. 1847. № 2 (и также въ его Сборникѣ «Иностранныя сочиненія и акты относящіяся до Россіи». М. 1847. Вып. I). Пьера Делапиля, француза, служившаго въ Шведскомъ войскѣ—*Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le regne de Jean Wassilevitz empereur jusques à Vassili Jvanovitz Soussky. 1611*. Переводъ въ Русск. Вѣст. 1841 г. № 3. Александра Чилли, итальянца, служившаго пѣвчимъ въ придворной капеллѣ Сигизмунда III—*Historia di Moscovia*, напечатанная въ Пистойѣ въ 1627 г.; его сообщенія о первомъ Лжедмитріи извѣстны болѣе изъ сочиненія Чьямпи *Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Jvan Wasilawitch. Firenze. 1827*. Передача этого сочиненія графомъ М. Д. Бутурлинымъ въ «Архивъ» Балачова за 1860 г. № I. Достоверность сообщеній Чилли (и отчасти сказаній Массы) отвергаетъ о. Павелъ Пирлингъ (Рус. Старина. 1893. Декабрь), но слишкомъ огульно; кое что все таки остается заслуживающимъ вниманія. Англійскаго посла къ Б. Годунову Томы Смита—*Voyage and entertainment in Russia. London. 1605*. Это собственно записки о путешествіи, составленныя не самимъ посломъ, а неизвѣстнымъ авторомъ и даже неучастникомъ путешествія. Русскій пере-

вѣдь сей рѣдкою книги сдѣланъ г. Вацлавовымъ и изданъ гр. С. Д. Шереметевымъ. Спб. 1893 г. Польскаго шляхтича Жабчица—*Mars Moskiewski krwawy*. Краковъ. 1606. Это стихотворное описаніе мнимаго спасенія царевича Дмитрія и его похода въ Москву. Станислава Кобержицкаго — *Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis. Dantisci. 1655*. Видекина *Historia Belli Sueco-Moscovitici decennalis. 1692*. Васенберга — *Historia gestorum Vladislai IV. 1643*. «Три записки времени Лжедмитрія, изданныя по спискамъ Императ. Публ. Библиотеки и Румянцевскаго музея» гр. Андр. Ростопчинимъ. Спб. 1862. Двѣ первыя, списанныя въ Барберинской библиотекѣ и переведенныя, незначительны по содержанію; третья есть переводъ съ напечатаннаго по-нѣмецки письма Ивангородскаго воеводы шведскому губернатору Эстляндіи Нильсону о происхожденіи и судьбѣ Самозванца. Кстати тутъ же упомянемъ «Четыре сказанія о Лжедмитріи извѣщенные изъ рукописей Императ. Публ. Библиотеки» — того же гр. Ростопчина. Спб. 1863. Эти сказанія о Разстригѣ Гришкѣ представляютъ преимущественно отрывки изъ повѣсти кн. Катырева-Ростовскаго. Джона Мерика — *The Russian impostor or the History of Moscoviae under the usurpation of Boris and the imposture of Demetrius lat Emperors of Moscovy. Лонд. 1664*. Переведено на француз. языкъ подъ заглавіемъ *Histoire des revolutions arrivées sous l'usurpation etc.* Этотъ переводъ изданъ при французскомъ переводѣ сочиненія Коллиса (*Relation curieuse*). Тургенева — *Historica Russiae Monumenta. T. II. Petrop. 1842. №№ XXXVII — LXXVI*. Павла Пясецкаго, епископа Перемышльскаго — *Chronica. 1645*. Отрывокъ изъ нея, относящійся къ появленію Лжедмитрія, сообщенъ архим. Леонидомъ, въ Рус. Архивѣ, 1886. № 11. А полное извлеченіе изъ Хроники Пясецкаго о Смутномъ времени въ славянскомъ переводѣ издано арх. Леонидомъ въ Памят. Древ. Писм. LXVIII. 1887. *Archivum domu Sapiehow. T. I. Lwów. 1892*. Подъ редакціей А. Прохаски. Обнимаетъ 1575 — 1606 гг. О первомъ Лжедмитріи даетъ скудный указанія въ №№ 489, 504, 534, 582, 584, 590.

Пособія. Миллера — *Versuch einer neueren Geschichte von Russland. (Sammlung Russischer Geschichte. II)*. Часть этого труда издана по-русски «Опытъ новѣйшихъ исторій о Россіи» (Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащихъ. 1761 г. Январь, Февраль и Мартъ). Щербатова «Исторія Россійская». Т. VII. Спб. 1790 — 1791. Третья часть этого тома заключаетъ акты и грамоты, относящіяся къ Смутному времени и заимствованные преимущественно изъ Архива Иностранной коллегіи. Карамзина «Исторія Государства Россійскаго». Т. XI. Соловьева «Обзоръ событій отъ Федора Ивановича до Михаила Феодоровича» (Современникъ. 1848). Его же «Исторія Россіи». Т. VIII. Нѣмца Dzieję panowania Zygmunta III. Wroclaw. 1836. Съ приложеніемъ многихъ документовъ. Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи» Т. III. М. 1843. Германа *Geschichte des Russischen Staates. III. Hamburg. 1846*. Д. Бутурлина неоконченная «Исторія Смутнаго времени». Т. I. Спб. 1839. Съ приложеніемъ разныхъ документовъ, частію до него неизданныхъ. Когновицкаго *Zycia Sapiehow. 3 t. Вильно и Варшава. 1790 — 1791*. Первый томъ этого сочиненія или *Zywot Lwa Sapiehy*, не

полье возмущенный, вѣнчалъ итальян. царемъ 1553. Во годъ тотъ издѣлать матеріалъ на философа Лѣва Савіти. Оттуда переписанъ. См. «Лѣвъ Савітѣвъ» 1852. № 1. Александръ Савітскій дѣлъ Вильсонъ и Костомаровъ. Ж. М. Н. Пр. 1844. Костомарова издѣланіе «Кто былъ первый Лжедмитрій?». Спб. 1864. Его же «Смутное время Московскаго Царства». Моск. Евр. 1864—1867 гг. и откънута. Избротъ-кафка: «Кто былъ первый Лжедмитрій?». Вѣстн. Запад. Россіи. 1844. № 6 и 7. Бичева (Н. М. Павлова) «Проклятіе о Лжедмитріи» (Дѣло. 1864). Эта статья, а также издѣланіе его съ Костомаровымъ, печатавшаяся въ газетѣ «Дѣло и Голосъ», переписана въ Рус. Архивъ 1846 г. № 5. Казанскаго—Издѣланіе о личности первого Лжедмитрія. Русскій Вѣст. 1877. № 5—10. Козубскаго «Записки о исторіи иностранныхъ писателей о Россіи въ XVII вѣкѣ». Ж. М. Н. Пр. 1878. Май. Онъ поврѣждаетъ и поновляетъ отчасти Аделунга. Напримѣръ, отъискивалъ свѣдѣній о посольствѣ Лѣва Савіти 1600 года, сообщавшихъ Аделунгу. Авторомъ ихъ оказывается Илья Пельгрийновскій, писавъ в. князя Литовскаго, бывшій секретарь этого посольства. Лжедмитръ Пельгрийновскаго былъ явленъ въ Гроднѣ, въ 1846 г. (Pochéwie Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy). О томъ же см. Ж. М. Н. Пр. 1860. № 12 и Гродн. Губ. Вѣд. 1847. № 4—7. О. Павла Пирлинга — Kotte et Demetria. Второе изд. Paris. 1878. Съ приложеніемъ любезныхъ документовъ, заимствованныхъ изъ Ватиканскаго Архива, каковы: донесенія нунція Рантони, патеры Чижовскаго и Лавинскаго, письма Самозванца, Минска, кардинала Массевскаго и др. (Рецензія на эту книгу проф. Успенскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1884. № 10, но собственно на первое ея изданіе 1877 года; а означенное второе изданіе значительно дополнено разными документами). Н. Левитскаго «Гдѣ и кѣмъ былъ обрѣщенъ въ католичество Лжедмитрій?» (Христіан. Чт. 1883. № 5). Его же «Лжедмитрій какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ». Спб. 1886. К. Н. Вестужева-Рюмина «Обзоръ событій отъ смерти ц. Іоанна Васильевича до избранія Михаила Феодоровича». (Ж. М. Н. Пр. 1887. Іюль, Августъ). Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени какъ историческій источникъ». Спб. 1888. В. С. Иконникова «Кто былъ первый Самозванецъ?» (Кіев. Университ. Извѣстія. 1888 г. По поводу брошюры Костомарова). Его же «Новыя изсѣдованія по исторіи Смутнаго времени». Кіевъ. 1889. (По поводу Левитскаго и Платонова).

2. Никоновская. Хронографы. Масса. Буссовъ-Беръ. С. Г. Г. и Д. II. № 152 (о посольствѣ Самозванцемъ Свирскаго со своимъ знаменемъ къ Домскимъ кашкимъ). Hist. Russ. Monum. Supplém. 418. Rome et Demet. Пирлинга. 189. 190 и 193—194 (о посольствѣ Смирнаго Отрепьева и Постника Огарева). Карамзина къ т. XI. прим. 233, гдѣ ссылка на дѣла Польскія № 26, 68 и 189. Прим. 239. Бутурлина 75—77, тоже ссылка на дѣла Польскія. Костомарова ссылка на Bibl. Villan. № 31. Рукопись Имп. Публ. Библи. fol. 33. q. 8. Рус. Истор. Библи. I. 37. Акты Арх. Эксп. II. № 28—29. (О проклятій Самозванца).

3. О походѣ Лжедмитрія: Буссовъ-Беръ. Дневникъ Марины. Паэрле. Маржереть. Петрей. Борша. Масса. Пирлингъ (Приложенія. III. №№ 1 — 5). Хронографы (Изборн. Ан. Попова). Никонов. лѣт. Акты Археогр. Эксп. II. №№ 26 и 27. Судебникъ, изд. Татищевымъ. 233. (Указъ Бориса и царскаго сената о наборѣ ратниковъ изъ слугъ епископскихъ и монастырскихъ). С. Г. Г. и Д. II. №№ 80 (польскій дневникъ похода Самозванца и Мишка до возвращенія сего послѣдняго въ Польшу) и 81 (Допросы Хрушову у Лжедмитрія). Объ эпизодѣ съ Хрушовымъ говорятъ и Рангони въ своей дешешѣ (Пирлингъ. 192). Въ Извѣстїи старца Варлаама говорится, что онъ вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Пыхачовымъ хотѣлъ обличить въ Самборѣ Разстригу Отрепьева; но они были обвинены въ намѣреніи его убить; Пыхачова Мишекъ велѣлъ казнить, а Варлаама почему-то только поддержали въ тюрьмѣ и потомъ отпустили. Казнь нѣкоего московскаго агента, злоумышлявшаго на жизнь Самозванца, подтверждается письмомъ Мишка къ Рангони отъ 18 сентября 1604 г. (Пирлингъ. 201). О трехъ монахахъ, подосланныхъ Борисомъ въ Путивль, рассказываетъ Паэрле. Въ главныхъ чертахъ этотъ рассказъ подтверждается письмомъ патеровъ Чижовскаго и Лавицкаго къ патеру Стриверію отъ 17 марта 1606 г. (Пирлингъ. 205). О попыткѣ Лжедмитрія заняться въ Путивлѣ философїей и риторикой *ibid.* 206—207. О битвѣ при Добрыничахъ въ особенности Паэрле, Маржереть, Петрей и Масса. Въ «Путешествіи» Оомы Смита сообщается, что Петръ Басмановъ—«первый щеголь среди московскихъ дворянъ»—споралъ нетерпѣніемъ воротиться на театръ военныхъ дѣйствій, и однажды сталъ переходъ Борисомъ на колѣни, умоляя отпустить его къ войску; но царь почему-то его удерживалъ (43 стр. рус. перевода), и заставлялъ играть видную, но бесполезную роль въ пышныхъ придворныхъ церемоніяхъ, напри- мѣръ, при приѣзѣ того же англійскаго посланника Оомы Смита. (*Ibid.* 33).

4. Письма Самозванца къ Юрію Мишку у Нѣмцевича. II. 366. Плоцкій епископъ Лубешскій (Opera posthuma. Antuerpiae. 1643) Пясецкій. Кoberжичскій. Маржереть. Масса. Борша. Бареццо Баренци. Буссовъ. Петрей. Паэрле. Делагиль. Вассенбергъ. Никоновская. Хронографы. Лѣтопись о мятежахъ. Сказаніе о Разстригѣ (Чт. О. И. и Д. 1847. № 9). Иное Сказаніе. Новый Лѣтописецъ. Палицынъ. С. Г. Г. и Д. II. №№ 85 (присяга Федору Борисовичу съ матерью и сестрой), 88 (письмо Самозванца къ Софїѣ Мишковнѣ, сторостинѣ Саноцкой; тутъ говорится, что повинную грамоту ему отъ Московскаго населенія подписалъ и патриархъ Іовъ), 89—91 (Граматы Лжедмитрія о своемъ воцареніи и формѣ присяги). Акты Археогр. Эксп. №№ 34—38. Supplem. ad Hist. Rus. Monum. N. С.

Относительно характеристики царствованія Бориса Годунова любопытно сужденіе Палицына: «Оскверни же царь Борисъ несправедливымъ при- быткомъ вся даннъ своя; корчемницы бо пьянству, и душегубству, и блуду желателіе, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ, и нѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣмъ милостыню творить, и церкви строить и смѣшавъ клятву со благословеніемъ, и одолѣ злѣба благочестію. И таковыхъ ради всѣхъ дѣлъ, иже сотвори Борисъ, въ не- нависть бысть всему міру; но отай уже и вси поношаху ему крови ради

неповинныхъ, и въ разграбленіи имѣнія и нововводимыхъ дѣлъ, ереси же Арменстѣй и Латынстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть, и зѣло отъ него таковѣн любими быша, и старіи мужы, брады своя постри-
заху, во юноши премѣняхуса» (Изданіе 1784 г. стр. 17—18). По мнѣнію же Польскихъ пословъ, высказанному въ 1608 году, черные люди были довольны Борисомъ, но не любили его бояре и шляхта. (Supplam. ad Hist. Rus. Молш. № 163). Дьякъ Тимофеевъ замѣчаетъ о немъ: «первый та-
ковъ царь не книгочій намъ бысть» (Рус. Ист. Библ. XIII. 380); въ на-
чалѣ преслѣдовалъ безмѣрное «богомерзкое винопитіе» (340) и хотѣлъ
устроить храмъ на подобіе Іерусалимскаго (342); «первый бо той въ Россіи
деспотъ безнуженъ бысть» (345). Неграмотность Бориса подтверждаютъ Магаса
(54 и 137) и Палицынъ: «аще и разуменъ бысть Борисъ во царскихъ правле-
ніихъ, но писанія Божественнаго не навъкъ» (2). Катыревъ-Ростовскій изо-
бражаетъ Бориса мужемъ благоглупымъ, сладкорѣчивымъ, изнелюбивымъ,
попечительнымъ и пр.; но укоряетъ его за пристрастіе къ врачамъ и не-
насытное властолюбіе, доведшее его до царевубійственнаго дерзновенія. (Р.
Ист. Биб. XIII. 707). Между его иноземными лейбъ-медиками находился
Нѣмецъ Каспаръ Фидлеръ. Братъ этого Каспара Константинъ Фидлеръ,
тоже жившій въ Москвѣ, написалъ на латинскомъ языкѣ похвальное слово
Борису, изданное въ 1602 г. въ Кенигсбергѣ. Въ русскомъ переводѣ Во-
ронова оно напечатано въ Петербургѣ въ 1773 г. Авторъ этого слова
усердно восхваляетъ Бориса и присуждаетъ ему названіе Августа болѣе
чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ. (Устрялова «Сказ. о Дим. Самоз.»
III. 232). «Путешествіе» Оомы Смита говорить о Борисѣ, что это «былъ
рослый и дородный человѣкъ, съ черными, хотя рѣдкими волосами; при
правильныхъ чертахъ лица, онъ обладалъ въ упоръ смотрящимъ взглядомъ
и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ... постоянно колебавшійся между замысломъ
и рѣшеніемъ, никогда не дѣйствовавшій прямо, но постоянно интригова-
вшій... до крайности угнетавшій своихъ подданныхъ, но прикрывавшій
свою тираннію тонкою политикою» (58—59).

Петрей свидѣтельствуетъ, будто Василій Шуйскій во время движенія,
вызваннаго прибытіемъ въ Москву Плещеева и Пушкина съ Красносель-
цами, говорилъ народу объ истинности названнаго Димитрія. Объ удавленіи
Федора съ матерью и сохраненіи Ксеніи по приказу Лжедмитрія см.:
Хронографы. Никонов. Нов. Лѣтоп. Иное Сказаніе, дьякъ Тимофеевъ, Бус-
совъ-Беръ, Петрей, Делавиль, «Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Са-
мозванцахъ» (Изд. 2-е. Спб. 1778). См. также Бантыша-Каменскаго «Пе-
реписка между Россією и Польшею» по документамъ Архива Мин. Иностр.
Дѣлъ (Чт. Об. И. и Др. 1861. Кн. I). Поэтому напрасно нѣкоторые пи-
сатели пытались устранить прямое участіе Лжедмитрія въ этомъ убій-
ствѣ и объяснить его собственнымъ усердіемъ клеветовъ. Въ хронографѣ
такъ наз. Кубасова или собственно въ «Повѣсти» Катырева-Ростовскаго
послѣдній отдѣлъ заключаетъ описаніе наружности и качествъ Ивана Гроз-
наго, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Федора Борисовича, царевны
Ксеніи, Лжедмитрія и Василія Шуйскаго. О Лжедмитріи говорится:
«Рострига же возрастомъ малъ, груди имѣя широки, мышпы толсты;

лице же свое имѣя не царсково достояніа, препростое обличіе имѣя, и все тѣло его велики помраченно. Остроумень же, паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостень и многорѣчивъ зѣло, конское ристаніе любяше, на враги своя ополчитель смѣлъ, храбрость и силу имѣя, воинство же велики любяше». (Избор. А. Попова 314. Рус. Ист. Биб. XIII. 621).

Б. Амвросія «Ист. Рос. Іерар.» I. 122. С. Г. Г. и Д. II. № 93, 115, 121. «Послужной списокъ» въ Древ. Рос. Библ. XX. 76. Въ текстѣ у меня на 43 стр. опечатка («съ Шереметевымъ»); надобно читать: «съ Шереметевыми». Двое ихъ, Ѳеодоръ Ів. и Петръ Никитичъ, были пожалованы въ бояре. Богданъ Бѣльскій то же кромѣ достоинства «великаго оруженачаго» былъ пожалованъ въ бояре. Салтыковъ упомянутъ въ текстѣ по недосмотру: Мих. Глѣб. былъ уже бояриномъ; а Мих. Мих. Кривой-Салтыковъ оставался окольнымъ. Власевъ въ «Послужн. списокѣ» не упомянутъ при Лжедмитріи; но въ «Росписи духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ» онъ приведенъ въ числѣ окольныхъ (С. Г. Г. и Д. II. № 93).

По поводу заговора и помилованія В. Шуйскаго источники сходятся въ общихъ чертахъ, но разногласятъ въ опредѣленіи времени и лицъ, ходатайствовавшихъ о прошеніи. Никонов. Нов. Лѣт. Палицынъ, Буссовъ-Беръ, Паэрле, Маржеретъ, Петрей, Геркманъ, Масса помѣщаютъ это событіе послѣ прибытія въ Москву царицы-инокини Марѣи (Маріи Нагой) и даже послѣ коронованія; при чемъ приписываютъ прошеніе просьбамъ Марѣи и бояръ, а отчасти самихъ Поляковъ, именно братьевъ Бучинскихъ. Этими источникамъ слѣдовали въ своемъ изложеніи Карамзинъ, Бутурлинъ и Арцыбашевъ. Но другіе источники, напримѣръ, Сказаніе еже содѣяся, Иное Сказаніе, Четыре сказанія (IV), Хронографъ третьей редакціи (Избор. 270) помѣщаютъ событіе на площади, спустя нѣсколько дней по вѣздѣ Самозванца въ Москву, именно 25 іюля. Этому показанію слѣдовали Соловьевъ, Костомаровъ и К. Н. Бестужевъ Рюминъ. Бучинскій не только не ходатайствовалъ за Шуйскихъ; напротивъ онъ не совѣтовалъ ихъ падить, какъ самъ напоминалъ о томъ въ письмѣ Лжедмитрію изъ Польши, въ январѣ 1606 года. Тутъ же упоминаетъ о его двухъ способахъ «удержать царство» (С. Г. Г. и Д. II. № 121). Показаніе сіе подтверждается записками Станислава Борши (Рус. Ист. Библ. I. 399) и письмомъ іезуита Лавицкаго, который относитъ спену на площади съ Шуйскимъ къ 10 іюля нов. стilia, слѣдовательно приблизительно къ 30 іюня стараго стilia. (Пирлингъ. 85). Впрочемъ Бучинскій говоритъ собственно, что не совѣтовалъ «высвободить» и «выпускать» Шуйскихъ, т. е. возвращать изъ ссылки ко двору; возможно, что онъ не одобрялъ ихъ смертной казни. Съ другой стороны царица Марѣя послѣ своего прибытія въ Москву вѣроятно ходатайствовала о совершенномъ прошеніи и возвращеніи Шуйскихъ.

О предварительныхъ тайныхъ переговорахъ Самозванца съ Марѣею и его угрозахъ сообщаетъ она сама. С. Г. Г. и Д. II. № 146 и 147. О встрѣчѣ Марѣи и коронованіи Самозванца Маржеретъ, Масса, Паэрле, Буссовъ-Беръ, Де-Ту, Вассенбергъ. С. Г. Г. и Д. II. № 92 (Окружная грамота патріарха Ігнатія съ приложеніемъ эктени и много-

лѣтія). О польской привѣтственной рѣчи іезуита Чировскаго или Чижевскаго сообщает Велевницкій; онъ поправляетъ такимъ образомъ Карамзина, который счелъ эту рѣчь латинскою, основываясь на извѣстіи Де-Ту и Вассенберга, хотя они не говорятъ, на какомъ языкѣ была сказана рѣчь. Туже ошибку повторили Костомаровъ и митрополитъ Макарій.

6. С. Г. Г. и Д. II. №№ 93 (росписъ членовъ севата духовныхъ и свѣтскихъ) 97—114. Histor. Raz. Mowim. II. № XXXVII—LXXVII (съ перерывами). Пирлингъ. Гл. VII—X и приложенія къ нимъ. Велевницкій. 137—152 (Сношенія съ Римской куріей). Бутурлинъ. I. Приложенія XII и XIII. Грамота Лжедмитрія во Львовъ о пожертвованіи соболей на сто рублей въ С. Г. Г. и Д. II. № 130. Письмо его къ папѣ Павлу V въ Др. Рос. Вивл. XII. Борша. Беръ-Буссовъ и Масса (поведеніе Самозванца въ думѣ, иноземные тѣлохранители, молодечество, потѣшныя осады, распутство). Петрей (о принцѣ Густавѣ). Палицынъ (заведеніе роскоши, выѣзды съ военной эскортой, распутство). О расточительности Самозванца и раздѣлѣ драгоценностей «итредемъ и всякимъ глупотвордемъ и жекамъ гнусодѣтельнымъ» въ Избор. А. Попова. Хроногр. 193. О насиліяхъ и поруганіи Москвитчъ отъ Поляковъ. Ibid. 237, а также у Петриціи—Historiae Moscoviticae. О нежестивѣ въ управленіи и недостойномъ поведеніи у Писецкаго. О постройкѣ дворца и подвижной крѣпости Ада: Масса, Дневникъ Марини, Хронографъ. 287, Сказаніе о ц. Ѳеодора Ивановича. (Рус. Ист. Вѣб. XIII. 819). На одномъ обѣденномъ пиршествѣ Лжедмитрія произошелъ мѣстническій споръ у князя Лыкова съ Петр. Никит. Шереметевымъ. (Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». II. 106. Со ссылкой на рукописную Разрядную книгу, принадлежащую Археогр. Комиссіи).

7. С. Г. Г. и Д. II. №№ 99—137. (Посольство Власьева и Бучинскаго, переписка Лжедмитрія съ ними и Миникомъ). Жабича Rosol Moskiewski w Krakowie (стихотворное описаніе обрученія Марини). Записки Жолкевскаго, изд. Муханова (о тайномъ порученіи бояръ Безобразову и царицы Марѣи Шведу и о спасеніи ею тѣла царевича, которое Самозванецъ хотѣлъ выбросить изъ могилы въ Углицкой церкви). Борша, Маржереть, Петрей, Паэрле, Буссовъ-Беръ, Масса, Дневникъ польскихъ пословъ и такъ наз. Дневникъ Марини. Древн. Вивлію. XIII. («Свадьба Растргина»). La legende de la vie etc. Палицынъ. Дьякъ Тимофеевъ. Последній называетъ Власьева «тайноглагольникомъ» и «станникомъ» Самозванца. Онъ же говоритъ объ участи Ксеніи Борисовны: «и оттуда на лѣта къ большому безчестію продолжился животъ ея даже и до четвертаго по отци царюющаго частѣ въ державахъ премѣняющихся, и отъ мѣста на мѣсто и отъ лавры въ лавру она превожденіе подъя. И до толка безславія жизнь ея протяжеся, яко и до еже—всякого безчестія скудость и нужду претерѣти, даже и до сего, яко и иноплемennыхъ языкъ, самыхъ враговъ отца ея, ту униженѣ руки осязаша. Прочее же помолчу» (Р. Ист. Вѣб. XIII. 369). О сношеніяхъ Лжедмитрія съ недовольными Поляками, которые сочинили его кандидатуру на Польскій престолъ, говоритъ Костомаровъ въ своемъ «Смутномъ Времени», ссылаясь на рукопись Красивской бібліотеки. На эти сношенія намекаютъ Масса (190 и 206) и Велевницкій (172 и 174).

Что касается до причащенія Марини и миропомазанія по греческому обряду во время ея коронаціи и вѣнчанія, то напрасно о. Пирлингъ оставляетъ вопросъ о томъ открытымъ (139). Какъ русскій источникъ, именно «Отрывокъ брачнаго обряда съ Мариной» (С. Г. Г. и Д. II. № 138) говоритъ прямо о «показаніи» и «причастіи», такъ Велевидскій и Дневникъ Марини (писанный кѣмъ то изъ ея свѣтъ) тоже выражаются, что коронація и помазаніе происходили юже гласно, включая сюда конечно и причастіе. Относительно вопроса о перекрещеніи иновѣрцевъ при переходѣ въ Православіе, замѣтимъ, что оно было подтверждено соборомъ 1620 г. См. о томъ проф. Д. Цвѣтаевъ («Протестанство и протестанты въ Россіи». 349—350, 511, 665.), Соколова («Протестанство въ Россіи». 107), Рущинскаго («Религіозный бытъ Русскихъ». Чт. О. И. и Д. 1871. III. 225—226). Оно было упразднено совершенно только при Петрѣ В. Объ этомъ же вопросѣ см. критику проф. Амф. Лебедева на изслѣд. проф. Цвѣтаева въ Ж. М. Н. Пр. 1892. Мартъ. Въ показаніи Бучинскихъ въ устьи Лжедмитрія влагаются рѣчь о томъ, что «по ихъ крестьянскому закону первое крестить, да томъ ввести въ церковь, а не крестить никому иныхъ вѣръ въ церковь не входити». (С. Г. Г. и Д. II. № 140). Въ окружной грамотѣ царицы — инокини Марыи тоже говорится, что она «взяла дѣву Латынскія вѣры, и не крестилъ ее вѣчалася съ нею». Также повторяетъ царь В. Шуйскій. (Ibid. №№ 146—147).

Къ концу Лжедмитріева царствованія относится найденная въ Краснохолмскомъ Антоніевѣ монастырѣ хозяйственная записъ (хранящаяся теперь въ Тверскомъ музеѣ). Въ ней говорится о посылкѣ 35 мереновъ, монастырскихъ и воеводскихъ лошадей, «которые велѣно прислати къ Москвѣ для Польскаго походу». См. А. К. Жизневскаго въ «Древностяхъ» Моск. Археол. Об. VIII. 1880. 20 и Русс. Архивъ 1886. № 9. Польскій походъ, о которомъ тутъ говорится, означаетъ походъ не въ Польшу, а въ степи или въ «поле» противъ Крымскихъ Татаръ, т. е. «полевой» походъ. Это извѣстіе совершенно согласуется съ данными о приготовленіяхъ Самозванца къ войнѣ съ Татарами и Турками и съ его угрозою нареченному тестю, что послѣ Пасхи онъ отправится къ войску на южную Украину. Нѣсколько незначительныхъ актовъ, относящихся къ Лжедмитрію I, см. у Полевого «Русская Библіотека». М. 1884.

Въ Петербургскомъ Эрмитажѣ есть старинная картина, изображающая вѣздъ Марини въ Москву. Въ рисункахъ, приложенныхъ къ изданію Массы, — планъ Москвы 1606 г. и планъ Лжедмитріева дворца. Видъ Кремля въ началѣ XVII в. (изъ Geographie Blaviane) въ «Древностяхъ». XI. Вып. 2. 1886. Планъ Москвы въ началѣ XVII в. по чертежу Федора Борисовича въ III ч. Сказаній о Самозванцѣ. Портреты Самозванца и Марини въ «Ская. Современ.» у Устрялова. I и IV. Также и у Нѣмцевича. III, съ прибавленіемъ портрета Юрія Мнишка. Въ Пештскомъ національномъ музеѣ находится древняя картина, писанная на деревѣ по левкасу. Она изображаетъ приѣмъ пословъ въ Московскою Грановитую палатѣ. Члены музея полагали, что тутъ представлено венгерское посольство у Ивана III. Но графъ А. С. Уваровъ доказалъ, что эта картина относится къ 1606 году и буквально воспроизводитъ описанія Паэрле, Дневника Марини и Дневника Польскихъ пословъ, относящихся къ приѣму Лжедмитріемъ Юрія Мнишка, 25 апрѣля, и пословъ

Олесьницкаго съ Гонсьвскимъ, 3 мая. (Труды Москов. Археол. Общ. Т. IV. Вып. 3. М. 1874 г.). Мы полагаемъ, что вѣрнѣе отнести картинку къ приему 3 мая; ибо на ней изображены два посла и сидящій особо Юрій Миншежъ; тогда какъ на приемѣ 25 апрѣля послы отсутствовали. Картина очень любопытна. Тутъ: Лжедмитрій въ полномъ царскомъ облаченіи, на возвышенномъ тронѣ съ двуглавымъ орломъ надъ сѣнью; четыре рынды съ сѣкирами; по правую руку отъ него сидятъ патриархъ и нѣсколько духовныхъ лицъ, по лѣвую думные бояре; далѣе кругомъ сидящіе и стоящіе дворяне въ свѣтлоузорчатыхъ длиннополыхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ; передъ нимъ польскіе послы и ихъ свита въ синихъ камзолахъ и повержъ ихъ въ красныхъ короткихъ почти безрукавныхъ кафтанахъ, съ подобранными кругомъ головами. Стѣны палаты расписаны; полъ устланъ коврами. Съ пяти печатей Лжедмитрія см. «Снимки древнихъ русскихъ печатей». Изданіе Ком. при Глав. Архивъ М. Им. Д. Вып. I. М. 1882.

8. Никонов. Лѣт. о мятѣж. Палицынь. Сказаніе еже содѣяся. Хронографъ. Иное Сказаніе. Нов. Лѣтоп. Латух. Степ. кн. Допросъ Бучинскихъ (С. Г. Г. и Д. II. № 140). Масса, Буссовъ, Паэрге, Петрей, Велевицкій, Борша, такъ наз. Дневникъ Марины, Дневникъ польскихъ пословъ, Плоцкій епископъ Лубенскій (*Opera posthuma historica*). La legende de la vie etc. Hist. R. Mon. II. XC. (Письмо нунція Симонетты къ кард. Боргезе; тутъ упоминается, что Поляки въ Москвѣ при Лжедмитріи насилывали женщинъ). «Донесеніе Хвалибога о ложной смерти Лжедмитрія I.» (Времен. О. И. и Д. № 23. Смѣсь. Тутъ-же и три грамоты Лжедмитрія къ Сигизмунду). Arch. domu Sapiebow. I. N. 611 (Письмо двухъ Стадницкихъ Льву Сапѣгѣ съ извѣстіемъ о гибели Лжедмитрія и съ просьбою освободить ихъ изъ Московскаго плѣна).

Сходные въ общихъ чертахъ, источники часто разногласятъ въ подробностяхъ событія 17 мая, а также предшествующихъ и послѣдующихъ дней. Приведу слѣдующіе примѣры. По Сказанію еже содѣяся, по рассказамъ Массы и Геркмана, дьякъ Осиповъ будто бы обличалъ Самозванца только по утру 17 мая, и Костомаровъ держится сего показанія. Но другія извѣстія, особенно Палицынь, ясно и достовѣрно противорѣчатъ тому. По словамъ Массы, Басмановъ не ночевалъ въ ту ночь во дворцѣ, а прыскалъ туда, когда уже раздались звуки набата и заговорщики вломились во дворецъ; что явно противорѣчитъ другимъ извѣстіямъ и всѣмъ обстоятельствамъ. Велевицкій, Никонова Лѣт. Лѣт. о мятѣжахъ, Нов. Лѣт. рассказываютъ, что стрѣльцы не хотѣли выдать разбившагося въ паденіи Лжедмитрія прежде, чѣмъ спросятъ его мать; что послали къ ней, и что, когда она отреклась отъ Самозванца, тогда только допустили его убить. Но достовѣрнѣе и согласнѣе съ обстоятельствами рассказъ Дневника пословъ и Станислава Борши въ томъ видѣ, какъ мы передаемъ его въ текстѣ. О числѣ убитыхъ Масса говоритъ, что Поляковъ пало 1500, а Москвитянъ 800; Дневникъ Польскихъ пословъ опредѣляетъ число убитыхъ Поляковъ въ 1000, Дневникъ Марины въ 500, а Русскихъ вдвое болѣе; Паэрге—Поляковъ около 600, а Москвитянъ слишкомъ 1000; Буссовъ—Поляковъ 2135; Петрей—всѣхъ убитыхъ вообще 1702; Де-Ту—По-

ляковъ 1200, а Русскихъ 400; Сказаніе еже содѣяся считаетъ убитыхъ Поляковъ 2062, да раненныхъ 1307. (Тоже въ «Опис. Сборн.» А. Ѳ. Бычкова. I. 157).

Относительно намѣренія Самозванца избить бояръ во время потѣхи говоритъ большинство русскихъ источниковъ, напримѣръ: Еже содѣяся, Палицынъ, Сказ. о ѵ. Ѳеодорѣ Ів., Иное Сказаніе, Хронографъ. Даже иноземецъ Масса передаетъ положительно слухъ о такомъ намѣреніи. Бучинскіе при нихъ допросѣ передъ боярами подтверждаютъ тоже извѣстіе. Они даже сообщаютъ богѣе подробностей; напримѣръ: кто изъ Поляковъ какого боярина долженъ былъ убить, и вмѣстѣ съ боярами побить дворянъ, лучшихъ дѣтей боярскихъ, головъ и сотниковъ стрѣleckихъ и черныхъ людей, которые за нихъ стануть. Потомъ будто-бы Самозванецъ намѣренъ былъ костелы римскіе ставить, а въ русскихъ церквахъ служеніе прекратить. и вообще исполнить все то, на чемъ онъ присягалъ панѣ, кардиналамъ, архиепископамъ и бискупамъ, а также воеводѣ Сендомірскому. Это показаніе Бучинскихъ невѣроятно и очевидно было вынуждено обѣщаніемъ пощады. Хотя Лжедмитрій былъ очень легкомысленъ, но не до такой степени, на которой начинается уже полная невѣроятность. Несомнѣнно только, что сей слухъ, изобрѣтенный боярами—заговорщиками въ нихъ видахъ, въ то время упорно былъ повторяемъ; отъ чего и получилъ характеръ нѣкоторой достоверности. Возможно, что Самозванецъ былъ не прочь при удобномъ случаѣ отдѣлаться отъ нѣсколькихъ личностей, казавшихся наиболѣе ему подозрительными по навітамъ Поляковъ, и можетъ быть что нибудь подобное болтало въ интимномъ кругу своихъ польскихъ пріятелей и секретарей, но едва ли серьезно. Что онъ по всѣмъ даннымъ нисколько не спѣшилъ исполнить свои обѣщанія ввести унию, а тѣмъ менѣе католичество—о томъ мы говоримъ выше. А къ назначенному дню (Воскресенью) онъ конечно вмѣстѣ съ Мариною готовился веселиться на придворномъ маскарадѣ послѣ загородной военной потѣхи, а не послѣ кроваваго побоища, т. е. избиенія лучшихъ Московскихъ людей. Повторяю, это совсѣмъ невѣроятно. Что Шуйскій и бояре вошли заранѣе въ соглашеніе съ Маріею, о томъ она сама говоритъ въ своей окружной грамотѣ о Самозванцѣ: «язъ бояромъ и дворяномъ и всѣмъ людямъ о томъ объявила прежь сего тайно, а послѣ всѣмъ явно». (С. Г. Г. и Д. II. 146).

9. Никон. Лѣт. о мн. мятежахъ. Рукопись Филарета. Хронографы. Арцыбашевъ Т. III. Прим. 830 и 832. Буссовъ-Беръ, Масса, Дневники Марини и Польскихъ пословъ, Пазрле, Маржеретъ, Велевицкій. С. Г. Г. и Д. II. №№ 141—152. Акты Археогр. эксп. II, № 47 (чинъ вѣчанія на царство В. Шуйскаго). Дополн. къ Акт. Истор. I. № 151 (Соборное посланіе къ Василю Конст. Острожскому о низложеніи Самозванца). Переписка между Россіей и Польшей (Чт. О. И. и Д. 1861, кн. I). Акты Зап. Рос. IV, № 177 (Допросъ польскимъ посламъ Олесницкому и Гонсѣвскому).

По поводу перенесенія мощей царевича Дмитрія нѣкоторые иноземцы пытаются набросить на это дѣло тѣнь обмана. Такъ Буссовъ говоритъ, будто Шуйскій велѣлъ умертвить въ Угличѣ девятилѣтняго поповскаго сына и положить его на мѣсто Дмитрія, чтобы имѣть свѣжее или

нетлѣнное тѣло, и что онъ же подкупилъ нѣсколько здоровыхъ людей, которые притворились больными, получившими исцѣленіе у гроба Димитрія. Почти тоже повторяютъ Пазрле, Петрей, Масса, Дневникъ Марини и Дневникъ пословъ; послѣдній убитого для подмѣны мальчика называетъ не поповскимъ, а стрѣleckимъ сыномъ, по имени Ромашка. Мощи царевича не вдругъ могли отыскаться въ Угличѣ, потому что кто-то перенесъ ихъ на другое мѣсто, не желая чтобы Угличъ «лишился такого сокровища». (Сборникъ Муханова. Изд. 2-е. Спб. 1866). Въ какомъ видѣ найдены были мощи царевича, см. Рукоп. Филарета, грамоту царя Шуйскаго (С. Г. Г. и Д. II, № 147), Житіе царевича Димитрія (Рус. Ист. Библ. XIII. 892 и 918). Любопытно, что митрополитъ Филаретъ Никитичъ, посланный въ Угличъ за тѣломъ царевича, въ то время повидимому предназначался занять патріаршій престолъ; но потомъ возведенъ въ это достоинство Гермогенъ — такъ говорили польскіе послы въ Москвѣ въ 1608 году (Акты Зап. Рос. IV. 287). О перенесеніи тѣла Бориса Годунова въ Троицкую Лавру см. такъ же «Церковно-историческій мѣсяцесловъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры». М. 1850. Во время возстанія Сѣверской Украины въ Москвѣ былъ открытъ заговоръ противъ Шуйскаго въ пользу Ѳ. И. Мстиславскаго. По разслѣдованіи дѣла Мстиславскій былъ оправданъ; а главный зачинщикъ Петръ Никитичъ Шереметевъ посланъ воеводою во Псковъ (Маржеретъ. Подроб. лѣт. изд. Львовымъ. Спб. 1799).

Относительно ограничительной присяги Василя Шуйскаго, данной въ Успенскомъ соборѣ и упомянутой въ официальныхъ его грамотахъ, сужденія разнообразны. Напр. проф. Ключевскій въ XVIII главѣ его «Боярской Думы», говоритъ, будто Шуйскій присягалъ на ограниченіе своей власти Земскимъ Соборомъ а не Боярской Думой. Проф. Маркевичъ въ его «Избраніи на ц. Мих. Ѳ. Романова» (Ж. М. Н. Пр. 1891. Октябрь) не придаетъ большаго значенія этой присягѣ и, повидимому, считаетъ ее добровольной. Разнообразныя по сему поводу извѣстія и мнѣнія пытается привести къ одному знаменателю г. Рождественскій въ своей статьѣ: «Царь В. И. Шуйскій и боярство» (Историч. Обзоріе. V. Спб., 1892). Но онъ самъ впадаетъ при этомъ въ домыслы и противорѣчія съ фактами, говоря, что ограничительныя условія шли не отъ дѣла боярскаго сословія, а только отъ группы бояръ, «которымъ царь былъ обязанъ престоломъ»; что потомъ «и слѣда не остается отъ какихъ-либо ограниченій, когда Шуйскій дѣйствуетъ также самостоятельно, какъ и его деспотичные предшественники, Грозный и Годуновъ» и что никакихъ притязаній «на ограниченіе самодержавной власти царя со стороны боярской Думы не было». Вообще нѣкоторые историки (напримѣръ, Соловьевъ) слишкомъ много придаютъ значенія тому, что Шуйскій былъ возведенъ на царство только Москвою, безъ созыва Великой Земской Думы, и этимъ обстоятельствомъ объясняютъ по преимуществу шатость его престола и его низложеніе. Но престолъ Годунова, несмотря на Земскую Думу, тоже оказался непрочнымъ. Главная причина непрочности обѣихъ новыхъ династій заключалась въ начавшейся смутѣ и неудачахъ. Когда выступилъ на сцену дѣйствія доблестный Михаилъ Скопинъ, династія Шуйскихъ начала укрѣпляться; послѣ его смерти,

когда дѣла окончательно ухудшились и произошло Клушинское пораженіе, династія естественно не могла удержаться.

10. Никон. Лѣтоп. о мятѣж. Палицынъ. Иное Сказаніе. Хронографы. Акты Арх. эксп. II. №№ 57 и 81. С. Г. Г. и Д. II, №№ 150 и 151. Бутурлина къ тому 2-му прилож. IV и V. Выписка о посольствѣ кн. Волконскаго изъ польскихъ дѣлъ, № 26 (Карамз. къ т. XII прим. 49). Вуссовъ-Беръ, Маржеретъ, Пазрле, Дневникъ Марини, Масса. Древн. Рос. Вѣст. XIII (свадьба царя Василія Шуйскаго). Относительно перваго лица, бывшаго изъ Москвы и пустившаго слухъ о спасеніи Лжедмитрія отъ смерти, Вуссовъ-Беръ, а за нимъ и Петрей говорятъ, будто это былъ князь Шаховской; Маржеретъ и Пазрле не называютъ лица; также глухо говорятъ о сѣмъ Масса и Дневникъ Марини. На Молчанова прямо указываетъ поминутая выписка о посольствѣ кн. Волконскаго въ Польшу. Относительно Лжепетра нѣкоторые источники неправильно сообщаютъ, что онъ выдавалъ себя за сына царевича Ивана Ивановича; именно, Хронографъ второй редакціи, который прибавляетъ, будто онъ былъ «родомъ звенигородецъ, художествомъ гончаръ». Изборн. А. Попова 195 (тоже въ третьей редакціи 242); на слѣд. 196 страницѣ онъ названъ поэтому Петръ Гончаровскій. Иное Сказаніе вмѣсто гончара называетъ его Петрушею Горчаковымъ; Никон. лѣт.—Илюшкою, человѣкомъ Григорія Елагина, а Палицынъ холономъ свѣдѣскаго стрѣльцаго головы Григорія Елагина. По собственному его показанію, ссытому послѣ сдачи Тулы (Акты Арх. эксп. II, № 81), онъ родомъ изъ Муромъ, незаконный сынъ одной посадской женщины; оскротѣвъ въ юности, онъ снискивалъ пропитаніе мелкой торговлей, бродилъ по разнымъ приволжскимъ городамъ, служилъ казакомъ, т.-е. работничъ, на судахъ, плававшихъ между Ярославлемъ и Астраханью; потомъ завербовался въ Терскіе казаки, гдѣ принисался во дворъ Григорія Елагина; затѣмъ былъ въ товарищахъ у казакомъ Нагибы и Наметки. Когда Терскіе казаки, въ числѣ 800 человѣкъ, задумали грабить торговые суда на Волгѣ, то они рѣшили кого-нибудь изъ своихъ назвать царевичемъ Петромъ; для чего выбрали Илейку Муромца и Митьку Астраханца. Но Митька сказалъ, что онъ въ Москвѣ не бывалъ и никого не знаетъ, а родился (отъ стрѣльца) и жилъ въ Астрахани; Илейко же изъ Нижняго однажды ѣздилъ въ Москву и жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Казаки приговорили Илейкѣ назваться царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Федора Ивановича. О связи этого Илейки съ народнымъ прозваніемъ богатыря Ильи Муромца «старымъ казакомъ» см. мое разсужденіе въ «Рус. Архивѣ» 1893 г., № 5.

11. Вотъ различныя извѣстія о происхожденіи втораго Лжедмитрія: Русскіе источники. Палицынъ называетъ его «отъ сѣверскихъ городовъ поповымъ сыномъ Матюшкою Веревкинымъ» (31). Никон. лѣт. считаетъ его «поповымъ сыномъ или дерковнымъ дьячкомъ, потому что кругъ весь церковный знаетъ» (117); а Гаврило Веревкинъ тутъ является стародубцемъ, подвигшимъ народъ къ признанію самозванца (90). Нов. Лѣт. «не служилыхъ людей сынъ, но попова рода, потому что службу церковную всю добръ изучилъ и знаетъ» (87 и 105). Лѣтоп. о мят. «человѣкъ незнаемый» (125). Отписка Вологжанъ Устюжанамъ въ декабрѣ 1608 г.:

«и тотъ де воръ съ Москвы, съ Арбату отъ Знаменья Пречистыя изъ-за конюшенъ поповъ сынъ Митка, а умышлялъ де и отпушгать его съ Москвы князь Василій Мосалской за пять день до Ростригина убійства». (Акты Арх. экск. II, № 94). Берха «Древ. Гос. Грам.» Спб. 1821. 85: «а царевича Димитрія называютъ Литвиномъ князя Андрея Курбинскаго сыномъ». Рукописный западнорусскій хронографъ, принадлежащій Археогр. Комиссiи (на котораго ссылается Костомаровъ), говоритъ, что самозванецъ былъ родомъ изъ Стародуба, переселился въ Бѣлоруссію и тамъ былъ учителемъ при дерковинныхъ школахъ. Въ распросныхъ рѣчахъ Буланина, посланнаго Шейнымъ изъ Смоленска въ Велижъ къ Голъсѣвскому, (Акты Ист. II, 199) говорится: «Да ему же сказывалъ приставъ его Савелій Хрипуномъ. Который де и воръ стоитъ подъ Москвою и тотъ де и воръ пришелъ съ Бѣлые на Велижъ, а зовутъ же его Богдашкомъ, и жилъ на Велижи шесть недѣль, а у кого жилъ, того онъ не вѣдаетъ. А пришелъ же онъ съ Бѣлые какъ убили растригу вскорѣ, и сказывалъ на Велижи, что онъ былъ у растриги писаремъ ближнимъ, и съ Велижа же съѣхалъ съ Литвинымъ въ Витепскъ, и изъ Витепска же онъ съѣхалъ въ Польшу (къ Мнишкамъ?), а изъ Польши объявился въ воровское имя, а которымъ обычаемъ назвался того онъ не вѣдаетъ». Въ отпискѣ Устюжанъ Вычеготцамъ, въ іюлѣ 1612 г. (Акты экск. II, № 210): «а потомъ присланъ изъ Литвы отъ короля жидовинъ Богдашко и назвался царемъ Димитріемъ». Это мнѣніе о жидовскомъ происхожденіи повторяется въ грамотѣ Миханла Ѳеодоровича къ Французскому королю: «выслали (поляки) на Украину Московскаго государства вора родомъ жидовина». (Шафирова «Разсужденія о Шведской войнѣ». Спб. 1722, стр. 324). По ссылкѣ Нарушевича (Hist. Chodk. I, кн. 4, прим. 70), Мих. Ѳеод. писалъ Морицу Оранскому: «Сигизмундъ послалъ жида, который назвался Димитріемъ царевичемъ». «Ядро Рос. Исторіи» очевидно придерживается западныхъ источниковъ и говоритъ, что онъ былъ по имени Иванъ, въ Литвѣ служилъ дячкомъ «у церкви и ребятамъ грамотъ училъ». М. 1770. Стр. 266.

Иноземные источники. Буссовъ-Беръ считаетъ второго Самозванца Бѣлоруссомъ и школьнымъ учителемъ, по имени Иваномъ, котораго друзья Мнишкѣвъ нашли въ городѣ Соколѣ и дали ему въ руководители пана Мѣховецкаго (124 и 184 рус. перевода). За Буссовымъ тоже повторяетъ Петрей (257 рус. перев.). Маскевичъ также называетъ Мѣховецкаго первымъ руководителемъ второго Самозванца, и прибавляетъ, что онъ былъ мужикъ грубый, сквернословный и гадкихъ обычаевъ, и что Мѣховецкій училъ его свѣтскости и польской вѣжливости, по примѣру перваго Димитрія (14 и 26). Въ Дневникѣ Смоленской осады (Рус. Ист. библ. I, 514) говорится: «наши, зная, что онъ — не тотъ Димитрій, за каковаго они выдаютъ его и, что еще хуже, зная, что онъ человѣкъ ничтожный, необразованный, безъ чести и совѣсти, — страшный хульниикъ, пьяница, развратникъ, что онъ ни самъ не придумаетъ ничего дѣльнаго, ни совѣтовъ не принимаетъ, не бываетъ ни на какомъ богослуженіи, о Полякахъ, или, какъ они говорятъ, о Литвѣ, ничего хорошаго не думаетъ и не говоритъ, и, если бы имѣлъ силу и возможность, то всѣхъ ихъ истребилъ бы, отно-

«сятъ однако къ нему съ уваженіемъ». И даѣе (стр. 527): «у него послѣ его побѣга (изъ Тушина) нашли талмудъ». Шведскій король Карлъ IX въ письмѣ къ Мих. Грѣб. Салтыкову называетъ Лжедмитрія II барабанщикомъ (stratenik) и бывшимъ слугою Гришки Отрепьева. Форстена «Политика Швеции въ Смутное время» (Ж. М. Н. Пр. 1889. Февраль). Кюбер-жицкій полагаетъ, что второй Самозванецъ былъ изъ Евреевъ, потому что жилъ при себѣ талмудъ и разныя еврейскія книги и рукописи. Тотъ же писатель особенно распространяется о его грубости, жестокости, жадности, распутности и другихъ порокахъ. (Hist. Vladis. 320 и 321). Мархонскій называетъ его сыномъ стародубскаго боярина, т.-е. собственно вышедшимъ изъ сословія боярскихъ дѣтей (Hist. Wójny Moskiew. Poznán. 1841). Въ донесеніи французскаго агента своему двору, въ апрѣлѣ 1610 г., Лжедмитрій II названъ «сыномъ кузнеца или кучера», но будто бы онъ «лично храбръ, неустрашимъ, привѣтливъ и хитеръ, какъ ни одинъ изъ его дружины». Даѣе тутъ же говорится, что второй Лжедмитрій былъ также «выставленъ» Поляками какъ и первый. (Зап. Жолкев. Второе изд. Прилож. № 21). Особенно любопытное указаніе даетъ намъ ксендзь Велевицкій на основаніи записокъ іезуита Савицкаго (Ibid., № 44, стр. 192). По его словамъ, второй Самозванецъ былъ крещеный жидъ, по имени Богданко, состоявшій при первомъ Лжедмитріи въ качествѣ писмоводителя для сочиненія русскихъ писемъ и имѣвшій съ нимъ нѣкоторое сходство. Послѣ убіенія названнаго Дмитрія, Богданко бѣжалъ въ Могилевъ, служилъ учителемъ у одного протопопа при его школѣ, но за покушеніе на его жену былъ вышеченъ и прогнанъ; скитался по Литвѣ, потомъ ушелъ въ Сѣверскую Украину съ однимъ товарищемъ, котораго будто бы убѣдилъ въ томъ, что онъ Дмитрій, и объявился въ Стародубѣ.

Это сообщеніе (напечатанное Мухановымъ въ 1871 г.), оставшіеся неизвѣстными Карамзину, Соловьеву, Бутурлину и Костомарову, неупомянуто и проф. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его «Обзорѣ событій отъ смерти Ивана Грознаго». А между тѣмъ оно по своимъ подробностямъ наиболѣе совпадаетъ съ бѣлорусскимъ хронографомъ, которымъ по преимуществу пользовался Костомаровъ и отчасти Соловьевъ. Оба эти свидѣтельства въ общихъ чертахъ нѣмного разнятся отъ большинства другихъ указаній, и совпадаютъ въ главныхъ чертахъ съ тѣмъ, что Буланины слышали въ Велижѣ отъ Хрипунова, который, вращаясь около Гонсѣвскаго, могъ узнать многое. Поэтому мы и кладемъ ихъ въ основу своего изложенія. Но по нимъ выходитъ, будто второй Лжедмитрій появился случайно и, такъ сказать, самъ пришелъ къ мысли принять на себя эту роль. Мало того и русскіе историки признаютъ эту случайность и самообъявленіе; обыкновенно они идутъ не даѣе Мѣховецкаго, какъ выставившаго сего самозванца (Бутурлинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ). По нашему же крайнему разумѣнію тутъ орудовали все тѣ же польско-русскія знатныя фамиліи, какъ и при появленіи перваго Лжедмитрія. Къ прежнимъ тремъ фамиліямъ прибавилась четвертая, князей Рожинскихъ, принадлежавшихъ къ потомству Гедимина. На связь этой, тогда еще православной, фамиліи съ Вышневедскими указываетъ приведенный нами въ третьемъ томѣ (стр. 561)

актъ 1595 г., заключающій жалобу на католиковъ, которая подписана православными князьями Адамомъ Вишневецкимъ и Кирилломъ Рожинскимъ. (Suppl. ad. Hist. Rus. Mon. № LXIII). Православіе Адама Вишневецкаго подтвердили и польскіе воевы въ отвѣтъ Московскимъ боярамъ, въ 1608 г. (Акты запад. Россіи IV, 267). Романъ Рожинскій собственноручно убилъ Мѣховецкаго по свидѣтельству Кобержницкаго (Hist. Vladisl. 90). Послѣ своей смерти (въ апрѣлѣ 1610 г.) онъ былъ погребенъ въ Кіевѣ по обрядамъ греческой церкви, на что указываетъ надгробіе Залісовъ-Жолков. стр. 14. Адамъ Вишневецкій самъ выступалъ на помощь второму Самозванцу; а изъ фамиліи Сапѣговъ пришелъ къ нему съ войскомъ Янъ Петръ, двоюродный братъ канцлера Литовскаго. Другой членъ той же фамиліи, Андрей Сапѣга, былъ тогда Оршанскимъ староостою, т.-е. начальствовалъ въ пограничной крѣпости Орігѣ. Этотъ Сапѣга убѣдомилъ нашихъ пограничныхъ воеводъ, что Лисовскій, Вишневецкій, Тышневичъ и другіе польско-литовскіе паны ушли съ ратными людьми въ Московскую землю самовольно, вопреки строгому королевскому запрещенію; что Яну Сапѣгѣ были посланы особые листы отъ короля съ такимъ же запрещеніемъ, но что онъ ихъ не послушалъ и что вообще нѣтъ возможности удержать дома непослушныхъ пановъ (Акты Ист. II, №№ 92 и 95). Всѣ подобныя отписки были несомнѣнно лживы; хотя наши историки имъ вѣрили; напримѣръ, Соловьевъ (VIII, 207). Наоборотъ, Андрей Сапѣга по всей вѣроятности намѣренію не пренятствовалъ переходу пановъ за московскій рубежъ. А что Сигизмундъ III втайнѣ одобрялъ, напримѣръ, поведеніе Яна Сапѣги, это доказываютъ весьма благосклонныя королевскія письма къ сему послѣднему, помѣщенныя у Когновицкаго во II томѣ *Zupełni Saperchów*, въ приложеніяхъ. По сообщенію Чумикова, въ числѣ рукописей, хранящихся въ Скуклостерѣ, близъ Упсалы, есть и такая польская: «Кратное изложеніе о веденіи войны съ Москвою, для Его королевскаго Величества составлено Яномъ Петромъ Сапѣгою». (Чт. О. И. Д. 1861. IV. Смѣсь, 40).

12. Никоновъ. Рукоп. Филарета. Нов. лѣт. Столяровъ хронографъ (Изборн. Ан. Попова), Палицынъ, Псковская лѣтопись, Велевничій, Буссовъ-Беръ, Масса, Будило, Пасецкій, Маскевичъ, Бутурлинъ. II. Приложенія VII — X. Акты Ист. II, №№ 89 и 90. С. Г. Г. и Д. II. №№ 163 и 164. Послѣдняя грамота, отъ 14 октября 1608 г., содержитъ обѣщаніе Лжедмитрія II уплатить Юрію Мишику 300,000 руб. по овладѣніи Москвою. А предыдущая, отъ 8 сентября того же года, выражаетъ намѣреніе Самозванца отправить свою супругу Марину въ Звенигородъ «для положенія одного святого въ монастырь» (Савинскомъ), чтобы возбудить къ себѣ большее уваженіе въ Москвѣ; такъ какъ прежде (т.-е. при первомъ Самозванцѣ) пренебреженіемъ церковныхъ дѣлъ возбуждалась народная ненависть. Въ нѣкоторой связи съ этимъ намѣреніемъ можно указать на хлопоты Римской куріи, которая сначала было воздерживалась отъ участія въ дѣлахъ второго Самозванца послѣ неудачи съ первымъ, но, по мѣрѣ его успѣховъ, вновь стала проявлять заботу чрезъ своего новаго нунція въ Польшѣ Симонетта (Hist. Rus. Monum. II.

лѣ LXXVIII—LXXXV). При участіи іезуитовъ въ Польшѣ составлена была для Тушинскаго царика обстоятельная инструкция о томъ, какъ осторожно онъ долженъ дѣйствовать, чтобы избѣжать участи своего предшественника и какъ постоянно долженъ готовить введеніе уни въ Московскомъ государствѣ. По всей вѣроятности инструкция составлена по поводу брака Іоаннѣмъ II съ Мариною. Эта инструкция сообщена была кн. М. А. Оболенскимъ С. М. Соловьеву, который подробно передаетъ ее въ самомъ текстѣ VIII тома своей «Исторіи Россіи», въ концѣ Четвертой главы. Но такъ какъ она не получила практическаго значенія и Тушинскій воръ нѣмѣ всего поддавался вліянію іезуитовъ, то мы на ней не останавливаемся. Повидимому онъ только пользовался совѣтомъ іезуитовъ относительно осторожности, и подъ этимъ предлогомъ недвусмысленно заявлялъ о своемъ православіи. Польскій списокъ этой инструкции, но очень испорченный, былъ найденъ Костомаровымъ въ одной изъ Варшавскихъ частныхъ библиотекъ. (Лѣтопись занятій Археогр. Ком. IV. Спб. 1868. Протоколы. 12).

Буссовъ сообщаетъ, что Рожинскій и Поляки не хотѣли тратить время на осаду Москвы, а думали немедля взять ее приступомъ; но будто Самозванецъ удержалъ ихъ, прося, чтобы они не разоряли его будущей столицы. Это сообщеніе невѣроятно: взять приступомъ хорошо укрѣпленную Москву было очень трудно. Тотъ же Буссовъ говоритъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ Василія Шуйскаго. Образецъ чудесныхъ явленій представляетъ «Повѣсть о видѣніи нѣкому мужу духовну» (Рус. Ист. Библ. XIII). Неизвѣстный по имени, благочестивый мужъ сообщилъ о своемъ видѣніи Благовѣщенскому протопопу Терентію, который записалъ съ его словъ и доложилъ патриарху и царю; а по ихъ приказу читали эту повѣсть въ Успенскомъ соборѣ всенародно, устроили постъ и пѣли молебны. По сей повѣсти, видѣніе происходило въ томъ же Успенскомъ храмѣ. Христосъ сидѣлъ на престолѣ, обтонный ангелами; одесную стояла Богородица, оную Іоаннъ Креститель (подобно тому, какъ изображается Деисусъ). Богородица молила Господа Сына пощадить людей своихъ. Но Господь изливалъ праведный гнѣвъ свой на нихъ: «Зѣло стужаютъ Ми злобами своими и лукавыми правы»; «брады своя постригаютъ и содомскія дѣла творять, и неправедный судъ судятъ, и правымъ убо насилуютъ и грабятъ чужая имѣнія и многая иная скверная дѣла творять»; за что грозилъ «предать ихъ кроводцамъ и немилостивымъ разбойникамъ» (или Болотинкову, или Тушинцамъ). По усиленнымъ мольбамъ Матери Своей и Іоанна Крестителя, Господь, наконецъ, умиловался и обѣщалъ пощадить «еще покаются». Къ этой повѣсти присоединено Иное видѣніе. Церковные сторожа, наряженные ночевать у соборной церкви Михаила Архангела, видѣли въ дверныя щели яркій свѣтъ и слышали шумъ и говоръ великіе; а одинъ изъ голосовъ какъ бы «говорилъ по книжному за упокой безъ престани». За шумомъ послѣдовалъ плачь. И такъ продолжалось часа два. Повѣсти относятся эти видѣнія къ 7115 или къ 1607 году, т.-е. ко времени нашествія Болотниковыхъ скопищъ; но хронологія тутъ гадательная; несомнѣнно подобные рассказы происходили и въ эпоху Тушинскаго вора. Какъ и первое, второе видѣніе вошло въ Иное Сказаніе, гдѣ оно отнесено къ четвертому

лѣту царствованія В. Шуйскаго и толкуется въ смыслѣ предвѣщанія о его скоромъ концѣ. Помянутый Благовѣщенскій протоиерей Терентій есть извѣстное историческое лицо. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя лѣтали первому Лжедмитрію и лжепатріарху Игнатію. До насъ дошло его хвалебное посланіе или челобитная Самозванцу. Напечатано въ Акт. Эсп. II. №. 224. См. также А. Θ. Бычкова «Описаніе рукописныхъ Сборниковъ Публич. Библіотеки». I. Спб. 1882. Стр. 402—408. Макарія «Ист. Рус. Церкви». X. 111. и Платонова «Древ. Сказ. и Пов.», 56—60. При Шуйскомъ Терентій былъ удаленъ, а въ 1610 году по указу Сигизмунда III онъ возвращенъ Благовѣщенскому Собору. Акты Зал. Рос. IV №. 183 Стр. 389. Во Временникъ Об. И. и Др. (№ 23. Сѣбъ) напечатаны три челобитныя Лжедмитрію отъ разныхъ крестьянъ съ жалобами на грабительство и насилія отъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и литовскихъ. Эти челобитныя сообщены Чумиковымъ, списавшимъ ихъ въ одномъ шведскомъ архивѣ; хотя онѣ безъ датъ, но очевидно относятся ко времени второго, а не первого Лжедмитрія.

13. Лѣтописи Никоновская, Псковская, Новгородская. Лѣтоп. о мятѣжахъ. Буссовъ-Беръ, Петрей, Видекиндъ. Дѣла Шведскія (Соловьевъ. VIII, 227). Временникъ. V и VIII. Акты Истор. II, №№ 99—110. Акты Эсп. II, №№ 88—91. Иконникова «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» въ Чтен. Ист. Об. Нестора лѣтописца. I. Кіевъ. 1879. Воробьевъ «Бояринъ и воевода кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій», въ Рус. Арх. 1889, № 8. Форстена «Политика Швеціи въ Смутное время» (преимущественно на основаніи Стокгольмскаго архива). Жур. Мин. Нар. Пр. 1889. Февраль. Сборникъ князя Хилкова. Спб. 1879. Тутъ издано большое количество грамотъ, относящихся къ Смутной эпохѣ; между прочимъ подъ № 12 напечатаны 72 письма къ гетману Яну Петру Сапѣгѣ отъ разныхъ лицъ, преимущественно отъ всѣхъ тѣхъ городовъ, которые передались второму Лжедмитрію. Объ этихъ письмахъ (изъ собранія Якубовича) еще прежде было напечатано сообщеніе П. И. Савантова въ Лѣтописи занятій Арахеогр. Ком. IV. 1868. Протоколы 6—7 и 48—54. См. также В. Берха «Древніе государствен. грамоты», собранныя въ Пермской губ. Спб. 1821. Изъ нихъ 27 №№ относятся къ Смутному времени. Впрочемъ часть ихъ представляетъ то, что уже напечатано въ С. Г. Г. и Д. II., но иногда съ вариантами.

14. Никон. Лѣт. о мятѣж. Нов. Лѣт. Иное Сказ. Главный же источникъ для осады Лавры «Сказаніе» Палицына. — Два печатныхъ изданія, 1784 и 1822. По сему поводу см. «Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры» въ Москвитинѣ 1842. №№ 6 и 7. (Д. П. Голохвастова). Авторъ представляетъ здѣсь сводъ біографическихъ извѣстій объ Аврааміи Палицынѣ и очень критически относится къ его сказанію о Троицкой осадѣ. Статья эта немедленно возбудила рядъ возраженій: въ Сѣверн. Печѣ 1842. № 198 (со стороны Сахарова), въ Отечест. Запискахъ. 1842. № 11, и особенно дѣльныя въ Москвитинѣ. 1842. № 12. (А. В. Горская). Авторъ «Замѣчаній» отвѣчалъ на нихъ пространной статьей. Ibid. 1844. №№ 6 и 7. Далѣе, «Историческое описаніе Святотроицкія Сергіевы Лавры». М. 1842.

(Горскаго). Оно опредѣляетъ число всѣхъ защитниковъ въ началѣ до 2500. Приложенія къ этому описанію архимандрита Леониды въ Чт. О. Ист. и Д. 1879. II. Пятое приложеніе представляетъ переводный отрывокъ изъ статьи гр. Дзедушицкаго о дѣйствіяхъ Лисовчиковъ при осадѣ Троицкой Лавры (*Bibliotheca Ossolinakich. 1842. III*). Кедрова «Авраамій Палицынъ». Чт. О. Ист. и Д. 1880 IV. Его же «Авраамій Палицынъ какъ писатель». Рус. Архивъ 1886. № 8. Сборникъ князя Хилкова. ММ 14, 18, 32—42 съ перерывами. Акты Ист. II. ММ 181--242, съ перерывами. Масса и Геркманъ, Буссовъ-Беръ, Будило. Діаріушъ Сапѣги, у Когновичкаго. II. (Русскій переводъ въ Сынѣ Отечества. 1838. № 1). Голубинскаго «Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра». Сергіевъ п. 1892. (См. гл. II и XIII и планъ Лавры XVII вѣка). Рѣчь проф. Березжкова «Троицкая Сергіева Лавра въ Смутное время Московскаго государства». Кіевъ. 1893.

15. Никон. Палид. Лѣт. о мят. Хронографы. Акты Ист. II. ММ 111—242, съ перерывами. Акты Эксп. II. ММ 93—169, съ перерывами. Буссовъ, Будило и пр. Рѣчь Колосовича «Три подъема русскаго народнаго духа». Сиб. 1880. Онъ указываетъ (стр. 24), что народное противутушинское движеніе началось въ декабрь 1608 года небольшимъ городомъ Устюжной Желѣзнопольской, который геройски отбилъ всѣ приступы Тушинцевъ. Описаніе его осады въ Рус. Ист. Библ. II. № 187. См. также грамоту В. Шуйскаго Устюжанцамъ отъ 23 декабря 1608 г. (Акты Эксп. II. ММ 93 и С. Г. Г. и Д. II. № 167).

Обращу вниманіе на «Распросныя рѣчи» Московскихъ выходцевъ въ Тушинскомъ ставѣ, въ маѣ 1609 года (Акты Ист. II. № 212). Тутъ между прочимъ говорится: «А большихъ бояръ на Москвѣ князь Димитрій, да князь Иванъ Шуйскій, да Ортемій Измайловъ, да Ростовскіе, шурья Шуйскаво, да дьякъ Василій Яновъ, да Истома Карташовъ, да Томила Луговскій. А нѣзъ бояръ являютъ государю царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Россіи (т. е. Самозванцу) князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, князь Василій, да князь Андрей Голицыны, да князь Иванъ Димитріевичъ Хворостининъ, а съ ними дворяне и дѣти боярскіе и торговые люди, а сколько ихъ человекъ и кто именемъ и того неупоминать». Историки безъ критики принимаютъ подобныя показанія; напр. Соловьевъ (VIII. 263). За нимъ въ послѣдніе время тоже повторяетъ г. Рождественскій въ названной выше статьѣ (Ист. Обзор. V). А между тѣмъ, очевидно, выходцы изъ Москвы старались въ Тушинѣ сообщить побольше пріятныхъ вѣстей, и преувеличивали количество людей, которые «примили» Самозванцу. Непріязнь Василія Голицына къ Шуйскому еще не значила, что онъ «примилъ» Самозванцу; Андрей же Голицынъ является воеводою, усердно сражавшимся противъ Лжедимитрія. А князья Куракинъ и Лыковъ положительно выдаются въ борьбѣ съ нимъ на сторонѣ Шуйскаго какъ храбрые и дѣятельные воеводы, и во время сихъ распросныхъ рѣчей, и послѣ нихъ. Всѣ трое они особенно отличились въ битвѣ съ Тушинцами подъ Москвою 25 іюля 1609 года. Слѣдовательно остается только Хворостининъ. Приблизительно къ тому же времени надобно отнести

глухой документъ какъ бы съ именами приверженцевъ Шуйскаго и Дмитрія II, напечатанный у Муханова—«Подлинныя Свидѣт. о взаим. отнош. Россіи и Польши». М. 1834.

Относительно цѣнъ на хлѣбъ въ Москвѣ, осажденной Тушинцами, кромѣ приведенныхъ въ текстъ данныхъ, взятыхъ изъ Актовъ Ист. II. №№ 156 и 212, Никонов. и Палицына, имѣемъ еще слѣдующія любопытныя свидѣтельства. Отъ 23 декабря 1608 года въ грамотѣ Устюженцамъ В. Шуйскій извѣщаетъ, что «нужды еще нѣтъ: четверть ржи купить въ полтину, а иногда алтынъ въ двадцать, а четверть овса въ четыре гривны, а сѣна возъ большой алтынъ въ двадцать или немного больше». (Акты Эксп. II. № 98). Въ Запискахъ Жолкевскаго (26 стр.) говорится, что до прибытія Скопина бочка ржи (равнявшаяся четыремъ краковскимъ морпамъ) продавалась слишкомъ по 20 злотыхъ; а когда очистились пути и начался подвозъ, то она продавалась по 3 злота. Издатель Записокъ, П. А. Мухановъ дѣлаетъ расчетъ и выводитъ, что четверть стояла около нынѣшнихъ 15 рублей. У Делявила (749) упоминается, что бочка ржи стояла тогда въ Москвѣ «семь дублоновъ» (семь рублей?). Мааса (254): въ Москвѣ четверть стояла 28 гульденовъ, а въ Вологдѣ 1 гульденъ. Такъ какъ цѣны колебались, то эти свидѣтельства относятся конечно къ разнымъ моментамъ осады.

16. Акты Эксп. II. №№ 96—148, съ перерывами. Акты Ист. II. №№ 158—345, тоже. Шербатовъ. VII. ч. 3. № 35. Никонов. Лѣт. о мѣст. Псковская. Рукоп. Филар. Палицынъ. Видекинъ, Петрей, Будило, Пясецкій, Мармоцкій, Диариусъ Я. П. Санъги (Кожовиц. II). Углицкая Лѣтопись, изд. А. А. Титовымъ. М. 1890. («О пришествіи Поляковъ подъ градъ Угличъ» въ 1610 г.).

17. Акты Ист. II. №№ 96—267, съ перерывами. Акты Эксп. II. № 92. Hist. Rus. Mon. II. №№ CXII—CXIII. Виленскій Археограф. Сборникъ. I. № 79. Самуила Бѣльскаго *Diariusz roku 1609*—напечатанъ въ Чт. О. И. и Д. Годъ III. № 6. кн. Оболенскимъ, а потомъ вошелъ въ его же собраніе «Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи». Вып. 3. Нѣмцевичъ. II. Дневникъ Смоленской осады. (Рус. Ист. Библ. I. и отчасти у Бутурлина ч. III. Прилож. № XVII). О Смоленской крѣпости см. Жолкевскаго 29 стр. Пясецкаго 21 и Маскевича 18. Они же баснословятъ о числѣ Смольнянъ: Жолкевскій считаетъ ихъ до 200.000, а способныхъ къ бою, какъ и Пясецкій, до 40.000, Маскевичъ до 70.000. Роспись посадскихъ и слобожанъ для обороны стѣнъ и ночныхъ карауловъ. см. Акты Ист. II. №№ 259 и 260. Планъ и видъ Смоленска въ началѣ XVII вѣка приложены Мухановымъ къ первому изданію Записокъ Жолкевскаго М. 1835 г. Въ этомъ изданіи и польскій оригиналъ его Записокъ.

По поводу причинъ, побуждавшихъ Смольнянъ къ энергичной оборонѣ отъ Поляковъ, С. М. Соловьевъ приводитъ и то обстоятельство, что «они дали въ долгъ Шуйскому много денегъ: если бы сдались Сигизмунду, то эти деньги пропали бы». (VIII. 288). За нимъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ повторяетъ тотъ же аргументъ. (Ж. М. Н. Пр. 1887. Августъ). Едва ли такой непатріотичный и по обстоятельствамъ слишкомъ ненадеж-

ный расчетъ могъ играть роль въ рѣшимости къ отчаянной оборонѣ. Важнѣе, указанное Соловьевымъ, пребываніе значительнаго отряда Смоленскихъ служилыхъ людей въ войскѣ Скопина и, приводимое Козловичемъ, свидѣтельство хронографа о старой враждѣ Смоленяи къ Полякамъ: «А Смоленскомъ Поляки и Литва грубыи искони, вѣчные непріятели, что жили съ ними по близу и бои съ ними бывали частые и Литву на боехъ побивали». (Изборн. А. Попова. 353. Рѣчь Козловича—«Три подъема рус. народ. духа»).

18. Акты Ист. II. № 270. С. Г. Г. и Д. II. № 208. Никонов. Лѣт. о мѣт. Палицынъ. Псков. гѣт. Рукон. Филар. Жолкев. Прилож. №№ 20 и 26. (Условія, на которыхъ М. Г. Салтыковъ съ товарищами присягалъ Сигизмунду III подъ Смоленскомъ. Также въ Сборникѣ Муханова и Актахъ Зап. Рос. IV. №. 180). Бутурлинъ III. 173. Zysie I. P. Sapielny. Нѣмецк. Милостоя. (A brief history of Moscovia. London. 1682. Тутъ о предсказаніи гадателей насчетъ Михаила. См. Карам. XII. Прим. 518). Геркманъ. «Сказаніе о рожд. князя Мих. Вас.» (Изборн. А. Попова). Древ. Рус. Вѣст. XI (Выписка о днѣ смерти Скопина изъ палицкой книжки Арханг. Собора). Современная пѣсня о Скопинѣ Шуйскомъ, записанная англійциномъ Ричардомъ Джемеомъ въ Москвѣ въ 1619—1620гг. Она найдена академикомъ Гамелемъ и напечатана въ Извѣст. Ак. Н. по отдѣл. Рус. яз. и словес. 1852. т. I, тетрадь I. Другая пѣсня о Скопинѣ у Кириши Данилова. (См. также Галахова «Ист. Рус. Слов.» I. 268. Буслаева «Очерки Литер.» I. 519—525. Пѣсни—Кирѣевскимъ. VII. 15). Въ Арханг. Соборѣ, въ придѣлѣ Іоанна Предтечи на стѣнѣ востѣ каменной гробницы Скопина былъ его портретъ стариннаго письма. Лучшій снимокъ съ него см. въ «Памят. Моск. Древ.» Олѣгирева. М. 1842—1845. Тотъ же портретъ приложенъ Мухановымъ къ первому изданію записокъ Жолкевскаго.

Относительно смерти Скопина Карамзинъ очевидно вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ объ отравленіи. Арцыбашевъ, приводя разныя свидѣтельства, не высказываетъ своего мнѣнія. Бутурлинъ также говорить нерѣшительно, но болѣе склоняется къ отрицанію отравы; при чемъ ошибно относитъ смерть Скопина въ ту же ночь послѣ пира. Соловьевъ идетъ далѣе, пытается отвергнуть обвиненіе въ отравленіи и для сего выбираетъ тѣ свидѣтельства, которыя по поводу слуховъ объ отравѣ не рѣшаются сказать положительно свое мнѣніе (Никонов. и Палиц.). Въ своемъ усердіи къ оправданію Шуйскихъ онъ даже прибѣгаетъ въ несовершеннѣйшей точной передачѣ: такъ Жолкевскій, по его словамъ, «отвергаетъ обвиненіе, приписывая смерть Скопина болѣзни». Но гетманъ также не дѣлаетъ положительнаго вывода, и, ообщивши слухъ объ отравленіи, прибавляетъ: «между тѣмъ, если начнешь спрашивать, то выходятъ, что онъ умеръ отъ лихорадки». По всей вѣроятности, тѣ болѣе, которыхъ онъ потомъ (пребывая въ Москвѣ) спрашивалъ, не были расположены говорить съ нимъ откровенно о семъ предметѣ; тѣмъ не менѣе онъ очевидно наклоненъ вѣрить болѣе отравленію нежели естественной смерти. Странно, что здоровый молодой человѣкъ въ двѣ недѣли умеръ отъ лихорадки,

и что это за лихорадка, которая сопровождалась сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа и нестерпимыми болями въ животѣ? Показаніе Псковскаго лѣтописца объ отравленіи Скопина женою Дмитрія Шуйскаго Соловьевъ отвергаетъ на томъ основаніи, что лѣтописецъ не любилъ Шуйскаго; при чемъ опирается еще на то, что отравительница вмѣсто Екатерины названа Христіною, и толкуетъ, будто это имя «по всѣмъ вѣроятностямъ» образовалось изъ слова крестини, крестинный пиръ. Не вѣроятнѣ ли предположить просто неисправность рукописи, описку переписчика? Едва ли не большинство современныхъ иностранныхъ и русскихъ извѣстій склоняется къ тому, что Скопинъ былъ отравленъ; а Видекиндъ и Буссовъ-Беръ говорятъ о томъ положительно. Нѣкоторые показанія о его смерти сгруппированы у Муханова въ Зап. Жолкев. въ прилож. № 23. Но это далеко не всё; напримѣръ, нѣтъ сказанія «О рожденіи князя Михаила Васильевича» (Изборн. А. Попова), которое положительно наставляетъ на отравленіи. Сказаніе это любопытно по нѣкоторымъ подробностямъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ; напримѣръ: слова матери Скопина Елены Петровны, чтобы онъ не ѣздилъ изъ Александровской Слободы въ Москву; извѣстіе о его великомъ ростѣ, для котораго не могли найти подходящей колоды; сообщеніе, что до отвоза въ Суздаль его хотѣли временно положить въ Чудовъ монастырь, но, по требованію народа, положили въ Архангельскомъ Соборѣ. (Д. Н. Майковъ полагаетъ, что тутъ рассказъ объ отравленіи заимствованъ изъ народной быliny. Ж. М. Н. Пр. 1880. Ноябрь). Костомаровъ въ своемъ «Смутномъ времени» склоненъ вѣрить въ отравленіе. Въ соч. «Личности Смутнаго времени» (Вѣст. Евр. 1871. VI) онъ относитъ неблагопріятно къ личности Скопина и обвиняетъ его въ эгоизмѣ. Возраженія на это см. у Погодина («Борьба не на животъ, а на смерть». М. 1874) и у Воробьева. Г. Кондратьевъ въ своемъ изслѣдованіи о Рукописи Филарета, вслѣдъ за Соловьевымъ, возражаетъ противъ отравленія. Ж. М. Н. Пр. 1878. Сентябрь. Проф. Кояловичъ по поводу вопроса объ отравленіи не высказывается ни въ ту, ни въ другую сторону («Три подъема»). Тоже и г. Платоновъ («Древнерус. сказ. и пов.»). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ: «Современники подозрѣвали, и едва ли безъ основанія, что онъ былъ отравленъ по зависти князя Д. И. Шуйскаго; самого царя подозрѣвать нельзя». В. С. Иконниковъ обстоятельно разбираетъ свидѣтельства, сюда относящіяся, и склоняется въ сторону отравленія. (Чт. Об. Нест. лѣт. I.). Другой подробный сводъ извѣстій о смерти Скопина представленъ въ названномъ выше сочиненіи Воробьева, который считаетъ отравленіе доказаннымъ. Съ своей стороны авторъ настоящаго сочиненія не находитъ ничего невѣроятнаго въ обвиненіи современниковъ, направленномъ противъ Д. Шуйскаго и его жены. Тамъ, гдѣ идетъ борьба честолюбій, а особенно борьба за престолонаслѣдіе, подобные факты слишкомъ обычны въ исторіи народовъ, чтобы къ данному обвиненію относиться съ полнымъ недовѣріемъ, а тѣмъ болѣе если принять въ расчетъ всѣ обстоятельства. Особенно возбуждаетъ подозрѣніе жена Д. Шуйскаго, повидимому достойная дочь Малюты Скуратова и сестра бывшей царицы Марьи Григорьевны Годуновой.

19. Никон. Лѣт. о мят. Палицынъ. Столяръ Хром. Нов. лѣт. Иное Сказ. Рукон. Филар. Зап. Жолкев. Будило, Буссовъ-Беръ, Дневникъ Смолен. Осады. Масквичъ. Для Клущина и Царева Займища: Зап. Жолкев. Втор. Изд. 45 и слѣд. Донесеніе гетмана Сигизмунду. Ibid. прилож. 27. А въ прилож. 24 договоръ его съ Елецкимъ и Валуевымъ. (Также Сборникъ Муханова). Дневн. Смолен. осады. Рус. Ист. Библ. I. 618 (очень сходно съ донесеніемъ Жолкев.). Будило. Ibid. 195. Масквичъ. 40 рус. перевода. Пясецкій. 30 славян. перевода. Русскіе источники говорятъ о Клущинской битвѣ коротко и почти единогласно приписываютъ поражение имѣннѣ иноземцевъ. Названные польскіе источники своими подробностями подтверждаютъ это обвиненіе.

Подробности, относящіяся къ низложенію и постриченію царя Василія, при сравненіи разныхъ источниковъ являютъ сбивчивыми и подъ часъ противорѣчивыми. Я даю общій ихъ очеркъ. См. Никонов. 189. Лѣтоп. о мят. 195. Палиц. 206. Столяръ хроногр. у А. Попова. 346. Иное Сказ. въ Ист. Библ. XIII. 122. и во Времен. XVI. 112. Латукина Степен. кн. у Карамзина къ т. XII прим. 560. Рукон. Филар. 31. Нов. Лѣтоп. во Времен. XVII. 119. Буссовъ-Беръ. 182. рус. перев. и 111 нѣмец. текста. О рѣшительномъ противодействіи Мстиславскаго ибору Голицына говорятъ Зап. Жолк. 70. Крестоцѣловальная запись, отъ 24 іюля 1610 года, на присягу боярамъ Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищами для временнаго ими управленія государствомъ см. Акты Ист. II. № 287 и С. Г. Г. и Д. II. № 198. А окружную грамоту отъ бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Моск. госуд.—ва, отъ іюля 20, о сведеніи съ престола Василія Ивановича съ увѣщаніемъ не признавать «того вора, который называется царевичемъ Дмитріемъ», стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей и выбирать государя всюю землею—въ Акт. Эксп. II. № 162. Подобная же отъ 24 іюля въ С. Г. Г. и Д. II. № 197. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ этомъ времени предлагаетъ отнести двѣ грамоты Гермогена, съ увѣщаніемъ принести повинную царю Василію. Ак. Эксп. II. № 169. (Ж. М. Н. Пр. 1887. Августъ 274). Что Гермогенъ указывалъ двухъ кандидатовъ на царство, князя В. Голицына и М. Ѳ. Романова, о томъ сообщаетъ Жолкевскій. 75.

«Семь московскихъ бояриновъ» или «седмочисленные бояре», которые по сверженіи Шуйскаго «два мѣсяца власти насладишася», указаны въ Иномъ Сказаніи (Ист. Биб. XIII. 123) и въ Хронографахъ. (Изборн. А. Попова 200 и 207), но безъ означенія ихъ именъ. Никто изъ предшествовавшихъ историковъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ) не пытался выяснитъ эти имена. Только Арцыбашевъ выписываетъ изъ послужнаго боярскаго списка до 20 именъ того времени (примѣч. 1827); но это не рѣшаетъ вопроса о составѣ семибоярщины или той малой, избранной Думѣ, которая образовала временное правительство и которая напомнила пятибоярщину, оказавшуюся во главѣ правительства по смерти Грознаго. Спрашиваемъ: тѣ шесть именъ, которыя постоянно и однообразно встрѣчаются въ официальныхъ актахъ того времени, т.-е. три боярина (кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. В. В. Голицынъ, Ѳ. И. Шереметевъ), одинъ окольничій (кн. Мезецкій) и два дьяка (В. Телѣпневъ и Том. Луговскій), можетъ быть и

составляли эту избранную Думу? (С. Г. Г. Д. II. № 199, 200 и 201. Акты Эксп. II, № 165). Седьмое имя могло быть не отмечено случайно, по болѣзни или отсутствію, и это седьмое имя вѣроятно принадлежало или Ивану Никитичу Романову, или князю Ивану Семеновичу Куракину, или князю Ивану Мих. Воротынскому. Въ такомъ случаѣ, исключая двухъ дьяковъ, мы получаемъ собственно новую пятибоярщину. Но возможно также со стороны лѣтописцевъ неточное указаніе числа, и самое это число могло видоизмѣниться. Такъ гетманъ Жолкевскій въ своихъ запискахъ (73), говоря о сѣздѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ съ Правительственною Думою называетъ тѣ же самыя лица какъ и указанныя официальныя грамоты, но приводитъ пятерыхъ (Мстиславскаго, Шереметева, Мецекаго и двухъ дьяковъ), а Василия Голицына пропускаетъ. А въ Дневникѣ Смоленск. осады (658) приводится донесеніе гетмана о томъ же сѣздѣ; при чемъ наиваны всѣ тѣ же шесть именъ, т.-е. безъ пропуска князя Голицына. Только отъ января 1612 г., т.-е. эпохи Московской осады, веденной Заруцкимъ и Трубецкимъ, мы имѣемъ двѣ грамоты, подписанныя именно семью боярами, каковы: кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. Ив. Сем. Куракинъ, Ив. Ник. Романовъ, Ѳ. И. Шереметевъ, Мих. Ал. Нагого, кн. Вор. Мих. Лыковъ и кн. Андрей Трубецкой. За ними слѣдуютъ подписи нѣсколькихъ окольничьихъ и дьяковъ. (С. Г. Г. Д. II, № 276 и 277). Но эта «семибоярщина» относится къ концу междоусобствъ, а не къ началу его, на которое прямо указываетъ Иное Сказаніе. При томъ это Сказаніе ограничиваетъ полную власть семибоярщины только двумя мѣсяцами; а этому сроку соответствуетъ время между сверженіемъ Шуйскаго (17 іюня) и вступленіемъ Жолкевскаго въ столицу (21 сентября); хотя во вторую половину сего срока Правительственная Дума уменьшилась вслѣдствіе отправки нѣкоторыхъ ея членовъ послами къ Сигизмунду III.

«Повѣсть о нѣкоей брани, належавшей на благочестивую Россію» (Рус. Ист. Библ. XIII) рассказываетъ о знаменіи, которое урѣзалъ на небѣ авторъ ея, повидимому подъячій Посольскаго приказа. Однажды онъ вмѣстѣ съ толмачомъ Кропольскимъ посланъ былъ дьякомъ этого приказа Вас. Теленевымъ съ грамотами царя В. Шуйскаго о наборѣ ратныхъ людей въ поволжскіе города. На дорогѣ изъ Александровой слободы въ Переславль облака представились имъ въ видѣ огромнаго льва и страшнаго змѣя, окруженныхъ зѣбрами и змѣями, готовыхъ поглотить одинъ другого; но оба они скоро исчезли. Толмачъ объяснялъ, что левъ означаетъ царя Шуйскаго, а змѣя Тушинскаго вора, и что обоимъ имъ будетъ скоро конецъ.

20. С. Г. Г. и Д. II, № 199—204, 207—221. Акты эксп. II, № 165. Акты Ист. II, № 288—314, 316. (Въ № 310 списокъ думныхъ дворянъ и дьяковъ, приверженныхъ къ Василию Шуйскому): Голикова «Домолненіе къ Дѣян. Петра В. II. (Здѣсь подробности Смоленской осады и переговоровъ великаго посольства съ панями). Никон. Лѣтоп. о мят. Записки Жолкевскаго. Прилож. № 32—87. Будяго. Дневникъ Смолен. осады. Буссовъ-Беръ. Делявиль. Видекинъ. Кобержинскій. Когновицкій П. Любопытныя донесенія Ив. Мих. Салтыкова Сигизмунду III изъ Новгорода о дѣлахъ того края. отъ 17 ноября 1610 года (С. Г. Г. и Д. II, №

307 и 313). Тутъ онъ, между прочимъ, вѣстѣ съ новгородскими чинами настаиваетъ на необходимости удалить изъ сего края состоявшіе на королевской службѣ отряды литовскіе и запорожскіе, которые своими неистовствами отпугиваютъ города отъ присяги Владиславу и заставляютъ ихъ держаться вора. «Многіе города стоятъ въ воровской смутѣ и намъ государемъ не добьютъ челомъ и креста не цѣлуютъ и съ Московскимъ и съ Новгородскимъ государствомъ не соединяются; потому что во многихъ городахъ, въ Торжкѣ и въ Твери и въ Торопцѣ и въ иныхъ городахъ, которые намъ государямъ добили челомъ и крестъ поцѣловали, стоятъ многіе польскіе и литовскіе люди и черкаси валентари (вольные) и вашу государеву землю пустошатъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей изъ животвъ питаютъ и на смерть побиваютъ, и помѣстьями дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ владѣти не даютъ, и съ уѣздовъ всеніе подати и нормы свои и конские правятъ многіе не въ мѣру». См. также Акты Запад. Рос. IV. №№ 182 («Имянная роспись московскимъ посламъ къ Сигизмунду»), 188 (большое количество жалованныхъ и другихъ грамотъ московскимъ боярамъ, дворянамъ и пр. на помѣстья, денежные оклады и иные милости). Если вѣрить Польскимъ посламъ 1615 года, то на доущеніе польскаго гарнизона въ Москву особенно настаиваетъ передъ Гермоганомъ Иванъ Никитичъ Романовъ (Акты 3. Рос. IV. 477). Также послы вспоминаютъ о кнѣзѣ и кзени попа-лазутчика отъ Тушинскаго вора въ Москвѣ; при чемъ обвиняли въ сношеніяхъ съ нимъ князей Голицыныхъ (Ibid. 481), но съ очевиднымъ пристрастіемъ.

О гибели второго Дзедимитрія см. Акты Ист. II, №№ 307 и 313. Буссовъ-Беръ. Будило. Жолкевскій. Дневникъ Смоленск. осады. Относительно отъѣзда Авраамія Палицына изъ подъ Смоленска оправданіе его см. въ трудѣ Кедрова «Авраамій Палицынъ» (Чт. О. И. и Д. 1880, кн. 4). И. Е. Забѣлинъ наоборотъ упрекаетъ его почти въ нѣмѣніи своему долгу, и полемизуетъ съ Кедровымъ («Мининъ и Пожарскій». М. 1883). Но Кедровъ, если не вполнѣ, то довольно успѣшно защищаетъ знаменитаго велара («Авраамій Палицынъ какъ писатель». Рус. Арх. 1886, № 8). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ Палицынъ убѣдился въ польскомъ коварствѣ и безполезности всего посольства, онъ постарался освободиться изъ рукъ враговъ и сохранить за собою возможность быть потомъ полезнымъ отечеству въ борьбѣ съ тѣми же врагами, и трудно его осуждать именно за то, что онъ сумѣлъ ускользнуть изъ подъ Смоленска. Митрополитъ Филаретъ и ин. В. Голицыны ни въ какомъ случаѣ не могли быть отпущены; ибо ихъ задержаніе находилось въ связи съ вопросомъ о претендентахъ на Московскій престолъ.

21. Никон. Лѣтоп. о мят. Палиц. Р. Филар. Масквичъ, Будило, Мархоцкій, Краевскій (стихотворная Chronologia wojny Moskiewskiej. 1613), Буссовъ-Беръ. Дневн. Смоленск. осады. С. Г. Г. и Д., II, №№ 226—257. Акты эксп. II, №№ 170—188, съ перерывами. Акты Ист. №№ 314, 318, 319. О новомъ возведеніи імператріарха Игнатія свидѣтельствуетъ Никон. лѣтоп. (160) и Лѣт. о многихъ мятеж. (225): «а на патріаршество возведоша преждедеченнаго совѣтника Разстригина, кнпр-

скаго владыку Игнатія, который былъ въ Чудовѣ монастырѣ простымъ чернецомъ». Видя ложность и непрочность своего положенія, Игнатій вскорѣ бѣжалъ въ Литву, гдѣ принялъ унию. (О его судьбѣ см. у высокопреосвящ. Макарія «Исторія Рус. Церкви». X, 158—159).

О коварствѣ Яна Петра Сапѣги свидѣлствуютъ слѣдующіе документы: письмо къ нему Сигизмунда въ январѣ 1611 года съ приказомъ немедленно выступить противъ ополченія, собираемаго Ляпуновымъ (Зап. Жолк. примѣч. № 40); посланіе Яна Сапѣги въ Переяславль-Зачѣскій атаманамъ, казакамъ и «всѣмъ дорожнымъ молодцамъ» съ убѣжденіемъ вѣрно служить Владиславу. (Сборн. кн. Хилкова, № 4), и отписка того же Сапѣги костромскому воеводѣ князю Волконскому, убѣждающая къ покорности королевичу Владиславу (Акты Ист. II, № 327). Последняя относится къ апрѣлю 1611 г. слѣдовательно къ тому самому времени, когда Сапѣга велъ переговоры съ Ляпуновымъ о своей готовности соединиться съ нимъ противъ Поляковъ. Грамота изъ подъ Смоленска, обращенная къ Москвитчамъ (С. Г. Г. и Д. II, № 226), по вѣроятной догадкѣ С. И. Кедрова, была сочинена никѣмъ инымъ какъ Филаретомъ Никитичемъ («Авраамій Палицынъ какъ писатель». Рус. Арх. 1886, № 8, 477). Любопытно, что даты событій представляютъ иногда большое разногласіе источниковъ. Такъ Маскевичъ отстаетъ на мѣсяцъ и болѣе отъ Будила. Напримѣръ, по Маскевичу Сапѣга прибылъ подъ Москву 17 мая, а по Будилу 17 іюня. По первому Сапѣга воротился изъ подъ Суздаля прежде убіенія Ляпунова, а по второму послѣ; по первому онъ умеръ 8 іюля, а по второму 14 сентября. Въ этомъ случаѣ Будило, какъ состоявшій на службѣ въ войскѣ Сапѣги, конечно ближе къ истинѣ; однако и онъ не вполне точенъ. Въ виду подобныхъ противорѣчій приходится иногда обозначать время нѣкоторыхъ событій приблизительно или руководствоваться разными соображеніями при проверкѣ датъ.

Въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи есть рукописный сборникъ разныхъ статей, въ числѣ которыхъ встрѣчается одна озаглавленная такъ: «Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ и о страданіи новаго стратотерпца куръ Ермогена патріарха» и пр. (Архим. Леонида «Свѣдѣнія о славян. рукописяхъ, поступившихъ въ бібліотеку Троиц. Духовн. Академіи въ 1747 году». Чт. Об. И. и Д. 1884, III, 196). Г. Платоновъ въ своей статьѣ «Новая Повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка» (Ж. М. Н. Пр. 1886. Январь) передаетъ содержаніе этой повѣсти и доказываетъ, что она представляетъ одно изъ тѣхъ подметныхъ писемъ, которыми возбуждались умы противъ кого-либо. Въ данномъ случаѣ какой-то московскій патріотъ побуждаетъ своихъ согражданъ возстать противъ Поляковъ и указываетъ на примѣръ Смоленянъ, мужественно оборонявшихся отъ Сигизмунда, на поведеніе двухъ «вящихъ» (великихъ) пословъ, митрополита Филарета и кн. Голицына, крѣпко стоящихъ противъ замысловъ короля, и напримѣръ самого «стопа» безстрашнаго патріарха Гермогена. Яркими красками описываетъ онъ поведеніе польскаго гарнизона и русскихъ измѣнниковъ, Михаила Салтыкова и Федора Андронова, которыхъ по имени не называетъ. Время этого писанія

г. Платоновъ опредѣляетъ между смертью Тушинскаго вора и сборомъ Ляпуновскаго ополченія (См. тогоже г. Платонова о той же повѣсти въ его Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени». 1888, стр. 86. Этотъ любопытный наметникъ наденъ имъ въ Рус. Ист. Библ. XIII). Между прочимъ авторъ Новой Повѣсти указываетъ нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся именно къ этому промежутку. Таково, напримѣръ, преступленіе поляка Блинскаго. Этотъ Блинскій, бывшій аріаниномъ, въ пядномъ видѣ выстрѣлилъ въ образъ Богоматери у Никольскихъ воротъ. Боясь народнаго возмущенія, Гонимскій велѣлъ его казнить, а отсѣченныя его руки прибить гвоздями подъ симъ образомъ. См. о томъ у Бусова, Маскевича и Акты Зап. Р. IV стр. 479.

22. С. Г. Г. и Д. II, №№ 245, 250, 263, 264. Акты Ист. II, №№ 321—340, съ перерывами. Акты Эксп. II, №№ 184—196, тоже. Акты Южн. и Запад. Рос. II, № 42. Никон. Лѣт. о мят. Нов. Лѣт. Новгород. третья. Псковская. Рук. Филар. Палиц. Голицевъ. Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. II. Хронографы. Жолковский, Маскевичъ, Будило, Мархондкій, Кобержинскій, Видекиндъ, Краевскій, Когновицкій II. Нарушевича Hist. Jana Karola Chodkiewicza. (1837). Нѣмцевичъ III. Полевого—«Проконпій Ляпуновъ» (Рус. Вес. Т. III). «Плачь о иѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства». (Рус. Ист. Библ. XIII). Не заключающа новыхъ данныхъ, этотъ плачь по оубѣлкѣ г. Платонова «имѣетъ весьма весьма малую историческую цѣнность». (Древнерус. сказанія и повѣсти. 114).

№№ 321 и 322 Актовъ Историч. II. (Февраль 1611 г.), заключающіе приказы московской Боярской Думы смоленскимъ воеводамъ и великимъ московскимъ посланъ о немедленной сдачѣ Смоленска и вообще повиновеніи королю Сигизмунду, любопытны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ точныя указанія о размѣрѣ и составѣ Боярской Думы, находившейся тогда въ Москвѣ и состоявшей подъ давленіемъ польскаго гарнизона. Тутъ мы видимъ 17 бояръ, въ томъ числѣ: Ѳ. И. Мстиславскій И. М. Воротынскій, М. Г. Салтыковъ, Ив. В. Голицынъ, Ив. Ник. Романовъ и Ѳ. И. Шереметевъ. Затѣмъ слѣдуютъ 8 окольничихъ, 5 дьяковъ и 3 думныхъ дворянина. Безграмотными, за которыхъ подписались другіе члены Думы, оказываются три боярина, князья Влад. Тим. Долгоруковъ, Мих. Ѳед. Кашинъ, Мих. Сам. Туренинъ, и три окольничихъ, Ив. Вас. Головинъ, Ив. Ник. Ржевскій и ки. Гр. Бор. Долгоруковъ. Любопытная грамота, заключающая приговоръ всѣхъ чиновъ подмосковнаго ополченія отъ 30 іюня 1611 г., напечатана у Карамзина въ 793 прим. къ XII тому. Подъ нею подписались Трубецкой, Ляпуновъ, а вмѣсто Заруцкаго тоже Ляпуновъ (слѣдовательно Заруцкій былъ безграмотенъ), потомъ разные чины и представители 25 городовъ, каковы: Кашинъ, Лихвинъ, Дмитровъ, Смоленскъ, Ростовъ, Ярославль, Можайскъ, Калуга, Муромъ, Владиміръ, Юрьевъ, Нижній-Новгородъ, Пошехонье, Брянскъ, Романовъ, Вологда, Галичъ, Мещерскъ, Архангельскъ, Переяславль-Загѣвскій, Кострома, Воротынскъ, Юрьевъ-Польскій, Болховъ и Звенигородъ (Ibid. примѣч. 794). За немногими исключеніями, это города центральной и чисто Великорусской полосы Московскаго государства. См. также «Списокъ разныхъ чиновъ людей, быв-

шихъ на земской службѣ съ кн. Д. Т. Трубецкимъ». Акты Москов. государства. I. № 45.

Описаніе триумфальнаго вѣзда въ Варшаву гетмана Жолкевскаго см. у Нѣмцевича Dzieje ranelwania Zygmunta III. Томъ 3, стр. 13. О смерти и погребеніи В. Шуйскаго въ Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, у костела св. Креста, съ пышною латинскою надписью, о выдачѣ его тѣла въ 1635 г. и погребеніи въ Москов. Архангельскомъ соборѣ см. у Карамзина къ т. XII примѣч. 784—786. О смерти Василя и Дмитрія Шуйскихъ, о службѣ Ивана при Михаилѣ см. также «Финскій Вѣстникъ» 1847, № I. По извѣстію Кобержинскаго, Сигизмундъ поручилъ художнику Добрабѣ увѣковѣчить картиною ваятіе Смоленска и триумфальный вѣздъ. Впослѣдствіи Августъ II отдалъ эту картину Петру Великому, склоняясь на его просьбы. (Нѣмцев. III, 14). О пышной варшавской надписи надъ могилою Шуйскихъ говоритъ Никон. Лѣт. 148 и Лѣт. о многихъ мятѣж. 208. «Въ Литвѣ же царя Василя и брата Дмитрія и со княгинею уморили... и оставили надъ ними столпъ каменный себѣ на похвалу, а Московскому государству на укоризну, и подписаху на столбѣ всѣми языки». Имѣемъ: «Опись имуществъ царя В. И. Шуйскаго и братьевъ его», составленную послѣ 12 сентября 1612 года. (Акты Ист. II. № 340). Имущество очевидно осталось небогатое послѣ В. и Д. Шуйскихъ и жены послѣдняго Екатерины. Тутъ: образа и складни, обложенные золотомъ, серебромъ и камнями, бархатные и суконные кафтаны и охаби, серебряныя пуговицы, мѣховыя шубы и шапки, перстни, серебряныя стаканы, братина и двѣ ложки, оловянная и мѣдная посуда, нѣкоторое количество денегъ, московскихъ и польскихъ. Эти вещи и деньги большею частію подарены королевѣ, Львомъ Сапѣгою, Жолкевскимъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ числѣ вещей Екатерины на ряду съ жемчужными серьгами и серебряными чарками встрѣчается «серебряная бѣлизница». И этаго скромнаго наслѣдства своихъ братьевъ пережившій ихъ Иванъ Шуйскій повидимому не получилъ; польскій приставъ Бобровницкій отобралъ у него даже и то, что было ему подарено братьями и невѣсткою при ихъ жизни.

Профессоръ Варшавскаго Университета Д. В. Цвѣтаевъ приготовилъ къ печати особую монографію, посвященную судьбѣ Василя Шуйскаго и его братьевъ со времени заточенія ихъ въ Гостынский замокъ. Благодаря обязательности автора, я просматривалъ рукопись этой монографіи, основанной на собранныхъ имъ архивныхъ и другихъ источникахъ. Привожу отсюда только главные факты, не касаясь любопытныхъ подробностей. Гостынский замокъ, расположенный верстахъ въ 130 отъ Варшавы и прежде незначительный, теперь представляетъ развалины. При Сигизмундѣ имъ вѣдалъ староста панъ Гарвавскій. Скорая кончина въ этомъ замкѣ царя Василя, брата его Дмитрія и Екатерины Григорьевны, въ 1612 году, подала поводъ русскимъ лѣтописцамъ (Никон. Иное Сказаніе) объяснять ее насиліемъ. Но это несправедливо. Ихъ смерть ускорили лишеніе свободы, горе и тоска. Послѣ Деулинскаго перемирія Сигизмундъ III рѣшилъ напомнить міру о плѣнномъ Московскомъ царѣ, чтобы придать вѣсь притязаніямъ своего сына. Прахъ Шуйскихъ изъ Гостынскаго замка въ

1620 году былъ перенесенъ въ Варшаву и торжественно погребенъ за городской стѣной на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Первая гимназія. Надъ тѣснымъ каменнымъ склепомъ возвышался каменный просторный круглый столпъ или т. наз. «шаплица»; надъ входною дверью въ нее красовалась мраморная плита съ золоченою надписью. Иванъ Шуйскій по смерти братьевъ былъ освобожденъ изъ заключенія и взятъ на королевскую службу; при разѣвѣ плѣнныхъ въ 1619 году его не отпустили, а сдѣлали это только въ слѣдующемъ году по настоянію Московскаго правительства. Послѣ Поляновскаго мира 1634 года король Владиславъ IV согласился на просьбу царя Михаила Феодоровича и отпустилъ въ Москву прахъ Шуйскихъ. Время ихъ кончины распредѣлилось такъ: царь Василій отошелъ въ вѣчность 26 февраля 1612 года, князь Димитрій 28 сентября, на глазахъ своей жены и русской прислуги, а княгиня Екатерина 25 ноября новаго стиля, въ присутствіи своего девера Ивана и русскихъ слугъ.

Относительно интриги противъ Ляпунова источники нѣсколько разнорѣчатъ. Такъ по однимъ (Маскевичъ) рѣчь идетъ о поддѣлкахъ измѣническаго письма отъ Ляпунова къ Гонсѣвскому, по другимъ о поддѣльной грамотѣ Ляпунова съ приказомъ избивать казаковъ. Мы думаемъ, что пущены были въ ходъ обѣ поддѣлки. На стачку Заруцкаго съ Гонсѣвскимъ намекають Будило и Маскевичъ. Послѣдній замѣчаетъ, что Заруцкій вообще «доброжелательствовалъ» Полякамъ, но не смѣлъ обнаруживать своихъ намѣреній. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ это гнусное дѣло замѣшанъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ (сынъ убитаго во Псковѣ воеводы Петра Никитича). Будучи сторонникомъ Владислава, онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ кн. Григ. Шаховскимъ, интриговалъ въ ополченіи противъ Ляпунова и, можетъ быть, дѣйствовалъ по тайнымъ наставленіямъ Гонсѣвскаго. По крайней мѣрѣ въ одной грамотѣ изъ ополченія Пожарскаго, отъ 9 сентября 1612 г., убіеніе Ляпунова приписывается наущенію Ив. Шереметева. (Учен. Записки Ак. Н. По 1 и 3 отд. Т. III. 96). По Столярову хронографу главнымъ агентомъ Заруцкаго въ убіеніи Ляпунова былъ атаманъ Сержка Карамышевъ, который нанесъ ему первый ударъ саблею. (Изборн. А. Попова. 352). По словамъ одной грамоты временнаго боярскаго правительства, Заруцкій и казаки три дня держали тѣло убитаго Ляпунова на площади «собакамъ на съѣденье». (С. Г. Г. и Д. II, № 277). Въ той же грамотѣ боярское правительство приводитъ извѣстную картину казачьихъ неистовствъ подъ Москвою.

Въ своемъ изложеніи Смутнаго времени, особенно по поводу столкновенія Ляпунова съ Заруцкимъ и гибели перваго, Соловьевъ («Исторія Россіи». Т. VIII, гл. 8) слишкомъ преувеличиваетъ темную сторону казачества, и неуспѣхъ перваго ополченія подъ Москвою главнымъ образомъ приписываетъ его участию, тому, что «чистое было смѣшано съ нечистымъ, подлѣ земскихъ людей стояли казаки». Такой выводъ обнаруживаетъ не совсѣмъ точное и отчетливое представленіе о казачествѣ того времени. Очевидно, онъ разумѣлъ только вольное казачество, Донское и Запорожское, а въ данномъ случаѣ (т.-е. при осадѣ польскаго гарнизона) именно первое. Но онъ упустилъ изъ виду, что собственно Донское казачество при ополченіи составляло небольшую часть или ядро казачьихъ дружинъ

и что казачество какъ низшее служилое и притомъ городовое сословіе было тогда распространено по всей Руси. Только въ Смутную эпоху вольное казачество весьма умножилось отчасти разоренными посадскими людьми, а въ особенности крестьянами и холопами, самовольно покидавшими свои деревни или своихъ помѣщиковъ и вступавшими въ его ряды, и это были люди наиболѣе смѣлые и воинственные. Если казачество при самозванцахъ воровало, то воры и измѣнники въ большомъ количествѣ тогда явились и въ другихъ сословіяхъ, начиная съ бояръ и дворянъ. Зато въ концѣ Смутнаго времени казачество наравнѣ съ земствомъ боролось съ внѣшними врагами и очищало отъ нихъ Русскую землю. Это болѣе всего ясно изъ исторіи освобожденія самой столицы. Послѣ смерти Ляпунова и разсѣянія большей части земской рати, казачество собственно на своихъ плечахъ выносило дальнѣйшую осаду польскаго гарнизона до самаго прихода второго ополченія, т.-е. Пожарскаго. Да и Пожарскій, наученный примѣромъ Ляпунова, пытался не соединиться съ оставшимся подъ Москвою казачествомъ, однако не могъ безъ него отбить Ходкевича, и, только благодаря казацкой помощи, дѣло повернулось въ нашу пользу. Въ грамотѣ Трубецкаго и Пожарскаго прямо указывается на земскую службу казаковъ и принимаются мѣры для сбора «казацкихъ кормовъ», чтобы «казаки съ земскія службы съ голоду не разбрелися и земскому великому дѣлу поруки нѣкоторыя не учинилось». (Акты эксп. II, № 216, стр. 275—277).

Изъ русскихъ источниковъ съ особымъ сочувствіемъ относится къ Ляпунову такъ называемая Рукопись Филарета, которая чествитъ его «властелемъ Московскаго воинства» и «бодреннымъ воеводою». Эта Рукопись издана П. А. Мухановымъ два раза: въ 1837 г. отдѣльною книгою и въ 1866 г. въ его «Сборникѣ». О ней есть любопытное изслѣдованіе А. К. Идратьева въ Ж. М. Н. Пр. 1878. Сентябрь. Онъ подтверждаетъ, что Рукопись составлена не патріархомъ Филаретомъ, а только въ концѣ его патріаршества, и при томъ имѣетъ офиціальныя черты, и что въ основу ея главнымъ образомъ положенъ хронографъ Сергія Кубасова. Но такъ какъ соответствующая часть хронографа есть извѣстная «Повѣсть» кн. Каптырева-Ростовскаго, а сей послѣдній былъ зятемъ Филарета Никитича, то понятно, откуда является офиціальныя черты «Рукописи» при ея заимствованіи изъ «Повѣсти»; нѣтъ поэтому основанія и отвергать дѣйствительное участіе Филарета въ составленіи Рукописи, носящей не только его имя, но и слѣды его редакціи.

23. Никон. Нов. Лѣтоп. Лѣт. о мат. Иное Сказаніе. Рук. Филар. Палиц. Хроногр. Стоярова. Ист. Библ. XIII, 235—240 и 244 (о видѣніяхъ благочестивому Григорію въ Нижнемъ-Новгородѣ, Меланиіи женѣ Бориса мясника во Владимірѣ и Варлааму въ Великомъ Новгородѣ). Акты эксп. II. №№ 192—221. Акты Ист. II, №№ 336—343. Дополн. къ Ак. Ист. I, № 166. С. Г. Г. и Д. II, 268—285, съ перерывами. Древ. Рос. Вивл. XV. № 10. (Двѣ грамоты Пожарскаго изъ Ярославля). Изъ Хронографа кн. Оболенскаго о Мининѣ въ Архивѣ Калачова. I. М. 1850. Отд. 6-е, стр. 35—38. Дипломатич. сношенія. II. 1405—31. Дворцов. разря-

ды I. (Оборона Волока Ламскаго отъ Сигизмунда, стр. 7). Легендарный хронографъ П. И. Мельникова («Нижній - Новгородъ и Нижегороды въ Смутное время». Отечеств. Зап. 1843, № 7). Его же «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени» въ Москвит. 1850, № 21. Ноябрь. «Крат. о Ниж. Нов. извѣстія» въ Др. Рос. Вивл. XVIII. (Съ посадскихъ людей на содержаніе рати брали пятую деньгу. 81). А. С. Гадисскаго «Нижегородскій Лѣтописецъ». Нижній - Новгородъ. 1886. Видекинъ. Будило. Краевскій. Кобержидкій. Гериманъ. Нѣмцевичъ. III. Hist. Chodk. Н. Ильинскаго. «Описаніе жизни Козьмы Минина». Спб. 1799. Рѣчь Н. Полеваго — «Козьма Миничъ Сухорукой». М. 1833. Малиновскаго «Біографич. свѣдѣнія о кн. Пожарскомъ». М. 1817. Чичагова «Жизнь Пожарскаго, Минина и Палицына». Спб. 1848. (Строгая критика на него въ Москвитанинѣ. 1848. № 11). С. Смирнова «Бояринъ и воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій». (Отеч. Зап. 1849). Аверина «О жизни зарайскаго протоіерея Димитрія». М. 1835. «Жизнь преподобнаго Иринарха Затворника». Иад. архимандритомъ Амфилохіемъ. М. 1863. См. также Ж. М. Н. Пр. 1859. № 12. И. Е. Забѣлина «Безвѣстный герой Смутнаго времени». (Древн. и Нов. Россія. 1875, № 3). «Дѣло ротмистра Хмелевскаго» съ замѣткою К. Н. Бестужева-Рюмина, въ Рус. Архивѣ 1863 г., № 10—11. Житіе преподобнаго архимандрита Діонисія, составленное ученикомъ его инокомъ Симономъ Азарьинымъ и дополненное записками о немъ священника Ивана Насѣдки, Діонисіева друга (у меня изданіе 1816 г.). Скворцова «Діонисій Зобнинскій архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря». Тверь. 1890. Симону Азарьину принадлежитъ также «Книга о новоявленныхъ чудесахъ преп. Сергія». Издана въ Памят. Древ. Письменности. LXX. Спб. 1888. Тутъ любопытно 9-е чудо: «О явленіи Сергія Козмѣ Минину и о собраніи ратныхъ людей на очищеніе государству Московскому». Тому же Азарьину приписываетъ А. Н. Поповъ сочиненіе изданной имъ «Повѣсти о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія земли». (Чт. О. И. и Д. 1881. Кн. II). Эта повѣсть, составленная при Алексѣѣ Михайловичѣ, представляетъ поверхностный обзоръ событій Смутнаго времени.

Иное Сказаніе, пристрастное къ Василию Шуйскому, въ противность другимъ источникамъ, даетъ неблагопріятный отзывъ о патріархѣ Гермогенѣ, котораго оно едва ли не считаетъ главнымъ виновникомъ низложенія царя Василія; а это низложеніе будто бы повлекло и его собственную гибель. «Сей преложенъ бысть отъ нѣкихъ мужей змѣобразныхъ, иже лещь спивающе, козными соплеташа, иже о Василіи цари злоречествомъ наводиша мятежницы словесы лестными. Онъ же имъ всѣмъ вѣруеть, и сего ради ко царю Василию строптивно, а не благохотливо бесѣдоваше всегда, понеже внутрюду имъ навѣтовалый огнь ненависти... Мятежницы же во время свое преже царскій вѣнецъ низложивша, потомъ же и святительскую красоту злѣ поруганіемъ обесчестивша. Егда бо по Василіи царѣ пріяма Москву супостатыи руцѣ, тогда убо онъ по народѣ пластыря непреборима показати себе хоташе; но уже времени и часу ушедшу... Тогда убо аще и ярашуща ему на клятвопреступныя мятежники,

и обличая христіаноборство ихъ, но ятъ бысть немилосердыа рукама, и аки птица въ заклѣтѣ, и гладомъ его умориша, и тако ему скончавшуся». (Рус. Ист. Библ. XIII. 125). Приблизительно то же самое повторяетъ Хронографъ второй редакціи, черпавшій изъ одного источника съ Инымъ Сказаніемъ. (Изборн. А. Попова. 201). Начальникъ польскаго гарнизона Александръ Гонсѣвскій, естественный непріятель Гермогена, впоследствии въ 1615 году на съѣздѣ съ русскими послами подъ Смоленскомъ порицалъ покойнаго патріарха и говорилъ, будто онъ былъ прежде въ донскихъ казакахъ, а затѣмъ «попомъ» въ Казани. (Ак. Зап. Рос. IV. 481). Но тутъ же Гонсѣвскій свидѣтельствуетъ, что Гермогенъ не разъ ходатайствовалъ у него за Поляковъ, осужденныхъ на смерть за насиліе и обиды Москвитчамъ. Разныя извѣстія о его кончинѣ приведены митр. Макаріемъ въ его «Исторіи Русс. церкви». X. 156—157.

Князь Ив. Андр. Хворостининъ, въ молодости бывшій недостойнымъ фаворитомъ перваго Лжедмитрія, потомъ вольнодумцемъ, впавшимъ въ ересь и заключеннымъ въ Кирилловъ монастырь, въ зрѣлыхъ лѣтахъ обнаружилъ раскаяніе и написалъ «Словеса дней и царей и святителей Московскихъ». Въ этомъ сочиненіи, написанномъ также подъ вліяніемъ патріарха Филарета, онъ особенно прославляетъ Гермогена какъ мученика и страдальца. Когда Поляки сдались, Хворостининъ, по его разсказу, вмѣстѣ съ русскимъ ополченіемъ вошелъ въ Кремль; онъ тотчасъ отправился въ Чудовъ монастырь, и спросилъ оставшуюся тамъ братію, гдѣ погребенъ страдалецъ-патріархъ; поклонился его гробу и много надъ нимъ плакалъ. (Рус. Ист. Библ. XIII. 555). О сочиненіи Гермогена «Явленіе Казанской Богородицы» см. у Мельникова (Нѣск. новыхъ свѣд. о Смутн. врем. въ Москвит. 1850. № 21). Въ Москов. Вѣд. 1893 года № 124. подъ заглавіемъ «Новое археологическое открытіе въ Московскомъ Кремлѣ» сообщено, что въ церкви Михаила Архангела въ Чудовѣ монастырѣ при производствѣ ремонта открыто второе нижнее надземелье или подвалъ бѣлокаменный. Верхній этажъ подвала имѣетъ оконныя просвѣты, а нижній темный, и въ него можно попасть чрезъ особое замурованное отверстіе съ помощью приставной лѣстницы. Тутъ и былъ, какъ полагаютъ, заключенъ Гермогенъ. По сему сообщенію, одна польская брошюра (необозначенная) говоритъ, что ему туда ставили ведро воды и кулъ овса. Тамъ найдены желѣзныя вериги и человѣческіе черепа и кости. Нельзя при этомъ не упомянуть о сѣтованіи многихъ благочестивыхъ Москвитей, что память Гермогена, какъ непреклоннаго патріота и начинателя освободительнаго отъ Поляковъ народнаго движенія, доселѣ не почтена никакимъ памятникомъ, и даже не устроена неугасимая лампада въ мѣстѣ его мученической кончины.

Тоже Иное Сказаніе отзывается о предводительствѣ Заруцкаго въ первомъ ополченіи такими словами: «воевода же надъ казачьими полки былъ Московской служилой рохмистръ панъ Иванъ Заруцкій. И сей бысть нехрабръ и сердцемъ люте, но правамъ лукавъ». (ibid. 126). О Мининѣ оно говоритъ: «Воздвизаетъ бо нѣкоего отъ христіанскаго народа мужа, рода не славна, но смысломъ мудра, его же прозваніе нарицаху Козма Мининъ,

художествомъ бѣше прежде говядарь. Сей по случаю чина чреды своей бысть начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ во братіи своей, рекше посадныхъ людей, въ Нижнемъ Новгородѣ». (Ibid. 127). Ѳеодоръ Андроновъ по указу Сигизмунда въ ноябрѣ 1610 года былъ назначенъ собственно товарищемъ В. П. Головина, казначея на Казенномъ дворѣ. (Акты 3. Рос. VI, стр. 372). О его судьбѣ сообщаетъ Иное Сказаніе: «И вся земли Русскія начальнаго крамолинника Ѳедку Ондропова жива яша и по многому истязанію обѣшенъ бысть, и прочихъ мятежниковъ умучиша съ нимъ». (Ibid 128. Тоже въ Хроногр. второй ред. Изборн. Попова. 202).

О князѣ Пожарскомъ имѣется два мѣстныхъ дѣла, которыя онъ велъ съ княземъ Б. М. Лыковымъ въ 1602 и 1609 гг. (Сборн. Муханова. № 93 и Рус. Истор. Сборн. II. № X). Родословная князей Пожарскихъ приложена къ статьѣ Погодина «О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго» въ Учен. Зап. по 1 и 3 отд. Т. I. Спб. 1852 г. и въ Москвит. того же года, № 19. Относительно вотчинны, въ которой пребывалъ Пожарскій, когда его выбрали воеводою во время ополченія, мнѣнія раздѣляются между Ландехомъ, Гороховецкаго уѣзда (Погодинъ «О мѣстѣ погребенія») и Пурехомъ Балахнинскаго (Смирнова вышеуказ. соч. Мельникова статья «Нижній и Нижегородцы», Гацинскаго «Нижегородская лѣтопись»). Забѣлинъ указываетъ еще на село Мургѣво Суздальскаго уѣзда, лежавшее въ 120 верстахъ отъ Нижняго («Мининъ и Пожарскій». Прим. 14.). Онъ ссылается на писцовыя книги 1630 года, гдѣ Мургѣво показано какъ отда его и дѣда родовая вотчина. Соображеніе его до нѣкоторой степени подтверждается слѣдующими словами Хронографа Столярова: «обрали столника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а князь Дмитрій въ тѣ поры былъ въ отчинѣ своей въ Суздальскомъ уѣздѣ» (Изборн. Ан. Попова. 353). О томъ какъ хорошо организовалось и снабжалось Нижегородское ополченіе, лѣтописи замѣчаютъ слѣдующее: «Кои убо покупаху лошади меншою цѣною, таже лошади побыша мѣсяцъ, тѣжъ продавцы не познаху, тако Богу поспоряюще всѣмъ (Никонов. Нов. лѣт.). «Князь Дм. Михайловичъ да Кузма Мининъ Смоленяны пожаловали денежнымъ жалованьемъ большимъ: первой статьѣ давали по 50 рублевъ, а другой по 45 рублевъ, третьей по 40 рублевъ, а менши 30 рублевъ не было». (Столяровъ хроногр. у Попова. 353 и Лобковскій у Мельникова въ Москвит. 1850. № 21). Что касается сношеній Пожарскаго съ Габсбургскимъ дворомъ, о томъ см. Schreiben des Fürsten Dm. Mich. Poscharsky an d. Römischen Kaiser Mathias aus d. Jaroclaw d. 20 juni. 1612. Изд. Аделунга. Спб. 1840. Также Акты Ист. III. № 6. С. Г. Г. и Д. III. №№ 13, 15, 24. Древ. Рос. Вивл. XV. (Грамота бояръ въ 1613 г. къ цесарскому послу при Польскомъ дворѣ Якобу Мирку).

Войццикій (Pamiętniku do panowania Zygmunta III etc.) указываетъ на вражду Якова Потоцкаго съ литов. гетманомъ Яномъ Каролемъ Ходкевичемъ, которая мѣшала своевременной и дѣйствительной помощи польскому гарнизону въ Москвѣ. Тотъ же авторъ говоритъ о расхищеніи Поляками царской казны въ Кремлѣ. (См. у Соловьева «Дополненія» къ его «Обзору царст. Мих. Ѳеод. Романова». Современ. 1859. Январь). Относительно царскаго казнохранилища и его драгоцѣнностей, которыми за-

вѣдывалъ Ѳ. И. Шереметевъ и которыми платили жалованье (собственно давали въ закладъ) Польскому войску, при чемъ офицеромъ былъ Адамъ Жолкевскій. см. Рус. Ист. Библ. II. №№ 95—97. На съѣздъ 1615 года, на упреки русскихъ пословъ въ расхищеніи царской казны, Поляки отвѣчали: «а казны много ваши же Русскіе люди покрали; кого ни приставили бояре, но мало не каждый, набравши себѣ, за городъ въ поляки утекали». (Акты Зап. Рос. IV. 496). Документы о составленіи конфедерации польскимъ гарнизономъ въ Москвѣ, личною ея составъ и длинную ея переписку о помощи и уплатѣ жалованья съ королемъ, гетманомъ, гизъненскимъ архіепискомъ и пр. см. въ Археогр. Сборникъ—Вилн. Учеб. Округа. IV. Вильна 1867. №№ 78—108. Уже весною 1812 года нѣкоторые остатки Сапѣжинцевъ, возвращавшіеся въ Литву, распространили тамъ преждевременное извѣстіе о взятіи Москвы русскимъ ополченіемъ. (Ibid. VII. Вильна. 1870. № 47).

Что касается до полемики, которую возбудили между русскими писателями Сказаніе Палицына и его личное значеніе въ освободительномъ движеніи, позволимъ себѣ высказать слѣдующее положеніе. Дѣятельное участіе келаря въ этомъ движеніи не подлежитъ сомнѣнію. Но, очевидно, онъ слишкомъ усердно выдвинулъ въ Сказаніи свою дѣятельность на первый планъ, и оставилъ въ тѣни дѣятельность и значеніе архимандрита Діонисія, который несомнѣнно имѣлъ большее сравнительно съ нимъ значеніе и вліяніе на событія. Поэтому извѣстная и прославленная въ нашей отечественной исторіи троечность лицъ, освободившихъ Москву отъ Поляковъ, подлежитъ поправкѣ, т. е. вмѣсто Пожарскій, Мининъ и келарь Авраамій, слѣдуетъ говорить: Пожарскій, Мининъ и архимандритъ Діонисій.

24. С. Г. Г. и Д. I. № 203. III. №№ 1—12. Дополн. къ Акт. Ист. I. № 166. Акты Эксп. III. № 3. Дворц. Разряды. I. 10—106, 1120, 1152—1212. Прилож. №№ 1—67. П. С. Р. Лѣт. V. 63. Палицынъ. Никонов. Нов. Лѣт. Лѣт. о мят. Хронографы въ Изборникѣ А. Попова. Хронографъ кн. Оболенскаго. (Неполный въ Архивѣ Истор. юрид. свѣд. Калачова. 1850. I. 35. А окончаніе его напечатано у Забѣлина «Мининъ и Пожарскій». Прилож. № 16. стр. 310). Др. Рос. Библ. VII. 128. XX. 76 и 79. Иванова «Описаніе Государ. Разряд. Архива». М. 1842. №№ 1—67. Стразенберга *Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm. 1730. Книга объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, составленная въ 1672—73 гг. въ Посольскомъ приказѣ. Издана Коммисіей печатанія Государст. грамотъ и договоровъ при Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. М. 1856. Подъ редакціей П. А. Безсонова, съ предисловіемъ кн. М. А. Оболенскаго. (О составѣ этой книги см. Платонова «Древнерус. сказанія и повѣсти». 319—320.). Вмѣстѣ съ нею изданъ атласъ рисунковъ, изображающихъ сцены избранія и коронованія Михаила Ѳеодоровича. Рисунки эти были исполнены тогда же, т. е. въ 1672—3 гг., царскими иконописцами подъ надзоромъ начальника Посольскаго приказа А. С. Матвѣева. Въ Моск. Архивѣ М. Ин. Д. сохранился и портретъ Михаила Ѳеодоровича, какъ полагаютъ, работы какого то итальян-

лица, и притомъ приблизительно ко времени его избранія; такъ какъ онъ тутъ изображенъ еще безбородымъ юношей. Портреты его родителей въ Романовской галлерей Зимняго Дворца. Они въ изданіи «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ», вмѣстѣ съ біографическими свѣдѣніями и «Очеркомъ исторіи боярскаго дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ». Гравированный портретъ Филарета Никитича приложенъ къ Русскому Архиву. 1882. № 4, съ краткими о немъ біографическими свѣдѣніями. Портретъ его и великой старицы Мары также приложены къ статьѣ И. П. Хрушова «Ксенія Ивановна Романова». Древ. и Нов. Рос. 1876. № 12.

Л и т е р а т у р а. Во первыхъ, труды о Смутномъ времени Костомарова и Соловьева. Но послѣдній о самомъ избраніи Михаила говоритъ слишкомъ коротко и стереотипно. Относительно Земскаго Собора 1613 года: Загоскина «Исторія Права Моск. Госуд.» Т. I. Сергѣевича «Земскіе Соборы въ Московскомъ государствѣ» (Сборн. госуд. знаній. В. Безобразова. Т. II. Спб. 1875). Платонова «Замѣтки по исторіи Московскихъ Соборовъ». Ж. М. Н. Пр. 1883. № 3. Латкина «Земскіе соборы древней Руси». Спб. 1885. А относительно избранія: брошюрка П. Львова «Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова». Спб. 1812. Н. Полеваго «Вступленіе на престолъ царя Михаила Феодоровича». Библиот. для Чт. 1834. Іюль. Далѣе, любопытное изслѣдованіе Н. А. Лавровскаго «Избраніе Михаила Феодоровича на царство» въ «Опытахъ трудовъ студентовъ Главн. Педагог. Института». Спб. 1852. Хмырова историч. очеркъ «Избраніе и вступленіе на царство Михаила Феодоровича Романова». Спб. 1863. Эрвина Бауера Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanow's zum Zaren von Russland. (Зибеля Historische Zeitchrift. 1886). Самое обстоятельное изслѣдованіе принадлежитъ проф. А. И. Маркевичу «Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова». Ж. М. Н. Пр. 1891. Сентябрь и Октябрь. О нетерпѣннѣ народа имѣть царя и требованіи скорѣйшаго его избранія имѣемъ нѣсколько указаній. Троицкія власти писали о томъ вождемъ ополченія въ апрѣлѣ 1612 г. (Ак. Эксп. II. № 202). Самъ Пожарскій писалъ изъ Ярославля о присылкѣ выборныхъ для земскаго совѣта и выбора государя. (Ibid. № 203 и Др. р. Вивл. XV. стр. 189). Масса по поводу избранія Шуйскаго замѣчаетъ, вообще, что «Москва безъ царя не можетъ долго оставаться». (211).

О томъ, что въ числѣ первоначальныхъ кандидатовъ на Соборѣ 1613 г. выступали и главные воеводы того времени, князя Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарскій, имѣются слѣдующія косвенныя указанія. Относительно Трубецкого Костомаровъ въ своей исторіи Смутнаго времени передаетъ словесное сообщеніе А. Θ. Быткова: сей послѣдній читалъ приписку къ одной рукописи; изъ этой приписки, видно, что на соборѣ была рѣчь и объ избраніи Трубецкого. («Москов. разор.» Гл. VII). Кроме того, какъ я слышалъ, преданіе о его кандидатурѣ сохраняется и донинѣ въ семьѣ князей Трубецкихъ. О его притязаніяхъ и очень высокомъ мнѣніи о своемъ значеніи въ то время свидѣтельствуетъ также слѣдующая замѣтка въ послѣсловіи къ одному Евангелію, написанному въ 1612 году: «При благовѣрномъ князѣ Дмитріѣ Тимофеевичѣ Трубецкомъ и при его Державѣ». (Сказанія о родѣ

князей Трубецкихъ». М. 1891. стр. 116). А относительно Пожарскаго имѣемъ свидѣтельство одного сыскаго дѣла 1685 года: о ссорѣ князя Ромодановскаго и дворянина Сумина. Эта ссора имѣла мѣстиническій характеръ. Разобиженный презрительнымъ тономъ Ромодановскаго, Суминъ началъ его бранить за гордость и между прочимъ сказалъ: «Ты не государься и не воцаряйся (т. е. не принимай на себя тонъ государя). Вотъ и братъ твой князь Дмитрій Пожарскій воцарялся и докупался государства, хотѣлъ на Москвѣ государемъ быть. Стоило ему тысячъ въ двадцать». (Чт. О. И. Д. 1848. № 7. стр. 85 и слѣд.). Это единственное свидѣтельство, хотя и сдѣланное въ пылу гнѣва и вражды, однако не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Только цифра 20.000 очевидно преувеличена. По тому времени это была очень большая сумма, и Пожарскій едва ли могъ ею располагать.

Относительно князя В. В. Голицына, любопытно мнѣніе патріарха Гермогена, который выставлялъ его первымъ кандидатомъ послѣ сверженія Шуйскаго. Частнымъ образомъ я слышалъ, будто-бы Гермогенъ самъ былъ изъ рода князей Голицыныхъ, но документальнаго подтвержденія тому не имѣю. (Дм. Мих. Пожарскій во второмъ бракѣ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной; но этотъ бракъ относится къ болѣе позднему времени). Во всякомъ случаѣ въ данное время семья Голицыныхъ пользовалась особымъ почетомъ. Кромѣ Гермогена, Ляпуновыхъ и князя Пожарскаго, засвидѣтельствовавшихъ свою приверженность къ этой семьѣ, можемъ привести еще письмо знаменитаго воеводы М. Б. Шеина къ младшему изъ братьевъ Голицыныхъ князю Андрею Васильевичу, отъ 10 октября 1610 года. «Государю моему князю Ондрею Васильевичу великаго твоего жалованья искатель Михалецъ Шейнъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писати о своемъ здоровьи, чтобы мнѣ твое здоровье слышать, аже, государь, дасть Богъ очи твои государя своего въ радость видѣть; а пожалуешь, государь, похочешь вѣдать о мнѣ, и язь на государевѣ службѣ въ Смоленскѣ, въ осадѣ отъ короля октября на 10 день живъ до воли Божіей; а впередъ, государь, на Божью волю полагаю. Да будетъ, государь князь Ондрѣй Васильевичъ. мнѣ въ осадѣ случится за Бога, да за Государя смерть, и тебѣ бѣ государю моему пожаловать меня во всемъ простить; а тебя, государя моего, во всемъ Богъ простить, а язь тебѣ, государю своему, много челомъ бью». (Акты Ист. II. № 268). Предпринимая отчаянную оборону Смоленска, Шейнъ, очевидно, прощается съ своимъ пріятелемъ и милостивцемъ княземъ Андреемъ Голицынымъ, на случай своей смерти. Въ дѣйствительности онъ пережилъ сего князя болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ. Замѣчательно, что всѣ эти три брата не оставили послѣ себя мужескаго потомства, и послѣдующіе князья Голицыны принадлежать къ другой вѣтви этого рода. (Сергеевскаго «Записки о родѣ князей Голицыныхъ». Спб. 1853. Кн. П. Н. Голицына «Родъ князей Голицыныхъ». I. Спб. 1892).

Что касается письма Ѳ. И. Шереметева къ князю В. В. Голицыну со словами: «выберемъ Мишу Романова» и пр.—объ этомъ письмѣ свидѣтельствовалъ П. И. Меньшиковъ, который видѣлъ его въ собраніи По-

година. Онъ сообщалъ о немъ словесно Костомарову («Москов. разор.» гл. V), а письменно графу С. Д. Шереметеву (А. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». II. стр. 311. Прим. 415). Авторъ Рода Шереметевыхъ «положительно отрицаетъ» достовѣрность сего письма, но голословно или съ единственнымъ замѣчаніемъ, что оно было отправлено князю В. В. Голицыну, «который между прочимъ и самъ мѣтилъ на Московскій престолъ». Во первыхъ, нѣтъ причины не вѣрить двукратному свидѣтельству Мельникова, который не могъ имѣть никакихъ основаній выдумывать что либо подобное; а во вторыхъ, онъ тогда и самъ еще не могъ знать, до какой степени это письмо соответствовало обстоятельствамъ и образу дѣйствія Романовыхъ вообще и Ѳ. И. Шереметева въ особенности — что открывается только теперь при болѣе тщательномъ и критическомъ ихъ разсмотрѣніи. А что такое письмо было послано или предназначалась В. В. Голицыну, то именно для него, какъ неудавшагося претендента, оно показываетъ явное желаніе смягчить непріятность сообщенія, позолотить пылюю.

Относительно извѣстія Страленберга о перепискѣ Ѳ. И. Шереметева съ плѣннымъ Филаретомъ Никитичемъ объ избраніи царя, г. Барсуковъ въ своемъ означенномъ сочиненіи говоритъ слѣдующее: «Въ архивѣ графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева намъ удалось найти указаніе на эту драгоцѣнную переписку. Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ въ отвѣтномъ письмѣ къ графу Безбородку отъ 3 мая 1789 года писалъ между прочимъ слѣдующее: „Съ истиннымъ усердіемъ старался я по писанію вашего сіятельства прискать желаемыя вами письма патріарха Филарета Никитича, писанныя предку моему, но къ сожалѣнію не могъ еще ихъ отыскать. Я прошу однакожь ваше сіятельство дать мнѣ еще нѣкоторое время поискать ихъ въ старинныхъ бумагахъ нашихъ, которыя при настоящей домѣ дому покойнаго родителя моего нѣсколько отъ размѣщенія перемѣшаны“. Но — прибавляетъ г. Барсуковъ — всѣ наши развѣдки о данной перепискѣ доселѣ остаются тщетными». (Родъ Шереметевыхъ. II. 257). Онъ полагаетъ, что отецъ Николая Петровича графъ Петръ Борисовичъ показывалъ эту переписку императрицѣ Екатеринѣ, и что она въ своемъ Антидотѣ вѣроятно на основаніи знакомства съ перепискою хвалитъ Ѳ. И. Шереметева, какъ одного изъ русскихъ патріотовъ, «спасшихъ родину отъ Поляковъ, давшихъ ей государя и возвратившихъ ей миръ». Указанное мѣсто Антидота, хотя касается Шереметева вскользь и глухо, однако возбуждаетъ вопросъ, почему Екатерина ставитъ его рядомъ съ Аврааміемъ Палицынымъ, Козьмою Мининымъ и княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ? Почему она князя Трубецкого (конечно, Дмитрія Тимоф., а не Сергѣя) упоминаетъ, а о князѣ Пожарскомъ умалчиваетъ? («Осьмнадцатый вѣкъ». Изд. П. И. Бартечева. IV. 292).

«Утвержденная Грамота» объ избраніи Михаила Ѳеодоровича издана въ Древн. Росс. Вивл. (V перв. изд. и VII второго) и въ С. Г. Г. и Д. I. № 203. Подлинникъ ея, хранившійся въ Государственномъ архивѣ, очень ветхій, представляетъ огромный столбецъ, склеенный изъ девяти александрійскихъ листовъ. Онъ снабженъ 273 подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; самое большее число принадлежитъ дворянамъ, 102.

Изъ десяти привѣшанныхъ къ грамотѣ восковыхъ печатей высшаго духовенства сохранились только три архіепископскихъ. Грамота обозначена 11 мая 1613 года, но очевидно, заднимъ числомъ; на что прямо указываютъ нѣкоторыя подписи. Такъ здѣсь подписались боярами князья Пожарскій, Черкасскій и Ив. Одоевскій, а также Борисъ Салтыковъ; между тѣмъ Пожарскій и Черкасскій пожалованы въ бояре въ день вѣнчанія, т. е. 11 іюля, а Одоевскій и Салтыковъ получили боярство только въ 1614 году (Древ. Рос. Вивл. XX. 89). Слѣдовательно грамота сочинялась и редактировалась довольно долгое время, причемъ соборныя подписи ея могли также прикладываться разновременно; ибо, какъ извѣстно, Земская Дума, избравшая Михаила, существовала нѣсколько лѣтъ. Грамота очень пространныя и риторична. Во введеніи къ ней заключается краткое изложеніе Русской исторіи отъ Рюрика до Ѳедора Ивановича. Затѣмъ слѣдуетъ многословное изложеніе главныхъ событій Смутнаго времени; причемъ замѣтно явное стараніе выдвинуть на передній планъ Филарета Никитича. Такъ повѣствуется, что когда Москвичи Василія Шуйскаго свели съ престола и приступили къ избранію Владислава, то преосвященный Филаретъ выѣхалъ на Лобное мѣсто и зывалъ къ народу, утѣшая его не вѣрить клятвѣмъ и обѣщаніямъ Сигизмунда, злоумышляющаго противъ православноѣ вѣры. Но, сколько намъ извѣстно, другіе источники о такомъ воззваніи не говорятъ. Далѣе грамота неоднократно и съ особымъ удареніемъ указываетъ на то, что осажденные въ Китай-городѣ и Кремлѣ Поляки держали юнаго Михаила Ѳедоровича и мать его иноку Марю Ивановну въ неволѣ «за крѣпкими приставами», морили ихъ голодомъ и умышляли на его жизнь; о чемъ люди Московскаго государства «скорбѣли и всякими мѣрами промышляли, чтобы его Государя отъ такового злого плѣненія освободить». По поводу Земской Думы, занявшейся избраніемъ царя, говорится, будто Шведскій король еще прежде писалъ въ Москву, чтобы не выбирали никого изъ иныхъ земель, ни польскаго, ни татарскаго рода, а выбирали бы изъ русскаго, и притомъ родственника прежнимъ государямъ. (Впрочемъ такой совѣтъ былъ возможенъ ради того, чтобы устранить кандидатуру Владислава). Избраніе Михаила съ самаго начала изображается единодушнымъ, и о другихъ кандидатахъ не упоминается. Въ концѣ подробно описываются переговоры Московскаго посольства съ великою старицею Марею въ Ипатьевскомъ монастырѣ и ихъ заключеніе. Вообще грамота составлена искусно и краснорѣчиво. Авторъ «Замѣчаній объ осадѣ Троицкой-Лавры» (Москв. 1844. № 6) указалъ на нѣкоторое ея сходство съ Грамотою Утвержденною объ избраніи Бориса Годунова. Послѣднюю см. въ Древ. Рос. Вивл. VII и въ Акт. Эксп. II, № 7. Тутъ сказано, что рукоприкладства сдѣланы на двухъ экземплярахъ грамоты; одинъ хранился въ царской казнѣ, а другой въ патриаршей ризницѣ. Надобно полагать, что и утвержденная грамота Михаила была также написана по крайней мѣрѣ въ двухъ экземплярахъ, снабженныхъ всѣми рукоприкладствами. Любопытно извѣстіе Стоярова хронографа, что въ Ипатьевскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ и Марею жили Борисъ и Михайло Михайловичи Салтыковы (Изборн. 357).

Напомнимъ вкратцѣ предшествоващія судьбы фамиліи Романовыхъ.

По родословнымъ книгамъ Романовы-Юрьевы считаются потомками какихъ то знатныхъ выходцевъ изъ Пруссіи, прибывшихъ въ XIII столѣтіи, слѣдовательно иноземнаго происхожденія. Мною уже было указано, что тенденція бояръ выводить своихъ предковъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ явилась какъ подражаніе царствующему дому, который согласно съ лѣтописной легендой велъ свое происхожденіе отъ знатныхъ Варяговъ; а въ XVI вѣкѣ эта легенда видоизмѣнилась желаніемъ Василія Ивановича и Ивана Грознаго произвести свой родъ отъ миенческаго Пруса, брата римскаго императора Августа. По всей вѣроятности въ подражаніе своимъ царямъ въ томъ же столѣтіи нѣкоторыя боярскія фамиліи, въ ихъ числѣ и Романовы-Юрьевы, въ родословныхъ начали показывать своихъ предковъ «связанными изъ Прусь». (См. мою «Исторію Россіи». Т. III. стр. 417. Прим. 74). Если отбросимъ этотъ легендарный генеалогическій наростъ, то должны считать Романовыхъ фамиліей чисто русскаго происхожденія. Самымъ крупнымъ или наиболѣе извѣстнымъ предкомъ ихъ является Андрей Кобыла, бояринъ временъ Симеона Гордаго, въ первой половинѣ XIV вѣка. Потомство его съ теченіемъ времени такъ развѣтвилось, что насчитываютъ болѣе 20 происшедшихъ отъ него боярскихъ и дворянскихъ родовъ. Кромѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ сюда относятся Шереметевы, Жеребцовы, Беззубцевы, Колычовы, Ладыгины, Неплюевы и т. д.

Возвышенію Захарьиныхъ-Юрьевыхъ въ особенности способствовалъ бракъ Ивана IV съ Анастасіей Романовной, лицо которой въ Русской исторіи окружено свѣтлымъ ореоломъ. Не мало также поднялъ значеніе своей фамиліи ея братъ Никита Романовичъ, который и послѣ смерти своей сестры, во время страшныхъ опалъ и казней Грознаго, сумѣлъ до конца сохранить и уваженіе самого тирана, и уваженіе народное, такъ что сдѣлался однимъ изъ героевъ народныхъ былинъ Московскаго цикла. Послѣ его смерти (въ 1586 г.) его высокое значеніе вполнѣ наслѣдовали пять достойныхъ сыновей. О степени ихъ популярности можно судить уже по тому, что народъ называлъ ихъ неполными именами, а говорилъ просто Никитичи, т. е. однимъ отечествомъ, по имени своего любимца Никиты Романовича; о томъ свидѣлствуютъ какъ иноземные, такъ и туземные источники (напримѣръ, Буссовъ-Беръ, Палицынъ, Допросъ польскихъ пословъ — въ Акт. Зап. Росс. IV). Изъ пяти братьевъ особенно выдавался своимъ умомъ, характеромъ и способностями старшій Федоръ Никитичъ. И уже тотчасъ съ прекращеніемъ Рюрикова дома на передній планъ выступила его кандидатура, какъ двоюроднаго брата послѣднему Рюриковичу Федору Ивановичу. Но тогда ее превозмогла кандидатура шурина, т. е. Бориса Годунова, потому что власть фактически уже находилась въ его рукахъ, а юридически въ рукахъ его сестры вдовствующей царяцѣ Ирины. Годуновъ естественно не считалъ свою династію упроченною, пока существовали главные ея соперники, т. е. Романовы, и онъ принялся ихъ гнать съ особою энергіей, особенно когда до него дошла глухая вѣсть о какомъ то ихъ участіи при вызовѣ на сцену тѣни царевича Димитрія. Какъ извѣстно, подстроено было обвиненіе въ умышленіи на царское здоровье, и всѣ пять братьевъ разсланы въ заточеніе; причемъ самый опасный изъ

ніи: «Памяти Ивана Сусанина». Кострома 1882. Съ приложеніемъ топографическихъ плановъ. (Второе исправленное и дополненное изданіе. Рязань. 1884). Это изслѣдованіе разбиваетъ оба главных основанія Костомарова, т.-е. довольно убѣдительно доказываетъ, что польско-литовскія шайки въ томъ краю были, и вновь подтверждаетъ, что Михаилъ съ матерью пребывали тогда не въ самой Костромѣ, а въ Костромскомъ уѣздѣ. Мы только не находимъ правдоподобнымъ рассказъ какой-то неизвѣстной рукописи, повторяемый Домнинскимъ и Самариновымъ, о томъ, что Сусанинъ при появленіи польской шайки скрылъ Михаила «въ ямѣ Деревнищенскаго овина, за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ яму обгорѣлыми бревнами», и что вообще Михаилъ скрывался въ сельскихъ тайникахъ до ухода Поляковъ (65 — 67 стр. второго изданія). Полагаемъ болѣе вѣроятнымъ, что Сусанинъ посредствомъ своего зятя Сабинина успѣлъ вовремя извѣстить Михаила и мать его объ опасности и что они просто поспѣшили уѣхать въ Кострому.

Въ пользу данного факта можно привести еще слѣдующее. Подвигъ Сусанина не былъ одиночнымъ явленіемъ въ ту эпоху; о чемъ свидѣтельствуетъ записка подполка Маскевича. Онъ рассказываетъ, какъ однажды въ мартѣ 1611 года самъ едва не погибъ со своимъ отрядомъ, потому что проводникъ его, старый русскій крестьянинъ, навелъ было Поляковъ прямо на русское войско; случайно они вовремя узнали правду, и проводнику отрубили голову. (Сказ. Совр. о Дим. Самоз. V. 118). На этотъ случай указалъ И. Е. Забѣлинъ въ статьѣ «Безвѣстный герой Смутнаго времени», т. е. затворникъ Иринархъ (См. «Мининъ и Пожарскій» 272). Подобные подвиги личнаго самопожертвованія совершенно соотвѣтствуютъ наступившему въ концѣ Смутной эпохи сильному подъему народнаго духа и, охватившему почти всѣ слои русскаго населенія, страстному желанію освободить свою родину отъ угнетавшихъ ее иноземцевъ. Да и самъ Костомаровъ въ названномъ изслѣдованіи о Сусанинѣ приводитъ изъ событій 1648 года подвигъ южно-русскаго крестьянина Никиты Галагана, который умышленно завелъ польское войско въ болота и лѣсныя трупы, чѣмъ способствовалъ ихъ пораженію отъ казаковъ.

Три вышеуказанныя грамоты Михаила Ѳеодоровича, относящіяся къ Богдану Сабинину и его семьѣ, я имѣю возможность пополнить еще четвертою, благодаря любезному сообщенію С. А. Бѣлокурова, который въ Дворцовомъ Архивѣ (Оружейной Палатѣ) нашелъ слѣдующій документъ 1632 года:

«Лѣта 7140-го, февраля въ 6 день. По государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу окольничему князю Алексѣю Михайловичу Львову, да дьякамъ Гарасиму Мартемьянову, да Максиму Чиркову. Велѣти имъ отписать къ Василию Ивановичу Стрѣшневу да къ дьяку къ Сурьянину Тараканову: блаженныя памяти великая государыня инока Марѳа Ивановна по своей государской думѣ вкладу въ монастырь къ Спасу на Новое въ Костромскомъ уѣздѣ дворцовое село Домнино съ приселками ли и деревнями дала или дала одно то село? И того села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чомъ тово дворцоваго села Домнина живетъ крестьянинъ Богдашко Сабининъ, полторы чети выти съ тѣмъ же селомъ Домниннымъ въ монастырь дано или дано то село oprичъ той деревни?»

Кстати о награжденіи князя Д. М. Пожарскаго. Кромѣ сана боярина, за нимъ утверждены въ вотчину, пожалованныя за «Московское сидѣніе» В. Шуйскимъ, села Нижній и Верхній Лавдехъ съ деревнями и слободка Холуй въ Суздальскомъ уѣздѣ (т. е. въ Суздальскомъ того времени, С. Г. Г. и Д. III. № 56 и Владим. Губ. Вѣд. Май. 1852. № 11); да еще дано было «за службишку и за кровь и за Московское очищеніе въ Резанскомъ уѣздѣ вотчина село Коварь пять сотъ четвертей». (Времен. Об. И. и Др. IV. Помѣсти. дѣла). А Козьма Мининъ, кромѣ сана думнаго дворянина, пожалованъ селомъ Богородицкимъ съ деревнями въ Нижегородскомъ уѣздѣ. (Акты Эксп. III. № 83). Но богаче ихъ обоихъ награжденъ былъ князь Д. Т. Трубецкой. Кромѣ пожалованнаго ему Тушинскимъ вормомъ и «оставленнаго за нимъ боярскаго сана, Земская Дума 1618 года дала ему грамоту на обширныя земли по р. Вагѣ, который при Годуновѣ состояли за Годуновыми, а при Шуйскомъ за Шуйскими. (Др. Рос. Вивл. XV. Сказ. о родѣ кн. Трубецкихъ. Прилож. № 8). Что касается бояръ, отличившихся своими измѣнами и крамолами въ Смутное время, невидно, чтобы они подверглись наказанію съ востановленіемъ государственнаго порядка. Изъ невзятыхъ измѣнниковъ имѣемъ извѣстіе только о казни Андропова. Казанскій дьякъ Никаноръ Шульгинъ, возбуждавшій Казанцевъ не присягать новонабранному царю Михаилу, былъ ими самими схваченъ въ Свияжскѣ и отправленъ въ Москву, откуда его сослали въ Сибирь. (Лѣт. о мят. Никонов.).

Теперь перейдемъ къ вопросу о тѣхъ ограничительныхъ условіяхъ, которыя были предложены боярами Михаилу при его избраніи. О нихъ мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій. Наиболее подробное извѣстіе принадлежит Страленбергу и помѣщено въ его сочиненіи о Сѣверовосточной Европѣ и Азіи (*Das Nord—und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730*). Страленбергъ былъ Шведъ, взятый въ плѣнъ при Полтавѣ и вмѣстѣ съ другими плѣнными отправленный въ Сибирь. Оттуда онъ освободился по заключеніи Ништадскаго мира и на обратномъ пути въ Швецію останавливался въ Москвѣ. Тутъ онъ могъ собрать нѣсколько данныхъ, относящихся къ избранію Михаила, со времени котораго прошло съ небольшимъ сто лѣтъ. Выше мы говорили о письмѣ Филарета Никитича къ Ѳ. И. Шереметеву съ совѣтомъ выбрать царя на извѣстныхъ условіяхъ. Объ этомъ письмѣ сообщаетъ именно Страленбергъ со словъ какого то лица, который видѣлъ письмо въ подлинникѣ у фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Онъ говоритъ, что Филаретъ Никитичъ писалъ его изъ Маріенбургской крѣпости (въ Пруссіи), гдѣ тогда содержался (стр. 203 и д. Заключение его именно въ Маріенбургъ подтверждаетъ Пясецкій). Передавъ содержаніе письма, Страленбергъ рассказываетъ далѣе объ избраніи Михаила на царство, съ нѣкоторыми явными промахами и неточностями, но въ общемъ довольно достоверно. Оканчиваетъ онъ свой разсказъ изложеніемъ тѣхъ условій, которыя по его показанію Михаилъ принялъ и подписалъ передъ своимъ коронованіемъ. Условія эти слѣдующія: 1) Блюсти и охранять (православную) церковь. 2) Предать забвенію всѣ

обыды, причиненныя отцу Михаила и вообще его фамиліи. 3) Не отмѣнять старыхъ законовъ и не создавать новыхъ (подразумѣвается, безъ согласія Боярской думы). 4) Важныя дѣла или искъ рѣшать не по собственному усмотрѣнію, а по закону правильнымъ судомъ. 5) Также не предпринимать войны и не заключать мира по собственному усмотрѣнію (а, конечно, по согласію съ Боярскою Думою). И наконецъ въ 6) Имѣніе свое или отдать родственникамъ, или присоединить къ государственнымъ имуществамъ (203—209. У Страленберга собственно пять пунктовъ; но третій пунктъ самъ собою распадается на два).

Затѣмъ извѣстіе объ ограничительной записи, данной Михаиломъ Теодоровичемъ, принадлежитъ также иностранному писателю о Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, Фокеродту. («Россія при Петрѣ Великомъ» Переводъ съ нѣмецкаго Шемякина. Чт. О. И. и Д. 1874. Кн. 2. стр. 21—22). Но по всей вѣроятности онъ заимствовалъ это извѣстіе у того же Страленберга, своего старшаго современника. Въ свою очередь тоже извѣстіе уже со словъ Фокеродта повторяется въ дополненіи къ Запискамъ Маистейна, принадлежащемъ графу Миниху-сыну. (Рус. Стар. 1875, № 12. Прилож. Историч. Вѣст. 1886. № 7). А вѣроятно со словъ Миниха опять тоже повторяетъ губернёръ его дѣтей Шмидтъ Физельдекъ въ своихъ *Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen*. (3. B-de. Frankfurt und Leipzig. 1777—1778. II. 15). Слѣдовательно данная группа иностранныхъ извѣстій въ сущности сводится къ одному и тому же источнику.

Въ параллель съ этой иностранной группой мы имѣемъ нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ собственно русскихъ и притомъ отъ Страленберга совершенно независимыхъ.

Во первыхъ, Псковская дѣтопись. Тамъ по поводу водаренія Михаила Теодоровича съ негодованіемъ говорится о поведеніи бояръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Царя ни во что же вмѣниша и не бояшеса его, понеже дѣтескъ сый. Еще же и лестію уловише: первое егда его на царство посадиша, и къ ротѣ (т. е. присягѣ) привелоша, еже отъ нихъ вельможска роду и боярская, аще и вина будетъ преступленіе ихъ не казнити ихъ, но розсылати въ затоки». Далѣе онъ поясняетъ, что бояре при семъ имѣли въ умѣ своимъ ходатайствомъ потомъ возвращать опальнаго изъ заточенія. (П. С. Р. Л. V. 64—66). Очевидно дѣтописецъ, современный Михаилу и жившій во Псковѣ, не зналъ вполнѣ о записи данной юнымъ царемъ, но слышалъ о ней, по крайней мѣрѣ о томъ условіи, которымъ бояре старались предохранить себя отъ царскихъ опалъ и казней. И это условіе совершенно повторяетъ подобное обѣщаніе, которое было дано Шуйскимъ при его водареніи.

Вторымъ русскимъ источникомъ по вопросу объ ограничительной записи, источникомъ вполнѣ самостоятельнымъ, является Котошихинъ, московскій подъячій Посольскаго приказа временъ Алексія Михайловича, бѣжавшій въ Швецію и тамъ по порученію шведскаго правительства написавшій любопытное сочиненіе о Россіи. Коснувшись вопроса о царскомъ самодержавіи, онъ говоритъ, что послѣ Ивана Васильевича цари при своемъ

25. Любопытно, что уже наиболѣе наблюдательные изъ русскихъ современниковъ Смуты связывали ее съ тиранствами Ивана Грознаго и усматривали въ его дѣяніяхъ главную ея причину. Такъ дьякъ Тимофеевъ въ первой главѣ своего «Временника» съ горечью вспоминаетъ раздѣленіе государства на земщину и опричину («всю землю державы своея яко сѣкирою на полы разсѣче»), изобрѣтеніе потѣшнаго государя (Симеона Бекбулатовича), истребленіе бояръ, пристрастіе къ чужеземнымъ врачамъ, убіеніе сына и пр. «Симъ смате люди вся... земли всей великъ расколъ сотвори... симъ раздѣленіемъ, мню, нынѣшняя вся земля розгласіе яко прообразуя оттуду до здѣ: самъ тогда на ню руку не благословля наложѣ, даже оно и донныѣ неутверженнымъ отъ грѣхъ колеблемо». (Рус. Ист. Библ. XIII. 271).

Что касается самыхъ разнообразныхъ и невѣроятныхъ слуховъ, которыми было подвержено населеніе областей въ Смутную эпоху, наглядный примѣръ тому представляетъ слѣдующее сообщеніе въ «Путешествіи» Ѳомы Смита. Весною 1605 года, возвращаясь въ Англію, посолъ въ Ярославѣ получилъ извѣстіе о внезапной кончинѣ Бориса Годунова, и это обстоятельство нѣсколько замедлило его путешествіе. Въ Вологдѣ мѣстные власти, по приказу изъ Москвы, относились къ посольству съ большою предупредительностію, и, когда онѣ снаряжали удобныя ладьи для рѣчного плаванія посла до Архангельска, то въ населеніи распространился слухъ, что въ посольской свитѣ находится царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ, переодѣтый въ англійское платье и намѣревающийся уѣхать въ Англію. (65 стр. рус. перевода). Кстати: въ Двинскомъ лѣтописцѣ есть извѣстіе о прибытіи къ Архангельску 18 мая 1605 года, «аглинскаго посла Томаса Ѳомина» и отпущъ его въ Москву 6 іюля. (Древ. Рос. Вивл. XVIII. 17). Эти даты не совпадаютъ съ показаніями «Путешествія».

Относительно широкаго участія Западной Руси въ Московской смутѣ и относительно принадлежности къ православію большинства вторгнувшихся въ Московскую землю «литовскихъ людей», нельзя не указать на то, что такое важное явленіе доселѣ оставалось въ тѣни въ трудахъ, какъ по общерусской исторіи, такъ и специально посвященныхъ сей эпохѣ. А между тѣмъ этимъ фактомъ въ значительной степени можно объяснить ту легкость сближенія литовскихъ людей съ московскими измѣнниками и ту преданность вторыхъ первымъ, на которыя такъ жалуется Авраамій Палицынъ.

До какой степени потрясенія и перевороты, испытанные въ сію эпоху, поразили умы Русскаго народа, о томъ можно судить и по народному пѣсенному творчеству. Смутное время произвело, напримѣръ, весьма замѣтное наслоеніе въ нашемъ былинномъ эпосѣ. Такъ съ этого времени въ немъ появляются: «люторы», т. е. лютеране, Маринка въ качествѣ жены чародѣйки, казачество Ильи Муромца и т. д. См. мою статью «Богатырь-казакъ Ильи Муромецъ какъ историческое лицо». (Рус. Архивъ. 1893. № 5). Тамъ указано и вообще на первенствующую роль казачества въ Смутную эпоху: на него главнымъ образомъ опирались всѣ самозванцы.

ВОПРОСЪ О ЛИЧНОСТИ И РУКОВОДИТЕЛЯХЪ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Разногласіе источниковъ.—Извѣстіе Буссова.—Обзоръ разныхъ мнѣній въ русской литературѣ.—Вопросъ о тождествѣ Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ.—Костомаровъ и Бицинъ.—О. Пирлингъ.—Послѣдующія мнѣнія.—Сущность моихъ выводовъ.—Несостоятельность предположенія о подготовкѣ самозванца боярами.—Мои доводы противъ тождества съ Гр. Отрепьевымъ, въ пользу происхожденія Лжедмитрія изъ Западной Руси и его ранняго ополченія.—Маржеретъ противъ его подготовки іезуитами.—Свидѣтельства, подтверждающія польскую самозванческую интригу.—Извѣтъ Варлаама и неподлинность названнаго Дмитрія.

Личность перваго Лжедмитрія и происхожденіе его самозванства издавна возбуждали пытливость историческихъ писателей и породили значительную литературу; мнѣнія и догадки о немъ высказывались очень разнообразныя.

Нѣкоторые иностранные источники называютъ самозванца истиннымъ царевичемъ; именно: Маржеретъ, Паэрле, Бареццо-Барецци, Гревенбрухъ, Геркманъ, Тома Смитъ и первыя двѣ записки изъ трехъ, изданныхъ гр. Растопчинымъ въ 1862 г. Склоняются къ тому же мнѣнію вообще писатели-іезуиты; напримѣръ, Поссевинъ (его письмо къ великому герцогу Тосканскому у Чампи въ *Esame critico*) и Велевицкій (пользовавшійся дневникомъ патера Савицкаго), а въ наше время даже такой основательный изслѣдователь какъ о. Пирлингъ. Въ особенности это мнѣніе поддерживали польскіе историки и компиляторы, напримѣръ, такъ называемый «Дневникъ Марины» (Устрялова, «Сказ. современ.» IV), Маскевичъ (*ibid.* V), Товянскій, (Когновицкаго *Zycia Sapiebow* II. 63—70) и Нѣмцевичъ (*Dzieje panowania Zygmunta III*). Но рассказы о спасеніи маленькаго царевича отъ смерти въ Угличѣ такъ противорѣчатъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и отзываются такимъ баснословіемъ, что не заслуживаютъ даже серьезнаго опроверженія. Затѣмъ всѣ русскіе источники, т. е. лѣтописи, хронографы, сказанія, грамоты, выдають самозванца за Гришку Отрепьева, бѣглаго московскаго монаха, называя его иногда просто «Разстригою». Особенно наглядно и какъ бы фактически подтверждалось это мнѣніе челобитною царю Василию Шуйскому или такъ называемымъ «извѣтомъ» чернеца Варлаама Яцкаго, въ которомъ довольно подробно рассказываются похождения Лжедмитрія со времени его бѣгства изъ Москвы и начало его самозванства. Это мнѣніе о тождествѣ Гришки Отрепьева и Самозванца такъ настойчиво проводилось въ Москвѣ того времени,

что оно было усвоено и нѣкоторыми иностранцами-современниками въ ихъ запискахъ, каковы, напримѣръ, Масса, Петрей, Шаумъ, Делявидъ и даже Жолкевскій. Оно проникло въ русскую историографію и долго въ ней господствовало, какъ у гражданскихъ историковъ, Миллера, Щербатова, Карамзина, Арцыбашева, Бутурлина, Соловьева, гр. Толстого («Католицизмъ въ Россіи»), такъ и у церковныхъ, отчасти у Платона, вполнѣ у Филарета и Макарія. Изъ нихъ только Миллеръ колебался и, если вѣрить свидѣтельству англичанина Кокса, въ частныхъ разговорахъ склонялся къ тому, что Самозванецъ былъ истиннымъ царевичемъ. («Рус. Стар.» 1877. № 2, стр. 321).

Только немногіе иностранные источники указываютъ на иноземное происхожденіе Лжедмитрія. Буссовъ сообщаетъ слѣдующее: многіе знатные польскіе вельможи открыли ему, что Самозванецъ былъ побочный сынъ Стефапа Баторія; а Янъ Сапѣга однажды за столомъ, хвастая польскою храбростію, прямо сказалъ, что Поляки посадили на Московскій тронъ самозванца (*Reg rossic. script. ext. I. 19 и 63. И хроника Бера у Устрялова въ «Сказ. соврем.» I. 52 и 104. Тутъ Сапѣга называлъ самозванца «бродягою»*). По словамъ Видекинда, нѣкоторые думали, что Лжедмитрій родомъ валахъ, а другіе приписывали ему итальянское происхожденіе (*Hist. Belli Sveco-Moscovitici. 21*). Маржеретъ также упоминаетъ, что нѣкоторые считали его или полякомъ, или трансильванцемъ (у Устрялова 103 стр.). Итальянецъ Чилли, лично видѣвшій Лжедмитрія, къ сожалѣнію ничего не говоритъ о его происхожденіи, а просто считаетъ его самозванцемъ (*Hist. di Moscovia*). Епископъ Пясецкій также считаетъ его самозванцемъ.

Въ русской исторической литературѣ критическое отношеніе къ личности Лжедмитрія и къ распространенному разсказу о происхожденіи его самозванства началось собственно съ митрополита Платона, который въ своей «Краткой Россійской церковной исторіи» высказываетъ мнѣніе, что самозванецъ былъ неизвѣстно кто, можетъ быть и Отрепьевъ, но во всякомъ случаѣ лицо, заранѣе подготовленное къ своей роли въ Польшѣ іезуитами, вообще врагами Россіи. (Краткая Церков. Рос. Ист. Т. II, гл. LXI—LXVIII). Затѣмъ А. Θ. Малиновскій отрицалъ тождество этихъ двухъ лицъ и полагалъ, что Лжедмитрій съ дѣтства былъ подготовленъ въ Польшѣ («Біографич. свѣдѣн. о кн. Д. М. Пожарскомъ». М. 1817. 12—15). Археографъ Беренниковъ первый высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности «Извѣта» старца Варлаама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тождествѣ Лжедмитрія съ Гришкою Отрепьевымъ («Ж. М. Н. Пр.» 1835. Ч. VII. 118—120). Несмотря на сіи критическія попытки, Соловьевъ наоборотъ вполнѣ вѣрилъ въ это тождество и считалъ «Извѣтъ» непререкаемымъ источникомъ. Онъ полагалъ, что самозванца приготовили московскіе бояре, желавшіе свергнуть Годунова, а іезуиты имъ только воспользовались. Относительно подготовки боярами онъ повторяетъ предположеніе кн. Щербатова (Рос. Ист. XIII. 205); но пошелъ еще далѣе въ своихъ догадкахъ, и утверждалъ, что самозванецъ приготовленъ уже въ дѣтствѣ, и потому самъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ истинный царевичъ Дмитрій, слѣдовательно онъ не былъ сознательнымъ обманщикомъ (Ист. Рос. VIII, Гл. 2). Это свое мнѣніе нашъ историкъ пытался построить на весьма шаткихъ основаніяхъ, въ родѣ того, что еслибы самозванецъ зналъ о своемъ обманѣ,

то не дѣйствовалъ бы съ такою увѣренностью въ своихъ правахъ. Какъ будто можно назначить предѣлы хорошему актеру, во-первыхъ; а во-вторыхъ, видъ увѣренности онъ получилъ только по достиженіи успѣха; первые же его шаги, по всѣмъ признакамъ, совсѣмъ не отличались увѣренностію. Въ-третьихъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ является какое-то соглашеніе бояръ съ іезуитами и совсѣмъ непонятнымъ его переходъ отъ бояръ къ іезуитамъ съ увѣренностію въ своемъ царственномъ происхожденіи. Въ-четвертыхъ, наконецъ, исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ сознательныхъ самозванцевъ съ подобными же чертами. Рядъ такихъ примѣровъ см. у проф. Брикнера *Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands* (Гл. I: *Zur Naturgeschichte der Prätendenten*). Leipzig. 1887. Оказывается однако, что самозванцами особенно изобилуетъ Русская исторія. (Авторъ впрочемъ упустилъ изъ виду группу самозванцевъ Молдовалахскихъ). Послѣ Смутаго времени второю эпохою самозванства были у насъ 60-е и 70-е годы XVIII столѣтія, т. е. эпоха Лжепетровъ III. Прибавлю отъ себя, что изъ этихъ Лжепетровъ къ первому Лжедмитрію по характеру и успѣху наиболѣе подходитъ Степанъ Малый, дѣйствовавшій въ Черногоріи.

Костомаровъ посвятилъ особое изслѣдованіе вопросу: «Кто былъ первый Лжедмитрій?» (Спб. 1864). Одинъ изъ главныхъ выводовъ его заключается въ томъ, что Лжедмитрій и Григорій Отрепьевъ были два разные лица. Это положеніе было доказано имъ только до извѣстной степени; причеъ онъ предполагаетъ въ самозванцѣ все-таки человѣка изъ Московской Руси. Затѣмъ онъ, подобно Соловьеву, полагаетъ, что самозванца съ дѣтства подготовили московскіе бояре, и что онъ самъ «вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе». Но въ послѣдствіи въ своемъ «Смутномъ времени» онъ отказался отъ послѣдняго мнѣнія и ближе подошелъ къ истинѣ, предполагая, что самозванецъ приготовленъ въ Западной Руси Поляками; но не опредѣляетъ, кѣмъ именно, и повидимому считаетъ его самого полякомъ. По поводу перваго изслѣдованія Костомарова появилась брошюра студента (въ послѣдствіи профессора) В. С. Иконникова, почти подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Кто былъ первый самозванецъ?» (Изъ «Кіев. Универс. Извѣстій». 1865 г.). Брошюра эта склоняется въ пользу мнѣнія, что Отрепьевъ и Лжедмитрій были два разные лица. Одновременно съ изслѣдованіемъ Костомарова вышло пространное разсужденіе Бицина (псевдонимъ Н. М. Павлова), озаглавленный «Правда о Лжедмитріи» (Газета «День». 1864). Разсужденіе это исполнено многихъ остроумныхъ соображеній и догадокъ. А главный его выводъ заключается въ томъ, что бояре въ Москвѣ приготовили Гришку Отрепьева и отправили его въ Польшу; но изъ Польши, къ ихъ удивленію, пришло подъ именемъ Дмитрія другое лицо, приготовленное іезуитами съ цѣлію введенія въ Россію уніи. Любопытна происшедшая отсюда полемика между Костомаровымъ и Бицинымъ (перепечатана въ «Рус. Арх.» 1886 г. № 8). Костомаровъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній; онъ отрицаетъ, чтобы бояре приготовили самозванца въ лицѣ Гришки Отрепьева; отрицаетъ и подготовку его іезуитами. Усердными противниками трехъ названныхъ писателей и поборниками господствовавшего прежде мнѣнія о тождествѣ перваго Лжедмитрія съ Отрепьевымъ выступили, во-первыхъ, Добротворскій («Вѣстникъ Запад. Рос.» 1866 г. №№ 6 и 7), во-вторыхъ проф. Казан-

скій («Рус. Вѣстн.» 1877 г. №№ 8—10); но ихъ защита стараго мнѣнія нисколько неубѣдительна.

Весьма видное мѣсто въ исторіи даннаго вопроса заняло сочиненіе члена Іезуитскаго ордена изъ русскихъ уроженцевъ о. Павла Пирлинга «Rome et Demetrius d'après les documents nouveaux». Lyon. 1877. Второе изданіе: Paris. 1878. Авторъ какъ бы считаетъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ; на этомъ положеніи впрочемъ онъ не особенно настаиваетъ; главная же его задача состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть мнѣніе о подготовкѣ названнаго Димитрія іезуитами. По нашему убѣжденію, въ этомъ главномъ своемъ тезисѣ о. Пирлингъ приблизительно правъ. Хотя онъ до очевидности преуменьшаетъ вообще участіе іезуитовъ въ дѣлѣ самозванца; но довольно правдоподобно доказываетъ, что они взяли за это дѣло уже послѣ Мнишкова и Вишневецкихъ, уже тогда, когда о немъ стали громко говорить, когда участіе въ немъ приняли нунцій и король. Нельзя не сознаться, что, какъ и при началѣ уніи въ Западной Россіи, наши историческіе писатели доселѣ слишкомъ склонны были преувеличивать роль іезуитовъ и слишкомъ рано приписывать имъ въ Польшѣ и Литвѣ то большое значеніе, которое они приобрѣли собственно позднѣе. Очевидно въ дѣлѣ самозванца іезуиты явились не зачинщиками, а только участниками, и притомъ не главными. Уже нѣкоторые современники самозванца считали его лицомъ, приготовленнымъ іезуитами; но такъ говорили собственно протестантскіе писатели, какъ явные враги іезуитовъ. И уже Маржеретъ дѣльно возражалъ имъ въ своихъ запискахъ о Россіи (стр. 108—109 рус. перевода).

Г. Левитскій въ своей монографіи «Лжедимитрій 1 какъ пропагандистъ католицизма въ Москвѣ» (Спб. 1886 г.) также представляетъ нѣкоторыя дѣльныя соображенія противъ мнѣнія о подготовкѣ самозванца іезуитами и доказываетъ, что онъ принялъ католицизмъ неискренно. Онъ притмываетъ къ догадкѣ Щербатова и Соловьева, что самозванецъ былъ приготовленъ боярами для сверженія Годунова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ X главѣ своей «Русской Исторіи», приводя разныя мнѣнія, съ обычною осторожностію своею не высказывается ни за какое изъ нихъ, и только въ примѣчаніи говоритъ: «Указаніе на то, что Отрепьевъ и Лжедимитрій—два лица, едва ли не слѣдуетъ принять»; причемъ ссылается на свидѣтельство Маржерета («Ж. М. Н. Пр.» 1887 г. Іюль). Г. Платоновъ въ своей диссертаци «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени» (Спб. 1888 г.) останавливается слегка надъ «Извѣтомъ» старца Варлаама и вслѣдъ за Костомаровымъ скептически относится къ этому источнику; но не старается дойти до корней возобладавшаго въ русскихъ сказаніяхъ отождествленія Гришки Отрепьева съ первымъ Лжедимитріемъ. В. С. Иконниковъ въ своей брошюрѣ «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени» (Кіевъ. 1889 г., по поводу названныхъ работъ Левитскаго и Платонова) приводитъ много фактическихъ и библиографическихъ указаній; но также не высказываетъ окончательныхъ выводовъ, и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Итакъ, очевидно, многіе вопросы Смутной эпохи требуютъ новыхъ изслѣдованій, дополненій и пересмотра».

Теперь повторю вкратцѣ сущность моего собственнаго мнѣнія о происхожденіи самозванства и личности перваго самозванца; а затѣмъ перейду къ изложенію самихъ основаній, на которыхъ это мнѣніе построено.

Я не считаю Лжедмитрія ни Гришкою Отрепьевымъ, ни лицомъ, заранѣе, съ дѣтства подготовленнымъ боярами или іезуитами, а считаю его лицомъ, выставленнымъ нѣкоторыми польско-русскими панами. Я полагаю, что онъ былъ родомъ изъ Западной Руси; что онъ принадлежалъ къ классу мелкой служебной шляхты, наполнявшей дворы знатныхъ пановъ и уже подвергшейся до нѣкоторой степени ополяченію. Польскимъ языкомъ Лжедмитрій владѣлъ едва ли не лучше чѣмъ русскимъ. Мысль назвать себя царевичемъ могла придти ему подъ влияніемъ той страсти, которую внушила ему Марина Мнишекъ. Повидимому, онъ рано попалъ на службу къ этой фамиліи, и здѣсь-то зародилась въ немъ идея самозванства, поощряемая, а, можетъ быть, и навѣянная самими Мнишками въ ихъ личныхъ интересахъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ смерти царевича Димитрія и непопулярности Бориса Годунова, самозванство висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ. Левъ Сапѣга, уже по своей должности слѣдившій и хорошо знавшій, что дѣлалось въ Москвѣ, а также находившійся въ интимныхъ сношеніяхъ съ Мнишками, едва ли не далъ главный толчекъ идее самозванства, интригуя противъ Москвы въ видахъ политическихъ. Онъ замѣшалъ въ посольскую свиту и взялъ съ собою въ Москву будущаго самозванца, конечно, хорошо зная его недюжинныя способности и отважный, воинственный характеръ. А для такого отчаяннаго предпріятія, какъ добываніе Московскаго трона, требовался, прежде всего, смѣлый искатель приключеній и храбрый рубака, какимъ въ дѣйствительности и явился первый самозванецъ. Но при объявленіи его Сапѣга благоразумно оставался въ сторонѣ; а только доставлялъ лжесвидѣтелей, которые какъ по нотамъ разыгрывали комедію съ примѣтами. Близкое участіе свое въ дѣлѣ Сапѣга обнаружилъ еще тѣмъ, что выхлопоталъ у короля награжденіе помѣстьемъ московскимъ выходцамъ пяти братьямъ Хрипуновымъ, признавшимъ названнаго Димитрія (А. З. Рос., IV, № 160. Грамота отъ 27 марта 1604 г.). Роль первыхъ его глашатаевъ предоставлена братьямъ Вишневецкимъ, обработаннымъ съ помощію жены одного изъ нихъ Урсуды Мнишковны, очевидно усердствовавшей ради старшей сестры своей Марины. Кромѣ этихъ родственныхъ связей, Вишневецкихъ, повидимому, возбуждало еще чувство мести къ Б. Годунову; ибо вскорѣ послѣ заключеннаго Сапѣгою перемирія съ Москвой возникли пограничныя распри и кровавыя столкновенія; причемъ Московскіе воеводы ближнихъ мѣстъ напали на неправильно захваченное Вишневецкими мѣстечко Прилуку (на берегу Удая), сожгли его и разорили (Акты З. Р. IV, 306). Когда замыселъ достаточно созрѣлъ, то усиліями трехъ названныхъ фамилій привлечены были къ участию въ дѣлѣ нунцій Рангони, король, іезуиты и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ.

Что касается до русскихъ бояръ, то вопросъ о сознательной и самостоятельной подготовкѣ ими самозванца не имѣетъ почти никакой исторической вѣроятности, хотя Борисъ потомъ и ворчалъ на нихъ, говоря, что это ихъ дѣло, и хотя подобное мнѣніе повторялось иногда современниками-иноземцами (напримѣръ, письмо неизвѣстнаго къ герцогу Тоскан. въ «Рус. Ист. Библ.», VIII, № 8, гдѣ, впрочемъ, говорится о сохраненіи боярами истиннаго царевича). Въ такомъ дѣлѣ трудно было имъ сговориться и дѣйствовать единодушно, при извѣстномъ соперничествѣ знатнѣйшихъ фамилій; а въ числѣ ихъ были и такія, которыя могли пре-

тендовать на престолъ, именно Шуйскіе, Мстиславскіе, Голицыны и Романовы. Притомъ подобный обширный заговоръ не могъ бы укрыться отъ бдительныхъ шпионовъ Годунова. Существуютъ впрочемъ намеренія на то, что нѣкоторыя фамиліи какъ будто или знали, или догадывались о самозванствѣ, готовившемся въ Польшѣ Литвѣ. Это фамилія Романовыхъ и родственныя съ нею семьи Черкасскихъ, Репнинныхъ и Сицкихъ. Опала ихъ и ссылки послѣдовали какъ разъ во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ, и нужно предположить, что отъ шпионовъ Годунова не укрылись какія-либо тайныя сношенія посольства съ сею фамиліей. А известна тактика Бориса: обвинять не прямо въ томъ, въ чемъ онъ подозрѣвалъ, но изыскивать другой поводъ, которымъ въ данномъ случаѣ послужилъ мнимый замыселъ отравленія. Въ январѣ 1605 года—когда въ областяхъ разсылались патріаршія грамоты о молебствіи по случаю вторженія Лжедмитріа и о его проклятіи—старецъ Филаретъ (Федоръ Никитичъ Романовъ) вдругъ измѣнилъ свое поведеніе въ Сійскомъ монастырѣ, сталъ кричать на монаховъ и грозить имъ (Акт. Ист. II. № 54). Эту перемену мы вправѣ объяснять появленіемъ ожидаемаго самозванца, котораго грамоты называли растрою Гришкою Отрепьевымъ, незадолго «жившимъ у Романовыхъ во дворѣ» (Ак. Эксп. II. № 28). Наконецъ, особое вниманіе Лжедмитріа къ семьѣ Романовыхъ могло имѣть своимъ основаніемъ не одно только притязаніе на отдаленное родство.

Григорій Отрепьевъ, служившій прежде у Черкасскихъ и Романовыхъ, а потомъ въ Чудовѣ монастырѣ, обратившій на себя вниманіе невздержанными рѣчами и намеками на спасеніе царевича Димитріа, является какимъ-то посредствующимъ звеномъ въ этой темной исторіи. Есть указанія на то, что о приготовлявшемся у поляковъ-литвы самозванцѣ догадывались и сочувствовали ему думные дьяки Василій Щелкаловъ и Аѳанасій Власьевъ, которымъ уже по своей должности пришлось входить въ непосредственныя сношенія съ Сапѣгой и его посольствомъ. Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, кромѣ того, въ слѣдующемъ 1601 году былъ отправленъ къ Сигизмунду III вмѣстѣ съ великими послами М. Г. Салтыковымъ и В. Т. Плещеевымъ (Др. Рос. Вивл. IV); слѣдовательно опять имѣлъ случай непосредственнаго сношенія съ Сапѣгой. Впослѣдствіи, послѣ гибели Самозванца, Московскіе бояре указывали Полякамъ на какія-то тайныя ссылки Власьева съ папами-радою (Акты З. Р. IV. 288—289). Дьякъ Щелкаловъ послѣ опалы Романовыхъ тоже былъ удаленъ отъ дѣлъ, а при Лжедмитріи является окольничимъ («Рос. Вивл.», XX, 78); а дьякъ Власьевъ, сумѣвшій сохранить расположеніе къ себѣ Годунова, по воцареніи Лжедмитріа сдѣлался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ его лицъ. На покровительство братьевъ Щелкаловыхъ во время его дѣтства указывалъ будто бы самъ Лжедмитрій (Щербатовъ, XIII, 211. Изслѣдованіе Костомарова, 41). Сомнителенъ также главный начальникъ помянутаго сейчасъ посольства Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, который потомъ явился однимъ изъ воеводъ, явно мирволившихъ Самозванцу.

Возвращаясь ко мнѣнію о тождествѣ Гришки Отрепьева и Лжедмитріа, можемъ только удивляться, что это мнѣніе могло такъ долго господствовать въ русской исторіографіи, вопреки всѣмъ началамъ здоровой критики. Уже самый возрастъ Отрепьева тому противорѣчитъ: онъ былъ слишкомъ старъ для роли царевича. Въ 1602 году, къ которому

относится его бѣгство въ Литву, ему было никакъ не менѣ 30-ти лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять старше истиннаго паревича. Всѣ писавшіе о Лжедимитріи (въ томъ числѣ и противники тождества какъ Костомаровъ и Бицинь) обыкновенно упускали изъ виду одно немаловажное обстоятельство: Григорій, пребывая въ Чудовѣ монастырѣ, имѣлъ уже дьяконскій чинъ; а по уставамъ русской церкви онъ не могъ быть посвященъ въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. Далѣе, мы имѣемъ прямые свидѣтельства источниковъ о Григоріи Отрепьевѣ или такъ назыв. «Разстригѣ», какъ личности отдѣльной отъ Лжедимитрія. Маржеретъ говоритъ, что Разстрига дѣйствительно убѣжалъ въ Литву съ какими-то другимъ монахомъ; что ему, какъ это дознано, было отъ 35 до 38 лѣтъ; что онъ былъ негодай и горькій пьяница; что Димитрій, воцарившись, сослалъ его въ Ярославль, а Василій Шуйскій потомъ его окончательно куда-то спровадилъ (103—106 рус. перевода). Независимо отъ Маржерета, хроника Буссова-Бера также говоритъ объ Отрепьевѣ, какъ объ отдѣльномъ лицѣ; по ея словамъ, этотъ бѣглый изъ Москвы монахъ въ Бѣлорусіи нашелъ какого-то благороднаго юношу и руководить первыми шагами сего самозванца, а потомъ отправился къ казакамъ поднимать ихъ во имя названнаго Димитрія; что и выполнилъ съ успѣхомъ (стр. 19 подлинника и 31—33 рус. перевода у Устрялова). Третье свидѣтельство, независимое отъ двухъ названныхъ, встрѣчается въ письмахъ іезуитскихъ патеровъ Чижовскаго и Лавицкаго, сопровождавшихъ войско самозванца, къ пат. Страверію изъ Путивля, отъ 8 марта 1605 года: «Приведенъ Гришка Отрепьевъ, извѣстный чернокушникъ (*celebris magus*), котораго Годуновъ выдавалъ за принца пришедшаго съ ляхами; москвитянамъ ясно открылось, что онъ и Димитрій Ивановичъ суть два разные человека». (Пирлингъ, 204). Московское правительство, отождествляя самозванца съ Гришкою Отрепьевымъ, какъ извѣстно, въ своихъ грамотахъ говорило, что, живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ былъ уличенъ въ чернокушничество и бѣжалъ, избѣгая наказанія. (Дополн. къ Ак. Ист., 1, 255). Данное сообщеніе іезуитовъ подтверждается и русскимъ свидѣтельствомъ. По Иному сказанію о самозванцахъ, въ Москвѣ нѣкоторые говорили, что «идеть Димитрій, а не рострига, да и ростригу же прямо съ собою въ Москву везетъ и оказываетъ его, чтобы не сумнялись люди». (Времен., XVI, 22). Карамзинъ, а за нимъ и Соловьевъ пытались устранить подобныя свидѣтельства толкованіемъ Морозовской лѣтописи и «Повѣсти о Борисѣ и Разстригѣ», что Лжедимитрій для отвода глазъ передалъ свое имя Григорію Отрепьеву другому монаху, по словамъ первой чернцу Пимену, а по другой монаху Крыпецкаго монастыря Леониду, который ушелъ въ Литву вмѣстѣ съ нимъ, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Костомаровъ въ своемъ изслѣдованіи указалъ на несообразность и противорѣчія, заключающіяся въ этомъ извѣстіи (стр. 33).

Въ VIII томѣ «Записокъ Петербургскаго Археологическаго Общества» «обнародована была, открытая г. Добротворскимъ въ библиотекѣ Загорскаго волынскаго (бывшаго униатскаго) монастыря, надпись на сочиненіи Василя Великаго о постничествѣ, Острожской печати 1594 года; надпись отъ имени инока Григорія говоритъ, что книга эта подарена была ему, Григорію, да Мисаилу и Варлааму княземъ Константиномъ—Василіемъ Острожскимъ. Причемъ подъ словомъ «Григорію» приписано:

«царевичу московскому». Г. Добротворскій на сей припискѣ построилъ свою ревностную защиту тождества Отрепьева съ Лжедмитріемъ. Онъ сопоставляетъ эту надпись съ «извѣтомъ» старца Варлаама и находитъ въ нихъ взаимное подтвержденіе. Но дѣло въ томъ, что приписка («царевичу московскому»), судя по перу и черниламъ, сдѣлана позднѣе самой надписи, хотя, по увѣренію г. Добротворскаго, тою же рукою; но и это увѣреніе очень сомнительное. Приписка свидѣтельствуетъ только о томъ, что сдѣлавшій ее, какъ и многіе другіе, на основаніи увѣреній Московскаго правительства отождествлялъ Отрепьева съ Лжедмитріемъ, и ничего болѣе. А самая надпись подтверждаетъ «извѣтъ» Варлаама въ томъ смыслѣ, что онъ и Мисаилъ Повадинъ дѣйствительно вмѣстѣ съ Григоріемъ Отрепьевымъ скитались въ Западной Россіи, и нѣкоторое время пребывали въ Острогѣ, и опять ничего болѣе. Едва ли и сами князья Острожскіе на первое время не были введены въ заблужденіе московскими грамотами; по крайней мѣрѣ Янушъ Константиновичъ полагалъ, что незадолго гостившій у его отца Отрепьевъ и есть Лжедмитрій (Нѣщевичъ. II, 197. Примѣчаніе). Возможно, что Отрепьевъ, чтобы замаскировать слѣды, иногда самого себя выдавалъ за царевича. Вѣроятно и самъ Лжедмитрій, послѣ своего пребыванія въ Москвѣ въ свитѣ Сапѣгина посольства, скитался нѣкоторое время по монастырямъ Восточной и Западной Россіи въ товариществѣ того же Отрепьева и Варлаама. Отсюда произошла такая путаница въ извѣстіяхъ о немъ и Отрепьевѣ; сами современники, не посвященные въ тайну интриги, не могли разобраться въ этой путаницѣ. Что Лжедмитрій побывалъ въ Москвѣ, замѣшанный въ Сапѣгину свиту, о томъ говоритъ иноземецъ Масса; о томъ и самъ онъ упоминалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ по вступленіи въ предѣлы Московскаго государства (по извѣстію Буссова). По окончаніи же посольства онъ, по всѣмъ признакамъ, нѣкоторое время бродилъ по монастырямъ подъ чьимъ-то руководствомъ. Это должно было входить въ общій планъ интриги: кромѣ такого удобнаго, не возбуждающаго подозрѣнія, способа ознакомиться съ Московскою землею, онъ потомъ, повторяя басню о своемъ спасеніи, недаромъ указывалъ на то, что отъ Борисовыхъ клеветовъ укрывался именно подъ монашескою рясою въ разныхъ монастыряхъ.

Приведемъ и другія доказательства тому, что самозванецъ не только не былъ Григорій Отрепьевъ; но что онъ былъ родомъ изъ польско-литовской, а не московской Руси. Маржереть, пытаясь защитить подлинность названнаго Дмитрія и опровергнуть противныя мнѣнія, дѣлаетъ важное для насъ сообщеніе: «Многіе иноземцы, говоритъ онъ, именуютъ Дмитрія полякомъ или трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-русски неправильно, осмѣивалъ русскіе обычаи, наблюдалъ русскую вѣру только для виду; однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ приемы и поступки обличали въ немъ поляка» (106 рус. перевода). Отсюда мы видимъ, что сами современники, лично знавшіе Лжедмитрія, не мало ломали себѣ голову надъ вопросомъ о его таинственномъ происхожденіи; причѣмъ явно склонялись къ тому главному предположенію, что онъ былъ не изъ московской Руси. А затѣмъ выставленныя противъ нихъ Маржеретомъ опроверженія являются крайне слабыми; на примѣръ, будто бы невѣ-

роятно, чтобы воевода Сендомірскій не развѣдалъ прежде, кто будетъ его зятемъ, а король дозволилъ бы помогать обманщику; въ противномъ случаѣ послѣдній отправилъ бы съ нимъ въ Россію многочисленное войско и снабдилъ бы его денежною казною. Но Маржеретъ какъ будто не зналъ, что польскій король не былъ самодержавнымъ государемъ и зависѣлъ отъ сейма. А что Сигизмундъ III вѣдалъ истину, о томъ онъ самъ свидѣлствуетъ, напримѣръ, въ инструкціи своему секретарю Самуилу Грушецкому, отправленному посломъ къ испанскому королю въ 1612 г. «Тотъ, который подъ ложнымъ именемъ Димитрія съ помощію польскихъ войскъ вторгнулся въ государство, былъ убитъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самими москвитянами, наскучившими такимъ обманомъ» (Чт. О. И. и Др. 1847. № 4). Сигизмундъ могъ бы оправдываться въ своемъ участіи тѣмъ, что прежде онъ самъ вѣрилъ въ подлинность Димитрія; но онъ даже не счелъ нужнымъ дѣлать такую оговорку. А что касается до Юрія Мнишка, то для насъ теперь ссылка на добросовѣстность одного изъ главныхъ заводчиковъ дѣла является только наивною. Изъ приведенныхъ выше указаній для насъ особенно важно то, что Лжедимитрій «не чисто» или «не правильно» выражался по-русски (т. е. по-московски). Маржеретъ (какъ иностранецъ, едва ли компетентный въ семъ вопросѣ) утверждаетъ, будто бы онъ говорилъ очень правильно, «только для прикрасы примѣшивалъ иногда польскія поговорки». «Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ сколь долго съ юныхъ лѣтъ онъ не видалъ отечества». Ясно, что Гришку Отрепьева никакъ нельзя было бы оправдывать такимъ доводомъ въ неправильномъ произношеніи русскихъ словъ; ибо онъ ушелъ въ Литву не ранѣе 1602 года, когда ему было не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно это не былъ Отрепьевъ; но и вообще не былъ москвичъ. Характеристика его рѣчи именно указываетъ на западно-русскаго ополчившагося шляхтича. Уже въ качествахъ западно-русса онъ долженъ былъ отличаться нѣкоторымъ акцентомъ отъ москвичей; а его польскія поговорки указываютъ на большую привычку къ польскому языку, которымъ онъ владѣлъ вполне. Любопытно, что свое письмо къ папѣ Клименту VIII онъ сочинилъ самъ по-польски; а русскія его письма хотя «были безъ ошибокъ», какъ выражается Маржеретъ, но тутъ же сознается, что онѣ были писаны «со словъ Димитрія», а не имъ самимъ. Очевидно передъ нами полурусскій, полупольскій.

Далѣе, относительно русскихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ мы имѣемъ указаніе, что Лжедимитрій, хотя по наружности старался ихъ соблюдать, но иногда невольно выдавалъ неполное, невошедшее въ привычку, съ ними знакомство. Такъ любопытно слѣдующее свидѣтельство Массы. Когда самозванецъ торжественно вступалъ въ Москву, духовенство, встрѣчавшее его со крестами и хоругвями, поднесло ему икону Богородицы (вѣроятно Владимірской), чтобы онъ приложился. Самозванецъ «сошелъ съ коня; приложился къ иконѣ, но не такъ какъ бы слѣдовало по обычаю; нѣкоторые монахи, видѣвшіе это, усумнились въ томъ, что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что онъ истинный царь» (159 стр. рус. перевода). Если подобные факты обнаруживали вообще его не московское происхожденіе, то они окончательно дѣлаютъ невозможнымъ его тождество съ Отрепье-

вымъ, бывшимъ московскимъ монахомъ и дьякономъ. Самозванецъ могъ въ общихъ чертахъ исполнять русскіе православные обычаи; но несмотря на предварительное посѣщеніе Москвы и скитаніе по монастырямъ, ему трудно было въ сравнительно короткое время усвоить себѣ всѣ тѣ подробности, которыми Восточная Русь отличалась отъ Западной, а въ языкѣ и манерахъ не обнаружить своего ополченія.

Маржерету уже извѣстно было мнѣніе тѣхъ протестантовъ, которые считали Лжедмитрія воспитанникомъ и орудіемъ іезуитовъ. Онъ совершенно основательно разсуждаетъ о несообразностяхъ отсюда вытекающихъ. Между прочимъ говоритъ слѣдующее: «если бы онъ воспитывался у іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать латинскій языкъ; но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его весьма не твердою. Кромѣ того, онъ оказалъ бы тогда іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое — и то съ польскими войсками, немѣвшими другихъ патеровъ» (109 стр.). Сообщеніе Маржерета относительно подписи вполне подтверждается сохранившимися актами: въ одномъ мѣстѣ самозванецъ подписался *Demiūstri* вмѣсто *Demetrius*, а въ другомъ *in Perator* вмѣсто *imperator* (Устрялова, 97 примѣч. къ переводу Маржерета и кн. Оболенскаго «*La legende de la vie*» и пр. Приложенія № 4). По воцареніи своемъ Лжедмитрій дѣйствительно менѣе всего заботился объ исполненіи обѣщаній, относившихся ко введенію церковной уніи; папа и іезуиты имѣли полное основаніе жаловаться на его забывчивость. Если бы іезуиты его воспитали и подготовили, то навѣрно онъ не явился бы такимъ индифферентомъ въ дѣлѣ религіи. Папу и іезуитовъ онъ обманулъ, сдѣлавъ ихъ орудіемъ для достиженія своей личной цѣли, какъ обманулъ и короля Сигизмунда, съ которымъ, вмѣсто благодарности, затѣялъ потомъ разныя пререканія. Самозванецъ не обманулъ только Мнишковь, отца съ дочерью, и остался имъ вѣренъ до конца; чѣмъ и засвидѣтельствовалъ свои тѣсныя, таинственныя связи съ этой семьей. Ясно, что здѣсь находились корни его самозванства; что отецъ и дочь хорошо знали тайну его происхожденія; они одни — или изъ числа немногихъ — могли его выдать; но въ ихъ интересахъ было хранить эту тайну. Что руководящимъ чувствомъ Марины было честолюбивое желаніе сдѣлаться московскою царицею, она наглядно доказала это своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, признавъ своимъ мужемъ и другого бродягу, т. е. второго Лжедмитрія.

Наконецъ свое не московское, а западно-русское происхожденіе первый Лжедмитрій ясно обнаружилъ всѣмъ своимъ характеромъ, поведеніемъ и привычками. На престолѣ онъ былъ все тотъ же тщеславный, легкомысленный рубака, любитель женщинъ, пировъ и танцевъ, какъ истый шляхтичъ, выросшій при дворѣ польскихъ и ополченныхъ русскихъ пановъ того времени. Нѣкоторые изъ этихъ польско-русскихъ пановъ (вышеуказанные), по нашему крайнему разумѣнію, и были настоящими виновниками самозванческой смуты. Хотя они тщательно скрывали истину; но иногда, въ пьяномъ видѣ, проговаривались, что самозванецъ ихъ дѣло; какъ о томъ свидѣтельствуетъ хроника Буссова. Особенно заслуживаетъ вниманія его ссыла на Яна Сапту; трудно предположить, чтобы сему послѣднему осталось неизвѣстнымъ тайное, но вмѣстѣ руководящее участіе въ семъ дѣлѣ главы его фамиліи канцлера Льва

Сапѣги. Приведемъ также свидѣтельство итальянца Нери Джеральди въ его письмѣ изъ Нюрнберга къ великому герцогу Тосканскому, отъ 26 сентября 1605 года, т. е. во время царствованія Лжедмитрія. Со словъ встрѣченныхъ имъ польскихъ купцовъ, онъ говоритъ, что Мнишекъ истратилъ почти все свое состояніе на поддержку «сего князя»; что послѣдній въ юности находился въ услуженіи у Мнишка и «свободно владѣть языками польскимъ, латинскимъ и природнымъ русскимъ». Повидимому, Джеральди былъ ранѣе въ Польшѣ и видѣлъ самозванца или челоѣка на него похожаго. «Мнѣ сперва казалось, — продолжаетъ онъ, — что я знавалъ его лично, но убѣдился въ ошибкѣ своей, принимая вмѣсто него сына смоленскаго воеводы, который бѣжалъ къ московскому князю Іоанну Васильевичу, отцу нынѣшняго царя». (Сборникъ Чіампи въ Архивѣ Балачова). Любопытно, хотя и темно, это вскользь брошенное замѣчаніе о сходствѣ самозванца съ извѣстнымъ автору письма лицомъ. Что касается до обладанія тремя языками, то латинскій, по всѣмъ даннымъ, самозванецъ зналъ очень мало. Кромѣ свидѣтельства Маржерета, напомнимъ извѣстіе іезуита Савицкаго о томъ, что самозванецъ сочинилъ посланіе къ папѣ Клименту VIII по-польски, а іезуитъ перевелъ его по-латыни.

Къ названнымъ сейчасъ свидѣтельствамъ весьма нелишнимъ дополненіемъ служатъ «слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ 1611 года, по поводу вопросовъ, касавшихся Смутнаго времени» — слова, взятые Костомаровымъ изъ одной рукописи библиотеки Красинскихъ и поставленный ими въ видѣ эпиграфа къ своему Смутному времени. Приведемъ ихъ въ русскомъ переводѣ: «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умысленіяхъ, старательно скрывааемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». Только немногіе, болѣе благородные характеры, вродѣ знаменитаго Яна Замойскаго, не хотѣли участвовать въ этой чудовищной польской интригѣ противъ Московскаго государства. Наконецъ его родственникъ, другой знаменитый гетманъ, Жолкевскій въ своихъ «Запискахъ о Московской войнѣ», прямо заводчикомъ зла называетъ Юрія Мнишка: онъ, изъ честолюбія и корыстныхъ видовъ, упорно поддерживалъ Лжедмитрія, самозванство котораго ему было очень хорошо извѣстно, и, при помощи своего родственника кардинала-епископа Мацѣевскаго, вовлекъ въ это дѣло короля.

Самая физіономія перваго Самозванца, судя по наиболѣе достовернымъ портретамъ, выдаетъ его невеликорусское происхожденіе.

Покончивъ съ доказательствами западнорусскаго происхожденія Самозванца и польско-литовской интриги, его породившей, скажу еще нѣсколько словъ объ «Извѣтѣ» Варлаама и о ложности названнаго Дмитрія.

Выше мы не разъ указывали на изслѣдованіе г. Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка какъ историческій источникъ». Для всякаго труда, посвященнаго данной эпохѣ, это изслѣдованіе является несомнѣнно цѣннымъ и весьма полезнымъ пособіемъ тамъ, гдѣ нужно разбираться въ массѣ русскихъ сказаній и свидѣтельствъ, и опредѣлять степень ихъ безпристрастія, взгляды на личности и событія или ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу. Но

нельзя того же сказать о выводахъ собственно историческихъ. Тутъ критика автора подъ часъ является слабою и несамостоятельною; что впрочемъ и естественно было найти въ изслѣдованіи молодого еще не вполне установившагося ученаго. Впрочемъ эта сторона скорѣе можетъ быть отнесена къ недостаткамъ той исторической школы, изъ которой вышелъ авторъ и которая слишкомъ тяготеетъ къ узкому, механическому способу изслѣдованій въ ущербъ широкой историко-критической основѣ. Мы уже имѣли случаи указывать, напримѣръ, слишкомъ недостаточно обоснованный выводъ о невинности Бориса Годунова въ смерти царевича Дмитрія и подчиненіе автора въ этомъ случаѣ сомнительнымъ авторитетами. Теперь позволимъ себѣ сдѣлать г. Платонову легкій упрекъ въ томъ, что онъ недостаточно оцѣнилъ историческое значеніе такого источника какъ пресловутый «Извѣтъ» старца Варлаама. Несмотря на свой небольшой объемъ, этотъ источникъ занимаетъ очень важное мѣсто въ ряду сказаній о Смутномъ времени: и для старыхъ лѣтописцевъ, и для новыхъ историковъ онъ послужилъ главнымъ основаніемъ при отождествленіи перваго Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ, и потому заслуживалъ отдѣльной, тщательно обработанной главы, а не одного только примѣчанія, хотя бы и распространеннаго на двѣ страницы (10—11). Ради выясненія этого памятника можно было пожертвовать разными подробностями, относящимися къ нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ, хотя многословнымъ и объемистымъ, но мало-содержательнымъ и очень незначительнымъ по своему итогу.

Вслѣдъ за Костомаровымъ, г. Платоновъ скептически относится къ Извѣтѣ; онъ указываетъ нѣкоторые его невѣроятности, почти голословно считаетъ его сочиненнымъ лѣтомъ 1606 года, и называетъ искусственной композиціей. Вотъ и все. Тутъ, вмѣсто ссылки на двѣ грамоты Самозванца, помѣщенные въ Актахъ Эксп. II. №№ 26 и 34, гораздо важнѣе было сопоставить этотъ Извѣтъ съ двумя другими грамотами, помѣщенными въ тѣхъ же Актахъ Экспедиціи, подъ №№ 28 и 29. Въ этихъ послѣднихъ уже рассказывается о бѣгствѣ Отрепьева изъ Москвы въ Литву съ иноками Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ и о первыхъ ихъ похищеніяхъ за рубежомъ почти также, какъ это рассказано въ Извѣтѣ самого Варлаама. А между тѣмъ сіи двѣ грамоты (патріарха Іова и новогор. митр. Исидора) написаны были въ январѣ 1605 г., когда, соображая данныя, Варлаамъ еще сидѣлъ въ Самборской тюрьмѣ. Далѣе, въ Извѣтѣ есть важная подробность, которой нѣтъ въ названныхъ сейчасъ двухъ грамотахъ: о путешествіи Варлаама къ королю и панамъ раднымъ для изобличенія Самозванца и о казни въ Самборѣ Варлаамова товарища сына боярскаго Якова Пыхачова. Объ указанномъ изобличеніи нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ, и это фактъ сомнительный; но казнь въ то время одного московскаго агента въ Самборѣ есть историческій фактъ (см. выше примѣч. 3). Такимъ образомъ Извѣтъ представляетъ несомнѣнную фактическую основу, но съ примѣсомъ какой то путаницы и неискренности.

Обращу вниманіе между прочимъ на слѣдующее обстоятельство. Въ Извѣтѣ рассказывается: когда Отрепьевъ собирался изъ кievскаго Печерскаго монастыря ѣхать въ Острогъ къ князю Василю-Константину, Варлаамъ просилъ позволенія остаться; но игумень Елисей отвѣтилъ: «четыре васъ пришло, четверо и подите». Откуда же четверо? Изъ Мо-

сквы пришли трое: Отрепьевъ, Варлаамъ и Мисаилъ. Четвертымъ могъ быть ихъ «вождь» Ивашка Семеновъ, «отставленный старецъ» Спасскаго монастыря въ Новгородѣ Сѣверскомъ; онъ взялся проводить ихъ за Литовскій рубежъ. Но по грамотамъ патріарха Іова и митрополита Исидора за рубежъ до села Слободки проводилъ ихъ чернецъ Пименъ, который отъ этого села воротился назадъ. Тутъ разногласіе, и личность четвертаго лица остается не совсѣмъ ясною. Не былъ ли это тотъ довольно загадочный монахъ Леонидъ, о которомъ упоминаетъ Повѣсть о Борисѣ и Разстригѣ или «Како восхити ц. престолъ» и пр. и подъ именемъ котораго могъ скрываться Самозванецъ? Означенная повѣсть говоритъ, что съ Отрепьевымъ ушли въ Литву не два, а три монаха. (Р. Ист. Биб. XIII. 155). Вообще заодно съ нимъ, повидимому, орудуетъ цѣлая группа монаховъ по ту и по другую сторону московско-литовскаго рубежа. Во всякомъ случаѣ московское официальное отождествленіе Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ началось уже при Годуновѣ вслѣдъ за объявленіемъ названнаго Димитрія въ Литвѣ и Польшѣ. И можно думать, что Московское правительство сначала дѣйствительно такъ думало, т. е. введено было въ заблужденіе запутанными обстоятельствами и сбивчивыми донесеніями. А потомъ оно уже болѣе или менѣе сознательно не хотѣло отступить отъ своего мнѣнія, которое считало выгоднымъ для себя; такъ какъ понятіе о разстригѣ, связанное съ названнымъ Димитріемъ, могло возбуждать въ народѣ сильную къ нему антипатію. Шуйскій и его товарищи — бояре, приближенные къ Лжедимитрію, конечно могли отлично убѣдиться въ томъ, что онъ не бывшій чудовской монахъ, книжникъ, сочинитель каноновъ и наклонный къ пьянству Григорій Отрепьевъ. Но не въ ихъ видахъ было бы разувѣрять въ томъ народъ; а посему послѣ гибели Самозванца они продолжали утверждать мнимое тождество и распространять сказанія въ родѣ «Извѣста» старца Варлаама, на первый взглядъ имѣвшаго всѣ признаки простодушія и до-стовѣрности.

Выше хотя мною было сказано, что мнѣніе о подлинности названнаго Димитрія не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія, однако въ виду извѣстной мнѣ по слухамъ новой попытки подтвердить то же мнѣніе, считаю нелишнимъ вкратцѣ привести противъ него нѣкоторые аргументы. При семъ ограничусь только тремя главными группами.

1. Всѣ рассказы о спасеніи маленькаго царевича отличаются бросающеюся въ глаза сбивчивостію и невѣроятностію. Онѣ вѣрятся на подмѣнѣ его другимъ мальчикомъ, и такъ какъ дневная подмѣна мало возможна, то сочинена подмѣна ночная и убійство происходитъ ночью. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна, цѣлая романтическая повѣсть приведенная Когновицкимъ во II томѣ *Zycia Sapiebow* изъ такъ наз. рукописи жмудина Товянскаго. Тутъ докторъ Нѣмецъ кладетъ на постель вмѣстѣ съ Димитріемъ другого мальчика, похожаго на него, по имени Семенка, съ которымъ царевичъ помѣнялся рубашкой, и, когда тотъ заснулъ, спрятался за каминъ. Ночью пришли убійцы, и зарѣзали Семенка. Сама мать не узнала его запачканнаго кровью и оплакивала какъ своего сына. Спасеннаго, такимъ образомъ, Димитрія докторъ проводилъ на Украину въ замокъ стараго князя Мстиславскаго. По смерти его Димитрій отправился въ Москву и поступилъ въ монастырь; оттуда ушелъ на Волынь въ Гошу, а потомъ къ Вишневецкому, гдѣ и объ-

явился. Но всё подобные рассказы противорѣчатъ тому непрекаемому факту, что Димитрій былъ убитъ днемъ и что, не говоря уже о матери и окружавшихъ его, Угличане и присланные изъ Москвы слѣдователи близко смотрѣли на его тѣло. Какой либо подмѣнъ и ошибка просто были невозможны. Сами современники съ ироніей отзывались о рассказахъ Самозванца, говоря, что онъ указывалъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, содѣйствовавшихъ его спасенію, но такихъ, которыхъ уже не было въ живыхъ (Масса. 102). Прибавлю, что если онъ указывалъ между прочимъ на братьевъ Шелкаловыхъ, то старшій изъ нихъ Андрей былъ уже умершимъ, а младшій Василій хотя еще жилъ, но очевидно или не былъ чуждъ польской интриги, или поддерживалъ ложь, когда это было для него уже безопасно. Извѣстно также, что рассказы самого Димитрія до конца оставались общими и туманными мѣстами; тогда какъ по его воцареніи ничто не мѣшало ему прямо и точно обозначить лица и мѣста его охранявшія и дать хотя какія либо ясныя и достовѣрныя о себѣ подробности съ 1591 по 1603 годъ. Извѣстно, что о его ложности проговорился даже такой приближенный и преданный ему человекъ какъ Басмановъ (Буссовъ-Беръ, приводящій и другія свидѣтельства неподлинности. Стр. 102—105 рус. перевода).

2. Самою глвною уликою его самозванства служить поведеніе вдовой царицы Маріи Нагой. Ея неподдѣльное отчаяніе при видѣ убитого сына и собственноручная расправа съ мамкой Волоховой засвидѣтельствованы слѣдственнымъ дѣломъ. Переговоры съ Самозванцемъ, принудившимъ ее признать его своимъ сыномъ, она потомъ засвидѣтельствовала сама. Намѣренію его выбросить тѣло царевича изъ Углицкой могилы она рѣшительно воспротивилась. А ея равнодушіе къ судьбѣ Лжедмитрія во время трагедіи 17 мая 1606 года и уклончивый отвѣтъ, данный на вопросъ, ея ли это сынъ—такія черты были бы невозможны, если бы она дѣйствительно считала его своимъ сыномъ—особенно, если вспомнимъ ея вопль материнское отчаяніе во время Углицкой трагедіи 15 мая 1591 года. Наконецъ и торжественное церковное покаяніе ея въ соучастіи съ обманщикомъ вполне соответствуетъ этимъ чертамъ. Нельзя же во всѣхъ указанныхъ случаяхъ толковать ея поведеніе притворствомъ, какъ сіе дѣлаютъ защитники подлинности во чтобы то ни стало.

3. Тѣ свидѣтельства и факты, которые приведены мною противъ тождества Лжедмитрія и Григорія Отрепьева, большею частію могутъ быть повторены и противъ подлинности Самозванца. А именно: не великорусскіе или не московскіе его типъ и характеръ и явныя черты западнорусскаго ополченнаго человека. Изъ самыхъ рассказовъ о миномъ спасеніи Димитрія вытекаетъ, что въ Литву онъ прибылъ совсѣмъ не мальчикомъ, а уже такимъ взрослымъ молодымъ человекомъ, который не могъ въ короткое время потерять чистоту своей великорусской рѣчи, свои московскія привычки, весь свой туземный складъ и выработать изъ себя образецъ шляхтича, отлично владѣвшаго польскимъ языкомъ, отчаяннаго рубаки, наѣздника, танцора, женскаго угодника и религіознаго индифферента, несомнѣнно принявшаго католичество.

Мнимую подлинность Самозванца обыкновенно пытаются доказывать помощью не историческихъ фактовъ и безпристрастныхъ свидѣтельствъ, а разныхъ или тенденціозныхъ, или прямо невѣжественныхъ

извѣстій. Таковы, напримѣръ, пристрастныя показанія Маржерета, мистическія басни Товянскаго и своекорыстныя сообщенія Ѳомы Смита. Послѣдній, не знавшій лично Лжедмитрія, дѣлаетъ видъ, что вѣритъ въ его подлинность; ибо Англичане прежде всего старались задобрить Московскаго государя, чтобы онъ ни былъ, ради своихъ торговыхъ выгодъ; а «Путешествіе» Смита вышло въ свѣтъ еще при жизни Самозванца, съ явнымъ расчетомъ на его благосклонность. Слѣдовательно, подлинность названнаго Дмитрія. по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ и фактамъ, немыслима и невозможна. Поэтому, новая попытка, о которой я слышалъ, можетъ сообщить намъ нѣкоторые доселѣ неизданные или неприведенные въ извѣстность источники для Смутной эпохи, умножить подробности, расширить свѣдѣнія о лицахъ и отношеніяхъ; но опровергнуть высказанное сейчасъ основное наше положеніе не можетъ.

Поправка и замѣтки.

На стр. 257 сказано: вѣнчаніе совершилось 11 *мая*. На стр. 258: на слѣдующее число, 12 *мая*. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ читать: *июля*.

Къ примѣчанію 1-му. Нѣкоторыя компилятивныя произведенія, повѣствующія о Смутномъ времени и еще неизданныя, очерчены, съ приведеніемъ отрывковъ, А. Ѳ. Бычковымъ въ его «Описаніи церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. публич. Библіотеки». Часть первая. Спб. 1882. См. №: XII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXVIII.

Къ примѣчанію 3-му. Въ «Актахъ Московскаго Государства, изданныхъ подъ редакціей Н. А. Попова». (Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. Спб. 1890) подъ № 42 напечатана любопытная роспись «золотыхъ и новгородокъ и московокъ золоченыхъ и дороговъ и тафты и и суконъ и денегъ», пожалованныхъ Борисомъ Годуновымъ въ январь 1605 года гарнизону Новгорода Сѣверскаго, осажденнаго Лжедмитріемъ. Главные воеводы князь Трубецкой и Петръ Басмановъ получили по золотому, равнявшемуся пяти угорскимъ золотымъ; второстепенные воеводы князья Я. Бярятинскій и Г. Гагаринъ по угорскому золотому; головамъ Бунакову, Биркину и Дурову дано по московскому золотому, другимъ головамъ по полузолотому московскому, однимъ сотникамъ по золотой деньгѣ, другимъ по деньгѣ золоченой; далѣе дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ и казакамъ роздано по золоченой деньгѣ, по нѣскольку рублей, по нѣскольку аршинъ сукна или тафты и т. п. Изъ этой росписи видно, что гарнизонъ Новгорода Сѣверскаго заключалъ въ себѣ свыше 1200 человекъ.

Къ примѣчанію 10-му. Въ издаваемой Костромскою Архивною Коммиссіей, *Костромской старинѣ*, вып. 3. 1894 г., напечатаны докладъ члена Коммиссіи И. В. Миловидова и грамота царя В. И. Шуйскаго въ Свіязскъ отъ 25 ноября 1607 года (по Сентябрьскому стилю, а по Январскому 1606 года). Эта грамота извѣщаетъ о покорности, принесенной царю Сунбуловымъ и П. Лапуновымъ (когда они отложились отъ Болотникова), о прибытіи въ Москву подкрѣпленій и присылкѣ повинной изъ разныхъ городовъ; затѣмъ убѣждаетъ служилыхъ людей Свіязска крѣпко стоять противъ воровъ, особенно тѣхъ, которые дѣйствовали тогда въ Курмышѣ. Но сами Свіязцы около того времени находились въ *шатости*. По крайней мѣрѣ имѣемъ грамоту, написанную почти мѣсяцъ спустя послѣ указанной (отъ 22 декабря), отъ патріарха Гермогена къ митроп. казанскому Ефрему, и напечатанную въ Актахъ Эксп. II, подъ № 61. Патріархъ извѣщаетъ, что царь простилъ Свіязцевъ, раскаявшихся въ своей присягѣ ложному Димитрію, и затѣмъ «похваляетъ» митрополита за его усердіе въ этомъ дѣлѣ. Митрополитъ Ефремъ приказалъ свіязскимъ священникамъ не принимать «никакихъ приношеній» въ церкви отъ «прельстившихся людей»;

чѣмъ и обратилъ ихъ къ законному государю. Патріархъ поручилъ митрополиту «накрѣпко смотрѣть за попами, чтобы въ нихъ воровства не было»; при чемъ прямо указываетъ на нѣкоторыя казанскія церкви, священники которыхъ ненадежны. (Гермогенъ самъ только что прибылъ изъ Казани и знаетъ ее хорошо). Это любопытное свидѣтельство относительно обоюднаго участія бѣлаго духовенства въ событіяхъ Смутнаго времени.

Къ примѣчанію 23-му. Въ Москвитинѣхъ 1852 г., № 4, подъ заглавіемъ «Какъ звали Минина?» П. И. Мельниковымъ сообщена купчая 1602 года. Въ ней одинъ обыватель Нижняго Новгорода, продавъ свой дворъ съ садомъ и огородомъ другому обывателю, говоритъ, что его дворъ находится подлѣ *Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука*.

Въ Лѣтописи Археогр. Коммиссіи за 1861 годъ напечатаны любопытныя грамоты и отписки (въ количествѣ 23 №№) къ Курмышскому воеводѣ Смирному Елагину 1611—1612 гг. Впервыхъ, грамоты изъ Нижняго отъ имени воеводы кн. Д. М. Пожарскаго и дьяка В. Юдина о сборѣ доходовъ, дачѣ жалованья служилымъ людямъ и присылкѣ ихъ въ Нижній, чтобы идти подъ Москву противъ Лиговскихъ и Польскихъ людей. Елагина упрекаютъ въ томъ, что онъ неправильно собираетъ доходы съ селъ Княгинина, Мурашкина и Лыскова, такъ какъ волости ихъ приписаны къ Нижнему, а не Курмышу. Но тщетно: Елагинъ не повинуется; тогда ему объявляютъ смѣну; на его мѣсто изъ Нижняго назначаютъ воеводою Жедринскаго съ дьякомъ Кутѣповымъ. Но Курмышане всемъ миромъ противятся и ихъ къ себѣ не пускаютъ. Одновременно они получаютъ наказы также изъ подлѣ Москвы отъ бояръ и воеводъ кн. Д. Т. Трубецкаго и Ив. Март. Зарудкаго. Курмышскій воевода пересылается вѣстями и совѣтами съ воеводами, служилыми людьми и земцами Арзамаса, Ядрина и Кузьмодемьянска. Въ маѣ или іюнѣ 1612 года эти города, какъ мы видимъ, по мірскому приговору уже объявили своимъ Государемъ третьяго Лжедмитрія (вслѣдъ за подмосковнымъ ополченіемъ). Подобныя документы наглядно показываютъ намъ трудности, съ которыми приходилось бороться Нижегородскому ополченію, и объясняютъ отчасти его продолжительное Ярославское сидѣнье. — Въ указанныхъ грамотахъ встрѣчаются имена Ивана Биркина и Никанора Шульгина. Между прочимъ староста села Лыскова жалуется Елагину на Биркина въ томъ, что сей послѣдній насильно забралъ подводы, овесъ, сѣно, вино, рыбу (конечно для ополченія), «да себѣ хлѣба и всякаго харчу». (№ 8).

Къ примѣчанію 24-му. Въ Лѣтоп. Археогр. Ком. (1871 г. Отд. Протоколовъ) есть отчетъ Костомарова объ осмотрѣ имъ Несвижскаго архива кн. Радзивиловъ. Тутъ онъ сообщаетъ объ одномъ письмѣ Гонсевскаго, изъ котораго видно, что съѣхавшіеся въ Москву въ январѣ выборные люди на Соборѣ не согласились во мнѣніяхъ объ избраніи царя, и разѣхались, положивъ собраться черезъ два мѣсяца. «Это показывалъ одинъ сынъ боярскій, выборный человекъ, захваченный Гонсевскимъ». (20). Относительно двухъ мѣсяцевъ показаніе несовсѣмъ точно; но оно подтверждаетъ, что въ началѣ были большіе споры и разногласіе. Въ томъ же отчетѣ Костомаровъ говоритъ, что видѣлъ цѣлую груду писемъ Льва Сапѣги; но не нашелъ въ нихъ почти ничего важнаго (для насъ). Этотъ выводъ отчасти оправдался Львовскимъ изданіемъ Сапѣжинской переписки, о которой упоминается въ моемъ первомъ примѣчаніи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

I. Польскія козни и начало самозванства.

Три фамиліи, виновныя въ самозванческой интригѣ. — Руководящее участіе въ ней Льва Сапѣги. — Первый самозванецъ. — Григорій Отрепьевъ. — Объявленіе названнаго Дмитрія Вишневецкими и комедія съ примѣтами. — Роль Мнишковь и самборское пребываніе Лжедмитрія. — Участіе нунція Рантони и Сигизмунда III. — Лжедмитрій въ Краковѣ. — Участіе іезуитовъ. — Покровители и противники обмана. — Мѣры Бориса Годунова и его суетѣріе. — Ошибочное отождествленіе Лжедмитрія съ Отрепьевымъ. — Участіе казачества. — Вербовка войска. — Походъ. — Первые успѣхи. — Петръ Басмановъ и неудачи Самозванца. — Его пораженіе у Добрыничей. — Кромы и новый поворотъ дѣла. — Пребываніе въ Путивлѣ.

1

II. Лжедмитрій I на Московскомъ престолѣ.

Кончина Бориса Годунова. — Оедоръ Борисовичъ. — Измѣна Басманова и войска. — Движеніе Самозванца къ Москвѣ. — Мятежъ московской черни. — Трагическая судьба Борисова семейства. — Вступленіе Лжедмитрія въ столицу и первыя его дѣйствія. — Неудачный заговоръ Шуйскаго. — Встрѣча мнимой матери. — Коронованіе Самозванца. — Его правительственная дѣятельность, военныя потѣхи, постройки и легкомысленное поведеніе. — Сношенія съ Римомъ и Польшею. — Обрученіе московскаго посла съ Мариною. — Поведеніе Мнишковь. — Ихъ прибытіе въ Москву. — Польскіе послы. — Торжественное вѣнчаніе съ Мариной и свадебные пиры. — Предвѣстники грозы. — Народное раздраженіе противъ Поляковъ. — Вторичный заговоръ Шуйскаго. — Іезуиты. — Самоувѣренность и безпечность Самозванца. — Кровавая Московская заутреня. — Гибель Лжедмитрія. — Избѣженіе Поляковъ

35

III. Василій Шуйскій и Лжедмитрій II.

Водареніе Василя Шуйскаго и необычная его присяга. — Коронованіе. — Перенесеніе мощей царевича Дмитрія. — Плѣнные Поляки. — Возобновленіе смуты въ Сѣверинѣ. — Иванъ Болотниковъ. —

Московская крамола. — Пораженіе мятежниковъ подѣ Москвою и осада ихъ въ Калугѣ. — Илейко Муромецъ-Лжепетръ. — Тульская осада. — Сдача Болотникова и Лжепетра. — Вѣроятное происхождение второго Лжедмитрія. — Польская и казацкая ему помощь. — Рядъ самозванцевъ. — Тушинскіе таборы, Рожинскій и осада Москвы. — Мнишки въ рукахъ Тушинскаго вора. — Янъ Сапѣга. — Московскіе перелеты. — Поведеніе русскихъ измѣнниковъ или воровъ. — Посылка Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ. — Псковскій мятежъ. — Отпаденіе многихъ городовъ отъ Василія Шуйскаго

77

IV. Троицкая осада и Скопинъ Шуйскій.

Оборонительныя средства Лавры и начало осады. — Ночныя приступы. — Вылазки и уничтоженіе подкопа. — Недостатокъ топлива, тѣснота и болѣзни. — Дѣло Дѣвочкина. — Славные защитники. — Последніе приступы. — Шереметевъ и очищеніе средняго Поволожья. — Московскіе мятежники и патріархъ Гермогенъ. — Неудача Тушинцевъ. — Договоръ Скопина со Шведами. — Наемное войско. — Псковскіе мятежники. — Движеніе Скопина къ Москвѣ. — Бунтъ иноземцевъ. — Побѣда подѣ Колязинимъ. — Скопинъ въ Александровской Слободѣ. — Освобожденіе Лавры. — Колебаніи Сигизмунда III. — Его походъ и осада Смоленска. — Шенинъ и смоленская оборона. — Королевскіе послы въ Тушинѣ и бѣгство Самозванца въ Калугу. — Договоръ русскихъ измѣнниковъ съ королемъ. — Бѣгство Марины. — Отступленіе Сапѣги и Рожинскаго. — Торжество Михаила Скопина. — Его завистники и безвременная кончина

111

V. Московское разореніе.

Встрѣчное движеніе Дмитрія Шуйскаго и Жолкевскаго. — Клушинская битва. — Измѣна иноземцевъ. — Сдача воеводъ у Царева Займища. — Калужскій воръ снова подѣ Москвой. — Сверженіе Шуйскаго съ престола. — Временное боярское правительство. — Жолкевскій подѣ Москвой. — Присяга Владиславу. — Отступленіе вора. — снаряженіе великаго посольства. — Условія Владислава избранія. — Польскій гарнизонъ въ столицѣ. — Переговоры подѣ Смоленскомъ. — Боярскія челобитныя Льву Сапѣгѣ. — Смерть Калужскаго вора и ея слѣдствія. — Призывныя грамоты Гермогена и его неволя. — Взаимныя пересылки городовъ. — Земское ополченіе. — Сожженіе Москвы Поляками. — Ея осада ополченіемъ. — Новое появленіе Яна Сапѣги. — Паденіе Смоленска. — Кандидатура шведскаго принца и захватъ Новгорода Шведами. — Лжедмитрій Третій. — Ляпуновъ и Заруцкій. — Гибель Ляпунова. — Шиши. Лихолѣтье

162

VI. Освобожденіе Москвы и избраніе Михаила Романова.

Чудесныя видѣнія. — Троицкій архимандритъ Діонисій и его призывныя посланія. — Нижегородцы и Козьма Мининъ. — Воевода князь Пожарскій. — Сборъ второго ополченія. — Кончина Гермогена. — Оста-

новка ополченія въ Ярославѣ. — Переговоры съ Новгородомъ В. — Четыре правительства. — Конецъ Третьяго Лжедмитрія. — Интриги Заруцкаго и его бѣгство. — Походъ и прибытіе ополченія къ Москвѣ. — Бой съ Ходкевичемъ и казаки Трубецкаго. — Вліяніе Троицкой Лавры. — Ужасы голода среди осажденныхъ. — Сдача Китай-города и Кремля. — Сигизмундъ подъ Волокомъ Ламскимъ. — Созывъ Великой Земской Думы. — Кандидаты на престолъ, особенно князь Голицынъ. — Совокупность условій въ пользу Михаила Феодоровича Романова. — Тактика и переписка Ѳ. И. Шереметева. — Заявленія разныхъ сословій. — Избраніе Михаила. — Сусанинъ. — Посольство въ Кострому. — Сцены въ Ипатьевскомъ монастырѣ. — Согласіе старицы Мары и Михаила. — Медленное путешествіе ихъ въ столицу. — Священное коронованіе. — Ограниченія. 216

Общій взглядъ на Смутное время 259

Примѣчанія къ Смутному времени 273

Вопросъ о личности и руководителяхъ перваго Лжедмитрія.

Разногласіе источниковъ. — Извѣстіе Буссова. — Обзоръ разныхъ мнѣній въ русской литературѣ. — Вопросъ о тождествѣ Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ. — Костомаровъ и Бидинъ. — О. Притингъ. — Послѣдующія мнѣнія. — Сущность моихъ выводовъ. — Несостоятельность предположенія о подготовкѣ самозванца боярами. — Мои доводы противъ тождества съ Гр. Отрепьевымъ, въ пользу происхожденія Лжедмитрія изъ Западной Руси и его ранняго ополченія. — Маржеретъ противъ его подготовки іезуитами. — Свидѣтельства, подтверждающія польскую самозванческую интригу. — Извѣтъ Варлаама и неподлинность названнаго Дмитрія. 324

Поправка и замѣтки. 339

DK 111 .I4
Smutnoe vremia Moskovskago go
Stanford University Libraries

3 6105 041 467 650

DK
III
I4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 29 1972
JUN 1986

